

Эвелина Пиженко

Звезда по имени

ЛЮБОВЬ

Люба Пучкова — молодая, талантливая девушка, не хватавшая звёзд с неба, но совершенно неожиданно попавшая в популярный коллектив. Встретившись на своём пути с предательством, изменой, обманом, в то же самое время она проходит мимо настоящих ценностей и искренне любящих её людей. Как сложится её творческая и личная судьба, читатель узнает из этого романа, который является продолжением романов серии "Ты услышишь мой голос".

Глава 1.

— Внимание! — женщина лет сорока, с короткими, но пышно уложенными светлорусыми волосами, в джинсах и трикотажном тонком свитере ярко-красного цвета, несколько раз хлопнула поднятыми над головой руками, чтобы привлечь к себе внимание нескольких молодых людей, что-то оживлённо обсуждающих в небольшом холле второго этажа городского дома культуры, — Только что звонили из оргкомитета!

— И что?! — Галина Геннадьевна... Ну, что?! — три девушки и два юноши одновременно повернули к ней головы.

— Утвердили конкурсантов, — женщина обвела всех взглядом, — от нашей студии будет представлен один солист и дуэт.

— Ну, кто?! Ну, Галина Геннадьевна!.. — девчонки дружно запрыгали и захлопали в ладоши, — Ну, кто-о-о-о?..

— По результатам отборочного тура едут Анжела, — Галина Геннадьевна кивнула на высокую синеглазую девушку с длинными каштановыми волосами, распущенными по плечам и спине, затем перевела взгляд на стоявшего чуть поодаль темноволосого юношу с довольно смазливой внешностью, — и Даниил с Ильёй.

— И всё?! — светленькая, голубоглазая, довольно миловидная девушка, которую парень, на которого указала Галина Геннадьевна, держал за руку, растерянно захлопала длинными ресницами, — Всего троих?!

— Это не от меня зависит, Любаша, — женщина с сожалением развела руками, — так решило жюри.

— Класс! — Даниил от радости сделал несколько танцевальных движений, совершенно не обращая внимания на свою расстроенную подругу, — Сейчас Илюхе позвоню!

— Вау!.. — вскинув вверх обе руки, Анжела откинула назад голову и потрясла распущенными волосами, — Я е-е-е-ду-у-у-у!..

— Как же так?.. — Любаша переводила полный слёз взгляд с Даниила на Галину Геннадьевну, — Говорили, что поедут три солиста и дуэт!

— Видимо, переиграли, — та с сожалением посмотрела на девушку и в утешение положила ей руку на плечо, — не расстраивайся! В следующий раз всё получится, вот увидишь!

— Да когда он будет — следующий раз?! — Люба нервно всплеснула руками и выбежала из помещения.

Осенний, холодный дождь противно моросил на улице, но, несмотря на это, она встала на крыльце, не накидывая капюшон и лишь закрыв руками заплаканное лицо. Почти тут же открылась дверь, и Даниил вышел следом.

— Ну, что ты... — он обнял девушку за плечи, — Люба... Ну, не плачь!

— Даня! — она уткнулась ему в плечо, — Но это несправедливо! Ты же знаешь!..

— Ну, конечно, знаю, — в его голосе слышалась едва заметная снисходительность, — но ведь мы ничего не можем сделать, правда?

— Я ведь лучше Анжелки пела на отборочном... — она продолжала всхлипывать, — Данька... И в жюри были того же мнения, мне их парень сказал... ну, тот, который справа крайним сидел...

— Это Валерий Готовицкий, — кивнул парень, — я его знаю...

— Это я должна ехать, понимаешь?! — девушка подняла на него заплаканные глаза, — Я! Просто у Анжелки мама в управлении культуры... Понимаешь?!

— Понимаю... Но ты всё равно не плачь. В следующий раз...

— Следующий раз будет только через год, понимаешь?!. И сам конкурс будет уже в другой области!

— Люба, перестань, — теперь в тоне парня появились едва уловимые нотки раздражения, — ты только о себе сейчас думаешь, а за меня порадоваться тебе даже в голову не пришло!

— За тебя?! — она возмущённо отстранилась, — А ты что, поедешь?!

— Конечно! — он вытаращил на неё свои красивые карие глаза, — Это же шанс попасть на всероссийский конкурс! Такое бывает раз в жизни, чтобы именно в нашей области... ты сама только что сказала!

— И ты поедешь?! — девушка снова настойчиво повторила свой вопрос.

— Что за глупые вопросы? — он непонимающе пожал плечами, — Нас с Ильёй утвердило жюри.

— А я бы не поехала! Если бы тебя вот так, несправедливо... Я бы ни за что не поехала!..

— Люба, это провокационная тема. Давай, лучше, прекратим этот разговор.

— Ты — предатель!.. — она выкрикнула это ему в лицо, — Слышишь?! Ты — предатель!.. И я знаю, что вы с Ильёй прошли только благодаря Анжелкиной матери! Разве не так?!

— Ты чего кричишь, дура?! — оглянувшись по сторонам, парень не очень ласково схватил её за локоть, — Ты ещё на весь город крикни!

— А разве — нет?! Ты сам знаешь, что «Фонари» намного лучше поют, чем вы!

— Ах, вот как! — Даниил прищурился и подбоченился, — От тебя такого не ожидал...

— А я от тебя не ожидала! — не сдавалась девушка, — Ещё скажи, что я не права! Анжелка и сама пролезла, и тебя с Ильёй протащила... Я знаю, что она давно положила на тебя глаз!.. Я всё знаю!

— Что ты ещё знаешь?

— Ты — предатель!..

— А ты хотела, чтобы я отказался от такой возможности?! Ты хотела, чтобы я всю жизнь просидел здесь, довольствуясь уровнем художественной самодеятельности?!

— А я?.. — Люба приглушила голос, — Даня... А как же я?!

— Хорошо. Я тоже спрошу. А как же я? Ты даже не порадовалась моему успеху... Знаешь, кто ты? Ты — эгоистка!

— Я?! — от обиды девушка остолбенела, — Я — эгоистка?!

— Да, ты, — взгляд Даниила вдруг стал каким-то чужим и холодным, — и, я думаю, что лучше сказать всё именно сейчас. Тем более, что ты сама навязала мне этот разговор.

— Что — сказать?.. — от предчувствия чего-то страшного в груди похолодело, и девушка невольно сглотнула...

— Я хотел сказать чуть позже, но... в общем, между нами всё кончено. Думаю, что ты меня поймёшь.

— Пойму — что?.. — мысли о конкурсе мгновенно улетучились, уступая место тревоге в ожидании слов, которые он сейчас собирался ей сказать.

— Что я тебя не люблю.

— Подожди... Даня! Подожди!.. — видя, что он собирается немедленно уйти, девушка вцепилась в его руку, — Даня!.. ты пошутил... Да?! Скажи, что ты пошутил!

— Я не пошутил, — он снова слегка прищурил свои красивые карие глаза на смазливом лице, — Люба, нам нужно расстаться.

— Расстаться?! — она как будто не могла понять значения этих слов и пристально вглядывалась в его глаза, — После всего, что у нас было?..

— А что у нас было такого, после чего нельзя расстаться? — усмехнувшись уголком губ, он удивлённо приподнял чёрные, ровные брови.

— А разве... разве у нас ничего не было?.. Ты же говорил...

— Я что-нибудь обещал? — полуулыбка не сходила с его лица, — Я говорил... много чего говорил... но я ничего не обещал. Я ошибся. И не строй из себя жертву. Ты давно уже совершеннолетняя, так что...

— Ты не предатель... — не сводя с него полного боли взгляда, девушка медленно покачала головой, — Ты — урод...

— Я мог бы тебе ответить... — он снова чуть прищурился и слегка наклонил голову, — Но не буду. Спишем на твоё состояние...

— Урод... — всё ещё не веря услышанному, Люба попятилась назад и опустила ногу на нижнюю ступеньку, — Ты — урод...

— Дэн, тебя ждут! — в открывшуюся дверь выглянуло весёлое лицо Анжелы, — А вы что здесь, секретничаете?

— Урод... — при виде подруги боль только усилилась, и Люба, не сдержавшись, повторила обидное слово, — Вы оба — уроды!..

— Это она кому? — оскорбление несколько не испортило настроения, и Анжела всё так же весело смотрела вслед убегающей под холодным дождём Любаше.

— А во-о-о-н тем воробьям, — указывая рукой на стайку воробьёв, Даниил обаятельно рассмеялся, потом, потянув на себя дверь, шагнул в небольшой тамбур, — Ну, что, кто там нас ждёт?

— Галина... в кабинете худрука... — чуть отступив назад, Анжела остановилась и, заложив руки за спину, многозначительно посмотрела на парня, — Но не сейчас, а через десять минут...

— Всего десять минут?.. — его руки немедленно сомкнулись у неё на талии, — Это мало...

— На первый раз хватит, — девушка обняла его за плечи и сама потянулась к его губам.

— А когда будет второй? — после затяжного поцелуя он слегка ослабил хватку, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Когда захочешь... — теперь она обхватила его за шею и снова притянула к себе.

— Ого... — его рука скользнула с её талии вниз — ладонь сжала аппетитную часть тела, — Я уже захотел...

— Что ты себе позволяешь?! — она произнесла это игривым тоном, совершенно не собираясь высвободиться из его объятий.

— Прости... — Даниил изобразил смущение, — Ты такая... я не смог сдержаться... Я бы с удовольствием сейчас унёс тебя на край света...

— Только после собеседования в кабинете худрука... — она кокетливо закусилла нижнюю губу, — Не забывай, что сейчас будет решаться наша творческая судьба...

— А нетворческая?..

— А нетворческая... — Анжела притворно вздохнула, — А как же Любаша?..

— Никакой Любаша больше нет...

— Нет?..

— И не было...

В этом районе уже давно не ремонтировали дороги, и часто попадающиеся на пути выбоины были до краёв заполнены дождевой водой. Обычно Люба перешагивала эти дыры, но сейчас она их совершенно не замечала — слёзы застали глаза, но, даже если бы и не они, она всё равно не разбирала бы дороги. Обида, боль, отчаяние — всё схлестнулось в один большой комок, и этот комок давил изнутри, разрывая душу на тысячи лоскутков...

Даниил... Даня... что же он наделал?! Такого просто не могло быть!.. Она же так его любит!..

Любила...

Нет, любит. Любит давно... С того самого дня, как в первый раз увидела в их молодёжной студии при доме культуры, куда он пришёл около года назад. Даниил... В первый момент она не поняла, что удивило её больше — его ослепительная внешность или редкое в их небольшом городке имя.

«Какой красивый мальчик...»

Это были слова Галины Геннадьевны — руководителя студии, всю свою жизнь посвятившую работе с молодёжью.

Люба весь вечер не могла отвести от Даниила взгляда — его карие, в длинных ресницах, глаза смотрели из-под полуопущенных век завораживающе, а пухлые, чувственные губы вечно пребывали в лёгкой полуулыбке...

Петь Даниил почти не умел, но напрочь сразил своей внешностью и обходительными манерами и Галину Геннадьевну, и преподавателя по вокалу, которая тут же предложила ему дополнительные занятия — в отличие от других участников студии, молодой человек не имел никакого музыкального образования, и к пению ранее отношения не имел. Забота «вокалистки» принесла свои плоды — у парня оказался неплохой тенор, и уже спустя полгода было решено составить мужской дуэт с участием самого Даниила и другого «студиота», как их называл худрук дома культуры, Ильи.

На репетициях, при виде смазливового парня, млели все — и девчонки, и более взрослые дамы. Но двадцатилетний Даня ни на кого не обращал своего мужского внимания, и все решили, что у него уже есть подруга.

Этой весной, уходя на «летние каникулы», все участники студии собрались в кафе. Люба даже не ожидала, что Даниил пойдёт её провожать...

«Б...дун», — сказала её мать, Тамара Васильевна после первого знакомства с дочкиным женихом. Люба тогда даже поругалась с родительницей, защищая своего любимого парня.

Любаше было пятнадцать лет, когда она влюбилась в первый раз, но та любовь

продлилась недолго — после нескольких неумелых поцелуев влюблённые напрочь разругались, и с тех пор девушке никак не везло в сердечных делах — то ли оттого, что парни попадались «не те», то ли по причине её излишней, как говорили подружки, целомудренности... Так или иначе, она не раз убеждалась на своём примере, что слова матери о том, что «все мужики — кобели, и что им надо только одного», справедливы: практически все парни уже на втором свидании были не прочь затащить её в постель, и по этой причине ни с одним из них третьего свидания так и не состоялось. Секса ради любопытства Люба не признавала, а по любви не получалось ввиду отсутствия этой самой любви.

Даниил оказался исключением. Он не тянул Любашу в постель... Вернее, не тянул открыто. Поэтому, когда они, якобы случайно, оказались у неё дома одни, она даже не стала сопротивляться... Да и как можно сопротивляться, если он — вот такой... единственный на свете?! И она его любит... И он клянётся ей в любви!.. В её двадцать лет Даня стал её первым мужчиной...

Она навсегда запомнила его изумлённые глаза...

«Урод!..»

...Люба уже сворачивала к своему дому, когда вспомнила, что мать сегодня выходная, и при виде зарёванной дочери обязательно будет выпытывать причину слёз.

«Говорила же, что он — б...дун!»

Нет, сейчас нельзя домой... Мать не успокоится, пока не вытянет из неё все жилы. Свалить всё только на неудачу с конкурсом не получится — Тамара Васильевна слишком хорошо знает свою младшую дочь! Монотонный монолог длиной в целую вечность будет обеспечен — мать обязательно вспомнит и её самовольное решение окончить местный лесной колледж, после которого так и не удалось найти работу по специальности, и непослушание в ответ на материнские уговоры «бросить это пение, которое не приносит никакого дохода, а только забирает время», и её поступление на должность горничной в гостиницу, вопреки материнскому совету «пойти и выучиться на парикмахера... а что, всегда будешь с куском хлеба»... Про отношения с Даниилом лучше не говорить, но не получится... Мать сразу всё поймёт.

Нет... Домой нельзя...

Постояв несколько секунд, Люба резко развернулась и почти побежала в противоположную сторону. Вера, сестра, вот кто сейчас сможет хотя бы выслушать, не читая нотаций.

Она всегда была самой лучшей подругой...

Вера. Она, как никто другой, поддерживала Любашу, когда та в десять лет пошла учиться в музыкальную школу. Удивительно, но мать прислушалась к старшей тринадцатилетней дочери, и творческая судьба Любы была решена. Девочка замечательно пела... Класс скрипки и вокал — окончив «музыкалку», Любаша остановилась на пении... Она пела сольно и в составе школьного хора, с одинаковым удовольствием. Позже, повзрослев, пришла в молодёжную студию дома культуры, и вот уже три года считалась настоящей «звёздочкой», завоёвывая первые места на местных конкурсах вокалистов, участвуя в концертных программах и праздничных представлениях.

Люба вспомнила, как она радовалась, узнав, что в их области пройдёт ежегодный всероссийский конкурс молодых талантов! Она не сомневалась, что пройдёт первый отборочный тур и попадёт на второй — уже на областном уровне... А там, кто знает?..

Но ожиданиям не суждено было сбыться. Она уже несколько раз замечала, какие взгляды бросает эта змея Анжелка на её Даню... И, что страшнее всего, Даня тоже проявляет к ней довольно искренний интерес... Да, Люба давно это заметила. Ещё в сентябре, когда они вновь встретились в студии. Репетиции Даниила и Анжелы были в разное время... Но, придя в дом культуры, Люба застала там их обоих... Что-то невнятно объяснив, Даниил тут же сослался на необходимость появиться на работе и тут же умчался в свой магазин бытовой техники, где работал менеджером. Стараясь заглушить подозрения, Любаша в тот раз всё списала на случайность... и, как оказалось — зря.

Эта змея Анжелка давно положила глаз на Даниила... Вокальные данные у неё не ахти какие, но должность мамы, работающей начальником отдела в управлении культуры, открывала перед ней все двери... И не только перед ней.

Не устоял Даня... Купился на возможность пробиться на конкурс... Ну, конечно! Чем ещё могла взять его эта зараза?!

«Уроды...»

...Веру она заметила издалека, ещё подходя к дому сестры — та шла с противоположной стороны, буквально волоча за руку свою двухлетнюю дочь. Ускорив шаг, Люба встретилась с ними у подъезда.

— Чего ревёшь? — не глядя на сестру, Вера сдвинула брови и поджала красивые губы.

— Серёга дома? — вместо приветствия, та в очередной раз всхлипнула и вытерла мокрые глаза.

— Нет... — Вера медленно покачала головой, — Он тебе нужен?

— Я к тебе...

— Что случилось? — Вера впервые повернула голову в сторону сестры, — Чего ревёшь-то?

— Дома расскажу... Пойдём?..

— Ну, пойдём, — молодая женщина кивнула, затем, повернувшись, довольно грубо крикнула маленькой дочке, — Давай, вперёд!.. Домой идём, слышала?!

Опустив голову, девочка покорно засемила рядом.

Поднявшись на третий этаж, Вера открыла квартиру и, впусив дочь и сестру, захлопнула дверь.

— Ну, рассказывай, — устало опустившись на диван, она вытянула вперёд уставшие ноги.

Жаловаться Люба не умела, поэтому весь её горестный рассказ уложился в несколько предложений, перебиваемых всхлипами.

— Я знала, что он — козёл... — сразу уловив, что неучастие в конкурсе на фоне измены любимого парня лопаётся как мыльный пузырь, Вера потянулась за пачкой сигарет, — Только тебе не говорила.

— Почему?! Почему ты мне сразу не говорила?!

— А тебе бы это помогло? — усмехнувшись, Вера чиркнула зажигалкой, — Ты же как та кошка влюбилась... Хоть говори, хоть нет, всё бесполезно.

— Господи... как больно... — Люба снова зашлась в рыданиях, — Ты понимаешь?! Он сказал, что всё кончено... И всё из-за этой змеи... Это её мамаша протянула его с Ильёй на конкурс... Понимаешь?! Он променял меня на шанс поехать на конкурс!..

— Ну, и чёрт с ним... Сколько вы встречались? Полгода?

— Да...

— Плевать.

— Да как — плевать?! Как?!

— Ты с ним спала? — выпустив струйку дыма, Вера скосила глаза на сестру.

— Угу... — опустив голову, та судорожно вздохнула.

— Ну, слава богу... — усмехнулась Вера, — хоть и козлу досталась, но твоя невинность уже носила нездоровые признаки.

— Вера... не надо...

— Чего — не надо? — резко поднявшись, Вера повернулась к сестре, — Чего не надо?!

— Говорить так не надо... — Люба снова закрыла руками лицо, — Ка-ка-я-я-ду-ра...

— Дура будешь, если сейчас уйдёшь в себя... — Вера присела возле сестры и взяла её за руки, — Послушай меня, сестрёнка... послушай... Плюнь и разотри... Слышишь?! Все они — гады и козлы! Не этот, так другой... Ты хорошенькая... Талантливая... Не сиди в клетке, поняла?! Бери от жизни всё, что она даёт, поняла?! Живи в своё удовольствие, и пусть они рыдают, а не ты!.. Поняла?!

— Нет... — Люба качала головой, — Не поняла...

— А что тут понимать?! В постель, так в постель! Пусть их у тебя будет пять... десять... двадцать... да хоть сто!..

— Ты с ума сошла... — Люба подняла на сестру заплаканные глаза, — Я что, проститутка?

— А ты будь... не взаправду, конечно... А в душе — будь проституткой! Самой дорогой!.. И пусть они гремят кошельками, не продавай им себя дёшево!

— Ой... что ты говоришь... — девушка недоверчиво покосилась на Веру, — Я так не могу...

— А ты моги... А то будешь потом, как я, вымаливать любовь у мужа...

— Вер, ты что?.. — Люба нахмурилась, — Серёга тебя и так любит...

— Это ты так думаешь... Это наша мамочка так думает... Только никто из вас не знает, как мне живётся... — теперь Вера, усевшись на пол, закрыла лицо руками, — Вы ни-че-го не знаете...

— Что случилось?.. — Люба тоже сползла с дивана и села рядом, положив руку сестре на плечо, — Вер... Что?! Тебе Серёга изменяет?

— Не изменяет... — с сарказмом усмехнулась Вера, — Но я для него вообще не существую.

— Почему?.. Вы хорошо жили...

— Я тоже так думала. А оказалось...

— Что-то произошло?

— Да. Он где-то с год назад совсем ко мне охладел. Я всё думала, из-за того, что я с ребёнком много вожусь... Да, я, собственно, и не очень расстроилась тогда, мне, действительно, было не до него. После родов — пелёнки, кормления, гуляния... А потом... потом заметила, что его это очень устраивает. Но, вроде, он никуда не ходит, я и рада. Придёт с работы, поест, и — за компьютер. Мне бы сразу подумать, какой компьютер, если он на работе только и занимается компьютерами? А я внимания не обращала.

— А потом?..

— А потом я залезла в его ноутбук. Смотри...

Люба с удивлением и тревогой наблюдала, как старшая сестра включает ноутбук. Когда на мониторе появилась фотография молодой белокурой женщины, встала и подошла ближе.

— Кто это? — Люба с интересом рассматривала изображение кареглазой незнакомки с перекинутой через плечо длинной косой.

— Это его подруга детства. Когда мы познакомились, я не знала о ней, а он не рассказывал. Узнала случайно, от его сестры, но та сказала, что Сергей с ней просто дружил, и она давно уже замужем и сюда почти не приезжает.

— А где она живёт?

— В областном... — Вера назвала столицу их области, — Кстати, она — певица. Вот тебе пример, как нужно пробиваться. Уехала отсюда, удачно выскочила замуж за музыканта, муженёк её раскручивает...

— Подожди... — Люба ещё ближе придвинулась к монитору, — Это же... Это же Наталья Морозова! Я её ролики много раз видела, у нас девочка одна все её песни поёт. Так она, что, из нашего города?!

— Не только... Она — бывшая соседка и подруга Серёжи.

— Так они что, видятся? Или перезваниваются?

— Насколько я знаю, она про него и не вспоминает. Она же теперь знаменитость! Но он просто сошёл с ума... Понимаешь?! — Вера снова заплакала, — Он целыми ночами теперь сидит в интернете, смотрит её клипы, фотографии... У него крыша поехала на этой почве, понимаешь?! Думаешь, в честь кого он Наташку назвал?!

— Теперь я понимаю, почему ты её не любишь... — Люба не хотела говорить эти слова, но они вырвались совершенно неожиданно.

— Господи, как я могу не любить свою дочь?! — Вера подняла на неё полный отчаяния взгляд, — Но я теперь ненавижу это имя... Ненавижу, понимаешь?!

Как будто чувствуя вину перед ребёнком, она прошла в соседнюю комнату, где играла девочка и, взяв ту на руки, прижала к себе.

— Понимаю... — прошептала Люба, — Только... как же теперь?

— А теперь... теперь он сидит у компьютера, а я вою в подушку...

— А ты говорила с ним? Вер, может, всё наладится? Ведь она далеко, и вряд ли он ей нужен...

— Далеко, вот именно! Знаешь, где он сейчас?

— Где?

— На Рябиновой...

— У матери?

— Да как же, у матери... Он у них... Отец этой Наташки хочет продать дом... Говорят, она ему там квартиру купила, что ли... Так Шустов, когда узнал, чуть из окна не выпрыгнул от горя... Прикинь?! А сегодня те приехали — вещи собирать... Он и упорол прямо с работы туда... Мне позвонил, сказал, что к матери поехал... А я что, дура, не понимаю?

— Вер... так это хорошо, что дом продают. Значит, она сюда уже никогда не приедет.

— Я тоже так думала... А у него тоска началась. Как узнал, что дом продаётся, с лица сменился. Прямо как дурачок стал... Я с ним разговариваю, а он меня не слышит...

— Пройдёт, Вер... Вот увидишь, пройдёт. Забудется...

— Только этим и живу, сестрёнка, — Вера аккуратно уложила в кроватку уснувшую на её руках дочку, — Так что видишь, какие мы с тобой обе несчастливые...

— Слушай... — Люба ненадолго задумалась, как бы собираясь с мыслями, — А ты с свекровью не разговаривала? Она же травница... Может, какой настой ему сделает? Отворотный?

— Свекруха не сделает, — Вера покачала головой, — я уже просила. И ревела, и чуть не на коленях стояла... Говорит, кровным родственникам не делает ни отворотов, ни приворотов.

— А если не кровным?..

— Некровным делает... Но тоже не всем и не по всякому случаю. А что ты имела в виду?

— Да так... — Люба усмехнулась как бы про себя, — Пришла одна мыслишка в голову... Кстати, я бы посмотрела на Морозову вблизи... Когда ещё такой случай подвернётся? Они ещё не уехали?

— Нет ещё. Вроде, завтра вечером уезжают. А зачем она тебе?

— Мне не она нужна... Слушай, а что, если завтра к твоей свекрухе в гости нагрнуть? Заодно и на знаменитость посмотреть, если получится?

— Издеваешься?.. Глаза бы мои её не видели...

— Вер... Ну, ради меня!

Домой Люба шла уже успокоенная. Ничего!.. Вера права! Она возьмёт от жизни всё, что ей предназначено! А Даня... Он ещё пожалеет о том, что так поступил с ней... Нет, она не собирается ему мстить... Если и мстить, то этой змее Анжелке...

Она поступит по другому!.. Она сама добьётся успеха, она это чувствует! Пока она не знает — как... Но это обязательно случится! У неё всё получится... ведь получилось у этой Натальи Морозовой!.. Она тоже — простая девчонка... Люба даже не знала, что она родом из её города... У неё получилось, значит, получится и у Любы!..

Главное — верить...

А она верит.

Во завтра ещё поговорит с Вериней свекровью...

Та не откажет...

Глава 2.

Следующий день был субботним, на работе Любаша должна была появиться только во второй половине дня, и утром она, как и обещала, заехала за сестрой, чтобы вместе отправиться к её свекрови.

— Серёги опять нет? — по пути в гостиную, Люба заглянула на кухню в поисках мужа Веры, чтобы поздороваться, но его нигде не было видно.

— Как видишь, — хмыкнула Вера, одевая маленькую дочку на прогулку.

— И где он на этот раз?

— А где ему быть? Всё там же...

— А что он тебе говорит?

— Так и говорит... Поехал помогать дядь Валере... — с сарказмом ответила Вера, потом, взглянув внимательно на сестру, с удовлетворением спросила, — А ты, я вижу, успокоилась?

— Да так... — Люба неопределённо пожала плечами, — Сегодня уже полегче.

— Ещё будет тяжело... — Вера негромко вздохнула и, застегнув на девочке тёплый комбинезон, вышла в прихожую, — Сначала кажется, что прошло, а потом снова накатит, особенно, когда увидишь его...

— Я его больше не увижу.

— А в вашей студии? Всё равно пересечётесь.

— Я больше туда не буду ходить, — опершись о дверной наличник, Люба наблюдала,

как сестра расчёсывает перед зеркалом свои пушистые светло-русые волосы.

— А петь? — обернувшись, Вера с удивлением посмотрела на неё, — Тоже не будешь?

— Буду, — уверенно кивнула Люба, — и ещё как буду!

— Мама, пить!.. — маленькая Наташа, запрокинув голову, подняла на мать свои голубые глазищи.

— Ну, вот... — Вера в сердцах бросила расчёску и, громко топая, прошла на кухню и открыла кран, — Начинается! Пока была раздетая, ничего не нужно было... Как только мне собираться — то пить, то на горшок!..

— Не хочу на голсок... хочу пи-и-и-ить...

— На, пей!.. — Вера раздражённо поднесла чашку с водой к губам дочери, — Папаша избаловал...

— Да ладно тебе, — Люба, улыбаясь, смотрела на племянницу, — она у вас золотой ребёнок. Ты избалованных ещё не видела.

— А ты видела? — обернувшись, Вера всё же рассмеялась.

— Конечно. В гостинице, на работе насмотрелась. Такие иногда заезжают с родителями, что туши свет!

— Господи... — Вера покачала головой, — И как ты там работаешь?!

— Нормально, — Люба снова пожалала плечами, — мне нравится.

— Нравится... — усмехнулась Вера, — Это чужие постели перебирать нравится?

Пылесосить, мыть, окурки убирать...

— Ну, и что. Зато иногда такие личности приезжают...

— Какие — такие?

— Знаменитые.

— Это в нашу дыру-то? — Вера недоверчиво посмотрела на сестру, — Знаменитые?

— Конечно. Артисты, спортсмены...

— Точно. Я и забыла, что они в вашей гостинице обычно останавливаются. Но, всё равно... — застегнув сапог, Вера разогнулась и повернулась к Любаше, — Люба, это не работа. Тут я с матерью согласна, хочешь, обижайся, хочешь нет. Ты совсем молодая девчонка, талантливая, тебе нужно свою судьбу устраивать, а не презервативы после знаменитостей по углам собирать.

— Вот я и буду устраивать свою судьбу, — загадочно улыбнувшись, Люба взялась за ручку двери, — прямо с сегодняшнего дня буду!

Визит к Вериной свекрови оказался для самой хозяйки неожиданным, но радостным.

— Оо-о-ой, кто к бабушке пришё-о-о-ол!.. — Ольга, женщина лет пятидесяти, с широким, добродушным лицом в обрамлении светлых завитушек, распахнула полные руки навстречу внучке, — Да вы ж мои золотые!.. А Серёжка и не сказал, что вы придёте... Вот паразит, ну, я ему дам!..

— Здравсьте... — Люба поздоровалась вслед за сестрой.

— Здравствуйте-здравствуйте! — женщина гостеприимно кивала гостьям, — Ну, проходите, мои золотые!

Люба во второй раз в жизни оказалась в доме свекрови сестры. В первый раз это было чуть более трёх лет назад, перед свадьбой Веры и Сергея. Тогда они вместе с матерью и отцом приезжали к будущей свахе договариваться о торжестве, и Любаше сразу понравилась эта полноватая, весёлая, добродушная женщина. В отличие от её собственной матери,

Тамары Васильевны, будущая Верина свекровь обладала покладистым характером, и даже после свадьбы предпочитала не лезть в дела молодых, прощая невестке все её возможные недостатки.

Ольга всю жизнь одна воспитывала двоих детей — супруг покинул их, когда младшему Серёжке исполнился годик, и с тех пор о нём не было ни слуху, ни духу. Но, несмотря на этот прискорбный факт, женщина не утратила ни чувства юмора, ни уважения к другим мужчинам — расходного выражения, что все мужики сволочи, от неё не слышал ни один человек на свете. Она так и прожила всю жизнь одна, посвятив себя детям и своему ремеслу — Ольга была известная на всю область травница. Работая оператором в почтовом отделении, она весной и осенью в свободное время пропадала в лесу. Частный сектор, в котором стоял их дом, был расположен на окраине города, рядом с лесом, и в выходные, уходя на рассвете, Ольга часто возвращалась только к обеду, а то и позже, собирая душистые травы и соцветия, выискивая редкие растения и корни. Это ремесло ей передала её мать, давно покинувшая этот мир. Калитка в их доме никогда не запиралась изнутри — люди шли и утром, и в обед, и поздно вечером, когда кого прихватывала болезнь.

Её ремесло нельзя было назвать колдовством — травы и настои из них были лечебными, и не одну жизнь спасла Ольга на своём веку, не один младенец появился на свет благодаря её отварам, которые пили бесплодные женщины... На просьбы «присушить» мужа или любовника она лишь посмеивалась в ответ, стараясь всё обратить в шутку, или предлагала витаминный сбор — для укрепления здоровья... но за её спиной люди поговаривали, что иногда она всё же делает привороты, под огромным секретом.

...Ещё тогда, три года назад, впервые оказавшись в доме Сергея, Люба с интересом оглядывалась в поисках связок трав — именно так представлялось ей жилище знаменитой травницы... Но дом изнутри оказался самым обыкновенным — обставленным не самой модной, но вполне приличной мебелью, с плазменным телевизором, торшером и репродукциями на стенах, а комната самого Серёжки отвечала всем требованиям молодого программиста — несколько компьютеров, ноутбук, горы дисков, наушников и прочей гарнитуры.

Очень похожий на мать, с таким же широким, добродушным лицом и светлыми, волнистыми волосами, Сергей, казалось, тогда был искренне влюблён в Веру, и с удовольствием рассказывал её сестре о своём увлечении, ставшем, в конце концов, профессией — после армии, окончив курсы программистов, он устроился на работу в неплохую фирму, и собирался поступать в вуз, на заочное отделение.

У них, действительно, была любовь — Любаша видела это своими глазами! Она помнила, как светилась счастьем Вера, как улыбался ей Сергей. И даже их мать, Тамара Васильевна, по привычке, не нашла у будущего зятя кучи недостатков — существующих на самом деле, или выдуманных ею самой. «Тюфяк», — единственный эпитет, который она посвятила Серёге, был произнесён, скорее, одобрительно, и выглядел высшей похвалой, вырвавшейся из её уст.

Теперь, по словам Веры, всё было совсем не так... Сергей по какой-то, известной лишь одному ему причине, ушёл в себя... Он по прежнему обожал свою двухлетнюю дочку, но совершенно забыл о жене, ночи напролёт любясь на фото и видео своей бывшей одноклассницы и подруги детства. Вера не стала бы преувеличивать — Любаша знала это наверняка. Воспитанная деспотичной матерью, сестра закалилась под её постоянными упрёками и наставлениями. Вера и сама во многом была похожа на Тамару Васильевну,

привыкшую одерживать верх во всех жизненных поединках. Это Любаша более мягкая — вся в своего «придурка папашу», как любила говорить Тамара, читая младшей дочери нравоучения по любому поводу. Да, Люба характером больше пошла в отца — тихий, незлобивый, затурканный женой, он уже к сорока годам превратился в настоящего алкоголика, находящего единственное утешение в постоянной нетрезвости. Но, несмотря на это, отец считался неплохим семьянином и работником — ни одного прогула за всю трудовую жизнь, ни одного семейного скандала по его инициативе. Пил он в одиночку, дома, украдкой от жены — так ему казалось... Уставшая бороться с его пристрастием, Тамара Васильевна в последние годы плюнула на свою единственную неразрешимую проблему и «отпустила» мужа в свободное «алкогольное плавание», чтобы не «гробить последние нервы». Тем более, что зарплату он приносил, а значки формировались сплошь из «калымов», которыми изобиловала его профессия сантехника.

Вера не раз предлагала матери поговорить со свекровью — может, та своими травмами помогла бы отцу побороть пьянство, но Тамара неизменно отмахивалась и говорила, что «горбатого могила исправит», в душе не веря в чудодейственную силу свахиного ремесла. Да и сама сваха утверждала, что на первом месте должно быть желание отца бросить пить. Без этого, говорила Ольга, никакое лекарство не поможет. Ну, разве, вывернет наизнанку, вот и всё...

Вот и родному сыну она не может помочь... Не может, или — не хочет?..

— Девчата, посидите в комнате, а я сейчас, со Светой поговорю и приду, — расцеловавшись с внучкой, Ольга приветливо кивнула снохе и Любаше и снова повернулась к невысокого роста женщине, судя по всему, своей ровеснице, стоявшей тут же, в прихожей — видимо, она вошла в дом незадолго до их появления и беседовала с хозяйкой у порога.

Не в пример Ольге, женщина была довольно стройного для её лет телосложения, со стильно уложенными волосами, одетая в дорогое пальто и модельные сапожки на высоком каблуке.

— Видала? — войдя с Любой в гостиную, шепнула Вера, кивая на дверь.

— А кто это? — так же шёпотом спросила Люба.

— Это — т ё т я Света, — с привычным уже сарказмом, делая ударения на имена, ответила Вера, — жена д я д и Валеры...

— Это — мать Морозовой?!

— Мачеха.

— Мачеха?!

— Да... — прислушавшись к тому, что происходит в прихожей, Вера снова подняла на сестру глаза, — Мать умерла, уже давно. А это — мачеха.

— Ну, вот и я! — проводив гостью, Ольга радостно появилась на пороге комнаты, — Света приходила, они уже после обеда уезжают, я ей травку кое-какую дала, для Валеры.

— Думаете, ему ваша травка поможет? — Вера насмешливо посмотрела на свекровь, — Это после операции на сердце?

— А как же! — та удивлённо развела руками, — Ему когда ещё операцию сделали, и, слава Богу, всё хорошо, тьфу-тьфу... Пьёт мои отвары, как миленький! Я и Свете приготовила, — она перевела взгляд на Любашу, — это соседи наши, живут через три дома. Уезжают, насовсем...

— А куда? — скорее машинально переспросила Люба.

— В областную столицу, — засмеялась Ольга, — дочки у них там живут, и Светина, и

Валерина, внуки... Вот и решили перебраться поближе к детям.

— А дом? — Вера исподлобья бросила взгляд на свекровь, — Продали?

— Нет, — та покачала головой, — сейчас конец ноября, цены упали. Дома по весне продавать надо. Весной и выставят на продажу.

— Охота им на старости лет...

— А что им тут делать? Дочери там, внуки там... Валера всё равно по болезни не может работать, его здесь ничего не держит, а Света работу уже нашла. Правильно делают, — несмотря на свои слова, женщина с грустью вздохнула, — жаль, что уезжают, конечно... Мы же как родные были, и с Надей, первой женой Валерки, и со Светой — потом, когда Надюшка погибла...

— А дети у вас так вообще... — не удержавшись от реплики, Вера отвернулась к окну — Любе показалось, что она сделала это лишь для того, чтобы спрятать навернувшиеся слёзы.

— А что — дети? — Ольга как будто не догадывалась, на какую большую мозоль наступила своей невестке, — Дети наши дружили, и Наташа, и Серёжка, и Вика, все дружили, с самого детства.

— Особенно Серёжка с Наташей, — Вера, наконец, повернулась к свекрови, — вы так говорите, будто хотите мне побольнее сделать!

— Да Господь с тобой, Верочка!.. — та испуганно махнула ладонью, — Что ты!.. Мы же просто разговариваем, что я такого сказала? Дружили, и всё, школу окончили и разлетелись в разные стороны...

— Ладно... — пересилив себя, Вера заговорила более спокойно, — Извините меня, Ольга Павловна, я не хотела вас обидеть...

— Да я не обиделась! — подхватив на руки внучку, Ольга постаралась улыбнуться, — Я к чему говорю... Вот, даже не молодые, и то уезжают, а вам — и карты в руки! Чего сидеть в нашей деревне?! Тоже бы выбирались отсюда с Серёжкой!

— Да что мы там забыли, — Вера угрюмо уставилась на свои носки, — пусть едут, кто хочет, а нам и тут хорошо.

— Ну, не знаю... — Ольга пожала плечами, — Глянь на Свету... ты же видела её раньше?

— Видела, конечно, — уже совсем миролюбиво ответила Вера.

— А сейчас — видела?! Как королева! И причёсочка, и одежда, а ногти-то... С таким маникюром точно картошку не будет сажать.

— А мы что, без маникюра?.. — усмехнулась невестка, — И мы можем и причёсочку, и шубку... Были бы деньги.

— А я про что?! Там-то город какой огромный! Сколько работы! У Светы Алинка сразу почти замуж вышла, так муж знаешь, сколько зарабатывает?! Зарплата такая, что нам за полгода не собрать, во какие там заработки! И Серёжка бы устроился, и ты...

— А чего ты, Вер, — Люба, молчавшая всё это время, решила подать голос, — и правда, ехали бы в область. Здесь квартиру снимаете, там тоже будете снимать, какая разница? Зато там столько возможностей!

— Это тебе возможности нужны, — Вера искоса посмотрела на сестру, — а нам и так слишком хорошо... А вот ты — езжай. Пробивайся на большую сцену. Может, и тебе повезёт, как... как другим...

— Посмотрим, — Люба загадочно улыбнулась.

— Чего смотреть-то? Знаешь, как другие в шоу-бизнес попадают? С одним переспала, с

другим, с третьим... — Вера говорила это нарочно, с долей неприкрытого ехидства, явно на кого-то намекая, — Глядишь, и замелькаешь... Как Серёжина соседка.

— Это ты про Наташу-то? — Ольга удивлённо посмотрела на невестку, — Да она не из таких, уж я-то знаю.

— Не из таких, а вон, какая звезда! — усмехнувшись, Вера чуть прищурила красивые серые глаза, — Думаете, за счёт таланта?

— А как же! — Ольга охотно кивнула, — Она ещё в школе себя показала, у неё знаешь, сколько грамот всяких и призов! Она где только не пела! Голос редкой красоты!

— Да не бывает так, Ольга Павловна, — Вера нервно махнула рукой, — сейчас не то время, чтобы за счёт таланта пробиваться. Значит, кто-то помог.

— Ну, так Дима и помог, — свекровь пожала плечами, — муж. Он сам музыкант, в какой-то группе поёт. Света говорит, что у них там, в городе, своя собственная студия есть. Они и на гастроли ездят, и так выступают, их знаешь, как часто приглашают на праздники!.. Света говорит, только успевают уезжать и приезжать.

— А как же дети?.. — Вера недоверчиво хмыкнула, — Тут с одним ребёнком времени нет, чтобы за собой смотреть, а уж если ещё и по гастролям ездить...

— Дети с родителями, — Ольга охотно кивнула, — сейчас, говорят, няню берут... А дома, говорят, домработница теперь есть...

— Ну, так и мы бы смогли, — Вера резко поднялась с кресла и подошла к окну, — если и няня, и домработница... Только нам так не жить.

— А вам и не надо, — Ольга тоже поднялась и, держа за руку внучку, направилась в кухню, — вы же не артисты.

— Вот именно... — проводив взглядом свекровь, Вера подошла к стоящему в углу трельяжу. Поправив причёску, одёрнула приталенную блузку и повернулась боком, — Где уж нам...

— Вер... — Люба шёпотом позвала сестру, — Ну, что, мы пойдём к ним?.. Давай, как будто Серёгу домой звать... А?

— Да зачем тебе?! — так же шёпотом, но в сердцах, спросила Вера, — Ты что, на эту обезьяну в ютубе не насмотрелась?!

— Ну, Вер...

— Не пойду, — сестра сердито покачала головой, — прости, Любаша, но я не пойду.

Обиженно нахмутив брови, Люба закинула ногу на ногу. Единственное, что отвлекало её сейчас от личной драмы, это план, который она хотела воплотить в жизнь... Одним из пунктов этого плана было личное свидание с Морозовой. Она сама не знала, зачем ей это нужно — понятное дело, что никаких разговоров на тему «я тоже умею петь», заводить было нельзя, но она чувствовала, что ей нужно увидеть живую «звезду»... Может, даже прикоснуться — случайно или нарочно, пожав руку на прощание, например... Она просто знала, что это ей нужно.

— Ой, какая же я растяпа!.. — как будто прочитав её мысли, Ольга вышла из кухни с каким-то свёртком в руках, — Свете-то я травку и не отдала, забыла! Валерину отдала, а Светину... И они уже не придут — ключи мне принесли, мы и попрощались... Вот я растяпа!.. Придётся Серёжке звонить, чтобы прибежал.

— Давайте, я отнесу, — Люба вскочила и решительно протянула руку, — давайте!..

— Ой, Любушка, моя ты золотая... — Ольга охотно отдала свёрток, — сбегай, отнеси, а я пока на стол накрою, у меня сегодня вареники и с творогом, и с картошкой, и с капустой!..

Хотела Свету с Валерой угостить, да они сказали, что уже позавтракали, а с собой брать отказались...

...Вблизи «звезда» оказалась обыкновенной девушкой — назвать её женщиной, даже молодой, у Любы не хватило бы духу — та, действительно, выглядела очень юно для своих лет. Судя по тому, что Наталья была одноклассницей Сергея, ей было двадцать три или двадцать четыре года, но открытое, какое-то детское выражение лица делало её совсем молоденькой. Вопреки представлениям Любаши о повседневной жизни «звёзд», Наталья была без макияжа, одетая в простую курточку и с повязанным на голове цветастым платком.

Видимо, девушка одевалась наспех — Люба застала её во дворе, когда подходила к дому Валерия и Светланы. Запрокинув голову, Наталья смотрела из-под руки на верх стены большого деревянного, крашеного светло-зелёной краской, дома. Там, у самой крыши, стоя на лестнице, молодой мужчина снимал спутниковую антенну, прикреплённую к стене.

— Дима, осторожнее!.. — девушка с тревогой смотрела за его манипуляциями.

— Да не бойся, не упадёт! — выйдя из дома, другой мужчина, постарше, судя по всему, отец, весело присоединился к дочери, — Лестница крепкая, сам делал!

Люба узнала его — это и был Валерий... Она видела его на свадьбе Веры и Сергея и качестве гостя.

— Пап, я не про лестницу, — Наталья укоризненно посмотрела на отца, — я про руки. Ему нельзя травмировать руки.

— Да всё уже, — подал голос парень, держа в вытянутой руке «тарелку», — снял. Зря вы, Валерий Фёдорович, тарелку забираете. Пусть бы тут висела, а дома сейчас телевизор и не нужен. Включили компьютер — и все новости у вас перед глазами, какие хотите!

— Это для вас компьютер... А нам главное — телевизор, — Валерий добродушно усмехнулся, — и чтобы диван и пульт в руке!

— Дим, лучше не спорь, — рассмеявшись, девушка махнула рукой, — папа сказал, тарелку в машину, значит, тарелку — в машину! И хорошо, что до отъезда про неё вспомнили, а то пришлось бы возвращаться.

— Здравствуйте! — немного замешкавшись, пока хозяева переговаривались между собой, Люба, наконец, решила поздороваться, — А мне бы Светлану Петровну...

— Здравсьте, — Валерий удивлённо посмотрел на стоящую за калиткой гостью, — сейчас позову...

— Ой... — взглянув на парня, Люба не удержалась от возгласа, — Ой...

— Что-то случилось? — тот обаятельно улыбнулся.

— Нет... То есть... нет... — не сводя с него взгляда, девушка сделала несколько шагов ему навстречу, — Просто... Я вас узнала! «Ночной патруль»!

— Ну, да, — весело кивнул парень, — «Ночной патруль».

— Ну, вот, — развела руками Наталья, — а ты говорил, что в моём городе тебя не знают! А получается наоборот!

— Знают!.. — Люба переводила изумлённый взгляд с неё на Дмитрия, — И вас знают... И вас знают... Только я не знала, что вы вместе...

— Значит, в «патруле» я фигура совершенно незаметная! — снова рассмеялась Наталья.

— А вы что, и в «патруле» поёте?..

— И в «патруле», и сольно... Вот такие мы, — радостно разведя руками, Морозова обернулась к дому — Светлана, Валерий и Сергей вышли на крыльцо.

— Тётя Оля вам траву забыла отдать, — увидев Светлану, Люба поспешила ей

навстречу, — вот, возьмите!

— Ой, спасибо! — всплеснув руками, та сошла с крыльца, — Ещё десять минут, и нас бы тут не было...

— Привет... — Сергей удивлённо смотрел на Верину сестру, — А ты как здесь оказалась?

— Мы с Верой и Наташкой у твоей мамы в гостях.

— У мамы?!

— Ну, да...

— Это Люба, — посмотрев на Наташу, парень решил представить свою родственницу, — сестра Веры, моей жены.

— Очень приятно, — та улыбнулась так просто, как будто уже была давней знакомой, — я — Наташа, а это — Дима.

— Я знаю... — Любаша до сих пор изумлённо, во все глаза, смотрела на знаменитых, в её представлении, артистов.

— А почему ты не позвал Веру? — Наталья возмущённо посмотрела на Сергея, — Мы пробыли здесь два дня, а ты даже нас с ней не познакомил!

— Так получилось, — тот смущённо развёл руками, — вот приедете на встречу выпускников, обязательно познакомлю.

Глядя на красивую, кареглазую блондинку и высокого, с правильными чертами лица и длинными, до плеч, тёмно-русыми волосами, молодого мужчину, Люба никак не могла поверить, что вживую видит тех, чьи песни слушает добрая половина молодёжи их городка, чьи песни поют участники их студии... Она вдруг представила, как завтра будет рассказывать всем о том, что познакомилась с певицей Натальей Морозовой и вокалистом Димой из рок-группы «Ночной патруль»...

Хотя... нет. Она уже никому об этом не расскажет... Ну, разве своим «тёткам» на работе... А в студии... В студии она больше не появится, это решено.

У неё другое будущее.

Теперь она в этом уверена.

Она так в этом уверена, что не будет просить помощи у Ольги Павловны. Во всяком случае, пока не будет. У неё хватит своих сил. Она это знает.

А Даня... Он ещё пожалеет...

— Ну, что, увидела? — Вера встретила её вопросом, когда, попрощавшись и проводив Наталью с мужем и родителями, Люба вместе с Сергеем вернулись в дом его матери.

— Увидела, — кивнула Люба.

— Ну, и как?.. — Вера пристально посмотрела на мужа, так, что было непонятно, кому адресован её вопрос.

— Что?.. — он поднял на неё свои голубые глаза.

— Как жить-то теперь будешь? — она не удержалась, чтобы не съязвить, — Любимая-то уехала...

— Пойдём домой?.. — как будто не обратив внимания на колкость жены, Сергей присел возле дочки и улыбнулся, — Наташка, пойдём?..

— Дём!.. — радостно кивнув, та потянулась ручонками к шее отца, — Дём, папа!..

— Когда ты научишься говорить?! — Вера раздражённо одёрнула дочь, — Не «дём», а «идём»!

— И-дём... — покорно повторила девочка, прильнув к отцу.

— Такая большая, а никак не научишься! — не успокаивалась Вера, снимая с вешалки детский комбинезон.

— Ты тоже большая, — Сергей негромко обратился к жене, — и тоже никак не научишься.

— Чего?! — та возмущённо застыла перед ним, — Чего я никак не научусь?!

— Называть свою дочь по имени. Она только и слышит «ты»...

— А это ты виноват. Не нужно было её так называть!

— Вера... — он произнёс это ещё тише, — Давай, мы дома доругаемся, хорошо?

— А ты что, вспомнил, что у тебя есть дом?!

— Я и не забывал.

— Господи... — не обращая внимания на свекровь, которая молча наблюдала всю эту сцену, Вера в сердцах бросила в угол детские сапожки, которые только что хотела надеть на ножки дочери, — Как же я жалею, что вышла за тебя замуж!..

— Знаешь... — он немного помолчал, как будто собираясь с мыслями, — Я бы, тоже, наверное, жалел... Но не могу этого сделать...

— Интересно, почему? — усмехнувшись уголком губ, Вера нехотя подняла сапожки.

— Потому, что, если бы я не женился на тебе, у меня бы не было Наташки...

Глава 3.

Вера оказалась права. Тоска, отошедшая, было, на второй план, навалилась с новой силой уже на следующий день. Не хотелось есть, и Люба всю первую половину дня просидела на крепком кофе, пользуясь тем, что матери не было дома и некому было приставать с расспросами. Мысли о Данииле беспощадно заполнили мозг, и казалось, что им тесно в черепной коробке — они шевелились, ворочались, пытались устроиться поудобнее, причиняя этим жуткую физическую боль... У Любы даже не было сил отгонять их, и она обречённо смотрела куда-то впереди себя, хмуря лоб и сжимая красивые, полные губы. Слёз теперь не было, и ей казалось, что, если бы она могла выплакаться, то ей стало бы намного легче.

Она даже забыла о предстоящем конкурсе, на который она не попадала из-за жуткой несправедливости членов жюри.

Даниил... Даня... Первая, по-настоящему сильная любовь, пришедшая так поздно, завершилась трагично, оставив на сердце открытую рану, и кто знает, зарастёт ли когда-нибудь этот кровоточащий порез...

— Ну, как ты? — низкий голос Веры в телефоне немного встряхнул её сознание.

— Плохо. Ужасно хочу его видеть...

— Не истязай себя. Он не стоит твоих слёз.

— Я знаю... Ничего не могу с собой сделать. Люблю...

— Убей... — Вера немного помолчала, потом выдохнула, — Убей её!

— Кого?.. — Люба застыла от неожиданных слов сестры, — Кого убить?!

— Любовь. Убей её... Чтобы и следа не осталось! — в голосе Веры послышались истеричные нотки, — И никогда... Слышишь?.. Никогда никого не люби!..

— Ты что, плачешь?.. — услышав в трубке всхлипы, Люба тревожно нахмурилась, — Вер?..

— Всё уже, прошло, — Вера шмыгнула носом, — Нормально...

— С Серёгой не помирились?

— Помирились...

— А чего тогда плачешь?

— Да потому, что козёл он. Всё равно козёл.

— Ну, чего ты, Вер? Помирились же.

— Ты думаешь, надолго?! — Вера снова повысила голос, — Я уже ничему не верю, Любаша! Не верю, и всё!..

— Вер, успокойся... — Люба постаралась говорить как можно мягче, — Всё наладится, вот увидишь. Пройдёт! Тем более, что Морозова уехала, и больше не приедет.

— Ну, и что, что уехала?! Люба, ну, и что?! Есть телефоны, есть интернет, включит и будет опять таращиться! У него работа такая, целый день можно в интернете сидеть, да он так и будет делать, я не сомневаюсь! Я и знать не буду!

— Мне кажется, ты себя накручиваешь.

— А как не накручивать, Люба?! Если я каждую секунду думаю, что он снова на неё любит! Я ему так и сказала утром, я ему всё высказала!..

— Так вы же помирились...

— Ну, и что?! А веры-то нет!..

— Ну, он же не изменяет...

— Да лучше бы изменял! — Вера снова расплакалась, теперь уже не скрывая этого от сестры, — Лучше бы изменил и пришёл, виноватый... А так — ни с ней, ни со мной... И вроде не виноват ни в чём...

— Не надо, чтобы изменял, — Люба угрюмо разглядывала рисунок на линолеуме, — ты не представляешь, как это тяжело. Даня мне изменил... это очень тяжело...

— Да и плевать на твоего Даню!.. Любаша, плевать!.. И хорошо, что изменил, поверь! Пусть лучше сейчас всё встанет на свои места, пока вы никто друг другу, поверь! Обожглась один раз, зато теперь будешь умнее, не будешь позволять себе влюбляться! Слышишь?! — Вера почти перешла на крик, — Любаша, слышишь?! Никогда не позволяй себе любить! Любви не бывает, запомни это, сестрёнка!.. не бывает! Вот карьеру сделать — это да!.. Это на всю жизнь! А любовь... Любовь — это на минуту... на секунду!.. Ты выходишь замуж и думаешь, что это счастье — навсегда!.. А это — всего на один миг! Понимаешь?! На один единственный миг!.. он промелькнул, и — всё! И ты лежишь в постели, одна... Ты даже мужика себе не можешь завести, потому, что у тебя, вроде, есть муж... который сидит в соседней комнате и пол ночи таращится на какую-то сучку... А ты ревёшь и ревёшь в подушку, потому, что понимаешь, что ты бессильна... во всём — бессильна... Потому, что у тебя ребёнок, работа, домашние обязанности, что ты не можешь каждый день делать стильную причёску, и что ты не такая яркая и ослепительная, и, что даже, если ты наденешь самое шикарное платье и сделаешь самый гламурный макияж, он всё равно не обратит на это внимания!.. потому, что будет тупо смотреть на неё в монитор!.. и, что этот кошмар будет продолжаться, пока она жива!..

— Вер... — ошеломлённая истеричным монологом сестры, Люба, наконец, решилась позвать ту шёпотом, — Вер... Ты что?!

— Ничего... — та приглушила голос, — Плюнь, Люба... А, ещё лучше, отомсти... Наизнанку вывернись, но отомсти!..

— Как?..

— Добейся своего... Слышишь?.. Он тебя променял?.. Променял! Променял на какую-то сучку, которая и мизинца твоего не стоит! А ты поднимись над ними обоими! У тебя все данные есть... Слышишь, Люба?! Я не могу, у меня нет такого таланта, а ты — можешь!

Слышишь, Люба?! Забудь всё — честь, честность, достоинство... всё это хорошо для тех, у кого есть надёжный тыл. Они могут себе позволить быть честными и порядочными... красивыми... яркими... — Вера говорила с нескрываемой обидой, так, как будто имела в виду конкретного человека, известного ей одной, — А мы себе такого позволить не можем... и поэтому о нас всегда будут вытирать ноги! Не позволяй сделать это с собой, слышишь?! Не повторяй мою судьбу! Поняла?!

— Поняла...

Затяжная осень, к которой все уже как-то привыкли, закончилась неожиданно: буквально за пару дней земля покрылась пушистым белым ковром, который, вопреки утверждениям, что первый снег, как первая любовь, быстро сходит на нет, так и не растаял, а, напротив, за прошедшую ночь стал ещё толще и пушистее.

Супермаркет, куда по дороге на работу забежала Люба, находился напротив её гостиницы. Пополнив счёт телефона, она уже собиралась толкнуть тяжёлую стеклянную входную дверь, когда, взглянув сквозь неё на улицу, невольно вздрогнула: на крыльце гостиницы, видимо, только что выйдя оттуда, стояли Даниил и Анжелка. Глядя друг другу в глаза, они обнимались и что-то весело обсуждали. Почувствовав, как непрошенная, мелкая дрожь охватывает всё тело, Люба застыла на месте.

Половина восьмого утра... Даниил и Анжела провели ночь в номере гостиницы — других вариантов, объясняющих их присутствие здесь, не было. Сам Даниил жил вместе с родителями и двумя младшими сёстрами в двухкомнатной квартире, и Люба помнила, как он не раз сетовал на то, что им негде провести ночь «на всю катушку»... он именно так и говорил — «на всю катушку»... Сейчас она понимала, что для него это значило одно: секс... Но тогда ей казалось, что он, и в самом деле, любит её, и только поэтому стремится к уединению. Встретаться у неё было тоже проблематично, и Даня не раз предлагал снять номер в гостинице, но Люба не соглашалась — она бы не смогла объяснить матери своё отсутствие до утра. Провести в постели целую ночь он так её и не уговорил.

А с Анжелкой, значит, получилось...

Дождавшись, пока они уйдут, Люба резко толкнула дверь и выскочила на улицу. В голове снова всё загудело...

Сволочь... мразь... тварь... Он же знал, что она работает именно в этой гостинице!.. Да, это самая лучшая гостиница в городе... самая дорогая... Но он знал, что Люба может их увидеть!.. Знал, и всё равно привёл сюда эту тварь!..

Тварь!.. Тварь!.. Тварь!..

Она за считанные секунды пересекла улицу и ворвалась в вестибюль. Мигмом преодолев лестницу, оказалась на втором этаже и, забежав в служебную комнату, расплакалась.

Господи, ну, почему она не вышла из дома на десять минут позже?!

— Любаша, ты уже пришла? — дежурная по этажу Ирина, крашеная блондинка лет сорока, заглянула в помещение, — Доброе утро!

— Доброе утро, — отвернувшись, чтобы женщина не увидела её заплаканного лица, выдохнула Люба.

— Чайник только вскипел, — Ирина кивнула на столик у стены, на котором стояли чайник, чашки, ваза с печеньем и конфетами, — сейчас приду, чайку попьём.

— Угу, — не поворачиваясь, кивнула Любаша и, как только за дежурной закрылась дверь, сняла со спинки стула вафельное полотенце и вытерла лицо.

Переборов желание спуститься к администратору и посмотреть журнал регистрации гостей, Люба налила в две чашки кипятка и опустила туда по пакету чая.

Вера права... Нужно убить эту проклятую любовь. Она только мешает жить. И вообще... нужно уничтожить в себе всё, что стоит на пути к настоящему счастью.

С самого детства Любаша слышала в свой адрес слова восхищения.

«Как поёт эта девочка!..»

«Какой чудный голос!..»

«Талант... жаль, что в нашей провинции не найдётся применения...»

Ох, уж эта провинция... В их семье хорошо пели все — и бабушка, и мать, и Вера, но больше всех талантом природа одарила именно Любашу. В отличие от своих родственниц, она предпочла домашнему застольному пению настоящую сцену, хоть и на уровне художественной самодеятельности.

«Не пропадай... Не забывай, что у тебя шикарное драматическое меццо-сопрано», — сказала преподаватель по вокалу в музыкальной школе, когда Люба получила диплом об окончании.

Она и не пропадала... Придя в молодёжную творческую студию при доме культуры, она сразу получила свой эстрадный репертуар, и выступала на различных торжествах. Конкурсы на местном уровне... В них приятно было побеждать, но дальше своего провинциального городка их победители всё равно не попадали, ну, разве что участвовали в концертных выездных программах в пределах района. О большой сцене Люба не мечтала, её вполне устраивал тот уровень, на котором остановился её творческий рост.

Не мечтала... до недавнего времени. До того, как познакомилась с Даней... Это он зажёг в её душе огонёк желания пробиться на высшую ступеньку славы... Ей и самой было странно — он, так внезапно «запевший», растормошил её, которая уже давно и уверенно стояла на сцене... Он заразил её жаждой славы, рассуждая о жизни звёзд шоу-бизнеса. И, хотя ни он, ни она не имели ни малейшего представления о том, какие реальные шансы могут иметь совершенно простые, далёкие от столицы и больших городов молодые люди, эта мечта прочно поселилась в их сердцах... Люба свято верила, что эту мечту они будут осуществлять с Даниилом вместе.

Вместе...

И у них всё получится.

Весть о том, что студией подана заявка на всероссийский конкурс молодых исполнителей, буквально окрылила их. Нужно было только пройти отборочный тур на местном уровне, а затем — первый этап на областном... Даже не представляя, сколько претендентов будет бороться за право участвовать в заключительном, всероссийском этапе, Люба была почти уверена, что и она, и Даниил с Ильёй, обязательно попадут в топ.

Мечты оборвались внезапно...

Ей очень бы хотелось винить во всём одну лишь Анжелу... Но Люба прекрасно понимала, что Анжелкины змеиные повадки не идут ни в какое сравнение с подлостью Даниила. И от этого становилось ещё больнее. Ещё безысходнее...

— Любаня! — появившаяся в дверях Ирина прервала её мысли, — Срочно двести шестой нужно приготовить! Только что освободился, и тут же заселяются... Давай, в темпе, а чай потом попьём!

— Хорошо, — Люба была даже рада, что сразу пришлось включиться в работу. Ирина не преминула бы спросить, почему у неё опухшие глаза, — давно освободился?

— Говорю же, только что... Парочка была, не семейная, точно, — Ирина многозначительно усмехнулась, — наверное, порезвились, будь здоров.

...Взяв ключи, Люба медленно подошла к двери двести шестого номера. Ей даже не нужно было смотреть в журнал регистрации... Она и так поняла, что за парочка только что покинула двести шестой номер...

Войдя в помещение, она резким движением раздвинула плотные портьеры на окне.

Порезвились... Да, порезвились, это точно... Бутылка шампанского в мусорной корзине, упаковки от закусок...

Откинув покрывало на двухспальной кровати, она во второй раз за сегодняшнее утро ощутила предательскую, противную дрожь... Уже знакомый комок подкатил к горлу...

Рванув на себя измятую, в едва заметных «любовных» пятнах простыню, она бросила её на пол и начала топтать обеими ногами. Большого издевательства судьба не могла придумать. Убирать номер, в котором Даня всю ночь изменял ей с этой сукой Анжелкой!..

Подушки... Они лежали на них... Он целовал Анжелу, ласкал, сжимая в объятиях её упругое тело... Он говорил ей те же самые слова, что и Любаше... А, может, даже лучше...

Жуткая боль сдавила грудь.

Дурак... какой же он дурак!.. Разве Анжелка сможет любить его больше чем она — Люба?! Сколько у неё уже было парней?!

Это она, Люба, берегла себя до двадцати лет, чтобы вот так... И зачем нужно было хранить свою невинность?! чтобы отдать её такому предателю, как Даниил?.. Зачем вообще все эти комплексы?! И кто сказал, что мужчина должен быть единственным и любимым?! Вот он — именно такой... Единственный и любимый... всю ночь кувыркался с другой, променяв её, Любашу, на возможность попасть на этот чёртов конкурс, растоптав её любовь!..

...Простыня рвалась на удивление легко... Люба остановилась только тогда, когда от той осталась добрая сотня лоскутков, размером с носовой платок. Разорвать наволочки тоже не составило труда, но вот с самими подушками пришлось повозиться — в результате их содержимое разлетелось по всему номеру, ровно покрыв устеленный ковровыми дорожками пол.

Тяжело дыша, Любаша оглянулась вокруг.

Ей вдруг захотелось настезь растворить окна, чтобы холодный ноябрьский ветер разметал этот жуткий воздух... воздух, в котором чувствовался запах измены... Нет... окна нужно не растворить... Их нужно разбить!..

Желание схватить стул и запустить им в оконное стекло было таким сильным, что Люба уже представила, с каким наслаждением она замахнётся... Она уже обернулась, чтобы схватить стул за спинку...

Внезапно взгляд упал на большое круглое зеркало, висевшее возле входных дверей.

Ей показалось, что в нём мелькнуло отражение сплетённых в любовном клубке тел...

...Она опомнилась только тогда, когда, услышав грохот, в дверь заглянула испуганная Ирина.

— Что тут происходит?! — дежурная с изумлением смотрела на усыпанный холлофайбером и зеркальными осколками пол.

— Я... я нечаянно... — Любаше было всё равно, что подумает или скажет Ирина. Она устало опустилась на край кровати и уронила лицо в ладони.

— Господи!.. — дежурная в ужасе схватилась за голову, — Ты что наделала?! Сейчас

заселяться будут!..

...Она даже не помнила, как вышла из этого проклятого номера и оказалась в дежурной комнате. Она даже не знала, кто убирал двести шестой, и как Ирине удалось уговорить администратора найти для новых постояльцев другой номер. Люба пришла в себя, только когда Ирина, уладив все неожиданные проблемы, наконец, вернулась в дежурку.

— Ну, и натворила ты делов, девка!.. — укоризненно качая головой, дежурная щёлкнула кнопкой на чайнике, — Какая муха тебя укусила?!

— Простите меня... — Люба опустила голову, — Я всё уберу и оплачу...

— Уберёшь, — охотно кивнула Ирина, — куда ты денешься!.. — Я номер закрыла, пришлось оформить на тебя проживание на сегодня... Иначе Марина должна будет туда кого-нибудь заселить.

— Я заплачу, — Люба подняла на неё глаза, — Я за всё заплачу...

— Потом заплатишь... Директору ничего не скажем, — Ирина откусила кусочек печенья и сделала глоток чая, — Постельное купишь, подушки тоже... зеркало... Раскошелиться придётся, но, главное, что с работы не выгонят. Ничего, замнём. Я смену-то сдала, сказала, что двести шестой сегодня на брони...

— Спасибо, — Люба тоже взяла со стола чашку, — я всё куплю.

— А теперь рассказывай, — положив локти на стол, Ирина придвинулась ближе и приготовилась слушать, — что у тебя произошло?

То ли в благодарность, то ли оттого, что держать в себе события последних дней не было сил, Люба рассказала свою несчастливую историю любви — от начала и до конца.

— Ты смотри, какой гад, а?! — любопытство так и светилось в глазах дежурной, — Я ж как его увидела, ну, думаю, такой красавчик, значит, кобель!

— Вы только никому не рассказывайте, ладно? — Люба исподлобья посмотрела на дежурную, — Пожалуйста...

— Да ты что?! — перейдя на громкий шёпот, та для убедительности приложила руку к груди, — Ты что?! Умру — никому не скажу!.. А ты-то, случаем, не беременная?

— Нет, — слегка смутившись от такого вопроса, Люба покачала головой, — Вроде бы, нет...

— Так вроде или нет? — Ирина пытливо уставилась на девушку, — Ты смотри, если что, не затягивай...

— Да нет...

— Ну, и хорошо, — женщина казалась несколько разочарованной, — успеешь ещё!

— Я уеду скоро, — Люба упрямо колотила чайной ложечкой, размешивая сахар.

— Куда?! — огонёк любопытства загорелся с новой силой, — куда собралась?

— В Москву.

— Ого... — Ирина недоверчиво покачала головой, — У тебя там родня?

— Нет. Я так поеду. Сама. Буду пробиваться на большую сцену. Назло ему... Наизнанку вывернусь, но пробьюсь...

— Не знаю... — Ирина снова покачала головой, — Там же всё через постель... А ты так не сможешь.

— Я?! — Любаша подняла на женщину полные холодной решимости глаза, — Я всё смогу.

— Ну, и правильно, — дежурная с притворным согласием кивнула, — если уж давать мужикам, то не за так! Всё равно мы для них суки и проститутки! А ты молоденькая,

хорошенькая... окружишь там какого-нибудь продюсера... Глядишь, и замуж выйдешь!

— Нет уж... Замуж я не собираюсь.

— И тоже правильно! — снова охотно согласилась Ирина, — Живи в своё удовольствие, нечего этих козлов ублажать! Всё равно мы для них проститутки, хоть напополам разорвись!

К обеду, окончательно убрав разгромленный ею самой двести шестой номер, Люба позвонила Сергею и, сказав, что нечаянно разбила зеркало, попросила купить и привезти ей в гостиницу новое. Всегда готовый прийти на помощь, муж сестры уже через полтора часа вешал новое зеркало на место разбитого.

Странно, но у Любы не было ни капли сожаления ни о том, что она наделала, ни о деньгах, которые ей пришлось потратить так неожиданно. Напротив, она чувствовала удовлетворение и облегчение одновременно.

«Может, так и убивают любовь?»

...Мужчину, проживающего в соседнем, одноместном двести восьмом номере Люба запомнила ещё с прошлого дежурства — он смотрел на неё с нескрываемым мужским аппетитом, когда она пришла убираться в его номере. Лет тридцати пяти, скорее всего, командировочный, довольно приятной внешности, он не сводил с неё глаз, пока она пылесосила дорожку. Люба буквально спиной ощущала его пристальный взгляд на своих «прелестях», и к концу уборки даже почувствовала желание развернуться и треснуть по его наглой роже...

— Вы сейчас съедете или ещё продлили на сутки? — время его пребывания заканчивалось сегодня в четырнадцать часов, и она, как обычно, зашла уточнить время освобождения номера.

— К сожалению, через час уже уйду... — мужчина собирал дорожную сумку, но при виде девушки распрямылся и повернулся к ней.

— Хорошо, — она уже собиралась выйти, но, как будто что-то вспомнив, снова посмотрела на него, — может, что-нибудь хотите? Кофе, печенье на дорожку?

— Благодарю, — он, слегка улыбаясь, смотрел на неё из-под полуприкрытых век... Точно так же, как Даня...

— Жалобы, пожелания есть?

— Жалоб нет... — он сдвинул в полуулыбке левую половину губ, — А пожелания... Пожелания есть. Правда, не уверен, что они выполнимы...

— Какие же? — она не узнавала себя... Заранее догадываясь о том, что сейчас скажет мужчина, Люба даже не подумала побыстрее уйти из его номера! Напротив, она улыбнулась ему в ответ. Мужчина был приятной наружности — чуть выше среднего роста, худощавый, с коротким ёжиком на русой голове, с тонкими чертами лица... Одет в довольно дорогую одежду — стильные джинсы и хорошего качества пуловер.

— Да вот вчера что-то скучно стало... Хотел познакомиться с симпатичной девушкой.

— И — что? — Люба не мигая, в упор смотрела в его серые глаза.

— Не увидел ни одной. А сегодня увидел, но уже уезжаю.

— Уезжаете через час, — Люба произнесла это утвердительно, как будто напомнив об этом постояльцу.

— Да, но за час разве познакомишься? Пока уговоришь...

— Может, и уговаривать бы не пришлось, — она понизила тон, — хотя, конечно, если пропало желание...

— Да нет... не пропало, — он многозначительно покачал головой, — я бы сказал, наоборот...

— Через пять минут — в соседнем номере... — Люба неторопливо развернулась и вышла в коридор.

...Она подумала, что переспать с чужим мужчиной, оказывается, очень просто... Особенно на той самой кровати, на которой лишь несколько часов назад спали Даниил и Анжела. Всё произошло довольно быстро, и это обстоятельство тоже радовало... Ей даже не пришлось полностью раздеваться — его устроил вариант со снятыми колготками и нижним бельём и вздёрнутой вверх короткой юбочкой. Сам он тоже не заморачивался, лишь расстегнув и приспустив джинсы.

Мужик был не местный, поэтому Люба не боялась, что он тут же всё разболтает своим друзьям, к тому же, он уже уезжал из их города.

— Сколько? — застёгивая молнию, он бросил на Любашу взгляд, уже лишённый прежнего интереса.

— Что — сколько? — надевая колготки, она медленно подняла голову.

— Сколько стоит твоё удовольствие?

— Ты решил, что я проститутка? — она улыбнулась ему уголком губ.

— А разве нет? — он удивлённо пожал плечами.

— Нет! — встав с кровати, она бросила на неё победный взгляд, — Я не проститутка.

— Так что, бесплатно, что ли? — он с готовностью шагнул к порогу, — Любительница, что ли?

— Это ты — любитель. А я — профессионал!

...Несмотря на свою решимость и смелость, она еле успела добежать до туалета. Тошнота, едва заметная с утра, теперь накатила внезапной волной, и, склонившись над унитазом, Люба чуть не вывернула наизнанку желудок. Она так и не поняла, что спровоцировало рвоту — некачественная пища, её утреннее потрясение или акт возмездия, который она сама придумала, но боялась признаться самой себе, что до сих пор чувствует брезгливость и отвращение оттого, что переспала с незнакомым мужчиной...

«Ничего... — умытая под краном холодной водой, она изо всех сил подбадривала сама себя, — Ничего!.. Зато отомстила!»

Глава 4.

— Ты что, с ума сошла?! — услышав исповедь сестры, Вера уставилась на ту немигающим взглядом, — Люб, ты что, дура?! Я понимаю — отомстить, чтобы он увидел твою месть и содрогнулся... Но то, что ты наделала, это — не месть... Это — глупость! Всё равно твой Даня об этом не узнает!

— Ну, и что, — Люба упрямо поджала губы и слегка нахмурила тёмные, узкие брови, — зато я знаю, что я ему отомстила.

— Господи-и-и... — обняв сестру, Вера прижала её к себе, как ребёнка, — Ну, какая же ты дурочка!..

— Ну, и что.

— Да разве я тебя этому учила?! Ты ему должна отомстить, должна! Но не так! Ты сейчас даёшь ему все шансы назвать тебя шлюхой... Любаша, ты это понимаешь?! Ну, чего ты добила?!..

— А мне легче стало.

— От чего?! Оттого, что ты зеркало разбила, или оттого, что с постояльцем переспала?

Обрушившиеся на них обеих личные беды ещё больше сблизили сестёр. Узнав от Сергея, что тот сегодня на обеденном перерыве покупал зеркало взамен якобы нечаянно разбитого Любашей, Вера, по телефону уловив в тоне сестры нервозность, уже вечером зазвала ту к себе. Сергей с маленькой Наташей смотрели в спальне мультики, и девушки разговаривали свободно и откровенно.

— От всего, — ответив односложно, Люба снова поджала губы.

— Дурочка ты моя... — вздохнув, Вера ещё крепче прижала к себе сестру, — Ты хоть знаешь, кто он, этот мужик?

— Не-а... — усмехнулась Любаша, — Не знаю, и знать не хочу.

— Зачем же ты это сделала? Ну, ладно, если бы от него зависела твоя судьба... Но просто так?! Ты же всегда боялась этих отношений!..

— А я подумала... — Люба коротко и шумно выдохнула, как бы собираясь с духом, — Я подумала, смогу я или нет?

— Ой, ду-у-у-у-ра-а-а-а... — протянула Вера, качнув головой, — Любка... Ну, и дура же ты... Он хоть презервативом пользовался?!

— Не-а...

— Ты что?! — Вера испуганно отстранилась от неё и заглянула в глаза, — Совсем с ума сошла?!

— А я сегодня залететь бы не смогла.

— Да при чём тут?! Хотя, и это важно... А вдруг, он заразный какой?! Люб, ты чего?!

— А какая теперь уже разница?

— Теперь уже никакой. Кстати, когда должен состояться этот конкурс?

— Второй, региональный этап в середине декабря... А что?

— Две недели... — Вера задумалась на минуту, потом снова посмотрела на сестру, — А, что, если тебе тоже туда поехать?

— Зачем?

— Ну, типа ты в группе поддержки! А там подойдёшь к какому-нибудь члену жюри... Вдруг, согласится тебя прослушать?

— А что я ему скажу?

— Так и скажешь — что должна была поехать ты, а поехала эта выдра Анжелка!

— У меня и денег сейчас нет. А мать точно не даст...

— Я тебе дам, — уверенно кивнула Вера, — поезжай, Любаша! Попытка — не пытка!

— Не знаю... — Люба нахмурилась, — Я сначала сама так думала... А потом... Они же там вдвоём будут... Анжелка с Даней. Я не выдержу...

— А ты выдержи, — в голосе Веры зазвучали металлические нотки, — я уверена, что ни она, ни он в финал не пройдут. А ты будь свидетелем их позора!

— Ты мне точно дашь денег?.. — после недолгого молчания Люба подняла на сестру загоревшиеся идеей мести глаза.

— Я же сказала.

— Я тебе потом всё отдам.

— Ничего не нужно отдавать, — Вера исподлобья посмотрела в сторону спальни, где в это время находились её муж и маленькая дочка, — главное, чтобы хоть у тебя всё наладилось...

Вернувшись домой, Люба сразу открыла ноутбук и заглянула в электронную почту. Она

ещё вчера отправила письма в несколько московских продюсерских центров, адреса которых нашла в интернете. В письмах она подробно описала свой репертуар, вокальные данные и выразила желание приехать на прослушивание. Едва отправив эти письма, она уже через десять минут открывала почтовый ящик в надежде получить хотя бы один ответ... Но ни через десять минут, ни через час, ни через сутки ни на одно письмо ответа так и не поступило.

Не поступило его и на следующий день, и, снова открыв сайты этих самых центров, Люба один за другим набирала телефонные номера.

— Ну, пришлите студию запись в вашем исполнении, — они как будто сговорились там, отвечая совершенно одинаково — лениво и нехотя.

— А если я сама к вам приеду? — она представила, как развеселила её наивность собеседников, но всё же не отключалась от разговора.

— Приезжать не нужно. Мы не прослушиваем никого на месте. Пришлите запись. Только умоляю вас... не записанную на телефон. Это должна быть студийная запись профессионального уровня.

Запись... Легко сказать! Более-менее приличная студийная запись стоила её полугодовой зарплаты... а то и больше.

«Ну, и дура же...»

Люба впервые в жизни пожалела, что раньше не проявляла интереса к своей вокальной карьере, довольствуясь выступлениями на праздничных концертах их дома культуры. Она даже удивлялась стремлению Дани, возникшему так внезапно...

«Почему ты вдруг решил запеть?» — спросила его однажды Люба.

«Сам не знаю, — он пожал плечами, — как-то за городом, у друга на даче отмечали его день рождения, выпили лишнего... Девчонки захотели караоке, ну, я тоже поучаствовал. Уже не помню, что я там пел в таком виде, но всем понравилось. Сестра мне давно говорила, что я хорошо пою... Вот, как-то всё в один момент совпало, я подумал — почему бы нет?»

Действительно... Почему бы нет?.. И почему раньше ей самой не приходили в голову такие мысли? Как-нибудь извернулась бы... Хоть одна студийная запись должна быть у любой вокалистки!

Может, всё же послать им свои любительские видеосъёмки? Есть же записи с концертов!

...Загрузив на страничку нового письма любительский видеофайл с концерта, где она поёт одну из своих песен, Люба отчаянно нажала на «Отправить»...

Два ответа пришли почти одновременно — на следующее утро.

«Качество видео не соответствует требованиям. Пришлите профессиональную запись».

Она уже догадалась, что остальные ответы будут в том же духе. Если вообще — будут...

Решив всё же перезвонить, она уже в который раз выслушала знакомые слова...

«А, ещё лучше, подайте заявку на какой-нибудь конкурс».

«Но туда тоже нужно посылать студию запись...»

«Об этом позаботиться должны вы сами... На блюдечке вам никто ничего не принесёт...»

Это она уже поняла. Значит, пока остаётся одно — попасть на второй этап хотя бы в качестве зрителя... В жюри будут разные представители шоу-бизнеса... А, вдруг среди местных окажется какой-нибудь московский продюсер или композитор? А, что?.. Вполне возможный вариант! Вера и на этот раз права! Попытка — не пытка! Подойти и заявить о

себе вот так — живую, почему бы и нет? Как говорит их мать, в лоб не дадут, а, может, что и выгорит! Жаль, что Вера не разрешает ей расспросить Сергея о Наталье Морозовой... Уж он-то знает о ней всё! Как попала, как пробились... В интернете Люба не нашла никакой информации кроме той, что вкратце рассказала ей Вера — та и сама знала немного, поскольку с мужем на больную для неё тему не разговаривала, а сама знала лишь то, что Наталья и Сергей дружили с самого детства, а после школы их дороги разошлись.

«Денег я тебе дам... но только заклинаю... — сестра сурово посмотрела на Любашу, — С Шустовым на эту тему даже заговаривать не смей! Если хочешь, расспроси о ней у Вики... А с ним — ни слова!»

Вика — старшая сестра Сергея, жила на той же улице, что и Люба, и работала рядом с домом, в отделении сбербанка, поэтому с Любой они часто виделись и были в приятельских отношениях. Вике было двадцать шесть лет, и она, окончив один из местных вузов, как и брат, осталась жить в родном городе, вышла замуж и успела родить уже двоих детей. Вечером Люба нарочно крутилась возле банка и, когда Вика вышла из служебного входа, сделала вид, что встретилась с ней совершенно случайно. После приветствий Любаша, как бы пользуясь случаем, напрямую спросила у Вики про Наталью Морозову, сославшись на то, что недавно видела ту в городе.

— А ты что, про неё не знала? — удивлению Вики не было предела, — Это же гордость нашего города!

— Я знала её по песням... — Люба пожала плечами, — Но о том, что она из нашего города, не знала... Не интересовалась как-то...

— Ну, ты даёшь! — рассмеялась Вика, — Это же Серёжкина одноклассница! Неужели он не рассказывал?

— Мне? — Люба удивлённо посмотрела на собеседницу, — Нет... Мы с ним как-то на такие темы не говорим... Да мы с ним вообще редко говорим, он всё время чем-то занят...

— И в вашем доме культуры не знают, что Наташа отсюда?! — изумлению Вики не было предела, — Они же как-то приезжали выступать, давно, правда...

— Может, и знают, — снова пожала плечами Люба, — просто разговор никогда не заходил. У нас же каждая солистка считает себя звездой, так зачем о других вспоминать?..

— Ну, это да, — усмехнулась Вика, — если на таком уровне творческая ревность переходит все границы, то что говорить о настоящем шоу-бизнесе?

— Слушай... — Люба взяла Вика под руку, — А как она пробились... Ты не в курсе?

— В курсе, — кивнула та, — её мачеха, тётка Света, с мамкой дружат, так та мамке рассказывала, а мамка — мне...

— И что она рассказывала?

— Ну, что... Наташка после школы поступила там в университет культуры. Познакомилась со своим Димой... он тоже там учился, только окончил намного раньше. Он — музыкант, работает в рок-группе, а ещё он — продюсер. Когда они поженились, он стал параллельно и её раскручивать. Он сам песни пишет, Наташка их поёт. Она же здесь, у нас, вот как и ты — в художественной самодеятельности участвовала. И в школе, и после школы... ты её не знала?

— Нет, мы в разных школах учились. И живём в разных микрорайонах...

— Ну, это я в курсе, — весело подмигнула Вика, намекая на теперешнее соседство.

— И пела она не в нашем доме культуры... Поэтому я о ней и не знала.

— Теперь знаешь, — девушки подошли к дому, в котором жила Вика, и остановились,

чтобы закончить разговор и попрощаться.

— Так интересно, — Любаша задумчиво улыбнулась, — неужели всё так просто получилось? Уехала, вышла замуж за кого надо...

— Замуж она по любви вышла, — в ответ улыбнулась Вика, — да ещё по какой! Серёжка ведь очень Наташу любил... А она к нему как к брату относилась, и не более того. А как того-то увидела в университете... И всё. Серёга и поехать к ней хотел, и даже замуж звал, когда она от того беременная уже была... Она — ни в какую! Так потом и поженились с тем, уже ребёнок родился, когда расписались.

— А-а-а-а!.. — понимающе протянула Люба, — Так она по залёту, выходит...

— Там долгая история была, — продрогнув, Вика стояла вполоборота, готовая войти в подъезд, — всего не перескажешь... Но они всё равно по любви поженились. Тётка Света мамке рассказывала, что Наташка сильно влюбилась.

— Так не бывает, — недоверчиво усмехнувшись, Люба ответила словами сестры, — значит, знала, в кого влюбиться надо.

— Ну, не знаю, Любаша, — поставив ногу на ступеньку крыльца, Вика кивнула Любе на прощание, — за что купила, за то продаю. Пока... Побегу, а то дома трое голодных мужиков. Если сейчас не накормлю, они меня слопают!

— Пока, — кивнув в ответ, Любаша неторопливо направилась к своему дому.

«Неужели и вправду всё так просто? — мысль гвоздём засела в голове, — Поехала, влюбилась, прославилась... Вряд ли. Так не бывает...»

Все дни до поездки Люба провела в моральной подготовке и к встрече с Даниилом и Анжелой, и к разговору с кем-нибудь из членов жюри конкурса. Она изо всех сил старалась убедить саму себя, что сможет спокойно посмотреть и на своего бывшего парня, и на его новую подругу. Ей казалось, что после того случая в гостинице, когда она, неожиданно для самой себя, переспала с незнакомым постояльцем, в её душе поселилось какое-то чувство превосходства над ними обоими, и она была рада этому непонятному на первый взгляд чувству.

Взяв на работе три отгула, она в назначенный день, рано утром, села в рейсовый автобус, отправляющийся в областную столицу. Конкурсанты во главе с Галиной Геннадьевной уехали ещё вчера — им нужно было устроиться в гостинице и продемонстрировать свой репертуар на предварительном прослушивании. Любаше торопиться было некуда, её интересовал лишь сам конкурс и его результаты, а так же члены жюри. К тому же, ночевать ей было негде, и она собиралась уехать назад в тот же вечер.

Звонить Галине, чтобы узнать адрес, по которому должно было состояться прослушивание участников регионального этапа конкурса, Люба не стала, чтобы не нарываться на ненужные вопросы. Она залезла в интернет и, найдя всю необходимую информацию, на всякий случай перезвонила по указанному там телефону, представившись участницей конкурса.

— Да, это здесь, — утвердительно ответил приятный женский голос на том конце, — приезжайте!

С удовлетворением положив трубку, Люба ещё раз удивилась странному названию: «Творческая деревня»...

Найти эту самую «деревню» не составило труда — взяв такси, Люба уже через полчаса подъехала к двухэтажному зданию, расположенному почти в центре города. Судя по

огромной растяжке над входом, приветствующей участников конкурса, она попала именно туда. Множество микроавтобусов на автомобильной стоянке с указанным маршрутом говорили о географии конкурса — судя по названиям, участники приехали из многих районов их огромной области.

Перед тем, как войти в здание, Люба посмотрела на часы: они показывали около одиннадцати утра. Начало конкурса было назначено на полдень, и она была рада тому, что приехала чуть раньше. Войдя беспрепятственно в вестибюль, она с удовлетворением для себя отметила, что на неё никто не обратил внимания и не спросил кто она и откуда. И в вестибюле, и в коридоре, и в небольшом зрительном зале, в котором, судя по всему, должна была решаться судьба молодых талантов, везде, где только можно, небольшими стайками располагались молодые люди — некоторые из них уже были в сценических костюмах, некоторые ещё даже не сняли верхней тёплой одежды, но у всех на лицах было написано напряжение и вполне понятная в таких случаях тревога.

— Девочки, Первомайск!.. — невысокого роста женщина в норковой шубке нараспашку быстрым шагом подошла к трём девушкам, озабоченно переговаривающимся о чём-то у окна, — Вы почему ещё не в раздевалке?! Таня, ты идёшь первым номером!..

— А мы? — почти хором спросили две девушки, судя по всему, сёстры, — Мы отдельно идём или вперемешку с солистами?

— Вы — четвёртые, — кивнула женщина, — так что быстренько все переодеваться!

— В самом начале... — с нескрываемым разочарованием протянула одна из девушек, — Терпеть не могу выступать в начале...

— Ой, — женщина нервно махнула рукой, — я вообще не понимаю, что за организация конкурса... Никакого разграничения! Дуэты идут вперемешку с солистами... я думала, что у каждой номинации будет своё отделение!

Люба буквально по пятам прошла за этой небольшой компанией в одно из помещений, отданном под раздевалку, уже не удивляясь тому, что до неё никому нет дела. Сняв с себя пальто, она повесила его на кучу верхней одежды, буквально завалившей высокую вешалку и огляделась. Человек десять девушек в возрасте от пятнадцати лет и старше, шурша подолами и рукавами, доставали и надевали сценические наряды, нещадно толкаясь, и, на первый взгляд, совершенно не обращая друг на друга никакого внимания. Одно единственное зеркало в углу комнаты никак не могло вместить в своё отражение всех желающих, и, стоя «паровозиком», девчонки отчаянно накладывали макияж на свои и без того хорошенькие личики из-за чужих спин, плеч и макушек.

— Девочки, никто мою туфлю не видел? — рыженькая, несмотря на зиму, вся в симпатичных веснушках, девушка в коротком облегающем платье босиком перешагивала через чужие сумки и пакеты в поисках пропавшей туфли, держа вторую, уцелевшую, в руках.

Вопрос так и остался без ответа — шуршащая и шаркающая толпа остальных претенденток на роли звёзд не обратила на него никакого внимания.

— Елена Михайловна!.. — плаксивым голосом встретила рыженькая появление в дверях женщины в джинсах и блузке — видимо, приехавшей вместе с ней руководительницы, — У меня туфлю украли!.. Что мне теперь делать?!

— Как украли?! — Елена Михайловна нахмурила и без того густые брови на удлинённом лице, — Ты хорошо посмотрела?

— Да-а-а... — проканючила девушка, вот-вот собираясь заплакать, — Я их из пакета достала и на пол поставила... Пока платье надевала, одна куда-то исчезла!..

— Так, девочки! — женщина обвела строгим взглядом пёстрый девичий муравейник, — Кто взял туфлю?! Если не отдадите по хорошему, я сейчас устрою обыск! Здесь эти штучки не пройдут!

— Я не брала, — как по команде, хором, ответили остальные, пожав открытыми плечиками и не переставая заниматься своими делами.

— Ну, всё!.. — рыженькая капризно надула губы и плаксиво сморщила хорошенькое личико, — Мне не в чем выступать!

— Успокойся, Даша, — Елена Михайловна заглядывала во все углы комнаты, — в крайнем случае, выйдешь в сапогах.

— Вот это платье и сапоги?! — почти взвизгнула девушка, — Я лучше вообще не буду участвовать!.. Всё! Я не участвую!..

Отвернувшись, она демонстративно шмыгала носом, явно давя на психику своей руководительнице.

— Вон чья-то туфля, — какая-то девушка вытащила из груды обуви золотистую туфельку — точно такую же, какую держала в руках Даша, — Эта?

— Эта, — Даша буквально выхватила пропажу из чужих рук и тут же водрузила на свою ногу, — слава Богу...

— Ну, вот, видишь, — Елена Михайловна облегчённо вздохнула, — здесь просто очень тесно, поэтому будь внимательнее.

— Вы не подскажете, где тут члены жюри? — улучив момент, Люба пробралась к женщине сквозь снующих в разные стороны конкурсанток.

— Понятия не имею, — та развела руками, — вчера, на предварительное прослушивание, они даже опоздали... Так что, думаю, их ещё здесь нет...

— Так, внимание! — голос вошедшей пышногрудой молодой женщины лет двадцати пяти-двадцати шести был густым и зычным, так что все присутствующие тут же обернулись, — Девушки, у меня к вам огромная просьба! Вы идёте в первой десятке, и поэтому, как только каждая из вас отпела, быстренько возвращаемся сюда, одеваемся и освобождаем место для переодевания следующей конкурсантке! Наш центр не рассчитывал на такое количество участников, нам сказали, что вас будет всего двадцать человек, а приехали все сорок, да ещё с сопровождением, поэтому у нас так тесно. Значит, поняли меня? Спели, прибежали, оделись и — в зрительный зал! Там можете сидеть сколько угодно!

— А когда результаты огласят? — одна из участниц, застёгивающая ремешки на чёрном блестящем платье оторвалась от своего занятия, — Сегодня?

— Вот этого я не знаю, — пышногрудая покачала головой, — это нужно спрашивать у жюри. Я занимаюсь только организационными вопросами.

— Элеонорочка, — нарочно громко, чтобы продемонстрировать своё знакомство с администрацией, окликнула женщина в норковой шубке пышногрудую, — покажите, пожалуйста, где мужская раздевалка? Мне нужно ещё моих мальчиков проконтролировать.

— Мужская на втором этаже, подниметесь, первая дверь направо, — жестикулируя рукой, Элеонора охотно кивала, — там у нас комната для занятий вокалом, мы её решили под раздевалку на время конкурса отдать.

— Простите, а где я могу найти кого-нибудь из жюри? — Люба почти бегом подбежала к Элеоноре, пока та не покинула помещение.

— А кто вам конкретно нужен? — обернулась в дверях Элеонора, смерив Любашу

любопытным взглядом.

— Я не знаю... кто-нибудь...

— К сожалению, члена жюри с фамилией «Кто-нибудь» у нас нет, — мило улыбнувшись, Элеонора снова повернулась к двери и потянула на себя ручку...

Решив, что сидя в раздевалке она только теряет время, Люба вышла за женщиной следом. Она уже хотела окликнуть её, но та неожиданно остановилась у одной из дверей — за её пышной фигурой ничего не было видно, но Любаша догадалась, что она беседует с кем-то, вышедшим из этой самой двери.

— Это какой-то кошмар! — для пущей убедительности Элеонора подняла вверх ладони, — Я даже представить не могла, что будет столько народу! Зря мы согласились предоставить наши помещения... Пусть бы во дворце молодёжи проводили или ещё где-нибудь...

— Во дворце будет заключительный этап, — Любе показалось, что она узнала женский голос, — я тоже Диме говорила, что будет столпотворение, но он меня не послушался!

— Придётся потом делать субботник, — Элеонора развела руками, — главное, чтобы ничего не сломали!

— Не сломают. Всё из репетиционной мы вынесли в аппаратную, а аппаратная под моим контролем.

— Ты, главное, сама пока не выходи, — наставительным тоном произнесла Элеонора, обращаясь к своей собеседнице, — сейчас начнут автографы просить, за руки хватать, пение демонстрировать...

— Да ладно, — услышав тихий смех, Люба невольно сделала несколько шагов в сторону женщин...

— Здравствуйте!.. — переборов робость, она обогнула силуэт Элеоноры и в изумлении остановилась, окончательно узнав в её собеседнице Наталью Морозову, — Вы меня не узнаете?!

— Узнаю... — оторопев от неожиданности в первый момент, Наталья кивнула головой, — Здравствуйте!

— Я — Люба... Сестра жены Сергея Шустова... Я приходила к вам, приносила траву... Помните?

— Теперь помню, — уже уверенно кивнула Наталья, — Здравствуй, Люба. Ты, наверное, своих ищешь?

— Я?.. — Любаша не сразу поняла, кого имела в виду Морозова, — Н-нет... то есть...

— Они — у меня!.. — улыбнувшись, заговорщическим тоном произнесла Наташа, — Я их в аппаратной разместила, а то везде такая суматоха... Идём, — она кивнула на дверь и взялась за ручку, — я и тебя чаем напою. Ты в качестве группы поддержки или тоже участвуешь?

— Нет... — догадавшись, каких «своих» имеет в виду Наталья, Любаша отчаянно замотала головой, — Я не пойду!..

— Ну, смотри, — Наталья пожалала плечами, — просто я хотела как-то помочь ребятам из своего города...

— Мне не нужно... — Люба лихорадочно соображала, что более полезного можно извлечь из этой неожиданной встречи, — Мне нужен кто-нибудь из жюри...

— Ну, вот, — усмехнулась молчавшая во время их разговора Элеонора, — опять — кто-нибудь! Вам кто конкретно нужен?

— Я не знаю, — Люба переводила глаза с неё на Морозову, — мне нужен член жюри... Любой...

— В общем-то, Дима тоже член жюри... — Наталья внимательно посмотрела на девушку, — Но он ещё не подъехал. А зачем тебе жюри? Ты участвуешь в конкурсе?

— Наташа, время, — Элеонора торопливо показала на запястье, — ты сама ещё не переоделась, а сейчас уже Дима с остальными подъедут... Да вон они, уже идут!

— Я не участвую!.. — в отчаяние выкрикнула Люба, увидев, как в конце коридора показались несколько человек. Они шла так стремительно, что было понятно сразу — ни с одним из них поговорить сейчас не получится, — Я не участвую... Но мне нужно!..

— Люба, извини, — Наташа чуть сжала её руку и, торопливо шагнув навстречу идущим, бросила уже на ходу, — Потом!.. Всё потом!..

Она уже и сама поняла, что разговора до начала конкурса не будет. Слишком поздно приехали эти самые члены жюри... Им некуда торопиться... Они уже всего добились в этой жизни, раз судят других, решают чужую судьбу... Где им понять, что такое несправедливость... Они не спешат. Это её, Любу, не стал бы ждать никто... А их ждут все... Ждут со страхом и нетерпением...

Решив, что теперь она, во что бы то ни стало, дожждётся окончания конкурса, Люба отправилась в зрительный зал. Она была безумно рада, что Анжела и Даниил с Ильёй находятся в какой-то аппаратной у Морозовой... А, значит, она с ними не пересечётся, во всяком случае, в зале.

Устроившись в пластмассовом кресле, она вспомнила, что с утра ещё ничего не ела и, открыв свою сумочку, потянулась было за пирожками, которые предусмотрительно взяла с собой ещё из дома, но вдруг подняла глаза и обвела ими помещение. Зрительный зал, рассчитанный на сто мест, был больше, чем наполовину заполнен участниками и их сопровождающими лицами, а так же группами поддержки, приехавшими поболеть за своих талантливых земляков. Решив, что есть на глазах у всех будет неудобно, Люба снова закрыла сумочку. Запах печёного, вырвавшийся на свободу, ударил в нос — так, во всяком случае, ей показалось, и вызвал внезапный приступ тошноты.

За последние пару недель это было уже не в первый раз...

Она уже хотела подняться и выбежать в туалет, но тошнота прошла так же внезапно, как и наступила. Обрадованная этим обстоятельством, Люба поудобнее устроилась на кресле и замерла: в наступившей вдруг тишине на сцену вышла Наталья Морозова. Люба искренне изумилась тому преображению, которое произошло с Наташей в считанные минуты — элегантное белое, облегающее точёную фигурку платье, белые миниатюрные туфельки на высоком каблуке, распущенные белокурые, уложенные локонами волосы, неяркий, но изысканный макияж... Сказав слова приветствия, Наталья уступила место председателю жюри — им оказался известный композитор и продюсер, приехавший из Москвы... Глядя на его длинные, редкие волосы, Люба уже представляла, как она подбежит к нему, когда всё, наконец, закончится... Она не уйдёт, пока не расскажет ему о себе!.. Она уприсит его прослушать её вокал... Уприсит, чего бы это ей не стоило!..

Участников, действительно, было много, и Люба еле высидела половину конкурса. Ни Даниил, ни Анжела ещё не выступали, и она с заметным волнением ожидала того момента, когда кто-нибудь из них выйдет на сцену.

...Она с интересом слушала, как пела рыженькая капризная девушка, которую она

видела в раздевалке. Хорошо поставленный, серебряный голосок ручейком разливался по залу. И сама исполнительница выглядела очень мило в своём сценическом платье золотистого цвета. Такие же, золотистые, туфельки элегантно сидели на её хорошеньких ножках, и, видимо, зная об этом, девушка с удовольствием демонстрировала их, исполняя в проигрышах гоу-гоу...

...Сначала никто из сидевших в зале не понял, что случилось на самом деле. В одно мгновение оказавшись на полу, рыженькая Даша выронила микрофон — звук от удара эхом разлетелся по всему залу... Подвернувшаяся нога как-то неестественно и совершенно некрасиво сложилась в колене. Сморщившись, девушка попыталась тут же встать, но у неё это не получилось. Закусив нижнюю губу, она корчилась от боли, сидя на полу под звучащую минусовку, пока к ней не подбежали Морозов и Елена Михайловна, наблюдавшая за выступлением своей подопечной из-за кулис. Зрители разделились в выражениях эмоций — кто-то сочувственно ахнул, кто-то откровенно рассмеялся, когда, подобрав со сцены свалившуюся с Дашинной ноги туфлю, Наталья с удивлением смотрела на оторвавшийся каблук...

...Очередной, второй по счёту за сегодняшнее утро приступ тошноты подкатил уже к концу программы... Увидев, как Даниил с Ильёй выходят на сцену, Люба вскочила со своего места и почти бегом выбежала из зала. Ворвавшись в пустой туалет, наклонилась над раковиной, забыв повернуть замок на двери...

— Мама, не звони мне пока... — она уже умывалась, когда услышала позади себя знакомый голос, — Дэн уже выступил... Я тоже скоро, уже через два номера... зашла в туалет... Всё, я перезвоню!..

Медленно подняв голову, Люба смотрела через зеркало на стоящую позади себя девушку.

— Ты?! — изумлению Анжелы не было предела, — Ты как здесь оказалась?!

— Я-то здесь по праву... — Люба так же медленно повернулась лицом к сопернице, — А вот как здесь оказалась ты?!

— Очень просто, — Анжела растерянно, во все глаза смотрела на Любашу, — приехала на конкурс... Ты что, забыла?

— Помню... — голос прозвучал почему-то зловеще, — Очень хорошо помню...

— Ну, ладно... — видимо, решив не сталкиваться с бывшей подругой, Анжела попятилась к двери, — Пойду. Скоро мой выход...

— Иди... — внезапно успокоившись, Люба вновь повернулась к раковине. Открыв кран до упора, намылила руки...

— Так как ты всё-таки тут оказалась?.. — решив, что никакой опасности нет, Анжела напоследок заглянула в зеркало из-за её спины, — Ты же с нами не ехала...

— Глаз вытри... — не ответив на её вопрос, Люба подняла взгляд на Анжелкино отражение.

— Где? — та машинально подалась вперёд, — Где?.. Не вижу...

— А вот где... — резко подавшись в сторону, Люба большим пальцем левой руки наполовину зажала горловину крана — мощная струя воды под углом ударила вверх, сминая пышную укладку на Анжелкиной голове, смывая тщательно наложенный макияж на серебристого цвета концертное платье...

От неожиданности встав как вкопанная, Анжелка только вскинула руки и, зажмурив глаза, с визгом разинула рот.

— Ты ещё здесь?! — через несколько секунд, закрыв, наконец, кран, Любаша повернулась и деланно вытаращила глаза на мокрую с ног до головы «подругу», — Беги давай!.. Твой выход!..

Глава 5.

После такого неожиданного для самой Любаша «срыва» ей оставалось только одно: сбежать.

Она уже хотела проشمыгнуть мимо остолбеневшей, мокрой Анжелки и выскочить в коридор, но в самый последний момент та вдруг пришла в себя.

— Куд-да, гадина?! — Анжелка сзади вцепилась мокрыми руками в Любашин воротник, — Сейча-а-а-с...

— Отвали! — Люба наугад попыталась ударить соперницу локтем, — Отвали, кому сказала?!

— Ах, ты, с-суч-чка!.. — Анжелкина пятерня снизу врезалась в пушистую гущу Любкиных волос и, захватив их у самых корней, сомкнулась в кулак, — Ты что наделала, тварь?!

— Ты сама — сучка!.. — отцепить вражеские пальцы одной рукой никак не удавалось, и Люба невольно пустила на помощь другую — выскользнувшая из ладони сумка смачно шлёпнулась на пол и завалилась набок. Пользуясь преимуществом, Анжелка успела пнуть сумку ногой. Услышав звон рассыпавшегося по полу содержимого, Любаша с отчаянием подумала, что зря не застегнула молнию, когда доставала пирожки.

Силы были явно неравны: будучи выше своей соперницы почти на голову, Анжелка изо всех сил тянула оказавшуюся к ней спиной Любу за волосы, так, что той казалось, что они вот-вот с треском и болью оторвутся от натянутой кожи. В то же время, понимая, что нужно как можно скорее покинуть поле боя, она, как могла, старалась высвободиться из невольного плена. Попытка повернуться лицом к противнице не принесла успеха — мешала боль, которая только усиливалась при резких движениях головой, и Люба, отчаянно подняв ногу в колене, резко опустила её вниз и чуть назад, с силой вдавив свой острый каблук в Анжелкину, обутую лишь в лёгкую туфлю, ступню...

Жуткий визг, раздавшийся через закрытую дверь, разнёсся по всему коридору сквозь доносящиеся из зрительного зала звуки музыки. Воспользовавшись тем, что соперница от боли ослабила хватку, Люба всё же повернулась и оттолкнула её изо всех сил... Подхватив с пола сумочку, буквально вывалилась из туалета и со всех ног промчалась в раздевалку.

Её пальто уже не висело сверху, и пришлось порыться, чтобы отыскать его среди прочих на высокой одноногой вешалке.

— Анжела!.. — Любаша едва успела отвернуться, чтобы заглянувшая в дверь Галина Геннадьевна не узнала её среди десятка других вокалисток.

Не увидев своей подопечной в раздевалке, женщина захлопнула дверь — торопливо застучавшие по коридору каблуки говорили о том, что не явившуюся к своему выходу конкурсантку лихорадочно ищут...

Накинув пальто, Любаша чуть приоткрыла дверь, в щёлку наблюдая, как Галина бежит вдоль коридора, заглядывая во все двери. Наконец, добравшись до туалета, та резко дёрнула ручку... Любе не было слышно, о чём говорили Анжела и её руководительница, но, судя по тому, что Галина даже забыла закрыть за собой дверь, при виде мокрой, растрёпанной подопечной та испытала настоящий шок.

...Назад они не шли, а неслись — так решительно, что Люба подумала, что сейчас

наступит возмездие... Уже не обращая внимания на переодевающихся тут же конкурсанток, она метнулась за вешалку, и вышла оттуда лишь тогда, когда поняла, что сейчас её искать никто не собирается, и, судя по тому, что теперь волосы у Анжелки были аккуратно зачёсаны назад и схвачены резинкой, а поверх платья был накинут шарф Галины, они бежали, чтобы успеть на сцену...

Ни о каком разговоре с членами жюри теперь не могло быть и речи. Уже представляя, как Анжелка закатывает скандал, и её саму с позором изгоняют отсюда на улицу, Люба вспомнила, что на полу в туалете остались её вещи, выпавшие из сумки. Обогнав направлявшихся туда девчонок, она юркнула в двери и быстро окинула взглядом помещение.

...Раздавленная Анжелкиной ногой губная помада и разломленная напополам расчёска не шли ни в какое сравнение с плавающим в унитазе мобильным телефоном... Брезгливо вытащив его двумя пальцами, Любаша бросила телефон в раковину и со злостью открыла кран...

Делать тут больше было нечего. Осторожно заглянув в зрительный зал, Люба, несмотря на ужасное настроение, чуть не расхохоталась. Видимо, поменявшись очерёдностью, прилизанная, практически без макияжа, в дурацком шарфе, Анжелка старательно выхаживала по сцене с микрофоном. Несмотря на явное мужество, с которым она решилась на выступление после драки, голос звучал неуверенно, срываясь на фальцет на высоких нотах. Люба подумала о телефоне, который, промыв под струёй воды, она завернула в полиэтиленовый пакет и бросила в сумочку. Пытаться сфотографировать Анжелкин позор не было смысла — даже не проверяя, Люба была уверена, что он окончательно испорчен.

Обежав напоследок глазами зал, она почувствовала, как успокоившееся было сердце тягуче заныло... Даниил и Илья сидели в среднем ряду. Она так и не увидела, как они выступили.

«Может, это и к лучшему», — подумала Люба, направляясь к выходу. Выступление Анжелы подходило к концу, и, подумав, что та сполна пожаловалась Галине, и сейчас её будут искать, чтобы «разобраться», Любаша торопливо толкнула тяжёлую уличную дверь...

По дороге на автовокзал Люба лихорадочно придумывала, что скажет сестре, а, самое главное, матери, которой соврала, что едет вместе со всеми на конкурс в качестве группы поддержки, и что поездка эта оплачена организаторами. Она представила, как та уже через пару часов будет обрывать телефон и потом, по её возвращении, будет долго и нудно выпытывать, почему он был недоступен...

«Придётся врать и про телефон...»

Несмотря на то, что дочь была уже самостоятельной, и, пусть немного, но сама зарабатывала на жизнь, Тамара Васильевна считала своим долгом полностью контролировать все её расходы, устраивая многочасовые выволочки по поводу каждой Любашиной покупки.

Несмотря на то, что ей удалось повергнуть эту змею Анжелку, Любаша совершенно не испытывала удовлетворения. Да и какое может быть удовлетворение, если из-за её сегодняшней несдержанности сорвался такой замечательный план?

«А, может, не нужно было сейчас уходить?.. Затаиться где-нибудь до конца выступлений... а потом, всё же, подойти к председателю жюри...»

Нет... Это, действительно, невозможно. Эта мокрая зараза уже всем пожаловалась. В этом нет никаких сомнений. О том, что Люба умышленно хотела сорвать выступление

Анжелки, знают уже все, начиная от участников и кончая членами жюри... Эта змея просто так ничего не оставляет, Люба за столько лет знакомства изучила все её привычки. Она, скорее всего, уже позвонила и своей высокопоставленной мамочке, и своему влиятельному папочке... Она уже подняла на уши всех, кого только можно. Люба даже подумала, что теперь ей страшно будет возвращаться домой...

...Домой... Теперь на творческой жизни можно смело ставить крест. Анжелкина мать сделает всё возможное, чтобы её, Любу, не взяли ни в один коллектив. Про сольные выступления можно вообще забыть...

Усмехнувшись, Любаша подумала, что буквально вчера была уверена, что сама больше не появится в своей студии... А теперь... Теперь она боится, что её оттуда выгонят.

«Надо было просто выйти... Пусть бы эта зараза сходила в туалет и чесала себе на сцену... Всё равно бы не прошла в финал... А Морозова... она обмолвилась, что Дима — член жюри. Наверное, она имела в виду своего мужа. Интересное совпадение... Они оба оказались причастными к этому конкурсу... Странно. Кроме Морозовой его некому было вести?.. Или они имеют отношение к этой «Творческой деревне?.. Если бы знать, что так получится... Можно было бы подойти к этому Диме... Он тоже — продюсер... хотя, не стоит размениваться. Если пробиваться, то на столичные сцены. Вот дура-то...»

Уже выйдя из троллейбуса возле автовокзала, Люба вспомнила, что наличных денег в кошельке совсем немного, и на билет не хватит. Она ещё утром видела банкомат в здании вокзала и, войдя внутрь, направилась в зал ожидания. Открыв сумочку, заглянула в боковой кармашек... Она была уверена, что паспорт, под белую, глянцевою обложку которого она засунула банковскую карту, лежит именно там. Небольшая сумочка имела одно единственное отделение, и Люба всегда клала паспорт в боковой широкий кармашек...

Теперь там паспорта не было. Не было его и на дне.

...Она вдруг вспомнила, что как раз держала паспорт в руке, когда её настиг второй приступ тошноты... Да, она сидела в зале... Когда объявили выход Даниила и Ильи, она пыталась достать из бокового кармашка носовой платок... Сложенный в несколько раз, он лежал на самом дне, и она второпях никак не могла его достать... пришлось вытащить паспорт, который мешал.

Да, она вытащила паспорт... а потом... Потом, поняв, что платок уже не поможет, вскочила и побежала в туалет.

Паспорт... паспорт она просто кинула в сумочку сверху пирожков... Она не любила всякие пакеты и лишние сумки, поэтому её сумочка всегда была набита битком... Вот и сегодня в ней лежали и косметика, и кошелёк, и паспорт, и эти злополучные пирожки!.. Положив их на самое дно, сверху Люба бросила и мобильник, и помаду, и расчёску... и паспорт.

Да! Она кинула паспорт сверху и, не застегнув молнию, убежала в туалет! Когда сумка выпала из рук, эта змея Анжелка пнула её... паспорт в числе прочих предметов, видимо выпал, а она, Люба, и не заметила... Наверное, он отлетел так далеко, что не попал в её поля зрения! Когда Люба, схватив сумку, убежала, Анжелка, чтобы отомстить, раздавила помаду, сломала расчёску и выбросила в унитаз мобильник... А паспорт?.. Люба закрыла глаза и отчаянно напрягла память... Нет. Когда она снова вошла в помещение, паспорта на полу точно не было! Она не могла его не заметить... Или — не заметила?.. Нет... Скорее всего, Анжелка забрала его, чтобы отомстить побольнее.

В паспорте, под обложкой, лежала банковская карта. Верина карта, которую Вера дала

ей на поездку...

Денег на карте было не очень много — около трёх тысяч. Люба не стала бы так переживать ни за эти деньги, ни за саму карту... Вера сказала, что они полностью в её распоряжении. Но сейчас ситуация была критической. Других денег у Любаши не было. Сто рублей наличными в кошельке — считай, что ничего...

Она растерянно присела на край пластикового кресла. Народу в зале ожидания было не очень много — люди заходили, выходили, некоторые присаживались в ожидании своего рейса... Любе стало по-настоящему страшно. Ни денег, ни паспорта, ни телефона...

Поехать назад?.. В эту «Творческую деревню»?.. И Галина Геннадьевна, и остальные, скорее всего, ещё там... Потребовать, чтобы Анжелка вернула ей паспорт? А она скажет, что не брала... Да ещё и нажалуется лишний раз. А какую радость она испытает, когда узнает, что Любаша осталась без денег!..

А Даня... Она ехала с надеждой увидеть их поражение... А получилось совсем не так как она хотела. Люба уже представила себе Анжелкин презрительный взгляд...

Да все они там одинаковые! И эта Морозова... «Люба, всё потом!..» — ей легко было так говорить... А самой Любаше это «потом» вышло боком. Да все они такие...

Чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, Люба низко опустила голову. Она ещё никогда не оказывалась в такой ситуации. Нужно срочно позвонить домой. Но как?.. Вот так подойти к первому встречному и попросить телефон?.. Да кто даст?.. Лично она ни за что бы не дала! Или украдут, или испортят, или позвонят куда-нибудь, так, что потом не рассчитаешься...

На её удивление, первый же человек, к которому она обратилась, поступил вопреки её ожиданиям.

— Пожалуйста, — женщина лет тридцати охотно протянула ей свой телефон, — позвоните, конечно, раз так случилось.

Рассказав Вере о том, что она потеряла паспорт с картой, Люба ещё минут десять выслушивала охи и вздохи сестры. Ей пришлось соврать, что её телефон разрядился, и что конкурс уже закончился, и все, включая Галину Геннадьевну, уже уехали, поэтому ни занять денег, ни позвонить с её телефона она не может.

— Сиди там, где сидишь! — наконец, успокоившись, приказала Вера, — И как-нибудь перезвони мне через час, я что-нибудь придумаю!

Услышав голос сестры, Люба немного успокоилась. То ли от перенесённого стресса, то ли, действительно оттого, что она ещё ничего не ела с самого утра, она вдруг ощутила жуткое чувство голода. Открыв сумочку, потянулась за пирожками...

Тошноты в этот раз не было, но Люба почувствовала, что запах печёного вызывает явное отвращение. С досадой закрыв сумку, она снова чуть не заплакала — есть хотелось всё сильнее... Закрыв глаза, она попробовала задремать...

— Люба!.. — сквозь дрему услышав знакомый голос, в первый момент она подумала, что это ей только снится, но, почувствовав, как кто-то легонько трясёт её за плечо, Любаша открыла глаза.

— Что?.. — она испуганно вглядывалась в наклонившееся к ней приветливое лицо, — Что...

— Скорее просыпайся, — Наталья Морозова уже тянула её за руку, — скорее!.. Побежали!..

— Куда?.. — поднявшись, Люба непонимающе смотрела на девушку, — Куда

побежали?..

— Со мной побежали, — рассмеялась Наташа, — у меня времени в обрез, я только за тобой приехала! Пока Дима в ресторане, я приехала за тобой!

— За мной?!

— Да! — Наталья оглядывалась на Любу на ходу, — Мне позвонил папа...

— Папа?..

— Да, папа... — догадавшись, что Любаша не понимает её, Наталья уточнила, — Мой папа. А ему позвонила Серёжкина мама... А ей позвонила твоя сестра... Теперь поняла?

— Да... — Люба неуверенно кивнула, но тут же отрицательно покачала головой, — Нет...

— Ты позвонила сестре, так? — девушки вышли на автомобильную стоянку, и Наташа на ходу щёлкнула электронным замком — стоящий неподалёку тёмно-синий «Ауди» приветливо поморгал ей фарами.

— Да... так... — Люба уже начинала понимать, что говорит Морозова.

— Ну, вот... А твоя сестра позвонила маме Сергея. У неё есть телефон моего отца. Тётка Оля позвонила папе и попросила, чтобы он привёз тебе деньги на билет. А папа город ещё плохо знает, вот он и позвонил мне, чтобы спросить, как лучше проехать на автовокзал... и рассказал, что с тобой случилось.

— И вы... так сразу... — Люба вместе с Натальей остановилась возле машины.

— Конечно, — та кивнула и, открыв дверь, кивнула Любаше, чтобы та садилась в салон, — папе ехать далеко, они живут на окраине. А мне ближе, вот я и...

— А куда мы сейчас?.. — Люба растерянно устраивалась в салоне, — Мне домой нужно...

— Сейчас мы едем обедать. Потом — к нам, в «деревню». Твой автобус всё равно вечером, — повернувшись к своей собеседнице, Наталья улыбнулась, — Я этот рейс очень хорошо знаю. Я подумала, что незачем тебе сидеть одной на автовокзале...

— Да я бы посидела... — Люба пожалала плечами, — А то так неудобно получается...

— Почему неудобно? — притормозив на светофоре, Наташа снова повернула к ней голову, — Всё удобно... Просто времени очень мало. Сейчас жюри уехали в ресторан, обедать, и Дима с ними вместе... А я тороплюсь только потому, что мы с тобой тоже сейчас присоединимся...

— К кому?! — Люба испуганно подняла на неё глаза, — К кому присоединимся?!

— К Диме и ко всем остальным.

— И я?!

— Ну, конечно. Ты ведь хочешь есть?

— Н-нет...

— Хочешь-хочешь, — рассмеялась Наталья, — и я хочу. Мы сегодня с Димой с самого утра как заводные. Организаторы конкурса ещё в сентябре обратились к нам, попросили пустить их в нашу «деревню». Заодно пригласили в жюри Диму...

— А что... вот это вот... — Люба показала рукой в неопределённом направлении, — То, где всё проходило... Это что, ваше?..

— Да, это наш творческий центр. Мы его назвали «Творческая деревня». Мы открыли его год назад, так что через неделю у нас первый день рождения.

— И... что вы там делаете?..

— Всё! — Наталья охотно кивнула, — Репетируем, записываем свои диски, клипы,

создаём новые программы...

— И песни записываете?..

— И песни записываем... — Наташа завернула на парковку возле небольшого здания, судя по всему, ресторана, — Ну, вот, приехали...

— Я не пойду, — Люба отчаянно замотала головой.

— Куда ты денешься, — рассмеялась Морозова, отстёгивая ремень безопасности, — давай, вылезай, а то без нас всё съедят.

— Я не пойду...

— Почему?!

— У меня денег нет...

— Ну, и что, — Наталья вышла из машины и открыла пассажирскую дверь, — идём!

— Нет, — Люба покачала головой, — вы идите, а я здесь подожду.

— Люба, — Наташа отстегнула её ремень и мягко потянула за руку, — идём. Я сама этим летом оказалась в такой ситуации, без денег, без паспорта и без телефона. И не где-нибудь, а в Москве... И я знаю, что это такое.

— Но мне неудобно... Там все такие... а я...

— Какие — такие?! — Наташа, улыбаясь, продолжала тянуть Любашу за руку, — Там все обыкновенные ребята! И даже Максим — тоже очень даже обыкновенный...

— Максим?

— Ну, да, Максим, председатель жюри. Очень даже весёлый парень. Потом будешь всем рассказывать, что обедала с известным композитором!

— А они ничего не скажут, что я тоже там?..

— Не скажут, — вытащив, наконец, из машины Любашу, Наталья щёлкнула замком, — ты же не будешь просить их послушать, как ты поёшь?

— Нет... — Люба пожала плечами, — Не буду...

— Ну, вот, — Наталья весело посмотрела на неё, — значит, всё нормально! Просьба сделать из тебя звезду — это единственное, что может вывести из равновесия любого продюсера, но нам это не грозит, правда?

— Угу... — кивнула Любаша, переступая порог ресторана.

Только сдавая в гардероб своё пальто, Люба подумала, что совершенно не одета для такого случая.

— Всё нормально, — видя её замешательство, Наталья успокаивающе махнула рукой, — я тоже не в бальном платье. Мы просто хотим есть.

Ещё Любаша подумала, что совершенно не разбирается в итальянской кухне, и, если откроет меню, то лишь для того, чтобы заказать себе кофе. На её счастье, заказ уже был сделан: сидевший за одним из столиков Морозов, увидев их с Натальей, приветливо улыбнулся и кивнул на стоявшие на столе блюда:

— Я всё правильно сделал?

— Всё правильно, — улыбнулась Наташа, присаживаясь напротив мужа и, жестом приглашая Любу, обратилась уже к ней, — я почему-то подумала, что у нас одинаковые вкусы, и тебе понравится вот эта еда. Я попросила Диму сделать заказ сразу, чтобы не терять время на ожидание. Нам нужно успеть поесть первыми, чтобы высокие гости нас не ждали. Согласись, будет неловко, если они вернуться раньше нас, правда?

— Угу, — кивнув, Люба обвела взглядом зал, но заметила за одним из столиков лишь троих членов жюри — двух женщин и одного мужчину, которых она видела утром. Двух

остальных, включая председателя, нигде не было видно.

— А где Максим с Иваном? — как будто угадав её мысли, Наталья обратилась к Дмитрию.

— В VIP-зале, — тот глазами показал на двери из тёмного непрозрачного стекла, — насколько я понял, обсуждают дуэт, — он неожиданно посмотрел на Любу, — кстати, ваш дуэт, «Даниэль».

— Это тех двух мальчиков, которые сидели у нас в аппаратной? — удивлённо спросила Наталья, — Илья и Данила, кажется... Да?

— Даниил... — глядя в одну точку, Люба с ужасом почувствовала, как тошнота накатывает новой волной...

— Да-да, Даниил, — кивнув, Наталья посмотрела на Дмитрия, — чего обсуждают? Понравилось, как поют?

— Скорее, как смотрятся, — усмехнулся тот.

...Уже привычно умывшись в туалетной комнате, Люба внимательно посмотрела на своё отражение в большом настенном зеркале. Бледность ей, в общем-то, шла... но радости от этого она не испытывала. О причине тошноты она догадывалась чуть ли не с первого дня... но, если вначале это были лишь сомнительные догадки, то теперь Люба с каждым днём всё больше и больше убеждалась в их правоте. Тест на беременность был куплен уже давно, но до сих пор она им не воспользовалась, наивно надеясь на «чудо» и отчаянно оттягивая тот момент, в результате которого придётся убедиться в справедливости утверждения, что «чудес не бывает».

— С тобой всё в порядке? — Наташа тревожно посмотрела на девушку, когда та вернулась за стол, — Может, какие-то проблемы?

— Нет, — Люба вымученно улыбнулась, — всё нормально.

— Ну, тогда рассказывай, — Морозова снова улыбнулась, — что же всё-таки с тобой произошло?

Без особого настроения, Любаша слово в слово повторила рассказ, заготовленный для своей сестры, опустив лишь момент про разряженный телефон.

— Кстати, а почему ты приехала отдельно, а не со своей группой? И уехала, не дождавшись окончания?..

— Наташка, дай человеку поесть! — Морозов шутливо нахмурился, — И сама давай ешь!

— Дима! Человек приехал из моего города! — Наталья не переставала улыбаться, — Это всё равно, что родственник, тем более, Серёжкин родственник!. Кстати, — она снова перевела взгляд на Любу, — Сегодня какой-то опасный день... Ты паспорт потеряла, у одной участницы каблук сломался, она ногу вывихнула, а ваша девочка, Анжела, почему-то оказалась в мокром платье... И волосы мокрые, и грим смыт...

— Да?.. — по тону Морозовой Люба поняла, что та не знает ни о том, что это именно она облила Анжелку водой, ни о драке в туалете, — И как она выступила?

— Если честно, то... ужасно.

— Ой, как жаль... — Любаша не смогла скрыть сарказма, услышав эту радостную для неё новость.

— Она по любому бы не вышла в финал, — Дима покачал головой, — хоть в мокром платье, хоть в сухом.

— А вот мальчишкам, судя по всему, повезло больше, — Наташа подняла взгляд на

мужа, — да, Дим?

— Если честно, пока не знаю, — тот пожал плечами, — я свой балл поставил, а дальше всё решила математика. Они, конечно, не супер-пупер... Но на твёрдую троечку тянут.

— На троечку?.. Всего?.. — было непонятно, удивляется Люба этому или радуется, — Значит, они не победили?

— Удивительно, но они прошли в финал. Из сорока участников остались восемь — с одинаковым максимальным количеством баллов, и ваш дуэт — среди них.

— И... что это значит?..

— Это значит... — рассчитавшись с официанткой, Морозов встал из-за стола, — Это значит, что завтра будет финальный этап регионального конкурса.

— Завтра?.. — по дороге в гардероб Люба задумчиво смотрела себе под ноги, — А я думала, что конкур идёт всего один день...

— Нет, — Наташа покачала головой, — один день он никак не может идти. Разве ваши ребята тебе не говорили?

— Нет, — Люба протянула жетон гардеробщику, — и я приезжала только на один день.

— А почему? — искренне удивилась Наталья, — Болеть, так болеть! Оставайся до завтра, завтра самое интересное будет! И назад со своими уедешь. А денег я тебе займу, переночуешь в гостинице.

— Я же паспорт потеряла, — усмехнулась Любаша, — меня в гостиницу не пустят.

— Ну, да... — застёгивая шубку, Наталья задумчиво посмотрела на себя в зеркало, — Без паспорта не пустят. А знаешь, что... переночуешь у нас. Дим, ты как? Не против? — она весело обернулась к мужу.

— Я никогда не против, — тот пожал плечами, — тем более, я сегодня вернусь поздно.

— Значит, решили, — Наталья обернулась к Любаше, — сейчас мы едем в нашу «деревню», там у меня ещё кое-какие дела есть... Потом Дима остаётся с юристами, им ещё видео пересматривать... а мы с тобой едем на автовокзал, покупаем на завтра тебе билет, а потом — к нам...

— Это же неудобно... — Люба нерешительно остановилась у автомобиля Морозовых, — Я не могу...

— Да всё удобно, — рассмеялась Наталья, — концерта у меня сегодня нет, поболтаем, пока Дима не вернётся... Расскажешь потом Серёжке, как мы живём, а то зовём, зовём его в гости, а он никак не едет.

— Ну... я не знаю...

— Значит, договорились, — уступив место за рулём мужу, Наташа уселась рядом с ним на пассажирское сиденье и обернулась к Любаше, — а завтра — на финал. Участников будет мало, болельщиков тоже, думаю, вашим ребятам будет приятно, если ты их поддержишь. Согласна?

— Согласна... — сидя на заднем сиденье, Люба опустила вниз глаза и как-то странно прищурилась, — Поддержу...

Глава 6.

Звонить матери и говорить, что она остаётся ещё на один день, Люба не решилась — та начала бы выпытывать причины, а врать сегодня Любаше больше не хотелось. Она позвонила Вере с телефона Натальи и, не вдаваясь в подробности, предупредила, что задержится из-за «возникших на конкурсе обстоятельств», и что всё расскажет дома, когда вернётся. Успокоенная Вера пожелала ей успеха и, пообещав перезвонить матери,

отключилась. Тот факт, что она будет ночевать у Морозовых, и что сейчас она звонит с Наташиного телефона, Люба решила пока не оглашать, чтобы не сердить сестру.

Несмотря на то, что конкурс уже три часа, как закончился, и все участники разъехались по гостиницам, Люба с некоторым страхом во второй раз за сегодняшний день переступила порог «Творческой деревни». Морозов вместе с остальными подъехавшими следом членами жюри сразу отправился в студию, пересматривать сегодняшние выступления участников, вышедших в финал, и Люба поймала себя на мысли, что много сейчас отдала бы за возможность увидеть выступление Даниила... А ещё больше — за встречу с ним самим... Не такую, какая была в последний раз... А — настоящую... наедине... И чтобы снова почувствовать его руки... его губы... Услышать его голос... слова, которые он когда-то говорил ей одной... Пусть они были неискренними. Но она много отдала бы сейчас за них. Даже больше, чем за разговор с московским продюсером, который сидит сейчас за этой металлической дверью, и не знает, что есть на свете такая девушка, как Люба Пучкова, у которой драматическое меццо-сопрано и жуткое желание стать известной певицей...

...Поднявшись вместе с Натальей на второй этаж, Люба с интересом осматривалась.

— Здесь репетирует шоу-балет, — открыв одну из дверей, Наташа рукой показала на довольно просторное помещение.

— Ваш собственный? — Люба удивлённо разглядывала зеркальную стену танцевального зала.

— Нет, собственного балета у нас нет, это, как правило, самостоятельный коллектив, который выступает у нас на подтанцовке. Этот зал мы сдаём в почасовую аренду разным танцевальным коллективам, плюс сдаём репетиционную — вокалистам и группам, так вот и зарабатываем на содержание нашей «деревни».

— А здесь что? — Люба вошла вслед за Натальей в небольшое помещение, выкрашенное в тёплый, персиковый цвет, с такого же тона персиковыми ламбрекенами на высоких окнах и стоящим у стены цифровым пианино абсолютно белого цвета.

— Здесь занимаются вокалом, — Наташа поправляла небрежно расставленные по всей комнате стулья, аккуратно устраивая их вдоль стены, — у нас есть проходящий преподаватель по вокалу.

— Вокалом? — Люба казалась удивлённой, — А кто занимается? Вы же сами профессионалы...

— Вокалисты, — улыбнулась Наташа, — мы не раз сталкивались с ситуацией, когда у вокалиста хороший тембр, широкий диапазон, но голос абсолютно не поставлен.

— Вы что, набираете вокалистов?..

— Бывает, что набираем. На бэк-вокал, например. Или как сейчас, для нашей новой рок-оперы.

— Оперы?! — С каждой минутой изумление Любаши всё росло, — Вы ставите оперу?..

— Да, Дима написал рок-оперу. Главные партии поём он и я, но есть ещё и действующие лица, и тот же бэк-вокал.

— Ничего себе... И сколько вокалистов нужно набрать?

— В общем-то, вокалисты есть. Нужны дублёры, на случай болезни кого-то из второстепенных персонажей.

— А на случай болезни главных героев? Дублёры есть?

— Нет, — улыбнулась Наташа, — в случае болезни главных героев концерта просто не будет. Перенесут. Но мы надеемся, что этого не случится.

— А почему?.. В смысле, почему нет дублёров?

— Мы с Димой так решили. Во всяком случае, пока — так, — Наталья взялась за ручку двери, — ну, что, идём вниз, посмотрим, что в других помещениях делается после сегодняшнего столпотворения.

— А кто у вас убирает? — Люба привычно, профессиональным взглядом окинула холл, потом лестницу, — Уборщица?

— Нет, уборщиц у нас нет. Убирают в основном девчонки, вокалистки, которые работают с нами. Они так подрабатывают в свободное время.

— Вокалистки?!

— Ну, да, — кивнула Наталья, — У кого гонорары совсем небольшие, практически все ещё где-нибудь подрабатывают, кто на подпевках у других исполнителей, кто вот так, моют полы...

— Я думала, что, если с такими известными артистами работают, то хорошо зарабатывают.

— На подпевках много не заработаешь. Чем больше коллектив, тем меньше гонорар, — улыбнулась Наталья, — да и нам миллионы с неба не падают... У Димы группа — десять человек, вместе со звукорежиссёрами, видеомонтажерами и со мной. Плюс балет, администратор, бухгалтер, свой модельер, режиссёр... И всем нужно платить зарплату... Это на концертах всё красиво и грандиозно... Если смотреть из зрительного зала. Но за этим стоят самые обыкновенные трудовые будни. Репетиции, записи, съёмки... Дима пишет музыку, тексты мы пишем вдвоём... на нём студия звукозаписи, организационные дела... Я и с ними выступаю, и со своей сольной программой. А ещё у меня клубное шоу... В общем, крутимся, как можем.

— А я думала... — Люба недоверчиво усмехнулась, — Думала, звёзды много зарабатывают.

— Столичные — да. Но нам до них далеко... Мы не собираем стадионы, у нас не такие огромные залы, но зато они всегда полные, мы поём вживую, без фанеры. Мы постоянно в каком-то поиске... Мы — по-настоящему творческие люди.

— Вот и обидно... — видимо, подумав о чём-то своём, Люба нахмурила брови, — Они там, в Москве, вообще все безголосые... Один раз запишутся на студии, потом только рот раскрывают, а такие деньги зарабатывают!.. А у кого-то, действительно, талант!.. А он пробиться не может... Вот почему так несправедливо?!

— Это только кажется, — Наташа снова улыбнулась, — на самом деле, жизнь много нам даёт. Кому — в творчестве, кому — в личной жизни.

— А если не там, и не там?! — в голосе Любы послышалась неприкрытая обида, — Если нигде не даёт?!

— Так не бывает. Может, человек просто слишком многого хочет?

— Многого?! Не знаю... Просто хочется справедливости... а разве справедливость — это много?..

— Нет, конечно. Справедливость должна быть во всём.

— Почему же тогда одним — всё, а другим — ничего?..

— Не знаю, Любаша... — видимо, устав спорить с гостьей, Наталья примирительно вздохнула, — Наверное, так устроена жизнь.

— Неправильно она устроена! Если у тебя родители не какие-нибудь шишки, а простые люди, то о тебя могут и ноги вытереть!

— Тебя кто-то обидел?.. — Наталья внимательно посмотрела на девушку. Они уже спустились на первый этаж и собирались войти в комнату, в которой была устроена раздевалка.

— Это я должна была поехать на этот конкурс!.. — в Любашиных глазах было столько неподдельной обиды, что Наташа невольно остановилась.

— Ты?.. — она удивлённо приподняла брови, — А почему не поехала?.. Вернее, почему поехала не в качестве участницы?

— Потому, что у меня мама не начальник отдела управления культуры.

— Понятно... — Наталья снова взялась за ручку двери, — Идём...

Вопреки Любашиным ожиданиям Морозова не стала расспрашивать в подробностях о причине несправедливого решения жюри... Люба уже приготовилась в ответ на её предполагаемые расспросы в красках описать, как некрасиво поступили с ней судьи, отдав свои голоса этой змее Анжелке... Но Наташа молчала, видимо, и без Любиного рассказа догадываясь обо всех «тонкостях» провинциального судейства.

Однако, присев на стул, она с сочувствием слушала, как, после недолгого молчания, хлюпая носом, Любаша сбивчиво жаловалась и на Анжелку, и на её мать, и на Галину Геннадьевну, не захотевшую встать на защиту настоящего таланта... а так же на всех московских продюсеров, которым было лень ответить на её письма.

— И ты приехала, чтобы просто посмотреть на то, как проходит конкурс?

— Я хотела всё рассказать членам жюри... председателю жюри...

— Это, конечно, всё очень плохо... то, как с тобой поступили, — Наташа говорила и кивала в такт своим словам, — но разговор с членами жюри, и даже с председателем, ничего не даст.

— Почему? — Люба вытерла глаза и уставилась на собеседницу.

— Потому, что жюри оценивает лишь заявленных в конкурсе исполнителей.

— Я хотела, чтобы они меня послушали...

— С какой целью?

— Не знаю... — Люба неуверенно пожала плечами, — Просто — послушали...

— Ну, подожди... Люба, ты же взрослый человек, — Наташа серьёзно посмотрела на девушку, — ты должна точно знать, чего ты хочешь в данной ситуации. Если попасть на конкурс, то, увы, в любом случае, ты опоздала. Если у тебя другая цель...

— Я хотела, чтобы меня заметили... — Люба перебила Наталью на последнем слове.

— Понятно, — снова кивнула Наташа, — я так и поняла. Заметили, и..? Дальше — что?

— Не знаю... — Люба снова пожала плечами, глядя куда-то в пол.

— Ну, вот, опять — не знаешь...

— Знаю! — Люба тряхнула светло-русыми волосами и подняла полный отчаяния взгляд, — Я хочу пробиться на большую сцену... У меня хорошие вокальные данные... Я могу петь... лучше, чем многие могу!..

— Я тебе верю, — Наташа грустно улыбнулась, — попасть на большую сцену мечтают многие. Попадают — единицы.

— Я знаю. Но ведь попадают же!

— А зачем тебе именно на большую сцену? Если у тебя хороший голос, можно петь и в своём городе, быть популярной. Ты же где-то поёшь? Я правильно поняла?

— Да... У нас творческая студия...

— Ну, вот... вы же участвуете в концертах, праздничных мероприятиях? Разве это не

сцена?

— А разве — сцена?!

— А разве — нет? — Наташа снова улыбнулась, — Главное — заниматься любимым делом, а всё остальное — это лишь нюансы.

— Ничего себе — нюансы, — усмехнулась Любаша, — Зрительный зал на двести мест, костюмы за свой счёт и ни копейки гонорара...

— В этом ты, конечно, права. Но, если у тебя, действительно, есть талант, рано или поздно тебя заметят, пусть и в провинциальном городке.

— У нас?! — Люба вытаращила удивлённые глаза, — Да кто у нас заметит-то?! Если только хозяин какого-нибудь ресторана...

— А, что, ресторан это же неплохо. Творчества там, правда, мало, но школа хорошая. Самые крутые музыканты вышли именно из ресторанов. Плюс — заработок. Кстати, моя одноклассница по музыкалке поёт в «Руси», может, видела? Катя Малышева... уже не первый год поёт.

— Ну, вот ещё... — Любаша хмыкнула, представив, как она стоит за микрофоном перед жующей публикой, а сидящий за одним из столиков Даня что-то насмешливо говорит о ней своей очередной спутнице...

— И я пела в ресторане, правда, недолго. И на праздниках выступала, и даже на дому. Если ты в душе артист, какая разница, где приходится петь, в зрительном зале или в ресторане?

— Но там никто не оценит! Одни пьяные рожи...

— Ты работаешь или учишься?

— Работаю...

— Кем?

— Горничной в гостинице, — Люба произнесла эти слова нехотя, как бы стесняясь.

— Вот видишь. Ты убираешь за клиентами. А в ресторане ты могла бы для них петь. Это уже совсем другой статус... Глядишь, кто-нибудь и заметил бы.

— Всё равно... это не сцена.

— Кому — как. У нас в «патруле» клавишник — Женя Журавлёв. Музыкант от Бога... При чём, за плечами только музыкальная школа по классу бас-гитары, но он на клавишах такое вытворяет, что ни одному знаменитому виртуозу не снилось. Серьёзно, — Наташа кивнула в подтверждение своих слов, — И голос замечательный. Так вот он много лет отработал в ресторане, пока Дима не пригласил его к нам.

— Нет... это всё не то... не то... — Люба отрицательно качала головой, — У меня другая цель. Мне нужен успех!

— Люба... — Наталья говорила осторожно, боясь обидеть свою собеседницу, — Послушай меня. Можно всю жизнь стремиться к призрачной цели... Отдать в жертву всё, что у тебя есть... пройти мимо настоящего счастья... В результате добиться успеха, но остаться несчастным человеком... А можно даже и успеха не добиться. Ты не обижайся, что я так с тобой говорю. Просто, я знаю, что говорю. Можно провести годы в погоне за славой... а потом убедиться, что это бесцельно потраченное время, и за это время упущены многие возможности другого толка. Тебе сейчас может показаться, что я читаю обыкновенную нотацию... Но я говорю тебе правду. Добиться успеха не просто сложно. Это очень сложно.

— Но ведь ты... вы... ты же добились?.. Значит, всё-таки, можно?..

— Можно, — улыбнувшись, Наташа охотно кивнула, — в общем, можно. Только я открою тебе один секрет... Я никогда не стремилась к успеху. Я даже не собиралась петь профессионально. Я училась в университете на режиссёра...

— Режиссёра?..

— Режиссёра театрализованных представлений, — уточнила Наталья, — нет, я пела, конечно... Но без претензий на карьеру певицы. Просто у меня так сложились обстоятельства. Я пришла к сцене без борьбы, и только благодаря Диме. Я думаю, что судьба сама решает за нас... и, если она где-то сопротивляется, то бороться не стоит. Значит, так тому и быть.

— А я не хочу так... — Любаша упрямо смотрела исподлобья впереди себя, — Свою судьбу я хочу устраивать сама...

Договорить она не успела... Услышав за дверью шаги, девушка вопросительно посмотрела на Морозову.

— Это Максим... — выглянув в коридор, Наталья снова повернулась к Любе, — Закончили просмотр, жюристы разъезжаются.

— Он сейчас уедет?! — понимая, что завтра будет новая суматоха, и другого такого шанса поговорить с московским продюсером один на один у неё уже не будет никогда, Люба кинулась к дверям.

— Наверное... — Наташа едва успела пропустить её вперёд.

...Она, конечно, не очень надеялась на положительный результат этого разговора... В считанные секунды преодолев разделяющие их метры коридора, Люба у дверей догнала председателя жюри — он шёл так быстро, что его редкие длинные волосы, как на ветру, «полоскались» внутри откинутого назад капюшона красной зимней куртки.

— Подождите!.. — забежав вперёд, Любаша тут же невольно попятилась — мужчина и не думал сбавлять шаг, — Подождите!..

— Слушаю... — он всё же остановился, скользнув по ней равнодушным взглядом.

— Я... я очень хорошо пою!.. Правда!.. — от волнения Люба забыла все слова, которые собиралась сказать продюсеру, — У меня драматическое меццо-сопрано!..

— Поздравляю, — на его лице застыло выражение вселенского терпения, — у вас всё?

— Нет!.. — она с мольбой смотрела в его серые, какие-то безразличные глаза, — Прослушайте меня... Пожалуйста!..

— Вот... — уже на ходу он достал из кармана визитку и протянул её Любе, — Там адрес... присылай плюсовку.

— Спасибо... — Люба оторопело смотрела на маленький картонный прямоугольник, — Только...

Она хотела сказать, что у неё нет плюсовки... но, подняв голову, увидела лишь захлопывающуюся входную дверь. Бежать на улицу, чтобы ещё раз нарваться на этот равнодушный взгляд, уже не захотелось.

«А Наталья говорила, что он нормальный и весёлый... Все они такие!..»

Люба ещё раз растерянно посмотрела на визитку: «Платов Максим Вениаминович. Композитор. Продюсер. Москва...»

— Ну, что? — Наташа поджидала её у дверей аппаратной, куда она зашла к мужу.

— Сказал, чтобы присылала плюсовку... — подбородок предательски дрожал, глаза наполнились слезами, и Любаша едва сдерживалась, чтобы окончательно не разреветься.

— И чего ты плачешь?.. — Наталья взяла Любу за плечи, — Сказал — пришли... Мало

ли... Вдруг повезёт?..

— Да где же я её возьму?.. — она всё же не сдержалась; слёзы градом покатались по щекам, — Кто же мне её запишет?!

— Разве у вас негде записать? Была же студия звукозаписи... Я помню!

— Она и есть... — Люба размазывала слёзы по щекам, — Только там такие цены... мне за полгода не заработа-а-а-ть!..

...Вечером, попав в квартиру Морозовых, Люба почувствовала сильную усталость, которая после принятого душа показалась ей просто жуткой... Она даже была готова отказаться от ужина, чтобы поскорее лечь в постель, которую Наталья постелила ей в гостиной, но та буквально затащила Любашу в кухню.

— Ты не стесняйся, — Наташа ставила на стол тарелки, — у нас постоянно кто-нибудь гостит, это уже традиция. Вот только Серёжку не можем никак зазвать. Сколько раз приезжал сюда по работе, и ни разу к нам не пришёл!

Поужинав, Люба окончательно поняла, что ни на какие разговоры её сегодня уже не хватит. Последнее, что она запомнила перед тем, как лечь, наконец, в постель, это дети — мальчик лет четырёх, и девочка, которой было чуть больше года, которых Наталья привела от живущих по соседству родителей Дмитрия... Оба ребёнка были беловолосыми, как и сама Наташа, и голубоглазыми, как Дима... Только мальчик был копией отца, а девочка — матери. Они вместе с мамой пришли пожелать Любаше спокойной ночи.

— Это — Валерик, — Наташа наклонилась и поцеловала сына в белую пушистую макушку, потом подхватила на руки дочь, — А это Анечка... она появилась на свет только благодаря Серёжкиной маме... и самому Серёжке!

— Как это?.. — несмотря на желание немедленно закрыть глаза и провалиться в долгожданный сон, Люба насторожилась.

— Да нет... — рассмеялась Наташа, — Ты не так поняла... Просто после рождения Валерика я заболела, и вряд ли могла бы иметь детей, если бы тётя Оля не прислала мне лечебную траву. Я её пила, и вот результат... — расцеловав в обе щёчки, Наталья ещё крепче прижала к себе девочку.

— А Серёга?.. Он тут при чём?..

— А он мне эту траву как раз и привёз. Вернее, он привёз её Диме, потому, что я была в больнице... Вот такая история. Тётя Оля — настоящая волшебница. Её травы делают чудеса...

...Когда домой вернулся сам Дмитрий, Люба смотрела уже десятый сон.

Они увиделись только утром, за завтраком. Выспавшаяся Люба, наконец, смогла оценить жилище областных «звёзд», и украдкой разглядывала убранство кухни.

— Наташа мне всё рассказала, — подхватив на руки карабкающуюся к нему на колени дочь, Морозов придвинул к себе чашку с кофе, — мы тебе поможем.

— Мне?! — Люба и так робела в присутствии этого красивого, к тому же, популярного, певца, и от этих слов совсем смутилась.

— Да, мы с Димой решили тебе помочь, — кивнула Наташа, в свою очередь, усаживая за стол сына, — сегодня, конечно, не получится, но, если бы ты осталась ещё на один день, то завтра можно было бы записать твою песню в нашей студии.

— Но... это же дорого... — от услышанного Любу кинуло в жар, — Я не смогу рассчитаться!

— Не нужно никакого расчёта, — Дмитрий махнул рукой, — это не так сложно. Это не

аранжировка. Наложить голос на аккомпанемент, это не сложно. Я сам сделаю, а потом пришло по электронке.

— Ты ведь не свои песни поёшь? — Наталья подвинула Любаше тарелку с бутербродами, — Чей-то репертуар?

— Да, — та всё ещё растерянно кивнула.

— Ну, и всё. Минус найдём, а вокал записать не проблема. Там главное качество звучания, а это у нас на самом высшем уровне...

Она не знала, как благодарить Морозовых, и даже предстоящее объяснение с матерью за трёхдневную отлучку не могло испортить поднявшегося настроения. После завтрака, собираясь вместе с ними в их «творческую деревню», Люба уже не так уныло представляла встречу с Даниилом... Всё-таки, что-то сдвинулось с места... она это чувствовала... Сдвинулось!..

— Люба, открой, пожалуйста! — из спальни выкрикнула Наталья, услышав дверной звонок.

Щёлкнув замком, Любаша удивлённо пропустила мимо себя худенькую, невысокую женщину лет тридцати пяти, с белыми, затянутыми в хвост, волосами и приветливым выражением симпатичного, с ямочками на щеках, улыбающегося лица.

— А это — Нина, — Наталья выглянула в прихожую и, поздоровавшись с гостьей, представила ту Любе, — наша няня.

— Так вы сегодня оба дома? — женщина ласково посмотрела на обоих, выбежавших к ней навстречу, малышей.

— Так восклесенье же! — Валерик развёл руками, — Выходной!

К Любиному удивлению, и сегодня в «творческой деревне» было довольно многолюдно — основную аудиторию представляли вчерашние, не прошедшие в финал, исполнители, которые нашли в себе смелость прийти и поболеть за более удачливых конкурсантов, а так же всё те же группы поддержки во главе с руководителями молодёжных коллективов.

Народ начал собираться практически сразу, как только двери «деревни» были открыты. Оставив Любашу в кабинете Дмитрия, и он, и Наталья, сразу куда-то убежали, предоставив ей полную свободу действий до начала заключительного этапа. Мысль о том, что Даня, скорее всего, тоже уже здесь, где-то в соседнем помещении, заставила сердце заныть — уже так привычно и обречённо...

— Ой, Наташенька, а ничего, что у вас?.. А то подумают, что по знакомству... — Любаша была готова залезть под стол, когда в отворившуюся дверь, как-то боком, одновременно разговаривая с идущей сзади Морозовой, втиснулась Галина Геннадьевна, — Вы ведь всё-таки в жюри...

— В жюри не я, А Дима, а здание это — всё наше, так что вы в любом помещении будете «по знакомству», — весело подталкивая вперёд себя Галину, Наталья вошла следом, — просто вчера кабинет был занят, а аппаратная свободна, а сегодня — наоборот! Так что проходите, раздевайтесь! Мальчики, вы где? — она выглянула за двери в поисках Даниила и Ильи и, не увидев их, снова вышла.

— Ну, тогда... — смущённо улыбаясь, Галина повернулась всем корпусом и собиралась уже шагнуть по направлению к шкафу, но, увидев сидящую на диване Любу, изумлённо застыла, — Лю-у-ба?!

— Здравсьте... — Любаша ощутила, как при виде своей руководительницы у неё

холодеют обутые в тёплые Наташины сапожки ноги — ещё вчера та заметила, как Люба вечером буквально ковыляет на своих шпильках, и сегодня утром, порывшись в шкафу, протянула ей свои сапоги на невысоком, удобном каблучке. Размер был чуть маловат, но, сняв тёплые носки, Люба свободно разместила в них ступни и застегнула обе молнии. Она заметила подозрительный взгляд Галины на своих ногах и поняла, что разговора о вчерашнем инциденте избежать не удастся.

— Анжела сказала, что ты здесь, — многозначительно глядя на Любашу, Галина понизила тон, — но я тебя так вчера и не увидела... Потом мы обязательно поговорим.

— Угу, — угрюмо кивнула Люба, с тоской представляя, какие помои вылила вчера на неё эта стерва Анжелка, и как она поведёт себя сейчас, увидев свою «обидчицу».

— Мальчики, проходите, — Наташа широко раскрыла двери, пропуская Даниила и Илью, — раздевайтесь! Если нужно, мы все выйдем!

— В общем-то, мы уже одеты, — Даниил улыбался своей обычной сногшибательной улыбкой, — Нам бы зеркало...

— Пожалуйста, — Наталья открыла шкаф — обратная створка была полностью зеркальной, — готовьтесь, приводите себя в порядок, распеваемся наверху, там же, где вчера... У вас ещё сорок минут в запасе, так что успеете! Кстати, а где Анжела?

— Она осталась в гостинице, — Галина снова недвусмысленно покосилась на Любашу, — у неё распухла нога.

— Ужас, — Морозова уставилась на Галину, — а что случилось? Она рассказала, кто её облил водой?

— Да, рассказала... — ещё один взгляд был брошен на Любу, — Но просила никому не говорить. Не хочет скандала...

— Это, конечно, благородно с её стороны... — Наталья пожала плечами, — Но, вообще-то, это хулиганство. Хотя... такое сплошь и рядом, особенно на конкурсах. А с ногой что?

— Ударилась, — уклончиво ответила Галина.

— Может, нужно было в травматологию обратиться? Скорая помощь не нужна?

— Я предлагала, но Анжела отказалась. Сказала, что до дома потерпит. Наташенька, спасибо вам огромное, — переводя разговор в другое русло, Галина прижала к сердцу ладонь, — я слышана о вашем гостеприимстве, а теперь и сама убедилась!.. Всем буду рассказывать, как вы встречаете земляков! Нет, ну, правда!.. Если бы вы видели, как мы мучились год назад, на областном фестивале, вы бы не поверили!.. На сто человек одна гримёрная, ходили по головам, честное слово! У кого-то шубу украли, у кого-то деньги вытащили, это был просто кошмар, а ведь не в сарае выступали, в клубе железнодорожников! А жюри!.. Видели бы вы это жюри... Они откровенно намекали на... ну, вы понимаете, на что... да?.. У нас девочка просто взяла и ушла с конкурса! Её мама забрала... У вас всё отлично, правда, просто отлично!..

Слушая, как расточается в благодарностях Галина, Любаша не торопилась поднимать устремлённые в пол глаза. Она всем своим существом ощущала на себе взгляд Даниила — удивлённый и, в то же самое время, пытливый. Она вдруг пожалела, что не взяла предложенный Натальей ноутбук — сидя с ним на коленях, она выглядела бы намного эффектней и загадочней.

— Привет! — услышав удивлённый голос Ильи, Люба поняла, что приветствие относится к ней и, наконец, подняла глаза.

— Привет! — она постаралась ответить как можно непринуждённое, всем своим видом

показывая, что она в этом кабинете совершенно не случайно.

— А ты чего тут делаешь? — Илья не оставлял удивлённого тона.

— А я тут в гостях, — игривая улыбка получилась у неё отлично — даже не видя своего отражения, Люба была уверена в этом на все сто процентов.

— М-м-м?.. — едва заметно кивнув на занятую разговором с Галиной Наталью, Илья изумлённо поднял брови.

— Угу, — уверенно кивнула в ответ Любаша, пользуясь тем, что Наталья не обращала на их мимическую игру никакого внимания.

Одобрительно покрутив головой, Илья недвусмысленно посмотрел на Даниила, который, несмотря на непринуждённую улыбку, внимательно следил за их «разговором».

— Нет, смотри, если у тебя там замыкает постоянно, то лучше не рисковать, — Морозов, в сопровождении молодого, симпатичного паренька, с чёлкой под «эмо», стремительно вошёл в кабинет и, открыв стол, начал двигать ящики, — Наташа, где у нас ключи от кладовки?

— Дима, — позвав мужа, она глазами показала ему на ключ, мирно висящий на стене.

— Точно, — закрыв стол, тот так же стремительно шагнул вперёд, — всегда забываю.

— Потому, что редко туда заглядываешь, — улыбнулась Наташа, — ну, что, ещё не подъехали?

— Ещё нет, — уже взявшись за ручку двери, Дмитрий внезапно обернулся и, повернув за плечи своего спутника в обратную сторону, посмотрел на Любу, — Люба, посмотри внимательно на этого молодого человека и запомни его в лицо. Вот он... — Морозов демонстративно показал пальцем на смеющегося паренька, — он завтра будет записывать твою фонограмму. И, если он её, не дай Бог, запрет, мы спросим с него по всей строгости музыкального жанра.

— Ладно, — в этот раз Люба рассмеялась искренне.

— Это Антошка, наш сосед, — проводив глазами мужа, Наташа тоже рассмеялась, — он учится на звукорежиссёра, и Дима взял его к нам, пока на практику. Но ты не переживай, он всё делает отлично, иначе Дима бы не доверил ему твою песню.

Люба только радостно кивала... Она почувствовала себя намного увереннее. Нет худа без добра...

— Илья, Даня, — дождавшись пока парни приведут в порядок волосы, Галина взволнованно сцепила обе кисти на груди, — сейчас идём наверх, распеваемся. Потом — туда, поближе к сцене... По жеребьёвке вы — предпоследние... Господи... — она судорожно вздохнула, — Как я за вас переживаю!.. Ещё и текст неудачный... Даня, во втором запеве, там, где «си-и-и-ил», — Галина негромко взяла высокую ноту, изображая проблемное место, — не забудь перейти на фальцет!.. Я понимаю, что там так и хочется спеть мощно... Но лучше не рискуй... Хорошо?

— Хорошо, — как послушный ребёнок, кивнул в ответ Даниил.

...Оставшись одна, Люба откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Она не хотела идти в зал раньше времени, решив просидеть в кабинете Морозова до самого начала конкурса.

Всё-таки не зря она поехала... Вера права. Нужно идти к своей цели, пусть даже вот такими маленькими шажками! Сегодня это — маленький шажок... Завтра — побольше...

Она добьётся своего. Она в этом уверена. Рестораны... маленькие залы... такие вот дурацкие конкурсы... Всё это — не для неё. У неё другой путь... А Даня... Он ещё

посмотрит на неё снизу вверх! Она уже сегодня краем глаза заметила выражение его лица, когда Морозов при всех упомянул о завтрашней записи — здесь... в его студии!..

А это покруче, чем знакомство с Анжелкиной мамашей...

— Ты здесь?.. — погружённая в свои мысли, она вздрогнула от внезапно прозвучавшего голоса и открыла глаза — закрыв за собой дверь, Даня... такой красивый... и всё ещё любимый... смотрел на неё своими карими глазами из-под полуприкрытых, по обыкновению, век, — Ну, привет...

Глава 7.

Несмотря на то, что Люба не раз уже представляла себе встречу с Даниилом и мысленно готовилась к ней, его неожиданное появление в кабинете заставило её ощутить прилив — теперь уже жара, охватившего всё тело с ног до головы. Ей очень хотелось сохранить невозмутимый вид, но явного смущения всё же скрыть не удалось.

— Привет, — пробормотала она в ответ на его приветствие.

— А я не знал, что ты здесь.

— Тебе и не нужно было знать, — бросив на него взгляд исподлобья, Любаша скрестила на груди руки и закинула ногу на ногу.

— Ты что, на конкурс приехала, или?.. — едва улыбаясь уголками губ она смотрела на неё своим завораживающим взглядом... взглядом, за который можно было отдать весь мир...

— Или... — коротко бросила Любаша и, поджав губы, опустила глаза.

— Сегодня?..

— Тебе что, твоя Анжелочка не сказала?

— О чём? — он казался крайне удивлённым.

— О том, что я вчера приехала.

— А я тебя вчера не видел... Ни здесь, ни в гостинице, — он демонстративно проигнорировал второе упоминание об Анжеле.

— Меня не было в гостинице, — Люба уже окончательно справилась с собой и теперь бросила на своего бывшего парня насмешливый взгляд, — я в другом месте ночевала.

— У Морозова, что ли? — в его вопросе одновременно послышались и шутливость, и любопытство, и настороженность.

— Ну, да, — пожав плечами, она сказала эти слова как что-то само собой разумеющееся.

— А ты никогда не говорила, что ты знакома с ними.

— А в этом есть что-то необычное? Наташа из нашего города, её многие знают. Или ты не в курсе?

— Про это я узнал только вчера. А «Ночной патруль»... они-то не из нашего...

— Наташа — одноклассница Серёги, Веркиного мужа. И не только одноклассница, а соседка и подруга детства.

— Ничего себе... А ты никогда не говорила...

— А ты не спрашивал.

В глубине души Люба понимала, что такой внезапный интерес Дани к ней вызван не вернувшимися чувствами, а её знакомством с довольно известными артистами... Она понимала это, и ей очень хотелось сказать ему что-нибудь дерзкое и обидное... но она молчала. Его слова, его взгляд, даже несмотря на их явную неискренность, были для неё как лучики света в темноте... Они светили, но не грели... но она была согласна даже на их холодное сияние, лишь бы побыть с ним наедине хоть какое-то время... Хоть ещё одну

минуту...

— Ну, чё... ты где?.. — Заглянувший в дверь Илья удивлённо уставился на Даниила, — Сейчас начинается... Там Галина уже психует. Идём!..

— А ты?.. — Даня обернулся к Любаше, — Не идёшь смотреть?

— Я... я не знаю... — она как-то нервно повела плечом, — Я же не брошу открытую комнату.

— Ну, тогда... — набрав в грудь воздуха, он шумно и коротко выдохнул, как бы приготовившись к предстоящему испытанию, потом снова бросил на неё свой взгляд, — Может, пожелаешь мне чего-нибудь?

Любаше ужасно захотелось съязвить что-нибудь по поводу Анжелки, но она только крепче стиснула зубы и отвела взгляд. Не дождавшись ответа, Даниил ещё раз решительно вздохнул и вышел.

...Она всё же успела к их выходу — вспомнив про неё, Наталья ненадолго забежала в кабинет и, выпустив Любу, закрыла его на ключ. Устроившись в зрительном зале, Любаша с интересом смотрела выступления финалистов, про себя подмечая и манеру исполнения, и костюмы, и особенности вокала. Она не зря удивилась вчера, узнав, что Даня с Ильёй вышли в финал — они откровенно не тянули на топовые места. Нет, для своей провинции они пели довольно хорошо, но заметно проигрывали в сравнении с другими дуэтами. Единственным их плюсом оставались внешние данные — оба парня были смазливы, как брюнет Даня, так и блондин Илья.

— Ты потом — куда? — исполнив свой номер, ребята тоже вышли в зрительный зал, и Даня присел возле Любаша.

— А что?.. — не глядя на него, она постаралась придать голосу как можно больше сарказма.

— Да так... просто... Думал, может, с нами едешь...

— Ты что, не слышал? У меня завтра запись.

— Я думал, это шутка.

— Как видишь, нет.

— Круто. И сколько баблом? Секрет?

— Секрет.

— Нет, серьёзно... Может, и я потяну?

— Не знаю... — она многозначительно усмехнулась, — У меня цена другая. По-родственному.

— Я понимаю... Слушай, а ты можешь узнать, сколько стоит записать песню в их студии? У них крутая студия, я вчера посмотрел...

— Сам и спроси. А то Анжелочка ещё приревнует...

— А у нас с ней всё.

— Чего это так? — Любаша не смогла скрыть радостно-удивлённого тона, — Хромую разлюбил?

— Дура она просто. Вот и всё.

— Это ты за две недели понял?

— Всё... — Даниил резко распрямился и, вытянув шею, посмотрел на сцену, — Последние оценки... Семь... восемь... семь... Слушай... кажется, я выхожу...

Люба и сама уже посчитала средний балл последнего исполнителя — он был намного ниже среднего балла Даниила и Ильи. Она не видела выступлений первых трёх номинантов.

но, судя по лицу Дани, могла судить, что он был почти уверен в своей победе.

Из восьми финалистов нужно было выбрать трёх победителей, и, перед тем, как огласить окончательные результаты, жюри ушло на полчасовой перерыв.

— Мальчики... только спокойно... — уже предвкушая удачу, Галина Геннадьевна тоже под села рядом, — Самый высокий балл у Светланы Нечаевой... девять и восемь. Потом идёт Игорь Верников, у него девять и семь.

— А мы?.. — Илья уставился на свою руководительницу, — У нас девять и три... Мы — третьи?

— И у вас, и у Бабиковой одинаковые баллы... Сейчас будет решаться ваша судьба.

...Настоящее ликование по поводу победы Ильи и Даниила устроила Наталья Морозова — уже в кабинете, куда все они, наконец, вернулись после оглашения результатов и заключительных слов членов жюри, она с криком «ура» обняла обоих парней, Галину Геннадьевну и заодно Любу, так, что вошедший вскоре Дмитрий тоже попал в общую кучу-малу.

— Дима, мы победили!.. — кинувшись на шею к мужу, Наташа крикнула так радостно, будто это была её личная победа, — Ребята, за это нужно выпить шампанского! У нас где-то было!

— Я — за рулём, — Морозов развёл руками и посмотрел на Даниила с Ильёй, — ещё раз поздравляю! Какие планы?

— Пока не знаем... — улыбаясь во все тридцать два зуба, Илья не мог скрыть восторга, — Будем готовиться к всероссийскому этапу!

— Молодцы, ребята... — достав из шкафа бутылку шампанского и вазу с конфетами, Наталья поставила всё это на стол, — Наш город рулит!..

— Приезжайте к нам на гастроли, — Галина Геннадьевна радостно наблюдала, как Морозов открывает шампанское, — давно ведь уже были, кажется?

— С концертом — давно, — кивнула Наташа, — три года назад я приезжала, а Дима с ребятами два года назад... А так, в гости к родителям, ездили... Теперь всё, мои родители сами к нам переехали сюда.

— Жаль... Галина взяла поданный ей стакан, — Теперь мы вас точно не увидим... Вы теперь такие популярные...

— Ну, до мировой популярности ещё далеко... — засмеялся Дмитрий, — Так что как-нибудь приедем, если пригласят.

— А вы сами кого-нибудь продюсируете? — Даниил обвёл рукой помещение, — Это же у вас, по сути, продюсерский центр?

— По сути, это — творческая мастерская, — Дмитрий усмехнулся, — завод, фабрика... как хотите... мы здесь готовимся к концертам, пишем, аранжируем, репетируем, записываем... А продюсировать... Нет, мы никого не продюсируем, кроме самих себя. У нас лишь два проекта, которые связаны между собой. Это — Наташа, — он рукой показал на жену, — и «Ночной патруль», моя группа.

— У вас тут круто... — Илья уважительно покачал головой, — А аранжировки на заказ, случайно, не пишете?

— Случайно, пишем, — кивнул Морозов и, достав из визитницы визитку, протянул её юноше, — вот, пусть будет, на всякий случай. Тут мой телефон, эмейл, скайп, адрес нашего сайта...

— Спасибо... Сами пишете?!

— Аранжировками занимаемся мы с Александром Говоровым, это наш ударник. Только у него времени свободного всё же больше, поэтому он чаще, чем я занимается в студии. Но это уже нюансы. Так что, если будет желание, обращайтесь. Аранжировка, сведение, мастеринг...

— Ой... Это ещё нужно спонсоров найти хороших, — чуть захмелевшая от выпитого шампанского Галина печально махнула рукой, — это такая проблема, ребята, что я вам не передам. У нас такая талантливая молодёжь, а возможности есть не у всех... Мы, конечно, стараемся. Даём им какой-то базовый творческий капитал... Но, что я вам рассказываю, сами знаете, как сейчас всё делается. Есть деньги — есть инструменты, аппаратура, костюмы... поездки... Нет денег — сиди дома, пой в караоке.

— Знаем, проходили, — Морозов охотно кивнул головой, — всё в конечном счёте упирается в спонсоров. Я, собственно, поэтому и решил открыть вот такую собственную творческую мастерскую. Студия у меня уже была, но мы стали готовить шоу-программы, и нужно было где-то репетировать, держать реквизит, декорации... Шоу-балет, как правило, собственной репетиционной базы не имеет, в лучшем случае, в каком-нибудь ДК, час-полтора в день. Нам приходилось приспособливаться к ним, выезжать, ждать, пока опоздавшие не освободят помещение... Времени в обрез, за час много не сделаешь, поэтому и появилась такая идея — всех собрать в одном месте. Теперь не мы, а к нам едут на репетиции, и нам хорошо, и они довольны — за небольшую плату они в нашем зале занимаются, сколько хотят. У нас ведь не одна программа. У нас большой репертуар, и мы его постоянно обновляем.

— Как интересно... — Галина во все глаза смотрела на Дмитрия, — У вас целый театр!

— Учитывая то, что мы ставим рок-оперу, да! — рассмеялась Наталья, — Можно сказать, что у нас — театр.

— Ну, а молодёжи... Можно на вас рассчитывать?..

— В каком смысле? — Морозов положил локти на колени и, сцепив пальцы, чуть подался вперёд.

— Н-ну... не знаю... Может, вы тоже будете проводить кастинги... конкурсы... Находить новые таланты...

— Это только по мере надобности. Вот мы делали новую Наташину программу — набирали на подпевку... Ну, как набирали... как правило, вокалистки не с улицы, вы же понимаете. Кастинг не нужен. Мы их пригласили — они работают с нами.

— Дима, но, говорят, ты очень хороший организатор...

— Кто говорит? — Дмитрий с улыбкой перебил Галину Геннадьевну.

— Все говорят, — она снова махнула рукой, — мы вчера в гостинице общались с другими конкурсантами, так, оказывается, вас очень хорошо знают, не только как певца, но и как очень деятельного творческого человека...

— Они мне льстят, — рассмеялся Морозов.

— Нет-нет!.. Теперь и я сама вижу. Самое главное, что вы умеете общаться с людьми, а это — половина успеха. Вы не зазнались... — под действием шампанского, Галина говорила очень убедительно, — Вы вот сейчас запросто общаетесь с нами, пригласили нас в свой кабинет...

— Это Наташа, — он весело кивнул на жену, — я тут ни при чём...

— При чём — при чём... — женщина смотрела на молодого человека кокетливо, почти

влюблённо, не обращая ни на кого внимания, — Жаль, что вы для нас так ничего и не спели... А вы сегодня нигде не выступаете?

— Вечером, в ночном клубе. Как раз, сегодня...

— Жаль... — Галина Геннадьевна искренне огорчилась, — Вечером у нас автобус...

— В каком клубе? — Даниил пытливо взглянул на Морозова.

— В «Кинге». Это рок-клуб.

— А начало? Во сколько?

— Наше — в двадцать один.

— Может, останемся? — Даниил коленом толкнул Илью, сидящего рядом, — Уедем завтра.

— Мне с утра в универе надо появиться, — Илья, студент местного технического университета, с сожалением прицокнул языком, — кровь из носу — надо.

— А я, пожалуй, останусь, — Даниил посмотрел на свою руководительницу, — Галина Геннадьевна, я свой билет сдам, а куплю на завтра. И в гостинице продлю... так же можно?

— Можно... — Галина отчаянно махнула рукой, — Вам всё можно, вы — победители, мальчишки! Только родителей не забудь предупредить.

Мысль о том, что Даня остаётся в городе, чтобы сходить в ночной клуб на выступление «Ночного патруля», не давала покоя весь вечер. Любаше было неловко напрашиваться вместе с Морозовыми, но, услышав, что они уже собираются, она не выдержала и подошла к Наталье.

— Да ради Бога, — улыбнулась та на вопрос, можно ли поехать вместе с ними в ночной клуб, — пройдёшь вместе с нами, бесплатно. Только не потеряйся, пожалуйста, а то я, вроде, как за тебя несю ответственность. Хорошо?

— Хорошо, — охотно кивнула Люба, — я никуда не уйду, буду только смотреть.

— И назад — тоже с нами. Вот, возьми... — достав из столика мобильный телефон, Наталья протянула его Любаше, — Это мой старый телефончик, он вполне рабочий, только симку вставить нужно. У тебя симка цела?

— Не знаю... — Люба достала свой пострадавший мобильник и, вытащив из него сим-карту, вставила её в Наташин телефон, — Сейчас проверю... Да, вроде как цела...

— Значит, будем на связи, — Наташа довольно кивнула, — надо было тебе ещё с утра его дать, а я не подумала. Ты бы могла звонить домой целый день.

— Да нет... — Любаша смутилась, подумав о том, что мать и сестра в этом случае донимали бы её своими звонками, — С утра он мне не был нужен.

Наташа ещё вчера дала ей займы денег — столько же, сколько было на Вериной карте. Сумма была не очень большая, но вполне достаточная, чтобы купить билет на автобус, где-нибудь перекусить и даже выпить какой-нибудь коктейль, вот как сегодня, в клубе...

Ночные клубы Люба не любила. У себя, дома, клубной шумной тусовке она предпочитала поход в кафе, но сегодня всё было иначе. Сегодня она отправлялась туда с большой охотой и интересом — во-первых, это был рок-клуб, во-вторых, ехала она туда не одна, а с Морозовыми, и это был огромный шанс вживую увидеть остальных участников известной группы, а, в третьих, туда собирался Даня... Она всё же проявила выдержку днём, и не очень-то выказывала ему свой интерес... Она даже не поздравила его с победой и, охваченный радостью, он как будто этого не заметил. Более того, на его вопрос «Ты сейчас куда?» она только загадочно улыбнулась и молча двинулась вместе с Натальей и Дмитрием

на стоянку, к их автомобилю. Но, снова оказавшись у них дома, она только и делала, что вспоминала сегодняшнюю встречу с Даниилом.

Беспрепятственно пройдя в помещение клуба вместе с Морозовыми, она ненадолго задержалась с ними в гримёрной и вскоре вышла в зал. Она так надеялась увидеть Даню, что даже не стала дожидаться других участников «Ночного патруля»...

...Концерт уже начался, и Любаша растерянно оглядывалась по сторонам — громкая музыка, мерцание огней, полумрак затрудняли восприятие. Довольно просторный зал клуба был полон поклонников рока, и она с тоской подумала, что вряд ли разглядит в толпе Даню...

«А, может, он уехал...»

— Привет, — она уже совсем отчаялась встретить его здесь, поэтому его голос, раздавшийся откуда-то сзади, её даже напугал, — я почему-то так и подумал, что ты тоже будешь здесь.

— Привет... — теперь ей совершенно не удался равнодушный тон — говорить тихо не получалось, а громкий голос сводил на нет все приберегаемые для такого случая интонации, — Ты стал таким догадливым...

— Я звонил тебе... — ему пришлось наклониться к ней, — У тебя телефон вне зоны доступа...

— У меня вообще нет телефона.

— Что?! — не расслышав, он наклонился ещё ближе.

— У меня нет телефона!

— Почему?..

— Сломался, — она не стала вдаваться в подробности.

Они постояли ещё минут двадцать, сосредоточенно глядя на сцену. Даниил казался поглощённым музыкой, чего нельзя было сказать о Любаше. Глядя и слушая, как поёт «Ночной патруль», она в то же самое время напряжённо ожидала ещё каких-нибудь слов от любимого парня...

— Да, Дима — классный вокалист... — снова наклонившись, прокричал Даня ей в самое ухо, — Кстати, он и мне предложил записать у них мою фонограмму.

— Я слышала, — насмешливо ответила Люба, — это — их заработок.

— Это понятно, но, всё же...

— Ну, и?.. Будешь писаться?

— Посмотрим... — как будто что-то вспомнив, Даниил перевёл взгляд на девушку, — Может, пойдём, чего-нибудь выпьем?

В ответ Любаша только пожала плечам. Выйдя вместе с Даней в соседний зал, где располагался бар, она испытала настоящее облегчение — музыка здесь была уже не такой громкой, так, что можно было свободно разговаривать, не повышая голоса.

— Ну, что, за мою победу? — заказав себе виски, а Любаше коктейль, Даниил взял в руки свой стакан, — Кстати, ты меня так и не поздравила...

— В общем-то, я знала... — помешивая трубочкой кусочки льда, Люба загадочно улыбнулась, игнорируя его намёк.

— Что знала? — он бросил на неё пытливый взгляд.

— Что вы с Ильёй останетесь...

— Откуда?..

— Оттуда... — она потянула из трубочки напиток.

— Тебе Морозов сказал?.. Да?.. Они что, заранее знали?.. — он не скрывал своего интереса, — Да?..

— Больше я тебе ничего не могу сказать. Это закрытая информация... — она серьёзно нахмурила брови, — Но я ещё вчера знала, что вы останетесь.

— Выходит, у них всё решается заранее?..

— Они вчера ещё пересматривали ваши выступления, уже после того, как вы уехали, — Любаша говорила как бы между прочим, как будто о чём-то обыденном, с чем приходится сталкиваться каждый день, — мы с Наташей помещения проверяли, а Дима с Максимом смотрели и решали...

— Максим, это...

— Максим, председатель жюри. Мы сначала в ресторане пообедали... потом...

— Ты?! — Даня удивлённо посмотрел на Любу, — Ты с ними обедала?!

— А что тут такого? — она снова пожалала плечами, — Я, Наташа, Дима... и все остальные члены жюри, включая и председателя. Он, кстати, нормальный парень. Весёлый...

— Ну, ты даёшь... С такими людьми знакома...

— Это я для него завтра буду записываться, — Любаша пила не торопясь, не поднимая взгляда на своего собеседника, — он мне сам предложил.

— Оба-на... — Даниил с ещё большим интересом смотрел на девушку, — И по какому поводу?

— А ты не понимаешь? — усмехнувшись, она стрельнула на него глазами потом, открыв сумочку, достала оттуда визитку, которую дал ей вчера Платов, — Вот, смотри.

— Это... Он тебе сам дал?.. — Даня недоверчиво вертел в руках картонный прямоугольник, — Серьёзно?..

— Нет, это я у него украла, — с сарказмом ответила Любаша, — конечно, сам. Велел, чтобы я прислала ему свою плюсовку... Я Диме сказала, а он — без проблем... запишем.

— Ну, правильно... Зачем тебе эти дурацкие конкурсы, — в тоне Даниила послышались нотки ревности, — а ты ещё расстраивалась. С такими знакомствами и конкурсы не нужны.

— Ну, почему, не нужны... — Люба, вздохнув, убрала визитку назад, в сумочку, — Это же интересно. Разве — нет?

— Ну, в общем, да... Кстати, а Дима ничего не говорил о нашем дуэте? Ну, может, какие замечания...

— Ну, так... говорил кое-что... Эффектно выглядите.

— А по вокалу?

— Говорил... — Люба сделала неопределённый жест ладонью, — Что-то говорил... я сейчас не вспомню. Но, если хочешь, могу спросить.

— Ну, спроси... Кстати, а всероссийский этап он будет судить? Или там другой состав жюри? Случайно, не знаешь?

— Наташа говорила, — Люба утвердительно кивнула, — ещё вчера... Его могут пригласить, но точно она пока не знает. А, вообще, там будет другой состав жюри, в основном, москвичи.

— Ясно... — он ненадолго задумался, потом снова взглянул на девушку, — Может, потанцуем?

От возможности снова оказаться в его объятиях Люба отказаться никак не могла... Она понимала, что сама заинтриговала Даниила своими недвусмысленными намёками на

знакомство с Морозовыми и вхожестью в их творческие проекты... Но ничего не могла с собой поделаться. И Анжелкино вчерашнее поражение в виде провала на конкурсе, мокрого платья и распухшей ноги... И её, Любашина, собственная завтрашняя запись в студии Морозова... и вот этот танец с Даней... Всё это были победы... Пусть маленькие, но — победы...

Она приехала сюда не зря.

И Даня... Он не попросил у неё прощения... да, она ждала... но разве это важно теперь?.. Теперь, когда он так недвусмысленно её обнимает?.. И его губы... Она наконец-то снова чувствует их на своих губах... Да плевать на то прощение!.. Плевать... Когда он — вот... сжимает её в своих руках...

— Я продлил пребывание... — оторвав от неё свои губы, он буквально припал ими к её уху, — Но там двухместный номер, и уже подселили соседа...

— И... что?.. — выдохнула Люба, закрыв глаза.

— Давай, ты снимешь одноместный... Я к тебе приду... У меня есть деньги, я заплачу!..

— За что заплатишь?.. — она снова обдала его горячим дыханием.

— За номер... А утром вместе поедem в студию...

— Я не смогу снять номер, — она с сожалением открыла глаза.

— Почему?

— У меня нет паспорта, — вспомнив об этом, Люба почувствовала, как нахлынувшие, было, чувства, улечиваются, уступая место печали.

— Дома забыла?.. — он тоже посмотрел на неё с сожалением.

— Нет... Его Анжелка украла. Заодно и кредитку. Так что Анжелочка твоя — воровка...

— Никакая она не моя. Я дурак, Люба... — взяв в ладони её лицо, он смотрел ей в глаза, — Я — дурак... Ты сможешь меня простить?..

Она смотрела на него... ловила его взгляд... Она и сама не знала, можно ли сейчас ему верить... Этот взгляд из-под полуопущенных век... От него можно сойти с ума!.. Да за один этот взгляд можно поверить в любую небылицу!..

Нет... он не может врать... Нет... Ошибиться может каждый... Тем более, эта змея Анжелка сама на него вешалась!.. Он просто не устоял. Мало кто устоял бы на его месте!.. Ничего... Зато теперь он знает, что с такими нельзя связываться!.. Теперь он знает это наверняка!.. Он ошибся... Теперь он это понял. Она его, конечно, простит. Она уже — простила...

Тем более... Тем более, эта тошнота... Да, скорее всего, она беременна. Она сегодня же использует этот тест — он лежит у неё в сумочке.

Да, она его проверит... Но уже не со страхом... А с надеждой.

Ведь Даня — с ней. Хорошо, что она приехала сюда... Она просто чувствовала... И он — тоже чувствовал. Он сам говорит об этом...

— Так, значит, это ты облила эту курицу?! — услышав её рассказ о том, как она вчера окатила водой Анжелку, привёл Даниила в настоящее веселье, — Ну, ты — молодец!.. Я, когда увидел, чуть со смеху не умер!..

— Ну, да, — рассмеялась в ответ Любаша, — И облила, и на ногу наступила... типа — нечаянно...

— И это — ты?! — ей казалось, что он пришёл в полный восторг от её рассказа, — Любаша, ну, ты настоящая тигрица!.. Неужели это всё — из-за меня?

— Угу... — кивнула Люба, — Я никогда ей не прощу тебя. Мне плевать, что это не я, а

она поехала на этот конкурс... Понимаешь, плевать!.. Но тебя... — она снова заглянула ему в глаза, — Тебя я не прощу... Никому не прощу!.. И пусть об этом знают все!

Домой на следующий день они ехали вместе. Положив голову на плечо Даниилу, Любаша счастливо смотрела в окно автобуса. Ей казалось, что сбылись все её мечты... Да, она не попала на конкурс... Но Даня... Её любимый Даня — снова с ней!.. Встретившись с ней сегодня утром, он так смотрел на неё... Он сказал, что всю ночь думал только о ней... он жалел, что её нет рядом... Он сказал, что хочет засыпать с ней и просыпаться...

Он так терпеливо ждал, пока она записывала песню...

В его неожиданном возвращении к ней нет совершенно никакой корысти!.. Ведь он даже ни о чём не спросил Морозова... Он просто терпеливо сидел в аппаратной и ждал, пока она пела... И вообще — он больше ни о чём её не спрашивает... Он по-настоящему любит её, по-настоящему!..

Он даже ничего не ответил, когда Наталья пригласила их с Любашей на первый день рождения их «Творческой деревни» — через неделю... Она так и сказала: «Приезжайте вместе»!

Люба только радостно закивала... А Даня... Даня промолчал. Потому, что ему всё равно... Потому, что он любит только её — Любашу...

И она, Любаша, ему верит.

Глава 8.

Бесконечного ощущения счастья от того, что к ней вернулся Даня, не могли омрачить ни затянувшийся чуть ли не на сутки скандал с матерью, которая буквально выела весь мозг Любе за то, что она задержалась в поездке на целых три дня, ни раздражение сестры, которая, узнав, у кого ночевала Любаша, не смогла его скрыть.

— Люба, ну, зачем?! — выслушав рассказ сестры, Вера с обидой поджала тонкие губы, — Зачем ты поехала к ним ночевать?! Теперь будут думать, что они тебя благодетельствовали!

— Да они совсем простые, — Люба виновато пожала плечами, — правда, Вер. Тем более, мне и, правда, негде было ночевать. Паспорта нет, денег нет... А потом, она мне деньги дала и предложила переночевать у них дома... А потом сам Дима предложил записать песню на их студии. Ну, вот как можно было отказаться, ну, как?!

— Ну, всё равно... — уже более примирительно буркнула Вера, — Любка, ты столько глупостей наделала за последние три недели, что я не знаю... Мать за эти три дня мне всю плешь проела за то, что я на тебя плохо влияю.

— Ты плохо на меня влияешь?! — Люба подняла изумлённые глаза.

— Я, вот именно! Это же я тебя поддержала, когда ты захотела петь. Вот она меня во всём и винила.

— Да уж... Я сама, когда домой зашла, думала, что она меня чем-нибудь огреет, — Любаша невесело усмехнулась, — это она ещё про телефон не знает...

— Да, кстати, — услышав про телефон, Вера нахмурилась, — звонила ты тоже с телефона Морозовой?

— Так другого-то не было, — Любаша растерянно развела руками, боясь ещё больше рассердить сестру, — а позвонить было нужно. У кого я ещё попрошу? Опять на вокзал ехать, у пассажиров спрашивать?

— А сейчас, с дороги, ты как звонила? Номер-то твой высвечивался!

— Ну... Они мне свой старый сотик дали... Она дала, Наталья... — Люба робко посмотрела на Веру, — Но я его ей верну, ты не переживай! Вот только куплю себе новый, и сразу верну!

— Угу, — ехидно усмехнулась Вера, — вернёшь. Туда поедешь, за триста километров, телефон возвращать?

— Н-ну... по почте вышлю...

— А, ну, дай посмотреть, — сестра протянула руку, — ну, дай, не бойся, не сломаю...

— На, — Люба подала ей Наташин телефон.

— Что тут в памяти осталось... — бормоча, Вера пальцами поочерёдно нажимала на клавиши, — Богатые, а телефон кнопочный...

— Она сказала, что это старый... — следя за её рукой, ответила Любаша, — Я уже смотрела память... Там её телефонная книга вся осталась.

— Вот и я говорю, — усмехнулась Вера, на секунду подняв на сестру взгляд, — что ж она так неосторожно отдала свой телефон? Хоть бы номера стёрла...

— Она сначала дала мне просто попользоваться, а потом я хотела отдать перед отъездом, а она рукой махнула, говорит, забирай совсем, пока, мол, новый купишь, а без связи нельзя. Наверное, забыла про номера.

— Та-а-а-а-к... — с видом детектива, разоблачившего целую шайку преступников, усмехнулась Вера, — Ну, вот... Знакомый номер. «Серёжка»! Прикинь? В телефоне популярной певицы номер моего мужа... Нормально?!

— А что здесь такого? — Люба пожала плечами, — Вер? Они же не перезваниваются, ты сама говорила.

— Теперь я в этом начинаю сомневаться... — Вера снова забегала пальцами по кнопкам, — Жаль...

— Чего — жаль?

— Жаль, что без её симки я не могу посмотреть историю звонков. Но уже того, что у неё есть Серёжкин номер, достаточно, чтобы устроить разборки. Кстати, симку он менял года два назад... У неё — его новый номер. Значит, они всё же перезваниваются. А я, дура, ни сном, ни духом... Теперь мне всё понятно!

— Вер, зря ты накручиваешь себя, — Люба испуганно смотрела на сестру, — может, у неё его номер только для связи, мало ли что... Он же и к отцу её часто ходил, ты же сама говорила! И провожал... Что тут такого?

— Для связи?! — нахлынувшие подозрения окончательно вывели Веру из себя, — Вот именно — для связи!.. Только для какой?! Теперь понятно, почему он ночами сидит и рассматривает её фотографии...

— Успокойся, Вер... — Любаша уже и сама была не рада, что показала сестре телефон Морозовой, — Ну, что произошло?! Ну, подумаешь, у неё Серёгин номер... Они же бывшие друзья...

— Получается, не бывшие! — Вера внезапно вскочила с места и заходила по комнате, — И, знаешь, что самое интересное...

— Что?.. — Любаша тревожно смотрела за её передвижениями.

— То, что в его телефоне нет номера Натальи Морозовой! — остановившись напротив сестры, Вера многозначительно уставилась на Любашу, — Ты понимаешь?!

— Нет... — та растерянно покачала головой.

— У него нет её телефона! — чеканя каждое слово, ответила Вера, — Я проверяла все

его забытые номера, когда начались эти его ночные посиделки...

— И — что?..

— А то! То, что он его либо скрывает под другим именем, либо помнит наизусть! А это значит... Это значит, что причины для этого есть!

— Может, он просто боится, что ты будешь ревновать?

— Конечно, боится! — охотно кивнула Вера, — Он боится, что я всё узнаю... А я ведь тогда успокоилась, когда не нашла её телефона в его мобильнике... Думала, ну, и чёрт с ним, пусть смотрит ролики, может, ему просто музыка нравится...

— Так, может, так и есть?.. — Любаша всё ещё продолжала робко уговаривать сестру, — Вер, ну, чего ты? На ровном месте раздула из мухи слона.

— Это не муха, Люба!.. Это изначально — слон! Понимаешь?! У неё — есть его телефон... А у него — нет... Но она как-то узнала его новый номер! И узнала давно, сама говоришь, что этот мобильник — старый... Значит, он сообщил ей его ещё тогда, два года назад. А зачем?..

— Ну, просто...

— Конечно! — оперев руки в бока, Вера с сарказмом усмехнулась, — Конечно, просто! Всё оч-чень просто! Он же часто ездит в командировки в область, связи не улавливаешь?

— Так он всегда ездил...

— В том-то и дело, что всегда!

— Вер... Перебор. Ей-Богу, перебор. Я была у них дома. Там любовь-морковь, честно. Кстати, Наталья сама мне говорила, что уже сколько раз звала Серёгу в гости, а он ни разу к ним не приезжал. Правда!

— Может, она врёт.

— А зачем? Я её про Шустова даже не спрашивала. Она сама заикнулась.

— Вот видишь?! Видишь?! Сама!.. Значит, не забывает... Он её тут не забывает, она его — там не забывает... Ой, Любка... Лучше бы ты мне этот проклятый телефон вообще не показывала... А, ещё лучше, ты бы вообще туда не ездила.

— Вер, ну, ты же сама...

— Вот именно, сама. Как говорится, не делай добра, не получишь зла. Хотя, конечно, ты тут вообще ни при чём...

— Вер... — Любаша присела рядом с сестрой и обняла ту за плечи, — Ну, прости меня... Ты знаешь, как я тебе благодарна, что ты мне помогла туда съездить! Ты даже не представляешь! Я с музыкантами познакомилась, с московским продюсером... мне записали фонограмму, и этой дуре Анжелке отомстила... И Даня...

— Что — Даня? — при имени Даниила Вера насторожилась, — ты что, с ним помирилась?! Нет, Люба, только не говори, что ты с ним помирилась!

— Угу... — кивая, Любаша не могла скрыть счастливого выражения лица.

— Любка, ты — дура! — отстранившись, Вера заглянула в глаза сестре, — Ты — набитая дура!

— Угу... — Любашино лицо расплылось в улыбке, — Может, и дура, но такая счастливая!

— Да он же — кобелина! Мать права, Люба, он — кобель! Он снова тебя бросит, вот увидишь!

— Он меня любит... Вер... Ну, правда, любит! Знаешь, как он переживает... Сам сказал, что дурак, что с этой тварью связался. Прощения попросил... Вер... ты просто его не знаешь!

— И знать не хочу. Люба, но ты — дура. Мать знает?

— Не-а... Пока не знает.

— И не говори пока. Она тебя сожрёт, и меня заодно. Всё равно у вас скоро всё закончится.

— Ой, Вер, ну, что ты такое говоришь?! Теперь у нас ничего не может закончиться... — пряча смущённую улыбку, Любаша отвела глаза.

— В смысле? — Вера тревожно нахмурилась, — Почему не может?..

— Потому...

— Люб, ты что... ты — беременная?!

— Угу...

— Люба!.. У тебя мозги есть?! — повернув к себе сестру, Вера тряхнула ту за плечи, — А ну, быстро рассказывай... Ты уверена?... какой срок?!

— Вчера тест показал две полоски... Срок примерно месяц, может, чуть больше.

— Так... Прикусив зубами большой палец, Вера лихорадочно соображала, — Так-так-так... Это около пяти недель... Да?.. Это хорошо... Достаточно времени...

— Какого времени?

— Чтобы сдать анализы и записаться на аборт.

— Вер, ты что?! — Любаша возмущённо на сестру, — Я не собираюсь делать аборт!

— А... Ты собираешься стать матерью-одиночкой?.. — та снова тронула её за плечи, — Люба, да пойми ты, он всё равно на тебе не женится!

— Да с чего ты взяла?! — со слезами на глазах выкрикнула Любаша, — Я что, такая уродина, что на мне нельзя жениться?!

— Ты не уродина... Ты хорошенькая, ладненькая... — Вера жалостливо погладила Любу по голове, — Это он урод, Даня твой... Ты только не обижайся... Но не верю я ему!

— А я верю, — Люба тыльной стороной ладони вытерла со щеки слезинку, — Вер, ну, зачем ты так?! Я, ведь, к тебе, как к сестре... А ты...

— Ты ему уже сказала?

— Пока нет, — ещё одна слезинка скатилась из глаз, — не сказала.

— А матери? — Вера сама знала ответ на этот вопрос, но всё равно задала его сестре.

— Нет, что ты...

— Так... — нахмурившись, Вера сосредоточенно посмотрела куда-то в угол комнаты, — Значит, так. Пока не говори никому. Ни ему, ни матери.

— Почему? Почему Дане не говорить?

— Чтобы не сбежал раньше времени.

— Вер, ну почему ты...

— Да потому, — Вера перебила Любашу на полуслове, — послушай меня хотя бы в этом! Если у тебя ещё такой маленький срок, то недели три-четыре в запасе есть.

— Для чего?! — та непонимающе уставилась на Веру.

— Чтобы прикинуть все за и против. Хотя я настоятельно советую тебе сделать аборт.

— Я не хочу...

— Ты уверена, что он захочет на тебе жениться?

— Не знаю... Но он же меня любит...

— Хорошо. А как тогда с твоими планами? Насчёт вокальной карьеры? Ты же сама хотела, и, говоришь, какой-то результат уже есть! Какой ребёнок?! Или ты думаешь, что ребёнком привяжешь его к себе?

— А что, нет?..

— Любка-Любка... Тебе скоро двадцать один год, а ты ещё такая дурочка... То в певицы собралась... То рожать надумала... ты хоть сама знаешь, чего ты хочешь?!

На этот вопрос Любаша не ответила. Она и вправду теперь не знала, чего ей хочется больше — осуществить свою мечту и стать профессиональной певицей, или выйти замуж за Даниила и родить ему ребёнка... Ещё пару дней назад, в запале ревности, она готова была на любые действия, лишь бы хоть на пол шага приблизиться к своей цели... Но теперь, когда Даня вернулся к ней, все её творческие мечты померкли перед возможностью остаться с ним навсегда...

А ребёнок... Вера, как всегда, сгущает краски. Она слишком недоверчива сама и учит этой недоверчивости других!

Конечно, ребёнок должен только сблизить их с Даниилом! Как он может бросить её теперь — когда она носит его ребёнка... после всех слов, которые он говорил ей вчера... Такого просто не может быть!

А карьера... Она никуда не денется. Готовую фонограмму Морозов пришлёт уже на днях. Ей будет, что посылать в продюсерские центры. В крайнем случае, полгода у неё есть, а, если не получится сейчас, всё можно будет возобновить после рождения малыша. У других же получается совмещать материнство с творчеством!..

И у неё получится... Теперь у неё всё получится!

— Привет... — голос Даниила в телефоне прозвучал как-то вкрадчиво, — Встретимся?

— Конечно... — не скрывая счастливого тона, выдохнула в трубку Любаша.

— Пойдёшь к нему? — Вера обречённо смотрела на сестру.

— Пойду.

— О ребёнке скажешь?

— Скажу...

— Эх, Любка, Любка... Наревёшься ты сегодня... Вот чует моё сердце — наревёшься!

Зайти к ней домой Люба предложила Даниилу сама. Отработав с утра, она всю вторую половину дня была свободна и, выйдя от Веры, снова перезвонила ему — уже с улицы и велела сразу идти к её подъезду. Отец с матерью до восемнадцати часов должны были быть на работе, и Люба уже в прихожей оказалась в горячих объятиях любимого парня...

Она даже не заметила, как пролетело время, и, лишь взглянув в потемневшее окно, бросила взгляд на часы. До прихода родителей оставался целый час, и она уже собиралась с духом, чтобы сказать Дане о своей беременности.

— Да... — услышав телефонный звонок, Люба встала с постели и, взглянув на входящий номер, нажала клавишу, — Добрый вечер! Да... Ой... Спасибо огромное! Да, я скачаю прослушаю и отзвонюсь... Спасибо!..

— Кто это? — Даня протянул руку с дивана и, обхватив Любашу за талию, притянул к себе.

— Это Наташа, — казалось, что её лицо даже в сумеречной комнате светится радостью, — Моя плюсовка готова, они выслали мне её по электронке. Дима сказал, чтобы я прослушала и отзвонилась, нормально или нет.

— Обалдеть... — уложив её снова на постель, Даниил наклонился к её лицу, — Сам Морозов сводит тебе плюсовку, да ещё и спрашивает, понравилось или нет...

— А ты что, ревнуешь?.. — закусив губу, она игриво посмотрела на него.

— Я не ревную... Но предупреждаю... — его рука недвусмысленно скользнула по её бедру, — Как у нас со временем?

— Ещё почти час... — полностью подчинившись его рукам, Люба почувствовала, что теряет ощущения времени и пространства...

...Щелчка дверного замка они не услышали, но последовавший за этим голос Тамары Васильевны вернул Любашу с небес на землю...

— ...Твою мать!.. — видимо, споткнувшись обо что-то в тёмной прихожей, женщина выругалась, — Что тут накидали на дороге?! Та-а-а-к... Ботинки чьи-то...

Судорожно разжав объятия, Люба откинула одеяло и наощупь начала искать халат. Включать свет было страшно, и она, потянувшись к спинке стула, неосторожно провела по ней рукой...

— Люба, ты дома?.. — услышав стук из комнаты дочери, Тамара Васильевна на секунду прислушалась и, не дождавшись ответа, шагнула к двери, — Ты чего, спишь, что ли?!

Любаша даже не успела зажмуриться — ярко вспыхнувшая люстра осветила всю комнату. Глядя на обнажённую дочь, свесившуюся с постели в поисках халата, мать снова на мгновение остолбенела, но тут же перевела взгляд на лежащего с Любашей рядом парня...

— Ах, ты, шалава... — стремительно шагнув вперёд, Тамара Васильевна со всего размаху вlepила дочери пощёчину — её тяжёлая ладонь впечаталась Любе куда-то в ухо, — Это что ж ты, с таких лет кобелей домой водишь?! Ах ты, ж проститутка!..

— Мама!.. — отчаянно вскрикнув, Любаша схватилась за ушибленное место, — Ты что?!

— Да это я ещё пока ничего... — вторая оплеуха получилась по темени, — Шалава!.. Не зря тебя три дня не было!.. Вот ты чем занимаешься!..

— Перестаньте её бить! — на всякий случай, вцепившись в одеяло обеими руками, Даниил решил подать голос, — Вы что, совсем с ума сошли?!

— Сейчас и до тебя очередь дойдёт... — тоном, не предвещающим ничего хорошего, ответила разъярённая женщина, — Кобелина... Тебе что, потаскух мало?! Ты на кого залез?! Ты на мою дочь залез!..

— Мы уже совершеннолетние... — попытался огрызнуться парень, — Вы что, совсем дикая?..

— Ты на меня ещё голос повышаешь?! — схватившись за одеяло, Тамара Васильевна рванула его на себя, но Даниил держал его крепко, — Ах, ты, кобелина!.. Да я тебе сейчас все твои причиндалы вот этими руками вырву!..

— Мама, перестань!.. — воспользовавшись тем, что внимание матери с неё переключилось на Даню, Любаша нашла, наконец, халат и, надев его, попыталась встать между ними, — Выйди, мы оденемся!

— Что?.. — вытаращив глаза, женщина повернула к ней голову, — Выйди?! Это из своего-то дома?! Мать родную гонишь, да?! Ах, ты, шалава... Привела кобеля, а мать гонишь?!

— Выйди, мама...

— Чтобы через две минуты его духу тут не было... — видимо, в Любашинном взгляде было что-то такое, отчего Тамара Васильевна решила немного отступить — ещё раз бросив на молодых людей уничтожающий взгляд, она, громко топая, стремительно вышла из комнаты.

...Любаша держалась до последнего. И крики матери «Не пушу!», и её ужасные

оскорбления, когда Люба вместе с Даней, одевшись, пыталась выскочить из дома, остались без ответа и видимых эмоций... Но, оказавшись, в конце концов, вместе с ним на улице, Люба не выдержала — слёзы обиды в три ручья потекли по её лицу...

— Она всегда с тобой так? — обняв её одной рукой, другой Даниил вытирал её щёки, зажав в ладони трикотажную перчатку — Любе показалось, что под конец перчатки полностью пропиталась её слезами.

— Не всегда, но... — продолжая всхлипывать, она нехотя кивнула.

— Но ты же уже взрослая! Как можно говорить такие вещи, ведь ты же её дочь... — возмущение Даниила было вполне искренним, и Люба вдруг вспомнила все старые обиды на мать.

— Да она вообще — дура! — немного успокоившись, Любаша судорожно вздохнула, — Хоть она мне и мать, но... дура!

— Успокойся, ну?.. — взяв в ладони её лицо, Даня притронулся губами к Любашиным губам, — Слышишь?.. Не плачь...

— Теперь мне домой идти вообще нельзя.

— А куда ты пойдёшь?

— Пойду к Верке...

— А потом?

— Потом — не знаю... Но домой я не вернусь... — Люба вдруг горько усмехнулась, — Поеду к Морозовым...

— А что, есть такой вариант? — он пытливо посмотрел ей в глаза.

— Да нет... это я так... пошутила... Хотя... Они говорили, что у них постоянно кто-то гостит... Думаю, не отказали бы бедной девушке...

— Если бы они тебе ещё и с каким-нибудь проектом не отказали... было бы совсем неплохо, — Любаша так и не поняла, шутит сейчас Даниил, или нет — в его интонации были многозначительные нотки.

— Знаешь... — Люба вдруг посерьёзна, — У них, конечно, всё круто, но я считаю, что, если и пробиваться куда, то только в Москву.

— Согласен. У тебя же есть шансы? Говоришь, Платов просил перезвонить?

— Ну, да... — Люба ответила довольно уклончиво, вспомнив, как на самом деле разговаривал с ней известный московский продюсер, — Только сначала нужно ему плюсовку послать. А я теперь вообще — нищая и бездомная... и одинокая...

— Почему одинокая?.. — шагая по вечерней улице, Даня ещё крепче прижал Любашу за плечи, — А я?

— Кстати... — не ответив на его вопрос, Люба подняла на него повеселевший взгляд, — У тебя сейчас шансов намного больше, чем у меня...

— В смысле?

— Победишь в январе на всероссийском этапе, пригласят тебя в какой-нибудь проект... Уедешь и забудешь про меня...

— Не забуду... — он улыбнулся уголком губ, — Да ещё и победить нужно. А этот этап уже намного серьёзней, и жюри на голову выше, чем сейчас.

— Н-ну... если опять такие же дамочки... — вспомнив о членах жюри — женщинах среднего возраста, явно завышавших оценки смазливому дуэту Дани и Ильи, рассмеялась Люба, — Если снова будут такие же тётеньки, то успех вам будет обеспечен!

— Этих дамочек точно не будет, — уверенно ответил Даня, — а жаль...

— Откуда ты знаешь?

— Ну, так... слышал краем уха... Кстати, ты сможешь узнать заранее, будет ли в составе жюри Морозов?

— Ну, в принципе... — Любаша пожала плечами, — Думаю, что смогу.

— А неплохо было бы съездить к ним на мероприятие. Помнишь, они нас пригласили на день рождения своей деревни?

— Помню... — Люба грустно кивнула, — Только я работаю в тот день. Да и денег сейчас нет. Надо ещё Наташе три тысячи вернуть, что она мне занимала... Карта Веркина-то вместе с паспортом «ушла»...

— Нужно было карту заблокировать.

— Уже, — кивнула Люба, — Верка заблокировала. Деньги на счёте остались. Но она их сейчас пока снять не может...

— А с паспортом что?

— Сегодня с работы заходила в паспортный стол... В общем, пока временное удостоверение личности. А ещё нужно медицинский полис, пенсионное свидетельство... Всё, что было в паспорте, всё пропало. Короче, проблем полно.

— А, если ты на работе поменяешься? — повернувшись к ней лицом, Даня дурашливо пятился назад, — Съездим в морозовскую деревню?.. Деньги я найду.

— Ты хочешь?.. — она подняла на него счастливый взгляд, — Ты хочешь поехать со мной?

— Ну, конечно... — он поцеловал её на ходу, — Только с тобой...

Простившись с Даниилом у Вериного подъезда, Люба медленно поднималась на третий этаж. Вырвавшись от матери, она сразу выключила телефон, чтобы та не донимала её звонками, и теперь, вытащив его из сумочки, снова включила.

Он всё равно будет звонить...

Она так и не сказала ему о том, о чём собиралась сказать сегодня.

Сначала было не до того... Замедлив шаг, Люба прикрыла глаза... Сладкая, щемящая волна прокатилась по всему телу — она как будто снова ощутила Данины ласки... его поцелуи... Она буквально утонула в них, так, что совершенно забыла сказать ему о своей беременности...

А потом пришла мать.

После их «встречи» Люба уже не могла завести этот разговор... Ей было ужасно стыдно перед Даней за поведение матери, за её оскорбления... После такого говорить о ребёнке просто невозможно!

— Ну, что там у вас опять?! — Вера с порога встретила Любашу вопросом, — Мать мне телефон оборвала... Сказала, что, как только придёшь, сразу ей позвонить.

— Да пошла она... — сняв сапоги и пальто, Люба второй раз за день прошла в квартиру сестры.

— Что случилось-то? Поругались?

— Я из дома ушла.

Рассказывая сестре о том, что произошло сегодня дома, Люба не могла отделаться от ощущения, что она снова переживает те унижения, которым подвергла её Тамара Васильевна. Ей не хотелось вспоминать подробности, но Вера была единственным на свете человеком, кому Любаша могла доверить свои сердечные и не только дела.

— Да уж... — громыхая на кухне кастрюлями, Вера покачала головой, — Досталось тебе... Но ты же мамочку нашу хорошо знаешь.

— Знаю, — Люба угрюмо рассматривала маникюр на ногтях, — и поэтому домой больше не вернусь. Но ты не переживай, я только сегодня у тебя переночую. Завтра придумаю что-нибудь. И вообще... Я, наверное, уеду отсюда.

— Куда это? — Вера удивлённо оглянулась.

— В область. Вот только паспорт новый получу... Хотя, можно и без паспорта.

— Я тебя не пойму, — повернувшись к сестре, Вера упёрлась руками в бока, — то ты рожать собираешься... То уезжать... Ты хоть сама знаешь, чего хочешь?!

— Знаю.

— И чего?

— Я хочу выйти замуж за Даню... И вместе с ним добиваться своей цели. А ребёнок... ребёнок не помеха.

— Как у тебя всё просто! — Вера всплеснула руками, — Раз — и замуж! Два — и к цели!.. И ребёнок не помеха!.. Да ты на меня посмотри! И к цели не стремилась, и замуж вроде без особых проблем вышла... А кручусь как белка в колесе! То одно, то другое, то третье!.. В парикмахерскую лишней раз сходить некогда!.. И это при том, что Серёга всё же с Наташкой сидит... А твой Даня... Думаешь, он будет по магазинам бегать или пелёнки гладить?! Вот он как раз и будет идти к цели, но не ты!

— Но у других-то получается!

— У кого?.. — догадавшись, кого имеет в виду сестра, Вера встала напротив, скрестив на груди руки, — У кого это — у других?

— Ну... у тех же Морозовых... — Люба приглушила голос, — Подожди... не психуй, я просто тебе говорю... Они вместе занимаются творчеством, понимаешь? И ты ведь зря Серёжку ревнуешь, Вер, ну честно! Там такая любовь... и всё вместе... И, ведь, двое детей! Двое, а не один! А начинали с чего? Она, Наташка, такая же, как и я, простая девчонка! Но ведь добилась своего!

— Это она простая, — поджав губы, кивнула Вера, — да он у неё не простой. Сравни своего Даню и Морозова. Сравнила?.. Как небо от земли!

— Ну, и что! — упрямо повторила Любаша, — А я верю, что у нас всё получится!

— Люба... — теперь Вера присела на край табуретки, — Вы с твоим Даней — два ноля! Понимаешь?! Два ноля! Что может у вас получиться?! Вот по отдельности — да! Может, и получится. А вот вместе... Ноль плюс ноль — даёт ноль.

— А вот и получится!.. — Люба исподлобья уставилась на сестру, — Спорим?!

— Не буду я с тобой спорить, — Вера устало поднялась и снова подошла к плите, — делай, что хочешь. Только смотри... потом спохватишься, а уже поздно.

— Не спохвачусь. Мне сейчас главное — свою фонограмму скачать... Можно я с твоего ноутбука в свою почту зайду? — Люба направилась к дверям, — Можно, Вер?

— Ну, конечно, можно... — та махнула рукой, — там, в спальне возьми. Только ребёнка не разбуди...

— Я тихонечко.

— А потом куда ты с этой фонограммой? — уже в дверях остановила Вера Любашу.

— Разошлю... — Люба уверенно пожала плечами, — Это же качественная запись! Я её в продюсерские центры разошлю... в проекты какие-нибудь... Я теперь могу свой вокал кому угодно показать... Понимаешь?! В сто мест пошлю... хоть в тысячу!

— Ну, посылай... — окончательно успокоившись, Вера вздохнула, — Может, и повезёт. Только на твоём месте я всё же сделала бы аборт и плюнула на твоего Даню. А иначе — смысл куда-то посылать свои записи? Ты должна быть свободной! Понимаешь? Свободной! И у тебя всё получится!

— У меня и так всё получится... — выйдя, наконец, из кухни, Любаша буквально через несколько секунд снова появилась в дверях с ноутбуком.

— А вот с переездом... — Вера задумчиво наблюдала, как Люба устраивается за кухонным столом, — с переездом ты, пожалуй, права. Нечего тебе здесь сидеть. Поезжай, сестрёнка. Раз уж познакомилась с этими... Может, к себе возьмут?

— А я о чём?! — усмехнулась Любаша, — Вот, через неделю с Даней поедем к ним на праздник, узнаем, что к чему... Кстати, в городе знаешь, сколько бэк-вокалистки зарабатывают?

— Откуда мне знать.

— Нормально они зарабатывают. Хоть и говорят, что мало... Это для них — мало, а по сравнению с моей зарплатой — хорошие деньги.

— Ты думаешь, тебя возьмут?

— Не знаю. Но попытаться можно?!

— Можно... — Вера снова вздохнула, — Конечно, можно. Ну, а жить где будете?

— Комнату снимем, — Люба снова пожала плечами, — вот поедем через неделю, и всё узнаем. Нет худа без добра...

— Тебе всё равно придётся сделать аборт.

— Между прочим, Морозова мне рассказывала, что, когда была беременной, работала в ресторане.

— Ну, и что. Люба, я никогда не думала, что ты — авантюристка.

— Кстати, — Любаша решила сменить тему разговора, — Ты у Серёги спрашивала насчёт телефона?

— А я его видела? — усмехнулась Вера, — Его с утра ещё дома не было.

— А где он сейчас?

— Сказал, что кому-то компьютер лечит.

— А вернётся — спросишь?

— Нет... — Вера покачала головой, потом посмотрела в упор на Любашу, — Я передумала. У меня появилась другая идея.

— Какая?

— Я расскажу. Но ты должна будешь мне помочь...

Глава 9.

Всю следующую неделю Любаша чувствовала себя воином на поле боя. Отказавшись возвращаться домой, она каждый день выслушивала угрозы матери, которая без конца звонила то ей, то Вере, у которой и ночевала Люба. Несмотря на намерения найти выход из создавшегося положения, других вариантов с временным жилищем у Любашы пока не было. Снять квартиру одной оказалось дорого, да и не было смысла — Люба всерьёз надумала уехать вместе с Даниилом. Её мечта «пробиться в Москву» глубоко засела в голове, и предстоящий конкурс, в котором должен был участвовать Даниил, по её мнению, был следующей ступенькой к осуществлению этой мечты. Его возможная победа сулила, на её взгляд, некие шансы — какие, она представляла себе с трудом, но ей казалось, что Даню обязательно пригласят в столицу, и они уедут туда вместе.

Сам же Даня всю эту неделю работал, практически без выходных и в две смены — подменяя заболевшего товарища, зарабатывал отгулы и деньги для поездки на праздник по случаю дня рождения морозовской «Творческой деревни». Любаша тоже работала в две смены, по той же самой причине, и с Даней они виделись всего пару раз, вечером, и совсем недолго. Всё по той же причине Люба так до сих пор и не призналась ему в своей беременности, ведь ей очень хотелось, чтобы это произошло не второпях и не по телефону, а в романтической обстановке, и чтобы — глаза в глаза... Решив, что скажет ему обо всём после поездки, она с замиранием сердца ожидала этой счастливой, как ей представлялось, минуты...

— Ты уже позвонила Морозовым, что мы приедем? — за пару дней до назначенной даты Даня набрал её номер.

— Пока нет... — она была на работе и, отложив трубку пылесоса, торопливо ответила на звонок, — Данчик, я сейчас очень занята... Я тебе позже перезвоню, ага?..

Она и сама понимала, что перезвонить Наталье необходимо — хотя бы потому, что было неизвестно, будет ли свободным вход, и в какое время будет проходить мероприятие. Но, несмотря на тёплый приём, который оказали ей Морозовы, Люба почему-то долго не решалась сделать этот звонок. В глубине души она понимала, что внимание Натальи было, по сути, вынужденным — так сложились обстоятельства, и та просто в силу своей доброты и заботы об отце взяла на себя помощь попавшей в беду Любаше... Люба понимала это, и поэтому ей было неловко снова напоминать о себе. В то же самое время, она никак не могла свести на нет тот эффект, который произвело её знакомство с Морозовыми, на Даниила. Она сама слишком много ему наболтала о своей близости к семье популярных артистов... К тому же, предположительное участие Дмитрия Морозова в жюри всероссийского этапа конкурса молодых исполнителей, о котором она сама же и сказала Дане, теперь не давало покоя и ей... Конечно, это только предположение, жюри ещё окончательно не сформировано... и она всё же не настолько близка к Дмитрию и Наталье, как хотелось бы ей, и как представлялось Даниилу... но она каким-то десятым чувством ощущала, что сам факт такого предположения делает их с Даней ещё ближе друг к другу... Нет, он, конечно, любит её бескорыстно!.. Но, как будущий конкурсант, он не может не переживать... Он переживает, и это вполне естественно! Он так искренне теперь с ней советуется... Он делится с ней своими переживаниями и сомнениями — по телефону, поздними вечерами, когда они оба возвращаются, наконец, с работы... Он звонит ей без конца, и они разговаривают... разговаривают...

Последствия поступков во время поездки на предыдущий этап прошли для неё даром... Её даже не включили в праздничный новогодний концерт! Она догадывалась, что это — месть Анжелкиной мамы, которой та, конечно же, всё рассказала... Более того, Любаша теперь понимала, что ни на одну городскую сцену ей теперь дороги нет.

Значит, у неё нет выбора... И теперь дорога одна — прочь из этой провинции!

Даня... Ему легче, они с Ильёй — победители, и в любом случае, теперь не зависят от Анжелкиного семейства. Любе было очень интересно, как Даниил объяснился с этой змеюкой... Ведь он должен был сказать ей, что между ними всё кончено!

Между ними, и правда, всё кончено. Должно быть кончено...

Спросить его она не решалась, а он эту тему обходил стороной. Любаша не обижалась, да разве теперь это важно? Главное, что они снова вместе.

...Приготовив номер, она с некоторой робостью достала телефон и, найдя нужного

абонента, нажала на вызов. Причину для звонка придумала на ходу...

— Добрый день, Люба! — по голосу Натальи Люба поняла, что та куда-то идёт, — Если у тебя не очень срочное дело, то перезвони мне вечером, я сейчас в студию иду... А, если срочное, то давай в двух словах... Меня ждут, и я вот-вот уже войду...

— Да нет... — Люба слегка растерялась и говорила торопливо, — Не очень срочно... Просто я послезавтра буду в вашем городе, и хочу отдать деньги... Как мне вас увидеть?

— Ой... — Наташа озабоченно вздохнула, — Послезавтра... Послезавтра ты нас дома не застанешь. У нас праздник, и мы целый день будем в «деревне».

— А можно, я прямо туда привезу?.. — не дав ей договорить, Люба отчаянно проявила инициативу. Она догадалась, что за делами Наталья забыла о своём приглашении.

— Ну, конечно. Хотя, если честно, я уже забыла про эти деньги, и совершенно не тороплю. Так что, мне не к спеху, можешь даже не заморачиваться.

— Нет-нет!.. — испугавшись, что Морозова вот-вот закончит разговор, Люба почти закричала в трубку, — Я хочу отдать!.. Если можно, я приеду к вам, в «деревню»... Мне хочется побывать на вашем празднике... Можно?..

— Люба, можно!.. — по торопливости, с которой Наташа произнесла эти слова, можно было судить о том, что она уже пришла и сейчас отключится, — Приезжай, начало в шестнадцать, но мы там будем уже с утра! Только позвони мне, когда будешь подходить, я тебя встречу!

Нажав на отбой, Любаша с облегчением выдохнула. Теперь можно было ехать наверняка. Хорошо, что она позвонила заранее. Конечно, там предпраздничные хлопоты... Наталья говорила, что будут представители СМИ, музыканты, коллективы, другие гости. Будет большой концерт, а потом — банкет в узком кругу. Сама бы Любаша, возможно, не поехала... Но Даня после возвращения с конкурса стал проявлять к этому мероприятию неподдельный интерес, и Люба была готова разбиться в лепёшку, чтобы ему угодить. Она с трудом представляла, что и как будет происходить на этом празднике, и как их с Даней присутствие там сможет повлиять на их дальнейшую творческую судьбу, но решила, во что бы то ни стало, устроить эту поездку, тем более, что все финансовые проблемы Даниил брал на себя.

Вечером, вернувшись с работы в квартиру сестры, Люба застала ту в плохом расположении духа.

— Мать приходила, — нахмурившись, Вера чистила в кухне картошку, — весь мозг за тебя вынесла.

— А я-то думаю, чего она сегодня ещё не звонила? — Любаша уже в который раз испытала неловкость за то, что по её вине у Веры возникают конфликты с матерью, — Зачем приходила?

— Думала, что ты уже дома, — усмехнулась Вера, — сказала, что, если ты не вернёшься по-хорошему, она тебя проклянет. И меня заодно.

— Могла бы и позвонить. Тебе-то зачем всё высказывать?

— А то ты не знаешь. Ей театр нужен, а по телефону — какой театр?

— Я к ним не вернусь, — Любаша упрямо надула губы, — пусть прокликает. Ты ей не сказала, что я послезавтра хочу уехать?

— Не сказала, — Вера сердито кинула нож на стол, — а то она под автобус бы легла, сказала бы, что не пустит тебя с твоим кобелём. Я её успокоила, что ты никуда не ходишь, и к тебе никто не ходит.

— Вер... — Люба присела на табурет и подняла на сестру глаза, — Я приеду и сразу от вас уйду, ты не переживай.

— Куда?

— На квартиру. Я сейчас ещё одну газету купила, попробую поискать вариант.

— Да что ты там поищешь? Цены везде одинаковые.

— Ну, может, не квартиру, а комнату. Комната дешевле... Я ведь ненадолго, пока не уеду отсюда.

— Я вот что думаю, — Вера присела напротив, — у моей свекрови целый дом, а она одна живёт. Сама сколько раз говорила, что ей скучно. Если что, я у неё спрошу, может, сдаст тебе комнату? Заодно за Серёгой понаблюдаешь, что он там делает, когда к матери приходит.

— Не знаю... — Люба пожала плечами, — В принципе, можно и к ней. Может, денег не возьмёт?

— Да она, может, вообще ничего не возьмёт. Она ж такая...

Вера как в воду глядела — уже на следующий день, поговорив со свекровью, она сообщила Любаше приятную новость — Ольга Павловна с радостью приютит сестру снохи, и денег не возьмёт. Главное, чтобы «Тамара не обиделась».

— Я ей, конечно, пообещала, что с матерью всё будет улажено, но, если честно, сомневаюсь, — Вера недоверчиво покачала головой, — тут тебе самой надо бы подсутиться.

— Как? — Любаша удивлённо посмотрела на сестру.

— Ну... позвони матери... Извинись там, я не знаю, что ещё... И скажи, что хочешь пожить самостоятельно. Хорошо бы, конечно, если бы твой Даня сделал тебе предложение, тогда точно всё было бы класс... Мамаша бы хоть от меня отстала.

— Хорошо... — Люба нехотя кивнула, — Я позвоню...

Она и сама была бы не против услышать от любимого парня заветные слова... Но он молчал. Хотя... Любаше пришло в голову, что, узнай Даня о ребёнке, он обязательно бы предложил ей выйти за него замуж! Он и предложит... Вот только узнает...

Сразу после разговора с сестрой Люба набрала номер матери. Разговор получился долгим и очень тяжёлым. Выслушав всё, что накопилось у Тамары Васильевны за прошедшие сутки в её адрес, Любаша, пересилив себя, попросила у той прощения. Она смутно представляла, за что конкретно должна простить её родная мать, но, ради того, чтобы иметь крышу над головой, пришлось скрепить сердце.

Ей показалось, что матери только и нужно было услышать слова покаяния и убедиться, что дочь преклонила перед ней колени. Смирив, на первый взгляд, гнев на милость, Тамара Васильевна, тем не менее, зарядила ещё одну речь — на тему нравственности и морали, сравнивая Любашу с самыми падшими женщинами и проча ей незавидное будущее, если она и дальше будет вести «такой образ жизни», а заодно в тысячный раз напомнила о «материнском сердце», о которое такие вот непутёвые дочери так и норовят вытереть ноги.

«Чтобы сегодня же была дома!» — уже вполне миролюбивым тоном произнесла мать, но Любашин отказ и известие о том, что она хочет жить самостоятельно, снова повергло женщину в гнев. Новая порция оскорблений и угроз обрушилась на голову Любаше. Не дослушав мать до конца, она нажала на отбой, а затем и вовсе отключила телефон.

Да, она правильно сделала, что ушла из дома... Несмотря на «прощение», мать всё равно не успокоилась бы, грызя её постоянно за «проступок», а об отношениях с Даней не

могло быть и речи — зная свою родительницу, Люба была уверена, что та теперь контролировала бы каждый её шаг, и скандалы каждый вечер за малейшее опоздание были бы обеспечены.

На следующий день, позвонив Ольге Павловне, она сама договорилась с той о том, что переедет к ней на днях, и тут же сообщила об этом Даниилу.

— И что... мы сможем увидеться не только вечером?.. — его тон был недвусмысленным, и Люба почувствовала, как от радости перехватывает дыхание.

— Да... — она приглушила голос, — Но только не сегодня. Я перееду на квартиру после поездки.

— Но поездка — завтра...

— Но мы же не знаем, когда вернёмся... — она тоже заговорила загадочно-игривым тоном, — Вдруг, тебя пригласят в какой-нибудь проект?..

— Это пожелание? Или опасение?..

— И то и другое...

— Ты, действительно, меня так любишь?

— Да... Я тебя очень люблю.

— И я...

Они ещё несколько дней назад решили, что возьмут с собой минусовки своих песен, и, по возможности, исполнят их на мероприятии — в качестве поздравления творческому центру Морозова. Конечно, это была авантюрная идея, но Даня убедил Любашу, что в этом нет ничего плохого — их пригласили на праздник, на день рождения, а какие гости приходят без подарков? То, что он один, без Ильи, будет исполнять их песни, Даниила совершенно не смущало. Единственное, о чём он беспокоился, была Любина протекция на правах близкой знакомой. Он почему-то был уверен, что его выступление на одной сцене с профессиональными музыкантами, пусть и на таком, «семейном», концерте, будет престижным фактом, упомянутым в его портфолио вокалиста, которое он начал составлять не так давно. Фото же на фоне какого-нибудь артиста стало для него чуть ли не навязчивой мечтой, и Люба сама загорелась этими идеями, совершенно забывая о своих собственных целях.

Тем же вечером, освободившись пораньше, Люба решила сделать Даниилу сюрприз, и пришла к закрытию его магазина. Она хотела дождаться его у входа, но на улице был сильный мороз, и она, немного подумав, вошла внутрь. Поздоровавшись со знакомым охранником, она направилась к отделу, в котором работал Даня, но, сделав пару шагов, невольно вздрогнула. Выйдя именно из этого отдела, ей навстречу, слегка прихрамывая, шла Анжелка. Бросив невольный взгляд на ноги этой змеи, Люба мысленно усмехнулась — вместо привычных высоких каблучков, на этот раз Анжелка была обута в тёплые зимние сапоги старушечьей модели — с широкой сплошной подошвой. Видимо, перебинтованная, травмированная ступня не влезала в её обычную модельную обувь, вот и пришлось надеть то, что было сейчас по размеру.

...Внутренняя ирония тут же сменилась тревогой... Что эта гадина делала сейчас здесь, в отделе у Дани?! Прибавив шаг, Любаша вихрем пронеслась мимо соперницы и, завернув направо, оказалась в отделе телевизоров.

— Привет... — увидев её, Даниил неожиданно смутился, — Ты откуда?..

— Я?! — в голове у Любы одновременно пронеслись тысяча мыслей, — Я... я хотела тебя увидеть... А что здесь делала эта...

— Кто?.. — по его глазам Люба поняла, что он прекрасно понял, кого она имела в виду, но почему-то сделал удивлённый вид.

— Кто только что вышел отсюда.

— А... — смутившись окончательно, Даня отвёл глаза, — Ты про Анжелу...

— Да, про неё, — Люба не сводила с парня пристального взгляда, — зачем она к тебе приходила?

— А ты не догадываешься?.. — он как-то загадочно усмехнулся.

— Нет, — Люба медленно покачала головой, — не догадываюсь.

— Хотела выяснить отношения.

— И... что? Выяснила?

— Как можно выяснять то, чего нет? — Даниил приобнял Любашу за плечи, — Успокойся. Я её не звал и не ждал. То, что она сама решила прийти, это лишь её собственное желание... и... её собственные проблемы.

— Правда?..

— Ну, конечно, — его улыбка и этот взгляд... они сразу свели на нет все её сомнения...

— А я, правда, захотела тебя увидеть... До завтра так долго ждать...

— Я тоже очень хотел тебя увидеть...

— Ты уже собираешься?

— Н-нет... — от неё не утаилась неуверенность, с какой он произнёс эти слова, — Я сейчас никуда не уйду.

— Почему? — Любаша разочарованно хлопала длинными ресницами, — Почему не уходишь?

— У нас... у нас сегодня был привоз, и меня попросили остаться, помочь разобрать товар.

— Да?.. — Люба растерянно смотрела на любимого парня, — А я думала, сейчас пойдём, погуляем...

— Сегодня никак не могу, — он развёл руками, — и уже нужно бежать в подсобку, меня ждут...

— Ну, ладно... тогда до утра?.. — грустно вздохнула Любаша.

— До утра, — целуя её, шепнул Даниил, — завтра весь день будем вместе...

— Да, вместе...

Она ещё больше огорчилась, когда, сославшись на то, что его ждут в подсобке, Даня не пошёл провожать её к выходу. Магазин был уже закрыт изнутри, и её выпустил охранник. Оглянувшись напоследок, Любаша поспешила домой к сестре, утешая себя тем, что утром они вместе с Даниилом отправятся в не очень далёкое, но такое приятное путешествие!

Места в междугороднем автобусе им достались последние, в самом конце салона, но Люба была рада этому обстоятельству — кроме них на заднем ряду пассажиров не было, и, усевшись на крайние места, они оказались в полном уединении за высокими спинками вперёдстоящих кресел. Положив голову на плечо Даниилу, Любаша закрыла счастливые глаза.

— Кстати, — Даня нарушил их недолгое молчание, — мне сегодня пришла в голову одна мысль...

— Какая? — улыбаясь, Люба снова открыла веки.

— Нам нужно спеть не свои песни, а песни из репертуара «Ночного патруля». Обычно

так и делается — поются песни виновников торжества.

— Да-а-а... — задумчиво кивнула Любаша, — Ты прав... И как это я раньше не подумала... Хотя... Где мне было репетировать?

— А я уже репетировал.

— Ты?! Репетировал?!

— Н-ну, да... Вчера, ещё днём, на перерыве я поехал в нашу студию. Там же есть минусовки, помнишь, Гарик Харламов пел «Не моя»? Это же патрулёвская песня, её Морозов поёт.

— Ты был в студии? Ну, и что там новенького? — Любаша спросила с какой-то ревностью, ведь днём Даня ничего не сказал ей об этом.

— Да я на минутку забежал. Скачал минус, и всё.

— И, что... никого не видел?

— Да так... — он неопределённо пожал плечами, — Галину видел... Она сказала, что новогодний концерт будет двадцать восьмого декабря, в девятнадцать часов.

— Вас включили в программу? — Люба почувствовала, как червячок ревности внутри неё начинает превращаться в большого, взрослого червя.

— Да, включили. Почему тебя это удивляет?

— А меня куда не включили, — она обиженно усмехнулась, — Анжелочка постаралась...

— Ну, и что, — притянув её к себе, он обаятельно улыбнулся, — у нас ведь другие планы... Правда?

— Правда... — Люба грустно вздохнула, — Но всё равно... Обидно... Я новую песню ни разу нигде не спела.

— Споёшь ещё, разве нет? Сегодня и споёшь.

— Если получится. Я ещё не знаю наверняка.

— Ты разве не договорилась? — он удивлённо посмотрел на неё, — А зачем я репетировал?.. Зачем мы тогда едем?

— Как зачем? — Люба в свою очередь уставилась на него своими голубыми глазами, — Ты же сам хотел...

— Я хотел... Но я думал, что мы там будем петь! Люба, это же такой шанс показать себя в кругу настоящих музыкантов!

— Ты что, рассердился? — она заметно растерялась от его неожиданно возмущённого тона.

— Нет, но...

— Мы же всё равно будем там, Даня! Нас встретят, мы всех увидим...

— Ну, да, увидим... — он обиженно пожал плечами, — Но это всё не то, Люба. Нужно показывать себя, а не просто сидеть в числе прочих в зале... Я понимаю тебя, ты и так знакома с ними... Но мне тоже хотелось...

— Ну, что ты сердишься? — Люба снова положила голову ему на плечо, — Я просто сказала, что пока не знаю... Может всё и получится. К тому же, у тебя скоро конкурс, ты всё равно засветишься, в любом случае! Это я — сирота казанская...

— Да уж, сирота... — усмехнулся Даниил, — Пишешься запросто в их студии, ночуешь у них... Может, тебя уже пригласили к ним петь, а ты мне не говоришь...

— Данька... — Любаша счастливо зажмурилась, — Глупый... Неужели бы я тебе не сказала?!

— Не знаю... Интересно, Морозов всё-таки будет судить всероссийский этап?

— Думаю, будет, — Люба нарочно уверенно кивнула, чтобы окончательно успокоить любимого человека, — Я узнаю.

— Хорошо бы...

— Всё будет хорошо. И ты сегодня spoёшь. Я всё устрою.

...Она, действительно, всё устроила...

Приехав в областной город около одиннадцати утра, молодые люди позавтракали в кафе, после чего поехали в «Творческую деревню» Дмитрия и Натальи Морозовых. Люба ехала с некоторой опаской. Несмотря на то, что Наташа сказала, что они будут там с самого утра, Люба всё же беспокоилась, что они с Даней заявятся слишком рано, и, если окажется, что здание ещё закрыто, у Дани возникнут к ней вопросы... Он почему-то слишком серьёзно воспринимал её знакомство с Морозовыми, и любая заминка вызывала у него недовольство и сомнения... Люба старалась оправдывать то мнение, которое сложилось у Даниила о ней и её возможностях...

Она твёрдо решила оправдывать это мнение во что бы то ни стало.

К её искренней радости, Морозова была уже в «деревне» — почти сразу после звонка Любаши Наталья открыла дверь ипустила их с Даниилом внутрь.

— Привет-привет, — Наташа здоровалась на ходу, — у нас последние приготовления, репетиция... Так что, проходите, раздевайтесь, и на нас не обращайтесь внимания!

— Репетиция? — Люба хотела сразу сказать, что она не одна, но, видимо, присутствие Дани не смутило Морозову — та восприняла его появление вместе с Любой как что-то само собой разумеющееся.

— Да, репетиция, — оглянулась Наташа, — «патрули» репетируют поздравлялки, а я накрываю стол.

— Стол?! Так рано?

— Это только кажется, что рано, — Наташа махнула рукой, — но его нужно накрыть, а это время. Закуски заказаны, их привезут вот-вот, потому, что потом будет не до этого. Мне нужно сейчас всё расставить, пока никого нет, так что вы как нельзя кстати. У вас как со временем?

— Да нормально... — Люба пожала плечами, — Мы свободны до самого вечера.

— Ну, и замечательно! — Наталья довольно кивнула, — Будете помогать!

— Класс! — Даниил за её спиной показал Любе большой палец, — Будем, и без проблем!

— Тогда за мной, — они уже поднялись на второй этаж, и Наташа толкнула дверь музыкального кабинета, — банкет будет здесь!

— А столы... — оглядывая практически пустое помещение, Даня состроил удивлённое лицо, — Тут же пусто...

— А столы мы сейчас будем носить снизу, — Наталья многозначительно кивнула на пол, — потому, что все столы у нас внизу, а это помещение — единственное, которое по габаритам подходит для банкета. В остальных помещениях будет тесно. Теперь видите, какая я коварная? — она лукаво улыбнулась, — Я как будто нарочно вас ждала...

Любаша облегчённо вздохнула... Наташина случайная шутка рассеяла все сомнения Дани... Теперь у него не останется сомнений, что она здесь — своя в доску!

— Кстати, ты уже отправила Платову свою песню? — Наташа вопросительно посмотрела на Любу.

— Да, — кивнула та, — сразу же отправила. Но ответа пока не было.

— А его сейчас нет на месте. Он в Питере, жюри очередного конкурса. Дима с ним созванивался вчера. Скорее всего, ему пока некогда. Ничего, вернётся, прослушает.

Люба только кивнула — она краем глаза заметила, какую приятную для неё реакцию вызвало у Дани упоминание о председателе жюри и о том, что тот должен прослушать Любашину плюсовку.

— Если честно, то я хотела дождаться, пока ребята закончат репетицию, — при очередном «заходе» на второй этаж, Наташа кивнула головой на зрительный зал, из которого доносились звуки музыки, — чтобы они мне всё перетаскали. Но тогда у меня оставалось бы меньше времени. И тут-то вы мне и попались...

— А Дима тоже здесь? — Люба вместе с Даниилом тащили по ступенькам сложенный стол из одного из кабинетов, — И как там Валерик с Анечкой?

— Димы пока нет. Он сегодня чуть позже приедет, часам к двум. А дети... Дети хорошо, они сегодня тоже здесь будут, с дедушками и бабушками. Валерка будет петь песню на концерте, вчера весь вечер Диму мучил дома — «папа, поиграй», — рассмеялась Наташа, — репетировал!

— Здорово... — Люба поймала многозначительный взгляд Дани, — А ведь мы тоже хотим спеть сегодня... мы привезли вам музыкальный подарок...

— Правда?! — улыбнулась Морозова, — спасибо... Вообще-то, у нас всё уже расписано по минутам... Но давайте сделаем так. Чуть позже подъедет Элеонора, это наш концертный директор и администратор, она составляла программу, приглашала гостей, и она как раз и отвечает за все номера. Вы мне напомните, я узнаю, сможет ли она включить ваши номера в концерт. Потому, что будут выступать и гости, и мы сами, и наши дети, всё уже расписано по времени. Но вы заранее не расстраивайтесь, может, всё получится. В крайнем случае, споёте на банкете.

— А, мы... мы не думали, что можно на банкет...

— Люба, конечно, можно. Вы же мои земляки, а ты вообще — родня, — снова рассмеялась Наташа, — ну, почти родня...

...День выдался поистине удачным. Дождавшись приезда Элеоноры, Наталья сама подошла к ней с просьбой втиснуть в уже составленную программу ещё два номера.

— Два не получится, — пробежав программу глазами, Элеонора повернулась к той всем своим шикарным бюстом, — Наташа, у нас громадный концерт, а ещё торжественная часть, а СМИшники подъедут, а ещё продюсерский центр Валеры Гаевского изъявил желание непременно поздравить вас... прикинь?!

— Серьёзно?.. — Наташа снова расплылась в улыбке, — Ну, этим никак нельзя отказать в гостеприимстве...

— Вот и я про то же... Так что, если только один номер втисну, минуты на три с половиной, не больше. Ещё нужно не забыть добавить в плейлист.

— Тогда решайте всё с Элеонорой, — Наташа кивнула Любе и Даниилу, — а я побежала наверх, закуски по тарелкам раскладывать. У кого концерт на уме, а у кого — банкет!

— Ну, тогда... Тогда твою песню, Даня... Да? — Люба посмотрела на Даниила, — Да? Она совершенно не думала о себе, ей был важен лишь Даня... Её Даня...

Гости начали собираться уже после пятнадцати часов. Даниилу даже удалось урвать момент и порепетировать в освободившемся после «патрулей» концертном зале. К Любашину удивлению, звукорежиссёр Миша, которого Элеонора попросила настроить

аппаратуру под песню «Не моя», не выказал ни удивления, ни недовольства — он быстро и качественно выполнил свою работу, и вскоре голос Даниила зазвучал с небольшой сцены «Творческой деревни».

— Не понял... — как только стихла музыка, парень лет двадцати восьми, со смешливым лицом и тёмными, непонятного цвета глазами и короткой стрижкой заглянул в зрительный зал, — Это кто тут у нас Димона пытается затмить?

— Это подарок, Саша, — обернувшись к нему, Элеонора кокетливо качнула головой, — этот мальчик — победитель регионального конкурса, специально приехал, чтобы поздравить Диму и нас всех.

— Понял... — парень тут же скрылся за дверью.

— Узнал легендарного барабанщика? — теперь Элеонора обращалась к Даниилу, с которого не сводила заинтересованного взгляда всё время, пока он пел, — Это же Саша... Саша Говоров! Ударник «Ночного патруля»... Не узнал?!

— Узнал... — не совсем уверенный тон совершенно не помешал Даниилу улыбнуться своей обворожительной улыбкой. Совершенно точно угадав неподдельный интерес, вызванный им у шикарной концертной директрисы, он, не стесняясь Любашиного присутствия, не переставал улыбаться Элеоноре и сводить с ума её своим завораживающим взглядом из-под полуопущенных век.

Люба старательно делала вид, что не обращает на это никакого внимания, понимая, что сейчас все средства хороши, и что Даня, в конце концов, никуда от неё не денется, во всяком случае, кокетливой директрисе не суждено оказаться в его объятиях, как бы ей этого не захотелось...

...Люба уже в который раз подумала, что звёзды сойдутся в нужной для них с Даней комбинации — его выступление на сцене «деревни» было очень удачным, во всяком случае, так показалось самой Любаше, и он в лишний раз убедился, что она ради него готова на многое...

И уж совершенно неожиданным для них обоих оказалось интервью, которое решила взять у них корреспондент канала «Культурный город», высокая молодая женщина с короткой модельной стрижкой, представившаяся Юлией. Интервью было коротким, с просьбой что-нибудь сказать о творчестве Натальи и Дмитрия Морозовых и об их «Творческой деревне», но на Любашу с Даниилом оно произвело огромное впечатление. Это было первое интервью в их жизни, и, пусть разговор шёл не об их творчестве, но Любе на мгновение показалось, что она с головой погрузилась в мир настоящего шоу-бизнеса... Фото же вместе со знаменитыми «патрулями», которые сегодня охотно позировали со всеми, кто пожелал иметь общий снимок, сделанное на Данин телефон, был поистине настоящим подарком, ради которого стоило проделать такой длинный и совсем не дешёвый путь.

Когда к началу банкета все «дальние» гости, а так же родители и дети Морозовых, наконец, покинули «Творческую деревню», и остались лишь «свои», до отправления автобуса оставалось не так много времени, но Люба с Даней отчаянно решили остаться ещё — хотя бы на час... «Своих» за столом оказалось не так уж и мало — все сотрудники «деревни», все музыканты «Ночного патруля» со своими жёнами, ещё какие-то люди, которых Люба до этого не видела, и сами Наталья и Дмитрий — всех вместе человек тридцать. Люба с сожалением отметила про себя отсутствие аппаратуры, к тому же, кроме стоявшего в углу цифрового пианино и нескольких акустических гитар, других инструментов не было... Ни на пианино, ни на гитаре она не играла, поэтому шансов спеть песню у неё не

было.

...Она в очередной раз поглядела на часы — до автобуса оставался всего час... Пора было вызывать такси и отправляться на автовокзал. Люба грустно взглянула на сидящего рядом Даню — он, казалось, совершенно не стеснялся, оказавшись за таким столом, щедро раздавая свои улыбку и взгляд всем присутствующим женщинам и свободно общаясь со всеми парнями, как будто с давними знакомыми.

— Ну, что... — Наталья неожиданно потянулась за гитарой, — Пора вдарить и по струнам!

— Давай, Натаха... — выпив залпом стопку водки, уже знакомый ребятам Говоров сделал ей жест рукой, — Вдарь!..

— Про что вдарим? — взяв пробный аккорд, Наташа весело обвела всех взглядом.

— Про косы... — Дмитрий смотрел на жену по-настоящему влюблённо... Люба заметила этот взгляд ещё тогда, неделю назад, когда ночевала у Морозовых, и даже поймала себя на мысли, что завидует Наталье. Даня никогда не смотрел на неё вот т а к... Она вообще никогда не думала, что люди, прожившие несколько лет в браке, могут любить друг друга, как в первый день... Она не видела такого ни в семье своей сестры, ни в семье родителей. Ей почему-то казалось, что после свадьбы отношения обречены на угасание... Она так думала и боялась, что и их отношения с Даней тоже перейдут в другой формат после свадьбы...

Эх... Лишь бы она была — та свадьба! А там... кто знает?..

— Ну, конечно! Песня пло косы... — Наташа ответила мужу точно таким же влюблённым взглядом, потом перевела его на остальных, — Так говорит наш Валерка — «Песня пло косы»!

Услышав первые аккорды, Люба внутренне напряглась. Она знала эту песню, которую собиралась сейчас спеть Наталья...

«Ты заплетал мои косы» — это одна из самых знаменитых композиций «Ночного патруля»... Люба слышала эту песню не раз, и знала её наизусть. Она даже пела её, одна, на работе, убирая номера... Правда, ей всегда хотелось петь вторым голосом... она и пела обычно вторую партию, так, как она ей слышалась — в оригинале Наташа пела всегда сольно, и лишь в припеве на фоне едва слышимого бэк-вокала.

...Она вступила со второго куплета — совершенно неожиданно для самой себя... То ли от отчаяния, то ли от переживания, что они могут не успеть на автобус... Её сильный голос всегда удивлял хорошей постановкой, И Люба запела уверенно... даже не успев испытать обычного в таких случаях смущения.

Смутилась, только когда стих последний аккорд...

— Наташа, прости... — под одобряющими взглядами присутствующих Люба искренне приложила руку к груди, — Я не смогла удержаться! Это — моя любимая песня... Я часто пою её, именно вторым голосом...

— Спасибо, что помогла! — Наталья смотрела на неё удивлённо, — Я даже не ожидала, что здесь будет такое шикарное двуголосие! При чём, ты спела очень сложную партию... Это даже не второй, это третий голос...

— Прости, я как-то нечаянно...

— Да нет, всё нормально, правда! Спасибо!

— Это вам спасибо... — Люба снова бросила мимолётный взгляд на часы, — К сожалению, нам с Даней пора, у нас скоро автобус...

Вызвав такси, они попрощались со всей компанией, оделись и вышли из здания.

— Ребята, спасибо вам за то, что приехали, что помогли, поздравили... — провожая, Наталья вместе с ними стояла на крыльце, — Я так рада, что кто-то был из моего города! Жаль, что некогда было пообщаться, но ведь ещё увидимся, правда?

— Ну, конечно, — Даниил опередил Любашу, — я же в январе приеду на конкурс.

— Точно! — Наташа радостно кивнула, но продолжала обращаться к Любе, — Конкурс же в январе! Люба, если приедешь, позвони, я вырвусь за вас поболеть! И передавай привет Серёжке! И его жене тоже передавай! Ну, всё, ребята, вон ваше такси подъехало... Пока!

На автобус они успели — явившись на посадку буквально за пять минут до отправления... Люба уже в который раз подумала, что сегодня — их день!

— Крутые у тебя знакомства, — устроившись на своём кресле, Даниил обнял Любу за плечи, — А ты никогда об этом не рассказывала... Тебе давно можно было как-то к ним попасть... Хотя бы на тот же бэк-вокал...

— Да попасть, думаю, можно... — воодушевлённая сегодняшними событиями, Люба улыбалась уголком губ, — хоть на бэк... хоть на дублёров... Я тебе не говорила? Они будут искать дублёров для своей новой рок-оперы...

— Дублёров? Каких дублёров?

— На случай болезни основных артистов, — Люба не стала уточнять, что Морозовы не собираются брать дублёров для главных героев, — они же собираются потом с этой оперой гастролировать, и им нужны дублёры, на всякий случай.

— Интересно... — Даня заинтересованно посмотрел на девушку, — Насколько я понимаю, дублёр должен быть свободен, чтобы в любой момент подменить заболевшего артиста... Значит, он должен быть в команде... так?

— Дань, я не знаю... — Люба пожала плечами, — Зачем это тебе? Мы же говорили с тобой... Если пробиваться, то только в Москву.

— Нужно иметь в запасе разные варианты, разве нет?

— А я завтра уже переезжаю на квартиру... — она решила сменить тему разговора.

— Слушай... — он не дал ей договорить, — А ты не уточнила у Морозова насчёт суждения?

— А что?.. — она придала голосу как можно больше загадочности, — Если уточнила, то — что?

— Ну, и?..

— Вроде бы, да... — отчаянно соврала Любаша, — Во всяком случае, пока — да.

— Класс... — он довольно усмехнулся, потом прижался губами к её уху, — Что ты там говорила насчёт квартиры?

— Завтра я переезжаю на квартиру, — повторила Люба, — правда, ненадолго, пока до твоего конкурса...

— А потом?

— А потом... — Люба выдержала многозначительную паузу, — Потом, я надеюсь, наша жизнь изменится... Почему-то я в этом уверена...

— Серьёзно? — он не менее многозначительно заглянул ей в глаза.

— Серьёзно... — кивнула Люба, — И ещё... ещё тебя ждут приятные сюрпризы...

— Серьёзно?!

— Да... И очень скоро...

Глава 10.

— Вер, Вер, а как там у них всё классно, ты даже не представляешь! — сидя у сестры на

кухне поздним вечером после приезда, Любаша одновременно тараторила и поглощала разогретый Верой ужин, — Я раньше читала про такие вот артистические тусовки, банкеты там, а теперь и сама побывала! Ой, помнишь, в прошлом году к нам певец приезжал — Сергей Петрушев? Ну, помнишь, Вер?..

— Ну... что-то припоминаю... — Вера, нахмурившись, слушала сестру.

— Так вот, он тоже там был! Ой, да там все были! Весь «Ночной патруль», все парни, со своими бабами...

— Ты ешь, Люба, ешь...

— Да ем!.. Ой, Вер, прикинь, Даня на концерте пел! Прикинь?!

— Угу. Прикинула. И — что?

— Нет, ничего, — не обращая внимания на плохое настроение сестры, Любаша не переставала частить, — мы даже не надеялись, что нам дадут выступить, а, прикинь, один номер включили!..

— А почему не тебя, а Даню твоего?

— Мы так решили! Понимаешь, я подумала, что мне лучше спеть на банкете...

— Ну, и как? Спела?

— Спела! — Люба восторженно кивнула, — Вер, прикинь?! Наташа пела свою знаменитую... Ну, «Косы»! Не знаешь?! Нет?!

— Нет.

— Ну, у них песня есть «Ты заплетал мои косы»... Прикинь, Вер, когда слышишь песню в записи, а потом — вживую, в исполнении этого же самого артиста, это... Это — вообще!..

— Ну, и...

— Ну, и она её под гитару пела, просто под одну гитару... А я взяла и запела вместе с ней, да ещё вторым голосом! Прикинь?! Вер, они потом знаешь, что сказали?!

— Ну, что? — Вера, не глядя на сестру, помешивала чайной ложечкой в чашке с чаем.

— Что у меня редкий талант петь разные голосовые партии, ну, то есть, без подготовки, чисто на слух, при чём, самые сложные партии! Другие этому учатся по многу лет, а у меня всё от природы...

— Ну, это у нас семейное, — усмехнулась Вера, — ты же знаешь.

— Угу, — охотно кивнула Любаша, — вот именно! И я всегда удивлялась, почему ты не занималась вокалом по-настоящему? У тебя же шикарное контральто!

— Чего-чего у меня шикарное? — усмехнувшись, Вера, наконец-то подняла взгляд на сестру.

— Контральто. Это самый низкий женский голос, он очень богат всякими оттенками. Ты что, не знала?

— Нет. Что у меня — контральто, как-то не знала. Да и не стремилась никогда узнать. Это ты о сцене мечтала, а я — на кухне попеть, в ванной... да вон, как мать, за столом... Ты не помнишь, как к нам материны сёстры приезжали, когда мы ещё маленькими были?

— Что-то помню... — Люба неопределённо пожала плечами, — А что?

— Я, когда их трио в первый раз услышала, у меня аж мороз по коже пробежал, хоть я ещё была ребёнком. На три голоса пели, да так, что профессиональным артистам сроду так вживую не спеть! И никто их не учил, всё от природы, на слух!

— Ну, вот, и у меня, значит, их гены, — Любаша за ручку придвинула к себе чайную чашку, — я ж говорю, там, на банкете, все аж обалдели, когда я с Наташей запела! Мне потом Наташа...

— Господи, да что ты заладила — Наташа, Наташа... — Вера раздражённо, со стуком, поставила свою чашку на стол, — Ты, случаем, сама не влюбилась в эту Наташу?!

— Да ладно тебе, — Люба тут же умерила пыл, — я же просто рассказываю. Ну, Вер, ну, правда, у них всё просто, честно! Она, правда, простая. Сказала, что мы почти родственники.

— Да уж, родственники... Ну, и что — спела ты, похвалили тебя, и что?

— Ну... и ничего... — Люба пожала плечами, — Пока — ничего... Вер, ну, а что ты хотела? Чтобы меня сразу куда-нибудь пригласили? Главное, что мы с Даней побывали на таком мероприятии! Там же и телевидение было, и из городских газет корреспонденты, и артистов столько... Наташа...

— Ой, ну, ладно, — махнула Вера рукой, — опять всё сворачиваешь к Наташе. Лучше бы на мужа её внимание обратила.

— А... На Диму?.. Да он всё время занят, всё где-то бегаёт, что-то делает... я даже не знаю, когда он успевает музыку писать и репетировать.

— Ну, вот... Он — бегаёт... А она, может, в это время с Серёгой общается...

— Нет, Вер, — Люба отчаянно замотала головой, — вряд ли! Она даже через меня ему привет передала. Если бы общалась, не передавала бы.

— Наивная ты, Любка... Как ребёнок... — Вера покачала головой, потом снова посмотрела на сестру, — Вот и с Даней своим лоханулась. Взяла, и устроила ему выступление. А смысл?! Он же всё равно не сольно поёт, а дуэтом. Кстати, ты же тогда говорила, что их дуэт откровенно не тянет... Как же они в победители-то попали?!

— Ой, Вер, тут вообще всё удачно! Они победили именно потому, что они — дуэт. Это сейчас намного выигрышнее, чем сольное пение. К тому же, Даня, он такой молодец! Прикинь, Вер, на него все тётки западают! Прикинь?! Они там в жюри все — старухи, лет по тридцать пять, а он такой... такой... ну, ты сама знаешь!

— Ничего я не знаю, — Вера угрюмо насупилась, — мне такие мальчики-одуванчики никогда не нравились.

— Ой, ну, ладно тебе, Вер... На него все западают, — Люба мечтательно подняла глаза, — На него даже концертный директор Морозовых западала... Честно!..

— Ну... — Вера снова усмехнулась, — И зачем тебе такое счастье? Всю жизнь на него бабы будут западать. А ты только и будешь сопли на кулак наматывать. Мать права, кобель он.

— Ну, вот, что вы заладили?! — взгляд из мечтательного превратился в возмущённый, — Кобель, кобель... да, западают! Но это их проблемы! А он — молодец! Ну, вот, что ты головой так качаешь?! Вер, ну, что?! Да, Даня — молодец! Они на него глаз кладут, а он свои дела потихоньку делает! Вот и в финал попали, и в победители вышли с Ильёй!

— Ой, и ду-у-у-ра ты, Любка... Ладно, дуй в ванну, а потом спать. Сегодня ещё у меня переночуешь, а уж завтра — к Ольге Павловне.

— Угу, — Люба с готовностью вскочила с табурета и направилась к двери, — да я у неё долго не задержусь, недельки на три, не больше...

— Угу, — в тон ей, насмешливо ответила Вера, — ненадолго... Конечно, ненадолго... Рожать-то собираешься?

— Ну... — Люба оглянулась, — Собираюсь, а что?

— С ребёнком тоже к ней вернёшься?

— Вер! Ну, зачем ты так?!

— Как?!

— Да вот так! Как будто Даня откажется от ребёнка!

— А он что, уже знает?

— Ну... не знает... пока — не знает.

— И когда ты собираешься ему сказать? — Вера, подбоченившись, недоверчиво смотрела на сестру.

— Скоро! — с вызовом ответила Люба, — Вот устроюсь у Тёти Оли, и всё ему скажу!

...Любаша уже в который раз выглянула в окно — полутёмный двор дома Ольги Павловны освещался лишь единственной лампочкой, вкрученной над входной дверью, но её света хватало и на крыльцо, и на деревянный трапик, ведущий до калитки. Мороз на улице был сильный, но окна кухни, в которые смотрела девушка, были совершенно не замёрзшие — Ольга поделилась секретом, что каждую осень моет их соляным раствором, отчего они до самой весны не покрываются инеем.

Люба уже третий день жила у матери Сергея. Она в который раз мысленно похвалила себя, что сразу же после ухода из дома выбрала момент, когда её собственная мать была на работе, и забрала свои вещи — самые необходимые, потому, что сразу же после этого Тамара Васильевна просто-напросто спрятала всё, что не успела забрать Любаша. Ольга же встретила девушку радушно, как будто свою собственную дочь. Она уже четвёртый год жила совершенно одна, с тех пор, как Сергей женился на Вере и ушёл на квартиру. Старшая же дочь, Вика, уже давно выпорхнула из материнского дома, и к ней-то как раз и отправилась сегодня ночевать Ольга Павловна, обрадованная тем, что теперь есть на кого оставить печку — отопление в её доме было автономным, и печь с вмонтированным в неё котлом топилась круглосуточно, с осени и до самого лета.

Люба отогнула занавеску на кухонном окне — в свете лампочки возле калитки мелькнул мужской силуэт... Бросившись к входной двери, выскочила на веранду, моментально откинула крючок...

— Привет... — холодная с мороза щека Дани прижалась к Любашиной горячей щёчке, — Еле нашёл...

— Привет... — шепнув, она разжала объятия и за руку потянула его в дом, — Идём скорее!

— Она точно не придёт? — сняв куртку, он нагнулся, чтобы расстегнуть тёплые ботинки.

— Нет... — Люба счастливо улыбалась, глядя на него, — Её дочка, Вика, уехали с мужем на пару дней в соседний город, а детей оставили дома. Ольга Павловна с внуками будет две ночи...

— Класс... — его руки сомкнулись у неё за спиной, — Целых две ночи...

— Идём на кухню, — Любаша говорила сквозь его поцелуи, — я тебе кое-что приготовила...

— Только на кухне?... — Даниил многозначительно посмотрел ей прямо в глаза, — Ты только на кухне приготовила?... ты кое-что обещала... не забыла?..

— Не забыла... — Люба слегка смутилась, но тут же справилась с собой, — Не забыла... Тебе понравится...

— Смотри... ты обещала...

...Она почти не пила вина — лишь пригубила из большого бокала, но даже этого глотка хватило, чтобы окончательно раскрепоститься... Любаша очень ждала этой ночи... Даня должен был остаться до утра, и она решила во что бы то ни стало удивить его... показать ему, что она больше не неопытная девчонка, едва научившаяся целоваться, а настоящая, страстная женщина... Она смутно представляла, что это такое, но целый день штудировала эротические сайты, читая статьи, рассматривая фото и прокручивая видеоролики. Эротическое бельё, на которое она «положила глаз», стоило очень дорого, и Любаша решила обойтись покупкой пары чёрных ажурных чулок. Форму горничной она взяла с работы — платье было не таким коротким, как хотелось бы, но она старательно подогнула и подшила подол... Фартучек и кружевная повязка на голове — именно так, по её мнению, выглядели соблазнительницы любителей ролевых игр...

— Ого!.. — Даня уже ждал её в постели, когда она, переодевшись, появилась в дверях своей комнаты, — Ты именно так выглядишь у себя на работе?..

— Я выгляжу по-разному... — Люба приблизилась к кровати и, подбоченившись, поставила ногу в ажурном чулке, на край, — Но для тебя... для тебя — именно так...

— А мне нравится... — приподнявшись, он скользнул ладонью по её ноге снизу вверх — до конца бедра, — Даже очень...

— Вам чай, кофе... может, пропылесосить номер?.. — Люба игриво повела плечиком, — Что пожелаете?

— Да я много чего пожелать могу... — его ладонь крепче сжала её бедро, — только выполнишь ли?..

— За ваши деньги — любой каприз...

— И сколько стоит твоё удовольствие?.. — окончательно включившись в игру, он рывком сел в постели и потянул её к себе.

Люба уже собралась ответить, как холодная, неприятная волна прокатилась по всему телу...

«Сколько стоит твоё удовольствие?» — точно так же спросил её тогда тот мужик... Он сказал те же самые слова!.. Она совсем уже забыла о нём... вернее, не забыла... она гнала от себя все воспоминания о том случае... Она не ругала себя за легкомыслие, с которым тогда отомстила Даниилу. Нет, она не ругала и не кляла себя... Она просто решила, что ничего этого в её жизни просто не было! Не было, и всё тут! А Даня... Он сам виноват! Если бы не его измена, ей и в голову бы не пришло переспать с первым встречным!

— Ну... Так сколько же стоит твоё удовольствие? — она сама не заметила за нахлынувшими мыслями, как уже оказалась лежащей на кровати в его объятиях...

— Дорого... Оно стоит очень дорого...

— Сколько?.. — его руки мяти её тело, одновременно освобождая его от форменного платья.

— Вы должны будете на мне жениться... — она так и не поняла — за собственным стоном он, действительно не расслышал её слова, или сделал вид, что не расслышал...

Нет, он, конечно, не расслышал... Он буквально сгорел в своей страсти к ней... Он, действительно, её любит...

— Ну, как... вам понравилось?.. — отдышавшись, Люба приподнялась на локте, — Как насчёт оплаты?..

— А что там у нас по прайсу? — ей показалось, что в его глазах мелькнула усмешка, но Люба списала это именно на «показалось».

— По прайсу... — вода пальчиком по его груди, Любаша бросила лукавый взгляд, — По прайсу у нас два кольца и... марш Мендельсона...

— Мы сейчас всё ещё играем?.. или... — теперь в его взгляде была настороженность.

— Вся наша жизнь — игра... — Люба загадочно рассмеялась, — У тебя есть, что возразить?

— А у тебя есть, чем аргументировать? — настороженность была явной, и Люба немного растерялась.

— А, если есть?..

— Ну, и...

— Даня... — положив голову ему на грудь, Люба вдохнула побольше воздуха, — Даня... у меня есть для тебя новость...

— Новость?.. — она почувствовала, как он напрягся, — Хорошая?

— Не знаю... Надеюсь, что — да.

— Н-ну... и какая это новость?

— У меня... вернее, у нас... У нас будет ребёнок...

В наступившей тишине ей показалось, что она слышит биение пульса в своих висках...

— Что-то подобное я и предполагал услышать.

Любаша почувствовала, как сжалась от его тона. Это не был тон человека, услышавшего радостную для себя новость... В тоне Даниила сквозила какая-то обречённость.

Да, она ждала от него совсем других слов, другой реакции...

Она испугалась. Но, испугавшись, тут же обрадовалась уже тому, что он сразу не бросился отказываться и обвинять её в случившемся.

— И что ты мне скажешь?.. — она решилась задать этот вопрос после ещё одной тягостной минуты молчания.

— Ты уверена в том, что ты сейчас мне сказала?

— Уверена. Тест показал две полоски.

— Люба... — её снова обдало холодной волной от его тона, — Я думаю, что сейчас... вот именно сейчас... не время для детей.

— Даня!.. — она что-то хотела ему сказать, но он перебил её.

— Подожди... — отодвинув её от себя, он сел в постели, — Подожди. Мне кажется, что мы совершенно не готовы. У нас только всё начинается... У нас такие планы... И — вдруг...

— А что — планы? Даня... Нашим планам это никак не помешает!

— Ты сама слышишь, что ты говоришь?.. — он посмотрел на неё как на сумасшедшую, — Как это — не помешает? Ты же сама говорила... Будем пробиваться, в Москву хотела уехать... И — вдруг...

— Даня... — она мягко тронула его ладошкой, — Всё будет именно так, как я говорила! Просто сначала мы будем пробивать тебя. Ты должен победить на этом конкурсе! Вернее, вы с Ильёй... Вы должны победить, и вы победите, я в этом уверена!

— Легко сказать, — Даниил недоверчиво усмехнулся, — только, как мы можем победить — вот так, лишь по твоему желанию?! И, даже если победим... Дальше — что?! Я думал, что ты пошлешь свою фанеру Платову, ещё куда-нибудь... Если всё срастётся, мы вместе поедem... Это уже что-то!

— А я послала! Даня, я послала, но его пока нет, ты же слышал!

— Ну, и что, что послала?! Если ты заговорила о ребёнке, то какие могут быть проекты, Люба?!

— Данчик... — она обняла его сзади и прижалась к плечу, — Но, если меня заметят, им будет всё равно... Они подождут несколько месяцев, а потом, я всё же уверена, что ты победишь во всероссийском конкурсе! Я на тебя возлагаю больше надежд, чем на себя! Ваш дуэт очень выигрышный, так и Дима сказал...

— Морозов? — тон Даниила сразу приобрёл нотки заинтересованности, — Что он сказал?

— Ещё тогда, когда я ночевала у них... Наташа спросила его о вашем дуэте, а он сказал, что вы взяли жюри своим внешним видом, и что вы очень выигрышно выглядите среди вокалистов.

— А ещё он что-нибудь говорил?

— Не знаю, может, и говорил Наталье. Я быстро ушла спать, и не слышала.

— А почему ты мне сразу об этом не сказала?

— Ну, я не подумала, что для тебя важны такие пустяки.

— Ничего себе, пустяки... Может, для тебя это и пустяки, но для меня...

— Да-а-ань... Не сердись, — Люба ещё крепче прижалась к нему, — Я, действительно у них столько всего услышала, что даже не сразу вспомнила сейчас, что они о тебе говорили.

— Слушай... а как ты вообще с ними... Вернее, с Морозовым? Он как — общается с тобой? Или игнорирует?

— Ой, ну, что ты, — Любаша рассмеялась, — ты же сам видел, я с ними вот как с тобой разговариваю. Дима сам предложил записать у него песню, я даже не просила! Он даже денег с меня не взял!

— Вообще?!

— Вообще!

— Круто...

— Дань... — Любаша понизила тон, — Ну, как же быть с ребёнком? Я хочу его оставить...

— Любаша... — он внезапно повернулся к ней и, повалив на постель, наклонился к лицу, — Любочка... Я тебя люблю... и мы обязательно будем вместе!.. У нас будут дети... Только вот сейчас... именно — сейчас... мы должны быть свободными! Ну, какой ребёнок, если у нас впереди такие планы?! Ну, подумай сама! Даже если не в Москву... Мы уедем с тобой в область. Снимем квартиру... Морозовы возьмут тебя в какое-нибудь своё шоу... Может, и меня возьмут... Будем жить, работать...

— А ты... мы... мы поженимся?

— Ну, конечно!.. — он целовал её лицо, приговаривая, — Конечно... Но мы должны сначала добиться своей цели... Люба, слышишь?! Сначала — цель! Да?.. да?!

— Да... — выдохнула она, растворяясь в его ласках.

— У нас всё будет... дом, семья, дети... Потом... А сейчас нужно сделать аборт... Слышишь?..

— Слышу...

— Ты сделаешь аборт... Слышишь?..

— Слышу... — она говорила шёпотом, в тон ему, одновременно отвечая на его ласки и поцелуи.

— Сделаешь?..

— Сделаю...

Оставшиеся до нового года дни прошли в обычной суматохе. Днём Даниил и Любаша работали, а по вечерам ехали к ней, вернее, к Ольге Павловне, которая с обычным гостеприимством встречала Любиного «кавалера», как она называла Даню. Ночевать при хозяйке Даня оставаться не решался, но и она ни разу не нарушила их недолгого уединения. В первый же вечер Даниил притащил Ольге Павловне небольшую, пушистую ёлку, чем сразу же завоевал её доверие.

— Какой парень-то у тебя видный, — прицокнув языком, сказала женщина, когда Даниил ушёл домой, — прям красавец! За таким глаз да глаз нужен!

— Ой, что вы, тётя Оля, — Люба махнула рукой, — он не такой вообще!

— Ну-ну, — добродушно усмехнулась Ольга, — дай Бог.

— Тётя Оля... — спустя какое-то время Любаша вошла к той в комнату, — А я вот всё спросить хотела...

— Хотела — так спрашивай, — Ольга приветливо кивнула на диван, — присаживайся! Может, чайку заварим?

— А, давайте! — охотно кивнула Любаша, — Давайте, я заварю!

Люба почти сразу же после переезда вызвалась помогать Ольге Павловне, и охотно хозяйничала на кухне. Ольга любила травяные чаи собственного производства — тут были и малина, и смородина, и мята, и различные сборы. Люба уже на второй день ориентировалась во многочисленных металлических баночках, стоящих в ряд на полках.

Заварив свежий чай из листьев малины и смородины, она уселась за кухонным столом напротив хозяйки.

— Ну, что ты спросить-то хотела? — Ольга Павловна в ожидании чая ловко орудовала спицами, вывязывая тёплые носки для внуков, — Спрашивай!

— А вот есть такая трава, чтобы приворожить мужа... Ну, чтобы навсегда? — Люба с любопытством уставилась на собеседницу.

— Оо-о-й, девонька... — протяжно воскликнула Ольга Павловна, — Не первая ты спрашиваешь, и не первой я так скажу. Трава всякая есть. И отворотная, и приворотная... разная! Можно приворожить человека! Можно! Да только счастье — не приворожишь.

— Как это? — Любаша удивлённо уставилась на женщину, — Если муж будет с тобой всю жизнь, это же и есть счастье!

— Да какое же это счастье, если не по доброй воле?

— Почему — не по доброй? Он же привороженный, любить будет...

— Да кто ж тебе сказал, что любить будет? — Ольга весело взглянула на Любашу из-за очков, — Если любви не было, её не наворожишь. Привязать — привяжешь, это можно... Будет как телок за тобой ходить, да только без любви скоро заболеет... Бывало такое, что мужья потом жён своих вот так проклинали, даже убивали! Во как бывает, когда насильно привязываешь к себе человека!

— А, если он тебя любит? Тогда как? Тогда же не будет мучиться?

— Так ежели любит, зачем его привязывать лишку?

— Ну... не знаю... — Любаша пожала плечами, — Чтобы ещё крепче любил... Чтобы не разлюбил...

— Крепче он любить не будет. Если муж тебе написан по судьбе — его и привораживать не надо. Он и сам никуда не уйдёт. А, если вы по ошибке поженились, тут уж, как карты лягут... Может, и к другой уйти со временем... А может и с тобой прожить в мучениях. Только травы тут не помогут...

— Так зачем тогда всё это — привороты... отвороты... Если всё без толку?

— Так это ж сами люди и придумали... Не хотят верить в то, что любовь настоящая Богом даётся. Всё норовят сами ухватить, что по нраву... А ты почему спрашивала? Сомнения есть?

— Нет, что вы! — Люба нарочно отвела глаза, — Это я так спросила... Мало ли что... Вдруг...

— Ну, если вдруг... — Ольга понимающе улыбнулась, — Если вдруг — то спрашивай... Привороты не обещаю, а вот для организма что-нибудь дам!

— А вот так... вообще... Из чего делается приворотное зелье? — Люба осторожно взглянула на Ольгу Павловну, — Это я просто так спросила, из любопытства.

— Ну, и я тебе из любопытства отвечу... — Ольга Павловна охотно кивнула, — Зелье делается очень просто. Берётся травка нужная...

— А какая нужная?

— Вот хитрюга, — добродушно рассмеялась Ольга, — не выпытаешь, Любушка... Даже если и выпытаешь, не сделаешь. И не нужно тебе это знать, поверь, доча! Ещё раз скажу — если человек тебе на роду написан, никакие зелья не нужны! А, если не написан — только горе себе найдёшь...

— А как узнать, написан или нет?

— Узнать можно, — снова кивнула Ольга Павловна, — способов много.

— А вы... знаете, как?

— И я знаю. На воске можно вылить.

— Как это?..

— Зажигаете свечи церковные — и ты, и он. И вместе наклоняете над святой водой... Воск капает, и во что он там, в воде, превратится, то и суждено вам обоим... Если капли вместе сольются, судьба тебе с этим человеком. Если нет — значит, не твой он...

— Ой, а это только вы можете... Или я сама, например, смогу?

— Можешь и сама... Только ты правильно не прочитаешь знаки.

— Да?.. А, если мы к вам обратимся... Вы посмотрите?.. Так можно?

— Ну, а чего ж нельзя? — Ольга Павловна весело развела руками, — Можно! Только перед свадьбой! Я просто так воск не выливаю. А вот перед свадьбой — вылью.

— А почему? Почему только перед свадьбой?

— Потому, что перед свадьбой у людей настрой особый. Они друг друга чувствуют, а я — их чувствую.

— Жаль... Лучше, когда ещё до свадьбы знаешь, стоит быть с этим человеком, или нет...

— Ой... — рассмеялась Ольга, — Да можно подумать, что это кого-то остановит?! Да наш брат, когда влюбится, разве кого слушает?! Вот тебе... Скажи сейчас тебе, что твой Даня — не твоя судьба, разве ты сразу с ним порвёшь?!

— Нет... — Любаша замотала головой, — Не порву...

— Так, а я о чём?! Ещё и душой старой меня назовёшь! А вот, когда он тебе сделает предложение, тогда можешь с ним приходить.

— А что, если предложение сделано, и окажется, что это — не мой человек, то сразу можно порвать? — в свою очередь рассмеялась Любаша.

— И тогда не порвёшь, скорее всего... Просто я скажу тебе это уже наверняка.

— А часто к вам приходят? Ну, на судьбу гадать?

— Не часто. Совсем не часто. Кто не верит, а кто верит, да боится правду услышать. Правда, недавно были... Была пара, уже семейная... Перед венчанием приходили. Да ты их знаешь! Ты травку им мою носила, помнишь? Недели три назад, к Смольниковым!

— Да, помню, — кивнула Люба, — это кто, родители венчаться вздумали?

— Нет, не родители! Молодые! Наташа со своим Димой... Ты же их видела...

— Да, я их тогда видела... И потом видела, и даже в гостях у них была. И что, они венчаться хотят?

— Хотят, — кивнула Ольга, — после Рождества. Да они и не думали ничего узнавать, я к ним зашла, да разговорились... Наташа и сказала, что венчаться будут, да ещё пошутила, что теперь Дима никуда от неё не сбежит... А я возьми да и скажи им про судьбу, вот как тебе сейчас... ну, она и давай спрашивать, прям, как ты. Потом говорит мужу-то своему — а давай посмотрим, судьба мы с тобой, или нет... Вроде, как в шутку спросила, а у самой голос дрогнул... Это же надо смелость иметь, так проверять...

— Ну, и что?..

— Он сначала всё отшучивался, а потом говорит — ну, давай, мол, Наташка, чтобы ты больше ко мне не приставала... Пришли они ко мне. Дала я им по свечке, водички святой налила... Молитву прочла, говорю — наклоняйте свечи!

— И... что?.. — Люба спросила почти шёпотом, не сводя с Ольги огромных от любопытства глаз, — Дальше — что?..

— Дальше?.. А дальше — как положено, капнули раз — капли сошлись... Капнули два — снова сошлись... Капнули три — опять сошлись!

— И, что это значит?..

— Это значит — судьба они друг другу. До самой гробовой доски. И не просто судьба — а по взаимной любви судьба. Так у них воск воедино слился.

— Здорово... — Люба задумчиво покачала головой, — А Вере с Серёжкой вы не выливали воск?

— Нет, — Ольга Павловна развела руками, — Серёжка мне сын, а близким родственникам нельзя ни гадать, ни ворожить. Вот такие дела, Любаша.

— Жаль...

— Так я ж знаю, почему ты про Веру спросила. Ревнует она Сергея к Наташе... Да только зря! Ты уж скажи ей, Любушка! Зря, ей-Богу! Так и скажи — была у меня Наташа с мужем, венчаться они собираются... Пусть не грешит на неё... Скажешь?

— Хорошо... — Любаша снова о чём-то задумалась, — Скажу.

...После этого разговора Любаша ещё долго не могла уснуть, всё ворочалась в постели. Она и верила Ольге Павловне, и не верила... Конечно, приворотное зелье — вещь непростая, и готовить его может только посвящённый человек... Умеет Ольга его готовить, ох, умеет! Только не хочет... То ли цену себе набивает... То ли и вправду боится... Только ведь зря люди говорят... Она, Люба, от Веры знает, что говорят люди за спиной Ольги... Отказывается, да не всем!..

Воск перед свадьбой... Это всё, конечно, хорошо... Только как быть, если воск покажет, что Даня — не её судьба? Как быть тогда?! Ведь он — вся её жизнь! Вся, до последней капли крови, до последнего вздоха!.. Она и на аборт решилась, только ради него... И, что, он — не её судьба?!

Нет, этого она допустить не сможет... Если люди веками применяли это приворотное зелье, значит, оно — действует!

Вот только как его добыть...

Она попробует...

Она обязательно его достанет...

Чего бы ей это не стоило!

Конечно, Даня любит её... Но у них впереди такая насыщенная жизнь, а в ней столько соблазнов!

Лучше привязать его к себе, покрепче, на всякий случай... Чтобы всякие там Анжелки и Элеоноры даже не мечтали!..

Пусть смотрят, завидуют!

Но принадлежать он будет только ей... Любаше.

Глава 11.

Выправить новые документы оказалось делом не очень быстрым. Получив временное удостоверение личности и временный медицинский полис, Люба с огорчением узнала, что ждать новых документов придётся ещё около месяца. Сначала, ещё до обращения в паспортный стол, она всё же думала встретиться с Анжелкой и воззвать к её сомнительной совести, но потом справедливо решила, что не стоит демонстрировать этой гадине даже малую толику своих проблем. Пусть не ждёт! У неё, Любаши, всё в порядке, как будто она и не теряла этот злополучный паспорт.

Собственно, она и не переживала бы по поводу сроков, но уже после новогодних праздников должен был состояться долгожданный всероссийский этап конкурса, после которого они с Даней должны были либо остаться там, в их областной столице, чтобы начать новую жизнь, либо купить билеты на поезд до самой Москвы... Какие уж тут временные удостоверения? Тут нужны новые, настоящие документы, чтобы вместе с ними поменять и свою жизнь — заодно!

Любе не терпелось поскорее убраться из своего «захолустья», чтобы больше не видеть ни эту задрипанную гостиницу, в которой ей приходилось работать, ни эти надоевшие улицы; чтобы не слышать материнских угроз и проклятий в свой адрес, на которые та была очень щедра.

Нет, их с Даней ожидает совершенно другая жизнь. Полная творческих взлётов, успеха и, конечно же, взаимной любви...

Единственным, что омрачало её настроение, были постоянные напоминания Даниила о том, что она должна сделать аборт. Люба не спорила с ним. Она соглашалась... Соглашалась и невольно оттягивала свой поход в больницу. Сначала удавалось сослаться на утерянный медицинский полис, без которого её не принял бы ни один врач. Но Даниил сам чуть ли не за руку отвёл её в отделение фонда медицинского страхования, где Любаше выдали временный документ.

Теперь сослаться было не на что.

Буквально пятого января, как только открылись все лечебные учреждения, он, точно так же, за руку, притащил её к двери женской консультации и стоял рядом с ней в очереди в регистратуру, пока она не взяла талончик на приём. Любаша тогда с грустью подумала, что, если бы он с такой же заботой сопровождал её сюда, чтобы поставить на учёт по беременности, она была бы счастлива...

Визит к врачу не открыл для неё ничего нового — беременность около восьми недель... Помня об уговоре с Даней, Люба сразу заявила о своём желании сделать аборт.

— Первая беременность, прерывание очень опасно, — врач, женщина лет сорока пяти,

строго посмотрела на неё поверх очков, — потом можешь вообще никогда не иметь детей. Ты хорошо подумала?

— Да, — Любаша постаралась кивнуть как можно увереннее, — хорошо.

Получив направления на все необходимые анализы, она вышла из кабинета в коридор, где её ждал Даниил. Сообщив ему о том, что всё произойдёт уже через несколько дней, Люба заметила в его глазах удовлетворение. Такое же удовлетворение застыло и в глазах Веры, когда вечером Любаша зашла к той, чтобы сообщить сегодняшние новости.

— Ну, хоть какая-то польза от твоего Дани, — усмехнулась Вера, — хоть в этом мы с ним на одной волне.

— Вер... — закусив губу, Люба присела на край стула, — А мне страшно...

— Да чего тебе страшно? — сестра устроилась напротив, — Страшно одной с ребёнком остаться, вот что страшно!

— А, вдруг, у меня больше никогда не будет детей?

— Да с чего бы это?

— Врачиха сказала.

— Меньше слушай. Они всех так пугают.

— Но ведь бывает же такое...

— Бывает. А бывает, что и аборт не делали, и детей нет. Разве угадаешь?

— Всё равно страшно...

— А ты не бойся. Ты думай о том, что у тебя всё впереди! Слышишь, Люба?! — Вера придвинула свой стул и обняла Любашу за плечи, — У тебя всё впереди! Вспомни, что я тебе говорила! Ты должна добиться успеха... Слышишь?!

— Слышу... — едва кивнув, прошептала Любаша.

— Назло всему свету должна! И Дане твоему тоже!

— А Даня-то при чём?.. — Люба подняла на сестру удивлённый взгляд, — Зачем ему назло?

— Да просто так! Вот просто так — назло, и всё!

— Даня-то при чём... — Любаша пожала плечами.

— Да все они при чём! Получится у вас или нет — это неважно... Главное, ты ему сразу докажи, чего ты стоишь, поняла?!

— Поняла... — не совсем уверенно пробормотала Люба.

— Вот и всё. Вот и правильно, — кивая сама себе, Вера приговаривала как заклинание, — сделаешь аборт, будешь свободна, добьёшься своего. А я тебе буду помогать. Можешь на меня рассчитывать, сестрёнка. Я тебе говорила — пусть хоть у тебя всё сложится так, как надо!

— Вер, что?.. — Люба снова устремила на сестру взгляд, — Серёга опять?..

— Ну, а как же... — теперь в тоне Веры появились истеричные нотки, — Опя-а-а-ать...

— Снова фотки по ночам смотрит?

— И фотки... и видео... — голос Веры заметно дрожал, — Ты же сказала, что эти... твои... Морозовы... венчаться собираются...

— Ну, да, мне тётя Оля так говорила...

— Я-то думала, он знает, раз к ним ходил, да мать, может, сказала...

— И что?..

— Высказала ему на днях всё, что думала... да про венчание это, сдуру, брякнула. Мол, она о нём и думать не думает, мужа любит, раз венчаться собирается...

— А он что?

— А он, видать, не знал, — Вера с сарказмом усмехнулась, — потому, что сразу оделся и ушёл куда-то. Пришёл уже поздно, спать не лёг, а засел за компьютер.

— Так мало ли что... может, по работе...

— Он в наушниках засел. Значит, музыку слушал. А какую он музыку теперь слушает? Ясное дело — её песни.

— Когда это было?

— Позавчера.

— Нет, к тёте Оле он не приходил... — Любаша покачала головой, — Точно его не было. Я весь вечер дома была. А зачем ты ему сказала про Морозовых? Вы что, ссорились?

— Нет...

— А зачем?! Вер?!

— Ну, не знаю... — Вера нервно повела плечом, — Сказала, и всё. Чтобы не расслаблялся.

— Ну, ты ж сама его задеваешь... Вер...

— Да мне ведь обидно, Люба! Понимаешь?! Обидно!.. Мне каждую минуту обидно!.. Какого чёрта он на мне женился, если её из головы выбросить не может?! Ну, скажи, зачем?!

— Не знаю...

— Вот и я не знаю! Я ж думала, что он меня любит! А у него эта заноза сидит, и не вытащить её никакими клещами!.. И нет этому ни конца, ни края, Люба! Понимаешь?! Мне иногда его задушить хочется, как подумаю, что он всё по ней сохнет!

— Ой, Вер... — Любаша опасно покосилась на сестру, — Глупости не говори...

— Это тебе глупости! Это ему — глупости!.. — Вера разошлась не на шутку и, вскочив с места, встала перед Любой, жестикулируя ладонями, — Это вам всем — глупости, а мне как с этим жить?!

— Вер, Вер... — Любаша схватила сестру за руку и тихонько потрясла, — Успокойся, ну, Вер... ты же сама его провоцируешь... ну, зачем ты с ним скандалишь на ровном месте?! Он бы и не ушёл, может, и спать бы лёг с тобой... ты ж сама начала, первая...

— У меня сердце от обиды разрывается, Люба! Каждую минуту, каждую секунду!.. Я его простить не могу, понимаешь?! Зачем он мне жизнь так испортил?! Вышла бы я замуж за другого, и жила бы спокойно... Я ж ему поверила, что он меня любит... Понимаешь, поверила!..

— Вер... ну, вы и так спокойно живёте... Ты ж сама себя накручиваешь...

— А как можно не накручивать?! Ты хочешь сказать, что я должна делать вид, что всё нормально?!

— Так у вас и так всё нормально... Может, он просто от твоих скандалов в себя уходит... Вер...

— Да уж куда там! — Вера театрально всплеснула руками, — Какой чувствительный!

— Вер... — Люба тоже встала и обняла сестру, — Ну, успокойся... Ну, всё будет хорошо... вот увидишь!..

— Будет... — Вера судорожно вздохнула и вытерла мокрые от слёз глаза, — Дождёшься тут...

— Вот увидишь...

— Нет, Люба. Само по себе хорошо не может быть. Что-то нужно делать...

Сидя в приёмном покое городского родильного дома, Люба никак не могла справиться со всё нарастающей внутренней дрожью. Прерывание беременности, назначенное на сегодня, должно было избавить от многих несвоевременных проблем... Она уже в который раз мысленно убеждала себя в том, что и Даниил, и Вера, правы. Не время сейчас заводить детей... Но, с другой стороны, Любаша уже не раз представляла себе, как она прогуливается по улицам родного города с детской коляской... Они везут её вместе — она и Даня... Они идут не спеша, весело переговариваясь и улыбаясь своему малышу, а эта дура Анжелка завистливо смотрит им вслед... Нет, они уже не живут здесь, они приехали проведать своих родителей, совсем ненадолго, ведь у Дани скоро очередные гастроли!

Почему-то Любаша упрямо верила, что восхождение Даниила на вершину славы произойдёт быстро... По-другому и быть не могло — вон как засматриваются на него абсолютно все дамочки из их общего окружения! Засматриваются независимо от возраста, и даже их музручка Галина нет-нет, да бросит на своего воспитанника кокетливый взгляд! А уж что говорить про тех кикимор из жюри! Да они просто глаз с него не сводили, когда он и Илья пели на предыдущем туре. Их, этих дамочек, было всего две, но их явно завышенные оценки очень помогли ему при подсчёте общего результата... Вот и на предстоящем конкурсе всё будет именно так! Правда, неизвестно, будут ли в новом жюри именно эти тётки... И, самое главное, будет ли там Дмитрий Морозов? Ведь она так обнадёжила Даню...

Привязывать таких парней к себе трудно, удерживать ещё труднее, но она, Любаша, сделает всё возможное и невозможное, чтобы её любимый Даня думал только о ней... Ребёнок... Вот он как раз и мог бы привязать его окончательно, но сам Даниил считает, что о детях думать ещё очень рано. У них столько всего впереди, и ребёнок будет только мешать...

Любе было обидно, когда он говорил так об их ребёнке... но, когда Даня произносил «у нас», «мы с тобой», сердце Любаши неизменно таяло. Да, он думает об их будущем! И ей нужно прислушиваться к его мнению...

И, всё же... Сегодня утром, когда они вместе подходили к двери приёмного покоя, Люба несколько раз пыталась поймать его взгляд... Ей очень хотелось разглядеть в нём хоть частичку сожаления. Но все мысли Даниила и разговоры были заняты лишь предстоящим конкурсом. Любаша рассеянно слушала его, кивала в ответ, но мысли её были о другом. Проводив её до входа, Даниил ободряюще кивнул на прощание... Он не скрывал своей радости... Любе на секунду показалось, что он не провожал её, а вёл под конвоем.

— Какая по счёту беременность? — медсестра, оформляющая историю болезни, заученно заполняла графы.

— Первая, — подавляя охватившее её волнение, Люба следила за бегающей по бумаге авторучкой.

— Может оказаться последней, — медсестра на мгновение подняла на неё безучастный взгляд, — в курсе?

— В курсе... Я не замужем, — Любаша выдавила первый пришедший на ум аргумент.

— Замуж можно десять раз выйти, а вот детей может больше и не быть, — дежурная говорила заученно, но Любаше показалось, что в её тоне проскользнули сочувственные нотки.

— Нет... я решила.

...Присев на край больничной кровати, Люба слушала биение своего пульса — казалось,

оно разносилось по всему телу, от головы до самых пяток. Страх перед предстоящей процедурой она ощущала давно, но сейчас этот страх усиливался с каждой минутой. Палата, рассчитанная на пять человек, сейчас была пуста — из новоприбывших сегодня здесь была одна Любаша, а вчерашние «абортницы» перед выпиской отправились на завтрак, чему она была отчасти рада — городок был небольшим, и шансы встретить здесь кого-то из знакомых были велики, а ей совершенно этого не хотелось...

Развешанные по стенам отделения плакаты с предупреждениями об опасности абортов, которые она изучила, пока дежурная акушерка проводила «инструктаж» с вновь поступившими пациентками, настроения тоже не добавили — характерные рисунки с «последствиями» так и стояли у Любаши в глазах...

— Привет! — в неожиданно приоткрывшуюся дверь палаты заглянуло женское, в веснушках, любопытное и до боли знакомое лицо, — А я смотрю, у дежурной на столе история болезни — Пучковой Любове Романовны, думаю, ты или не ты...

— Привет... — узнав методиста дома культуры, при котором была их вокальная студия, Марину, Любаша совсем не обрадовалась, — Как видишь, я.

— А я как раз сегодня подумала, хоть бы кто знакомый поступил, что ли... — Марина, одетая в домашний махровый светло-зелёный халат с нарисованными на нём огромными розовыми цветами, окончательно вошла в палату и закрыла за собой дверь, — Я тут уже неделю лежу, и, как нарочно, никого из знакомых! Ты что, по заболеванию, или...

— Да я... — Люба не знала, как объяснить той своё пребывание в палате «абортниц» и поэтому постаралась перевести разговор на собеседницу, — А ты?

— Так я на сохранении, — Марина, которая этим летом вышла замуж, была уже «заметно» беременной, — я в соседнем крыле лежу, а сюда пришла к знакомой акушерке, она мне кое-что из дома принесла.

— Понятно... — понимая, что разговор в любом случае перейдёт на её персону, Люба обречённо приготовилась отвечать на вопросы.

— А ты что... на аборт? — светло-карие, практически жёлтые, в тёмную крапинку, глаза Марины с любопытством буравили Любашу, — Это же абортная палата...

— Угу... — кивнула Люба, понимая, что отпираться бесполезно.

— Ой, не говори!.. — как-то радостно махнув рукой, Маринка заговорила так, будто продолжала уже начатый разговор, — Сволочь он, честное слово, я сразу даже не сомневалась в этом!

— Кто?.. — прекрасно понимая, кого девушка имеет в виду, Люба всё же задала этот вопрос.

— Да этот, Соловьёв, — Марина назвала Даниила по фамилии, — ты же от него?.. Да?..

— Ну, да... — Люба придала своему лицу многозначительное выражение, — Только он не...

— А он-то знает?

— Знает.

— Ну, что за парни, скажи?! Значит, как любовь-морковь, так всё нормально, а как до детей дело доходит, так сразу в кусты!

— Да всё совсем не так... — начала было Любаша, но собеседница не дала ей высказаться.

— Знаешь, я тебе давно уже хотела сказать, ещё весной, — не слушая её, Марина частила словами, — он такой... ну, нехороший... С девчонками непорядочный... А ты раз —

и влюбилась...

— Непорядочный?.. — Люба хотела изобразить возмущение, но это получилось у неё плохо.

— Ну, да, — закивала Маринка, — он же и с тобой, и с Анжелкой, и там, в заводском районе у него, говорят, девчонка была, так вот он со всеми успевал...

— Да ну, сплетни... — чувствуя, как внутри поднимается холодная волна, Любаша пожала плечами, — Анжелка сама на него вешалась... Даня мне всё рассказал...

— Это — да!.. Это — да... — снова закивала девушка, — Она на всех вешается, так что неудивительно, что и на Соловьёва повесилась, но ничего, отольются кошке мышкены слёзки, отольются! Не переживай!..

— Да я не переживаю... — Любаша снова пожала плечами, — Мне-то что переживать, пусть эта дура переживает...

— Вот-вот! Подожди, ещё сама поплачет, когда он и её бросит, вот увидишь!

— Да Даня её давно уже... — начала было Люба, но Марина снова её перебила.

— Поплачет-поплачет! А то смотри, какая бейба, и на конкурс вместо тебя пролезла, и парня увела... Я их буквально перед больницей видела, — Марина почему-то перешла на громкий шёпот, — в прошлую субботу, в доме культуры... Соловьёв с Градовым репетировали, а она пришла, вызвала его...

— Когда?.. — нахмурившись, Люба отчаянно вспоминала, где она сама была в прошлую субботу — выходило, что, пока она была на работе, эта змея приходила к Дане?..

— В субботу. Я как раз к детскому утренику готовилась, ещё удивилась, чего она припёрлась, у неё-то репетиции нет, а потом увидела, как они в коридоре зажимаются...

— Что?! — вскрикнув, Люба подняла на Марину огромные, как блюдца, глаза, — Этого не может быть!..

— Да своими глазами видела! — судя по выражению лица, та и вправду не обманывала, — Меня увидели, так Соловьёв чуть сквозь землю не провалился, сделал вид, что они так, случайно столкнулись...

— Не может быть... — Люба никак не могла поверить услышанному, — Это только она... это она сама... Да она его вообще преследует!

— Не знаю! — Маринка доверительно придвинулась ещё ближе, — Может, и преследует... Только и её та же участь постигнет.

— Нет, ну, как она уже достала! — Люба неожиданно вскочила с кровати и быстрыми шагами подошла к окну, — Вот гадина!

— Пучкова, почему ещё в палате? — заглянувшая в двери аушерка перевела взгляд с Марины на Любашу, — Бегом к операционной!

— Ой, болтаем тут, а тебе уже нужно идти, — Марина тоже поднялась и шагнула к выходу, — давай, ни пуха тебе ни пера... Потом увидимся!

...Уже подойдя к двери, Люба вдруг остановилась как вкопанная. Что же это получается?.. Выходит, Даня её обманывал всё это время?.. Делал вид, что вернулся, а сам и не думал рвать с Анжелкой?.. Ей вдруг сразу вспомнились и его двойные смены, и то, с какой неохотой он встречал её с работы — по её же, Любашиной просьбе... Исключение составляли лишь их совместные походы по делам, связанным с её нежелательной беременностью, но и тут у Любашы исподтишка складывалось впечатление, что, находясь рядом с ней, Даниил чувствует определённый дискомфорт... Она списывала это его состояние на посещение специфического «женского» лечебного учреждения. Но и в

остальных случаях он как будто боялся появляться с ней вместе на городских улицах, специально выбирая позднее время... Вот и Марина — она даже не в курсе, что Даня вернулся к ней, к Любаше...

Нет, этого просто не может быть! Он же ночевал у неё несколько раз... Он не может врать — вот так... Он не врёт!..

Да, но как тогда быть с этой гадиной Анжелкой? Ведь и Люба сама видела её у Дани в магазине — тогда, перед их поездкой... Он сказал, что та приходила выяснять отношения... А, что, если нет?.. Что, если она вот так преследует его каждый день? Ведь Люба не знает как он проводит своё время, когда не вместе с ней... Он приходит к ней по вечерам, а потом уходит — домой... А домой ли?.. А репетиции? Сама Любаша теперь не появляется в студии, поэтому не может знать и видеть, что там происходит...

А сегодня?.. Сейчас?! Зная, что она в больнице, он может чувствовать себя полностью свободным!.. А, что, если именно сегодня он снова встретится с этой змеей?!

— Вы куда?! — глядя, как Люба выбегает из отделения на лестницу, крикнула ей вслед дежурная акушерка.

Забрав в гардеробе свои вещи, она торопливо оделась и выскочила на улицу. Внезапно зазвонивший в кармане телефон заставил остановиться.

— Ну, как дела?.. — в тоне Даниила сквозила озабоченность, — Рассказывай...

— Всё нормально, — поставив на снег пакет с вещами, она прикрыла телефон другой ладонью, чтобы он не услышал шума проезжающих мимо машин.

— Что — нормально?.. Уже... всё?..

— Да, всё... — оглядываясь по сторонам, отчаянно соврала Любаша, — Лежу.

— Всё хорошо?.. — он спрашивал как-то вкрадчиво, как будто боясь спугнуть хорошие для него новости.

— Да, хорошо... Я позже тебе перезвоню... — решив, что нужно сначала придумать план действий, Люба отключила телефон.

Взяв такси, она приехала домой, к Ольге Павловне, которая была не в курсе всех её проблем — уходя утром, Люба предупредила свою хозяйку, что, возможно, ночевать сегодня не придёт. Теперь же, переступив порог дома, она лихорадочно соображала, что скажет теперь Ольге Павловне, которая может невзначай проговориться Вере о её внезапном возвращении.

— Ну, как ты там? — как будто услышав её мысли, сестра позвонила первой, — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — наливая в чашку чай, Любаша одновременно жевала бутерброд.

— Ты что, уже обедаешь? Так рано?

— Угу, — проглотив кусок, Люба решительно кивнула, — я уже дома, Вер.

— Как?.. — сестра на том конце опешила, о чём говорила пауза, следовавшая за вопросом, — Как — дома?! Ты... Тебе всё сделали?.. Или нет?..

— Сделали, — отчаянно соврала Люба, — всё нормально, Вер.

— Как тебя могли так сразу отпустить?! Ты хотя бы должна была полежать пару часов!

— А я полежала, — Люба нарочно откусила ещё от бутерброда, чтобы сестра по тону не догадалась о том, что она говорит неправду, — я первая прошла...

— Зря... надо было полежать, они же целые сутки держат. А, вдруг, что-то не так?

— Всё так, Вер, не переживай...

Поговорив с сестрой, Люба тут же набрала телефон Дани. Для него она приготовила

совершенно другую легенду.

— Когда тебя выпишут? — после недолгих расспросов поинтересовался он.

— Завтра, — Люба исподлобья рассматривала в зеркале своё отражение, — а что?

— Да ничего... соскучился...

Он сказал это как-то неуверенно, и Люба подумала, что правильно сделала, что сбежала сегодня из больницы. Ну, точно, эта сволочь Анжелка снова охмуряет её Даню... Пока Люба должна была находиться там, в отделении, могло произойти что угодно! Но теперь она не позволит этой гадине помешать своему счастью!

Ребёнок?.. Он будет! Назло ей — будет!

Даня?.. Когда она ему, в конце концов, признается, он будет ей благодарен! Да-да!.. Потому, что именно она, Любаша, принесёт ему счастье — она поможет ему в его вокальной карьере и родит его ребёнка! Она признается ему чуть позже! И он будет рад... Обязательно будет рад!..

Больше книг на сайте — Knigolub.net

...Мороз был довольно чувствительным, и, стоя неподалёку от магазина бытовой техники, в котором работал Даниил, Люба быстро замёрзла. Она явилась к закрытию, но не пошла внутрь, а осталась на улице, спрятавшись в тени близлежащего двора, откуда хорошо просматривалось крыльцо магазина. Она не знала сама, зачем она спряталась — для того, чтобы сделать сюрприз любимому парню, или, чтобы уличить его в неверности? Несмотря на рассказ Марины, ей всё же не хотелось верить в то, что Даня мог так поступить с ней. Нет... всё было совсем не так, как рассказала конопатая Маринка... Эта Анжелка, она, действительно, сама вешалась на Даню, она и сейчас преследует его!.. Если они и «зажимались», то лишь потому, что этого хотела Анжелка... Он просто не успел её оттолкнуть! Ну, конечно, так и было! А Маринке лишь бы посплетничать!.. Вот и сейчас... Он выйдет из магазина, и пойдёт домой... А она, Любаша, дурочка... потому, что стоит тут и пытается поймать его с поличным!

...Увидев Даниила, выходящего из магазина, Люба чуть было не закричала от радости, но что-то заставило её не делать этого. Дождавшись, пока он отойдёт на приличное расстояние, она вышла из укрытия и двинулась следом за ним. К её удивлению, Даня свернул, отнюдь, не к своему дому...

— Привет! — донеслось до Любаши, когда она увидела приближающуюся к нему в свете вечерних фонарей женскую фигуру.

— Привет! — ответил Даня и обнял девушку — по голосу и очертаниям Люба без труда узнала Анжелку, — Замёрзла?

— Ну, конечно, — капризно протянула та, — такой морозище...

— Сейчас согреемся, — он наклонился к ней и поцеловал в губы.

Почувствовав, как ноги становятся ватными, Люба стояла практически позади них, не веря своим глазам. Когда они, обнявшись, двинулись вперёд, она тоже сделала шаг... Она хотела мужественно пройти весь путь позади них, чтобы убедиться окончательно в новой измене Даниила... Она хотела узнать, куда они так бодро направляются... Первые шаги она делала с ними в такт... но, когда он в очередной раз повернулся, чтобы поцеловать эту гадину, не выдержала... В доли секунды преодолев разделяющие их метры, Люба буквально врезалась в спину Даниила...

— А меня?! Меня поцеловать не хочешь?! — глядя, как он поднимается с колена, на которое упал от её толчка, истерично выкрикнула Люба.

— Ты... — он смотрел на неё как-то испуганно, — Ты откуда?!

— От верблюда! — наступая на него, Люба кричала на всю улицу, совершенно не обращая внимания на проходящих мимо людей, — Что, не ожидал?!

— Люба... — сделав к ней шаг, Даня тут же увернулся от пощёчины, которую Любаша попыталась ему влечь, — Люба, послушай...

— Нет, это ты послушай! — её всю трясло, но она даже не пыталась справиться с этим состоянием, — Ты меня обманул, да?! Это только ради конкурса, да?!

— А ты думала, что всерьёз? — Анжелка, молчавшая до этой минуты, вдруг откровенно расхохоталась, — Ты на себя хоть в зеркало смотри иногда, чучело!

— А ты вообще заткнись! — повернувшись всем корпусом к сопернице, Любаша перешла в новое наступление, — Ты сама-то смотришься?! Корова! Пошла вон отсюда!

— Даня, идём, — Анжелка схватила Даниила за руку и потянула за собой, — ты видишь, неадекват налицо.

— Это ты пойдёшь, а он — останется! — Люба изо всех сил толкнула соперницу, — Сука!

— Ты сама сука! — Анжелка оглянулась на Даниила, но он как-то странно стоял в стороне — молча и не принимая ничью сторону, — Даня, идём!

— Вали отсюда! — видя, что Анжелка всё же не собирается вступать в откровенную драку, Любаша набралась смелости и толкнула её ещё раз, — Он с тобой никуда не пойдёт!

— Ты уверена? — усмехнулась Анжелка, — Даня, я сказала, идём!

— Уверена!

— Ну, и дура!

— Это ты — дура! А у нас с ним ребёнок будет! — Люба не хотела говорить эти слова, они вырвались сами собой, против её воли.

— Что?! — теперь пришла очередь Анжелки выкатывать глаза, — Ты поумнее ничего не придумала?!

— А я не придумала, — внезапно успокоившись, Люба победно посмотрела той в глаза, — разве Даня тебе не говорил?

— Люба, — Даниил, наконец, решил нарушить молчание, — Ты что...

— А ты что, ей ничего не сказал?! — решив идти до конца, перебила его Любаша, — Ты не сказал, что нас с тобой уже ждут там, на конкурсе?! И что нас могут взять в «Творческую деревню», тоже не сказал?! Ну, что же ты так, Даня?! У нас с тобой уже почти всё получилось... А ты не поделился со своей подругой... Как же так?! А о ребёнке... о ребёнке — почему не сказал?!

— Это что... правда?... — Анжелка буравила Даниила колючим взглядом.

— Ну, что же ты молчишь?! — Любаша тоже уставилась на парня, — Разве это не так?..

— Анжела... — тот старательно прятал взгляд от них обеих, — Я сейчас должен уйти... нам с Любой нужно поговорить...

— Ах, вот как... — прищурившись, Анжелка не смогла скрыть сарказма, — Выходит, это правда?..

— Это неправда, но...

— Это — правда! — перебив его, Люба насмешливо уставилась на соперницу, — Так что привыкай к этой мысли.

— Вам обоим это выйдет боком... — зловеще прошипела та и, резко развернувшись, скрылась в темноте.

Несмотря на перенесённое потрясение, Люба почувствовала настоящее ощущение победы — Даня, её любимый Даня, не побежал догонять эту гадину, а остался с ней, с Любашей... Молча идя по улице, она слышала за собой его шаги — он тоже не говорил ни слова, но и не оставлял её, следуя за ней, как страж.

— Ну, зачем... зачем ты всё испортила?! — дойдя до калитки Ольги Павловны, Даниил, наконец, нарушил молчание.

— Испортила?! — Люба возмущённо обернулась к нему, — Что я могла испортить?! Твоё свидание с этой тварью?! Так вали к ней! Чего ты за мной пришёл?!

— Люба... — он загородил калитку собой, так, что она не могла войти во двор, — Ты же ничего не знаешь...

— Всё, что нужно, я уже узнала. Спасибо, что проводил. Прощай... — она сделала попытку отодвинуть его от калитки, но попытка была очень слабой — Даня даже не шелохнулся, — Подвинься!

— Ты ничего не знаешь, — упрямо повторил Даниил, — и я не хотел тебе говорить...

— Замолчи!.. — обида вдруг нахлынула с новой силой, и Люба со всего размаху ударила его в грудь кулачками, — Замолчи!.. Замолчи!.. Ты — урод!.. Я тебе поверила!.. Ты... ты...

— Да я не хотел тебе говорить! — схватив её за руки, он тоже закричал в ответ, — Ты же всё равно бы мне не поверила!..

— И не поверю! Ты — врешь!.. Ты всё врешь!.. — слёзы лились ручьём, обжигая на морозе лицо, и Люба то и дело утирала их рукавичкой, — Ты — урод!..

— Вот поэтому и не хотел говорить! Потому, что всё равно не поверишь!..

— Ну, что?! Что ты мне не хотел говорить?..

— Да она мне проходу не даёт! — Даниил говорил громко, нервно, как быдто выговаривался после долгого молчания, — Вообще — нигде! А тут узнала, что мы ездили к Морозовым, ну, и заявила, что у её мамы там, в областном управлении культуры, знакомые, очень влиятельные... Ну, и что, она поднимет вопрос о том, что Морозов ставил мне оценки необъективно, и что его дисквалифицируют, как члена жюри, за то, что пользуется знакомством... Ну, как-то так. Ну, и что я должен был, по-твоему, делать?! Подставлять человека, который столько добра тебе сделал?!

— Подожди... Разве это возможно? — она недоверчиво покосилась на него, — Из-за чего дисквалифицировать?! Из-за того, что мы с ними знакомы?! Ну, и что?!

— Люба, как ты не понимаешь?! — Даниил схватил её за плечи, — Сейчас всё возможно!.. У них связи, у нас с тобой пока ничего нет! А Морозов — он тут при чём?! Эту такие подлые люди, Люба! Они всё переворачивают в свою пользу, а мы пока ничего не можем сделать! А ты привыкай... Слышишь?! Это — шоу-бизнес... Любаша, это такой мир, где нет справедливости, ты привыкай...

— И ты... что... Только из-за этого с ней... — Люба искоса бросила на Даниила обиженный взгляд, — Только из-за этого?..

— Ну, конечно! — он крепче прижал её к себе, — Любаша... Неужели, ты думаешь, что я могу с ней — серьёзно?! Я просто хотел, чтобы она пока успокоилась, пока конкурс не пройдёт... и, чтобы у Димы не было неприятностей по нашей с тобой милости... А вот теперь... теперь я не знаю, что будет... Ну, ладно, наплевать!.. Зато теперь мне больше не придётся изображать из себя влюблённого... Знаешь, как это противно?!

— Да?..

— Ну, конечно!..

— И... ты... ты её не любишь?..

— Кого? Эту курицу?.. — рассмеялся Даниил, — Конечно, нет! Я же тебя люблю...

Кстати... ты что-то сказала о ребёнке... Ты ведь это нарочно сказала, да?..

— Да...

— Ну, просто, чтобы позлить эту курицу... Да?.. — он целовал её заплаканное лицо.

— Да...

— Но ты сегодня сделала аборт?..

— Да...

— А что ты говорила насчёт победы и нашей работы в «Творческой деревне»?.. Ты разговаривала с Морозовым?.. Он что-то тебе пообещал? Да?..

— Да...

— Значит, у нас всё идёт по плану?.. Да?..

— Да...

Глава 12.

Вход на всероссийский конкурс молодых исполнителей «Молодые голоса» был свободным, поэтому практически весь зрительный зал областного Дворца Молодёжи был заполнен желающими посмотреть на конкурсантов, прибывших со всех уголков России. Этот конкурс, учреждённый Министерством культуры, проходящий ежегодно в разных федеральных округах, вот уже пятый раз подряд собирал молодых талантливых исполнителей современной эстрадной песни. Программа конкурса, рассчитанная на три дня, включала в себя торжественное открытие, прослушивание конкурсантов, полуфинал и финал, в который должны были выйти лауреаты, дипломанты и призёры, а так же заключительный гала концерт и торжественное закрытие конкурса.

Все три часа дороги Любаша переживала только об одном — будет ли в жюри Дмитрий Морозов, ведь она так обнадёжила Даниила в том, что Диму утвердили в качестве члена судейской бригады. Она знала лишь, что основной состав жюри, утверждённый оргкомитетом конкурса, состоял из маститых деятелей культуры и искусства — в него входили известные музыканты, продюсеры, шоумены — всего восемь человек, пятеро из которых приехали из Москвы, а остальные были местными — из числа тех членов жюри, которые судили областной этап. Эти самые, «местные» кандидатуры, окончательно были избраны лишь перед самым конкурсом, и поэтому их имён ещё не знала ни Галина Геннадьевна, ни Даниил с Ильёй. И только Люба отчаянно соврала Дане, что вопрос с Морозовым решён окончательно. Обманывала она его вполне сознательно, ведь он после её обманов становился таким близким...

Она не решилась позвонить Наталье, чтобы узнать всё наверняка, хотя Даня настаивал на этом — он недвусмысленно намекал Любаше, что неплохо было бы ей и в этот раз попроситься переночевать у Морозовых, чтобы быть в курсе всех событий, и ей пришлось соврать ещё раз — она уклончиво ответила ему, что она звонила, но сами они её не пригласили, а напрашиваться ей было неловко... Его же прямое высказывание о том, что она, в любом случае, должна лично поговорить с Димой, показалось ей более чем странным.

— О чём я буду с ним разговаривать? — Люба непонимающе уставилась на Даню, — Я же не буду его напрямую просить, чтобы он поставил вашему дуэту высокие оценки!

— Ну, малыш... — он не сводил с неё своего обворожительного взгляда, — Ты же им почти родственница... Что такого, если ты попросишь за своего любимого человека?.. Или я

буду сомневаться в том, что я — любимый человек...

— Даня... но это невозможно... — Люба растерянно пожала плечами, — Как ты себе это представляешь?! Я подхожу к Диме и прошу его поставить вам высший балл?!

— Именно так и представляю, — чуть улыбаясь уголками губ, ответил Даниил, — ты можешь спросить его как бы в шутку... Он в любом случае тебя поймёт.

— Во-первых, он и так всё понимает. Во-вторых, ты думаешь, что одна его оценка сыграет какую-нибудь роль?!

— Люба, роль может сыграть даже тысячная доля балла. Тут все способы хороши, ты же сама знаешь. Это такой шанс, который нельзя упускать...

— Дима и так поставит вам с Ильёй максимальную оценку. Я в этом даже не сомневаюсь. Лучше я попрошу его о другом...

— О чём?

— О том, чтобы он взял нас в какой-нибудь свой проект. Ну, если ты не выйдешь в финал.

В гримёрную вместе с Даниилом и Ильёй в этот раз Любе попасть не удалось, и, сидя в зрительном зале, она тревожно поглядывала на места в первом ряду, отведённые для членов жюри. До начала конкурса оставались считанные минуты, а мягкие кресла, обитые синим материалом, были ещё пустыми. Наконец, боковые двери открылись, и восемь членов жюри цепочкой прошли к своим местам...

Люба напряжённо вглядывалась в силуэты... но Морозова среди них, увы, не было.

Она с замиранием сердца смотрела на затылки судей — четверо мужчин и четыре женщины... Все они были ей незнакомы... Ни Димы, ни тех самых «тёток», заглядывающихся на Илью с Даниилом на предыдущем этапе... Даже председателем жюри теперь был вовсе не Платов, а совершенно другой мужчина, которого представили как музыканта, Заслуженного артиста РСФСР. Несмотря на высокое звание, Люба впервые слышала его имя.

Она уже без особого энтузиазма смотрела выступления конкурсантов и, когда на сцену вызвали Даню с Ильёй, буквально вжалась в кресло...

— Почему в жюри не было Морозова?! — первое, что услышала она от Даниила, когда, после окончания сегодняшнего прослушивания, встретила с ним и с Ильёй в фойе, — Ты с ним так и не разговаривала?!

— Нет... Даня, я... — начала было Люба, но он не дослушал.

— Ты видела, какие оценки поставили нам эти уроды?! Мы даже в полуфинал не вышли!

— Да, я видела... Уроды... — Люба бросила испепеляющий взгляд в сторону зрительного зала, — Они вообще несправедливо вас оценили!

— Если честно, то я рассчитывал выйти хотя бы в полуфинал, — всегда немногословный, Илья не удержался от реплики, — судейство вообще отстойное.

— Несправедливо... — охотно кивнула Любаша, — Вообще...

— Слушай, а почему всё-таки не было Морозова? — Даня посмотрел не неё с нескрываемой обидой, — Ты же говорила, что он будет!

— Я не знаю... — Люба растерянно развела руками, понимая, что обман вот-вот раскроется, — Даня... Правда, я думала, что он будет в жюри...

— Так думала или знала?! — похоже, Даниил был готов обрушить свой гнев на неё одну, — Ты что, меня обманула?!

— Ну, почему — обманула?! — Люба постаралась придать лицу возмущение, — Разве мне докладывают?! Он должен был судить!

— Да теперь-то что, — философски махнул рукой Илья, — будем всем говорить, что мы номинанты... без подробностей...

— Ребята!.. — Мальчики!.. — Галина Геннадьевна, махала им рукой с другого конца фойе — Идите ко мне, быстро!

— Что? — быстрым шагом преодолев разделяющее их расстояние, Даня в сопровождении Ильи и Любаши приблизился к своей руководительнице, — Что такое, Галина Геннадьевна?

— Идёмте скорее! — сделав призывный жест, она развернулась и двинулась в сторону коридора, по обе стороны которого располагались служебные помещения Дворца молодёжи, — Вами заинтересовались!

— Кто?! — хором выкрикнули Даня, Илья и Любаша, которая теперь не отставала от парней.

— Сейчас увидите... — буквально подбежав к одной из дверей, Галина глубоко вздохнула и, распахнув её, кивнула парням, — Заходите!

Оставшись в коридоре одна, Люба с замиранием сердца старалась прислушаться к тому, что происходило в помещении, в котором скрылись ребята, но за плотной дверью ничего не было слышно. Прислонившись к стене, она прикрыла глаза...

Ждать пришлось довольно долго. Она уже устала стоять и подумывала, не пойти ли в зрительный зал, чтобы присесть, когда двери, наконец, отворились.

— Вот так и договоримся... Хорошо? — первой из помещения вышла высокая, красивая женщина лет тридцати, с тёмно-каштановыми, волнистыми волосами, рассыпавшимися по плечам, в коротком трикотажном платье и высоких, до колена, стильных сапожках, в которой Люба узнала члена жюри, «москвичку» Аллу Сафонову, представленную как довольно известную шоувумен.

— Хорошо! — Даниил, улыбаясь своей обворожительной улыбкой, вышел следом. Тут же за ним показались Илья и Галина Геннадьевна.

— Ну, и замечательно! — Алла тоже улыбнулась — сначала ему, потом и его спутникам, — Телефон я у вас взяла, значит, до встречи!

— Ну, что?! — Люба заглянула в глаза Даниилу, как только за женщиной закрылась дверь, — Что она вам сказала?

— Да так... — он отвечал как-то уклончиво, пряча взгляд, — Пока ничего особенного... Сказала, что у неё есть для нас интересное предложение, но какое — пока секрет. Должна будет позвонить.

— Это она так долго вам об этом говорила? — удивилась Люба.

— Она больше расспрашивала, — усмехнулся Илья, бросив многозначительный взгляд на Даниила.

— Ой, мальчики... Но это уже половина успеха! — Галина переводила взгляд с Дани на Илью, — Если такая фигура, как Сафонова, заинтересовалась вами, это говорит о многом! Если честно, я такого вообще не ожидала!

— Даня... я так рада... — Люба во все глаза смотрела на любимого парня, — Господи... Неужели, у нас всё получится?!

— Я пока ничего не знаю, — несмотря на свои слова, он всё же не мог сдержать довольной улыбки, — Посмотрим...

Всю дорогу до гостиницы, куда они поселились ещё утром, Галина то и дело подбадривала своих подопечных, суля им всякие творческие перспективы, если Сафонова не передумает заниматься их проектом. То, что Алла обратила внимание на дуэт, даже не прошедший в полуфинал, её как будто не смущало, напротив, она то и дело тараторила о том, что «верила в успех своих подопечных».

Люба практически не участвовала в этом разговоре — она-то знала про себя, что их ждёт на самом деле... Галина?.. Пройдёт немного времени, и музручка будет с гордостью рассказывать, что когда-то была лично знакома с Соловьёвым и Градовым...

...Она думала, что в гостинице Даня сразу придёт к ней в её одноместный номер, но он, сославшись на необходимость с кем-то пообщаться по интернету, ушёл вместе с Ильёй к себе. Просидев час, Люба не выдержала, и набрала его телефон...

Он нехотя согласился пойти немного прогуляться по улице... Люба про себя отметила какие-то странные перемены, которые произошли с ним в считанные часы. Даня вёл себя с ней как-то отстранённо, на все вопросы отвечал довольно сдержанно, и ей показалось, что он чем-то взволнован.

— Идём ко мне?.. — на обратном пути, прижавшись к нему, Любаша подняла глаза.

— Сегодня вряд ли получится, — он озабоченно нахмурился, — мы с Ильёй сегодня должны встретиться с Аллой...

— С Аллой?..

— Да, с Сафоновой.

— Где встретиться?

— Пока не знаю, она должна перезвонить.

— Даня... как ты думаешь, что значит это её внимание к вам? Это... это может быть какой-нибудь вокальный проект?

— Я очень надеюсь, что — да. Она, действительно, заинтересовалась.

— А что... что она вам сказала, когда вызвала к себе, там, во дворце молодёжи?

— Н-ну... она сказала, что хочет сделать нам одно предложение... Вот, как раз вечером, мы должны будем его обсудить.

— Даня... это — то, о чём мы с тобой мечтали... Я так чувствую! — Люба буквально засветилась счастьем, — Даня!.. Она же из Москвы! Да?..

— Ну, да!

— И любой проект с вами будет именно в Москве, Даня!.. Данька!.. — повернувшись, она вдруг кинулась к нему на шею, — Да-а-ань-ка-а-а-а!..

— Ну, всё... всё... — слегка прижав её к себе, Даниил тут же отстранился и разжал её руки, — Всё, Любаша... У меня что-то голова кружится...

— Ой, это головокружение от успеха! — рассмеялась Любаша, — Даня... Мне даже не верится... У нас есть шанс уехать в Москву!.. Да?.. Даня... Да?!

— Знаешь, я не стал бы раньше времени что-то себе фантазировать... — повернувшись к ней, он взялся руками за её воротник, — Ладно, Люба, я пойду, меня Илюха ждёт. Нам нужно подготовиться к встрече.

— Даня... я так рада за вас... Я так рада за тебя...

Даниил с Ильёй и Галиной Геннадьевной жили на втором этаже, их номера были забронированы заранее оргкомитетом конкурса. Номер Любаша был этажом выше, ей его снял сам Даня, когда они ещё были дома, через интернет. Он нарочно снял ей одноместный номер, чтобы они могли вместе провести эти две ночи... Но сегодня он так и не сказал, во

сколько вернётся и придёт к ней.

Люба уже в который раз посмотрела на часы... Начало одиннадцатого, а Даня всё ещё не у неё. С его слов она знала, что они с Ильёй отправились на другой конец города, в другой отель, в котором жили члены жюри, чтобы там встретиться с Аллой Сафоновой. Звонить ему она не решалась, из боязни помешать их разговору, важность которого представляла себе очень хорошо. Столичная шоуумен, одновременно продюсер и режиссёр, не просто так заинтересовалась провинциальным дуэтом, тем более, что парни не набрали нужного количества баллов. Значит, творчество Даниила и Ильи чем-то пришлось ей по вкусу, а это хороший знак! Это именно то, на что надеялась Любаша!.. Значит, всё идёт по плану, и ей не придётся ни о чём просить Морозова. Их ждут другие перспективы!

Отчаянно набрав номер Даниила, она недолго слушала длинные гудки — так и не ответив на вызов, Даня просто скинул звонок. Вторая попытка дозвониться и вовсе не увенчалась успехом — робот сообщил, что телефон абонента выключен... Спустившись на второй этаж, она на всякий случай постучала в номер парней, но ей никто не открыл — судя по всему, их ещё не было. Вернувшись, Люба ещё какое-то время послонялась по своему номеру и, в конце концов, легла спать.

Проснувшись утром, она сразу же набрала Даню.

— Привет... — судя по его сонному голосу, он ещё спал.

— Привет... — Люба говорила деланно-сердито, — Почему ты мне не позвонил, когда вернулся?!

— Малыш... мы вернулись очень поздно...

— Я не спала!

— Я подумал, что ты спишь...

— Почему ты отключил телефон?

— Это что, допрос?..

— Да, допрос! Я ждала...

— Ну, я, вообще-то, тоже не развлекался.

— А что вы делали?

— Мы обсуждали наш будущий проект.

— Что за проект? Ты мне, наконец, расскажешь?

— Потом. Люба, всё потом... Я спать хочу.

— Мы что, на полуфинал не едем?! Уже пора собираться.

— Если хочешь, езжай без меня...

— Что значит — без тебя? Даня, мы, кажется, вместе...

— Люба, я сплю... Всё, позвоню позже.

...Ей совершенно не понравился его тон, которым он с ней разговаривал. Он говорил так, будто не знал, как отделаться от неё...

Ехать на полуфинал без Дани Любаше совершенно не хотелось, и она полдня просидела в своём номере в ожидании его звонка.

— Ну, что, ты где? — он позвонил уже во второй половине дня, — Ты на конкурсе?

— Нет, — Люба чуть не расплакалась, услышав его голос — то ли от обиды, то ли от радости, что он всё же позвонил, — я у себя, в номере.

— Ты что, никуда не поехала?

— Нет... Я даже обедать не ходила.

— Почему?!

— Я не хочу... без тебя не хочу...

Расположенное в здании гостиницы кафе было небольшим, но очень уютным, и Люба, устроившись напротив Даниила, вздохнула с заметным облегчением... Наконец-то они снова вдвоём. Илья уехал смотреть на полуфиналистов, и Даня зашёл за Любой. Она подумала, что он захочет остаться с ней наедине, но он потянул её в кафе...

— Может, ты мне всё же расскажешь, что это за проект? — сделав заказ, Люба положила локти на стол и чуть наклонилась вперёд.

— Знаешь, всего рассказать я пока не могу, — он начал как-то уклончиво, — это всё ещё в стадии обсуждения...

— Даня... — Люба непонимающе уставилась на него, — ты же рассказываешь не кому-нибудь!.. Ты рассказываешь мне!

— Люба, мы обещали пока молчать.

— Ты что?! — она даже рассмеялась, — Это — военная тайна?! Ты не можешь сказать, что хочет предложить вам Сафонова?!

— Я расскажу... Люба, я тебе всё расскажу... Но потом.

— Знаешь, мне что-то совсем не нравится такая конспирация. Или ты меня обманываешь...

— Обманываю? — он усмехнулся, глядя на неё исподлобья, — Это я обманываю?

— Во сколько вы вернулись вчера?

— Мы вернулись около часа ночи. Кстати, мы и сегодня поедem к Алле.

— Сегодня?.. А вернётесь когда? Тоже ночью?

— Не знаю... — кивнув официантке, которая поставила перед ним заказанные блюда, Даня взял в руку ложку, — Может, и ночью.

— А я... Мне можно с тобой?

— Куда?! — он вытаращил на неё свои карие глаза, — Люб, ты что?! Я сам ещё боюсь всё спугнуть!

— А мне кажется, ты меня обманываешь.

— А ты меня? — новый взгляд исподлобья скользнул по её лицу, — Зачем ты соврала мне про Морозова?

— Я?! — услышав про Морозова, Люба растерялась.

— Да, ты. Оказывается, он сразу отказался от судейства. А ты врала мне, что он будет в жюри.

— Я не врала!

— Врала. Я не хотел поднимать эту тему, но, раз ты сама...

— Я не врала! — Люба с отчаянием придумывала, что бы сказать в своё оправдание, но в голову не лезла ни одна мысль.

— Я только не могу понять... — настроение Даниила менялось на глазах, — Зачем ты меня обманывала? Ты что, думала, что я ради твоего знакомства с Морозовыми...

— Даня... что ты такое говоришь?.. — от его напора Люба совсем смутилась.

— А что, не так?! — он изображал праведный гнев, — Ты же решила, что меня можно держать на коротком поводке, да?

— Даня... ты что?..

— Если ты была обо мне такого низкого мнения, зачем же ты тогда — со мной?.. Зачем я тебе?.. А, Люба?

Дальнейшие пререкания ни к чему хорошему не привели. Даниила как будто подменили

— он сыпал обвинениями в адрес Любы, а она не могла ничего ему возразить, потому, что чувствовала — он прав... Да, он прав, и все её оправдания звучали крайне неубедительно. Решив наконец, что он сказал всё, Даниил сердито замолчал. Ни во время обеда, который Люба съела совершенно без аппетита, ни на обратном пути в гостиницу, он больше не проронил ни слова. Она всё же ждала, что он позовёт её к себе или сам поднимется к ней, но он, дойдя до второго этажа, молча свернул в свой коридор. Ей ничего не оставалось, как направиться к себе.

Даниил молчал до вечера. Люба не знала, уехали они с Ильёй к Сафоновой или находятся у себя, но боялась позвонить ему на телефон. Дождавшись, когда часы покажут одиннадцать вечера, она решительно вышла из своего номера. Спустившись на второй этаж, подошла к его двери...

— Привет, — к её радостному удивлению, дверь на её стук открылась — в проёме стоял Илья.

— Привет, — она улыбнулась ему и осторожно заглянула за его плечо, — а я к вам!

— Проходи, — он посторонился, чтобы пропустить её в помещение.

— А где Данька? — Люба обвела взглядом комнату, — В ванной?

— А его нет, — Илья удивлённо посмотрел на девушку, — разве он тебе не говорил?

— Говорил... Но я думала, что вы вместе... А что... вы не ездили к Сафоновой?

— Так он один поехал.

— Один? Почему — один? — Люба почувствовала, как внутри всё холодеет, — А ты?..

— А я... — он как-то странно замялся, — Я не смог.... Я к тётке в гости ездил.

— А... — Люба с облегчением вздохнула, — Понятно! А я не звоню ему, боюсь помешать. Ты не знаешь, когда он вернётся?

— Не знаю, — Илья пожал плечами, — если хочешь, подожди.

— Ага, — Люба охотно кивнула, — подожду.

Справедливо решив, что лучше дождаться Даню здесь, чем сидеть у себя в неведении, Люба уютно устроилась на его кровати. Забравшись на неё с ногами, она непринуждённо болтала с Ильёй, заодно то и дело поглядывая на часы. Светловолосого, голубоглазого, улыбчивого Илью она воспринимала как некое дополнение Даниила — парни были очень гармоничным дуэтом, и на сцене, и в жизни. Общительный Даня и более молчаливый Илья всегда привлекали внимание женской аудитории, к которой оба они питали искреннюю слабость. Но, в отличие от Даниила, девушки у двадцатидвухлетнего Ильи сейчас не было. Их внешний и внутренний контраст играл только на пользу их творчеству. Вот и сейчас — Люба была уверена, что внимание московской продюсерши они привлекли исключительно своими внешними данными.

Прошло ещё полтора часа, но Дани так и не было. Устав ждать, она трижды осмелилась набрать его номер телефона — робот, как и вчера, неизменно сообщал, что абонент не в сети. Любаше очень хотелось помириться с любимым парнем, поэтому она решила дождаться его во что бы то ни стало... Даже несмотря на странные взгляды его друга, которые тот всё чаще и откровеннее бросал на неё...

...Часы показывали уже час ночи, а Даня ещё так и не вернулся. Люба уже не знала, что ей делать — продолжать ждать Даниила, или идти к себе и лечь спать. Решив, что Илье тоже нужен отдых, она нехотя встала с кровати.

— Ты куда? — Илья следил за её движениями с каким-то пристальным вниманием.

— Пойду, — Люба развела руками, — тебе уже отдыхать пора.

— Останься?.. — он тоже встал и подошёл к ней почти вплотную.

— Нет, Илюш, пойду. Наверное, Данька добраться не может. Наверное, уже транспорт не ходит, как ты думаешь?

— Такси-то ходит.

— Да мне уже неловко... — ей и вправду было неловко сидеть с посторонним парнем далеко за полночь в одной комнате, и она шагнула к двери.

— Подожди... — Илья поймал её за руку и слегка потянул на себя, — Люба... останься...

— Ты чего?.. — она нахмурилась, — ты чего, Илья?

— Останься? — повторил он.

— Нет... Теперь уже, действительно, очень поздно. Данька вернётся, а я тут, с тобой, ночью... Ещё подумает что-нибудь.

— Он не вернётся.

— Как — не вернётся?

— Вот так... До утра не вернётся.

— С чего ты взял?..

— Он мне сам сказал. Звонил перед твоим приходом.

— Ты врёшь!

— Не вру. Он не придёт. А ты мне давно нравишься... — Илья провёл ладонью по её щеке, — Очень нравишься...

— Ты с ума сошёл, — оттолкнув его руку, Люба попыталась сделать ещё один шаг к двери, но парень неожиданно схватил её за локоть и, притянув к себе, обнял.

— Лю-у-у-у-б... — выдохнул Илья ей в ухо, — Иди ко мне...

— Илья... — Люба попыталась вырваться из его объятий, — Ну, Илья... ну, отпусти...

— Ну, уж нет... — резко развернув, он потянул её в сторону своей кровати, — Так просто я тебя не отпущу!

— Пусти! — во весь голос крикнула Люба, отбиваясь от неожиданных ласк, но силы оказались неравны — через мгновение она почувствовала под своей спиной мягко пружинящий матрас.

— Ну, чего ты ломаешься... — пробравшись к ней под короткую юбку, ладонь Ильи старательно нащупывала верхний край колготок, с явным намерением стянуть их с её тела.

— Я сейчас закричу! — отчаянно борясь с ним, Люба чувствовала, что физическое превосходство явно не на её стороне, — Придурок, отпусти меня!..

— Ну, тихо-тихо-тихо... — пригвоздив её своим телом к кровати, парень не оставлял своих намерений, и ему это удавалось — Любаша не смогла справиться даже с одной его рукой, крепко держащей её в объятиях.

— Сейчас Даня придёт!.. — отчаянно выкрикнула девушка, — Я сё ему расскажу!..

— Он не придёт... — выдохнул Илья, резким рывком окончательно сорвав с неё колготки вместе с нижним бельём...

...Раньше, читая об изнасилованных женщинах, Люба усмехалась про себя — ей никак не верилось, что от насильника невозможно отбиться. Ну, в самом деле — как можно позволить раздеть себя, а потом распясть на постели?! Нет, думала Любаша, лукавят дамочки...

Теперь же ей пришлось сполна почувствовать, что значило это чужое «лукавство»...

Дрожа всем телом, она попыталась тут же вскочить с постели, от отвалившегося,

наконец, от неё Ильи, но он задержал её рукой.

— Ну, куда ты?.. — он расслабленно смотрел на неё из-под полуприкрытых век, — Куда побежала?

— Ты что наделал, придурок?! — Люба истерично оттолкнула его руку, — Как теперь Дане в глаза посмотришь?!

— Никак... — Илья, едва улыбаясь, пожал плечами, — Нормально посмотрю...

— Урод... — соскочив, наконец, с кровати, она схватила свою одежду и кинулась к двери, но, посмотрев на свои голые ноги, задержалась — она представила, как бежит по коридору, пусть и ночью, вся растрёпанная, с размазанной тушью, босиком и с колготками в руках...

Быстро юркнув в ванную, закрылась изнутри и, путаясь в одежде, кое-как натянула на себя всё, что сорвал с неё Илья. Посмотревшись в зеркало, вытерла чёрные подтёки под глазами и пригладила волосы...

— Где ключ?! — она даже не заметила, когда Илья, закрыв дверь изнутри, вытащил и спрятал ключ, — Открой мне дверь!..

— Ну, куда ты? — он тоже оделся и, подойдя к двери, попытался её снова обнять, — Оставайся до утра...

— Выпусти меня! — Люба снова оттолкнула парня, — Урод...

— Да ладно тебе, — он снова потянул её за руку, — никуда ты не пойдёшь...

— Ты что натворил?! — повернувшись к нему, Люба почувствовала, как из глаз потекли слёзы, — Что я Дане скажу?!

— А ты не говори...

— Что тебе от меня надо?! Ты получил своё?! Получил?! Никогда не думала, что ты такой урод! Даня узнает, убьёт тебя!

— Ну, чего ты так разоралась, — не в пример ей, Илья тихо рассмеялся, — ну, что случилось-то?!

— Даня — твой друг, а ты?!

— Вот именно... друзья должны всем делиться, правда?.. — Люба не узнавала Илью, которого всегда считала неплохим парнем.

— У нас ребёнок будет... — она окончательно расплакалась, подумав о том, как теперь посмотрит в глаза Даниилу.

— Ты же аборт сделала, — усмехнулся парень.

— Не сделала! Подожди... — Люба застыла на месте, — Откуда ты знаешь? Тебе что, Даня рассказывал о нас с ним?..

— Рассказывал. Он всё рассказывал. И как ты горничной любишь переодеваться... И какая ты в постели... Ты мне заочно понравилась...

— Не может быть...

— Давай, проходи... — он снова потянул Любу за руку, — Раздевайся и ложись... поздно уже.

— Илья... — Люба сделала шаг и снова застыла, — Отпусти меня, пожалуйста... Мне нужно к себе, в номер...

— Не бойся, Даня и правда, до утра не придёт. Ты что, ещё не поняла?.. Он не-при-дёт!

— Он убьёт тебя за то, что ты сделал! — собрав все силы, выкрикнула Люба и попыталась ударить Илью по лицу.

— Не убьёт! — перехватив её руку, он легко отвёл её от себя.

— Ты — урод!.. Мразь!.. Тварь!.. — Люба вспомнила все эпитеты, которые знала, включая и нецензурные, и обрушила их на голову Ильи, — Я всё расскажу Дане!.. Пусть он меня бросит, пусть!.. Но тебя, урода, он убьёт!..

— Да он сам попросил меня, чтобы я тебя трахнул при случае... — отшвырнув её на кровать, Илья зло выругался, — Не веришь?! Твои проблемы! Только он не думал, что ты сама уже сегодня придёшь...

— Ты... ты всё врешь!.. — в это раз Люба даже не попыталась встать, а так и осталась сидеть на кровати, уже не вытирая текущие ручьём по лицу слёзы, — Ты врешь!..

— Не вру, — внезапно успокоившись, парень присел напротив неё, на кровать Даниила, — правда.

— Ты врешь... врешь!.. — Люба плакала почти беззвучно, скорбно наморщив лицо.

— Не вру, — глядя, как содрогаются её плечи, повторил Илья.

— Зачем?.. Зачем ему это?..

— Чтобы отделаться от тебя... сразу и одним махом.

— Неправда... ты бы мне не сказал... ты бы не признался!..

— А что мне терять? — пожал плечами Илья, — Даня тебя решил кинуть с моей помощью... Я бы не согласился. Но он и меня решил кинуть...

— Тебя?.. — Любаша подняла на него заплаканные глаза, — В смысле?..

— А ты думаешь, почему сейчас я здесь, а он — там? — парень недвусмысленно ухмыльнулся, — Почему?..

— Почему?.. — Люба переспросила это беззвучно, одними губами.

— Потому, что он понравился Сафоновой... И она хочет сделать вокальный проект с ним одним... И он сейчас отрабатывает её доверие... сама понимаешь, как...

— А ты?..

— А я... я — иду лесом. Но, чтобы я не сильно плакал, он предлагает мне — тебя... И ему хорошо... И мне — неплохо... Так что придётся тебе сегодня остаться. Я ещё не все отступные получил.

— Ты врешь... — Люба никак не могла поверить услышанному, — Ты просто завидуешь... Если даже всё так... Даня тут ни при чём! Это его выбрали... Он тут ни при чём!.. Ему предложили, а не тебе, ты просто завидуешь!.. И ты решил ему так отомстить, да?! Да?! Я — это твоя месть, да?! Ты...

Люба хотела ещё много чего сказать Илье, который, несомненно, позавидовал Дане, потому, что Сафонова решила делать музыкальный проект не с дуэтом, а с одним вокалистом, и этим вокалистом должен был быть Даниил Соловьёв... Она уже хотела выкрикнуть Илье в лицо всё, чего он заслуживал... Вскочив, она уже было бросилась к нему, но внезапная тупая боль внизу живота заставила её буквально упасть назад, на постель.

— Ма-ма... — по слогам простонала Любаша, схватившись за живот, — Ой, мамочки...

...Она плохо помнила всё, что произошло дальше... И испуганное лицо Ильи, и прибежавшая на его зов дежурная по этажу, и слова фельдшера скорой помощи о том, что нужно одеваться и выходить к машине — всё смешалось у неё в сознании под действием этой жуткой, не отпускающей боли, которой, казалось, не будет никакого конца...

Глава 13.

Выздоровливая Любаша тяжело, и причины этому были вполне объяснимые. Физическая травма, нанесённая организму спровоцированными обстоятельствами выкидышем, не шла ни в какое сравнение с травмой душевной. Придя в себя в больничной

палате, она долго не могла вспомнить, что с ней произошло, но, когда вспомнила, то пожалела о том, что к ней вернулась память.

Она и представить себе не могла, чем обернётся для неё эта поездка, которую она так ждала... И очередное предательство Даниила, и слова Ильи о том, что тот сам предложил другу переспать с ней, и то, каким способом выполнил Илья просьбу Дани, и потеря ребёнка — всё перемешалось в её сознании, и от этого страдания казались ещё ужаснее.

Первым знакомым человеком, которого увидела Люба после того, как пришла в себя, была её собственная мать, Тамара Васильевна. Узнав от Галины Геннадьевны что произошло с её дочерью, та немедленно собралась и уже на следующий день приехала в областной город. Ещё до её приезда Люба знала о том, что мать, несмотря на их ссору, бросилась к ней, попавшей в беду, на выручку — об этом ей сообщила Вера. Со слов сестры Любаша узнала, что Галина, которую ночью разбудил перепуганный Илья, тут же набрала номер квартиры Пучковых, который нашла в Любином телефоне, и рассказала взявшей трубку матери, что Любу увезла скорая. Оказалось, что Тамара ничего не знает о поездке дочери, и известие о том, что у Любаша случился выкидыш, стало для неё настоящим шоком.

К моменту её приезда Люба уже отошла от наркоза и потихоньку передвигалась по палате. Посетителей в отделение не пускали, и она была вынуждена выйти к родительнице на лестничную площадку четвёртого этажа, на котором располагалось её отделение.

— Ну, что, доигралась? — вместо приветствия, мать выпустила обычную порцию сарказма, — Выросла, дочечка? Попробовала женского счастья?

— Мам... перестань... — чуть согнувшись, Люба всё ещё держалась за болезненный живот, — Ну, пожалуйста...

— Вот... вырастила шалаву... — со злостью швырнув на пол пакеты с одеждой и фруктами, женщина негодуя уставилась на дочь, — Уехала, а матери ничего даже не сказала! От людей узнаю, что поехала с одним, а в номере оказалась совсем с другим! Всех обогрела, да?!

— Мам, ну, что ты говоришь?..

— Говорю, как есть! А Верка ещё своё получит!

— Вера тут ни при чём...

— Как это ни при чём?! Она же всё покрывала тебя!.. Как же, мать у вас дурочка из переулочка, да?! Зачем её слушать, да?! И свахе я ещё выскажу! Устроила у себя притон!

— Тётю Олю не трогай! — Люба, которая в первый момент была готова броситься матери на шею, теперь горько пожалела о её визите.

— Я сама знаю, кого мне трогать! — Тамара Васильевна ещё повысила тон, но, внимательнее посмотрев на бледную Любашу, вдруг заговорила тише, — Что врачи-то говорят?

— Пока ничего не говорят, — уставившись в пол, Люба слегка пожала плечами и судорожно вздохнула.

— Почему?

— Не знаю...

— Срок-то какой был? — в голосе Тамары Васильевны проскользнуло неожиданное для Любаша участие.

— Сказали, около десяти недель, — от подступивших слёз та ощутила в глазах резь.

— Я ж так и знала, что всё этим кончится!

— Пучкова, вот ты где, — выглянула в двери дежурная акушерка, — быстро на

капельницу!

— И чего ревёшь? — нагнувшись, Тамара Васильевна подняла с пола пакеты и протянула их дочери, — Раньше надо было реветь, да мать слушать. А теперь... Теперь всё к лучшему.

Расставшись с матерью, Люба почувствовала и облегчение, и растерянность. С одной стороны, та почти не проявила к ней сочувствия, напротив, вместо слов поддержки Любаша услышала очередные упрёки и оскорбления. Но, с другой стороны, в этот тяжёлый момент мать была единственным родным человеком в этом чужом, огромном городе, человеком, которому она, Люба, всё же была нужна и дорога.

...Даниил так и не позвонил ей... С момента, как она попала в больницу, прошло около двух недель, и он, конечно, уже давно уехал вместе с Ильёй и Галиной Геннадьевной. Люба часто мучительно вспоминала всё, что произошло в тот вечер... слова Ильи... Она никак не могла поверить, что всё, что она услышала от него — правда.

Нет... В такое поверить невозможно!.. Этого не может быть...

Но ведь Даня так и не позвонил.

Сама она несколько раз набирала его номер. Сначала он просто-напросто сбрасывал звонок, но вскоре её попытки связаться с ним стали заканчиваться беспристрастным «абонент не в сети».

За эти дни Люба не раз чувствовала жуткое желание сбежать из больничных стен и, сев в автобус, уехать к себе домой. Ей нестерпимо хотелось увидеть Даниила... поговорить с ним, услышать его голос... В глубине души Люба понимала, что ничего хорошего из этой встречи выйти не может. Его молчание — самая главная улика против него.

И, всё же...

О подлом поступке Ильи она старалась не думать вообще. По сравнению с предательством Дани всё произошедшее с ней в последнее время просто-напросто меркло.

И, всё же... Ей так хотелось его увидеть!..

Сбежать!..

Каждый раз, думая о побеге, Люба уныло вспоминала о том, что тех денег, которые были в её кошельке, было недостаточно, чтобы купить билет. Сюда они приехали вместе с Даниилом — и дорогу, и гостиницу оплачивал он сам. У них уже были обратные билеты, поэтому Люба не беспокоилась. Но теперь ситуация изменилась — Даниил давно уехал, а просить денег у матери Люба не стала. В конце концов, выбросив все мысли о побеге, она решила снова обратиться к сестре, когда подойдёт время выписки.

— Люб, там к тебе пришли, — соседка по палате, восемнадцатилетняя девушка по имени Юля, вернулась с короткой прогулки по больничному коридору.

— Ко мне?! — удивлённо повернулась к ней Любаша.

— Ага.

— Кто?.. — сердце замерло в ожидании ответа — она не ждала никого, и этот визит был для неё полной неожиданностью.

— Девушка какая-то.

— Странно... — услышав слово «девушка», Люба разочарованно пожала плечами, — Кто это может быть...

Выйдя в коридор, она направилась к выходу на лестницу.

— Ну, привет! — Наталья Морозова, румяная с улицы, радостно улыбалась ей, стоя на лестничной площадке.

— Ой... — Люба смущённо поправила ворот халата, — Здравствуйте...

— Ну, что же ты так?! — шутливо пожурела её Наташа, — Приехала к нам в город, и болеть надумала?!

— Так вышло... — Люба слабо улыбнулась в ответ, — А вы... ты откуда узнала?..

— Да мне Серёжка позвонил! Твоя сестра тебе деньги хотела выслать моментальным переводом, но ей нужны были данные твоего паспорта, а у тебя временное удостоверение, вот она и не стала с переводом заморачиваться, и правильно сделала! А я ещё Серёжку отругала, что он мне сразу не позвонил, что ты в больнице уже вторую неделю лежишь... Я бы давно уже тебя навестила!

— Ой, ну, что ты... — Люба ещё больше смутилась, — Так неудобно...

— Что значит, неудобно?! Ты же не думала сюда попадать, правда?

— Нет...

— Правильно! И одежда нужна, и бельё, да хоть зубная щётка, у тебя же ничего не было!

— Ко мне мама приезжала. Почти сразу... Всё привезла.

— Ну, всё равно, — не успокаивалась Наташа, — фрукты нужны, да много чего... Я бы давно уже была у тебя. Почему ты мне сама не позвонила?

— Ой, нет... — Любаша замотала головой, — У тебя и так забот полно... я же видела.

— Ерунда! — Морозова махнула рукой, потом протянула Любе полный полиэтиленовый пакет с гостинцами, — В общем так! Вот это — чтобы съела! Там внутри деньги, мне Серёжка их на карту перевёл. Когда тебя выписывают?

— Должны уже на днях... — Люба растерянно приняла пакет, — Спасибо... Но зачем?..

— Как только узнаешь о выписке, позвони мне. Я за тобой приеду. Поняла?

— Поняла... — кивнула Любаша, — Спасибо...

— Да ладно, что ты заладила?! — рассмеялась Наталья, — Как ты сейчас себя чувствуешь? Неловко спрашивать про диагноз, но всё же... Что-то хроническое, наверное?

— Нет... — Люба подумала, что врать не имеет смысла, — У меня был выкидыш...

— Да ты что?! — Наталья тут же нахмурилась, — Как жалко... А Даниил... Он здесь?

— Нет. Он уехал... — голос предательски дрогнул, и Люба с силой закусил губу.

— Ну, ладно... — Наташа сочувственно посмотрела на неё и положила руку на плечо, — Ты не плачь... Такое бывает. У тебя всё ещё впереди! Слышишь, Люба?

— Угу... — опустив голову, кивнула та в ответ, — Всё нормально.

— Ты, когда домой вернёшься, обязательно сходи к тёте Оле. Она тебя вылечит! Она такие сборы травяные делает, что ни одно дорогое лекарство не идёт в сравнение. Она и мне когда-то помогла, поможет и тебе, вот увидишь!

...Вернувшись в палату, Люба снова не смогла сдержать слёз. Вытаскивая из пакета принесённые Натальей фрукты и соки, она вдруг почувствовала жуткое одиночество... Чужие, по сути, люди не остались равнодушными к ней, попавшей в беду, а Даня... Он, человек, которого она любила больше жизни и ради которого была готова на любые поступки, даже не позвонил, хотя бы из вежливости!

Открыв новенький кошелёк, в который Наташа положила присланные Верой деньги, Любаша задумчиво уселась на кровать.

Мысли роем закрутились в голове.

Сбежать?.. Уехать прямо сейчас?.. Но тогда у неё не будет выписки, а, значит, и больничного листа. Она отпрашивалась на работе только на три дня, а задержалась почти на две недели. Она так мечтала бросить эту чёртову гостиницу... А теперь? Теперь ей деваться

некуда.

Остаться тут, в областном городе? Но ей негде жить...

Снимать квартиру одной — нереально. У неё нет такой профессии, с которой можно было бы устроиться на хорошую, высокооплачиваемую работу — учёба в лесном колледже оказалась пустой тратой времени, и её специальность «лесопроизводство», скорее всего, будет здесь невостребованной... Снова устроиться в гостиницу горничной? Не вариант. Это в своей провинции можно было жить на эти деньги, а здесь зарплаты горничной не хватит даже на оплату съёмного жилья. На помощь родителей Любаша не надеялась, заранее зная, что мать будет категорически против её переезда.

Да... горничная в провинциальной гостинице — её судьба, и ничего с этим не поделаешь. Даже участие в художественной самодеятельности теперь для неё под запретом — Анжелкина мамаша не допустит её присутствия ни в одном коллективе их городка.

Господи!.. О чём она думает?! Её же Даня бросил!..

Бросил.

Теперь Любаша в этом уже не сомневалась.

— Лю-у-уб... — Юля вошла в палату, — Слушай, мы тут с девчонками поспорили... Это кто к тебе сейчас приходил? Ну, эта девушка... Она — кто?

— Она?.. — оторвавшись от своих мыслей, Люба подняла глаза, — Наташа... Моя знакомая. Она из моего города.

— А фамилия? Фамилия у неё какая?

— Морозова. А что?

— Ну, всё! — Юля довольно потёрла руки, — Я выиграла! Это же певица, да?

— Ну, да... ты её знаешь?

— Знаю, конечно! Она часто в клубах поёт. Я сколько раз видела. Я сначала не узнала... а потом вспомнила... А Ленка из шестой — «не она, не она»... Слу-у-у-шай... — девушка уселась рядом с Любой на кровать, — Ну, класс! Она ещё и в «Ночном патруле» поёт, знаешь такую группу?

— Знаю, — Любаша пожала плечами, — я их всех видела, вот как тебя. А Диму, из вокалиста вообще знаю, и даже дома у них была. Они с Наташей муж и жена.

— Я знаю! — кивнула Юля, — Моя бывшая одноклассница в него влюблена, прикинь?! Мы год назад школу окончили, так она до сих пор никуда даже не поступила, везде за ними ездит: по гастролям, по концертам, прикинь?!

— Как это?.. А где она деньги берёт?..

— Хм... где... — Юля многозначительно хмыкнула, — Где можно заработать денег молодой девушке?.. Вернее, чем? Как ты думаешь?

— Проститутка, что ли?.. — Люба брезгливо поморщилась.

— Ну, как тебе сказать... Проститутка — это громко сказано. Она... ну, в общем, внешне не очень... Маленькая, худенькая, ножки тоненькие... Но как-то умудряется всё это сдавать в аренду, — Юля хмыкнула собственной шутке.

— Да ну... — Люба снова скривилась, — Я ещё понимаю, за карьеру с кем-то переспать... Но ради того, чтобы за артистом по гастролям ездить... Фу, гадость какая...

— Так она не одна. Их там несколько фанаток, вот они все вместе и ездят. Я точно знаю, потому, что мы с ней в одном доме живём. Она за Морозовым лет с пятнадцати умирала... Ни с кем не встречалась даже. Вообще, прикинь?! Всё ему верность берегла, — Юля снова захихикала, — её тоже Наташкой зовут, как и его жену, так она даже фотошоп

делала в ноуте — вместо фотографий его жены себя вставляла... Прикинь?! Разве это — любовь? Это зависимость какая-то. Тем более, он на неё ноль эмоций.

— Ну, да... — Люба снова вспомнила о Данииле и опустила голову, — Зависимость.

— Вот именно. Она даже себя не жалеет теперь, лишь бы видеть его почаще.

— Ну, и дура... — Люба угрюмо смотрела себе под ноги.

— Дура, конечно. Слушай... — Юля заговорила вкрадчиво, осторожно, — А твой парень... ну, от которого ребёнок был... Он что, тебя бросил?

— Угу, — Любаша обречённо кивнула.

— Вот гад. Но зато ты теперь не беременна! Так что не переживай.

— Я хотела ребёнка...

— Зачем?! — Юля удивлённо уставилась на Любашу, — Зачем тебе ребёнок, если он тебя бросил?! Наоборот, хорошо, что всё так вышло! Ты что, подняла что-нибудь тяжёлое, да? Или упала?

— Нет... — Люба покачала головой, — Не подняла и не упала.

— Если не хочешь говорить, то не говори... — Юля, тем не менее, не сводила с Любы любопытного взгляда, — Просто, лежим вместе уже две недели, а ты ничего не рассказывала о себе... Ты что, таблетки пила, да? Ну, чтобы выкидыш был... Да?

— Нет.

— А что? Траву? Есть такая трава, что роды вызывает... Я знаю, у нас одна девчонка так — залетела от парня, а он её бросил. Аборт уже поздно было делать, так она к какой-то тётке ходила, та ей дала траву... Она заварила, выпила, и скинула... Так потом та тётка ей ещё и отворотный отвар давала!

— Отворотный отвар? Это как?

— Ну, чтобы она парня того поскорее забыла. Она же чуть вены себе не порезала, прикинь?!

— И как? Помогло?..

— Помогло! — Юля охотно кивнула, — Она сейчас с другим встречается, вроде замуж собралась.

— Не знаю... — Любаша заговорила тихо, почти шёпотом, — Мне кажется, что мне ничего не поможет.

— Так сильно любишь его, да? — девушка сочувственно смотрела на Любашу.

— Угу, — снова кивнула Люба.

— Тебе тоже нужен отворотный отвар. Или наоборот — приворотный, если вернуть его хочешь... Я вот точно знаю, — Юля тоже перешла на полужёпот, — можно человека приворожить, а можно отворожить. Только нужно найти такого колдуна... ну, или бабку какую, которая в этом тянет...

— У меня есть знакомая. Я у неё жила... Она — травница, умеет делать привороты и отвороты... Но не делает.

— Почему?

— Не знаю... говорит, что грех.

— Подумаешь, — Юля небрежно махнула рукой, — никакой это не грех. Наверное, цену набивает.

— Нет, — Люба снова замотала головой, — она вообще денег за лечение не берёт. Это настоящая травница. Не шарлатанка. Она — свекровь моей родной сестры.

— Ну, тогда тебе вообще переживать нечего! Попроси её... Скажи — так мол и так...

люблю, бросил... жить не хочу... поплачь... Может, разжалобишь, она тебе и поможет.

— Не знаю... — повторила Любаша, — Попробую...

Наталья, как и обещала, в день выписки встретила Любу из больницы. До автобуса оставалось несколько часов, и она привезла её к себе домой. Лишних вопросов Наташа не задавала, и Люба была ей благодарна — ей было одинаково тяжело, как врать, так и говорить правду, и единственным спасением для неё сейчас было обыкновенное молчание. Дмитрия дома не было, и это обстоятельство её тоже обрадовало — ей было бы неловко сейчас встречаться с ним и что-то говорить. Ей вообще сейчас не хотелось говорить. Ни с кем и ни о чём.

Наташа весело рассказывала ей о том, как они готовят новую рок-оперу, показывала видео с первых репетиций. Люба делала вид, что с интересом слушает и смотрит, но на самом деле мысленно была далека от всего этого. Она кивала, выдавливая из себя подобие улыбки, а сама думала о Данииле...

Она не могла не думать о нём.

Всё это время, проведённое в больнице, она только и делала, что вспоминала их такие недолгие дни и ночи. Не в силах общаться с другими женщинами, она старалась в каждую свободную минуту прилечь и сделать вид, что спит...

Она ложилась и, закрыв глаза, тут же погружалась в свои мысли и воспоминания.

Она и теперь думала только о нём.

Люба не могла себе представить, как они встретятся... Да, они должны будут встретиться. Это неизбежно.

Она должна будет увидеть его... Увидеть, чтобы поставить последнюю точку.

Но она даже не представляет, как теперь будет жить без него.

Вечером, уже сидя в автобусе, Люба вдруг поняла, что навсегда прощается со своей мечтой.

Вот сейчас автобус тронется... Он увезёт её туда, в маленький провинциальный городок... К деспотичной матери, к осточертевшей работе, к насмешкам и издёвкам...

Но, самое главное, он увезёт её в одиночество.

Сопrotивляться матери, которая буквально за руку привела её с автобуса домой, Люба не стала — ни физических, ни моральных сил на это просто не было.

Ей, действительно, необходимо было оказаться сейчас среди родных людей, пусть даже рядом с расточающей привычные упрёки матерью и вечно пьяным отцом.

К Любашиному удивлению, распиналась Тамара Васильевна в её адрес недолго. Видя, что дочь подавлена и совершенно не спорит с ней, женщина неожиданно сменила тон. Она даже выпроводила из Любиной комнаты мужа — тот, как обычно находясь под действием алкоголя, зашёл к дочери «пообщаться», но супруга отправила его к себе, чтобы он не мешал Любе отдыхать с дороги.

— Ничего, — сидя рядом на кровати, констатировала Тамара Васильевна, — на ошибках учатся. Будешь слушать мать, и всё будет хорошо. А кобеля своего — брось. Добра от него не будет.

— Я уже бросила... — Люба не стала вдаваться в подробности и объяснять, кто на самом деле кого бросил.

— Вот и правильно, — мать одобрительно кивнула, — не нужен он тебе.

— Не нужен... — не сдержавшись, Любаша уткнулась в материнское плечо, — Мам... прости меня...

— Мама простит... — обхватив её своими железными руками, Тамара Васильевна часто заморгала, — Мама простит... мама поможет... ты ж не слушаешь маму... а мама тебе только добра желает...

— Мамочка, прости меня... — от неожиданной материнской ласки Любаша окончательно расплакалась.

— Мама простит... — в ответ, шмыгая носом, повторяла Тамара Васильевна, — Мама простит...

...На следующий день, по дороге на работу, Люба представляла себе выражение лиц своих сотрудниц, когда они увидят больничный лист, выданный областным родильным домом. Зная бурную фантазию коллег, Люба не сомневалась — в своих догадках они будут не так уж далеки от истины.

— Что случилось-то? — Ирина, с которой Любаша работала в одной смене, уставилась на неё с нескрываемым любопытством, — Заболела?

— Да, прихватило в поездке, — уклончиво ответила Люба.

— А чего прихватило-то? — не унималась женщина, одновременно заваривая чай в дежурной комнате и не сводя с Любы пронизательных глаз, — Придатки застудила, что ли?

— Угу, — стараясь не смотреть на неё, кивнула Люба.

— Хорошо, что сейчас диагноз не пишут, — Ирина деланно нахмурилась и сосредоточенно застучала ложечкой по стенкам чайной чашки, — «заболевание», и всё тут! Хоть аборт, хоть воспаление...

— Что нового? — Любаша решила перевести разговор на другую тему.

— Директриса в отпуск ушла, — Ирина с хрустом откусила кусочек печенья, — укатила в Турцию.

— Ясно, — Люба тоже потянулась к печенью, — красиво жить не запретишь.

— А то! — Ирина охотно потрянула крашеными волосами, — Мы на свои зарплаты дальше аэропорта не доедем.

— Больше никаких новостей?

— Вроде нет... Да! — как будто вспомнив о чём-то, Ирина снова подняла на Любашу взгляд, — Тут тебя один постоялец спрашивал.

— Меня? — Люба удивлённо застыла, — Кто?..

— А мужчина, он у нас уже не первый раз останавливается. Да ты должна его помнить, он месяц назад был... Такой симпатичный, лет тридцать пять, тридцать семь...

— А чего ему надо?.. — Люба почувствовала, как щёки покрываются жарким румянцем.

— Не знаю... — женщина пожала плечами, — Просто спросил, когда ты работаешь. Может, влюбился... А?

— Да ну... — догадавшись, что это за мужчина, Любаша опустила взгляд, — Ладно, пойду, начну уборку.

— Ну, иди, — снова кивнула Ирина, — как закончишь, сбегай в магазин за свежей выпечкой, ладно? А то у нас всё закончилось... Деньги — вот.

— Ладно, — Люба взяла в руку пылесос и открыла дверь, — сбегаяю.

Весть о том, что тот самый мужчина, с которым она так опрометчиво вступила в связь месяц назад, снова поселился в их гостинице, её, отнюдь, не обрадовала. Любе совершенно не хотелось с ним встречаться, особенно сейчас, после всех обрушившихся на неё бед.

Убрав освободившиеся номера, она накинула на себя пальто и выскочила на улицу. Ближайший магазин, в котором сотрудники гостиницы покупали продукты к обеду, находился через дорогу, и Люба даже не стала надевать капюшон.

Набрав супов быстрого приготовления и свежих булочек, она уже расплачивалась на кассе, как сзади раздался мужской голос.

— Привет... — она не сразу поняла, что обращаются к ней, и поэтому не ответила, — Привет, говорю...

— Здравствуйте... — нехотя обернувшись, Люба с ужасом для себя узнала того самого постояльца...

Расплатившись, она хотела побыстрее покинуть магазин, пока мужчина задержался на кассе, но, видимо, купив только сигареты, он догнал её уже на крыльце.

— Как дела?.. — встав напротив, он смотрел на неё, чуть прищурив серые глаза.

— Нормально, — стараясь не смотреть на него, Люба попыталась его обойти, но мужчина тоже сделал шаг в ту же сторону, — разрешите, я пройду.

— Ты сегодня работаешь? — заложив руки в карманы куртки, он улыбнулся, чуть наклонив голову.

— Да, работаю, — она недовольно поджала губы, всем своим видом показывая, что ей некогда с ним разговаривать.

— Зайдёшь ко мне?

— Зачем? — она, наконец, подняла на него взгляд.

— Как зачем?.. Пообщаться.

— Мне некогда, — она снова сделала шаг в сторону, — я на работе.

— Двести десятый, — в этот раз он её пропустил и, проводив взглядом, крикнул вслед, — я буду ждать!

Ничего не ответив, Люба на негнущихся ногах перебежала через дорогу и уже повернула к крыльцу гостиницы, как внезапно почувствовала, как её снова обдаёт волной внутреннего жара... Резко остановившись, уставилась на идущего навстречу человека...

— Привет... — Даниил приближался к ней, замедлив шаг.

— Привет... — пересохшими губами произнесла Люба, не сводя с него пристального взгляда.

— Наверное, хорошо, что мы встретились, — он заговорил резко, поджимая губы и глядя на неё как-то отчуждённо, — всё же нам нужно поговорить.

— О чём?.. — Люба слышала удары своего сердца где-то в висках.

— Ты меня обманула, — Даниил сейчас казался ей совершенно чужим, как будто между ними никогда не было никаких отношений.

— Я?.. — Люба смотрела на него непонимающе, — В чём я тебя обманула?..

— Лучше скажи, в чём ты меня не обманывала, — он усмехнулся, — я никогда не думал, что ты умеешь так врать!

— Я тебя не понимаю...

— Ты обманула меня с Морозовым, ты обманула меня, что сделала аборт...

— Я не хотела тебя обманывать...

— Не хотела?! Так врать может только профессионал!

— Ты сам бросил меня... Ты даже не позвонил, не пришёл ко мне в больницу!

— Я?! У тебя поворачивается язык меня упрекать?! — казалось, что Даниил исполнен праведного гнева, — Это после того, как ты переспала с Ильёй?! Знаешь, кто ты после

этого?! Ты — шлюха!

— Ты — урод... — чувствуя, как ноги становятся ватными, Люба держалась из последних сил, — Ты — урод!.. Ты бросил меня! Ты сам подговорил Илью!.. Он мне всё рассказал!

— Врёшь! Опять всё врёшь!..

— Не вру!.. Я только поэтому...

— Ты пришла к нам в номер уже ночью, хотя знала, что меня там нет! Ты нарочно сидела с ним в одном номере, а теперь обвиняешь меня, что я его подговорил?!

— Ты — урод... — Люба повторяла это с отчаянием, как будто не находя для Даниила других слов.

— Это ты — уродина. Чего ты хотела добиться?! Чтобы я женился на тебе и воспитывал чужого ребёнка? Чтобы бросил всё ради тебя?!

— Как — чужого?! — Люба не верила своим ушам, — Как — чужого?! Это был твой ребёнок!

— Мой?! Ты трахаешься с кем попало, а я — крайний? Надо ещё провериться, может, ты меня чем-нибудь наградила?!

— Ты... ты... ты что такое говоришь?! — от обиды Люба заплакала, — Даня!..

— Я говорю то, что вижу! Ты прикидывалась всё это время невинной овечкой, а сама... ты думаешь, я такой дурак?! Я давно всё понял, ещё когда ты изображала горничную в постели... Так профессионально играть в ролевые игры может только проститутка!

— Что?.. — у Любы от возмущения перехватило дыхание, — Да я... я для тебя!.. Я для тебя всё это!..

— Только для меня, да?.. — Даниил с сарказмом ухмыльнулся, — Слышишь, ты, овца... ты это кому-нибудь втирай, но только не мне!

— Козёл!.. — подскочив к Даниилу, Люба со всего размаху ударила его по щеке.

— А ты — проститутка! Пошла вон, поняла?! — схватив за полы пальто, он с силой потряхнул её и оттолкнул от себя — невольно попятившись, Люба потеряла равновесие и упала на заснеженную дорожку.

...В глазах потемнело, и она не смогла увидеть, как Даниил быстрым шагом удаляется прочь... Открыв рот, Любаша судорожно вобрала в себя как можно больше свежего морозного воздуха. Сознание постепенно прояснялось, и первое, что она увидела, окончательно придя в себя, было мужское лицо и протянутая к ней рука...

— Вставай... — мужчина, в котором она снова узнала постояльца, ухватив её за ладонь, слегка потянул на себя, — Слышишь?..

— Слышу... — едва справляясь с охватившей её дрожью, Люба ухватила за протянутую ей кисть.

— Я всё видел, — мужчина помог ей подняться, — идём, я провожу.

— Я сама... — забрав у него свою руку, Люба нетвёрдой походкой направилась к дверям гостиницы.

Она не помнила, как отработала остаток дня.

Вечером, выйдя из стеклянных дверей, она ещё минут десять стояла, не в силах сообразить, куда ей сейчас идти. Ни домой, ни к Вере идти не хотелось.

Вернувшись из больницы, Люба уже не строила иллюзий насчёт Даниила... но такой встречи и таких слов, какие услышала сегодня от него, она совершенно не ожидала. Ей казалось, что жизнь теперь совершенно не имеет смысла.

Жизни больше нет.

И её, Любы, тоже больше нет.

Сойдя, наконец, с крыльца, она медленным шагом направилась вперёд по улице. Пройдя квартал, поднялась по ступенькам расположенной по пути аптеки...

— Добрый вечер, — улыбочивая провизор за стеклянной витриной приветливо взглянула на посетительницу, — слушаю вас!

— У вас есть снотворное?

— Да, есть... Вам какое? В каплях, в таблеточках?..

— Мне всё равно.

— Вот, рекомендую, — женщина взяла с полки лекарство и, прочтя название, снова взглянула на Любу, — не вызывает привыкания, и утром никаких последствий в виде тяжёлой головы. Возьмёте?

— Возьму.

— Одну упаковочку?

— Нет... — Люба отрешённо смотрела куда-то впереди себя, — Пять...

Глава 14.

Внезапно возникший в ушах звон постепенно сошёл на нет, и Люба с удивлением уставилась на женщину в белом халате, с бейджиком на груди, по ту сторону стеклянной перегородки. Провизор аптеки, куда после работы забрела Любаша, смотрела на неё испуганно, и по движению её губ можно было догадаться, что она что-то говорит...

— Девушка... Девушка!.. — аптекарша говорила громко, с тревогой в голосе, — Вы меня слышите?!

— Да... — как будто очнувшись ото сна, Люба, наконец, поняла, что впала в какой-то ступор, и сейчас стоит у аптечного прилавка, — Слышу...

— Я спрашиваю, зачем вам столько снотворного? — женщина подозрительно смотрела через стекло.

— Я... Я плохо сплю... — Люба выдала первое, что пришло ей в голову.

— Извините, мы ничего не будем брать! — услышав за спиной уже знакомый мужской голос, Люба хотела оглянуться, но в тот же миг чья-то рука довольно крепко схватила её за плечо и потянула назад.

Сопротивляться она не стала и почти добровольно покинула помещение аптеки — мужчина лишь слегка подталкивал её впереди себя. Но, оказавшись на улице, Любаша сразу оттолкнула его руку.

— Ну, чего тебе нужно?! — голос прозвучал тихо и как-то слабо, — Ты что, следишь за мной?

— Нарочно не слежу. Так получилось, — он внимательно вглядывался в её лицо в свете вечерних фонарей.

— Всё, до свиданья... — развернувшись, Люба не совсем уверенно пошла прочь.

— Я провожу, — он решительно двинулся следом.

— Слушай, отвали... — она почувствовала, как отрешённость сменяется нарастающей внутренней нервной дрожью.

Присутствие мужчины раздражало; ей совершенно не хотелось никого видеть, а, уж тем более, разговаривать.

— Где ты живёшь? — несмотря на её слова, он не отставал и, судя по решимости, с которой шагал рядом, был серьёзно намерен довести её до дома.

— Послушай... — едва не стуча зубами, Любаша остановилась и повернулась к нему лицом, — Отстань от меня... пожалуйста, отстань! Я никого не хочу видеть, понимаешь?! Ни-ко-го!

— Вот это я очень хорошо понимаю, — усмехнулся мужчина, — и даже догадываюсь, почему.

— Пожалуйста... — подбородок задрожал, и Любаша с огромным трудом подавила желание разреветься прямо на улице, — Пожалуйста... не ходи за мной... ну, пожалуйста... мне очень плохо, понимаешь?!

— Меня зовут Егор.

— Послушай... Егор... — Люба из последних сил подбирала слова, — Если ты думаешь, что... в общем, то, что было тогда... это была случайность. Понимаешь, случайность! А сейчас мне очень плохо. И я не хочу никого видеть, и тебя в том числе...

— Я провожу тебя домой. А то тебя снова в аптеку потянет.

— Ну, тебе-то какое дело?! Какое вам всем дело до меня?! Отстаньте от меня все!.. Слышите?! Все-е-е!..

...Она ещё что-то кричала ему в лицо, потрясая сжатыми в кулаки кистями, пока он не схватил её в охапку и не прижал к себе изо всех сил.

— Успокоилась?.. — почувствовав, как обмякло её тело, ещё минуту назад похожее на сжатую пружину, Егор чуть ослабил объятия. Любаша вдруг ощутила огромную, как будто вывалившуюся песком из самосвала, усталость.

— Я хочу домой...

— Проводить?

Она только согласно кивнула в ответ на его вопрос. Сейчас ей казалось, что без чужой помощи она не сможет сделать и шага — ноги налились чугушной тяжестью, и всё тело как магнитом тянуло вниз, к земле. Когда Егор окончательно отпустил её, Люба невольно покачнулась.

— Цепляйся, — подставив ей свой локоть, мужчина бросил на неё пристальный взгляд, — тебе пешком или на маршрутке?

— На маршрутке... — нехотя ухватившись за его руку, она почти повисла на ней, — две остановки отсюда.

— Идём, — кивнул Егор.

— Со мной ехать не нужно... Помоги только до остановки дойти... пожалуйста.

— Ты точно поедешь домой?

— Точно... — услышав сигнал в сумочке, Люба снова остановилась и, потянув молнию замка, достала телефон, — Да... Я уже иду на остановку. Минут через двадцать буду. Нет, я в магазин заходила. Нет, не вру.

— Вот видишь, — глядя на неё, Егор усмехнулся, — кто-то тебя ждёт.

— Это мать, — Люба бросила телефон назад в сумочку.

— Тем более. А вот меня вообще никто не ждёт.

— В гостинице, что ли? — Любаша на ходу угрюмо смотрела на носки сапожек.

— Нигде. Ни в гостинице, ни дома.

— Почему? — она задала этот вопрос скорее машинально, совершенно не интересуясь ответом.

— Так получилось.

Остаток пути до остановки маршрутного такси они проделали молча, и, увидев вдалеке

фары приближающегося автомобиля, Люба с облегчением подумала, что уже скоро окажется дома. Горечь и отчаяние сменились полным бессилием и равнодушием.

— Там-то сама дойдёшь? — в голосе Егора слышалось неподдельное участие.

— Дойду. Там совсем недалеко.

— Ты завтра работаешь? — она уже ставила ногу на подножку, когда услышала за спиной этот вопрос.

— Нет... — ей совершенно не хотелось снова встречаться с ним в гостинице, поэтому Любаша соврала — у неё была вторая смена.

— Жаль... Завтра после обеда я уезжаю.

— До свиданья, — с облегчением от того, что они, действительно, больше не увидятся, сказала Люба в закрывающуюся дверь.

Дома она хотела проشمыгнуть мимо матери в свою комнату и сразу лечь, но Тамара Васильевна преградила ей путь.

— Где ты была? — её глаза буравили осунувшееся лицо дочери.

— Как где? На работе.

— После работы. Где ты была целых полтора часа?

— Мама, я же сказала — заходила в магазин.

— В какой? — тоном следователя продолжала допрашивать мать.

— Ты что, будешь теперь контролировать каждый мой шаг? — обойдя, наконец, Тамару Васильевну, Люба вошла в свою комнату и включила свет.

— Буду! — входя следом, кивнула та, — И не только шаг, я теперь буду контролировать каждое твоё движение!

— Ты ещё на работу за мной приходи, — невесело усмехнулась Люба.

— Надо будет — приду! — отрезала мать, — Если только узнаю, что ты снова с этим своим Даниилом встречаешься, пеняй на себя!

— Успокойся... — отвернувшись, чтобы та не увидела выступившие на глазах слёзы, тихо ответила Любаша, — С ним я больше никогда не буду встречаться...

Всю следующую неделю Люба приходила в себя. Она с трудом ходила на работу, выполняла свои обязанности, стараясь как можно меньше общаться с коллегами, а вернувшись домой, уединялась в своей комнате. Мать её почти не донимала, и Любе иногда приходила в голову мысль, что её подавленное состояние по душе Тамаре Васильевне. Убедившись, что дочь прочно засела дома и ни с кем не встречается, мать окончательно успокоилась.

Любе и вправду никуда не хотелось, да, собственно, ходить ей было некуда. Близкой подруги, кроме сестры, она не имела, а одноклассницы, с которыми она иногда пересекалась, чтобы посетить какое-нибудь мероприятие, сейчас были ей почему-то неприятны — Любаше казалось, что, по сравнению с ней, девушки устроены и счастливы, и только и ждут случая, чтобы посмеяться над её неудачами.

Единственным человеком, с кем она сейчас поговорила бы с радостью, была её родная сестра Вера. Но, зная, что мать будет недовольна любой её отлучкой, Люба всё откладывала визит к сестре, ограничиваясь телефонными звонками. Она всё рассказала Вере... И про то, как Даниилом заинтересовалась московская продюсерша... и про то, как он решил бросить её окончательно и, чтобы оправдать себя, обвинил её, Любашу, во всех грехах... Она не рассказала только о том, как её изнасиловал Илья, и что сделал он это по просьбе самого

Дани.

Вера, как могла, утешала сестру, но Любаше хотелось поговорить с ней не только по телефону...

К её искренней радости, в ближайший выходной Вера сама приехала в родительский дом.

— У меня к тебе дело... — воспользовавшись тем, что Тамара Васильевна занялась единственной внучкой, Вера позвала Любашу в её комнату.

— Что-то случилось? — прикрыв дверь, Люба уставилась на сестру.

— Пока нет, но может... — та многозначительно поджала губы.

— Что?

— Ты все вещи от тёти Оли забрала? — присев на кровать, Вера чуть наклонилась вперёд, чтобы её было лучше слышно.

— Нет, — покачала головой Любаша, — я вообще ничего ещё не забирала. Да там, собственно, вещей моих мало. А что?

— Ты должна будешь поехать к ней, как будто за вещами...

— Когда?

— В следующую субботу. Только раньше не вздумай, хорошо?

— Хорошо... — Люба непонимающе смотрела на сестру, — А почему именно в субботу? И что за таинственность?

— Сейчас всё объясню. Но сначала... Ты не просто должна будешь туда поехать, а остаться ночевать...

— Так меня мать... — Люба хотела сказать, что мать не пустит её сейчас никуда, тем более, с ночёвкой, но Вера перебила её на полуслове.

— Любаша, у меня вся надежда только на тебя!.. — сестра казалась очень взволнованной, — Сестрёнка, выручай! Знаю, что тебе сейчас тяжело, всё знаю! Но, кроме тебя, мне никто не поможет!

— Так что случилось-то?! — Верина взволнованность и тревога передались и Любе, — Вер!.. Что?!

— В следующую субботу в Серёгиной школе вечер выпускников... Понимаешь?

— Н-нет... — Люба растерянно покачала головой.

— Люб, ну, ты что?! Следи за ходом моих мыслей — в Серёгиной школе вечер выпускников! — Вера нарочно произнесла эти слова по слогам, — Дошло?!

— Не-а...

— Люб, ну, ты что, совсем отупела?! — сестра заметно нервничала, — Все одноклассники будут собираться! Усекла?! И Наташка его тоже приедет! Неужели не дошло?!

— А... теперь дошло... — кивнула Люба, — Подожди... Наташа?! Она мне не говорила... Ну, когда из больницы меня забирала, я же у них дома была... Она ничего не говорила, что приедет сюда...

— Вот видишь! — Вера прицокнула языком, — Не сказала! Хотя знала, что приедет!

— А ты откуда знаешь? Серёжка сказал?

— Скажет он, как же... — Вера недоверчиво хмыкнула, — Вика проговорила. Мы с ней вчера в супермаркете встретились, она и спросила, знает ли Серёга про вечер выпускников. И сказала, что оргкомитет пригласил Морозову выступить. Якобы, хотели пригласить всю их группу, но у них такой гонорар, что наш бюджет не потянет. Ну, и решили

одну Морозову — та, как выпускница, за небольшой гонорар согласилась дать концерт.

— Странно... Почему она мне не сказала?

— Ничего странного. Потому и не сказала, чтобы меньше свидетелей было. Ты же не из их школы.

— Ну, хорошо... — Люба вернулась к нити разговора, — А зачем мне нужно ехать к тёте Оле?

— Чтобы проследить... Люб, ты как маленькая! Как думаешь, куда они с вечера поедут?! Не к нам же домой!

— Кто?.. — Люба снова непонимающе уставилась на сестру, — Кто и куда поедет?

— Серёга с ней... Ну, сама подумай... Они встретятся... она песенки там попоёт и что, мирно разойдутся? Да как пить дать поедут в их дом! Там же никого, ты что, ещё не поняла, что я хочу тебе сказать?!

— Теперь поняла... Ты хочешь, чтобы я всю ночь бегала проверять — привела она к себе Серёгу или нет?! — впервые за все эти дни Любаша выдавила из себя подобие улыбки, — Вер, но это же несерьёзно!

— Это тебе несерьёзно! А мне очень даже серьёзно!

— Господи, Вер... Глупости.

— Это тебе — глупости! Ты даже представить не можешь, что я сейчас переживаю!

— Да уж... — Люба угрюмо опустила голову, — Не могу...

— Не можешь! Твой Даниил не был твоим мужем, понимаешь?!

— Не напоминай... пожалуйста...

— Ну, прости... — Вера быстро встала и, подойдя к сестре, присела перед ней на корточки и взяла за руки, — Любочка, прости... Ну, помоги мне... Пожалуйста, помоги!..

— Ну, хорошо... — шмыгнув носом, кивнула Люба, — Ладно... Только я не знаю, как у матери отпроситься. Она же не отпустит с ночёвкой...

— А мы ей скажем, что ты у меня ночуешь! — Вера перешла на шёпот, — А с Ольгой Павловной я сама поговорю, что-нибудь придумаю, чтобы она тебя матери не сдала!

— Ладно... Только как я пойму, что они — там?..

— Так свет будет гореть! Из кухни Ольги Павловны виден кусочек дома Смольниковых, как раз тот, где у них зал... Всё равно они свет будут зажигать!

— Ну, ладно... — уже более охотно кивнула Люба, — Если что, я и выйду, погуляю неподалёку.

— Да! — Вера зачем-то оглянулась на дверь, — Прогуляйся, когда Ольга Павловна уснёт! Обычно такие вечера к полночи заканчиваются, а Наташка всё равно домой ночевать пойдёт!

Проводив сестру, Люба почти сразу улеглась в постель. Идея Веры проследить за Сергеем, которая в первый момент ей совершенно не понравилась, теперь показалась вполне уместной. Ещё недавно, живя на квартире у Ольги Павловны, Любаша никак не решалась завести с той один разговор... Теперь же, пережив сразу несколько потрясений, она вполне созрела для этого разговора.

К тому же, случай выпадал подходящий.

Узнав, что Любаша хочет провести ночь с субботы на воскресенье у Веры, Тамара Васильевна «завелась» на добрых три часа, напомнив младшей дочери обо всех её ошибках — к месту и не к месту. Однако, по окончании монолога, всё же дала своё родительское

согласие.

Приехав сначала к сестре, Люба с любопытством наблюдала, как Сергей собирается на школьный вечер. Судя по тому, как тщательно он укладывал свои короткие светлые волосы и выбирал рубашку, можно было сделать вывод, что внешний вид сегодня имеет для него огромное значение. Вера ничего не сказала ему о том, что Люба собирается ехать к его матери на ночь глядя, и позвонила свекрови лишь после его ухода.

— Сейчас девять... — посмотрев на часы, Вера перевела взгляд на сестру, — Вот, после десяти и поедешь. Такси тебе я вызову. Тёте Оле я позвонила, она будет тебя ждать. А насчёт переночевать — ты сама придумай что-нибудь, а она только рада будет! Пока поговорите, пока она спать пойдёт... Как раз и полночь!

— Знаешь... Если честно, мне как-то неловко следить за Наташей. Она мне уже столько раз помогала! — Любаша осторожно посмотрела на сестру, — Как-то нехорошо.

— Странная ты, Люба... — пожалала плечами Вера, — Разве ты ей что-то плохое делаешь? Да и следить ты будешь не за ней, а за Серёжкой. К тому же, она ни о чём не узнает.

— Всё равно нехорошо... Она мне помогла...

— Да чем она тебе помогла?! Денег дала? Мы всё вернули! Песню твою они записали? Так это не она, а муж её записал... Значит, ты ему сейчас услугу делаешь — будешь следить за моральным обликом его жены!

— У них — любовь... — уже в который раз напомнила Люба.

— Да нету никакой любви! — Вера неожиданно перешла на крик, — Нету, пойми! Это — лицемерие! Это до свадьбы кажется, что — любовь! А потом начинаются будни, а это уже другая история! Нет любви! И не бывает! Ты сама сейчас попробовала эту самую любовь — ну, и что?!

— Но ты же сама с Серёжкой...

— Да! И я с Серёжкой! Видишь, как мне весело?! И где она, любовь?!

— Как же тогда жить?

— Очень просто! Не повторять чужих ошибок! И своих — тоже...

Ольга Павловна искренне обрадовалась Любаше, с которой не виделась уже около четырёх недель — с того самого дня, как Люба уехала вместе с Даниилом на конкурс. После возвращения Любу увезла домой её мать, и девушка никак не могла выбрать время, чтобы навестить Ольгу и забрать от той свои вещи. Теперь же, отправившись к ней по просьбе Веры, она и сама была рада встрече — Ольга Павловна относилась к ней как к родной дочери.

Свой поздний визит Люба объяснила тем, что пришла с работы уже под вечер, и что оставшиеся в доме Ольги вещи ей срочно понадобились. Проситься на ночлег ей даже не пришлось, Ольга Павловна сама предложила переночевать в её доме. Накрыв на радостях стол, она усадила за него Любашу и сама присела напротив.

— Скучно мне без тебя, Любочка! — женщина подвинула тарелку со свежеиспечёнными оладьями поближе к гостье, — Приходи ко мне почаще, а то и снова живи!

— Меня мать теперь никуда не отпускает, — усмехнулась Любаша, — полный контроль.

— Да, Тамара и мне звонила, ругала меня... — Ольга махнула рукой, — Я ссориться не

стала, но сказала ей, что ты уже взрослая. Строгая она у вас, но, что поделаешь, она — мать, и она права.

— Да, наверное... — Любаша опустила глаза, — Да мне и самой сейчас никуда не хочется.

— Ты в больницу-то чего попала? — Ольга Павловна участливо посмотрела на Любашу, — Я у Веры не стала выпрашивать... Неловко было. Аборт сделала?

— Выкидыш... А вы откуда знаете?

— А мне и знать не надо. Я с лица твоего сразу увидела. У женщин после аборта лицо другое.

— Какое? — удивлённо уставилась на неё Любаша.

— Другое, — повторила Ольга, — я за свою жизнь насмотрелась. Ко мне многие приходили...

— Зачем?

— Сначала — чтобы помогла от ребёнка избавиться...

— К вам?! Можно ведь в больнице...

— У каждой свои обстоятельства. Несчастливая любовь, родители строгие, или муж в командировке, а жена подгульнула... Только ведь я никогда в этих делах помощницей не была.

— И что потом?.. — Любаша смотрела теперь с нескрываемым любопытством, — Куда они потом шли? В больницу?

— Кто как... Некоторые так и оставляли ребёнка, некоторые в больницу шли... А некоторые — снова ко мне, после подпольного аборта, чтобы помогла кровотечение остановить.

— Вы помогали?

— А как же. В этот раз помогала. Да эти ко мне снова приходили, уже через годы...

— Зачем?..

— Чтобы помогла. Забеременеть не могли.

— И помогало?

— Помогало! — охотно кивнула Ольга, — Я и тебе сейчас травку дам. Попьёшь для профилактики!

— Мне бы лучше что-нибудь от любви... — опустив голову, тихо произнесла Любаша.

— От любви?.. — Ольга Павловна удивлённо приподняла брови, — Да зачем же тебе, такой молодой, от любви?! Ты что, с Данилкой поссорилась?

— Он меня бросил... — Люба подняла на неё глаза, — Тётя Оля... помогите мне!..

— Господи!.. — та всплеснула руками, — Да что ж такое случилось?! Такой парень хороший, уважительный...

— Он — урод... — всё, утихшее, было, в душе, снова нахлынуло, накрыло с ног до головы горячей волной, — Тётя Оля... пожалуйста... Я жить не хочу!

— Да моя ты хорошая... Не надо так говорить! Что ты?!

— Не хочу... — Люба обеими ладонями стирала со щёк слёзы, — Не хочу жить... помогите...

— Да чем же тебе помочь?! — в голосе Ольги слышалось искреннее участие и жалость, — Всё пройдёт, Любушка, пройдёт!

— Скажите, что нужно выпить, чтобы забыть его... Пожалуйста! Ведь есть такое средство — отворотное!..

— Любушка, да не занимаюсь я этими делами!..

— Тётя Оля... вы мне только скажите... Я сама всё достану! Вы только скажите, что нужно для этого! Я же не приворот прошу сделать... И не для кого-нибудь, а для себя...

— Да что ж так тяжко-то тебе?..

— Тяжко... — всхлипывала Люба, — Сил нет... Знаю, что он — урод... А ничего не могу с собой поделывать, люблю... Он мне такую подлость сделал, а я всё равно забыть его не могу... Если бы позвал снова — ведь пошла бы!..

— Скрутило же тебя... — Ольга погладила Любашу по голове, — Знаю я такое... Это хуже приворота, такая любовь.

— Помогите?.. — Любаша снова подняла на Ольгу умоляющий взгляд, — Тётя Оля, пожалуйста!.. Я ведь не выдержу... Уже один раз хотела снотворного купить и выпить... —

— Да что ты, что ты!.. — та испуганно замахала на неё рукой, — И думать о таком не смей!

— Я не думаю, а оно само накатывает...

— Ладно... — Ольга Павловна вздохнула, — Помогу я тебе... Сейчас, посиди немного...

Оставшись одна, Люба ещё раз вытерла ладонями мокрое лицо. Она хотела сегодня поговорить с Ольгой на эту тему, но даже не ожидала, что обида и боль нахлынут с такой силой. Она даже чуть не забыла об истинной цели своего визита и взглянула на часы — они показывали почти одиннадцать вечера.

— Держи, — вернувшись в кухню, Ольга Павловна протянула Любе небольшую стеклянную банку, закрытую завинчивающейся крышкой и наполовину заполненную какой-то измельчённой высушенной травой.

— Что это? — Люба осторожно приняла в руки банку.

— Это трава. Названия я тебе не скажу, не обижайся, Любаша. И тут только на одну заварку. Заваривать нужно крутым кипятком, до краёв этой банки.

— Спасибо... — Люба подняла благодарный взгляд, — Спасибо, тётя Оля...

— Подожди... — та подняла вверх указательный палец, — Это не всё. Заварить мало, нужно ещё кое-что.

— Что? Вы скажите, я всё сделаю...

— Нужен волос человека, которого хочешь разлюбить.

— Волос?.. — Любаша растерянно посмотрела на содержимое банки, — А как я его теперь...

— Вот этого я не знаю, — Ольга развела руками, — но без волоса не поможет.

— А, если я достану волос?.. Тогда что нужно сделать?

— Если достанешь, то ты должна его сжечь над этим отваром, так, чтобы частички пепла попали в него. Ты их почти не увидишь, но они туда попадут. Когда всё сделаешь, закрутишь крышку и поставишь в тёмное место на сутки.

— А потом?..

— Потом процедишь через марлю, отожмёшь, выжимки положишь на салфетку, а отвар выльешь назад, в банку. Пить нужно будет раз в день, на ночь, по две столовых ложки. Можешь добавлять в чай.

— А сколько пить? — Любаша слушала, затаив дыхание.

— Пить — пока не кончится. Обычно хватает на неделю. А выжимки высушишь и сожжёшь, пепел на улице развеешь.

— И что... я смогу его разлюбить?..

— Постепенно забудешь. Теперь и я чувствую, что Даниил — не твой человек. Теперь я в этом уверена. Поэтому и помогаю. Иначе бы не стала. Только ничего не забудь и не перепутай!

— Не забуду... — Люба не отрывала глаз от заветной банки, — только бы помогло...

Неожиданный дверной звонок заставил вздрогнуть обеих женщин.

Господи... — испуганно прижав руки к груди, Ольга Павловна посмотрела на Любу, — Кто это так поздно?..

Пока она ходила открывать поздним гостям, Люба вышла в комнату и торопливо спрятала банку с травой в свою сумочку. Вернувшись в кухню, изумлённо прислушалась к доносившимся с веранды радостным возгласам. Но настоящее изумление она испытала, когда неожиданные гости переступили порог дома...

— Господи, а я-то думаю, кто там?! — Ольга Павловна широко открыла дверь, пропуская вперед себя Сергея, Наталью Морозову и молодого парня, в котором Любаша узнала Антона, записывавшего её фонограмму в «Творческой деревне» Морозовых.

— Здра-а-а-сьте! — нараспев протянула Наташа, войдя в прихожую, — Ой!.. Люба!..

— Здравсьте... — Любаша немного смутилась при виде Сергея, но тут же взяла себя в руки, — Вот так встреча!

— Ты чего не сказала, что к маме поедешь? — тот удивлённо уставился на девушку, — Ты же у нас собиралась заночевать.

— А я... Мне вещи срочно понадобились, — Люба заученно повторила легенду, заготовленную заранее, — Пришлось ехать, а тётя Оля предложила переночевать.

— Да ладно тебе, — Наташа шутливо дёрнула Сергея за рукав куртки, — какая разница, зато мы увиделись, правда, Люба?

— Да... — Любаша и вправду была рада увидеться с Натальей, — А вы... ты как здесь...

— Так мы на вечер встречи выпускников приезжали! — Наташа скинула с себя шубку и тут же принялась расстёгивать куртку Антона, — Раздевайся, не стесняйся, это — тётя Оля, она — самая добрая на свете!

— Да я не стесняюсь... — парень, тем не менее, покрылся густым румянцем, — Здравсьте...

— Мы приехали как артисты, — оставив Антона, Наташа обернулась к Ольге, — мы — это я и Антошка, Дима его послал со мной как звукорежиссёра... А Алинка приехала как выпускница...

— А что, и Алина здесь? — Ольга Павловна радостно всплеснула руками, — А где она?

— Она в школе, отрывается, — рассмеялась Наташа, — а мы решили вас навестить, пока она там...

— А сама... Чего не осталась потанцевать?..

— Тётя Оля... — Наташа улыбнулась как-то печально, — На меня никто не смотрит как на одноклассницу... Все смотрят, как на артистку, и вопросы задают соответственно... Сколько зарабатываю, с кем из звёзд шоу-бизнеса знакома... какая у меня квартира, ну, в общем, я просто-напросто сбежала. Антошке там неинтересно, а Серёжка сам с нами приехал!

— Ну, и правильно, — закивала Ольга, — сейчас я вас всех накормлю... Только как потом Алина?.. На такси страшно ночью...

— Какое такси! — снова засмеялась Наташа, — Она тут с мужем! Вот Ванька сразу

влился в праздник, нас привёз и — назад, на дискотеку! Мы все приехали на его машине. Сейчас дождёмся Алинку, и — назад, домой.

— И даже не погостишь?.. — огорчённо спросила Ольга, — Хоть бы до утра остались!..

— Не можем, тётя Оля, — Наташа виновато улыбнулась, — завтра вечером улетаем на гастроли. Меня Дима еле отпустил.

— А с кем детки?

— Валера с нами летит, а Аню с няней оставляем. Да мы на один день... Кстати, — Наташа повернулась к Любе, — мы на днях вспоминали с Димой о тебе.

— Обо мне?! — изумилась Любаша.

— Да, о тебе. Девушка, которая работала с нами, бэк-вокалистка, ушла в декрет. Вот, если бы ты жила в нашем городе, мы бы тебя пригласили.

— Меня?!

— Ну, да. У тебя нет возможности переехать? В смысле найти жильё?

— Н-нет... — Люба ответила не совсем уверенно, — Я даже не знаю...

— Ну, ты подумай. Я как раз хотела тебе позвонить, после поездки. А вот — встретились... Правда, у нас ты много не заработаешь. На жизнь хватит, но вот на жильё — вряд ли. Нужно будет ещё где-то подрабатывать.

— А где?..

— Ну, вариантов много... Если надумаешь, позвони, мы всё обсудим.

...Сказать, что она была ошарашена таким предложением, значило не сказать ничего. Мечты уехать в Москву Люба давно уже оставила — на все её попытки послать свою записку, продюсерские центры либо не отвечали, либо предлагали поучаствовать в платных кастингах и конкурсах. К себе её так никто и не пригласил... Молчал и Платов. Она, ещё недавно воодушевлённо говорившая Даниилу, что их ждёт столица, теперь ужасно обрадовалась предложению Морозовой. Она была готова согласиться уже сейчас, но, понимая, что нужно подумать и посоветоваться с Верой, промолчала.

В то же самое время, слушая Наташу, Люба не могла не заметить взглядов, которые бросал на неё Антон... Его интерес к ней она заметила ещё тогда, в декабре, когда он записывал её песню... Но тогда все её мысли были заняты одним Даниилом...

Неожиданные гости пробыли у Ольги Павловны недолго — вскоре подъехал автомобиль, из которого выпорхнула сводная сестра Морозовой — Алина и, едва поздоровавшись с бывшей соседкой, забрала своих попутчиков, а заодно и Сергея, которого Иван должен был довезти до дома, даже не оставшись на ужин.

Проводив гостей, Люба вместе с Ольгой Павловной отправилась спать. Наташино неожиданное предложение застало её врасплох, и она была этому очень рада — оно отвлекало её от тяжёлых воспоминаний. В то же самое время она радовалась ещё и тому, что ей не пришлось шпионить за Сергеем.

Утром, распрощавшись с Ольгой Павловной, она села в такси и отправилась к Вере. Решив успокоить сестру, она в подробностях рассказала той о встрече с Морозовой и её спутниками и их быстром отъезде.

Люба не знала, говорить ли сестре о том, что Ольга дала ей отворотное зелье — ведь Вера сама не раз просила об этом свекровь, но безуспешно. Решив пока промолчать, Люба задумалась о том, как ей теперь заполучить волос Даниила. Идти к нему на работу?.. Это было невозможно. Ждать случайной встречи?.. А потом?.. Не будешь ведь дёргать его за

волосы... Она пожалела о том, что в своё время не отрезала у него прядь... А ведь хотела — просто так, на память...

Что-то нужно придумать... Но что тут придумаешь, если даже малейшее воспоминание о нём отзывается в её сердце мучительной болью...

И, всё-таки... всё-таки она должна это сделать... Ради того, чтобы потом жить спокойно...

Люба вдруг поймала себя на мысли, что она боится того, что собирается сделать...

Она боится его р а з л ю б и т ь!

Нет... с этим нужно как-то заканчивать. Она должна раздобыть его волос...

Тётя Оля знает, что делает. Она, Люба, сама видела, пока жила у той на квартире, как приходили люди — и утром, и в обед, и поздно вечером... Многие приезжали издалека, чтобы обратиться к знаменитой травнице... Если Ольга Павловна сказала — значит, это средство поможет!

Нужно только раздобыть волос Даниила...

...Вечером того же дня, соврав матери, что ей нужно купить выписанное врачом лекарство, Люба вышла из дома и, дойдя до остановки, села в автобус. Ночной клуб, в котором любили зависать Даниил с Ильёй, находился на окраине городка и, доехав до нужной остановки, она вышла и торопливо пробежала к одиноко стоящему в конце улицы двухэтажному зданию.

Вход в клуб был свободным, и Любаша без проблем оказалась внутри. Пробежав глазами по веселящейся толпе, она узнала в одном из молодых людей Илью — тот стоял в обнимку с какой-то девушкой. Обида с новой силой всколыхнулась в груди, но она подавила её усилием воли и снова оглянулась в поисках Даниила.

Его нигде не было видно. Пробежавшись по периметру зала, Люба заглянула в бар, но его не было и там... Отчаянно закусив губу, она решительно направилась в сторону Ильи.

— Где Даня? — не поздоровавшись, она пристально посмотрела тому в глаза.

— В смысле? — Илья удивлённо уставился на Любу.

— Где он? Он здесь?

— Нет... — Илья пожал плечами.

— А где? Ты не знаешь?

— Знаю.

— Где? — Люба спрашивала отрывисто, после каждого слова поджимая губы.

— В Москве, — усмехнулся Илья, — ты что, не в курсе? Даня в Москву укатил, к Сафоновой.

— Когда?.. — Любаша почувствовала, как ноги становятся ватными.

— Позавчера, кажется.

— Надолго, не знаешь?

— Насовсем. Смотри теперь его на первом канале!

Глава 15.

Интерес, который вызвал Даниил у московской шоувумен Аллы Сафоновой, изначально предполагал его отъезд для участия в её проекте, но Люба не думала, что уедет он так скоро. Она снова и снова ощущала буквально физическую боль в груди, когда думала о нём. Даже его очевидная подлость не смогла вызвать в её душе ненависти к нему... Мысль о том, что его больше нет в городе, и что он сейчас со своей новой любовницей в Москве, занимается крутым проектом, очень мучила Любашу. Она понимала, что Даниил потерян для неё

навсегда. Сейчас там, в Москве, для него открываются новые творческие возможности, совсем скоро к нему придёт известность, а она так и останется в своей провинции, брошенная и забытая им окончательно.

Она тоже хотела бы всё забыть, но... Она так и не смогла добыть его волос — с его отъездом эта затея стала абсолютно невыполнимой...

Она обречена...

Теперь ей придётся жить с этой болью. Жить, не зная, когда наступит облегчение, да и наступит ли оно вообще.

Проснувшись через несколько дней утром, она вдруг ощутила жуткое желание совершить какой-то поступок... что-то такое, что помогло бы ей доказать всему миру, а заодно и Даниилу, что она, Люба, многого стоит! Закрыв глаза, она вдруг представила себе, как однажды она приезжает в Москву на гастроли... Она — уже довольно известная певица, Любовь Пучкова... Она выступает на больших площадках, и её имя не сходит с верхних позиций всяких рейтингов...

...Вот она выходит из гримёрки и в сопровождении своих музыкантов следует на сцену... Сегодня она участвует в сборном концерте. Она идёт по коридору и... неожиданно встречается с ним — Даней... и только что выступил и тоже идёт — ей навстречу... Она стремительно проходит мимо, но чувствует спиной, как он, обернувшись, долго смотрит ей вслед...

Люба так ясно представила себе эту картину, что невольно заулыбалась.

Да. Так и будет! Она сделает всё возможное и невозможное, чтобы пробиться на большую сцену. Она просто обязана сделать это, только ради того, чтобы однажды почувствовать спиной этот его взгляд... Взгляд, полный сожаления и... восхищения.

...Звонок будильника вернул в серую реальность. Пора было вставать и собираться на работу — в свою гостиницу.

Все эти дни Люба думала о предложении Натальи Морозовой. Если бы она жила там, в областном городе, она не сомневалась бы ни на минуту, соглашаться или нет. За ту неделю, что прошла с момента их встречи, сама Наташа звонила ей дважды. Её предложение было ещё в силе, но на принятие Любой решения оставалось совсем немного времени — замена уходящей в декретный отпуск бэк-вокалистке была нужна уже в ближайшие дни.

Одной из причин Любашиной нерешительности был страх перед матерью. Люба даже не могла представить, как отнесётся Тамара Васильевна к её решению уехать... На материальную помощь родительницы, даже на первых порах, рассчитывать вообще не стоило.

Любаше очень хотелось выговориться, и в ближайший выходной она приехала к сестре.

— Тебе нужно уезжать, Люба, — Вера угрюмо чистила на кухне картошку, — я тебе давно это говорила и буду говорить. А ты всё за своего Даниила переживала. Теперь он в Москве, а ты? Опять окурки убираешь из номеров.

— Но они меня пригласили только сейчас, — пожала плечами Любаша, — и всё равно... я не смогу туда поехать.

— Знаешь, хоть это и она тебя зовёт... — Вера нарочно сделала ударение на слове «она», — Но тут я бы поддержала. Пусть на подпевку, но это же сцена! А там, глядишь, и сольно бы начала выступать.

— Ну, да... сцена... — Люба уныло помешивала в чашке кофе, — Тем более, сразу в такой коллектив... К ним попасть многие мечтают.

— Ну, и что мы сомневаемся?

— А где я жить-то буду? Если бы хоть с кем-то вместе... А одной мне квартиру не потянуть.

— Сколько они хоть платить обещают? — Вера едва заметно усмехнулась, — Неужели обидят?

— Не знаю. Наташа сказала, что на первых порах придётся только репетировать. Сначала нужно будет разучить все партии, только тогда меня выпустят на сцену. Это — минимум месяц. Она вообще сказала, что они работают только с опытными бэк-вокалистами, но я — исключение, потому, что у меня шикарный тембр и способность подхватывать на лету мелодию и петь вторые партии. Это намного сложнее, чем петь сольно. У них там есть кандидатуры... Но она вот решила меня вытащить.

— Смотри, какая добрая... — снова усмехнулась Вера, — Тем более, Люба, тебе кровь из носу нужно ехать.

— А деньги? Первое время я не буду выступать, значит, нужно будет жить за свой счёт. И потом — пока заработаю... Своих денег у меня практически нет. И мать не даст...

— А сколько нужно?

— Много... Если снять хотя бы комнату, то везде предоплата минимум за три месяца. А ещё надо как-то жить.

— Да... — Вера задумчиво застыла, уперев руки в бока, — Если бы через месяц... А сейчас мы сами на нуле...

— Да ладно, Вер... ты за меня не переживай. Видимо, не судьба.

Люба очень расстроилась. В глубине души на всё же надеялась на поддержку сестры, но Вера с Сергеем недавно купили новую мебель, и лишних денег у них сейчас не было.

Совсем поникшая, она шла на работу, когда неожиданно встретилась с Мариной, методистом дома культуры, которую некоторое время назад видела в больнице. Поздоровавшись, Люба хотела пройти мимо, но девушка поймала её за руку.

— Ну, как дела? — Маринка с нескрываемым любопытством сверлила её своими глазами.

— Нормально, — Люба постаралась принять непринуждённый вид.

— Ты что, из больницы тогда сбежала?

— Угу... — нехотя кивнула Люба, — Ушла.

— Рожать решила?! — брови удивлённо поползли вверх, — Будем вместе коляски катать?

— Нет... Уже не получится. У меня другие планы.

— А ребёнок?.. — Марина непонимающе уставилась на Любу, — Ты же ушла с аборта...

— Ребёнка больше нет. Само так вышло... — чуть улыбнувшись, Люба сделала попытку повернуться и уйти, но Марина снова схватила её за локоть.

— Ну, надо же... Ладно, не расстраивайся.

— Да я не расстраиваюсь.

— А я в декрет уйду на днях, — Марина кивнула на свой живот.

— Поздравляю...

— А в доме культуры чего не появляешься? Ушла из студии? — по тону собеседницы можно было догадаться, что она в курсе всех событий, и этот «допрос» — не что иное, как желание посмотреть на Любашину реакцию.

— Ушла.

— Надо же. И я уйду, и ты ушла, и Соловьёв с Градовым...

— Новые придут.

— Ну, это — да... — Маринка сгорала от нетерпения спросить о чём-то, и, наконец, не выдержав, подняла на Любу прищуренный взгляд, — Ты в курсе про Соловьёва?

— В курсе.

— Вчера он звонил Галине, — Марина перешла на заговорщический тон, — хвастался...

— Чем же?.. — опустив глаза, Люба застыла в ожидании ответа.

— Сказал, что эта самая продюсерша... ну, которая его пригласила... Она обещала сделать из него новую звезду. И уже процесс пошёл.

— В смысле?

— Ну, говорит, имиджмейкер с ним работает, стилист, модельер... Говорит, даже хореограф теперь свой есть, вот как!

— Флаг ему в руки... — почувствовав, как утихшая, было, боль, снова предательски возвращается, Люба судорожно сглотнула, — И барабан... на шею.

— Кто бы мог подумать, скажи? — Маринка исподтишка наблюдала за ней, видимо, уже пожалев о том, что завела этот разговор.

— А чего такого? — из последних сил решив изобразить невозмутимость, Люба пожала плечами, — На его месте никто бы не отказался от такого предложения.

— Ну как-то подло всё же... По отношению к Илье — подло. Выступали вместе... на конкурс ехали вместе... А в проект пригласили его одного.

— Думаю, Илья не пропадёт, — с сарказмом в голосе ответила Любаша, — да и Соловьёв... неизвестно ещё, чем всё закончится.

— Ну, да, — охотно кивнула Марина, — посмотрим. Хотя, конечно, с его внешностью этого стоило ожидать. Кстати... Ты сейчас где? Работаешь всё там же?

— Я увольняюсь, — неожиданно для самой себя, выпалила Люба, — уезжаю.

— Уезжаешь?.. А куда?

— В областной. Меня приглашают работать в рок-группу.

— Серьёзно?!

— Серьёзно. В знаменитый «Ночной патруль».

— Да ладно... — недоверчиво усмехнулась девушка, — Разыгрываешь?

— Я?! — теперь Люба изобразила искреннее изумление, — Нет. На самом деле. Меня приглашают на бэк-вокал к Наталье Морозовой. Знаешь такую певицу?

— Ну, да... знаю. Она из нашего города.

— Она и сольно поёт, и с «патрулями». Они сейчас рок-оперу готовят, им бэк-вокалистка нужна. Они меня и пригласили. Ну, не только в оперу, а вообще. Правда, я сомневалась...

— Да ты что, с ума сошла?! Разве от таких предложений отказываются?!

— Да там много не заработаешь, — посмотрев куда-то вдаль, Люба небрежно махнула рукой, — две штуки баксов — максимум, за месяц.

— Сколько?! — глаза у Марины стали похожи на чайные блюдца.

— А разве это много? Это для нашей деревни много, а там, знаешь, какие расходы? — Любаша притворно вздохнула, — В общем, я согласилась, но...

— Да плевать на те расходы! Это же... да ты с ними год поработаешь, у тебя такой опыт будет... в любой коллектив потом без проблем возьмут! Ты знаешь, какие требования к бэк-

вокалистам?! Похлеще, чем к солистам!

— Знаю, конечно, — Любаша мило улыбнулась, — но меня пригласили, прикинь?

— Прикинула... А как ты на них вышла?

— Никак, — Любаша пожала плечами, — они на меня вышли. Морозова — одноклассница мужа моей сестры. Мы знакомы... ты что, не знала?

— Н-нет...

— Ну, теперь будешь знать, — Люба улыбнулась как можно очаровательней и положила ладошку на плечо Маринке, — ладно, побежала я... Будешь в области, приходи на концерт!

После того, как она сгоряча ляпнула Марине о том, что уезжает в областную столицу работать в знаменитой рок-группе, ей ничего не оставалось, как, действительно, уехать... Уехать во что бы то ни стало! Люба представила, как опрометчиво сказанные слова тут же разнесутся по дому культуры, по студии, по всем, кто был в курсе их отношений с Даниилом. Все будут долго и обстоятельно смаковать ту новость, а потом, снова встречая Любу по дороге в гостиницу делать изумлённые глаза и смеяться ей в след...

Нет... Теперь отступать было некуда...

Так думала сама Любаша, подбадривая себя этими словами, и, в то же самое время с ужасом понимая, что проблема не решена. Срок поджимал, а денег на переезд у неё так и не было.

В то же самое время, то, что рассказала Марина о звонке Дани Галине Геннадьевне, легло на душу лишним тяжёлым грузом.

Придя на работу, Люба угрюмо подхватила пылесос и поскорее отправилась убирать помещения, пока любопытная Ирина не пристала к ней с очередными расспросами.

Она пылесосила ковровую дорожку в длинном коридоре, когда, подняв голову, увидела мужчину, стоящего у столика дежурной по этажу. Без труда узнав в нём своего знакомого Егора, Любаша нехотя двинулась дальше — к нему навстречу.

— Привет! — на его лице была вполне искренняя улыбка, — Снова встретились!

— Здравствуйте, — кивнув, Люба распрямилась и чуть подалась в сторону, чтобы дать ему пройти.

— Ну, как ты? Всё нормально? — остановившись, он и не думал идти в свой номер.

— Да, нормально, — Любаша старательно смотрела куда-то вниз, чтобы не встречаться с ним взглядом. Почему-то именно сейчас ей стало ужасно стыдно оттого, что полтора месяца назад она так легкомысленно переспала с ним.

— Я в двести пятнадцатом, — улыбаясь, он помахал ключами, — заходи в гости!

Дождавшись, пока он, наконец, пройдёт в свой номер, Люба ещё энергичнее задвигала щёткой по дорожке. Ей показалось подозрительным, что Егор каждый раз попадает именно на её этаж, как будто он специально выбирает себе номер именно здесь, где она работает.

Закончив уборку, она сбегала, как обычно, в магазин, вскипятила чайник и, заварив себе суп, уселась в дежурной комнате. Раньше она никогда не задумывалась о своей работе. Её, в принципе, устраивали несложные обязанности горничной. Но с недавних пор она стала тяготиться своей профессией, особенную неприязнь к которой она почувствовала именно сегодня, после разговора с Маринкой...

Неужели её жизнь вот так и пройдёт — в этом провинциальном городишке, в этой задрипанной гостинице...

Люба представила, как она приходит домой, выслушивает очередные упрёки матери, а

потом садится к телевизору, включает канал... А там — Даня... Красивый, модный, стильный... Он поёт песню, а вокруг него — женщины... Тоже красивые, стильные... Совсем не такие, как она — Любаша...

От этих мыслей сразу захотелось завывать.

Так и будет.

У неё нет никаких шансов...

— Люба, — Ирина заглянула в дежурку, — там постоялец из двести пятнадцатого просил ножницы, ты не видела? Я у себя не нашла.

— Видела, — открыв ящик стола, Люба достала ножницы и протянула их Ирине.

— Отнеси ему, пожалуйста, — та махнула рукой куда-то в сторону номера, — мне в туалет срочно...

— Ладно, — нехотя поднявшись, Люба направилась к выходу.

Постучавшись в двести пятнадцатый, она терпеливо ждала, когда щёлкнет замок.

— Вы ножницы просили? — Люба протянула ножницы Егору.

— Да, просил... — он шире открыл дверь, — Проходи.

— Мне некогда, — она так и стояла с протянутой рукой.

— А мне нужна твоя помощь, — он кивнул ей в знак приглашения, — проходи.

Пройдя в номер, Люба остановилась посередине, потом вопросительно посмотрела на мужчину. Порывшись в дорожной сумке, тот достал оттуда рубашку — совершенно новую, с этикеткой на пластиковом стебельке, торчащем из воротника. Любаша недоумённо наблюдала за его действиями.

— Смотри, что подсунули, — расправив рубашку, Егор пальцем показал на полу — на том месте, где должны была располагаться третья по счёту пуговица, лишь торчали нитки, а сама пуговица отсутствовала напрочь, — покупал перед самым отъездом, торопился, вот и не углядел.

— Пуговицы нет? — Люба едва улыбнулась уголком губ, — Оторвалась?

— Нет, так и было, — положив рубашку на стол, Егор обернулся к девушке, — мерял одну, а подложили другую.

— И что я должна сделать? Пуговицу пришить?

— Да пришить я и сам бы смог. Только другую нельзя, всё же у меня завтра важная встреча. Придётся откуда-то отрезать... — он покрутил рубашку в руках, — Только не знаю, откуда лучше — самую верхнюю или самую нижнюю? Или с рукава... Посоветуй?

— Заметно будет, — усмехнулась Люба, — если важная встреча, то нужно быть с иголки. Если отрезать верхнюю, будет видно... Но, если повязать галстук...

— Галстуков не ношу, — развёл руками Егор, — в том и проблема.

— Снизу тоже нежелательно... — Люба уже с интересом разглядывала рубашку, — Если нечаянно выбьется из брюк, то тоже будет видно, что пуговицы нет. И полы могут разойтись. А встреча очень важная?

— Очень, — кивнул Егор, — объект сдаём московской комиссии.

— Объект?.. — Люба удивлённо посмотрела на мужчину, — Какой объект?

— Строительный, — в свою очередь усмехнулся тот, — строили, строили, и наконец, построили.

— Вы — строитель?

— Ну, можно сказать и так.

— Начальник?

— И так можно сказать, — рассмеялся Егор, — начальник строительства, чтобы было понятней.

— Странно... — Любаша пожала плечами, — У нас что, своих строителей нет? Вы же не местный?

— Строители есть, и они — ваши. А строительная фирма, вернее, её офис, находится в области, — Егор назвал их областную столицу, — кстати, крупнейшая строительная фирма в нашем регионе.

— А вы что, в областном живёте? — Люба подняла на Егора свои голубые глаза.

— Ну, да, кивнул тот, — живу там, а мотаюсь, куда родина пошлёт.

— Понятно... — она снова перевела взгляд на рубашку.

— Так что посоветуешь? — он вернулся к теме разговора, — Как лучше пуговицы перешить, чтобы незаметно было?

— Лучше купить новые пуговицы и заменить все. Заодно запасные останутся, — Люба взяла рубашку в руки — светло-серого цвета, шелковистая на ощупь, ткань, несомненно, была дорогой, и изделие, судя по всему, было не из дешёвых.

— Да, пожалуй, так было бы лучше... — кивнул Егор, — Придётся идти за пуговицами. А я хотел в интернете посидеть, кое-какие дела порешать.

— Давайте, я схожу, — Люба ножницами поддела одну из пуговиц на поле, — я отрежу пуговицу и по ней подберу другие. А, может, и такие же попадутся...

— Слушай... Ты меня очень выручишь... — Егор сразу ухватился за эту мысль, — В долгу не останусь.

— За что? — снова усмехнулась Любаша, — За пуговицы?

— За пуговицы, — охотно кивнул мужчина, — и за сочувствие.

...Предупредив Ирину, что отправляется в магазин по просьбе клиента, Люба оделась и выпорхнула из гостиницы. Неизвестно почему, но разговор с Егором на этот раз оставил на душе тёплый след. Она только поэтому и решила ему помочь с покупкой... Мужчина, и в самом деле, располагал к себе — она заметила это ещё тогда, в их самую первую встречу... Симпатичный, худощавый, чуть выше среднего роста, с правильными чертами лица и короткой стрижкой, он каждый раз был одет в добротную, дорогую одежду, чисто выбрит и предельно аккуратен — об этом можно было судить по состоянию его номера после отъезда. Любаше нравились такие клиенты — после них было не так противно убирать постель и мусорную корзину.

Решив не пользоваться общественным транспортом, она пешком добежала до небольшого магазинчика, в котором продавалось всё для рукоделия, в том числе и пуговицы. Точно таких, какие были пришиты на рубашке Егора, она не нашла, но подобрала очень похожие и идеально подходящие по цвету и размеру пуговицы, а, заодно, и нитки. Выходя из магазина с покупкой, Люба впервые за много дней ощутила подобие радости... Она сама удивилась этому чувству, которое испытала только потому, что ей удалось решить эту небольшую, пусть и чужую, проблему.

— Сами пришьёте? — она спросила это в шутку, но Егор неожиданно ухватился за мысль.

— Я хотел попросить об этом тебя...

Сама не зная почему, Любаша согласилась чуть позже перешить пуговицы на новой рубашке Егора. Её рабочий день подходил к концу, но идти домой не хотелось, тем более, что мать с отцом были сейчас на работе и некому было контролировать её время.

Сдав смену, она снова постукала в двести пятнадцатый.

— Можно к вам?

— Конечно, могла бы и без стука, — мужчина охотно распахнул перед ней дверь, — кстати, мы вроде бы, на ты...

— Где рубашка? — Люба огляделась по сторонам, попутно заметив, что на столе появилась коробка конфет.

— Вот... — Егор открыл дверцу шкафа и извлёк рубашку, заботливо повешенную на плечики.

Любаша уже в который раз отметила аккуратность Егора... Она почему-то даже не ощущала огромной, с позиции её собственных лет, разницы в возрасте — она, судя по всему, составляла лет пятнадцать.

Устроившись в кресле, она аккуратно отрезала все пуговицы с его рубашки и, вдев в иголку нитку, начала пришивать другие — одну за одной... Егор сидел за столом напротив, за раскрытым ноутбуком и, казалось, был занят какой-то перепиской. Но, когда Любаша случайно подняла на него глаза, она с удивлением заметила его взгляд, который он и не подумал отводить. Напротив, мужчина улыбнулся... но его улыбка была абсолютно дружеской.

— Вот... — закончив свою работу, Люба протянула ему рубашку с пришитыми пуговицами.

— Чёрт возьми... как приятно, когда пуговицы пришиты женскими руками... — приняв у неё рубашку, он какое-то время разглядывал её, а потом снова повесил на плечики, — Спасибо огромное.

— Не за что, — поднявшись, Люба приготовилась уходить.

— Подожди... — он растерянно развёл руками, — Я должен как-то отблагодарить...

— Да ничего не нужно, — она неожиданно смутилась, — я пойду.

— Нет-нет... — подняв обе руки, он встал перед ней, — Знаешь, что... Я приглашаю тебя в кафе. Или в ресторан!

— Что вы, — рассмеялась Люба, — я не пойду.

— Почему? — он искренне удивился, — У тебя же нет парня? Ревновать некому?

— Откуда вы... ты знаешь, что нет? — она нахмурилась, — Может, есть.

— Мне так кажется. Ну, что, принимается предложение?

— Нет, я, действительно, не могу.

— А, если мы тут немного посидим? — он кивнул головой на стол, — У меня есть шампанское. А все дела только с завтрашнего дня.

— Нет, спасибо, — Люба окончательно помрачнела. Она подумала, что зря так расчувствовалась, глядя не Егора. Он такой же, как все мужики, даром тогда, в декабре, не отказался от её «неожиданных услуг»...

— Ты меня не поняла, — заметив произошедшую с ней перемену, мужчина покачал головой, — я предлагаю всего лишь составить мне компанию, совсем не надолго. Не хочешь шампанского, будем пить чай, кофе... что захочешь. Не пропадать же конфетам. Впрочем, — он взял со стола коробку, — я просто дарю их тебе.

— Ну, ладно... — Любаша снова ощутила тёплую волну, — Если чай, то... ладно...

Она сходила в дежурку и принесла небольшую, на полтора литра, кастрюлю — чайника в номере не было, а маленький кипятильник, который был у Егора, «плавал» в небольшой, семисотграммовой банке. Наполнив кастрюлю водой, Люба опустила туда кипятильник и

воткнула в розетку.

...Внезапный треск заставил её вздрогнуть и отдёргнуть руки...

— Ну, вот, попили чайку, — Егор осторожно вытянул назад заискрившую вилку, — другого кипятильника у меня нет.

— У нас есть чайник в дежурке, — Люба взяла в руки чашки, — я могу сходить, нагреть и принести кипятка в чашках.

— Ещё чего, — Егор забрал у неё посуду и поставил на стол, — я предлагаю всё же выпить шампанского. Чисто символически!

— Ой, я не знаю... — Люба растерянно закусил губу, — Если только символически...

...О том, что её пальто до сих пор висит в дежурке, она вспомнила, когда бутылка почти опустела. Расслабившись после первых нескольких глотков, Люба вдруг почувствовала такое долгожданное успокоение... Егор вёл себя с ней чисто по дружески, в меру задавал вопросы, и Люба как-то незаметно для самой себя, рассказала ему о своём увлечении вокалом, о том, как с ней несправедливо поступили в декабре, а заодно и о том, что сейчас её приглашают петь в известный коллектив. Она уже не отказывалась от налитого Егором шампанского и отпивала его небольшими глоточками. Ей казалось, что она вовсе не пьянеет, а лишь становится разговорчивее. Ей было так хорошо... впервые за много дней и недель — по-настоящему хорошо... Она даже подумала, что так хорошо ей не было ещё никогда.

— Зачем ты так поступила — тогда?.. — Егор, напротив, больше молча слушал её болтовню, лишь подливая пенящийся напиток.

— Когда? — Любаша подняла на него блестящие от выпитого голубые глаза.

— Тогда, — он многозначительно посмотрел на неё, — когда пришла ко мне в тот раз.

— Не знаю, но... ты не думай... я не такая...

— Я не думаю. Я сразу понял, что ты... не такая... — он слегка усмехнулся, — Но зачем ты это сделала? Ты же нормальная девчонка.

— Я отомстила... — нахмурившись, Люба сделала ещё глоток, — Понимаешь... он с ней... с этой гадиной, всю ночь... в том самом номере...

— Понятно... — Егор снова усмехнулся, — Значит, я был орудием твоей мести.

— Ой, только не надо... — Любаша вдруг почувствовала, что язык слегка заплетается, — Можно подумать, ты сам не хотел...

— Это же тот самый, который тебя толкнул на улице?

— Угу, — угрюмо кивнула Люба, — тот самый. Но я не хочу о нём говорить... Мне было так хорошо сейчас... Не надо про него, ладно?..

— Ну, ладно... — Егор неожиданно встал и, придвинув стул, присел рядом с Любой, — Тогда, может, поешь мне что-нибудь?

— Без музыки?.. Без музыки не хочу. Хотя... — она посмотрела на его ноутбук, — Если хочешь, я могу выйти в интернет и найти свою песню. У меня есть студийная запись... Прикинь, мне её сделали в крутой студии, кстати, в твоём городе.

— Ну, давай, — отодвинув стаканы, он поставил перед ней ноутбук, — вай-фаю слава!

— Кому?! — Любаша весело посмотрела на него, — А! Поняла...

Введя пароль, она без труда вышла в свой почтовый ящик и отыскала файл со своей песней, который рассылала в продюсерские центры.

— Такую музыку только под шампанское... — Егор взял со стола бутылку и, перевернув, с удивлением смотрел на одинокую каплю, упавшую в его чашку, — Кончилось...

— И у меня... — Люба посмотрела в свою чашку.

— Нет, за твой голос нужно обязательно выпить! — открыв дорожную сумку, мужчина вытащил оттуда бутылку водки, — Я даже не думал, что ты так поёшь!

— Не-не-не... — увидев водку, Любаша замахала руками, — Водку я вообще не пью!

— Ну, чуть-чуть... чисто символически... За твой талант!

— Без закуски?.. — Любаша нетрезво развела руками, оглядывая пустой стол, — Водку без закуски я не смогу...

— Тогда... тогда вот что... — Егор открыл шкаф и достал свою куртку, — Ты тут посиди буквально пять минут... Я быстро!

Оставшись одна, Люба положила на стол локти и опустила на них голову. Она даже не хотела смотреть на часы... Ей, и вправду, было очень хорошо здесь, с этим мужиком, который не лезет в душу, не читает нравоучений, и, что самое главное, не пристаёт... Это казалось ей самым странным... Она чувствовала, что по времени уже давно должна быть дома, и что скоро вернувшаяся с работы мать начнёт обрывать её телефон... Но ей совсем не хотелось домой... Ей и так досталось в последнее время... Её бросил любимый человек. С ней подло поступил его друг. Ей поступило сказочное предложение, но она не может его принять...

У неё ничего нет впереди...

Неужели она, двадцатилетняя девушка, не имеет права вот на такую маленькую радость?.. Она же не делает ничего плохого!

Ведь ей, действительно, так хорошо сейчас...

— Оп-па! — вернувшийся через двадцать минут Егор выкладывал на стол одну за другой упаковки с закусками, — Нормально?

— Нормально... — Люба довольно кивнула, — Есть охота, если честно.

— Тогда... — он разделся и, присев к столу, ловко открыл бутылку с водкой, — Хлеба нарежь, а я разолью...

...Теперь Любаша слушала Егора. Выпив более крепкого напитка, он тоже разговорился...

Он одинок, холост... Бывшая жена давно ушла от него, не выдержав постоянных командировок мужа. Детей у них не было, поэтому он даже не алиментщик... Он — строитель по профессии... ну, что-то вроде начальника стройки. Много ездит, его часто не бывает дома. Его никто не ждёт, и он, в принципе, привык... Но иногда так хочется подойти к дому и увидеть свет в окне...

— Почему ты больше не женился?.. — после очередной выпитой порции водки Люба совсем опьянела, но старалась не показать виду.

— Некогда, — он снова подвинул к ней свой стул, — да и желания не было... Женщин вокруг полно... нет проблем.

— Ну да... — скидывая с плеча его руку, Любаша усмехнулась, — полно... таких дурочек, как я, да?..

— Ну, почему же?.. — он снова обнял её за плечи и губами потянулся к шее, — Разве ты дурочка?

— А разве нет? — она снова попыталась увернуться, но уже не так успешно — Егор её всё-таки поцеловал, — Не надо!

— Любка... — он упрямо блуждал губами по её шее, одной рукой сжимая её плечи, а другую положив на колено — скользнув, ладонь тут же оказалась под юбкой, — Любааа...

ты такая классная девчонка...

— Я думала, ты — нормальный, а ты... — она с обидой отталкивала его от себя, но опьянение упрямо сводило на нет все её попытки, — И ты туда же, да?! Мало мне досталось, да?!

— Ты такая классная... — продолжал шептать он, давая волю рукам, — Люба... ну, что ты... мы же не в первый раз...

— Мне нельзя!.. — чувствуя, что не справляется с его руками, Люба отчаянно замотала головой, — Егор!.. Мне нельзя, я только из больницы... нельзя...

— Из какой больницы? — он на мгновение замер.

— Ну... из женской... понимаешь?..

— Что, серьёзно?.. — отстранившись, он недоверчиво посмотрел на неё, — Или динамо?

— Ну, правда... — Любаша плаксиво наморщила лицо, — Честно, не вру. Я в твоём городе в больницу попала...

— Ну, как всегда, — тяжело выдохнув, он, тем не менее, выпустил её из объятий, — вот почему вы, женщины, все такие?

Неожиданно Люба расплакалась. Она почувствовала огромную благодарность Егору за то, что он не воспользовался своим явным преимуществом.

Слёзы градом лились из её глаз, и, вместо того, чтобы встать и пересесть подальше, она вдруг уткнулась ему в плечо.

— Поехали со мной? — он неожиданно погладил её по волосам.

— Куда?.. — сквозь всхлипы, спросила Любаша.

— Ко мне.

— Зачем?..

— Будешь жить у меня... встречать, кормить... Ты готовить умеешь?

— Угу... — она часто закивала, — Умею...

— Поедешь?..

— Поеду... — закрыв глаза, Люба почувствовала, как кружится голова. Ей показалось, что она проваливается в какую-то бездну...

Проснувшись, она не сразу поняла, где находится. В комнате было темно, и только по не зашторенным окнам Любаша с ужасом догадалась, что она не дома. Резко поднявшись с кровати, она почувствовала подкатившую к горлу тошноту и сильное головокружение. Ужасно хотелось пить, и она через силу попыталась оглядеться.

...Егор спал рядом с ней, на кровати. Оба они были одеты, и это чуть успокаивало... Хотя для разгневанной матери этот факт не послужил бы оправданием. Со страхом поглядев на часы, Люба ощутила, как по телу пробежал холодок...

Почти двенадцать часов ночи. Мать, наверное, уже прокляла её...

Достав из висевшей на спинке стула сумочки телефон, Люба посмотрела на входящие вызовы — за то время, пока она спала, мать звонила ей несчётное количество раз...

Странно, почему она не слышала сигнала?.. Неужели она была настолько пьяна?!

Сколько же они вчера выпили?..

Господи!.. Она же в своей гостинице!.. Её пальто — до сих пор в дежурке... Как теперь объяснять сменщице, что она до сих пор — здесь?..

Ещё раз посмотрев в темноте на спящего Егора, Люба встала и прошла в ванную.

Его зубная паста оказалась как нельзя кстати. Освежив рот, Люба умылась и, борясь с неутрачиваемыми приступами головокружения, расчесала волосы.

... У входной двери чуть постояла и, решительно выдохнув, повернула замок...

— А я-то думаю, где ты есть? — дежурная по этажу, Антонина, удивлённо смотрела на Любашу, — Пальто висит, тебя нет, ночь на дворе. Думала, что ты раздетая ушла.

— Я тут... знакомую встретила... — Люба сочиняла на ходу, еле выговаривая пересохшим языком слова, — Посидели, поболтали...

— Угу... — многозначительно ухмыльнулась Антонина, — Понятно... А тут мама твоя всё названивает на городской. Ты что, её не предупредила?

— Мама?.. Странно... — Люба деланно удивилась, — А мне почему-то не звонит.

— Угу... — Антонина, снова кивнула, — Ничего, дома разберётесь. Только на работу не проспи. Тебе же с утра?

— Ну, да, с утра... — представив, что ждёт её дома, Люба невесело направилась в дежурку.

Одевшись, она торопливо вышла из гостиницы и пешком пошла по тёмной, едва освещаемой фонарями улице домой. Маршрутки уже не ходили, а вызывать такси она не стала, решив, что прогулка на свежем, морозном воздухе облегчит её состояние, тем более, что жила она не так уж далеко.

— Ты где была?! — судя по свирепому лицу и быстроте, с которой Тамара Васильевна выскочила из своей спальни на звук хлопнувшей двери, та ещё не спала.

— На работе, — снимая сапоги, Люба старалась не смотреть на мать.

— Не ври! — та грозно сверкала глазами на дочь, — Я все телефоны оборвала, ты давно отработала! Где была, спрашиваю?!

— Мама, я была на работе! — Любаша говорила правду, поэтому её голос звучал уверенно.

— Ты что... Пила?! — Тамара Васильевна потянулась носом к дочери, — Ты — пьяная?!

— Да, я — пила! — Люба неожиданно повернулась к матери всем корпусом, — Потому, что мне уже двадцать лет, и я взрослый человек!

— Ты... ты как со мной разговариваешь?! — размахнувшись, мать со всей силы впечатала ладонь в Любашину щёку, — Ах, ты, дрянь!

— Ты за что меня ударила? — Люба ещё не до конца протрезвела, и теперь обида всколыхнулась с новой силой, — За что?!

— Ах, вот как?! — подняв с пола снятый дочерью сапог, Тамара Васильевна размахнулась ещё раз — теперь удар пришёлся по Любашину плечу, — Я тут чуть с ума не сошла, пока ты не заявила, а ты мне — так?!

— Ты?! С ума?! — встав перед матерью, Люба от обиды сжала кулачки, — Да если бы ты за меня переживала, ты бы на шею мне кинулась, а ты... Ты уже задолбала меня своей грубостью, понимаешь?! За-дол-ба-ла!..

— Я — задолбала?! — мать опешила, — Это ты мне такое говоришь?! Ах, ты, паскуда... Зачем я только тебя родила?!

— Вот именно, зачем?! — Люба тоже перешла на крик, — Зачем ты нас рожала?! Ты же нас не любишь!.. Ты только и орала на нас всю жизнь, только и поучала, обзывала!.. Что мы от тебя видели?! Ко мне чужие люди лучше относятся чем ты, родная мать!..

— Ах, вот как... — Тамара на секунду притихла, как тигрица перед прыжком, — Вот

как ты заговорила... Чужие люди, говоришь...

— Да, чужие! Поэтому и счастья нам с Веркой нет! Ты виновата! Ненавижу!..

— Ах ты ж, паскуда... — снова схватив сапог, мать замахнулась ещё раз, но Люба, кинувшись к двери, успела выскочить из прихожей. Забежав в свою комнату, захлопнула дверь и, упав плашмя на кровать, разревелась в голос.

...Возникшая через секунду на пороге Тамара Васильевна ещё что-то кричала, размахивая сапогом, даже несколько раз ударила им лежавшую Любу по спине...

Медленно повернувшись, Любаша села на постели. Видимо, у неё было такое выражение лица, что, увидев его, мать неожиданно прервала свой истеричный монолог.

— Если ты сейчас не уйдёшь из моей комнаты... — с каменным лицом произнесла Любаша, — Я открою окно и выброшусь. Уйди.

В сердцах бросив сапог на пол, Тамара молча вышла и громко хлопнула дверью.

Несмотря на усталость и похмельное состояние, уснуть Люба так и не смогла. Утром, встав и приведя себя в порядок, она даже не выпила кофе и сразу же отправилась на работу. После ночного скандала с матерью ей было всё равно, что говорят о ней в гостинице. Ей вообще было теперь всё равно...

— Привет... — уже после обеда Егор, которого она с утра так и не увидела, сам заглянул в дежурку, — Как ты?

— Привет... — Люба неожиданно обрадовалась ему, — Нормально.

— А я нет, — рассмеялся он, — дали мы с тобой вчера жару... Я утром чуть не проспал.

— Успел? — заложив руки в карманы передника, Люба грустно улыбалась.

— Успел, — кивнул он, — объект сдал.

— А говоришь — ненормально.

— Ну, в этом смысле — да, нормально. Но вечером по плану ресторан... Банкет по случаю сдачи объекта. Опять придётся пить.

— А ты что, непьющий? — усмехнулась Люба.

— С некоторых пор — очень умеренно... — он окончательно переместился в комнату и прикрыл за собой дверь, — Так что... думай.

— О чём? — она удивлённо подняла на него глаза.

— Как о чём? Я вчера говорил, забыла?

— Забыла...

— Поехали со мной?

— Я думала, ты шутишь.

— У-у... — он покачал головой и, подойдя к ней вплотную, обнял за плечи, — Не шучу. Ты мне нравишься. Поехали?

Глава 16.

— Зря ты так с матерью, — выслушав Любашу, которая после работы не поехала домой, а отправилась к ней, Вера укоризненно покачала головой, — могла бы просто промолчать.

— Может, и зря, — Люба сидела на кухне у сестры, закинув ногу на ногу и разглядывая маникюр на руке, — только я тоже человек. Не могу больше её голос слышать, понимаешь? Просто — не могу.

Рассказав Вере о том, что произошло дома, Люба умолчала о Егоре, соврав ей, что вчера она задержалась на работе по случаю дня рождения сотрудницы, и поэтому «немного выпила». Версию же самой матери о ночном скандале Вера услышала ещё с утра, когда Тамара Васильевна позвонила старшей дочери, чтобы пожаловаться на младшую.

— Понимаю, — кивнула Вера, — я сама, когда замуж вышла, вздохнула свободно.

— Вот и я хочу вздохнуть. Я не преступница, чтобы меня запирать в клетку. Она уже до маляра дошла, никуда не пускает, за всё требует отчёта...

— Потому, что ты глупостей наделала. Хотя я её не поддерживаю, но понять могу.

— Подумаешь, глупости. Я что, убила кого? Или украла? — Люба подняла на сестру полный обиды взгляд, — Да я только из-за неё готова из дома сбежать.

— Что у нас за семейка такая, — Вера прищипнула язык, — никому счастья нет. Как проклятые.

— У тебя-то всё хорошо, — пожав плечами, Люба бросила взгляд на сестру, — Серёга, Наташка...

— Ой, Люб, не начинай, — Вера отмахнулась от неё, как от назойливой мухи, — а то ты сама не знаешь, как у меня хорошо.

— Да хорошо у вас, — повторила Люба, — ты меньше его ревнуй, и всё будет нормально. Он же тебя любит. А уж как Наташку любит...

— Угу, — с сарказмом кивнула Вера, — Наташку. Вот именно — Наташку он любит. Только не ту, о которой ты говоришь.

— Дочку он очень любит, — поняв, что невольно наступила на больной мозоль сестры, поправила Люба, — я про вашу Наташку.

— А я — про вашу.

— Да успокойся. Скоро Смольниковы дом продадут, и она вообще больше сюда не придет.

— Как бы не так! — усмехнулась сестра, — Передумали!

— Что передумали?

— Дом продавать передумали. Свекровь вчера сказала. Так что, придет, и ещё как. Я и знать не буду.

— Будешь... — Люба как-то странно посмотрела на Веру, — Теперь ты будешь знать всё.

— В смысле? — та удивлённо округлила глаза.

— Я уезжаю. Буду работать в их коллективе, сегодня уже звонила и предупредила. И обо всех Наташиных передвижениях буду знать... Так что, вся информация о ней у тебя будет из первых рук.

— Уезжаешь? А деньги где возьмёшь?.. Только не говори, что у Морозовой...

— Нет, не у неё, — Люба покачала головой, — у меня появился другой вариант.

— Интересно... какой же?

— Мне сделали предложение. Мужчина. Только прошу тебя — ничего не говори!.. Я всё равно уеду. Я так решила.

— Предложение?! — с грохотом подвинув к себе стул, Вера с размаху уселась на него и уставилась на сестру, — Кто?!

— Его зовут Егор, ему тридцать пять лет, он — строительный начальник.

— Подожди-подожди-подожди... — Вера потёрла виски, — Давай по порядку...

Рассказывая сестре вкратце о Егоре, Люба то и дело бросала на неё пытливые взгляды. Предложение уехать с ним в областной город, которое он озвучил сегодня, она приняла сразу и без раздумий. Люба с трудом представляла себе, что кроется за его неожиданным «поехали со мной», но после вчерашнего застолья, проведённого с ним вдвоём, в её душе поселилось подобие какого-то чувства к этому человеку. Это не была любовь, это не могло

быть любовью. Это была даже не симпатия... Чувство было похоже, скорее, на доверие, которое она ощутила впервые в своей жизни. Такого доверия она не испытывала даже к Даниилу...

Но самой главной причиной её согласия была открывающаяся перед ней возможность устроиться в огромном городе. Она сейчас даже не думала, какие отношения предполагает сам Егор, что он имеет в виду под словами «будешь жить со мной»... Она не думала, в качестве кого он приглашает её к себе — в качестве жены, любовницы, домработницы.

Сейчас для неё это было совершенно неважно. Главное — что она вырвется отсюда, из этого маленького городка, из этой надоевшей гостиницы, из родного дома, который её мать превратила для неё в настоящую тюрьму.

— Вот так... — окончив рассказ, Люба глубоко вздохнула, потом подняла на Веру глаза, — Только, пожалуйста... не говори мне, что я дура. Ладно? Я решила, и я уеду. Другой возможности уехать, чтобы попасть в коллектив к Морозовым у меня нет и не будет.

— Знаешь... — глядя в пол, Вера кусала губы, — В общем-то, я не собираюсь тебя отговаривать. Но ведь ты его совсем не знаешь.

— Вер, успокойся. Он точно не маньяк. Он — начальник строительного участка. Я у него бумаги видела, документы всякие... Одет очень хорошо, но не вызывающе. У него даже служебная машина есть, с личным водителем.

— Он тебе что предложил, замуж за него пойти или так, просто пожить?

— Нет, про замуж разговора не было... — Люба пожалала плечами, — Да я и сама не хочу за него замуж... Он предложил жить у него... ну, то есть, с ним... Готовить ему, ждать с работы, из командировок... Говорит, надоело возвращаться в пустой дом.

— Странно... Не такой уж и молодой... Почему он не нашёл себе женщину?

— Он говорит, что ни одна женщина с ним долго не выдержит. Он постоянно в разъездах. Дома бывает редко.

— Ну, это неплохо. Во всяком случае, для тебя. Поживёшь у него, пока сама там, в городе осмотришься, пока выступать начнёшь... Ничего! — Вера уверенно кивнула головой, — Люди так и устраиваются, ничего в этом зазорного нет. Ему женщина нужна... тебе — крыша над головой... Не получится — развернёшься и уйдёшь. Лишь бы он тебя не обидел.

— Ну, он такой... культурный вроде.

— Это тоже хорошо... А он-то не боится, что ты его ограбишь? — уже веселее предположила Вера.

— Не знаю... Но он сказал, что я ему сразу понравилась, ещё тогда... говорит, что в людях разбирается.

— Посмотреть бы на него... — Вера усмехнулась, — Хоть матери потом расскажу. Она же всё равно за тебя переживать будет.

— Мне её переживания вот где уже сидят, — Люба приложила ладонь к шее, — а посмотреть... Он предлагал к матери сходить. Но я не хочу.

— Смотри-ка... Значит, серьёзно у него. А почему не хочешь?

— Ты что?! А если она при нём скандал устроит?! А потом... Я же его не люблю... и замуж за него не собираюсь. Зачем же его с родителями знакомить?

— Ну, со мной бы познакомила. Мне же интересно.

— Он уезжает завтра вечером... ну, то есть, мы уезжаем. Приходи к гостинице, посмотришь.

...Оставив сумку с вещами в прихожей, Люба с интересом оглядывала квартиру Егора. Она оказалась однокомнатной, но огромной по размеру. Огромная комната с лоджией, огромная кухня, огромная ванная... После беглого осмотра у Любы создалось впечатление, что квартира совершенно не обжита, а лишь обставлена новой мебелью и бытовой техникой.

Присев на краешек углового дивана, она вдруг ощутила какой-то непонятный страх... Всё вокруг было чужим, незнакомым — и эта квартира, и этот город... И сам Егор, по сути, был почти незнакомым ей человеком.

Поборов желание встать и сбежать отсюда сию же секунду, она всё-таки терпеливо дождалась, пока он, разобрав свою сумку и закинув её на антресоли, не присоединится к ней.

— Ну, как тебе? — увидев скромно сидящую на диване Любашу, Егор улыбнулся.

— Нормально, — она робко пожалала плечиком.

— Сейчас пойдём ужин готовить, — он посмотрел на часы, — вернее, очень поздний ужин.

— Давайте, я приготовлю, — Люба вскочила с дивана, — а продукты есть?

— А мы что, снова на вы? — Егор удивлённо посмотрел на девушку.

— Нет... просто... — Любаша почему-то смутилась, — Так получилось...

Она, действительно, постоянно называла Егора по-разному, путаясь в обращении к нему. Ещё там, в родном городке, полная решимости уехать, она бойко называла его на ты, а вот теперь, оказавшись с ним один на один в замкнутом пространстве его квартиры, испытывала ужасное смущение, впервые за эти дни осознав, что человек, с которым свела её судьба, старше на целых пятнадцать лет, и она совершенно не знает ни его привычек, ни вкусов, ни манер.

Ещё с утра она уверенно писала в отделе кадров заявление об увольнении, объявив, что не намерена отрабатывать положенных две недели, и, что, если кадровик потребует этого, то она просто-напросто плюнет и уйдёт без трудовой книжки. То ли её решительность сыграла свою положительную роль, то ли работник на её место уже был назначен, но отрабатывать её не заставили, а, подписав заявление, отправили в бухгалтерию за обходным листом.

Уже после обеда, получив расчётные, Люба украдкой съездила домой и, пока матери с отцом не было дома, собрала самые необходимые вещи и вернулась в номер Егора.

«Ну, Люба... — увидев её на этаже, Ирина не смогла скрыть изумления, — Удивила ты всех! Мужичок-то какой, а?! На него тут уже кое-кто заглядывался... Холостой, из начальства... Зарабатывает, поди, неплохо... А ты — р-раз! И увела!.. Ну-у-у, Лю-у-убаааа... Вся гостиница в шоке!»

Люба и сама была в шоке — никому ведь не говорила, что уезжает с Егором... Откуда же могли узнать?!

Сам Егор, глядя, как она нервничает, попытался успокоить чисто по-мужски.

«Завтра у меня выходной... — обняв её, он громко зашептал ей на ухо, — Поедем, купим тебе что-нибудь... Хочешь новое платье?»

«Нет... — Люба замотала головой, — Не надо...»

«Почему?.. — его удивление было искренним, — Ты не хочешь новое платье?»

«У меня почти нет денег, а... — она слегка замялась, — А на твоём иждивении я жить не собираюсь. Во всяком случае, долго не собираюсь».

«Серьёзно?! — он почему-то весело рассмеялся, — А что же ты собираешься делать?»

«В первый месяц у меня будут только репетиции... — она чувствовала, как его рука невольно соскальзывает вниз по её спине — с пояса на самую аппетитную её часть, но мужественно терпела, не оказывая сопротивления, — А потом я начну работать на сцене. Я не собираюсь сидеть на твоей шее».

«Надеюсь, ты не собираешься ездить на гастроли... — его дыхание становилось всё чаще, а руки, забравшись уже под край брюк, всё сильнее мяли её тело, — Эх, Любка... Утащил бы я тебя сейчас в кровать... Да машина вот-вот подъедет...»

...Матери Любаша всё же позвонила — перед самым отъездом, пока Егор о чём-то разговаривал с провожавшим его мужчиной, она быстро набрала номер Тамары Васильевны.

«Мама... — услышав хмурое «да» на том конце, Любаша на мгновение почувствовала угрызение совести, — Я уезжаю. Вера всё знает, она расскажет. Прости меня, что я тебе нагрубила. Потом позвоню сама».

Выпалив всё это оторопевшей матери, Люба не стала дожидаться её ответа и, устроившись в машине, выключила телефон. Включила она его лишь по приезде, чтобы скинуть Вере сообщение о том, что они с Егором благополучно добрались.

...Они уже доедали поздний ужин, который Люба приготовила из того, что нашла в огромном, под самый потолок, холодильнике, когда Егор, отложив вилку, вдруг пристально посмотрел на неё.

— Знаешь, я никогда не думал, что такое возможно.

— Что — возможно? — она подносила ко рту кусочек котлеты, наколотый на вилку, но так и застыла, подняв на него удивлённые глаза.

— Ну, вот так, как мы с тобой... Мы же, по сути, ничего не знаем друг о друге.

— Я... — решив, что он в чём-то сомневается, Любаша испуганно положила вилку в тарелку и убрала со стола руки, — Я... если что, я завтра поеду в студию к Морозову... может, они помогут с жильём...

— Ты меня не поняла, — приподнявшись, он потянулся через стол, достал её ладошку с колена и сжал в руке, — Я никогда не думал, что такое возможно, а оно — возможно. Ты мне, действительно, очень нравишься. И я очень надеюсь, что наша разница в возрасте тебя не смущает.

— Н-нет... — Люба робко улыбнулась, — Если честно, я вообще не думаю об этом... И, потом... ты не похож на других мужиков... — на слове «мужиков» Люба слегка запнулась и решила тут же исправиться, — Мужчин.

— Не похож? — он снова рассмеялся, — А на кого же я похож?

— Нет, я не то имела в виду... — она окончательно смутилась, — Просто обычно в твоём возрасте мужики... ой, мужчины... ну, они уже старые, что ли... В смысле — выглядят так. А ты — нет...

— Вот как думает молодёжь... Тридцать пять — уже старый.

— Нет, не старый, — глядя на его весёлое выражение лица, Люба чуть приободрилась, — просто выглядят старыми. За собой не ухаживают.

— Какие у тебя впечатления...

— Нет, ты не подумай! — она бросила на него тревожный взгляд, — Я ни с кем не встречалась, кроме... ну, в общем, у меня был только один парень. Ну, вот ты ещё... и то случайно. А на мужчин я в гостинице насмотрелась, когда их номера убирала. Всякие же попадались.

Часы показывали уже глубокую ночь, когда, закончив с ужином, Люба помыла посуду и

вернулась в комнату. Выйдя из душа, Егор сам разобрал большой угловой диван и постелил бельё. После гостиничных набивных ситцев и домашних «лебедей» и «тигров» тёмно-вишнёвая шёлковая простыня и такие же наволочки с пододеяльником выглядели непривычно. Такое дорогое постельное бельё Люба видела только в сериалах.

Глядя на Егора, одетого в домашнюю футболку и шорты, Любаша нерешительно застыла в дверях. Она вдруг осознала, что сейчас ей придётся раздеться и лечь с ним в одну постель.

Конечно, она и раньше понимала, что это неизбежно, но теперь вдруг оробела. К тому же, ей подумалось, что ни одна из её атласных ночных сорочек совершенно не подходит ни к этому дивану, ни к этим шикарным постельным принадлежностям.

Как будто угадав её мысли, Егор открыл дверцу бежевого шкафа и, достав оттуда какое-то изделие, протянул ей.

— Ну-ка, посмотри, подойдёт?

Приняв в руки вещь, Люба кожей ощутила мягкость дорогого, натурального шёлка — пеньюар вишнёвого цвета на узеньких бретелях был совершенно новым, с ещё не оторванной этикеткой.

— Да, наверное... — она смущённо разглядывала ночной наряд, — Спасибо.

...Дверь в ванную изнутри не закрывалась на замок, и, принимая душ, Любаша несколько раз опасливо поглядывала на неё, в страхе, что Егор, не выдержав, войдёт к ней, но все её опасения оказались напрасными. Надев вишнёвый пеньюар, она ещё какое-то время разглядывала своё отражение в настенном зеркале, потом, решительно тряхнув влажными волосами, взялась за ручку.

Когда она показалась на пороге комнаты, Егор уже был в постели и с кем-то разговаривал по телефону. Судя по его приглушенному голосу, разговор был приватным, но Любаше удалось услышать последние несколько слов, которые Егор говорил своему собеседнику.

— Нет... нет... я сказал, нет... — увидев появившуюся в дверях Любу, он привстал на постели и чуть отодвинулся к краю, как бы освобождая ей побольше места у спинки, — Всё, я больше ничего не хочу говорить. Спокойной ночи.

— А где выключатель? — Люба взглядом пробежалась по освещённой потолочными светильниками комнате, — Не вижу...

— Выключатель?.. — Егор как-то загадочно улыбнулся, — Чтобы выключить свет, нужно сказать волшебное слово.

— Какое? — ощутив на себе его взгляд, Люба снова смутилась.

— Нужно сказать «мяу»... — он потянулся рукой куда-то за спину, — Говори!

— Мяу! — Люба неожиданно рассмеялась, — И что?.. Не выключился...

— Нужно сказать два раза: «Мяу-мяу!»

— Мяу-мяу... — она успела заметить, как он пошевелил рукой, видимо, нажав на встроены в стену выключатель.

— Ну, что ты?.. — позвал он её в наступившей темноте, — Иди сюда...

Обречённо шагнув к дивану, Люба снова попыталась присесть с краю, но Егор с силой потянул её к себе.

— Сейчас... — пытаясь оттянуть его ласки, она сделала вид, что хочет устроиться возле мягкой спинки, но он ещё крепче сомкнул руки.

— Ну что... — мужские ладони нетерпеливо мяли её тело, а губы блуждали по лицу и шее, — Твой карантин уже закончился?

— Какой карантин?.. — сквозь его поцелуи едва выговорила Любаша, но, догадавшись, что он имеет в виду, какое-то время ещё колебалась, но потом через силу кивнула, — Да... закончился...

Проснувшись на следующее утро от прикосновений мужских рук, Люба едва не произнесла имя Даниила, и лишь в последний момент догадалась, что это не он. Буквально вытерпев близость с Егором, она торопливо встала и скрылась в ванной. Когда, приняв душ, она вышла из неё, Егор уже ставил чайник на кухне.

Всё утро, пока она возилась с завтраком, мужчина не отходил от неё ни на шаг — он без конца обнимал её сзади, сжимая ладонями грудь, целовал то в шею, то в затылок, и Люба несколько раз ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется оттолкнуть и его руки, и его самого... Но, несмотря на эти желания, она терпеливо сносила все его ласки, понимая, что её присутствие в его доме предполагает удовлетворение его сексуальных потребностей, которые, судя по всему, были неисчерпаемы.

После завтрака Егор оделся и куда-то вышел. Люба не стала спрашивать, куда он направляется, справедливо рассудив, что, если он захочет, то скажет об этом сам. Вернувшись через полчаса, он с улыбкой застыл в дверях комнаты, упершись руками в наличники.

— Собирайся! — кивнув в сторону прихожей, бодро воскликнул Егор.

— Куда?.. — оторвавшись от ноутбука, в котором она писала сообщение сестре, Люба удивлённо подняла на него глаза.

— По магазинам! Продукты закончились — раз, я хотел купить себе новый телефон — два... И... я обещал купить тебе платье?

— Ну, обещал... — Люба смущённо улыбнулась.

— Это — три! — подвёл он итог, — Едем!

Одевшись, Любаша вместе с Егором спустилась на лифте с пятого этажа и, выйдя на крыльцо, уже собралась идти по заснеженной дорожке, но он, подхватив её под локоть, потянул в другую сторону.

— Прощу! — открыв пассажирскую дверь чёрного внедорожника, припаркованного во дворе, он жестом пригласил Любашу в салон.

— Это что... Твоя машина?.. — усевшись на подогретое сиденье, она удивлённо посмотрела на панель приборов, на руль, потолок... потом обернулась назад.

— Конечно, моя, — усмехнулся Егор, устраиваясь на водительском месте, — это я в командировки на служебной езжу, а по личным делам — только на личном авто.

— Классная машина... — пристегнув ремень безопасности, Люба снова повернулась к Егору, — А куда ты утром уходил?

— Ты что, ревнуешь? — он лукаво улыбнулся в ответ.

— Да нет... — она в очередной раз смутилась, подумав, что не стоило задавать этот вопрос, — Просто так спросила.

— Ходил смотреть, всё ли в порядке с машиной. Меня же дома не было, мало ли что. Перед отъездом не получилось отогнать в гараж, она тут целых три дня беспризорная простояла.

...Домой они вернулись только через несколько часов. Выгрузив в холодильник продукты, Люба тут же переоделась и начала готовить обед. На самом деле, она уже сегодня собиралась поехать в «творческую деревню» Морозовых, но не смогла отказать Егору в

поездке по магазинам. Настроение от этого слегка испортилось, всё же главной целью пребывания в этом городе для неё оставалась вокальная карьера... но, понимая, что лучше, чем у Егора, ей нигде не устроиться, а, значит, придётся уступать его желаниям, Люба смирилась с сегодняшним потерянными в творческом плане днём.

Позвонив Наталье, она пообещала быть на первой репетиции уже завтра.

— Ты отлично готовишь! — после обеда Егор подошёл к ней и сзади обхватил руками.

— Мать научила, — стоя возле мойки, Любаша энергично тёрла тарелки намыленной губкой.

— Значит, спасибо маме, — дождавшись, пока она поставил последнюю тарелку в сушилку, Егор повернул Любу к себе лицом, — А теперь рассказывай.

— Что рассказывать?

— Почему ты отказалась от нового телефона и нового платья?

— У меня есть телефон, он вполне нормальный. А платье... Я не знаю, зачем оно мне... У меня есть одежда, а концертные платья мне сошьют, так Наташа сказала.

— Ну, и где же вы будете выступать со своими концертами? — Егор усмехнулся, но усмешка получилось добродушной.

— Везде, — Люба пожалала плечами, — они везде гастролируют. Это же знаменитая рок-группа. Неужели ты их не знаешь? «Ночной патруль».

— Вроде что-то когда-то слышал... — Егор неопределённо пожал плечами, — Но я роком не интересуюсь, мне шансон нравится.

— Ну, вот... — Люба снова решила продолжить волнующую её тему, — Туда, к ним, очень сложно попасть, я тебе уже говорила... А меня Наташа пригласила, это огромная удача... Никак нельзя отказываться, понимаешь? Месяц я буду репетировать а потом...

— А потом мы поедem в отпуск, — не дав ей договорить, Егор сам закончил предложение, — у меня отпуск через месяц. Говори, куда ты хочешь? Где ты ещё не была?

— Я нигде не была, — Люба невесело хмыкнула, — не сложилось.

— Тем более... Куда бы ты хотела поехать?

— Никуда... Через месяц я уже буду петь в рок-опере вместе с «патрулями».

— Ну, ладно... — он резко разжал объятия, выпуская из них Любашу, — Действительно... Сейчас это и обсуждать пока не стоит.

— Ты... ты обиделся? — Люба испугалась его неожиданной реакции.

— Нет, я не обиделся, — он взял её за руку и, подведя к стулу, усадил на него, потом присел за стол напротив, — Люба... Наверное, об этом нужно было поговорить раньше, ещё там, до отъезда... Но, раз уж так вышло, то я хочу сказать тебе сейчас...

— Что?.. — она испуганно смотрела на него, пытаясь понять, что кроется за этой внезапной сменой настроения — его обида на неё или что похуже.

— Я уже не маленький мальчик. И прекрасно понимаю, что ты согласилась поехать со мной не из пылких чувств. Всё получилось довольно спонтанно... Возможно, меня не поймёт никто из моего окружения, но, тем не менее... Я даю себе отчёт в том, что я для тебя сейчас — просто как платформа...

— Нет... — побледнев, Люба подумала, что он сейчас захочет её выгнать, — Нет, Егор... всё совсем не так...

— Подожди... — он положил кисть на её ладонь, — Послушай взрослого дядю... Тебе некуда было деваться, поэтому ты поехала со мной. Заметь, я говорю об этом без упрёка и обиды. Я знал это, и, тем не менее, я тебя позвал. Это — моя и только моя ответственность.

Что же касается остального, то... ты мне, действительно, очень понравилась. Ещё тогда, в самый первый раз... ты думаешь, я не понял, что ты переспала со мной просто от обиды... Я понял это сразу... И потом, когда увидел тебя с этим парнем... я тоже всё понял. Я не следил за тобой, но вечером решил сходить в аптеку за анальгином, у меня в тот день ужасно болела голова... Ты шла впереди меня, я сразу тебя узнал. Я думаю, что это неспроста. И моя головная боль, и твой маршрут... и даже рубашка без пуговицы, которую мне подсунули в магазине.

— А я думала, что ты её нарочно оторвал... — глядя куда-то вниз, Люба улыбнулась.

— Теперь я знаю, что, если бы она была там изначально, то мне стоило оторвать её самому, — кивнув, он тоже улыбнулся ей в ответ, — теперь я это точно знаю. Люба... я не предлагаю тебе стать моей женой... на это есть свои причины, и когда-нибудь ты их узнаешь... Но я хочу, чтобы ты была со мной. Я хочу возвращаться домой и знать, что ты меня ждёшь. Я знаю, что ты не испытываешь ко мне никаких чувств... Но я хочу, чтобы ты была рядом. Ты можешь мне это пообещать?

— Что именно?.. — она подняла на него свой голубой взгляд.

— Что ты будешь ждать меня каждый день дома. Да, я часто уезжаю, и тебе придётся быть одной... Я понимаю, что с моей стороны глупо ожидать взаимности, во всяком случае, так быстро, и, тем не менее... Ты можешь пообещать мне, что, пока ты со мной, я могу быть уверен в тебе?

— Да... — опустив глаза, она слегка кивнула, но потом снова искренне посмотрела на него, — Да, Егор. Я обещаю.

Глава 17.

Люба никогда не была избалованным ребёнком. Отец, по сути, доброго нрава человек, и рад был уделять дочерям своё родительское внимание, но этому мешало его постоянное пребывание в состоянии алкогольного опьянения, а так же его супруга, ограждающая Веру и Любашу от навязчивых, по её собственному убеждению, и совершенно не нужных поползновений Романа Ивановича. Сама же мать была женщиной суровой, не способной к проявлению ласки и материнской нежности даже к собственным дочерям. Она искренне считала, что её детям важнее правильное питание, а так же добротная, но не дорогая одежда, о стильности и красоте которой речи никогда не шло. Она никогда не учитывала мнение дочерей при покупке нарядов и обуви, даже когда те были уже старшеклассницами. Покупать себе пусть не самые дорогие, но всё же модные вещи Любаша смогла, лишь, когда начала работать, и то, часто обманывая Тамару Васильевну — чтобы мать не пилила её за потраченные «на шмотки» деньги, Люба нарочно называла той заниженную цену, впоследствии жутко экономя на прочих расходах, так же контролируемых строгой родительницей.

Егор, с которым она теперь жила, подарками её не заваливал, но сразу перевёл на её банковскую карточку деньги — сумма не была огромной, но вполне достаточной, чтобы Люба могла спокойно передвигаться по городу, покупать разные «женские штучки и прочие мелочи», как выразился он сам. В их следующую совместную поездку по магазинам Егор снова предложил ей купить что-нибудь из вещей. Он специально привёл её в отдел женской одежды, но Любаша и в этот раз категорически отказалась от нового пуховичка.

— Почему?! — он смотрел на неё с искренним недоумением — теперь уже в обувном бутике, — Давай, купим тебе хоть что-нибудь! Смотри, какие сапожки...

— У меня есть сапоги, — при виде стеллажей с модной зимней обувью у Любашки

разбежались глаза, но она мужественно покачала головой, — правда, Егор, мне ничего не нужно.

— Ну, ты хотя бы примерь, — он решил схитрить и купить ей высокие сапожки на шпильке сам, лишь узнав наверняка размер.

— Не буду, — бросив прощальный взгляд на понравившуюся пару, она потянула его к выходу за рукав куртки, — идём.

Егора искренне удивляло поведение Любаши. Он даже не знал — радоваться такой скромности девушки или нет, но решил пока ни на чём не настаивать.

Сама Люба была бы рада обновкам, но ей не хотелось вместе с вещами приобретать ещё большую финансовую зависимость от Егора — она считала, что ей и так повезло, и достаточно того, что она не отказывается от денег на мелкие расходы, которые он переводил на её карту.

Вот уже три недели, как она жила вместе с Егором в его квартире. Ей всё чаще казалось, что мужчина искренне в неё влюблён — это сквозило в каждом его слове, в каждом взгляде. Он, действительно, часто уезжал в командировки: обычно они продолжались по два-три дня, и Любу это вполне устраивало — в отличие от Егора, она не питала к нему никаких чувств, кроме обычной человеческой благодарности за то, что он помог уехать ей из опостылевшего городка и устроиться здесь, в областном мегаполисе.

— Любка, какая ты дурочка! — Вера, с которой Любаша почти ежедневно перезванивалась, узнав о том, что сестра отказывается от подарков Егора, возмущённо дышала в трубку, — Почему ты не хочешь, чтобы он купил тебе новый пуховик?!

— Потому, что не хочу, — Люба уже не раз пожалела, что искренне делилась с сестрой подробностями своей новой жизни.

— Странная ты, Люба! Другая на твоём месте шубу бы выпросила, а ты от какого-то несчастного пуховика отказываешься.

— Я и так живу у него на всём готовом.

— Ты ему готовишь? Квартиру прибираешь? Ты с ним спишь, наконец?.. — перечисляла Вера Любашины «обязанности», — Любка, да ты на него работаешь! И повар, и уборщица, и любовница...

— Ничего я не работаю, — отмахнулась Любаша, подумав о том, что по-настоящему тягостными для неё являются обязанности любовницы, хотя Егор относился к ней довольно чутко и бережно. А ещё она очень боялась, что когда-нибудь назовёт его именем Даниила...

— Как это не работаешь?! — не унималась Вера, — Ты посчитай, во сколько бы ему обошлись услуги повара и горничной, а заодно и проститутки...

— Вер... — услышав последнее слово, Люба почувствовала, как в лицо ударил жар, — Ты что... Ты про меня так?!

— Не про тебя... — догадавшись, что сказала лишнего, Вера смутилась, — Я к примеру...

— Знаешь, я не проститутка... и не наложница... — Люба обиделась на сестру не на шутку, — Егор ко мне очень хорошо относится... почти как к жене... Просто... просто я его не люблю... И поэтому не могу принимать его подарки... Понимаешь?! Это было бы нечестно. Я всё равно уйду от него, рано или поздно... Это я им пользуюсь, понимаешь?!

— Ой, дурочка... — вздохнула на том конце Вера, — Неисправимая ты дурочка, Любка.

— Ну, и что. Мне главное — своего добиться.

Днём Любаша уезжала в «творческую деревню», где сначала занималась с

преподавателем по вокалу, а потом репетировала свои партии, которые ей предстояло петь на концертах Натальи и в рок-опере. Ей очень понравилась атмосфера, царившая в студии Дмитрия и Натальи Морозовых — все репетиции проходили весело, особенно, когда там находились и участники группы «Ночной патруль». Люба быстро перезнакомилась со всеми музыкантами и сотрудниками студии, а заодно подружилась со своей напарницей — второй бэк-вокалисткой Татьяной, симпатичной девушкой двадцати трёх лет, с тёмно-каштановыми вьющимися волосами и выразительными глазами синего цвета. Татьяна не была замужем, но у неё уже была маленькая дочка, которую она оставляла со своей матерью.

Таня была приходящей бэк-вокалисткой, она работала ещё с несколькими исполнителями и, в отличие от неё, с Любашей заключили трудовой договор на полгода — именно столько рассчитывала отсутствовать певица, которую Люба должна была заменить.

«Тебе нужен трудовой стаж, — объясняла Любаше Наталья, — поэтому ты будешь работать по договору, за тебя мы будем делать отчисления в пенсионный фонд».

Люба пожала плечами в знак согласия — она даже не думала об официальном оформлении, когда ехала сюда, настолько казалась ей заманчивой эта работа. Наталья расспросила её обо всём — и о жилье, и о материальном положении, и, узнав, что Люба устроена, удовлетворённо кивнула головой.

«Месяца репетиций должно хватить, — Наташа говорила очень серьёзно, несмотря на то, что всего несколько минут назад весело смеялась вместе с Любой над дурачившимися парнями из подтанцовки, которые сегодня тоже присутствовали на репетиции, — Люба, сейчас у тебя очень ответственный период. Ты должна будешь изучить весь наш репертуар, а он у нас огромный. Это и клубное шоу, и мои сольные программы, а ещё рок-опера... Если что-то не будет получаться, Дима меня убьёт, потому, что это я настояла на твоём участии... Понимаешь? Мы могли пригласить опытную певицу, но пригласили тебя. Ты не должна меня подвести, и я в тебя верю!»

«А зачем ты приглашаешь подпевку? — согласно кивнув, Любаша решила задать давно мучивший её вопрос, — У тебя же есть минусы с готовым бэк-вокалом. Можно под них выступать, и платить никому не надо».

«А можно и вообще на сцену не выходить, — рассмеялась Наташа, — включил свой диск, и пусть поёт, правда?»

«Нет... я не то имела в виду... — Люба смутилась, — Просто...»

«Люба, мы же не халтурщики, мы — артисты, — Наталья снова заговорила серьёзно, — при чём, настоящие артисты. Знаешь, как тщательно мы готовим каждую программу, сколько думаем над каждым словом текста, над каждой нотой... Над каждым костюмом, над каждым движением. Мы поём только живую, даже я на своих сольниках никогда не позволяю себе петь под фанеру. В самых исключительных случаях я использую минусы с бэк-вокалом... Это, если нет нормального аппарата на площадке... Но, даже в этом случае, девчонки стоят на сцене и просто открывают рот, потому что каждый из нас — часть общего действия, понимаешь? И неважно, кто ты — солист, танцор, музыкант, вокалист второго плана... Мы — творческая команда».

«Понимаю...»

Люба слушала Наталью, раскрыв рот... Сама она много лет ходила в свою молодёжную студию, стояла на сцене и, как ей казалось, вращалась в самом настоящем творческом кругу. Но сейчас, попав в профессиональный коллектив, ощутила огромную разницу между ним и художественной самодеятельностью.

Она с огромным удовольствием ехала каждый день к обеду в студию, и с такой же, огромной, неохотой вечером возвращалась домой, к Егору. Сам Егор как-то снисходительно относился к её занятиям, без серьёзности, скорее всего, понимая, что запереть дома молодую девушку будет невозможно, и, уж если на то пошло, то пусть она занимается своим любимым делом. То, что она пока не получала зарплаты, его как будто совершенно не интересовало. Егора вполне устраивало то, что она замечательно готовила, была чистюлей, и никуда, кроме «творческой деревни», не ходила. Любашины репетиции заканчивались около восемнадцати часов, и, за исключением тех дней, когда он был в командировках, Егор неизменно заезжал за ней на своём внедорожнике.

Всем в студии, в том числе и Наташе, Люба сказала, что живёт у своего родственника. Ожидая её на автомобильной стоянке, Егор из машины обычно не выходил и ни с кем не общался, поэтому она надеялась, что никому не придёт в голову, что Егор ей вовсе не родственник, а сожитель. Она понимала, что, пока она живёт у него, то не может считать себя полностью свободной, хотя бы из уважения к этому мужчине, но, в то же самое время, ей хотелось оставаться свободной в глазах других...

Вопреки её страхам, большинство сотрудников студии Морозовых приняли её появление доброжелательно. Большинство, если не сказать — все. И лишь одна девушка, с тёмно-рыжей копной волос, по имени Алиса, смотрела на Любашу как-то насмешливо.

Позднее Люба узнала, что Алиса — троюродная сестра самого Морозова, а заодно гражданская жена режиссёра Паши Рулёва, которую Паша уже давно зовёт замуж, но Алиса лишь ограничивается обещаниями узаконить их отношения.

В студии Алиса выполняла роль модельера: разрабатывала костюмы, занималась подбором тканей и заведовала костюмерной. От неё, единственной, Люба услышала неожиданную критику в адрес своих нарядов.

— Зря ты такую короткую юбку носишь, — снимая с неё мерки для концертного платья, Алиса скривила губы, — это не твой фасон.

— Почему? — глядя на себя в зеркало, Люба пожалала плечами.

— Потому, что у тебя ноги неправильной формы. Такие ноги лучше закрывать.

— Неправильной? — Любаша окинула взглядом свои ноги, — Впервые слышу.

— Видишь, какая ширина бедра? — Алиса ловко измерила Любашину ногу вверху, — По сравнению с икрой бедро слишком полное. Ты что, сама не видишь?

— Не знаю... — Люба снова растерянно посмотрела в зеркало, — Я всегда думала, что у меня нормальные ноги... Ровные...

— А я и не говорю, что не ровные. Я говорю, что бёдра слишком полные. Говоря по-русски — толстые ляжки. А голяшки, наоборот — худые. Если надеть короткую юбку, то смотрится вульгарно.

— И что теперь?..

— Не знаю... — Алиса озабоченно покачала головой, — как вариант — длина юбки до колена и шлица...

Люба чувствовала, что Алиса дразнит её нарочно, из каких-то своих, личных соображений, и, всё же, настроение после этого разговора испортилось на весь оставшийся день.

— Почему ты такая грустная? — вечером, за ужином, Егор внимательно посмотрел на Любашу, — Тебя кто-то обидел?

— Нет, — подцепив вилкой кусочек свежего огурца из салата, она замотала головой.

— И, всё-таки...

— Просто... сегодня сказали, что у меня некрасивые ноги.

— Что за глупости? — распрямившись на стуле, он удивлённо уставился на девушку, — Кто тебе такое сказал?

— Ну... там... наша модельер. Она сегодня с меня мерки снимала, ну, и сказала, что у меня ноги неправильные.

— О, Господи... — Егор с облегчением выдохнул, — Да она это из зависти! Сколько ей лет? Сорок?.. Пятьдесят?..

— Двадцать два... кажется...

— Значит, у неё у самой ноги страшные, — Егор утвердительно кивнул сам себе, — кривые, наверное...

— Нет... — Люба с сожалением вздохнула, — Не кривые... Она вообще, знаешь, какая красивая... У неё волосы тёмные, с рыжим отливом... И глаза — зелёные-презелёные... Алиса красивая...

— Да ерунда, Люба... — он под столом нащупал её колено, — Красивые у тебя ножки... Это я тебе как мужчина говорю. Хотя... — ладонь скользнула вверх по бедру, — нужно будет получше рассмотреть... м-м-м?.. Что скажешь?..

— Потом... — Люба попыталась сдвинуть его руку со своей ноги.

— Что-то я это «потом» слышу всё чаще и чаще в последние дни, — он снова внимательно посмотрел на Любашу.

— Ну, потом... мы же ещё чай не пили... — смутившись, она встала из-за стола и подошла к плите, на которой закипал чайник.

— Хорошо... давай попьём чаю... — он с готовностью взял в руки чашку, — Кстати, там к тебе никто не пристаёт? Если что, говори, я разберусь.

— Ко мне?.. — Люба удивлённо улыбнулась, — Нет, конечно! Кто ко мне может приставать?

— Ну, мало ли... Этот ваш... Морозов. Он же там вроде хозяина? Хозяева любят к молоденьким артисткам приставать.

— Кто?! Дима?! Да он вообще ни к кому не пристаёт! — весело рассмеялась Любаша, — Он жену любит. Он даже в честь неё рок-оперу написал, ту, в которой я тоже буду петь.

— Пусть не Дима... Другие малолетки...

— Ничего себе — малолетки, — прыснула Люба, — если ты о «патрулях», то им всем лет по двадцать восемь, двадцать девять, а Журавлёву, кажется, тридцать один... Они при мне недавно на эту тему разговаривали. Не намного младше тебя. И ко мне они не пристают...

— Поверю тебе на слово... — усмехнувшись, Егор отпил из чашки налитый Любашей чай, — А, вообще, конечно, несерьёзно это всё.

— Что — несерьёзно? — Люба настороженно застыла, сжимая в руке крышечку от стеклянной сахарницы.

— Ну, вот это — всё... — Егор поморщился, — Оперы эти... патрули ночные...

— Почему?

— Ну, потому, что... потому, что моя женщина не должна петь по кабакам, жить в задрипанных гостиницах, кланяться пьяной публике...

— Потому, что ты — начальник?

— Нет. Потому, что я — мужчина.

— Но ты сам живёшь в задрипанных гостиницах... — Любаша обиженно подняла на него глаза, — И — ничего! А разве начальники должны раскатывать по командировкам?

— Есть офисное начальство, а есть — разъездное. Вот я — разъездное. Не хватало, чтобы и ты была в разъездах...

— Ну, Егор... Мне же это нравится! Это же так интересно, ты даже не представляешь!

— Что же там такого интересного? — он добродушно усмехнулся, — Надрывать связи?

— Почему — надрывать?! Петь!.. Мне петь интересно, понимаешь? Я ведь... — Люба хотела сказать, что она приехала сюда только ради этого, но вовремя остановилась, догадавшись, что обидит этими словами Егора,

— Что — «ты ведь»? — кажется, он догадался о том, что она хотела сказать, — Договаривай.

— Я... я ведь... — она лихорадочно придумывала, что бы сказать, — Помнишь, ты предлагал мне купить платье?.. Ну, то, красное, трикотажное... с ремешком... Помнишь?

— Помню... — он кивнул, — И что?

— А можно... можно, я соглашусь?.. — умильно глядя ему в глаза, Любаша закусила губу, — Мне сегодня сказали, что я выгляжу очень провинциально...

— Опять Алиса? — снова улыбнулся Егор.

— Угу.

— Конечно, можно. Приеду из командировки, и купим.

— А можно, я куплю сама? А то ты приедешь только через три дня...

— Ты же не вытерпишь и наденешь его сразу... А я хочу быть первым, кто увидит тебя в новом платье... — он потянул её к себе за руку и Люба, нехотя поднявшись, присела к нему на колени, — И первым, кто с тебя его снимет...

— В смысле?.. — она непонимающе нахмурилась, — Кто ещё с меня его может снять?..

— Ты сама... — всё крепче прижимая её к себе одной рукой, другой он потянул вниз молнию футболки, которая была на Любе, — Ты сама его будешь снимать с себя... но я хочу быть самым первым...

— Хорошо, ты будешь первым... — слушая его прерывистое дыхание где-то у себя, в районе шеи, Люба невольно подчинялась его рукам, — Я только куплю... а надевать не буду, пока ты не приедешь... Ладно?..

— А мы уже чай попили? — резко поднявшись, Егор подхватил её, как ребёнка, на руки — Любаша невольно обхватила его руками за шею.

— Попили... — она обречённо кивнула.

— Значит — ладно... — выдохнул он, шагнув к выходу, — Но сначала...

Денег на карте оказалось даже больше, чем рассчитывала Любаша — Егор перевёл ей сумму не только на покупку платья, а, видимо, и на новые сапоги. Решив в этот раз купить и то, и другое, Люба перед тем, как отправиться в студию, посетила магазины. Времени на покупки ушло немного — она уже знала, на чём остановить своё внимание и, выйдя с пакетами на улицу, обнаружила, что сможет ещё захватить домой, чтобы оставить там обновки.

Дома, не удержавшись от того, чтобы примерить и платье, и сапожки, она так и не смогла снять их с себя и, поколебавшись несколько секунд, отправилась в них на репетицию, решив, что не скажет об этом Егору, когда он вернётся из командировки.

— Вау! Ты сегодня при параде... — увидев её в новом платье красного цвета, ловко облегающем фигурку, Татьяна восхищённо развела руками, — Класс!

— Ну, как?.. — Люба повернулась на одной ножке, — Мне идёт?

— Не то слово... — оглянувшись на дверь репетиционной, Таня чуть понизила голос, — Антон увидит — обалдеет...

— При чём тут Антон?.. — услышав имя молодого звукорежиссёра, Люба слегка смутилась.

— Как при чём? — Татьяна загадочно улыбнулась, — А то ты сама не замечаешь, как он на тебя глаза таращит.

— Не замечаю... — пожав плечами, Люба включила ноутбук, — И вообще... У него, наверное, девушка есть.

— В том-то и дело, что... нет у него девушки! — Таня многозначительно прицокнула языком, — Раньше была... А теперь — нет.

— Может, есть. Откуда ты знаешь, чем он после работы занимается.

— Тут все про всех всё знают. А особенно — про Антошку.

— Почему?

— Потому, что он сосед Наташи с Димой... Разве ты не знала?

— Знала, — кивнула Люба, — я у них жила три дня в декабре... Видела его. А ещё он мне плюс писал...

— Ну, вот, видишь! Значит, я не ошиблась.

— Да глупости... — Любаша деланно нахмурилась, — Ну, что, я минус даю?

— И не глупости... — всё так же улыбаясь, Татьяна не сводила с Любы пытливых глаз, — Уже вся деревня знает, что Антоха в тебя влюбился. Одна ты не в курсе!

— А мне об этом не докладывали, — попыталась отшутиться Люба, — И, вообще... мне репетировать пора.

— Можно подумать, он тебе самой не нравится...

— Мне вообще никто не нравится.

— Почему? Ты же у нас холостая-незамужняя... Или парень дома остался?

— Нет... — вспомнив о Данииле, Люба вдруг резко помрачнела, — У меня никого нет. И, вообще... давай уже начинать. А то я Наташу подведу... Это она меня из моей дыры вытащила...

— Наташа — добрая душа... — Таня усмехнулась как-то странно, — Всех готова вытащить... И кого надо... и кого не надо...

— Это ты про меня? — Люба удивлённо посмотрела на Татьяну.

— Да нет... так... Мысли вслух. Я очень наблюдательная. Кстати, а что за мужик встречает тебя каждый день после репетиции?

— Это мой родственник... — Люба снова смутилась от неожиданного вопроса, — А ты откуда знаешь?

— Так все знают, — Таня пожала плечами, — Стоянка освещена... Он там не один стоит, примелькался уже... Я, когда ухожу, как раз мимо него иду, и как ты к нему садишься, тоже видела. Кстати, тачка у него крутая.

— Ну, да, крутая, — Люба была совершенно не рада этому разговору, но Татьяна никак не хотела его прерывать.

— А он — кто?

— Он начальник, что-то там по строительству... — Любаша не стала вдаваться в

подробности профессии Егора.

— Женат? — Таня мельком бросила на неё взгляд, — В смысле — живёт с кем-то?

— Да, живёт.

— Жаль... Симпотный мужичок. Я бы закадрила...

— Так закадри... — усмехнувшись, Люба снова потянулась к ноутбуку, чтобы включить фонограмму.

— Закадрила бы... да старый больно, — ещё один пытливый взгляд был брошен на Любашу, — ему же лет сорок?

— Тридцать пять. И ничего он не старый.

— Тебе виднее... Может, и не старый. Но, сама же говоришь, что с кем-то живёт. А брать чужое — не моё. И сама не беру и другим не советую.

Любаша искренне удивилась неожиданной перемене настроения, произошедшей у Татьяны в считанные минуты. Ей показалось, что та недвусмысленно на что-то ей намекает, но никак не могла взять в толк — на что... Они были дружны с самых первых дней, как только Люба пришла в студию Морозовых. Таня не раз говорила Наталье о том, что с Любашей очень легко работать — та, действительно, хватала всё на лету, и легко учила самые сложные партии.

Едва уловимую перемену в отношении Татьяны к себе Люба заметила, вернее, почувствовала, неделю назад. Егор был в очередной командировке, и она после окончания репетиции собиралась направиться к остановке троллейбуса. Из здания студии они вышли втроём — она, Татьяна и Антон... Зная, что Егора нет на стоянке, Любаша шла неторопливо, о чём-то болтая со своими спутниками.

«А, между прочим, я сегодня на машине... — чуть зайдя вперёд, Антон посмотрел почему-то на Любу, — Могу подвезти...»

«Нет, я на троллейбус... — покачав головой, Люба сделала рукой прощальный жест, — Бай-бай!»

«Бай-бай...» — грустно ответил ей вслед Антон.

«Подвези тогда меня...» — Любаша уже сделала несколько шагов в сторону, но от неё не укрылся чуть обиженный тон Татьяны.

Она уже забыла о том случае, но сейчас почему-то вспомнила...

Тане нравится Антон?! Судя по всему, это так, хотя она тщательно скрывает свои чувства...

Неужели, увидев её в новом платье, Таня решила, что оно — для Антошки?..

Глупо.

Ни Антошка, ни Егор абсолютно ничего для неё не значат. Место в её сердце до сих пор занято лишь одним... Она знает, что он не достоин ни её слёз, ни её чувств... Она знает, что между ними никогда и ничего уже не будет. Она всё это прекрасно знает...

И, всё же...

Даня... Это имя она была готова повторять без конца... Имя, от которого сердце начинало бешено колотиться в груди... Имя, от которого бросало то в жар, то в холод... Да, прошло ещё очень мало времени для того, чтобы навсегда вычеркнуть его из памяти. Но она знает, что пройди целая вечность, она и тогда не сможет разлюбить его...

Видимо, это её судьба. Её крест...

Да, ей его не вернуть никогда. Но она может... нет, она должна доказать ему, что она — самая большая потеря в его жизни!..

Однажды он должен будет почувствовать и понять, что нет большего горя на земле, чем её, Любашино, равнодушие...

Он почувствует...

Он — поймёт!..

Но будет поздно.

Месяц подготовки пролетел быстро. Премьера рок-оперы «Ты услышишь мой голос», в которой Люба вместе с Татьяной пели две сольных композиции, а, так же, выступали в качестве бэк-вокалисток, была назначена на канун международного женского дня, но самое первое выступление в сольном концерте Натальи Морозовой предстояло шестого марта, на корпоративе какой-то фирмы, название которой Любу совершенно не интересовало. Она настолько волновалась перед первым своим выходом на сцену, будто это именно она, а не Морозова, выступала в качестве солистки...

Люба даже забыла, что на следующий день предстоит более серьёзное испытание — премьера рок-оперы во Дворце молодёжи, на которую были распроданы все билеты, поэтому ожидался полный аншлаг...

Она совершенно забыла об этом — пусть всего на несколько часов, но всё же её сознание переключилось на это — самое первое её серьёзное выступление...

— У нас намечается банкет по случаю праздника... — ещё четвёртого числа сообщил ей Егор, — И я хочу, чтобы ты поехала со мной. Нехорошо будет, если я буду поздравлять чужих женщин, а моя останется дома...

— Когда? — Любаша подняла на него глаза.

— Послезавтра, — сомкнув руки у неё на талии, он губами ткнулся в её шею, — сейчас поедem покупать тебе вечернее платье...

— Послезавтра... — она растерянно замолчала на несколько секунд, — А послезавтра я не смогу... У меня первый концерт. Я же говорила...

— У тебя седьмого — первый концерт.

— Седьмого — премьера оперы. А шестого, послезавтра, мы выступаем на корпоративе. Как раз в то же самое время.

— Нет... так я не согласен... — чуть отстранившись, он посмотрел на неё сверху вниз, — Какой ещё корпоратив, если это — твой праздник? Нет-нет... Вечернее платье, новые туфли... И, кое-что ещё...

— Егор... — она с мольбой смотрела на него, — Но это же — моя мечта... Понимаешь?! Я к этому стремилась, я так хотела именно этого... Я хочу выступать! Тем более, с такой певицей, как Наталья Морозова... Да если я скажу кому-нибудь у себя дома, мне не поверят!

— Господи, Любка... — он смотрел на неё, как на непослушного ребёнка, — Какая-то певица... какой-то корпоратив... Да будь она трижды заслуженная, всё равно это — балаган... понимаешь?! Это — как услуга... Я дал тебе возможность чем-то занять себя, я не препятствовал тому, что ты едешь на эти репетиции... Но теперь... Ты будешь где-то петь по ночам, для кого-то... на тебя будут смотреть пьяные рожи... Нет-нет, всё... Точка!

— Ты что, Егор... — до Любы только сейчас дошло, что он не шутит, а говорит вполне серьёзно, — Но ведь я готовилась... Я — член коллектива, я не могу никого подвести! Со мной целый месяц занимались... Ты что, думал, что всё это — просто так?! Как будто в детский сад меня отправлял?!

— Ну, я не знаю... — глядя, как она плачет, стоя у окна, он присел на диван и положил локти на колени, — Если честно, я вообще не придавал этому никакого значения... Ну, ходишь и ходишь... Ходи... Я не думал, что всё это вот так — серьёзно.

— Ты думал, что только твоя стройка — серьёзно, да?! — обернувшись к нему, Люба тыльной стороной ладони вытерла слёзы с лица, — Тебя послали в командировку — ты поехал... Это же твоё любимое дело, да?! А у меня... у меня что, не может быть своего любимого дела?! Я должна сидеть дома, да?!

— Подожди... — внезапно вскочив, он быстрым шагом приблизился к ней и, обняв за плечи, повернул к себе, — Любаша... Как ты сейчас сказала?..

— Что?.. — она вдруг испугалась, что он сейчас рассердится и выгонит её из дома.

— Ну, как ты сейчас... — Егор неожиданно улыбнулся, — Ну, ты сейчас говорила, а у меня мелькнула мысль, что мы с тобой ссоримся, как настоящие муж и жена...

— И... что?.. — проведя ладошкой по щеке, она подняла на него заплаканные глаза, — Ну, ссоримся...

— Ты не поняла?.. — в его голосе звучала настоящая радость, — Мы ссоримся, но... как муж и жена!

— Это плохо... или хорошо?.. — уже заранее зная, что он ответит, Любаша всё же задала этот вопрос.

— Наверное, хорошо... — Егор обхватил её руками и крепко прижал к себе, — ну, ладно... что с тобой поделаешь... Поезжай на свой концерт... Хотя, нет... Я отвезу тебя сам.

— А обратно? — шмыгнув носом, пробормотала Люба, — Заберёшь?..

— Заберу... И поедем на мой банкет. Согласна?..

— Угу...

— И сразу надевай новое вечернее платье. Пусть к концу банкета, но ты будешь со мной.

— Я не знаю, когда закончится наше выступление. Наши говорят, что за отдельную плату они сверх программы могут работать.

— А я им сам заплачу...

— Зачем?..

— Чтобы тебя со мной отпустили.

Глава 18.

Ещё раз посмотрев на своё отражение в большом зеркале, Любаша нехотя поднялась из удобного вращающегося кресла салона красоты, куда она отправилась сегодня по совету Натальи.

«Люба, это, конечно, дорогое удовольствие, и я не настаиваю, но, во-первых, ты будешь перед глазами довольно крутой зрительской аудитории, во-вторых, ты сама сказала, что после концерта поедешь на банкет, и, в-третьих, у тебя будет возможность увидеть, как накладывается профессиональный макияж и делается укладка, чтобы потом, в целях экономии, попытаться сделать всё это самой».

Слушая Наталью, Люба охотно кивала головой — деньги на посещение салона давал Егор, и ей самой не терпелось хоть раз в жизни побывать у настоящего стилиста. Теперь же, с удовольствием оглядывая себя в зеркалах, она, ничуть не жалея, расплатилась несколькими довольно крупными купюрами и, одевшись, выпорхнула на улицу, к вызванному заранее такси. Егор был ещё в своём офисе, и ей пришлось воспользоваться услугами городского транспорта.

Вернувшись домой, она включила в комнате свет и, надев новое концертное платье, подошла к большому зеркалу. Такой она себя ещё никогда не видела... Ей показалось, что из зеркала на неё смотрит совершенно другая девушка, лишь смутно напоминающая прежнюю Любу Пучкову... Светло-каштановые волосы буквально струились по открытым плечам, ниспадая сзади до середины спины, а чёрное стильное платье необычайно ловко сидело на её фигурке. Вопреки намерению Алисы сшить ей концертное платье до колен, и благодаря вмешательству Натальи, теперь его длина едва доходила до середины бедра, и Люба вполне удовлетворённо окинула взглядом свои ровные ноги, обутые в модельные туфельки на высоком каблуке. И ничего они не неправильные! Вполне хорошенькие ножки... Ей и самой раньше казалось, что её бёдра слегка широки, но теперь... Нет, решительно, нет!.. У неё замечательная фигура, вот и Егор так говорит!

Вчера он купил ей новое вечернее платье, длинное, в пол, и, несмотря на то, что оно очень шло ей, Люба подумала, что с большей охотой появилась бы на банкете именно в этом — концертном, коротком...

А лицо... Наташа оказалась права — макияж, сделанный профессионалом, удивительно подчёркивал и высокие скулы, и большие голубые глаза... и красивые, полные губы...

И, вообще. Ей всё больше и больше нравится вот эта её сегодняшняя, совершенно новая, жизнь. Жизнь, в которой она чувствует себя перевоплощённой, где все окружающие её люди заинтересованы в её, Любашином, творческом росте, в её ухоженном внешнем виде, в её совершенстве... Потому, что она — часть творческого коллектива, и должна соответствовать высоким стандартам, утверждённым для всех, кто выбрал для себя сценическую судьбу.

Она будет соответствовать.

Она уже соответствует.

Думая так, она всё ещё любовалась собой, когда услышала неожиданный дверной звонок.

— Кто там?.. — взглянув в глазок, Любаша увидела молодого незнакомого парня лет двадцати.

— Здравствуйте, — раздалось из-за двери, — я к Егору...

— А его нет... — Любаша нерешительно взялась рукой за замок, но в самый последний момент резко отдернула ладошку.

— А вы не могли бы передать ему документы? Вы откройте, не бойтесь... Я его родственник, Максим.

— Я не знаю... — Люба подумала, что за всё время, пока она жила у Егора, он не говорил ей ни о каких родственниках, но не раз предупреждал, чтобы она не открывала дверь незнакомым людям.

Так, как к Егору вообще никто не приходил за всё это время, то и знакомых людей из его окружения у Любаши тоже не было. Она хотела было позвонить Егору, чтобы узнать, кто такой Максим, но парень её опередил сам.

— Люба, открой этому человеку, возьми у него то, что он привёз... — звонок от Егора поступил через минуту на Любашин мобильник, — И, пожалуйста, будь готова, я заеду за тобой через полчаса.

— Входи, — открыв дверь, Люба пропустила в прихожую неожиданного гостя.

— Привет... — тот как-то странно усмехнулся, окинув её поистине оценивающим взглядом, — А дяденька Егор зря времени не теряет.

— Давай, что там у тебя... — протянув руку, Люба терпеливо ожидала, пока парень,

представившийся Максимом, открывает небольшой кейс.

— Вот, — наконец, справившись с замком, он подал ей какие-то бумаги, вложенные в прозрачную пластиковую папку, — только не потеряй.

— Уж как-нибудь не потеряю, — нахмурившись, Люба снова приоткрыла дверь, чтобы выпустить неожиданного визитёра, — до свидания.

— Пока! — он многозначительно улыбнулся на прощание и, снова окинув её взглядом с ног до головы, шагнул через порог на лестничную площадку.

Визит парня оставил в душе Любы неприятный осадок, хотя ничего плохого, в общем-то, не произошло. Дождавшись Егора, она оделась и вместе с ним вышла на улицу, где уселась в его автомобиль, чтобы ехать на свой первый «серьёзный» концерт.

— Да... — Егор уже собирался тронуться с места, когда в его телефоне зазвучала музыка, — Привет... Да, привёз... Нет, я ещё не смотрел. А что, это было так срочно? И почему ты не предупредила?.. А вот это уже не твоё дело... Всё, мне некогда, я сегодня занят. Пока.

Люба не считала себя вправе переспрашивать, но ей показалось, что звонок имел отношение к сегодняшнему визиту этого парня — Максима, и что звонившая Егору женщина интересовалась именно ею, Любашей. Она с непонятным удовольствием отметила про себя, что разговор был ему неприятен.

— Ты знаешь, как проехать к этому ресторану? — имея в виду место сегодняшнего выступления, спросила она у своего спутника, чтобы как-то разрядить обстановку, — Он называется «Лазурит», я тебе говорила...

— Конечно, знаю, — улыбнувшись, Егор посмотрел на неё, — ты же мне все уши про него прожужжала... Тем более...

— Что — тем более?..

— Да так... — пряча загадочную улыбку, он снова устремил взгляд на дорогу.

— Кстати... А твой банкет где будет? Он уже начался?

— Он вот-вот начнётся... — заворачивая на стоянку возле светящегося разноцветными огнями ресторана, Егор кивнул охраннику, поднявшему шлагбаум при их появлении, — Вот и приехали. Беги, а то опоздаешь.

— А ты?.. — она удивлённо повернула к нему голову, — Зачем ты машину заглушил? И на стоянку заехал... Ты что... Подожди... — её как будто осенила неожиданная догадка, — Ты тоже — здесь?!

— Беги, говорю, — ничего не объясняя, он снова прятал улыбку, — а то тебя уже ждут, наверное.

Выходя из салона автомобиля, Люба хотела ещё о чём-то спросить, но, услышав знакомые голоса, оглянулась — Татьяна и Антон, видимо, только что подъехавшие на такси, громко разговаривали неподалёку от стоянки. Увидев их вдвоём, Любаша про себя усмехнулась — Татьяна нешуточно подбивала клинья к молодому звукорежиссеру... вот и на выступление они приехали вместе...

Любаша стояла в тени автомобиля, и молодые люди её не заметили. Дождавшись, когда они отойдут на приличное расстояние, девушка торопливо кивнула на прощание Егору и побежала догонять своих товарищей.

Стоя в глубине небольшой сцены, Люба почему-то боялась смотреть в зал, где за накрытыми столами сидели сотрудники фирмы, заказавшей часовой концерт Натальи

Морозовой. Любаша старалась не фокусировать зрение на публике, сосредоточив всё внимание на бегающих по противоположной стене огоньках цветомузыкальной гирлянды. Она почему-то так и чувствовала, как её щёки наливаются пунцовым румянцем — то ли от волнения, то ли от того, что в помещении было довольно жарко. Она всего лишь несколько раз перевела взгляд на Морозову, упорно избегая лиц зрителей.

Сама Наташа привычно и уверенно двигалась по сцене, исполняя несложные танцевальные движения синхронно со своим шоу-балетом, состоящим из двух мускулистых парней и одной девушки. В отличие от вокалисток, танцоры находились внизу, на освобождённой от столиков площадке, и старательно заводили публику под ритмичную музыку.

Они исполнили уже около половины всех композиций, когда Любаша, наконец, решила разглядеть сидящих за столами людей. Обводя глазами зал, она вдруг почувствовала, как колени подкашиваются... Из-за одного из столиков на неё, улыбаясь, смотрел... Егор!

Он знал... Она, действительно, в последние дни прожужжала ему все уши об этом своём выступлении, без конца повторяя название ресторана... Значит, это его компания заказала праздничный концерт Морозовой! Он знал, и не сказал... Но почему?! Неужели не хотел её смущать?!

Но вот так — он смутил её ещё больше. Увидев его, она чуть было не сбилась, напрочь забыв слова припева, и, только услышав Татьяну, тут же подхватила свою партию. Столик Егора находился в глубине зала, и теперь она то и дело бросала туда свой взгляд. Переговариваясь время от времени с сидевшими рядом с ним мужчиной и молодой женщиной, Егор, тем не менее, почти не отводил глаз от Любаши, и, судя по выражению его лица, был весьма доволен. Стул слева от него оставался пустым, и Люба догадалась, что это место предназначалось именно ей.

...Женщина, с которой сейчас танцевал Егор, пригласила его сама — это была его соседка по столику... Люба успела заметить, как, услышав о том, что объявляется белый танец, она, улыбаясь, что-то сказала Егору, и он, встав со стула, галантно протянул ей руку... До сегодняшнего дня Люба считала, что не испытывает к нему никаких чувств... в том числе и ревности, но теперь она то и дело бросала взгляды на танцующую пару. Почему-то этот танец задел её за живое. Настроение немедленно испортилось... Теперь она уже с нетерпением ждала окончания выступления.

— Ребята, всем спасибо, я побежала! — Заглянув в раздевалку, разделённую ширмой на две половины — «мужскую» и «женскую», куда сразу после концерта удалились артисты, Наташа сделала прощальный жест рукой, — За мной Дима приехал, у нас вечером ещё один концерт, в «Лагуне».

— Привет «патрулям»! — Антон поднял вверх ладонь, — Завтра увидимся.

— Если ты, как вчера, в час ночи будешь выбрасывать мусор и греметь на весь подъезд, то увидимся намного раньше, — Наталья в шутку показала кулак и скрылась в коридоре.

— И чего это тебе не спалось в час ночи... — неторопливо поправляя макияж, Таня через зеркало многозначительно посмотрела на парня, — Придётся заняться твоим воспитанием... Кстати, — теперь, обернувшись к Любе, она чуть прищурила глаза, — Ты говорила, что сегодня ещё куда-то должна успеть. Не опоздаешь?

— Нет, — глядя на входную дверь, Люба сосредоточенно думала, почему Егор не подошёл к ней ещё там, в зале, и почему до сих пор не явился сюда, ведь после окончания

концерта прошло уже около десяти минут... Она не знала, что ей делать. Её явное замешательство здесь, а раздевалке, казалось ей сейчас уж очень заметным для посторонних любопытных глаз.

Если Егор не подойдёт или не позвонит в ближайшие несколько минут, то все поймут, что про неё забыли... Зря она вчера демонстративно громко объявила, что после концерта идёт на один «очень крутой банкет»... Одеться и выйти на улицу — тоже не вариант, будет выглядеть неловко, если Егор позвонит, и ей придётся возвращаться... все подумают, что она просто хвастушка, и, на самом деле, даже не знала, где будет проходить этот самый «крутой банкет».

Самой позвонить Егору?.. Любе почему-то подумалось, что это будет совсем смешно... Он же сам прекрасно знает, что она сейчас в раздевалке, только и ждёт, что он придёт за ней. Она же не пойдёт к нему в зал сама...

Чтобы как-то протянуть время, Люба нарочно включилась в разговор, спрашивая у своей напарницы что-то совершенно незначительное, на что та отвечала с явной неохотой.

Поймав на себе ещё несколько недвусмысленных взглядов Татьяны, Люба, наконец, догадалась, что та ждёт, не дождётся, когда она уйдёт из раздевалки, и внимание Антона, наконец, переключится только на неё — Таню. Сам же Антон, похоже, был не против уйти именно с Любашей, и, поглядывая на неё, уже снимал с вешалки свою куртку.

Решительно надев пальто, Любаша схватила свою сумку и, даже не застёгиваясь, торопливо попрощалась и выскочила за дверь.

— Люба, ты где?.. — она была уже у остановки маршрутного такси, когда раздался звонок Егора, — Я весь ресторан обыскал, а тебя нет!

— Я еду домой, — услышав, наконец, его голос, Люба чуть не расплакалась, — извини, Егор, я не хочу тебе мешать.

Ей стало ужасно обидно, что он опоздал и позволил уйти ей уже так далеко...

— Что за глупости? — он казался искренне удивлённым, — На чём ты едешь?!

— Пока ни на чём... Я на остановке.

— Немедленно возвращайся... Я сейчас!

Она сделала всего несколько шагов от остановки, когда увидела Егора — он бежал ей навстречу в костюме, даже не накинув на себя верхнюю одежду.

— Ну, что случилось?! — обняв её за плечи, он внимательно посмотрел ей в глаза, — Почему ты ушла?! Ты обиделась, что я не сказал, что знаю, что ты будешь выступать на нашем банкете? Да я просто хотел сделать тебе сюрприз.

— Нет, я не обиделась, но... я подумала, что тебе неудобно будет со мной... там у вас такие тётеньки...

— Какие тётеньки? — рассмеялся Егор.

— Такие... с какими ты за столиком сидишь. Все из себя...

— Да это из нашего отдела! Идём... — подхватив её под локоть, Егор шагнул по направлению к входу в ресторан, — И все знают, что я должен быть не один.

— Знают? Откуда?

— Когда столики заказывали, всех опрашивали, кто будет один, а кто со своей парой. Я сказал, что буду не один. И, вообще... Я хотел, чтобы ты повеселилась, отдохнула... А, вместо этого, ты целый час пела. Кстати... — он открыл перед ней дверь, — Мне очень понравился концерт, правда. И ты была самая красивая!

— Самая красивая у нас Наташа, — глядя куда-то себе под ноги, Любаша слегка

нахмурилась, — и об этом знают все.

— Я не видел никакой Наташи... — Егор был уже слегка навеселе, отчего говорил восторженно, — Я весь концерт смотрел только на тебя! А потом ко мне подошёл один очень серьёзный человек, и, лишь поэтому, я немного задержался. Ну, прости...

Ей пришлось снова отправиться в раздевалку, чтобы надеть вечернее платье, которое она взяла с собой... Но теперь она возвращалась туда с удовольствием.

Сдав её сумку и пальто в гардероб, Егор шутливо выгнул руку «кренделем», — уцепившись за него, Любаша почувствовала неожиданное волнение и, перед тем, как перешагнуть порог банкетного зала, глубоко и шумно вздохнула.

Столик, за которым Егор сидел со своими коллегами, на момент, когда он привёл к нему Любу, был пуст — коллеги весело танцевали, и это обстоятельство её обрадовало. Она чувствовала сильное смущение оттого, что попала в чужое, как ей показалось, общество. Но, выпив с Егором шампанского и оглядевшись, она немного успокоилась. Люди вокруг оказались самыми обыкновенными, празднично одетыми и в заметно приподнятом настроении. Среди них были и совсем молодые, ровесники самой Любы, и люди среднего и более старшего возраста.

Когда, после второго танца подряд, к столу вернулись коллеги Егора, Люба уже почти освоилась.

— Познакомься, это — Катя, — Егор показал на молодую, лет тридцати — тридцати двух, женщину, с белокурыми, уложенными в красивую причёску, волосами и пронзительными серыми глазами, одетую в тёмно-синее, переливающееся платье, затем кивнул на её спутника — мужчину лет тридцати трёх — тридцати четырёх, в светлом костюме, светловолосого, голубоглазого и довольно смазливового, — это — Андрей, а это, — повернув голову, он положил руку на плечо Любаше, — Люба.

— Та самая загадочная Люба... — улыбаясь, Андрей пристально уставился ей в глаза.

— Почему загадочная? — Люба перевела взгляд с него на Егора.

— Потому, что появилась самым загадочным образом, — Андрей решил сам всё объяснить, — Егор явился один, место за столиком пустое... Спрашиваем — кто?... Говорит, скоро сами всё увидите.

— Как в сказке... — Катя чуть насмешливо улыбнулась, — про лягушонку в коробчонке...

— Это у Егора-то коробчонка? — Андрей шутливо возмущился словам Кати, — От такой коробчонки и я бы не отказался, впрочем, как и от такой девушки...

— Нужно было соглашаться вовремя, — Егор выставил вперёд указательный палец, — сам когда-то не захотел на мою разъездную должность, вот теперь и кусай локти в офисе!

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, — рассмеялся Андрей и снова обернулся к Любаше, — а почему так поздно приехали? Концерт пропустили...

— Я?! — от выпитого шампанского Люба совсем развеселилась, — Я ничего не пропустила! Это вы меня не разглядели!

— Где?!

— На сцене! — выпалив это, Люба тут же покосилась на Егора. Она вдруг испугалась, что разговор о её участии в концерте будет не в тему, но Егор выглядел вполне довольным.

— А ты что, не заметил, что Люба пела? — разливая виски, он поднял взгляд на своего коллегу.

— М-м-мм... — выпятив губы, Андрей недоумённо покачал головой, — Любу не

заметил... Певица была блондинкой, это я помню точно. А Люба...

— А Люба стояла на заднем плане, — Катя перебила его всё с той же насмешливой улыбкой, — просто она была в другом платье.

— Серьёзно?! Как же так я просмотрел... — снова выпятив губы, Андрей пожал плечами, потом взял предложенный Егором стакан, — Н-ну, тогда с меня тост!

Любаше понравилось внимание, которое обращали на неё мужчины, и уже к концу вечера, под действием всё того же шампанского, она болтала без умолку и с Егором, и с Андреем, нарочно игнорируя соседку по столику, то и дело вставляющую какие-нибудь ехидные реплики в её адрес. Ей было очень хорошо, ещё лучше, чем тогда, в гостинице, когда они вдвоём с Егором напились и уснули в его номере. Тогда, после всего, что с ней произошло, она просто расслабилась под действием алкоголя.

Сегодняшняя же радость была не беспочвенной и не вспыхнувшей спонтанно. Теперь она имела под собой все основания, ведь в жизни Любы, действительно, произошли серьёзные перемены: она уехала в большой город, поступила в популярный коллектив, теперь она — настоящая певица... И, наконец, у неё есть такой мужчина, как Егор. Да, она не испытывает к нему пылких чувств... Но рядом с ним ей спокойно. И он её, кажется, любит...

И этот праздничный вечер в ресторане, и новое платье... и ещё подарки, на которые он намекал все эти дни... Всё это было так приятно и здорово. Прошёл всего лишь месяц, но её жизнь так изменилась...

Всё-таки она — молодец, что решилась тогда уехать. Решилась, несмотря ни на что.

Жаль, что она так и не помирилась с матерью. После их отъезда Егор ещё раз был в её городке. Он предлагал посетить её родителей, но Люба была против. Она боялась, что мать спросит его о женитьбе и, услышав отрицательный ответ, наговорит ему гадостей и лишний раз проклянёт её саму.

Мать... Да, она очень зла на неё, Любашу. Она даже не звонит ей, как прежде и не читает нравоучений... Но от Веры Люба знает, что Тамара Васильевна почти ежедневно справляется у старшей дочери о ней... И Вера неизменно отвечает, что у Любы всё хорошо.

Ничего. Они ещё помирятся. Обязательно помирятся.

Однажды Люба приедет в родной городок... Она приедет с... Егором. А почему бы нет? Они приедут на его крутом внедорожнике... И пусть вся её задрипанная гостиница прильнёт к окнам! Пусть все увидят, как она теперь живёт!

Хотя... нет! Она приедет туда с концертом! Да! Это будет лучше! Она уговорит Наташу, что им обязательно нужно дать концерт в своём родном городке!

Да она завтра же скажет ей об этом!..

Нет!.. Всё будет даже круче! Она поедет на концерт вместе с Егором, на его крутом автомобиле!

Любаша взяла из его рук очередной бокал шампанского.

Егор... Всё же он — классный... Рядом с ним она даже не чувствует этих пятнадцати лет разницы в возрасте...

Жаль, что она не может его полюбить.

Он, и правда, классный. Вон как смотрит на него эта Катя... Поди, сама хотела его закадрить, да не вышло! Потому, что он влюбился в неё, в Любу!

— Ты позволишь пригласить твою даму? — голос Андрея, обращавшегося к Егору, вывел Любашу из мечтательного состояния.

— А это ты у неё сам спроси, — снова потянувшись за бутылкой, Егор загадочно улыбнулся. Люба заметила, что пил он помалу, но всё чаще и чаще поднимая стакан с виски, так, что его опьянение становилось всё заметнее.

— Разрешите пригласить на танец, — тоже довольно нетрезвый, Андрей театрально расшаркался перед Любашей.

— Разрешаю! — шампанское придало ей новых сил, и Люба не менее театрально подала мужчине свою кисть.

— Может, и ты меня пригласишь? — как только Любаша и Андрей вышли из-за стола, Катя пытливо взглянула на Егора.

— Приглашаю! — находясь в весёлом расположении духа, тот охотно кивнул и поднялся с места.

Танцуя с Андреем, Люба невольно прислушивалась к песне, которую исполняли ресторанные музыканты, занявшие сцену после коллектива Морозовой.

— А мы пели лучше, правда? — сквозь грохот музыки крикнула она на ухо своему партнёру.

— Ну, конечно... — она почувствовала, как он сильнее сжимает руки за её спиной — так, что ей было трудно вздохнуть.

— Не надо меня так прижимать... — невольно вдыхая запах дорогого мужского парфюма, Люба попыталась отодвинуть от себя Андрея, но безуспешно — его руки, как клещи, сдавливали её тело. Оглянувшись, она увидела, как Егор танцует с Катей, и невольно сделала небольшой шаг в их сторону.

— А как насчёт послушать, как ты поёшь?.. — Андрей почти коснулся губами её щеки возле уха, и к запаху парфюма добавился запах виски.

— Приходите завтра во дворец молодёжи... — она не оставляла попыток ослабить его хватку, — Я буду петь в рок-опере...

— А как насчёт спеть... наедине? М-м-м? Завтра получится?

— Чего?! — услышав его недвусмысленный намёк, Люба встала как вкопанная.

— Ты же не маленькая... — он продолжал дышать ей в ухо, — Встретимся?.. Адрес я скажу.

— А, если я Егору скажу?.. — нахмурившись, Люба почувствовала неприятную дрожь по всему телу.

— Да ладно... — криво усмехнулся Андрей, — Тебе не всё равно, Егор или кто-то ещё...

— Да пошёл ты... знаешь, куда?! — упершись ладонями ему в грудь, Люба с силой оттолкнула его от себя, потом резко развернулась и быстрым шагом направилась к столику, краем глаза заметив, как Андрей, махнув рукой, не совсем твёрдой походкой пересёк зал и скрылся в холле.

С размаху усевшись на стул, Люба поставила на стол локти и подперла ладонями лицо.

— Что-то произошло? — Егор тут же оказался возле неё, тревожно заглядывая ей в глаза, — Люба?..

— Да нет, всё нормально... — опустив голову, она уставилась в тарелку с закуской. Неожиданно наворачнувшаяся слезинка бесшумно упала в салат.

— А, ну, посмотри на меня... — потянувшись к ней, он руками приподнял её лицо, — Ты плачешь?! Люба... Почему ты плачешь?!

— Я не плачу.

— Что он тебе сказал? Он тебя чем-то обидел?!

— Нет... Егор!.. — увидев нетрезвую решимость в его глазах, Люба испугалась не на шутку и потянула его за рукав к себе, — Егор!.. Всё нормально!.. Куда ты?!

— Я сейчас... — вырвав руку, на ходу выкрикнул он, устремляясь к выходу.

— Куда это он?.. — вернувшись к столу Катя удивлённо смотрела вслед Егору, — А где Андрей?

— Не знаю... — чувствуя, как охватившая её дрожь только усиливается, Люба тоже вскочила с места, — Ой... они сейчас подерутся!..

— Кто?! — Катя удивлённо вытаращилась на неё, — Кто подерётся?!

— Егор с этим... — подобрав подол платья, Люба шумно отодвинула стул и почти бегом кинулась из зала, сквозь толпу танцующих людей. Бежать на высоких каблуках было неудобно, и она, чтобы не поскользнуться, на бегу почти не отрывала от пола подошв, шаркая ими по узорному линолеуму.

...В холле Егора не оказалось, и она с разбегу толкнула тяжёлые, высокие входные двери, тут же оказавшись на выложенном плиткой крыльце...

Мужчин она заметила неподалёку — в лучах ночных фонарей, освещающих ресторанный двор, их белые рубашки казались ослепительными. Схватив Андрея за грудки, Егор наступал на него; Андрей же, напротив, подняв обе ладони вверх, что-то говорил примирительным тоном.

Держась руками за перила, Люба осторожно спустилась со ступенек и, утопая каблуками в снежной корке, поковыляла в сторону намечающейся драки.

— Что ты ей сказал?! Слышишь?.. Отвечай!.. — подойдя поближе, Люба смогла разобрать слова Егора.

— Да ничего я ей не говорил... Егор, ты что?! — сквозь редкий смешок, пьяно оправдывался Андрей, — Не хватало ещё нам с тобой подраться из-за бабы!

— Мне плевать... — Егор ещё раз нешуточно тряхнул того за грудки, — И я тебя предупреждаю... Если ты ещё раз... скажешь ей... или о ней... хоть слово...

— Егор... это уже не смешно... — пытаюсь оторвать от себя его руки, Андрей явно начинал злиться, — Связался с малолеткой, совсем голову потерял?!

— Это не твоё дело, понял?! И не связался... Люба — моя жена... понял?!

— Кто?! — неожиданно расхохотавшись, Андрей всплеснул руками, — Же-на?! Вот эта соска — твоя жена?! Ты себя хоть не позорь!..

— Что ты сказал?! — оторвав одну руку от противника, Егор резко отвёл её назад...

— Егор, не надо!.. — желая оттолкнуть его от Андрея, Люба кинулась между ними, как раз в тот момент, когда кулак Егора уже летел вперёд, желая поразить скулу её обидчика... но, вместо этого, довольно чувствительно скользнул по её собственному лбу, чуть выше виска...

Ойкнув от боли, Любаша всё же обхватила руками шею Егора, пытаюсь навалиться на него всем телом, чтобы оттереть назад, но почувствовав, как ноги предательски разъезжаются скользкими подошвами туфель по снегу, она так и повисла на нём.

— Вы что, совсем с ума сошли?! — видимо, забеспокоившись отсутствием своих товарищей, Катя тоже подроспела к месту событий, — вы что тут устроили?!

— Всё нормально, Катюш... — благодаря Любаше удар получился смазанным, и Андрей лишь потирал слегка ушибленную скулу, — Какой праздник без драки...

— Тоже мне... — Катя сердито смерила взглядом своих коллег — взлохмаченные, в

расстёгнутых пиджаках, со сбитыми набок галстуками, те выглядели как нахохлившись воробьи, — Нашли из-за кого драться.

— Люба... Любочка... — заметив, как вставшая на ноги Любаша схватилась рукой за лоб, Егор растерянно пытался рассмотреть место, куда попал его кулак, — Это — я?.. Да?! Прости меня, Любочка... Больно, да?..

— Не больно... — несмотря на заверения, Любаша невольно сморщилась от боли, — Нормально...

— Люба... Люба... — то и дело приговаривал Егор, прижимаясь губами к её виску, — Больно, да?.. Прости...

— Замечательно... — глядя на эту картину, Катя уже в который раз за вечер ехидно усмехнулась, — вот завтра будет разговор про то, как два заместителя генерального директора подрались... А, уж, когда узнают — из-за кого...

— Ты поосторожнее, Катюшка... — глядя, как Егор, сняв с себя пиджак, кутает в него Любашу, Андрей поправил галстук и недобро прищурился, — А то и тебе достанется.

...Столько ласки и заботы, как в эту ночь, Любаша не видела даже от родной матери.

Вызвав служебную машину, Егор вместе с ней уселся на заднее сиденье и всю дорогу обнимал и успокаивал её как ребёнка. Он не на шутку испугался, когда увидел, что край Любашиного лба покраснел, и без конца дул на ушибленное место, чем вызывал у самой Любы искренний протест. На все её уверения, что ей не больно, он то и дел просил у неё прощения и целовал, так, что, в конце концов, она заявила ему, что, если у неё завтра и будет синяк, то не от его тяжёлой руки, а от поцелуев. Инцидент с Андреем слегка отрезвил их обоих, но, даже избавившись от хмельной эйфории, Люба вдруг почувствовала ранее неведомое влечение к этому мужчине...

Это было впервые за всё время их знакомства. Возможно, это было следствием огромной благодарности за его заботу и ласку, но, тем не менее, ванну вместе с ним в этот раз она принимала довольно охотно...

— А как же твоя машина?.. — уже глубокой ночью, в постели, Люба вспомнила о его внедорожнике, оставленном на стоянке возле ресторана, — Её не угонят?

— Ну, во-первых, там её как раз не угонят, потому, что она под охраной. Во-вторых, завтра её пригонит водитель. А, в-третьих, машина не моя, а наша.

— Слушай... Ты что, правда — заместитель генерального директора?.. — вспомнив слова Кати, Люба приподнялась на локте и в темноте посмотрела с любопытством на Егора, — Ты же говорил, что ты просто — начальник...

— А что, зам генерального, по-твоему, не начальник? — он тихонько рассмеялся её словам.

— Начальник, но... Это же очень крутой начальник... Должен сидеть в офисе... иметь личную секретаршу... разве нет?

— Я тебе уже говорил, что есть офисное начальство, а есть — разъездное. У генерального куча замов... Самых разных, при чём. По сути, каждый начальник отдела — заместитель генерального. Так что, в моей должности нет ничего грандиозного. Я — производственник, принимаю непосредственное участие во всех производственных процессах, поэтому много езжу. А секретарша, как ты говоришь, у нас одна на всех, и сидит она в приёмной.

— Ну, всё равно... — Любаша никак не унималась, — Ты с виду такой простой... Никогда бы не подумала, что ты зам генерального директора.

— А ты много видела замов генеральных директоров? — он снова рассмеялся — еле слышно.

— Честно?.. — закусив губу, Люба улыбнулась ему в ответ.

— Конечно, честно.

— Только одного...

— И кого же?.. — он лукаво улыбнулся.

— Романова Егора Романовича. Кстати... Ты заметил, что у нас одинаковые отчества? Я ведь тоже — Романовна.

— Заметил. Жаль, что только отчества. Люба... — он в темноте провёл рукой по её волосам, — Я очень хотел бы сделать тебе предложение. Но, к сожалению, пока это невозможно.

— А я об этом вообще не думаю, — пожав плечами, она неожиданно резко отвернулась и закрыла глаза, — так что, не парься.

— Ты обиделась? — он тронул её за плечо, — Любаша?..

— Нет.

— Когда-нибудь я тебе всё расскажу. Хорошо?

— Да ладно.

— И прости меня, что ударил тебя нечаянно... Простишь? — приподнявшись, Егор снова потянулся губами к её лбу.

— Ты уже в двести тридцать пятый раз это говоришь, — она недовольно мотнула головой.

— Ну, хочешь, ударь меня... — он силой повернул её к себе и, взяв в ладонь её руку, стукнул ею себя по лбу, — Шлёпни в лоб, как тебе не жалко... Вот так...

— Шлёпнуть, говоришь... — неожиданно для самой себя, Люба сжала ладошку в кулак и, поколебавшись секунду, довольно чувствительно приложила костяшками пальцев к его лбу, — Так пойдёт?

— Пойдёт... — про себя удивляясь внезапно произошедшей в ней перемене, он невольно потёр ушибленное место, — Теперь не сердись?

— А я и не сердилась... — снова отвернувшись от него, Люба вдруг почувствовала острое желание заплакать... Она сама не могла взять в толк, отчего её настроение вдруг так резко испортилось.

Неужели из-за того, что Егор сказал, что не может сделать ей предложение?.. Но она и сама не собиралась за него замуж. Более того, она вообще никаким образом не собиралась связывать с ним свою жизнь. Он был для неё буфером, некоей отправной точкой...

И, вообще. Они просто нашли друг друга. Ей негде жить... Ему — одиноко одному... Так было изначально. Так и должно быть. То, что она принимает за его влюблённость, может, вовсе и не влюблённость. Может, это просто естественная потребность в женском обществе у одинокого мужчины.

И любовь тут вовсе не при чём...

Нет, конечно, нет... Какая может быть любовь?! Между ними — пропасть. Вот и его коллеги сегодня ясно намекнули на это.

Никакой любви с его стороны нет, и быть не может.

И, вообще... Любовь — это уже лишнее. Они просто партнёры. А всё, что было сегодня, это просто от выпитого шампанского... Последний бокал был явно лишним... Если бы не он...

Конечно, виновато шампанское.

А теперь она совсем трезвая, и ей хочется спать...

И ударила она его совершенно зря. И чего это вдруг на неё накатило?..

— Егор... — в ночной тишине громко прошептала Люба, — Ты спишь?

Не дождавшись ответа, она села на постели и, слегка потормошив его за плечо, снова позвала:

— Егор!..

Видимо, крепко уснув, он не отзывался, и Люба тряхнула его изо всех сил:

— Егор!.. Его-о-р!.. — второй раз она назвала его по имени протяжно, во весь голос.

— Чего ты, Любаш?.. — он приподнял спросонья голову, — Что случилось?

— Нет, ничего... Просто я хотела спросить... Тебе не больно?

Глава 19.

Хлопнув дверью автомобиля, Люба сделала прощальный жест рукой в окно Егору и, развернувшись, быстро протопала по заснеженной дорожке к зданию «творческой деревни». Предпраздничное утро решило порадовать представительниц прекрасного пола ярким весенним солнцем, тёплым ветром и весёлым птичьим гомоном, раздающимся с каждого дерева.

— Люба, подожди!..

Любаша уже взошла на крыльцо, когда услышала окрик. Обернувшись, приветливо улыбнулась — Полина, девушка из шоу-балета «Ремикс», дополнительно привлечённого для участия в рок-опере, торопливо догоняла её, на ходу размахивая снятыми с рук перчатками.

— Привет, — шурясь на солнце, Люба поздоровалась первой и, распахнув дверь, пропустила Полину вперёд.

— Привет, — заходя в помещение, та лёгким движением руки сняла с себя шапочку и тут же принялась расстёгивать куртку, — как дела, как вчерашний концерт?

— Нормально, — улыбаясь, кивнула Любаша, — сначала было страшно, но потом ничего... Хорошо отработали.

— А ты переживала!

— Мы с тобой, кажется, первыми будем? — Любашины каблучки весело стучали по коридору «творческой деревни», — Никого не видать.

— Танька перед тобой прошла, ты что, не заметила?

— Нет... — Люба покачала головой, — Не заметила.

— Я сзади шла, когда твоя машина на парковку заезжала, а она ещё остановилась и в окно заглядывала. Неужели не заметила?

— Нет... — вспомнив о прощальном поцелуе Егора, который могла увидеть Таня, Люба нахмурилась.

— Вообще-то она недолго стояла, секунду или две. Потом сюда пошла, прямо перед тобой, — остановившись у дверей гримёрной, Полина понизила голос и кивнула головой на двери, — ну, тебе — сюда, а я в свою раздевалку, наверх... Потом поболтаем, хорошо?

— Хорошо!

— Да, поздравляю тебя с премьерой! И с наступающим праздником!

В ответ Люба только радостно кивнула. Она, действительно, была очень довольна вчерашним вечером, и теперь даже сомневалась, что, на самом деле, оказалось для неё более волнительным — её первое выступление или банкет, на который пригласил её Егор.

Полина, с которой, как ни странно, у Любаши сложились самые дружеские отношения,

была танцовщицей известного в городе хореографического коллектива «Ремикс», состоящего из восьми участников — четырёх девушек и четверых юношей, трое из которых были местными ребятами, а четвёртый — темнокожим студентом, приехавшим в Россию на учёбу, но уже несколько лет успешно выступающим в шоу-балете. Сейчас этот самый шоу-балет был задействован в рок-представлении. В отличие от танцевального трио, с которым выступала Наталья, «Ремикс» впервые присутствовал в коллективе Морозовых, но двух месяцев совместных репетиций хватило для любопытной Полины сполна, чтобы вызнать все «закулисные» тайны «творческой деревни». Она первая из всех, не считая Наташи и Татьяны, наладила контакт с новенькой бэк-вокалисткой Любой Пучковой, когда та месяц назад появилась в студии, и частенько подбадривала, а заодно «просвещала» её на предмет личных отношений других артистов.

Раньше Любаша общалась с симпатичной белокурой, похожей на лисичку, девушкой довольно сдержанно, только слушая её и согласно кивая в ответ. Но после вчерашних событий, вызвавших в ней такой незнакомый восторг, ей вдруг очень захотелось с кем-нибудь поделиться своими впечатлениями...

Ни Таня, ни другие вокалистки, на её взгляд, не подходили на роль задушевных слушательниц... На их фоне Полина показалась ей сейчас именно той подругой, которой можно было бы доверить свои тайны...

Жаль, что времени на это у неё сейчас не было.

— Привет... — Войдя в гримёрку, Люба увидела там Татьяну, которая, сняв верхнюю одежду, собиралась надеть сценическое платье — сшитое из струящейся ткани, переливающееся всеми оттенками бордового цвета, оно висело на плечиках рядом с небольшим гладильным столом.

— Ба-а-а... — глядя на скинувшую на пороге капюшон Любашу, Татьяна нахмурилась, — Это у тебя что... синяк?!

— Угу... — усмехнувшись, кивнула Люба и повесила пальто на вешалку. По дороге сюда она совсем забыла о синяке, красовавшемся теперь на доброй трети её лба, а, ведь, именно из-за него она явилась в студию так рано. Кроме них с Татьяной в гримёрке пока никого не было, но с минуты на минуту должны были подойти другие участницы сегодняшнего рок-представления, а ей совсем не хотелось предстать перед ними, а, тем более, перед парнями из «Ночного патруля» в таком виде.

Генеральная репетиция рок-оперы, назначенная на утро премьеры, должна была состояться через сорок минут. Люба нарочно решила попасть в студию немного раньше назначенного времени, чтобы на месте попытаться загримировать тёмно-фиолетовое пятно, в который за ночь превратилось вчерашнее «лёгкое» покраснение.

Увидев её с утра, Егор пытался прикладывать к синяку разные примочки, но Люба упрямо отмахивалась от его рук, справедливо считая, что теперь ни одна из этих примочек не поможет. Синяк получился довольно заметным, и тональный крем, наложенный ею дома, не помог — синева упрямо проглядывала сквозь слой отечественного косметического средства. Надвинув на лоб капюшон, Любаша мужественно села в машину, чтобы отправиться на генеральную репетицию, предвкушая вопросы и обсуждения за спиной причин появления этого самого синяка, и заодно надеясь на профессиональный грим, имеющийся в студии.

— Ты что... о дверь ударились? — Татьяна не переставала разглядывать Любашин лоб.

— Угу... — снова кивнула та и оглянулась на входные двери, — Наташа здесь, не

знаешь?

— Здесь. Наверху, кажется. Зачем она тебе?

— Грим попросить. Она его у себя держит, я знаю.

— Люб... — Таня подошла ближе и осторожно положила ладонь Любаше на плечо, —

Он что, тебя бьёт?..

— Кто?.. — теперь нахмурилась Люба.

— Ну, этот твой... типа родственник...

— Почему — типа? Он и есть мой родственник, — Люба деланно пожала плечами, — и

с чего бы ему меня бить?

— Да ладно тебе... — Татьяна понизила голос, — Никакой он тебе не родственник, все уже знают.

— А кто же?! — Любаша попыталась изобразить искреннее удивление.

— Ну... мужчина твой... Люб, ну, что ты, как маленькая. Родственник, родственник...

Знаем мы всё. Он что, бьёт тебя?

— Да с чего ты взяла?! — Люба заметно занервничала. Ей по-прежнему не хотелось раскрывать свои отношения с Егором перед посторонними.

— А синяк откуда? — Таня осторожно дотронулась подушечками пальцев до её лба, —

А то, что не родственник... Так я же не слепая. Могу родственника от хахаля отличить.

— Интересно, каким это образом... — в который раз усмехнулась Люба, — Впрочем, неважно. Мне сейчас нужно фонарь замазать.

— С родственниками в салоне в засос не целуются... Кстати, если сделать чёлку, то она отлично закроет синяк, — Таня взяла в ладонь небольшую прядь Любашиных волос и, как бы примеривая, поднесла к её лбу, — и никакого грима не надо.

— Чёлку?.. — чтобы увести разговор в другое русло, Люба посмотрела на себя в зеркало, — А что... вариант... Я давно хотела, да как-то не решалась. Здесь есть ножницы?

— Есть, — открыв ящик столика, Татьяна достала оттуда небольшие ножницы, — конечно, лучше бы это сделать в парикмахерской...

— Да ладно, буду я ещё из-за чёлки в парикмахерскую идти... — Любаша протянула руку, — Давай...

— Ты что, сама собираешься стричь?! — Таня отвела руку с ножницами назад.

— Да, а что? — Люба удивлённо посмотрела на девушку, — Сама.

— Ты что, самой нельзя, здоровья не будет! Давай, садись, я постригу...

Ножницы оказались настолько тупыми, что не резали, а буквально «жевали» Любашины волосы, так, что Татьяне приходилось по нескольку раз проходить по одному и тому же месту, как бы нечаянно меняя угол направления, и Люба уже через минуту после начала «операции» смотрела со страхом на своё отражение в зеркале. Ещё две вокалистки, Алёна и Рита, которые подошли чуть позже, теперь с интересом поглядывали на парикмахерское действо, отвлекаясь от переодевания.

— Вот чёрт... — глядя на то, что получилось в результате её манипуляций, Таня озабоченно закусила губу, — Это всё из-за ножниц!

— Лучше бы я сама... — Люба отчаянно пыталась выровнять пальцами абсолютно разные по длине пряди на лбу, — Ну, что это такое...

— Давай, я вот тут поправлю... — Таня снова потянулась ножницами к левому краю чёлки, — Давай...

— Ну, Танька!.. — увидев, как лезвие безжалостно «отжевало» щепоть волос, сделал их

похожими на коромысло, Любаша чуть не расплакалась, — Лучше бы так оставила, как было!..

— Девчонки, перестаньте толкаться!.. — сердито нахмутив брови, Таня попыталась свалить вину на других, — Всё из-за вас!..

...Люба, действительно, чуть не плакала. Она даже забыла переодеться в свой сценический костюм — такое же бордовое, переливающееся платье, как у Татьяны. И танцовщицы, и остальные вокалистки были уже одеты и готовы выйти на сцену, а она всё ещё сидела на месте, кусая губы. Она не видела своего отражения — девушки, прихорашиваясь и поправляя наряды, загораживали от неё зеркало, но ей и не хотелось смотреть на себя... В результате Татьянинных действий чёлка оказалась кривой и очень короткой — она даже не закрывала полностью синяк, ради которого Люба и согласилась на эту экспресс-стрижку...

— Девчонки, ну, вы чего?! — Наташа нетерпеливо заглянула в двери, — Бегом на сцену! Пора начинать! Боже, Люба... — увидев Любашу, она встала как вкопанная, — А это что такое?!

— Что? — Люба угрюмо подняла на неё глаза.

— Волосы... Что ты сделала с волосами?!

— Чёлку подстригла... — Люба постаралась как можно невозмутимее пожать плечами.

— Зачем?! — Наталья недоумённо смотрела на девушку.

— Вот... — Люба отодвинула волосы со лба, обнажив тёмно-фиолетовый участок кожи.

— А это... это — откуда?! — уставившись на синяк, Морозова сделала шаг вперёд, — Люба, с тобой всё в порядке?

— Да, всё нормально, — нахмутив брови, Люба посмотрела куда-то вниз, — о двери ударилась.

— Она же вчера после концерта ещё и на банкет поехала, — Таня многозначительно подмигнула, — видимо, не рассчитала, да, Любашка?

— А с чёлкой-то что?! Зачем так коротко?.. — не унималась Наталья, — Люба, у нас все образы до мелочей продуманы, и что мне теперь с тобой делать?!

— Что, сильно коротко?.. — Люба подняла на неё глаза.

— Коротко, это пол беды. Неровно, вот что! Ужас какой-то... И ровнять уже не с чего...

— Ножницы тупые, — Таня показала в руках ножницы, — я и так старалась.

— Ну, почему вы у меня не взяли хорошие ножницы?! Так, ладно... Десять минут ничего не решат, — Наташа решительно взялась за ручку двери, — Все, кроме Любы — на сцену, а я сейчас попробую договориться с одной волшебницей.

Пропустив мимо себя всех присутствующих девушек, Морозова следом за ними быстро вышла в коридор. Буквально через несколько секунд дверь снова отворилась — возникшая на пороге Полина торопливо прошла через небольшую комнату и, достав из угла сумку, вынула из неё лёгкие кроссовки.

— Забыла, что кроссы с прошлой репетиции тут остались, — усмехнувшись, девушка присела на стул и сняла с себя туфельки, — всю раздевалку обыскала, ведь мы первый танец в кроссовках танцуем... хорошо, что начало на десять минут отодвинули.

— Репетицию из-за меня задерживают... — Любаша расстроено посмотрела на неё через зеркало. Она была настолько огорчена, что так и осталась сидеть на стуле в ожидании возвращения Наташи, вместо того, чтобы, не теряя времени, переодеться и наложить макияж.

— Почему?.. — Полина удивлённо распрямилась, так и не завязав шнурок.

— Вот... видишь?.. — Люба двумя пальчиками, брезгливо, приподняла неровную прядь на лбу.

— Боже... Кто это тебя так обкромсал?!

— Таня... А Наташа увидела, говорит, что я образ испортила, потому, что у них все образы продуманные...

— Ничего себе... А зачем Танька тебя стригла?!

— Из-за синяка. Видишь? — Люба уже в который раз убрала волосы со лба, — Я хотела заgrimировать, но она посоветовала сделать чёлку...

— Вот змея... — Полина усмехнулась как-то загадочно, — Это она нарочно!

— Как — нарочно?..

Люба хотела спросить ещё что-то. Но дверь неожиданно открылась.

— Вот, смотри... — вернувшаяся Наташа пропустила вперёд себя красивую женщину лет тридцати, чуть выше среднего роста, с огромными карими глазами и светло-русыми волосами, уложенными в причёску, — Можно что-то сделать?.. И так, чтобы до вечера хватило, чтобы ей самой не укладываться.

— Да... — подойдя почти вплотную, женщина пригладила мягкой ладонью Любашину чёлку, — Перестарались девчонки. Но я попробую.

...Люба и раньше видела здесь эту женщину. У неё было очень красивое и запоминающееся имя — Милена. Её муж, Евгений Журавлёв, был клавишником у «патрулей», а их восьмилетняя дочь Маша играла в рок-опере главную героиню в детстве. Руки у Милены были удивительно мягкие и ласковые — Люба чувствовала их тепло даже на расстоянии, когда та, не касаясь её лба, выправляла неровные пряди волос расчёской и ножницами, принесёнными Наташей.

Закрыв глаза, Любаша обречённо сидела на стуле, даже не надеясь на благополучный исход — уж слишком мало волос оставила Татьяна у неё на лбу, чтобы из них можно было соорудить что-то приличное.

— Вот... всё, что смогла... — Милена лёгким, практически воздушным движением пальцев провела по поверхности чёлки, потом подбила её края, — Где у вас лак?

— Ой... — открыв глаза, Люба недоверчиво смотрела на своё отражение. Женщина и вправду была волшебницей: куцые пряди, ниспадающие на лоб, ей удалось выровнять совершенно незаметно, так, что длина чёлки практически не уменьшилась, но зато теперь была подстрижена аккуратно и даже стильно — прихватив целые пряди, которых не коснулись Танины руки, она чуть подрезала их, так, что теперь короткая чёлка по бокам плавно переходила в виски... Как ей удалось достичь такого результата, Любаша не смогла сразу взять в толк, и, более того, теперь чёлка не торчала концами вперёд, а ровно лежала на поверхности лба.

Ей всё же пришлось воспользоваться гримом, чтобы замазать чуть выглядывающий синяк, но теперь он не выделялся так, оттеняемый волосами.

— Я всегда знала, что ты — волшебница, — Наташа восхищённо смотрела на работу Милены, — у тебя самые настоящие золотые руки!

— Спасибо вам... — вскочив со стула, Люба тут же кинулась переодеваться, — Я уже не знала, что мне делать...

— Если не знаешь, что делать, иди сразу к Наташе, — рассмеялась в ответ Милена, — она всегда и во всём поможет.

...Когда Люба, наконец-то, вышла на сцену, вся «труппа» демонстративно громко и с облегчением вздохнула. Девушка вдруг неожиданно смутилась от того внимания, которое вызвала своим опозданием. Она подумала, что, когда опаздывает кто-то из солистов, это воспринимается как что-то, само собой разумеющееся... Но для бэк-вокалистки такая дерзость была совершенно недопустима... Во всяком случае, ей так показалось.

— Дайте кто-нибудь воды... изверги!.. — Александр Говоров, сидевший за ударником, уронил лицо в ладони и, потеряв ими щёки, поднял на Любу измученный видимым похмельем взгляд, — За опоздание — трудовая повинность!.. Быстренько минералки дяде Саше...

— Ага... — Люба виновато кивнула и уже было собралась развернуться, но тут же снова бросила на парня вопросительный взгляд, — А где её взять?..

— Люба, не слушай его, — Наташа нетерпеливо махнула рукой, — это он так шутит. Становись на своё место.

— Ничего я не шучу, — Говоров снова посмотрела на Любашу, — Тащи минералку.

— Держи свою минералку... — Наталья ловко достала из «бочки» начатую бутылку минеральной воды, — И не морочь людям голову. Начинаем...

— А чё... там только это?.. — Александру не была видна обратная, открытая сторона большого барабана, и он палочкой показал куда-то вперёд и вниз.

— А что ты хотел бы там ещё увидеть? — во время их разговора Наташа торопливо ходила по сцене, от одного музыканта к другому, на ходу поправляя на них одежду.

— Ну, например, пиво... — Говоров резко нажал ногой на педаль — громкий, глухой звук разнёсся по небольшому зрительному залу.

— Саня, приклей к колотушке губку!.. — Виктор Мазур, стоя наготове с бас-гитарой, поморщившись, недовольно покосился на друга, — Не у тебя одного сегодня башка больная...

— Парни, мы начинаем или нет?! — Дима, который до этого момента тихо стоял за кулисами, подал голос в микрофон, — Время идёт, всем ещё нужно перед концертом отдохнуть... Паша, ты чего молчишь?..

— Я не молчу, я уходил... — голос режиссёра Паши раздался от входных дверей.

— Ты не уходи, ты командуй... Антон, всё готово?.. — Морозов выглянул из-за боковой кулисы.

— Да! — прозвучало из зрительного зала.

— Паша, ты где опять?!

— Здесь... Тоха, добавь ревер на Димин микрофон...

— Дима, говори...

— Раз-два-раз...

— Нормально. Костя, свет!.. Балет, готовы?.. Маша, на старт!.. Саня, счёт... Поехали!

Сцена «Творческой деревни» была небольшой, намного меньше той, на которой им предстояло выступить сегодняшним вечером, но провести генеральную репетицию во Дворце молодёжи сегодня так и не удалось — весь день на его сцене шли праздничные концерты.

Из-за дефицита свободного пространства Татьяне с Любашей пришлось устроиться буквально плечом к плечу с клавишником Евгением Журавлёвым, стоявшим со своей многоярусной установкой в самом углу. Женя, длинноволосый, красивый, высокий мужчина

с обаятельной, сводящей с ума весь женский пол, улыбкой, не сводил глаз с движущегося луча прожектора, в котором, как в светящемся пенале, при первых аккордах на сцене появилась девочка лет восьми, в белом нарядном платье, с белыми, заплетёнными в длинные косы, волосами.

Это была Маша, дочь Журавлёва и Милены... Она играла главную героиню в детстве, и должна была исполнить лишь одну, самую первую, композицию. Девочка была от природы темноволосой, с огромными карими глазами, и поэтому ей пришлось надеть белокурый парик, чтобы она была совсем похожа на маленькую Наташу.

В свете софитов Любаше не было видно матери девочки, которая сидела в зале, но, слегка скосив глаза, она могла наблюдать за Журавлёвым, который, судя по всему, волновался не меньше дочери — Люба заметила, как он едва шевелит губами, видимо, повторяя за Машей все слова её песни. От других девушек Люба знала, что Маша не родная дочь Журавлёвым, но, судя по тому, как переживали за неё Женька с Миленой, любили они её, как родную. К тому же, Маша была удивительно похожа лицом на свою приёмную мать...

Стоя рядом с Журавлёвым, Люба вдруг представила себя со стороны... Она — в окружении таких уже довольно известных музыкантов!.. Вадим Зимин — по словам ребят, он настоящий виртуоз соло-гитары... Его уже не раз переманивали в другие коллективы, но он оставался верен своей группе и ребятам... Он не такой высокий, как остальные парни, но всё равно, такой хорошенький... а его руки... Люба уже не раз обращала внимание на его руки... Его пальцы двигались по струнам и грифу так плавно, так мягко... и, в то же самое время, так стремительно, что казалось, что это вовсе не человек сейчас играет, а кто-то включил запись в убыстрённом темпе...

Мазур — несмотря на его слегка потешный, благодаря белобрысым, в мелкую кудряшку, длинным волосам и девичьему румянцу на удлинённом лице облик и ироничные манеры, Виктор — очень серьёзный музыкант, талантливый бас-гитарист и аранжировщик... А Говоров!.. Любитель девчонок, не отказывающийся, по слухам, от любви фанаток и пьяных застолий, он — по-настоящему легендарный ударник «Ночного патруля»... То, что Сашка в любом состоянии вытворяет на барабанах, не поддаётся её, Любашиному разуму... Она не раз за этот месяц становилась свидетельницей его сольных выпадов, когда после репетиции он не уходил вместе со всеми со сцены, а оставался сидеть за установкой, выдавая уму непостижимые барабанные партии...

А Морозов?! Его красивый тенор, которым он свободно и легко берёт две октавы, не срываясь на фальцет, будоражит умы и сердца женской аудитории... А его внешность?.. Аристократизм, о котором говорят все, проявляется буквально во всём — и в манерах, и в его синем взгляде... Девушки не даром сходят по нему с ума: длинные, до плеч, густые тёмно-русые волосы обрамляют чуть удлинённое лицо, с аккуратным, с едва заметной горбинкой, носом и чуть сжатыми, красивыми губами... даже не будь у Димы такого таланта, поклонниц у него было бы не меньше... Не зря его так любит Наташа.

И у Журавлёва, и у Говорова с Мазуром, и у Зимина тоже есть свои поклонницы...

За этот месяц Любаша не раз видела, как девчонки терпеливо поджидали своих кумиров после репетиций... Она мёрзла на улице, приплясывая и затягиваясь сигаретами, чтобы хоть как-нибудь согреться, и всё лишь ради того, чтобы просто увидеть, как герои их мечтаний садятся в машины и разъезжаются по домам...

Люба как будто впервые поняла, среди каких людей оказалась она сейчас. Жаль, что всё это скоро закончится. Через полгода выйдет девушка, которую она, Любаша заменила на

подпевке...

Через полгода... Нет, уже через пять месяцев.

Что такое — пять месяцев?

Увидел бы её сейчас Даня... Впрочем, нет. Если и увидит, то не на последних ролях...

Но у неё нет шансов на ведущие роли...

Впрочем, она знала это и раньше.

— Мало места... — с сожалением произнесла Полина, когда они вместе с Любой покидали студию после репетиции, — Я чуть не упала... пару раз — в софиты, пару раз — в барабаны...

— Слушай... — как будто вспомнив о чём-то, Люба с интересом взглянула на девушку, — А как ты со своим партнёром?.. Нормально?

— С Мигелем? — усмехнулась та, — Да нормально... А что?

— Ну... — Люба замялась, — Всё же негр...

— Ты только при нём не скажи, что он — негр, — прыснула Полина, — сейчас так не принято говорить.

— А как принято? — искренне удивилась Люба.

— Афроамериканец. Нет, это, конечно, идиотизм, с этой толерантностью... Но он натурально обижается, прикинь?!

— Ну, ладно, не скажу... Хотя, какая разница?

— Да никакой. Нет, он парень нормальный, я не комплекую. Видела, какая у него пластика?

— Угу... А он что, сюда танцевать приехал?

— Нет, — Полина махнула рукой, — Он студент. Учиться приехал, а танцами ещё у себя там, в Тунисе, занимался. К нам, в «Ремикс», попал из-за цвета кожи. Это же брендово, когда чернокожий танцор в коллективе. Так, вместо учёбы, танцевальную карьеру делает. А Морозовы посмотрели, говорят, это находка. Нормальный парень, с нами третий год танцует. Я к нему уже привыкла.

— А девушка у него есть?

— Вроде нет, у них же там, на родине, свои невесты... их ещё в младенчестве обручают. Если прижмёт, находит себе, наверное, сексуальную партнёршу. Как-то ко мне даже подкатывал, но я его сразу отшила... — Полина многозначительно посмотрела на Любу, — А, вообще, он в Наташу влюблён.

— Какую Наташу?! — остановившись от неожиданности, Люба уставилась на свою собеседницу. Егор задерживался, и она не торопясь провожала Полину к автобусной остановке

— Нашу... — снова усмехнулась Полина, — Морозову. Может, она ему и раньше нравилась, не знаю... Но, когда он её вблизи увидел, то всё, крышу снесло начисто. Сюда на репетиции всегда первым приезжает, всё ждёт, когда на гастроли поедет.

— Зачем?..

— Ну, как... Чтобы видеть постоянно. На гастролях — романтика...

— Ну... он же понимает, что она замужем... да и вообще... она — русская, он — негр...

— Понимает, наверное. Но... Горячий африканский парень... — Полина заговорщически толкнула Любашу в бок, — Знаешь, он так на неё смотрит, особенно, когда вблизи... Мне иногда кажется, что спичку поднеси к глазам — загорится!

— Бррр... — Любаша поёжилась, представив себе «пламенный» взгляд чернокожего

танцора, — Я, конечно, не расистка... Но даже представить не могу... Наташа и...

— Да ладно тебе... Зачем представлять то, чего никогда не будет? Лучше скажи, как у тебя с Антошкой? А?..

— У меня?! — глаза Любаши снова округлились, — Никак...

— Ты же ему нравишься... Неужели не замечала?!

— Н-нет... — тон получился не совсем уверенным, и Люба поспешила отвести глаза, — Зачем он мне... У них с Танькой что-то намечается.

— Не знаю, что там у них намечается... — Полина зачем-то оглянулась и приглушила голос, — Но это сама Танька проявляет к нему интерес. А не он...

— Не знаю, — Люба пожала плечами, — если честно, я за ними не слежу...

— А я слежу... Думаешь, почему она тебе так чёлку постригла? Да нарочно, из ревности!.. — девушки уже подошли к остановке, и Полина, остановившись, повернулась к Любаше.

— Нет... — Люба попыталась оправдать Татьяну, — Это ножницы такие тупые были.

— Она что, не видела, какие ножницы?.. Нарочно всё это, можешь не сомневаться!

— Ой, не знаю... — Люба озабоченно вздохнула, — Но я, конечно, чуть всех не подвела... У Наташи все образы продуманы были, и даже причёски...

— Это ерунда... — поправив шарфик, Полина натянула на озябшие руки перчатки, — Я могла бы понять, если бы ты главную роль исполняла, или хотя бы второстепенную... А ты — на заднем плане, чисто бэк-вокалистка. Какой тут образ?!

— Ну, и хорошо, что на заднем... — решив не развивать эту тему, Люба вздохнула, — Не так страшно.

— Зато бесперспективно.

— А я всё равно только на полгода по контракту, мне перспектива не светит.

— Всё зависит от тебя самой, — похожее на лисичку личико вдруг стало совершенно серьёзным.

— Что тут может от меня зависеть? — настроение неожиданно упало, Любе стало грустно, — Мне и так повезло, что меня Наташа пригласила. И, вообще... Не хочу пока ни о чём думать. Меня устраивает задний план.

— Если честно, то зря, — Полина пожала плечами, — не будешь стремиться на главные роли, так и останешься на заднем плане! Сюда многие хотели бы попасть, а тебе само в руки приплыло... Разве можно упускать такой шанс?!

— Можно подумать, мне его кто-то даёт... — Люба недоверчиво усмехнулась, — Я и этому рада.

— А никто и не даст. Ты сама должна подумать, как и чего добиться. Думаешь, так и будут сами предлагать? Ничего подобного! Один раз повезло, дальше двигайся сама. Ты ведь очень талантливая, это я тебе как профессионал говорю. Мы с какими только вокалистками не выступали, я многих слышала живьём... тебе и в подмётки не годятся. Так что, думай, пробивайся... Тем более, ты не замужем... Веди не замужем?..

— Нет, не замужем, — Люба нехотя ответила на пытливый вопрос собеседницы.

— И детей нет... — закончила та свою мысль, — Тебе — все карты в руки!

— Мне и пробиваться-то некуда, — Любаша ещё раз пожала плечами, — это же коллектив, Наташа там бессменная солистка. Её место не займёт никто.

— Зачем — её место?! — Полина понизила тон, как будто боясь, что их могут услышать, — Вот сейчас в опере, кроме неё, ещё две вокалистки поют, роли почти

главные...

— Ты про Риту и Алёну?

— Про них.

— Так они поют... А я тут при чём?.. Всё распределено.

— Любашка, ты очень наивная... — рассмеялась Полина, — ты на бэк как попала?

— Наташа позвала...

— А почему она тебя позвала?

— Певица в декрет ушла...

— Ну, вот! Разные обстоятельства бывают... В декрет ушла, ногу сломала, в космос улетела...

— Так это случайно...

— А вся наша жизнь состоит из случайностей. Согласна?..

Слушая Полину, Люба ловила себя на мысли, что она во многом с ней согласна. Вот уже и месяц пролетел, так незаметно... Остальные пять пролетят так же быстро, что и оглянуться не успеешь. Контракт с ней закончится, и что тогда?.. Надеяться на то, что Морозова не оставит её без своей протекции?.. Это возможно. Зная Наташу, можно не сомневаться, что она не даст Любе просто так уйти в никуда...

И, всё же... Надеяться только на это — глупо. Она, Люба, согласна быть и на подпевках, ведь материальная сторона её пока не интересует — живя с Егором, она не испытывает ни в чём нужды. Но ведь она не собирается жить с ним вечно... Да, ей у него неплохо, если не сказать больше. При желании она могла бы иметь многое... он не жадный.

Просто она сама не хочет быть у него в неоплатном долгу. Ведь она его не любит...

Да, вчера ей показалось, что какое-то подобие чувства затеплилось в душе, но, проснувшись сегодня утром, Любаша обнаружила, что вместе с остатками хмеля выветрилось и это неожиданное влечение к мужчине, с которым её свела судьба.

Нет, конечно, нет. Это просто партнёрство — вчера она нашла правильное обозначение их отношений. Он проявляет к ней внимание, покупает подарки, даёт кров и совсем не бедный стол... Но и она старается не оставаться в долгу. Помимо домашних обязанностей, которые она выполняет с предельной аккуратностью, она делит с ним постель, заботится о его внешнем виде... К тому же, она не гулена — после репетиций послушно едет вместе с ним домой, несмотря на то, что ей иногда до ужаса хочется остаться там, в студии, среди других молодых людей, посмеяться вместе со всеми, пошутить, даже слегка пофлиртовать с Антошкой, которому она, действительно, нравится — она просто не призналась сейчас Полине, но он и вправду оказывает ей внимание, причину которого даже не пытается скрыть... Татьяна не зря ревнует его к ней... Она даже с удовольствием поболтала бы с Говоровым, который готов не пропустить мимо ни одну симпатичную девушку в «творческой деревне»...

Ведь здесь так интересно... Здесь своя жизнь, и не только творческая... Студия всегда полна молодых людей, её ровесников, которые не только поют и танцуют, а ещё и общаются, влюбляются, встречаются... здесь вспыхивают романы и, судя по рассказам Полины, даже происходят личные трагедии...

Ей ужасно хочется быть частью всего этого «закулисного» действия, но вместо этого она каждый вечер неизменно уезжает с Егором. И даже когда он находится в командировке, Любаша не задерживается здесь надолго...

Но она не собирается только из чувства благодарности посвящать ему всю свою жизнь.

Она всё больше и больше ощущает напряжение оттого, что живёт вопреки своим желаниям...

Да, Егор — хороший...

Но он — не её мужчина.

У неё другая цель и другая судьба.

Всё лишь дело времени...

— Люба!.. — услышав знакомый голос, она встрепенулась и, повернув голову, увидела подъехавшую к остановке машину Егора, который, опустив стекло, весело смотрел на неё из салона, — Почему ты не позвонила, что стоишь на остановке? Я чуть мимо не проехал!

— Сейчас!.. — кивнув ему, Люба повернулась к Полине, — Ну, всё, я поехала. До вечера!

— До вечера! — та с любопытством разглядывала и автомобиль, и самого Егора, — Береги лоб!..

...Такие аплодисменты Любаша слышала лишь по телевизору, когда смотрела концерты знаменитых артистов. Она даже представить себе не могла, как звучат вживую настоящие овации! Она и верила, и не верила, что эти овации предназначены в том числе и ей, скромной девушке с заднего плана...

Краем уха она слышала, какую мощную пиар-компанию развернул Дима с помощью местных СМИ своему творческому детищу, но, увидев множество телекамер в зрительном зале, она поняла, что всё, что происходит здесь и сейчас — не заурядный рок-концерт... Это — настоящее событие в истории отечественной рок-музыки, и событие это — с большой, очень большой буквы!

Выйдя же вместе со всеми участниками после окончания премьеры на улицу из служебного входа, Любаша, как и остальные, оказалась в окружении благодарных зрителей и меломанов, фанатов и фанаток «Ночного патруля», так, что поджидавший её неподалёку Егор не смог разглядеть её в общей толпе...

— Ну, что?.. — усевшись в салон его автомобиля, она смотрела на него блестящими от восторга глазами, — Что скажешь?!

— Ты же знаешь, я не любитель рока... — обняв её одной рукой, другой он взял с панели букет цветов и протянул ей, — Но ты мне понравилась ужасно...

— Ну, Егор... — она по-детски, капризно надула полные губки, — Я же серьёзно спрашиваю...

— А я серьёзно отвечаю, — он притянул её к себе и поцеловал в щёку, — я смотрел только на тебя... Любка... ты — шикарная женщина!

— Ну, Егор!.. На меня не нужно было смотреть!.. Меня нужно было слушать!..

— А я смотрел... И мне всем хотелось рассказывать, что ты — моя... ты же — моя?.. Люба... — скользя рукой по шелковистой поверхности тонких колготок, обтягивающих её ноги, он целовал её губы, шею, грудь, — Ну, скажи... Моя?..

— Ну... твоя, твоя... — нехотя принимая его поцелуи, Любаша с тоской подумала о том, что сейчас вся их команда едет на специально арендованном автобусе в «Творческую деревню», чтобы там всем вместе отметить удачную премьеру...

Едут все — и «патрули» со своими жёнами, и влюблённый в неё Антон, и влюблённая в Антона Татьяна, и концертный директор Морозовых Элеонора, и вокалистки Алёна и Рита... и танцоры, среди которых любопытная Полина и пожирающий глазами Наташу Мигель...

Можно только представить, как сейчас там будет весело!..

И только она, Люба, сейчас поедет домой... к нелюбимому мужчине, который совсем не разбирается в музыке... Она войдёт с ним в квартиру, чтобы вместе съесть скучный ужин, а потом лечь в одну совсем не желанную для неё сегодня постель...

Потому, что у неё нет другого выхода.

И времени для того, чтобы найти этот выход, становится всё меньше...

Глава 20.

Разговоров и воспоминаний о состоявшейся премьере хватило не на одну неделю. Несмотря на то, что рок-представление прошло на ура, было решено репетиции не прекращать, и проводить их раз в неделю, в том числе и с целью подготовки дублёров на основные роли. Кроме того, одновременно продолжалась работа над студийной записью полной версии оперы — часть композиций была уже записана, и молодые артисты регулярно приезжали в студию, чтобы работать над остальными песнями. После окончания работы над музыкальной частью планировалось снять полнометражное видео.

Каждый день Любаша приезжала в «творческую деревню». Она с огромным интересом слушала воспоминания ребят о том, как они весело отмечали премьеру, снова и снова сожалея о том, что ей так и не удалось поприсутствовать на этом застолье. Единственным утешением о пропущенном веселье для неё были серьги из белого золота с вкраплениями мелких камешков, подаренные Егором на восьмое марта. От Любаша не укрылись завистливые взгляды некоторых её новых творческих коллег, брошенные на этот дорогой подарок.

Сам же Егор без особой радости воспринял новость о том, что теперь Люба каждую неделю будет работать вместе с коллективом Натальи на корпоративных вечерах и юбилеях, а так же в ночных клубах, а через две недели уедет вместе со всеми на свои первые гастролы. Он ещё раньше говорил Любаше, что намерен в начале мая взять её с собой в отпуск, а теперь напоминал об этом всё чаще и чаще. Он как будто не хотел знать о том, что для неё теперь это невозможно, и говорил об этой поездке как о чём-то решённом. Решив, что до назначенного срока ещё есть время, Люба старалась эту тему не развивать и переводила в шутку все разговоры.

Вместе с тем, на репетициях она всё чаще и чаще ловила на себе влюблённые взгляды Антона, и в глубине души осознавала, что, даже оставаясь без её ответа, его внимание начинает ей нравиться. Попытки Татьяны сблизиться с симпатичным звукорежем успехом так и не увенчались — парень охотно с ней общался, но до любовных свиданий дело у них так и не дошло, что тоже отзывалось в Любашинном сердце каким-то непонятным для неё удовлетворением.

За то недолгое время, что она жила в этом городе, Люба заметно преобразилась — из обыкновенной провинциальной девчонки она превратилась в стильную девушку, вызывающую откровенные мужские взгляды. Егор всё более неохотно оставлял её одну, уезжая в командировки — это было написано у него на лице, когда, собираясь в очередную поездку, он вдруг бросал сборы и тащил её в постель, несмотря ни на спешку, ни на её свеженанесённый макияж. Люба ловила себя на мысли, что постепенно привыкает к нему, привыкает настолько, что даже начинает ощущать нехватку внимания в его отсутствие. Правда, к настоящим чувствам это не имело никакого отношения...

...Ночь прошла в одиночестве — Егор уехал накануне вечером, и вернуться должен был только послезавтра. Проболтав с Верой по телефону чуть ли не до полуночи, Любаша долго

ворочалась в постели. Кажется, в семье сестры наступил долгожданный покой — за весь разговор та ни разу не пожаловалась на Сергея, а лишь выпрашивала у Любаши все подробности её жизни.

«Ты смотри, не очень-то привыкай к своему Егору... — в конце беседы Вера не удержалась от напутствия, — Кто его знает, что у него в голове на самом деле. Все они одинаковые...»

Люба и сама не собиралась прикипать к нему напрочь. Да, с ним ей спокойно. Он даже не успевает надоедать ей, то и дело уезжая в свои командировки... Но, в то же самое время, ей, наверное, ещё рано оседать вот так — дома. А с ним она обязательно осядет — он то и дело напоминает ей о своих планах, в которые совершенно не уместится её теперешняя артистическая жизнь. А эта жизнь ей нравится... Ой, как нравится!.. Ну, и что, что она — «задний план». Зато она постоянно на виду, в окружении таких же, как она, молодых, творческих людей, уже известных артистов. И эти аплодисменты, которые она слышит теперь — они и её тоже.

Нет, Егор — это временно. Она, конечно, расстанется с ним, рано или поздно. Вот только будет куда уйти, и — уйдёт. Для этого нужны гонорары... Ничего, всё впереди...

Несмотря на то, что уснуть удалось не сразу, встала Люба довольно рано. Решив до репетиции сделать уборку в квартире, достала пылесос и уже собралась почистить ковёр на полу, как услышала звонок в дверь. Удивившись тому, что гость как-то попал в подъезд, не воспользовавшись домофоном, Люба прошла в прихожую и заглянула в глазок.

Женщина, стоявшая по ту сторону двери, показалась ей знакомой — Люба уже видела её, когда однажды вместе с Егором подъезжала к его офису. Высокая, с шикарными тёмно-каштановыми волосами, лёгкими локонами лежащими на плечах дорогой шубки, женщина была очень красивой — даже сидя в салоне автомобиля, Люба заметила и синие глаза, и чувственные губы, и высокие скулы незнакомки. Она не придавала тогда значения встрече Егора с этой женщиной, приняв её за сотрудницу его фирмы. Выйдя из машины, он о чём-то недолго говорил с ней, а потом поднялся в здание. Люба почти сразу забыла об этой встрече, но сейчас, увидев её на площадке, сразу же повернула замок.

— Доброе утро, — окинув Любашу с ног до головы синим взглядом, поздоровалась гостя. Люба уловила в её тоне некую нервозность.

— Здравствуйте... — приоткрыв дверь, она выглядывала на лестничную клетку, — Вы к Егору? А его нет...

— Я в курсе, — женщина насмешливо улыбнулась уголком губ, — я войду, хорошо?

— Хорошо... — посторонившись, Люба пропустила гостью.

Войдя в квартиру, та сделала несколько шагов, потом, резко развернувшись, ещё раз смерила Любашу долгим насмешливым взглядом.

— Так вот ты какая... Люба... — она сделала ударение на имени девушки.

— Вы что, меня знаете?! — Любаша изумлённо смотрела на незнакомку, — А... а вы кто?

— Странно слышать от тебя этот вопрос. Вообще-то, это я должна спрашивать — кто ты такая. Но, как видишь, в отличие от тебя я даже знаю твоё имя...

— А вы... вы кто — вообще?.. — Люба растерянно хлопала глазами. Тон и поведение женщины не оставляли сомнений — ничего хорошего этот визит не сулил.

— Вообще я — жена Егора, Романова Дина Сергеевна.

— Жена?.. — Люба почувствовала непреодолимое желание куда-нибудь присесть —

руки опустили сами собой и повисли как плети вдоль отяжелевшего в считанные секунды тела, — Н-но... он не женат...

— Кто?! — гостья весело изобразила изумление, — Егор?!

— Да... он сам говорил...

— Боже... Какая наивность, — Дина неторопливо прошла в комнату и села в кресло — у Любы сложилось впечатление, что сделала она это привычно, — нет, дорогая, Егор женат, и я — его жена.

— Он сам говорил... — Люба повторила эти слова машинально, но потом, вдруг встрепенувшись, посмотрела на женщину с вызовом, — Ну, и что теперь?

— В общем-то, ничего, — та закинула ногу на ногу — Любаша невольно, чисто по-женски, оценила модельные сапоги по колено, надетые на ноги Дины, — я пришла посмотреть, что делается в моей квартире. Уборку затеяла — это хорошо. Я всегда ему советовала нанять горничную. Наконец-то додумался.

— Я не горничная... — уверенный, даже нагловатый тон снова сбил Любашу с толку, — А квартира... она что, ваша?

— Ну, если я здесь прописана, значит, моя. Вот ты, — женщина, прищурившись, посмотрела на Любу, — ты где прописана?

— Не ваше дело. И я не горничная.

— Ну, в этом ты права, твоя прописка — не моё дело. Но лишь до того момента, пока ты не живёшь в моей квартире. Раз ты находишься здесь, без моего на то согласия, то это уже — моё дело.

— А я вообще не собираюсь с вами обсуждать моё проживание, — нахмурившись, Любаша наклонилась и взяла в руки шланг пылесоса, — мы живём здесь с Егором, а вас я знать не знаю.

— Прости за наглый вопрос... в качестве кого ты живёшь с Егором? — Дина улыбнулась — улыбка вышла ехидной.

— Не ваше дело.

— Что, даже статуса подходящего нет?

— Есть, — Люба нажала на кнопку и начала демонстративно чистить ковёр. Ей ужасно захотелось, чтобы пылесос взревел, но он, как назло, работал почти бесшумно, — есть у меня статус, не переживайте.

— И какой же? — Дина не переставала едко улыбаться своим красивыми, накачанными губами. Люба поймала себя на мысли, что с огромным удовольствием огрела бы незваную гостью щёткой...

— Жена.

— Странно... В паспорте у него стоит штамп о браке со мной. Ты же видела его паспорт?

— Нет, не видела! — развернувшись лицом к гостье, Люба уперлась руками в бока, — И что?!

— Жена, которая не видела паспорта мужа... Боже, Боже... — Дина покачала головой, — До чего опустился Романов... Живёт с горничной...

— Я не горничная, — Люба со злостью ударила носком ноги по кнопке пылесоса — выключившись, он откатился на полметра и чуть врезался в стену.

— Горничная, горничная... — кивая сама себе, женщина не спеша окинула взглядом комнату, — Как была горничной, так горничной и останешься. Я всё о тебе знаю.

— Что же вы знаете?

— Да всё, — Дина чуть слышно постукивала ладонью по поверхности подлокотника, — что ты — горничная из гостиницы, и что Романов тебя там подобрал... и что сейчас ты что-то там, где-то там, поёшь...

— Это не ваше дело! — несмотря на то, что терпение её лопалось на глазах, Любаша не могла найти нужных слов, чтобы ответить достойно этой непрошенной даме.

— Ты ковёр-то получше чисти, — та невозмутимо кивнула головой на узорчатый ковёр на полу, — Как ты гостиницу-то убирала?! И с пылесосом — поаккуратней.

— Пошла отсюда к чёрту! — не выдержав, Люба через прихожую протопала к входной двери и открыла её настежь, — Дура!

— Другого я и не ожидала, — выйдя вслед за ней, Дина не спешила покинуть квартиру, — впрочем, у меня нет времени на разговоры с горничной. Передай Егору, что я его поздравляю. Впрочем, не передавай... Я всё скажу ему сама, когда он в очередной раз придёт ко мне уговаривать меня не разводиться с ним.

— Дура!.. — захлопнув дверь, Люба торопливо вернулась в комнату и с размаху уселась на диван.

Такого поворота она совсем не ожидала. Егор не распространялся о своей прошлой жизни, пообещав однажды, что когда-нибудь всё расскажет ей... Сама Люба его ни о чём не расспрашивала, ей даже не приходило в голову заглянуть в его паспорт... Судя по словам Дины, там должен стоять штамп... Скорее всего, она не врёт. Значит, врёт Егор?.. Но зачем?.. Замуж за него Люба не просится, да и он не предлагает...

Думая о сегодняшнем утреннем визите, Любаша ловила себя на мысли, что в глубине души её зацепило наличие у Егора законной жены. Она несколько раз доставала телефон, чтобы позвонить ему, но, подумав, снова откладывала. Обычно, в это время он всегда занят, и звонит сам, когда освобождается от дел...

Ей очень хотелось, чтобы он позвонил... Сначала она собиралась на него наорать, обвинив в обмане. Но потом, чуть успокоившись, решила сохранять спокойствие.

— Что-то случилось?.. — его звонок раздался незадолго до того, как ей нужно было ехать в студию.

— С чего ты взял?.. — она всё же не смогла сдержать нервозности и обиды.

— По голосу слышу. Что случилось?

— Ничего. Приходила твоя жена.

— Кто?! — его удивление показалось ей искренним.

— Жена. Твоя. Так она сказала.

— Понятно. Дина?..

— Угу. А ты говорил, что не женат.

— Люба, я надеюсь, что ты понимаешь, что это совсем не телефонный разговор. Я приеду и всё тебе расскажу. Ты, главное, успокойся.

— Я спокойна. Она сказала, что это ты не хочешь с ней разводиться...

— Мне нужно было рассказать тебе всё раньше.

— Это правда?

— Что?

— Что это ты не хочешь с ней разводиться? — Люба вдруг почувствовала резь в глазах... Она даже не ожидала, что ей станет так обидно — до слёз...

— Любаша, я приеду и всё...

— Значит, правда?.. — она не дала ему договорить.

— Что — правда?.. — он снова повторил свой вопрос, уже не уверенно, лишь для того, чтобы оттянуть свой ответ.

— Что ты не хочешь с ней разводиться! — это она выкрикнула ему в трубку, борясь с желанием швырнуть телефон в стену.

— Да, Люба, это правда... — судя по его тону, он тоже терял терпение на том конце, — Но давай подождём до моего приезда, ладно?.. Это совершенно не касается наших с тобой отношений, поняла?.. Люба, ты меня поняла?!

— Да поняла!.. — нажав на отбой, она совсем отключила телефон и со злостью бросила его на постель, — Поняла я тебя, поняла!.. Сволочь!.. Все вы одинаковые!..

Она, действительно, не ожидала от себя такой реакции на это утреннее происшествие. Она же сама не собиралась связываться с Егором свою дальнейшую жизнь...

Тогда почему ей сейчас так обидно?..

Ей удалось немного успокоиться лишь, когда она переступила порог «творческой деревни». Сегодня был очередной общий «прогон» «Голоса», и в студии было довольно многолюдно.

— Ты после репетиции сразу уйдёшь или останешься? — поздоровавшись в гримёрной, Татьяна мельком, пытливым взглядом на Любашу.

— Зачем?.. — та недоумённо подняла глаза.

— Ты что, не в курсе?

— Нет... А что случилось?

— У Алиски день рождения, будем поздравлять, а она — проставляться. Ты деньги на подарок не сдавала, что ли?

— Нет, мне никто не говорил. А кому сдавать?

— Элеоноре. Так ты останешься?

— Да, Егор в командировке, могу остаться... — Люба охотно кивнула. Ей совсем не хотелось сейчас возвращаться в пустую квартиру.

— Слушай... Ты что, его и в самом деле боишься?

— Да нет, не боюсь... — Люба пожала плечами, — С чего ты взяла?

— Ты никогда с нами не остаёшься. С концертов — сразу домой, с репетиций — тоже. И синяк твой очень странный... — Таня покосилась на заживший Любашин лоб, — Он тебе что, запрещает?

— Да нет... Просто он приезжает за мной сразу.

— Ну, раз приезжает... — Татьяна сделала серьёзным лицо, — Тогда нужно ехать, а то, неровен час, другую пассажирку найдёт.

— Да ладно... — Люба уже не утверждала, что Егор — её родственник, решив, что скрывать их истинные отношения больше нет смысла, во всяком случае, от Татьяны, но настроения доказывать, что он её по-настоящему любит, тоже не было.

— Ты, в принципе, правильно делаешь... — Татьяна как будто не расслышала последнюю Любашину реплику, — Таких мужичков нужно держать обеими руками. Тут уже не до банкетов и поклонников.

— Какие у меня поклонники? — Люба пожала плечами, — Я же не солистка.

— А что, у несолисток поклонников не бывает? — от Любаши не укрылись нотки ревности в голосе Татьяны, — Антон, например...

— Да ну... — усмехнулась Люба, — Я на него даже внимания не обращаю.

— И правильно. Зачем тебе он? — Таня исподтишка бросила на неё ещё один пытливый взгляд, — Студент-заочник. Живёт с мамой и папой... Ни квартиры, ни машины... Начинаящий звукорежиссёр.

— А тебе?.. — Люба не хотела задавать этот вопрос, он вырвался нечаянно — слишком задела её слова Татьяны.

— Что — мне?.. — та резко опустила глаза и неожиданно покраснела.

— Ну, он же тебе нравится? — отступить было некуда, и Люба решила высказаться напрямую, — Даже без квартиры, без машины...

— Нравится... — усмешка получилась печальной, — Нет, Люба. Он мне не нравится.

— Значит, я ошиблась, — нахмурившись, та решила не оставаться в долгу, — и хорошо. Он ведь и тебе не пара, скажи?.. У тебя ребёнок, зачем тебе студент-заочник без квартиры и машины, правда?

Почему-то Люба разозлилась. Танька явно намекала на интерес Антона, но она, Любаша, была тут совершенно ни при чём. Она даже не кокетничала с симпатичным молодым человеком, а общалась с ним ровно, так же, как и с другими ребятами. Если он равнодушен к Татьяне, то это не её, Любы, вина... Нечего было рожать без мужа.

А ей, Любаше, сегодня и так уже досталось.

— Ребята, вы, пожалуйста, не уходите, ладно? — режиссёр Паша Рулёв после репетиции громко крикнул всем из зрительного зала, — У Алисы день рождения, она всех ждёт на втором этаже!

— От меня ей привет... — взмахнув барабанными палочками, Говоров выдал короткую дробь, — Но присоединиться не могу.

— Саня, ты чего?.. — Рулёв удивлённо захлопал глазами, — Там столы на всех накрыты!..

— Я в завязке... — Сашка провёл ладонью по горлу.

— Ну, ты просто поприсутствуй... ребята, ну, вы чего... — Паша был искренне огорчён, — Журавлёв тоже не может, Мазур за ребёнком в садик убежал... Вадик тоже что-то там придумал...

— Паша, ну, честняк, не могу. Дима же здесь?

— Здесь...

— Ну, вот! — Говоров удовлетворённо кивнул, — Они с Наташкой за нас всех и присутствуют!

— Да они тоже на полчаса только... — Рулёв обернулся к вокалисткам, ещё не покинувшим сцену, — Ну, вы хоть не убегайте, ладно?..

Причину Пашиного огорчения по поводу неполного состава артистов за накрытым по случаю дня рождения Алисы Морозовой столом все узнали только после третьего или четвёртого тоста. Увидев, что Дмитрий с Натальей собираются покинуть шумную компанию, Рулёв торопливо встал и, взяв в руку бокал, обвёл взглядом присутствующих. Сидящая рядом с ним Алиса удивлённо подняла на высокого, широкоплечего парня свои зелёные глаза — он только что в очередной раз поздравил её вместе со всеми, и не все ещё успели закусить...

— Ребята... — слегка нетрезвый Паша заметно волновался, — Я очень хотел, чтобы это произошло в присутствии всех наших друзей, но... К сожалению, из «патрулей» здесь сейчас только Дима и Наташа... И, тем не менее...

— Паша, ты меня уже пугаешь, — Морозов, рассмеявшись, взял в руку стакан с соком, — а я сегодня за рулём, не пью...

— Дима, подожди... — Паша выставил вперёд ладонь, — Подожди... Алиса... — он снова повернулся к своей девушке, — Я тебя поздравил уже с утра...

— О-о-о!.. — восторженно, хором воскликнули почти все присутствующие, — А как?!

— Да подождите... — Рулёв нетерпеливо махнул рукой и снова обернулся к Алисе, — Я поздравил тебя с утра... потом ещё поздравил...

— Ещё?! — парни из «Ремикса» дружно зааплодировали, — Паша, ты — мачо!

— Да, я поздравил ещё... И потом ещё... А вот сейчас... — Пашка полез во внутренний карман парадного костюма, надетого сегодня по случаю торжества, и достал оттуда маленькую красную бархатную коробочку, — А вот сейчас я хочу не поздравить... Я хочу тебя попросить... И уже не в первый раз... Алиса! Будь моей женой! Я знаю, что ты хотела, чтобы я сделал тебе предложение в присутствии всех ребят, но все «патрули», к сожалению, разъехались! Остался только Дима... ну, и Наташа... И всё равно, смотри, сколько сейчас тут ребят... И Элеонора, и Влад, и Илья, и Таня, и Алёна, и Люба... Полина... даже Мигель Неужели ты мне сейчас откажешь?! — всё ещё протягивая свой подарок, неожиданно Паша рухнул на одно колено, — Алиса! Будь моей женой!

По лицу открывшей коробочку Алисы можно было догадаться, что подарок Пашки был настолько дорогим, что она не знает, что ей делать — то ли, как и в предыдущие разы, отшутиться от его официального предложения, то ли ответить долгожданным согласием.

Со слов всё той же Полины Любаша знала, что Алиса уже несколько месяцев живёт вместе с Пашкой, и он неоднократно звал её замуж — официально, но хитрая рыжеволосая красавица почему-то всё откладывала решение этого вопроса. Однажды она даже почти согласилась... но вовремя нашла какую-то очередную отговорку. Вместе с тем, Пашку она не бросала, и даже окончательно переехала к нему от своей двоюродной тётушки, у которой жила до этого. Тётушкой была Анна Сергеевна Морозова — мать Дмитрия, и свекровь Наташи.

— Алиса, ну, что ты... — Дима, самый трезвый из всех присутствующих, весело посмотрел на свою троюродную сестру, — Отвечай Паше...

— Алис, ну?! — Наташа присоединилась к мужу, — Решай уже что-нибудь!..

— Решай! — Дима показал рукой на часы, — Нам уже пора, но мы не можем уехать, пока ты не ответишь!

— Алиса, соглашайся!.. — наперебой раздалось с разных концов уставленного закусками стола, — Алиса!..

— А-ли-са! А-ли-са!.. — упорно избегая обжигающих взглядов пышногрудой Элеоноры, проскандировал танцовщик Влад.

— А-ли-са!.. А-ли-са!.. А-ли-са!.. — тут же подхваченное другими имя именинницы разлетелось громкими слогами по всему помещению танцевального зала.

— Ну, не знаю... — борясь с противоречивыми чувствами, виновница торжества кусала красивые губы и не отрывала взгляда от заветной коробочки, — Ну... Я согласна!

— Она согласна!.. — вскочив с колена и схватив её в охапку, Рулёв закружил по залу, — Согласна!..

— Ура-а-а!.. — вся уже довольно нетрезвая компания выскочила из-за стола и облепила счастливую пару.

Глядя на это веселье, Люба улыбалась вместе со всеми. Ей стало легче после утреннего

разговора с Диной, а потом и с Егором, но вот теперь, увидев, как Пашка делает предложение рыжеволосой Алисе, она снова почувствовала, как поднявшееся, было, настроение куда-то улечивается.

Дождавшись Алисиного согласия, Дмитрий с Натальей попрощались со всеми и уехали домой, взяв слово с оставшихся, что в их отсутствие в «деревне всё будет спокойно».

— Ребята, она согласилась!.. — проводив Морозовых, Пашка никак не мог поверить своему счастью, — Согласилась!..

— Так... — отобрав у него очередной бокал со спиртным, Алиса сердито нахмурилась, — Я сейчас возьму свои слова обратно! Ты забыл, что вечером мы едем к тётё Ане? Я с тобой с таким пьяным не поеду.

— Алиса, а почему не в ресторан? — Элеонора удивлённо взглянула на девушку.

— Потому, что у Наташи няня приболела, и детей некуда девать, а без неё и Димы какой день рождения? Вот мы и решили, что в семейном кругу отметим, у тётё Ани, — по тону Алисы можно было догадаться, что она с большим удовольствием выбрала бы ресторан, чем «семейный круг», но, видимо, какие-то личные причины не давали ей воплотить в жизнь свои праздничные желания.

— А тётя Аня — супер! — счастливый Паша никак не мог успокоиться и, обнимая Алису одной рукой, другой размашисто жестикулировал, — А они все — супер, и тётя Аня, и дядь Саша, и Дима с Наташкой...

— Какая она тебе Наташка?! — Алиса попыталась придать голосу строгости, — ты дома можешь так говорить, а не при посторонних!

— Да ладно! — Паша махнул рукой, — Мы же с ней в одной группе учились... Для меня она — Наташка! Знаешь, она была такая тихоня... симпатичная девчонка, коса белая, длинная... всё что-то там училась... на репетиции бегала... с парнями вообще не встречалась... А потом — ба-бах! Узнаём, что она с самим Димоном... ну, это... Прикинь?! А потом они меня к себе позвали... а тут — ты... — Паша, блаженно улыбаясь, зарылся в рыжие пушистые локоны.

— Рулёв, я сейчас тебя убью... — резко поведя плечиком, Алиса оттолкнула от себя парня, — Ты что, вообще с ума сошёл от счастья?! Ты сколько уже выпил?!

— Ты же знаешь, что я вообще почти не пью... — несмотря на её нарочито строгий тон, Паша снова сграбастал её в свои крепкие объятия, — Али-и-и-ска...

Вскоре большинство молодых артистов, включая и Алису с Пашей, разъехались по домам. Часы показывали около восьми вечера, но Люба совершенно не хотела отправляться к себе. Отключенный ещё утром телефон так и валялся в её сумочке — она нарочно не включала его, заранее зная, что Егор будет ей обязательно названивать.

«Пусть подёргается».

Она вызвалась убрать со столов и помыть посуду — больше из-за желания подразнить Татьяну, которая, увидев, что Антон тоже не торопится домой, а, напротив, о чём-то оживлённо беседует с Владом, молча сидела рядом с бокалом вина.

— Ой, смотрите... — заметив под столом полную бутылку дорогой водки, Люба кивнула на неё остальным, — Выпивка осталась...

— Так чего мы сидим?! — потеряв ладони, Влад ловко открыл бутылку и разлил по чистым рюмкам прозрачный алкогольный напиток, — Праздник продолжается!

За стол Любаша вернулась больше из вредности — она сегодня почти не пила и не собиралась, но, скрутившись в один клубок, обиды дали о себе знать тупой болью в груди.

Она хорошо знала эту боль... Эта боль была не столько физической, сколько душевной. Так болело, когда её предал Даня... Так болело, когда с ней подло поступил Илья. А сейчас всё снова повторяется... Ну, и пусть, что она не любит Егора! Но ведь и он её обманывает. А Танька?! Сама свою жизнь не смогла устроить, а пытается учить её, Любашу!.. Ревнует к своему Антошке. Наверное, сидит и ждёт, когда Люба домоет и уберёт посуду и свалит к себе домой, чтобы спокойно уйти вместе с ним.

Да только сам Антон, похоже, не горит желанием остаться с Татьяной наедине...

Бросив взгляд на Таню, Люба незаметно усмехнулась. Ну, вот ещё. Она не собирается играть по чужим правилам! Она ещё не забыла изуродованную Татьяной чёлку! Вот возьмёт, и тоже останется! В конце концов, ей никогда не удаётся вот так пообщаться со своими коллегами по сцене. Поэтому она останется в этой уже совсем небольшой компании — Антон, Татьяна, Влад, Полина...

Полина — вот с кем она поговорила бы с удовольствием! Несмотря на вечернее выступление на банкете, из-за которого так рано уехали все участники «Ремикса», Полина всё ещё здесь, и ей, похоже, ужасно интересно, что же произойдёт дальше... Вон, как она стреляет глазками то на Антона, то на Таньку, то на неё, Любу...

А ей, Любаше, уже и самой интересно... Две стопки водки после вина сделали её ужасно разговорчивой, и похоже, Таньке это совсем не нравится. А вот Антону...

— Хотите фокус?.. — чуть нагнувшись, Влад ловким движением вытащил из-под стола ещё одну бутылку, — Похоже, что Алиса затаривалась не по-детски... Даже водка осталась!

— Так чего, наливай!.. — Люба по-купечески махнула рукой, — Гулять так гулять!

Она уже заметила, что ни Таня, ни Полина почти не пили — одной нужно было сегодня попасть на выступление, а у второй, видимо, были какие-то свои, личные, планы на сегодняшний вечер и, возможно, ночь. Антон тоже был довольно сдержан в отношении алкоголя, так, что вторую бутылку Люба пила практически вдвоём с Владом.

— Ты не куришь? — потянувшись за пачкой сигарет, Антон вопросительно посмотрел на Влада.

— Нет, — тот отрицательно покачал головой, — ты же знаешь, у нас правило — не курить.

— А у нас парни курят, — Полина смерила оценивающим взглядом мускулистую фигуру танцора, — и половина девчонок — тоже. Руководитель ругается, но... А по мне лучше выпить, чем закурить.

— Это можно! — парень с готовностью вылил остатки водки в опустевшие стопки.

— За Алису?.. — серьёзно опьяневшая Люба тоже взяла свою стопку.

— Да ей уже икается... — усмехнулся Влад и повернулся к немногословному Антону, — Давай сначала выпьем, а потом пойдёшь курить.

— Запросто... — обаятельно улыбнувшись, тот потянулся за своей порцией алкоголя, — За что тогда?

— А давайте за счастье! — Люба подняла руку со стопкой вверх — от резкого движения жидкость расплескалась, потекла по руке.

— Счастье — очень расплывчатое понятие, — снова усмехнулся Влад, — давайте, за что-нибудь конкретное.

— Тогда — за любовь! — Люба пьяно попыталась стрельнуть глазами на Антона, — Любовь — это же конкретное понятие?

— В принципе — да! — несмотря на количество выпитого, Влад выглядел довольно

трезво, — За любовь!..

— За любовь!.. — Антон и Полина тоже протянули руки, чтобы чокнуться

В отличие от остальных, Таня промолчала и, не чокаясь, лишь в очередной раз пригубила из своей рюмки.

— Ты курить? — увидев, что Антон поднимается из-за стола, Люба, не дожидаясь ответа, тут же вскочила со стула — тот неожиданно покачнулся и завалился набок, — И я с тобой!

— Разве ты куришь? — недобрый взгляд Татьяны только раззадорил нетрезвую Любашу.

— Уже — да! — та пьяно мотнула головой.

Идя вслед за Антоном, она попыталась, как обычно, сбежать с лестницы, но не рассчитала ступеньки — подошва скользнула по твёрдой плитке, и в следующее мгновение Любаша почувствовала острое ребро лестницы у себя в области копчика.

Протяжно простонав, она попыталась встать, но только съехала ещё ниже...

— Больно?.. — лицо Антона нависло сверху, а его руки подхватили её под мышки, — Держись за меня... Вот так...

Кое-как поднявшись, Люба схватилась рукой за перила — до конца лестницы оставалось ещё несколько ступенек, и она не знала, как их преодолеть. Она только сейчас по-настоящему почувствовала, какая она пьяная.

— Давай руку... — видя, в каком она состоянии, Антон помог ей спуститься, — Может, такси вызвать?

— У-у... — Люба упрямо покачала головой, — П-шли курить...

— Ну, пошли.

На улице было свежо — дневная мартовская оттепель сменилась ночным лёгким морозцем. Пока Антон прикуривал сигарету, Люба сделала несколько глубоких вдохов. Ушибленная при падении спина ужасно болела, кружилась голова, но девушка упрямо стояла, прислонившись к поддерживающей козырёк колонне. Она не отрываясь смотрела на Антона — в свете ночного фонаря его лицо показалось ей таким милым...

Сделав последнюю затяжку, парень бросил окурок в урну и выпустил в сторону струйку белого дыма. Незаметно для себя Люба закрыла глаза...

...Его руки и губы она почувствовала одновременно — обняв её, Антон тут же начал целовать её лицо... Чуть подавшись вперёд, она обхватила руками его шею...

Наверное, они целовались долго... Даже в мужских объятиях Люба ощутила, как холод пробирается под лёгкую блузку.

— Я замёрзла... — нехотя оттолкнув от себя парня, она поёжилась, — Надо идти... туда...

— Я не хочу... — он снова попытался её обнять, — Ты мне очень нравишься...

— Тсс... — она приложила палец к губам, когда он потянулся к ней, — Больше низ-з-зя...

— Почему?..

— Танька увидит... Низ-з-зя... иди... — она чуть подтолкнула его к дверям, — Ты иди...

— А ты?..

— А я приду... потом приду... иди... — она толкнула его сильнее, — Ну, иди же!..

— Я тебя буду ждать... — он нехотя подчинился её приказу и вошёл в здание.

Постояв у колонны с минуту, Любаша нетвёрдым шагом направилась следом. Уличный

воздух лишь чуть освежил затуманенный алкоголем организм, и, снова попав в душное помещение, Люба почувствовала, как кружится голова. Присев на ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, она вдруг неожиданно расплакалась. Всё, что происходило с ней до сих пор, показалось ей ужасно несправедливым. И Антон... Ему тоже от неё нужно лишь одно... Он так легко согласился вернуться без неё!.. Сидит сейчас за столом, наверное, заигрывает с Танькой... Все они такие!.. И Егор, и Даня, и Антон...

— Люб, ты чего?.. — Полина, одетая, спускалась вниз по ступенькам, — Ты что, плачешь?!

— Он — сволочь... Понимаешь?! Сволочь!.. — размазывая по лицу остатки туши, Люба громко всхлипывала, — А я сейчас с Антоном целовалась...

— Кто сволочь, Антон?! — Полина непонимающе уставилась на девушку.

— Нет... — Люба отрицательно покачала головой, но потом тут же кивнула, — Да... Он — тоже сволочь... Прикинь, он, оказывается, женат!..

— Кто женат, Антон?! — глаза подруги стали похожи на чайные блюдца, — С чего ты взяла?

— Ко мне его жена приходила, прикинь?! — Любаша подняла на Полину полный нетрезвого страдания взгляд, — Же-на!.. Законная!.. А он говорил, что не женатый...

— погоди... Ты про кого, про Антона, что ли?!

— Да какой Антон?! — Люба потрясла в воздухе ладонями, — Егор!.. У Егора ест жена!..

— Понятно... — с облегчением вздохнула Полина, — Егор — это твой бойфренд, да?

— Да какой нафик бойфренд?.. к-зёл... Сказал, что не женатый... А утром она припёрлась... выдра... блин... Говорит, квартира её, и муж — её...

— Понятно... — судя по заинтересованному взгляду Полины, та с удовольствием бы выпытала у Любаша остальные подробности её жизни, но время поджимало, и девушка с сожалением подала руку подруге, — Давай, ты мне завтра всё подробненько расскажешь, хорошо? А сейчас идём, я тебя наверх отведу.

— С-сушай... — Люба снова подняла на ту заплаканные глаза, — Поедем ко мне?.. Мне так хреново...

— Любочка, я бы с радостью, но не могу! Я прямо отсюда — в «Дворянское гнездо», на банкет. Вот отпляшем — с удовольствием!.. Только ты сегодня не пей больше, ладно?.. А завтра всё-всё мне расскажешь, ага?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Проснувшись, Люба ощутила невероятную жажду. Пить хотелось так сильно, что она явно представила себе ведро воды — холодной, только что из колодца... Такой колодец был у её бабушки в деревне, куда она в детстве ездила вместе с родителями и Верой...

С трудом приподняв голову, она пошевелила рукой — от долгого лежания в неудобной позе та затекла, но уже через несколько секунд дала о себе знать лёгким покалыванием. Голова соображала плохо, и единственным, что понимала сейчас Любаша, было то, что постель, на которой она сейчас лежала, была какой-то другой... Не той, на которой она спала в последнее время. Глаза постепенно привыкли к темноте — предметы, окружавшие её, стали вырисовываться более ясно.

Тревожно нахмурившись, Люба вдруг резко села — голова куда-то сразу поплыла, слегка затошнило...

Квартира, в которой она проснулась, была явно чужой. С трудом переборов и тошноту, и головокружение, она встала с постели и огляделась — диван, на котором она спала, был собран, лишь подушка под головой, а сама она — одета, только без обуви.

...Стало жутко тоскливо. В большое окно, занавешенное тюлем, был виден город — дома с освещёнными окнами, ночные фонари, уличные гирлянды... судя по открывающейся панораме, квартира находилась примерно на третьем или четвёртом этаже.

Люба снова перевела взгляд на комнату. Захотелось узнать, сколько времени... Телефон... Он был в её сумочке. Так... А где сама сумочка?.. Может, в прихожей... Кстати, где кухня? Ужасно хочется пить... Господи... Где она?.. Как она сюда попала и, главное, что было вчера?..

Снова присев на диван, Любаша опустила голову на руки — пробуждение отозвалось резкой головной болью. И спина... почему-то сильно болит спина...

Стоп! Она же упала с лестницы... ступеньки — они оказались прямо перед её лицом! Да! Она упала и сильно ударилась копчиком и поясницей!

Господи... Сколько же она вчера выпила?! И что было потом?! А, главное, где она сейчас?!

Пытаясь вспомнить все события прошедшего вечера, Люба не могла отвязаться от мысли, что произошло что-то неприятное... Но что?..

Память возвращалась неохотно и мучительно... Вот они сидят в студии, и пока всё хорошо... Все поздравляют Алису, а Паша делает ей предложение... Вот все потихоньку разъезжаются... Они остаются впятером — она, Таня, Полина, Антон и Влад...

Так, стоп. Она, действительно, целовалась с Антоном, или это ей привиделось?.. Потерев пальцами виски, Люба мучительно прикрыла глаза. Лицо Антона... его губы... Нет это не сон. А вот — лицо Влада... оно так близко, что она чувствует его дыхание...

Похоже, целовалась она не только с Антоном. А, может, и хорошо, что она не помнит всех подробностей...

Осторожно поднявшись, Люба отыскала глазами дверной проём. В любой квартире есть кухня... В любой кухне есть кран с водой... Ей бы только найти и кухню, и кран... Она будет пить прямо так — из-под крана...

— Проснулась?.. — вздрогнув, она невольно зажмурилась — то ли от вспыхнувшего света, то ли от знакомого голоса, — Ну, привет.

— Привет... — хрипло ответила Любаша пересохшими губами и машинально пригладила растрепавшиеся волосы, — Слушай, можно воды? Пить ужасно хочется...

— Сейчас принесу, — возникший в дверях Антон с готовностью вышел и через минуту вернулся с полной воды кружкой.

— Боюсь, что мне этого будет мало... — взяв чашку, Люба со стыдом для себя ощутила, как дрожит рука, — лучше сразу покажи мне кран...

— Идём... — пропустив её вперёд, парень рукой показал на стеклянную дверь, — Вот кухня, а вот, — рука подалась чуть левее — в сторону другой двери, — вот ванная. А я пока сварю кофе.

Люба не могла устоять перед соблазном принять душ. Она даже не стала спрашивать, сколько времени, решив, что десять минут роли не сыграют, а вот душ поможет прийти в себя.

— Ты что, живёшь один? — выйдя из душа, она на ходу вытирала полотенцем мокрые волосы. Ей и, правда, стало чуть легче, настолько, что она смогла побороть накатывающую

то и дело тошноту.

— Да, один, — Антон разливал из турки свежесваренный кофе.

— А я думала, что с мамой и папой... — Люба вспомнила слова Татьяны о том, что парень живёт с родителями.

— Они купили себе другую квартиру, год назад. А эту оставили мне. Я уже год живу один.

— Не знаю, смогу ли я его выпить, — она присела за кухонный стол и взяла в руки чашку с кофе, — Вообще-то я не пью... Если честно, такое со мной всего второй раз в жизни. Так стыдно...

— Да брось ты... — он улыбнулся и взял её ладонь в свою руку, — Я так рад, что ты у меня оказалась...

— Кстати... — Люба осторожно высвободила свою кисть, — Как я у тебя оказалась?

— Вообще, Таня предлагала отвезти тебя домой. Но никто не знает, где ты живёшь. И тогда я решил забрать тебя к себе.

— А Влад?.. — Люба осторожно посмотрела на парня, — Он не предлагал увезти меня к нему?

— Как тебе сказать... — неожиданно Антон замялся, — В общем, мы не сошлись с ним в убеждениях... остальное тебе лучше не знать.

— Понятно... — Люба опустила глаза, — Теперь самое время узнать сколько времени... Ничего каламбурчик получился, да?

— Сейчас... — Антон достал из кармана брюк телефон, — Пять утра.

— Зашибись... Ты случайно не знаешь, где моя сумка?

— Случайно знаю, — тихо рассмеявшись, парень вышел в прихожую и тут же вернулся с Любашиной сумочкой, — держи.

Достать из недр сумочки мобильник оказалось делом не совсем лёгким — пальцы почему-то слушались с трудом, вытаскивая на Божий свет всё, что угодно, но только не нужный предмет. Наконец, добившись желаемого, Люба нажала на клавишу.

...Непринятых звонков от Егора оказалось столько, что она чуть не схватилась за голову. Он звонил ей весь прошедший день, не переставая. Самый последний звонок был сделан им всего полчаса назад.

— Люба!.. — он позвонил снова тут же, как только получил сообщение, что она в сети, — Люба, слышишь меня?! Ты где?!

— Дома, — соврала Любаша.

— Люба, ты только скажи, где ты... Ты... С тобой всё в порядке?! — Егор говорил тревожно, испуганно.

— Да, в порядке. Успокойся и спи. Чего ты не спишь? — ей вдруг стало стыдно перед ним... Он там, в командировке, целый день беспокоился о ней, а она...

— Где ты сейчас? Я за тобой выезжаю. Люба!

— Как выезжаешь?.. — к похмельной дрожи прибавился внезапный холод внутри всего организма, — Ты что... ты — дома?!

— Я дома... Приехал ночью, пару часов назад. А тебя нет... Ездил в вашу студию, там закрыто. Где ты сейчас?

— Может, останешься у меня?.. — глядя, как она одевается, Антон подошёл ближе и попытался её обнять, — Я вчера не обманывал. Ты мне очень нравишься...

— Нет... — сжав губы, она покачала головой, — Не могу. Прости, Антон. За мной

сейчас приедут.

— Он кто, твой муж?

— Нет. Неважно... Спасибо тебе за всё и... пока.

— А если он снова будет тебя бить?

Она остановилась на пороге и, повернувшись, провела по его лицу ладонью.

— Ты классно целуешься. Я, хоть и пьяная была, но мне понравилось.

— Люба, а вдруг он снова тебя ударит?! Все говорят, что он тебя бьёт. Не ходи... — он попытался задержать её руку, но она решительно выдернула её из его кисти.

— Меня никто не бьёт. Это был случайный синяк. А девчонки растрепались. Пока...

По лестнице она сбегала торопливо, но осторожно — не выветрившийся хмель ещё давал о себе знать, путая координацию. Попав на улицу, Люба с облегчением увидела, что машина Егора ещё не подъехала. Назвав ему адрес дома, в котором жил Антон, она про себя молилась, чтобы Егор ехал подольше и не вздумал заходить в подъезд в поисках квартиры, в которой находилась Люба.

— Господи... — увидев её, живую и невредимую, он бежал к ней от машины сломя голову, — Я чуть с ума не сошёл!.. Люба!..

— А я пьяная... — оказавшись в его объятьях, она решила сказать ему часть правды.

— Пьяная?.. — чуть отстранившись, он пристально посмотрел на неё, — Почему?.. А что это за дом?.. У кого ты была?.. Ты... ты что, ушла от меня?..

— Нет, — снова почувствовав головокружение, она еле покачала головой, — не ушла. Просто здесь живут Морозовы. Дима с Наташей.

— Понятно... — выдохнул он с заметным облегчением, — А напилась зачем?..

— У Алисы был день рождения. Алиса — это сестра Димы. И день рождения отмечали здесь, у его родителей. И все напились...

— Дима, Алиса, родители... Все напились... Ничего не понял. Но это неважно. Ты была у своих, да?

— Да! — кивнула Люба.

— И с тобой всё нормально, да?

— Да!

— И мы едем домой, да?

Любаша уже приготовилась в очередной раз кивнуть, как услышала шаги за спиной. Ещё не видя, кто идёт, она почему-то внутренне сжалась...

— Люба!.. — интуиция не подвела — голос Антона раздался в предрассветной тишине, — Люба, стой!

— Идём... — схватив Егора за рукав, она попыталась поскорее увести его к машине, но тот сам с нескрываемым интересом оглянулся на приближающегося парня.

— Люба... — подошвы домашних шлёпанцев разъезжались по снегу, и Антон был чем-то похож на лыжника, скользя по тропинке, ведущей от подъезда к стоянке, — Люба, стой!..

— Что?.. — уже понимая, что сейчас произойдёт что-то, что не вписывается в её «легенду», рассказанную Егору, Люба обречённо повернулась.

— Если он ещё хоть раз тебя ударит... — Антон неожиданно перевёл взгляд с Любы на Егора, — Если ты ещё хоть раз её ударишь, будешь иметь дело со мной.

— Не понял, — шире расставив ноги, Егор неторопливо заложил руки в карманы брюк, — Кого я должен ударить?..

— Повторяю ещё раз... Если ты хоть раз её ударишь, будешь иметь дело со мной.

— Люба, кто это? — кивнув на Антона, Егор посмотрел на Любашу.

Она вдруг поняла, что не сможет сейчас соврать ему... Она могла бы соврать кому угодно... Но вот ему, именно сейчас...

— Кто это? — повторил он свой вопрос абсолютно спокойным тоном.

— Это Антон, наш звукорежиссёр. Я тебя обманула. Я ночевала у него.

Глава 21.

По-настоящему плохо она почувствовала себя уже дома. Вопреки Любашиным опасениям, Егор не стал выяснять отношения с Антоном и с ней на «месте событий», а, услышав её неожиданное признание, просто усадил в машину и увёз домой.

Всю дорогу Люба молчала, изредка бросая на него настороженные взгляды. Он тоже не проронил ни слова. Вновь накотившая от езды тошнота резко усилилась, когда Люба переступила порог квартиры. На ходу сбросив пальто прямо на пол, она из последних сил добежала до туалета...

...Уже в который раз подряд нажав на кнопку смыва на унитазах, она с трудом поднялась на ноги и нетвёрдой походкой направилась в ванную. Кое-как почистив зубы, вышла в кухню. Егор сидел за столом, сцепив кисти, и смотрел куда-то впереди себя. При Любашином появлении поднял на неё покрасневшие от бессонной ночи глаза.

— У нас с ним ничего не было... — чувствуя, как силы окончательно покидают её всё ещё не протрезвевший организм, Люба уселась на стул напротив, — Правда, ничего. Я просто спала на диване, одна, одетая.

— Зачем?.. — он усмехнулся, не сводя с неё взгляда.

— Что — зачем?.. Спала?.. — Люба говорила через силу, ей казалось, что она готова рухнуть на пол прямо здесь, на кухне... рухнуть, и уснуть, — Спать хотела, вот и спала.

— Зачем ты пошла к нему? Ты хотела мне отомстить за визит Дины?

— Нет... — она вымученно посмотрела на него, — Правда, нет. У нас ничего не было.

— Ты что, его любишь?

— Нет. Я его не люблю. И вообще... мы даже не друзья. Просто так получилось. Ой... — неожиданно прикрыв ладошкой рот, она вскочила с места и снова выбежала в туалет.

Сидя возле унитаза, Люба подумала, что, если Егор сейчас её выгонит, то она ляжет спать прямо на лестничной площадке.

— Сколько ты вчера выпила? — он стоял в дверном проёме.

— Не помню... — прикрыв глаза, Люба медленно покачала головой, — Много...

— Тебе сейчас лучше принять холодный душ, выпить кофе, а потом лечь спать.

— Да... — она с готовностью, на которую только была сейчас способна, начала подниматься, — Я сейчас... сейчас...

— Хотя... я вижу, в душе ты сегодня уже была... — он снова усмехнулся, кивнув на её всё ещё влажные волосы.

— Да, но...

— Ладно, — он тяжело повернулся и, сделав пару шагов, снова остановился, — выпейся — поговорим.

...Проснулась Люба около полудня. Состояние всё ещё было похмельно-тяжёлое, но она уже намного легче встала с постели. Окинув взглядом комнату, она вдруг почувствовала огромное моральное облегчение. Это была уже ставшая привычной комната, в которой она

просыпалась в последние два месяца... Несмотря на то, что вчера она ужасно напилась и попала к Антону, с ней не произошло ничего из ряда вон выходящего, и Егор не выгнал её из дома. А ведь мог... Чувствуя свою вину, она даже забыла о вчерашнем визите женщины, назвавшейся его законной женой.

Надев тапочки, Люба осторожно вышла из комнаты. Егор сидел в кухне за столом, положив на него локти. Стоявшие рядом стопка и наполовину опустевшая бутылка водки говорили о том, что он спать не ложился вовсе. Увидев водку, Люба снова почувствовала приступ тошноты, но, сделав глубокий вздох, постаралась с ним справиться.

— Ты что, без закуски?.. — не глядя на бутылку, она метнулась к холодильнику, — Сейчас я сделаю...

— Подожди... — всё так же глядя куда-то вперёд, Егор на ходу поймал её за руку, — Сядь.

Покорно присев напротив, Люба опустила голову. Егор не кричал, не оскорблял её, и чувство вины от этого только усиливалось.

— Я должен был всё это предвидеть... — он начал говорить первым, — С другой стороны, чего я хотел? Совершенно незнакомая девочка... Знаешь, я ведь заметил тебя ещё год назад. Меня тогда поселили в номер на третьем этаже, а ты работала на втором. Я видел тебя несколько раз... Не знаю, чем ты меня зацепила, но дома я вспоминал тебя... А потом снова приезжал пару раз, но уже не встречал. Может, просто не попадал в твою смену, чёрт его знает... А осенью снова встретил. Если честно, не знал, как познакомиться. Думал, ты же молоденькая совсем... наверное, парень есть. А сам всё нарочно из номера выходил, чтобы на тебя посмотреть. И не ожидал, когда ты сама ко мне пришла...

— Я поняла, что ты хочешь сказать... — Люба ещё ниже опустила голову, — ты думаешь...

— Подожди, — он сделал упреждающий жест рукой, — сначала я не поверил, что ты всерьёз предлагаешь переспать... а потом, когда пришёл в тот номер... В общем, не смог удержаться. Потом подумал, ну, что ж... ошибся в тебе. С другой стороны, хоть таким образом познакомился... Мужичу-то что?.. Получил удовольствие и отвалил.

— Пожалуйста, не надо больше ничего говорить... — не глядя на него, она хотела встать, но он снова схватил её за руку и потянул вниз.

— Подожди, — по звуку булькающей жидкости, Люба поняла, что Егор снова налил себе водки, а затем выпил, — подожди... А потом... Потом я вернулся домой. Не поверишь, но я каждую ночь вспоминал тебя. Гнал мысли, и... снова вспоминал. Всё прокручивал то кино... думал, почему же так?.. Такая девчонка, и... Стал себя уговаривать, что это не ты была... ну, то есть, не ты настоящая... что на тебя что-то нашло. И, чем больше думал, тем больше склонялся к этой мысли. Ну, не похожа ты на шлюху. Совсем не похожа. Всё голову ломал... Другу одному хорошему всё рассказал. Он посмеялся... да и я бы посмеялся на его месте. У меня и должность... и окружение... и женщины совсем другие вокруг... А я с ума схожу по обыкновенной девчонке, да ещё и со странным поведением. Мы с ним тогда не одну бутылку приговорили... на второй день с обострением попал в больницу. В себя пришёл — решил, что ерунда всё это. Надо выбрасывать всё из головы и жить своей жизнью, тем более, стройка наша у вас заканчивалась, и мои командировки тоже. Но, когда в последний раз в ваш город приехал, снова увидел тебя, сразу понял... понял, что вернуться домой без тебя уже не смогу. Пуговицу на рубашке оторвал... Дурак...

...Вздвигнув от стука его кулака по столу, Люба в страхе зажмурилась. Она вдруг

подумала, что следующий удар полетит в её голову... но последовавшая за этим тишина заставила её открыть глаза: Егор так и сидел, с опущенным на стол сжатым кулаком и потупленным взглядом. Он не был сильно пьян, но и трезвым назвать его было нельзя. Казалось, что он полностью погрузился в свои невесёлые мысли, ничего не замечая вокруг.

— Егор... — Люба робко положила ладошку на его кулак, — Я тебе не изменила... ну, правда... И про день рождения Алисы — тоже правда... Только... только отмечали его в студии. Я... я напилась... я знаю, что я дура... но мне было обидно. Утром приходила та женщина, Дина... она сказала, что она — твоя жена, а я — горничная... как была горничной, так и останусь... А потом я поехала на репетицию. Я не знала про день рождения... но я осталась... Я ведь никогда не остаюсь ни на один банкет, а там так интересно... Я не знаю, зачем я напилась, ну, так получилось. Антон увёз меня к себе, потому, что не знал, где я живу. У нас с ним ничего не было.

— А с чего он взял, что я тебя бью?.. — Егор, наконец-то, поднял на Любу глаза: несмотря на выпитое, взгляд его показался ей абсолютно трезвым.

— Это из-за того синяка... наверное...

— Ты что, была в таком состоянии, что не помнишь, как тебя увозили?

— Не помню... — с момента, как она сегодня увидела Егора, Люба ловила себя на мысли, что абсолютно не может ему врать. Ложь во спасение про то, что она ночевала у Морозовых, была напрочь уничтожена ею самой, и она сейчас подумала, что, если бы Антон и не прибежал вслед за ней на стоянку, она всё равно рассказала бы Егору правду... Приехала бы домой, и — рассказала ... Она не могла объяснить сама себе, почему так происходит... но, так или иначе, она просто физически не могла ему соврать.

— У тебя явная склонность к женскому алкоголизму, — он говорил негромко, чуть хрипловатым голосом, в котором сквозила какая-то обречённость, — Тебе нельзя пить вообще. У тебя вся жизнь впереди, так что прими это к сведению... — он тяжело поднялся из-за стола и не совсем твёрдо направился к двери, бросив на ходу, — Я — спать.

Оставшись одна, Люба тут же убрала раздражающую её бутылку в холодильник. Водка в ней была почти допита, и сначала она хотела вылить остатки в раковину, но потом, подумав, не посмела этого сделать.

Она здесь не хозяйка. Она, действительно, здесь — никто... Горничная. Вот хотела вчера накричать на Егора, обидеться... Только нет у неё на это никаких прав. Ведь он даже ни разу не признался ей в любви. Да, он говорил ласковые слова... много слов... Она даже как-то подумала, что не слышала от Даниила и сотой доли тех самых слов, которые говорил ей Егор. И его ласки... Да, Даню она любила... и любит до сих пор, поэтому за его поцелуи и объятия готова и сейчас многое отдать... Но Егор... надо признать, что он был с ней и нежнее, и ласковей... Она ни разу не почувствовала себя простой подружкой, сексуальной партнёршей... Так ведут себя с любимыми женщинами... Но это она так думает, а он... Он в любви ей так и не признался.

...Ну, и что. Вот Даня... Он и в любви признавался, и любимой называл. А всё оказалось обманом...

Нет, Егор не обманывает. Он не говорит о любви, но он любит. Вернее, любил... Поверил ли он ей? Она не знает... Хотя, по большому счёту, она в этом не очень нуждается. Просто ей хочется, чтобы он знал, что она его не предала. Он не заслужил её предательства.

...А как же с Диной?.. Выходит, он всё же обманывал её, Любашу, когда говорил, что не женат. Но он и замуж её не звал... он так и говорил, что это — невозможно...

Да, странные у них отношения. Странные, если не сказать больше. Тогда чего она так переживает? Она жила с ним честно... Она ему не изменила... Во всяком случае, она этого не помнит.

...Влад... Люба снова вспомнила лицо Влада... Она была очень пьяна, чтобы помнить все подробности, но его лицо просто отпечаталось у неё в памяти. Оно было так близко... Кажется, он что-то говорил ей... говорил на ухо, обжигая горячим дыханием... звал... Да, он куда-то её звал... она вдруг вспомнила, что он тащил её за руку, куда-то в соседнее помещение... Да!.. она вспомнила это...

«Боже, какой ужас...»

Ей стало ужасно стыдно. Да, Влад пытался затащить её в музыкальную студию, где обычно занимались вокалисты. Она сопротивлялась... да, теперь она более отчётливо вспоминала события вчерашнего вечера. Влад упрямо тянул её за руку в пустом коридоре, и до двери оставалось совсем недалеко... он даже схватил её в охапку...

Ему помешал Антон. Да, теперь она вспомнила и это. Антошка — он её настоящий спаситель... Наверное, услышав их возню, он выскочил из танцевального зала... кажется, Влад что-то грубо ему ответил, но Антон вырвал её, Любу, из его крепких рук...

Да, Егор прав... Пить ей, видимо, совсем нельзя. Похоже, что контролировать себя она совсем не умеет. Или совсем не пьёт, или пьёт, не чувствуя меры.

...Такси... Теперь в памяти всплывало такси. Она в салоне вместе с Антоном... Значит, он вызвал такси и увёз её к себе.

Антошка — действительно, хороший парень. Зачем только она вчера с ним целовалась?.. ну, хоть это не выдала Егору, и то хорошо.

А сам-то Егор так и не рассказал ей о Дине, хотя и обещал... Интересно, что он скажет, когда проснётся? Укажет ей на дверь?.. А, если, нет? Как захочет распорядиться её свободой?.. Запретит выступать в коллективе Морозовых?

Вот ещё... Этот вариант исключён. Никто не имеет права указывать ей, как жить. Она не для этого приехала сюда, и, если Егор скажет ей «уходи», она немедленно уйдёт. Куда?.. Что-нибудь придумает... Она уже получила первый гонорар. Невесть какие деньги, но это только начало... Совсем скоро у неё первые гастролы. Осталось несколько дней...

И, действительно, чего она так расстроилась?.. Всё, ради чего она приехала, начинает сбываться.

Завтра она выступает в ночном клубе, а сегодня после обеда ей нужно быть в студии... Правда, чувствует она себя совсем неважно. Но она всё равно сейчас туда поедет. Поедет, во что бы то ни стало! А Егор... он всё равно спит.

— Ну, что, как ты после вчерашнего?.. — не глядя на Любашу, Татьяна поправляла волосы перед зеркалом, — Оклемалась?

— Нормально, — несмотря на бледность, Люба постаралась изобразить бодрый вид, — а ты?

— А я-то что? — усмехнулась Таня, — Я почти не пила.

— Ну, и зря. Было бы что вспомнить... — на самом деле Любаше было ужасно стыдно за вчерашнее, но её задел странный тон Татьяны.

— Тут и твоих приключений хватит ещё на месяц вспоминать.

— А разве у меня были приключения?! — Люба сделала невинно-удивлённое лицо, — Или я кого-нибудь убила?

— Смотри, как бы тебя не убили...

— Кто?.. — обернувшись, Люба уставилась на Таню.

— Элеонора, — та с невозмутимым видом достала губную помаду и принялась подкрашивать губы.

— За что?!

— Не за что, а за кого. Влад и так в последнее время от неё шарахается, а тут ещё ты...

— А я при чём?

— А кто? Не я же с ним уединялась.

— А я что, с ним уединялась?.. Что-то не припомню.

— Ещё бы... — отойдя от зеркала, Татьяна присела возле Любы, глядя на неё как-то недоверчиво, — Если честно, то не ожидала от тебя.

— Слушай, Тань, — та повернулась к ней всем корпусом, — кончай говорить загадками. Мне и так сегодня хреново.

— Вижу, вся зелёная. Да какие загадки? Сначала ты с Антоном уходила, потом с Владом... Потом Антон снова тебя таскал, потом вообще увёз куда-то... Ты где хоть ночевала?

— Прямо так и таскал?.. — Любе совершенно не понравился тон напарницы, и она решила не оставаться в долгу, — Или тебя задело то, что мы с ним уехали?

— Мне плевать, с кем ты уехала, понятно? — резко вскочив, Таня снова демонстративно подошла к зеркалу, — Только хочу предупредить.

— О чём это?

— Здесь, в этой студии, есть свои правила. Тебе не говорили?

— Нет. Что за правила?

— Не заниматься откровенным бл...вом! Встречайся с кем хочешь, люби, кого хочешь... Но вот так, как ты...

— Это — только моё дело, чем я занимаюсь! — непрозрачный намёк Таньки ещё больше зацепил Любу, но она и не подумала оправдываться, а пошла в наступление.

— Нет, не твоё! — Татьяна снова повернулась к ней, даже не скрывая охватившего её гнева, — Это — коллектив, поняла?! И, если ты начнёшь разводить здесь то, о чём я сказала, это будет создавать конфликтные ситуации, поняла?! И тебя выкинут отсюда в два счёта, несмотря на твоё личное знакомство с Наташей!

— Кто выкинет? — усмехнувшись, Люба закинула ногу на ногу, — Уж не ты ли?..

— Она тебя и выкинет. Ты что, не знала, что у Элеоноры с Владом был роман?!

— Не знала. При мне они не встречались.

— Да, они встречались ещё до тебя, — Таня не оставляла нервного тона, — но Влад не из тех, кто всерьёз и надолго, поэтому он вскоре стал её избегать. А как можно избегать человека, с которым встречаешься каждый день, едешь на гастроли... Элеонора взбрыкнула... стала его доставать. Случился конфликт. Влад чуть было не ушёл с гастролей. Не знаю, что там было на самом деле, но, говорят, что Морозовы всерьёз думали поменять концертного директора. Потому, что менять Влада им было бы гораздо дороже, да и невозможно, у них слаженное танцевальное трио с Ильёй и Мариной. И тогда Элеоноре пришлось прижать хвост. Поняла?..

— И, что теперь? — Люба с вызовом смотрела на Татьяну, — Владу нельзя ни на кого посмотреть?

— Можно. Только за пределами коллектива.

— Не понимаю, какие могут быть претензии ко мне. Я его не кадрила, это, во-первых. А, во-вторых, кто может узнать о том, что было здесь вчера? Мы же остались вчетвером... Или ты решила рассказать обо всём Наташе, а, заодно, подразнить Элеонору?

— Не кадрила, говоришь?.. Да он тебя чуть прямо там, за столом, не трахнул!.. Если бы не Антон...

— Да?! — окончательно разозлившись, Любаша уперлась руками в бока, — Если бы не Антон?! А ты?! Ты же тоже тут была! Ну, ладно, я напилась... А ты-то?! Ты же видела, как Влад меня в коридор потащил?! И молча смотрела?! Тебе самой этого хотелось, ведь, правда?! Ведь, на самом деле, тебе хотелось, чтобы Влад воспользовался ситуацией, ведь хотелось?! Ты разозлилась из-за Антона, потому, что я ему нравлюсь! А, ещё потому, что он увёз меня к себе! Да, я ночевала у него, представь себе! Но у нас с ним ничего не было!.. Поняла?! Ни-че-го! Так что, успокойся...

— При чём тут Антон?! — Таня неожиданно залилась румянцем, — Какое мне дело до Антона, кто ему нравится и с кем он ночует?!

— Да при том!.. — Люба уже не сдерживала крика, — Если ты в него влюбилась, то это твои проблемы! Мне он не нужен, понятно?! И в том, что он на тебя ноль внимания, я тоже не виновата! И в том, что у тебя ребёнок без отца, моей вины тоже нет!.. Не рожала бы без мужа, сейчас бы не дёргалась!..

— Ну, ты и... стерва... — резко развернувшись, Татьяна бросилась к дверям, на ходу столкнувшись с неожиданно вошедшей Натальей, — Я с ней петь не буду!..

Увидев Морозову, Люба встала как вкопанная — внутри прокатилась холодная тревожная волна.

— Люба, что случилось? — оглянувшись на выбежавшую Татьяну, Наташа снова повернулась к Любаше, — Вы так кричали, что было слышно в аппаратной... Что произошло?

— Да ничего, всё нормально, — облизнув вмиг пересохшие губы, Люба нервно пожала плечами, — так, немного поспорили...

— Почему Таня сказала, что не будет с тобой петь?

— Всё нормально.

— Люба... — прикрыв дверь, Наташа подошла ближе и чуть понизила голос, — Я спрашиваю не из праздного любопытства. У нас один слаженный коллектив, и от каждого из нас зависит общий успех. У нас не должно быть никаких конфликтных ситуаций, понимаешь? Мы все — как детали одного механизма. И, как в любом механизме, случаются поломки — кто-то заболел, у кого-то семейные обстоятельства... поэтому ещё и личные конфликты нам совершенно не нужны. Что у вас произошло с Татьяной?

— Таня меня ревнует, — вздохнув, Люба решила рассказать правду, — к Антону.

— К Антону?! — удивлённо переспросила Наташа, — А что, есть повод?

— В том-то и дело, что нет. Но она всё равно ревнует.

— Но ты ведь живёшь не одна?

— Нет, я живу с Егором, это мой гражданский муж.

— Почему же Таня ревнует тебя к Антошке?

— Не знаю, — Люба снова пожала плечами, — но у меня с ним ничего нет.

— Понятно... — судя по тону Морозовой, она хотела сказать ещё что-то, но никак не решалась, — Люба... Я никогда не слушаю никакие сплетни, да мне и не интересно, кто и как живёт, но есть одно обстоятельство...

— Какое? — Любаша угрюмо уставилась на носок своего сапожка, заранее предчувствуя то, что услышит сейчас от Морозовой.

— У нас есть негласное правило. За пределами студии каждый живёт своей жизнью. Но здесь всё намного строже. Личные столкновения должны быть исключены полностью. У нас с Димой уже есть печальный опыт, когда из-за любовных треугольников срывались целые проекты. Я сейчас тебя ни в чём не обвиняю, а лишь довожу до сведения. Раньше с тобой такой ситуации не возникало, поэтому я не говорила на эту тему, тем более, ты у нас как бы временно... А с Таней мы работаем уже не первый год, и я совсем не хочу потерять её, как бэк-вокалистку. Так что, пожалуйста, постарайтесь уладить конфликт сами, хорошо? Чтобы не пришлось вмешиваться мне.

— Хорошо... — Любаша не ожидала такого тона от Натальи, и внутренне сжалась.

Да, она, наверное, права... но можно было и не напоминать ей, Любаше, о том, что она тут временно. Она, Люба, и так не забывает об этом.

Настроение испортилось вконец. Репетиция сегодня была лишь у них с Татьяной, в студии было малоллюдно, большинство сотрудников, включая и Антона, отсутствовали. Это немного огорчало... Будь побольше народу, было бы веселее.

Люба тяжело вздохнула. Неизвестно, насколько разозлилась на неё партнёрша по вокалу... Возможно, и вправду не захочет больше петь с ней, Любашей, во всяком случае, сейчас... А завтра? Завтра у них выступление. Помня об обещании, данном Наташе, через полчаса раздумий Люба вышла из гримёрной.

Таню она нашла в репетиционной — видимо, чтобы успокоиться, та что-то наигрывала на синтезаторе.

— Тань... — присев рядом на диван, Люба подняла на неё глаза, — Тань, послушай...

— Чего тебе? — не глядя на неё, буркнула Татьяна.

— Ты прости меня. Ну, пожалуйста...

— Наташа только что ушла. Я сказала ей, что работать с тобой не буду. Пусть ищет мне замену.

— Ну, Тань... Ну, прости меня... Я ведь просто так ляпнула. Я так совсем не думаю. Правда...

— Про что ты ляпнула? Про ребёнка? — Татьяна гневно взглянула на свою собеседницу, — А ты хоть знаешь, что такое ребёнок?! Да мне ни один мужик на свете не нужен, если на то пошло! Мне мой ребёнок дороже самого крутого мужика, поняла?! Родила и не жалею! Ты сама сначала роди, а потом болтай языком!

— Танечка, ну прости... Я не со зла, правда! Да и как ты уйдёшь, у тебя ведь тоже контракт! Ну, прости... Я больше так не буду, честное слово.

— В том-то и дело, что контракт... Не уйдёшь... — Татьяна строго поджала губы, — И единственное, что меня утешает в этой ситуации, что через четыре месяца тебя здесь уже не будет.

Репетиции в этот раз не получилось. После разговора с Татьяной Люба решила зайти к Наталье и, подойдя к кабинету Морозова, робко заглянула внутрь. Видимо, собираясь уходить, Наташа одевалась, стоя у зеркала.

— Наташ, можно к тебе?..

— Да, заходи, — кивнула та.

— Мы с Танькой уже помирились. Всё нормально.

— Хорошо, что помирились, — Наталья жестом пригласила Любашу присесть и сама

устроилась рядом, — Не нужны нам конфликты, Люба. Независимо от того, кто прав или виноват... Просто — не нужны. Ведь Таня с Викой работают с нами уже давно. Они поют весь мой репертуар, и только поэтому я взяла временную замену Вике, хотя такая практика редкость. Чаще вокалисток ставят перед выбором — или работа, или ребёнок. Рожай, но потом ищи всё заново... и в этом плане ты для нас была настоящая находка — с твоими способностями хватать на лету все партии... А сейчас, когда между вами с Таней вдруг пробежала чёрная кошка, когда она мне заявляет в разгар сезона, что не будет работать с тобой, что прикажешь делать мне?.. Я понимаю, что завтра она успокоится и выйдет на сцену, что у неё, ка и у тебя, контракт, в конце концов... Но зачем мне все эти ситуации? У меня и так огромная нагрузка... У меня три программы — своих и с «патрулями», плюс мюзикл. Как ты думаешь, есть у меня время ещё и на разбор личных отношений?

— Я и вправду ни при чём... Просто я нравлюсь Антону... а Танька ревнует. Но я же не виновата...

— Да, Дима, я уже выхожу... — торопливо ответив на звонок, Наташа снова подняла на Любашу взгляд, — Люба, конечно, ты не виновата... Но, раз уж так складывается, то постарайся как-то идти с Антошкой параллельными путями... не провоцировать его на чувства. Хотя бы эти четыре месяца, что ты будешь у нас ещё работать. Это моя к тебе личная, огромная просьба.

— Хорошо, я постараюсь, — услышав и от Натальи о своём временном контракте, Люба окончательно упала духом... Теперь надеяться на то, что Морозовы оставят её в своём коллективе, не стоит... Ещё четыре месяца, и — прощай, сцена...

С другой стороны, она впервые со времени знакомства видела Наталью такой — строгой и даже чуть-чуть сердитой... Может, ей это показалось, но Люба была обескуражена...

Расставшись с Наташей, Люба вернулась в гримёрку. Татьяна, судя по всему, уже ушла. Вспомнив разговор с Морозовой, Люба про себя усмехнулась... Надо же... Читает лекцию с личных отношениях, о параллелях и провокациях... А сама? Верка вон все нервы вытрепала, пока Серёга сходил по ней, Наташке, с ума... А этот чернокожий Мигель?.. Он откровенно пожирает её своими чёрными глазищами... Можно подумать, ей самой не нравится такое внимание. Кто бы говорил...

— Привет, — Люба уже собиралась домой, когда в гримёрку заглянула Полина, — ты здесь? А я думала, что ты сегодня не приедешь на репетицию.

— Здесь, — грустно кивнула Любаша, — а ты чего? Вы же сегодня не собираетесь?

— А я вчера тут туфли забыла, а у нас вечером опять выступление, как раз эти туфли нужны.

— Понятно. Часто вас приглашают.

— Да почти каждый день. То юбилей, то свадьба, то корпоратив. А ты чего такая невесёлая? — Полина пытливо вглядывалась в Любашино лицо, — Как вчера всё закончилось?

— Плохо.

— Да ты что?! — в изумлённом тоне девушки сквозила откровенная радость оттого, что сейчас она услышит интересные новости, — Рассказывай всё по порядку!

После всего произошедшего Любаше очень хотелось кому-нибудь выговориться... Полина подвернулась как нельзя кстати. Одевшись, Люба вместе с ней неторопливо вышла на улицу. Рассказ получился подробным, длинным, и, подойдя к автобусной остановке, она

всё ещё продолжала своё повествование.

— Вот так всё и вышло, — кутаясь в тёплый пушистый шарф, обмотавший её шею, Люба шумно выдохнула, — а Танька сдуру устроила мне скандал. Ну, и я тоже ответила... В общем, прибежала Наташа, и дала мне втык...

— А Таньке?

— По-видимому, нет... Она сказала, что работает с Танькой не первый год, и что не хочет терять её и Вику... в общем, если я правильно поняла, мне намекнули, что я как бы лишняя...

— Подожди. Как ты можешь быть лишней, если вы вдвоём с Танькой? Вики же нет...

— Ну, пока нет. Но она обещалась выйти через пол года. Ей же тоже нет смысла работу терять. А кто её долго будет ждать? Ладно, Морозовы обещали... А другие исполнители? Я же с Танькой только у Морозовых пою.

— Слушай, я тут недавно случайно подслушала... — Полина приблизила к Любаше своё похожее на лисичку лицо, — На место Вики Танька хотела временно пристроить свою знакомую вокалистку, и та уже с ней репетировала кое-что. А пристроить она её хотела именно из-за коллектива Морозовых... Мол, потом будешь козырять, что работала с ними. А они взяли не её, а тебя. Вот Танька из-за этого ещё на тебя злится.

— Пусть не злится. Мне уже сегодня десять раз напомнили, что я тут временно.

— Серьёзно?

— Угу. Ничего они мне не собираются предлагать. Отработаю на замене, и — всё.

— Слушай... — светло-серые тёплые рукавички Полины захватили концы Любашиного шарфа, — А роль дублёрши они тебе не предлагали? Ты же запросто можешь Алёну дублировать... У вас голоса похожи.

— Да, Алёна тоже меццо... — Люба грустно вздохнула, — Если честно, то я надеялась... Но они предложили совсем другой вокалистке. Приезжает к ним какая-то... Но, если уж совсем честно, то... то я бы лучше Риткину роль дублировала.

— Ну, ещё бы, Риткина роль — тоже главная, после Наташиной. Отрицательная героиня, разлучница... Композиции у неё классные, вообще местами аж мороз по коже... А что, это было бы классно!

— Да, классно. Но у них уже есть кто-то на примете. Сама слышала на днях, как Дима с кем-то по телефону говорил, что скинет все композиции по электронке.

— Странно... Почему они тебе не предложили?..

— Не знаю. А я ведь все партии Риткины выучила.

— Так предложи сама себя! — Полина невольно потянула концы Любашиного шарфа на себя, — Люба, сама не предложишь, никто за тебя не похлопочет!

— Да ладно... — Люба махнула рукой, — Даже если и предложили бы дубляж, это ещё не значит, что я буду эту роль исполнять.

— Да лишь бы предложили!.. — Полина многозначительно приподняла брови, — А там всё — дело техники...

— В смысле?

— Ну, что ты как маленькая? У дублёрши всегда есть шанс стать исполнительницей. Главное, вовремя его использовать...

— Не... — догадавшись, на что намекает подружка, Люба нахмурилась, — Я так не смогу.

— Да брось, это нормальная практика. Знаешь, как у нас в шоу-балете друг друга

выживают? Тебе и не снилось... И — ничего, это называется конкуренция.

— Да я слышала. Но это точно не моё...

— Ну, и зря. Так ты никогда никуда не пробьёшься. Эх... — Полина покачала головой, — Жаль...

— Чего жаль?

— Что Морозов не любитель женского полу... А то вскружила бы ему голову! Он бы тебе не только дубляж, а саму роль бы отдал без борьбы! Это тоже — нормальная практика в других коллективах... Свежая кровь, борьба за выживание, повышение мастерства... А у них всё только вокруг Наташи крутится. Никаких альтернатив!

— А что... — включившись в игру, Люба шутливо закусил губу, глядя на подругу, — Было бы классно... Закадрить самого Морозова, да?..

— Не то слово! Он тебе бы не только роль, он бы и сольёные программы для тебя создавал, и песни писал... А то всё в одни ворота!

— Кла-а-асс!.. — Люба потёрла ладошки — развеселившись, она даже забыла о сегодняшних неприятностях, — Вот бы я раскрутилась!..

— И она бы на своей шкуре узнала, как это, когда кто-то в кого-то влюблён против твоей воли... — Полина как-то странно усмехнулась, — Сама же говоришь, что муж твоей сестры всё по ней сохнет...

— Ну, он же Верку не бросает. И не бросит.

— Ну, и что. А сестре твоей как на всё это смотреть? И не только ей...

— Ой... — ещё раз глубоко вздохнув, Люба взяла Полину за руки, — Поговорила с тобой, и сразу легче стало. А то не знала, что делать. Ещё Егор...

— Слушай, а как ты с Антоном-то на самом деле? — Полина понизила голос, — Он-то как? Ничего?..

— В каком смысле?

— В постельном, в каком ещё? — улыбнувшись уголком губ, Полина посмотрела на Любу как на непонятливого ребёнка.

— А я откуда знаю? — Люба пожала плечами, — Я с ним не спала, и не собираюсь.

— Да ладно тебе... — Полина в шутку толкнула её локтем, — Я же никому не скажу...

— Да правда же! — выплянув на дорогу, Люба заметила подъезжавшее маршрутное такси, — Моя маршрутка!

— Тебя сегодня не встречают?

— Нет...

— Смотри, если твой дома скандалить начнёт, не вздумай признаваться, всё отрицай!

— Что отрицать-то? — дожидаясь, пока из подъехавшего автобуса выйдут пассажиры, Люба нетерпеливо обернулась на подругу.

— Да всё отрицай! Если что, сразу убегай!

— Ладно, Полин, пока! — поставив ногу на ступеньку, Люба махнула рукой Полине, — До завтра!

— Всё отрицай!..

Уже заходя в свой подъезд, Люба снова почувствовала упадок настроения. Она понимала, что объяснение с Егором неизбежно, и что ей придётся делать какой-то выбор...

«Это в лучшем случае. А в худшем?..»

В худшем выбор сделает он сам... а единственный выбор, который может сделать он

один, без её согласия, это выставить сейчас её на улицу. Возможно, сумка с её вещами уже стоит в прихожей...

Открыв ключом дверь, она несмело вошла в квартиру. Судя по звукам, раздающимся из комнаты, Егор смотрел телевизор.

— Привет... — не раздеваясь, Люба прошла в комнату и прислонилась к дверной притолоке.

— Привет, — Егор сидел на диване и, когда она вошла, перевёл взгляд с экрана на неё, — ты с репетиции?

— Да, — поколебавшись, она шагнула в его сторону и осторожно присела рядом на диван, — Мне собирать вещи?

Услышав её вопрос, он какое-то время молча смотрел в одну точку, потом хмуро опустил голову:

— Это можешь решить только ты сама.

— А ты? — в ожидании его ответа Люба судорожно сглотнула, — Ты хочешь, чтобы я ушла или осталась?

Нависшая тишина отозвалось в её душе новой ледяной волной. Наконец, собравшись с мыслями, он нарушил молчание.

— Я не знаю, что ответить тебе, Люба. И дело даже не в том, что ты не ночевала дома. И не в том, что мне не нравится твоя нынешняя профессия. Я хотел, чтобы ты была со мной. Хотел, даже не думая, хочешь ли этого ты сама. Я понимаю, что ты хотела вырваться из своего города, вот и вырвалась. Ты поехала со мной просто потому, что у тебя не было другой возможности перебраться сюда. Ты ехала за своим счастливым билетом, я — за своим... Но наши билеты оказались на разные представления.

— Я не изменила тебе...

— Сейчас это неважно. Я понял, что не могу привязать тебя к себе... Временами мне начинало казаться, что у нас всё получается, — он неожиданно уронил голову на сцепленные кисти рук, — ведь ты — хорошая, послушная девочка, очень благодарная... но, самое главное... Самое главное, что ты была мне очень нужна. Я знал, что дома теперь у меня есть дорогой для меня человек, который меня ждёт... Но, на самом деле, ты просто меня терпела... Да?

— Нет!..

— Да! — он несмотря на её ответ, он уверенно кивнул сам себе, — Я знал это в глубине души... знал, но старался не думать. И твоя теперешняя артистическая жизнь, по-моему, нужна тебе лишь для того, чтобы как можно меньше находиться рядом со мной. Говоришь, ты мне не изменила? Я верю. Но я не знаю, можно ли было бы считать твою измену изменой... Ведь изменить можно лишь тому, кому ты даёшь обещания верности. С тебя я таких обещаний взять не могу, поскольку сам ничего не могу тебе дать... И жить с такими мыслями тоже не могу. Замкнутый круг...

— Я должна уйти?..

— Разве тебе есть куда идти? — распрямившись, он встал и подошёл к окну, — Раздевайся, иди ужинать... ложись спать... Я отпросился на один день, завтра с утра снова уеду. Я мог бы... да что там мог... Я очень бы хотел попросить тебя всё же подумать...

— О чём? — Люба не сводила глаз с его спины, — О чём мне нужно подумать?

— Я не буду скрывать... Я не хочу потерять тебя. Но я хочу определённого уклада жизни. Ты знаешь об этом... Если мы будем продолжать жить так, как живём сейчас, рано

или поздно произойдёт то, чего я буду бояться всё это время... Я понимаю, что, кроме крыши над головой, мне предложить тебе особо нечего. Я не могу дать тебе ни свою фамилию, ни прописку. Всё, что я могу тебе дать, это поддержку, и финансовую, и моральную... плюс своё общество... Я понимаю, что всё это — сухие слова, но только так я могу выразить то, что у меня на душе, заранее зная, что как личность я тебе совсем не дорог... — он обернулся к ней, — Ты подумаешь?

— Да, я подумаю.

...Проснувшись утром, Люба обнаружила, что Егор уже уехал. Приняв душ, прошла на кухню, поставила варить кофе. Сидя с чашкой, долго думала, вспоминая вчерашние слова Егора.

По сути, он поставил ей условие. Но он не оговорил своих действий на тот случай, если она не согласится на это условие... Он не сказал ей — «ты уйдёшь, если не будешь согласна». Он вообще не озвучил такой вариант...

И, всё же... Она слишком благодарна ему за всё, чтобы воспользоваться этой его явно нарочитой заминкой. Тем более, что он во всём прав...

...Своих вещей у неё было немного. Люба с нескрываемым сожалением оставила в шкафу купленные Егором наряды, надев лишь новые сапожки. Она оставила так же и подаренные им серьги из белого золота, и банковскую карту, взяв только свои, заработанные за выступление деньги. Застегнув дорожную сумку, взяла с полочки листок бумаги и ручку. Постояв какое-то время над листком, снова положила всё на полку и достала телефон.

Отыскав номер Егора, уже собралась нажать на вызов, но снова замерла...

Бросив телефон в сумку, в очередной раз потянулась за листком...

Быстро написав два слова, положила ручку и в последний раз бросила взгляд на написанное:

«Я ушла».

Глава 22.

В первые три дня Любашу приютила всё та же Полина. Позвонив ей, Люба хотела лишь спросить совета насчёт съёмной комнаты, но новоиспечённая подружка сама предложила кратковременное жильё — до самой поездки на гастроли, успокоив её, что за это время можно будет найти «что-нибудь подходящее».

Жила Полина с матерью в небольшой двухкомнатной квартире. Её старшая сестра недавно вышла замуж и переехала к мужу, и теперь её кровать в их общей с Полиной комнате была свободной — на неё и «поселили» Любашу. Сама же Полина, напротив, месяц назад рассталась с очередным парнем — как и Любе, ей почему-то не везло в любви, и двадцатилетняя девушка находилась в привычном поиске.

— Ты что, остальные вещи у него оставила? — увидев в руках Любаши единственную сумку, подруга удивлённо подняла глаза.

— Нет, всё забрала. Я же из дома тоже налегке уезжала: что успела, то взяла.

— Слушай, а он, этот твой Егор, тебе что, ничего не покупал?

— Покупал, — раздевшись, Люба прошла вслед за Полиной в её комнату, — но я всё оставила. Сапоги только надела, потому, что мои старые лопнули.

— Оставила?! Почему?

— Понимаешь... не хочу я у него ничего брать. Я и подарки у него не просила, отказывалась поначалу... Потом только стала принимать.

— Но почему?! — от изумления Полина округлила и без того круглые глаза, — Если

дарят, почему не взять?

— Не знаю, — Любаша пожалала плечами, — я же не собиралась с ним жить. Мне просто нужно было здесь устроиться, а Егор позвал меня с собой. Я и согласилась.

— Ты что, его совсем не любишь? Ни капельки?

— Нет, — Люба покачала головой, — не люблю, но... понимаешь, он какой-то такой... ну, не противный... Мне с ним было вообще не в напряг. Да я бы и сейчас не ушла, если бы не этот день рождения. Напилась, как дура... А ещё Антон... Взял и выбежал следом...

— Может, надо было всё-таки остаться? — Полина с сомнением посмотрела на Любашу, — Он, наверное, богатый?

— Да не богатый он. Просто обеспеченный, работа у него такая.

— Ну, вот! Обеспеченный... если он тебя любит, простил бы.

— Он и так простил. Только я не хочу его обманывать. Он хороший, понимаешь?

— Так не обманывай, кто тебя заставляет? Ты и так, как верная жена, всегда с ним уезжала.

— Он мне условие поставил. Я должна бросить выступать. А ведь я только за этим сюда и приехала...

— Тогда понятно... Хотя, если бы мне вот так... не знаю, я, наверное бы, танцы бросила. Ходила бы по дорогим салонам, ездила бы по морям...

— Егор не настолько богат, чтобы без конца ездить по морям. У него даже квартира однокомнатная. Большая, правда, но комната одна.

— А у него дети есть?

— Не знаю... — усмехнувшись, Люба подошла к окну и уставилась на непривычный заоконный пейзаж, — Говорит, что нет... Но он и про себя говорил, что не женат, а, оказывается, жена у него есть.

— Ты, наверное, сейчас жалеешь, что ушла, да? — Полина пытливо наблюдала за подругой, — А, если он тебя назад позовёт? Вернёшься?

— Он не позовёт.

...Егор позвонил в тот же день. Уже вечером, собираясь на выступление, Люба услышала звонок мобильного телефона.

— Люба, ты дома? — вместо приветствия раздалось в трубке. Голос у Егора был тревожным.

— Нет... — несмотря на решимость, с которой она утром покинула его квартиру, Люба всё же не знала, как сказать ему об этом, — Я не дома.

— Ты на репетиции?

— Нет... Егор... В общем, я ушла. Там, дома, всё в порядке, ты не беспокойся... Ключи я потом тебе передам.

Нависшее молчание длилось около минуты.

— Ну, зачем... зачем?... Зачем, Люба?!

— Ты сам сказал, что у нас билеты на разные представления.

Ей хотелось поскорее закончить разговор, но Егор не собирался отключаться, а оборвать его Люба не могла.

— О, Господи... Ну, и куда ты ушла?!

— Какая разница...

— Ты что, ушла к этому... Антону?.. — он как-то небрежно произнёс имя предполагаемого соперника.

— Нет, я у своей подруги, её зовут Полина, — Люба сказала это лишь потому, что искренне не хотела, чтобы Егор думал, что она променяла его на другого мужчину.

— Где она живёт, эта твоя Полина?

— Егор... — устало вздохнув, Люба сделала вид, что не расслышала его последнего вопроса, — Я, действительно, ушла. Я не могу принять твои условия...

Ещё одна минута молчания отозвалась в душе какой-то непонятной, щемящей болью.

— Ты хорошо подумала? — его голос вдруг стал чуть хриплым, с оттенком обречённости.

— Да, я подумала хорошо. Когда ты приедешь? Мне нужно отдать тебе ключ.

— В четверг, утром.

— В четверг мы уезжаем с «Голосом»...

— Чем вы уезжаете и во сколько?

— Поездом, в одиннадцать.

— Хорошо... Вернёшься — созвонимся.

До прибытия скорого поезда, на котором молодые артисты должны были отправиться на первое гастрольное представление новой рок-оперы, оставалось около десяти минут, и все пассажиры высыпали из огромного вокзала на пригретый апрельским солнцем перрон. Совсем недавно закончился март, и, несмотря на прохладу, весна потихоньку вступала в свои законные права.

Стоя в толпе товарищей по сцене, Люба ощущала необычный прилив радости. И это весеннее солнышко, и этот птичий гомон, и ставшие уже почти родными лица ребят, и эти сложенные огромной горой дорожные сумки и инструменты — всё это сейчас было таким приятным, дающим надежду... И сама поездка обещала быть интересной. В целях экономии вместо самолёта Морозов выбрал железную дорогу, как наименее затратный вид транспорта. Ехать предстояло около четырнадцати часов, и Люба уже предвкушала весёлое времяпровождение в компании остальных музыкантов.

Татьяна всё ещё дулась на неё, но за прошедшие три дня Любе всё же удалось восстановить со своей вокальной партнёршей более-менее дружеские отношения. Во всяком случае, Таня больше не заикалась о своём уходе и не цепляла Любашу на предмет морали и нравственности. О том, что Люба рассталась с Егором и живёт теперь у Полины, Татьяна ещё не знала, и сама Любаша не спешила ей об этом говорить, помня о просьбе Натальи не создавать конфликтных ситуаций. Люба подумала, что, узнай Танька о том, что она теперь свободна, то снова начнёт дёргаться по поводу Антона... Пусть пока ничего не знает, во всяком случае, до конца поездки. Да и ей, Любе, тоже не нужны такие вот провокационные ситуации... ведь надежда на то, что её оставят в коллективе после возвращения Вики, всё ещё слабо теплилась в её душе.

Сам же Антон несколько раз пытался заговорить с Любашей, но она старательно его избегала. Избегала она и Влада, но уже совершенно по другой причине. С этим парнем ей было по-настоящему стыдно и страшно встречаться... Она ведь сама виновата — не напилась бы так, не стала бы объектом его охоты... Хорошо, что про всё, случившееся тогда не знает никто... а, главное, не знает Элеонора. Хотя пышногрудая директриса и получила отставку от своего мускулистого любовника, она до сих пор тайно его ревновала ко всем, кто оказывался в центре его мужского внимания, и поэтому многие девчонки сами старательно обходили Влада стороной — Элеонора была женщиной приятной, но в глубине души

способной серьёзно испортить жизнь любой потенциальной сопернице. Полина поведала Любаше по секрету, что осенью Элеонора так и поступила, когда заметила, как Влад откровенно подбивает клинья к юной вокалистке, записывающей в студии Морозова свой сольный альбом. Девушка не была связана собственным творчеством с коллективом Дмитрия и Натальи, и поэтому откровенно выжить Элеонора её не могла. Увидев пару раз, как Влад поджидает новую пассию после очередной записи, предприимчивая директриса прожужжала все уши и самому Морозову, и Наталье, что установленные расценки в студии слишком малы, и что студия такого уровня, как у них, должна «знать себе цену». Она приводила разные, вполне убедительные аргументы, ссылаясь на стоимость звукозаписи в других студиях, и, в конце концов, Морозов с ней согласился.

«Хорошо, Элеонора, займись этим сама. Нам сейчас абсолютно некогда, так что ценовую политику доверяю тебе».

Скандал разгорелся неожиданно. Юная певица, которой Элеонора объявила о том, что цена её альбома теперь будет увеличена чуть ли не в два раза, вместо того, чтобы оставить студию Морозова и отправиться восвояси, закатила истерику. Она пришла к Диме и в довольно резкой форме пообещала прославить и его, и его наглую директрису, за то, что они нарушили условия заключённого договора, и изменили цены. Ничего не ведающий Морозов вызвал Элеонору на ковёр и попросил объяснений. Невинно хлопая длинными ресницами, та подняла на него удивлённый взор:

«Дима, но мы с тобой всё обсудили. Ты согласился, что будем повышать расценки...»

«Да, но это не должно касаться уже заключённых контрактов».

«А с этой вокалисткой контракт пока не заключён».

«Как не заключён?! — возмущению девушки не было предела, — Документ был составлен в первый же день!»

«Да, составлен, — Элеонора приняла горделивую позу, — но не подписан».

«Ну и что?! — откровенно визжала девица, — Вы составили договор, сказали, что подпишем его завтра, а назавтра вас не было, вы уехали куда-то, потом болели, а потом я просто забыла!»

«Не надо было забывать, — вложив в свою улыбку весь имеющийся сарказм, Элеонора посмотрела на девушку, чуть прищурившись, — мы ничего не нарушили, ваш договор ещё не подписан, значит, может быть изменён».

Девица оказалась не из робких, и в дальнейшей перепалке выдала всё, что думала и об Элеоноре, и о самом Морозове, и об их «знаменитой» студии, пригрозив разгромной газетной статьёй. Диме пришлось вызывать Наташу, чтобы вдвоём улаживать вспыхнувший конфликт. Услышав разгоревшуюся уже в коридоре перепалку между директрисой и вокалисткой, Наталья поняла настоящую суть возникшей ситуации. «Соперницы», не стесняясь, поливали друг друга оскорблениями, выходящими за рамки всех правил, особенно предпочитая эпитеты «шалава» и «потаскуха».

Догадавшись из их эмоционального диалога, что причиной раздора является высокий, мускулистый танцор по имени Влад, Наташа была вынуждена долго извиняться перед вокалисткой, пообещав, что её альбом обойдётся для неё не дороже, чем было оговорено ранее, а, в качестве бонуса, она может записать лишнюю композицию — совершенно бесплатно.

У Элеоноры же состоялся очень напряжённый разговор с Морозовым, и тут уже извинялась сама Элеонора. Поняв, что откровенно перегнула палку, директриса

торжественно поклялась, что больше не будет давать волю своим чувствам, как бы они не рвались из её шикарного бюста... После «разборок» с Димой, она долго плакала у себя в кабинете, в присутствии Наташи, сквозь горькие всхлипы рассказывая той о своей нелёгкой «девичьей» судьбе, вконец растрогав доброе Наташино сердце.

Узнав от своей новой пассии о том, что произошло, Влад попытался выставить всё в шутовском виде, но, услышав его собственную версию, Наталья отчитала его со всей своей женской горячностью, на которую только была способна. Услышав такие непривычные в её исполнении слова, как «бабник» и «кобелизм», Влад не на шутку разозлился и объявил о своём уходе из всех проектов Морозовой...

Отругав всех, в том числе и жену, Дмитрию пришлось окончательно улаживать конфликт, возникший накануне целой череды праздничных выступлений. В конце концов, всё закончилось дружеским рукопожатием с Владом, обещанием двухнедельного отпуска Элеоноре и огромным букетом белых роз для Наташи...

Несмотря на то, что всё удалось уладить мирным путём, в студии ещё долго обсуждали все подробности скандала, приходя к выводу, что с концертным директором «лучше не связываться».

...Любаша смотрела на ползущие вдоль перрона вагоны поезда, когда услышала позади себя знакомый окрик.

— Люба! — Егор торопливо шёл по перрону в её сторону.

— Привет... — она настороженно подняла на него глаза, когда он приблизился к ней почти вплотную.

— Боялся, что не успею... — он смотрел на неё так, как будто не видел очень давно, — Ну, зачем ты ушла?!

Ей вдруг стало его ужасно жалко... это была какая-то чисто женская жалость, без видимых на то причин...

— Разве у меня были варианты? — грустно усмехнувшись, Люба вдруг почувствовала уже знакомую резь в глазах.

— Ты бы хоть меня дождалась...

— А смысл?

— Люба... — он провёл ладонью по её распущенным волосам, — Неужели, всё вот так... а я всё-таки надеялся, что у нас получится...

Невольно дёрнув головой, она попыталась увернуться от его руки.

— У нас билеты на разные представления... и на разные поезда...

— Ну, что ты прицепилась к этим словам?

— Их сказала не я... кстати... — расстегнув молнию на курточке, Люба полезла во внутренний карман, — Ключ... сейчас найду...

— Подожди... — он перехватил её руку, — Не надо, не доставай... пусть будет у тебя...

— Зачем? — высвободив кисть, она снова принялась за поиски ключа, — Куда же я его положила?.. В сумку, что ли...

— Ну, что ты такая упрямая... Люба... — он сжал её плечо, но она упрямо повела им, желая скинуть его руку.

— Я должна его тебе отдать...

— Не надо. У каждого человека должен быть ключ от дома...

— От своего дома... — оглянувшись на вагон, Люба торопливо поставила на землю сумку и, наклонившись, потянула за кончик замка, — А этот дом — не мой.

— Кстати... — он тоже бросил торопливый взгляд на почти рассосавшуюся по вагонам толпу пассажиров, — О доме... Я был у твоих родителей.

— Когда?.. — она подняла на него изумлённые глаза, — Они мне ничего не говорили...

— Вчера вечером. Мы проезжали через твой город, я попросил водителя заехать к тебе домой. Там тебе кое-что передали, пакет в машине.

— Откуда ты узнал, где они живут?!

— Это не так трудно... и неважно... Когда вы вернётесь?..

— Послезавтра... — услышав объявление об отправлении поезда, Люба резко поднялась, — Блин, так и не нашла ключ...

— Оставь... — снова повторил Егор, — Нам всё равно нужно с тобой поговорить!

— Нет... — она уже почти повернулась, чтобы шагнуть к вагону, но так и застыла — вполоборота к нему, — Ты — хороший... ты очень хороший... слишком хороший для такой дуры, как я...

— Люба!.. — Элеонора высунулась из дверей вагона, — Ты что?! Сейчас трогаемся, быстро в вагон!..

— Ты прости меня, ладно?.. — бросила Любаша уже на ходу, — Егор, прости!..

Проходя по длинному коридору в поисках своего купе, Люба боялась повернуть голову в сторону окна. Она была уверена, что Егор всё ещё там, на перроне, смотрит на неё через вагонное стекло...

— Ну, что, распрощались? — Рита насмешливо посмотрела на Любашу, когда та, наконец-то, отыскала своё купе, — А ничего у тебя парниша... Крутой...

— Разве? — Люба как можно равнодушнее пожала плечами, — Обыкновенный.

— Пальтецо штуки на две баксов тянет...

— Понятия не имею, — закинув сумку на верхнюю полку, Люба повесила куртку на вешалку и устроилась возле двери, — и ценника не видела.

— И без ценника видно. Дорогой мужичок, — Рита бросила на Любашу ещё один любопытный взгляд, — Где же ты его подцепила?..

— А что?.. — Люб недолго любила чуть хамоватую Риту, которой роль разлучницы в рок-опере очень подходила.

— Да ничего, — та пожала плечами, — всегда удивлялась, где таких мужичков цепляют?

— Так и ты подцепи, — Люба угрюмо усмехнулась, хорошее с утра настроение было испорчено встречей с Егором, — он, кстати, свободен.

— Свободен?! Так это же — твой... разве нет?

— Уже нет. Действуй, — Любаша невольно покосилась на Татьяну. Она вдруг решила больше не скрывать своего разрыва с Егором.

С какой стати? Она — свободная девушка, ни перед кем не обязана отчитываться о своей личной жизни.

— Девки, что, больше говорить не о чём, только вот о мужиках, в поезде... — Танька состроила недовольную мину, — Давайте на концерт настраиваться...

— Тань, ты чего? — Рита удивлённо посмотрела на неё, — Больше суток до концерта, ещё двадцать раз настроимся. Тем более, уж вам-то с Любкой...

— А что, мы какие-то особенные? — исподлобья посмотрела на неё Любаша, — Почему это вам нужно настраиваться, а нам — нет?

— Потому, что мы не на подпевке, — Рита всегда подчёркивала свою принадлежность к

основным исполнителям ролей, возводя это чуть ли не в социальный статус, — вам-то чего настраиваться?

Любаша хотела ответить, что она с большим удовольствием будет продолжать работать на подпевке, чем изображать на сцене отъявленную стерву, но вовремя остановилась, помня о предупреждении Натальи.

Рита, красивая, темноволосая, кареглазая девушка, почему-то раздражала Любу с самого первого дня их знакомства. Сначала Люба не могла себе объяснить, почему, даже не проронив ни слова, та вызывает у неё острое неприятие. Позже, приглядевшись, она всё поняла... поняла — в глубине души, но так и не призналась себе в открытую, что неприязнь идёт вовсе не от скверного характера Ритки... а от её явного сходства с московской продюсершей Аллой Сафоновой, так внезапно и без труда укравшей у неё Даниила...

Вспомнив о своём всё ещё любимом парне, Люба мужественно попыталась переключить свою память на что-нибудь другое, и у неё это почти получилось...

...Билеты были собраны, проводница раздала всем постель, и молодые артисты кучками собрались в трёх купе: «патрули», Наташа, Элеонора, Милена, которая сопровождала свою дочь Машу, и Юлия — корреспондент канала «Культурный город», а заодно жена Виктора Мазура — в одном, а вокалисты и танцоры вперемешку разбились на два «лагеря». Везде было довольно оживлённо и весело, особенно там, где оказалась Люба. Мест на нижних полках не хватало, и некоторые девушки сидели на коленях у парней. Дружный хохот то и дело сотрясал стены купе, вылетая через раскрытую дверь и распространяясь по всему вагонному коридору. Любаше тоже пришлось устроиться на коленях у Антона — когда она вошла в купе, то другого варианта найти себе местечко не было, и она, чуть поколебавшись, присела к нему на одну ногу, стараясь не смотреть на Таньку, которая пришла раньше и заняла место в углу, у окна. На Антона Люба тоже старалась не оглядываться, всей спиной ощущая его совсем не равнодушные взгляды...

— Ребят, потише ржём... — Наташа весело заглянула в их купе, — вас у машиниста слышно!

— А мы шьто, ещё и с машинистом едем?! — Мигель, темнокожий танцор, устремил на неё свой испепеляюще-влюблённый взгляд. Несмотря на акцент, он довольно хорошо говорил по-русски и даже пытался шутить.

— Пока ещё с машинистом, — в тон ему ответила Наташа, — но, если будете так ржать, то он спрыгнет на ходу.

— Фигня, доедем! — под новый хохот Мигель махнул рукой, — Рьелсы никуда не дьенутся!

— Та-а-ак... — заметив на столе, среди пачек с соком и бутылок с газировкой пакет с семечками, Наташа нахмурилась, — Кто семечки грызёт? Признавайтесь!

— Наташ, это не мы, — Алёна подала голос откуда-то из угла, — это балеруны грызут.

— Значит, так, — Наталья приняла строгий вид, — я знаю, что все в курсе, но инструктаж я с вами всё же проведу. Семечки вокалистам не грызть, холодную воду не пить, мороженого не есть, а балерунам... — она обвела взглядом парней из подтанцовки, — не прыгать с поезда на ходу! Дублёров у нас пока нет, всё только в стадии подготовки, поэтому огромная просьба ко всем: берегите себя!

— А тьбя?

— И меня, — кивнув, Наташа в упор посмотрела на Мигеля, — меня тоже берегите, чтобы я не нервничала, потому, что у меня дублёрши вообще нет, и не предполагается.

— Ест, товариш геньерал! — парень шутливо взял «под козырёк», — Разрешите вопрос?

— Вольно, разрешаю.

— Почьему певцам нелза семьечки?

— Голос портится. Вопросов больше нет?

— Ньет!

— Тогда выйди, — Наташа кивнула на дверь, — у меня к тебе особый разговор.

Пропустив мимо себя темнокожего танцора, Люба невольно прислушалась — Наташа отошла недалеко от открытой двери их купе, так, что их разговор с Мигелем был очень даже слышен.

— Мигель, я просила тебя не покупать Маше мороженого. Она такая же вокалистка, как и остальные, но она — ребёнок, и не всегда может отказаться от того, что любит. Я говорю тебе это наедине затем, чтобы другие не слышали. Меня попросила об этом Милена, она не хочет, чтобы Журавлёв знал, потому, что он может и по морде захватить. Я же уже просила тебя об этом?

— Просьбила, — послушно ответил Мигель.

— А ты?

— А я... я купил...

— И зачем?

— Шьтобы ты мьеня отругала, — донеслось до Любаши.

— Зачем?! — в Наташином тоне было и удивление, и возмущение одновременно, — Тебе что, нравится, когда тебя ругают?!

— Мнье нравится, когда мьеня ругаешь ты...

— Знаешь... — видимо, от неожиданного признания, Наталья ненадолго замолчала, — У нас ещё никогда не было такой проблемной труппы... Вот честное слово!

— У тьебя такие глаза... как у моей сьестры...

— У меня не могут быть глаза, как у твоей сестры! — по тону было слышно, что Наташа начинает сердиться, — И, вообще, прекрати ходить за мной по пятам! Ты хочешь, чтобы разозлился Дима?!

— Если он разозлится, я тьебя украду...

— Так, всё, иди... — видимо, окончательно рассердившись, Наталья подтолкнула его назад, потому, что уже через секунду Мигель входил в купе.

— Люба, теперь мне нужна ты, — улыбаясь через силу, Наташа снова показалась в дверях.

Приготовившись к очередному замечанию, Люба покорно вышла в коридор.

— Ты на меня не обиделась? — вопреки ожиданиям, Наташа смотрела дружелюбно.

— За что?! — от неожиданного вопроса Люба оторопела.

— Ну, я в последний раз на тебя наорала... там, в студии, за Антона...

— Да нет... — Любаша пожала плечами, — Разве ты на меня орала?..

— А разве — нет?..

— Если бы ты слышала, как орёт моя мама... — усмехнувшись, Люба опустила голову, потом резко подняла на Наталью ставший грустным взгляд, — Нет, я совсем не обиделась.

— Мама?.. — Наташа тихо рассмеялась, — Разве мамы орут?

— Моя — орёт...

— Ну, ладно... Я рада, что ты не обиделась. Знаешь, я редко сержусь, а ругаюсь ещё

реже, а потом так переживаю...

— Да всё нормально...

— Пойдём к нам в купе? — Наташа неожиданно потянула Любу за руку, — А то у нас одни парни, только я и Юлька остались. Милена с Машей к себе ушли... Пойдём?

— Пойдём...

В купе у «патрулей» было не так тесно — Журавлёвы ушли к себе, Вадим и Элеонора присоединился к компании танцоров, а Мазур забрался на верхнюю полку. Люба свободно устроилась рядом с Юлей и Говоровым, напротив Наташи с Дмитрием..

— О, Любаня!.. — Сашка фамильярно приобнял её за плечи, — Как дела?

— Нормально, — Люба смущённо улыбнулась.

— Ну, и молодец. Вина выпьешь? — Сашка потянулся к начатой бутылке вина на столе, — Классное вино, а со мной почти никто не пьёт.

— Нет, не хочу.

— Ну, и зря. Сейчас бы допили, и в бутылочку поиграли, — Говоров налил себе немного в стакан, — ну, за твоё здоровье!

— В бутылочку? — Витька свесился сверху, — Это как тогда, когда вы с Жекой по пьяни целовались?

— Так это ты нарочно рукой сдвинул...

— Ничего я не сдвигал, нечего было мухлевать. Это же ты хотел, чтобы на Наташку показало, вот тебя Бахус и наказал... Показал на Жеку... А куда деваться, правила есть правила!

— Чего?! — Морозов шутливо нахмурил брови, — Это когда такое было?!

— Дима, не слушай обоих, — Наташа махнула рукой на друзей, — это когда два года назад на фестиваль ездили, Мазурик придумал в бутылочку играть, помнишь? Сам придумал, сам подстраивал — локтем толкал бутылку... Тогда Сашка с Женькой целовались, А Вадик с Мишей.

— Да ладно, тогда все бухие были, — усмехнулся Говоров, — а по пьяни не считается.

— Фигушки бы я целовался, — Дима хмыкнул про себя, — ну, если только с девушкой...

— С какой это девушкой?! — весело возмутилась Наташа, схватив подушку, — С этого места подробнее...

— С тобой, конечно, — увернувшись, Морозов обхватил её руками и крепко прижал к себе, так, что она не могла пошевелиться, — а ты что подумала?..

— Димка, отпусти... — несмотря на свой шутливый протест, Наташа совсем не думала высвободиться из его объятий, а так и притихла, в конце концов, положив голову на плечо мужа, — Я с тобой ещё дома разберусь...

— В гостиницу приедем, там и разберёшься... — громко прошептал он ей на ухо.

— Вы как хотите, но я из купе ни ногой, — глядя на них, Мазур сделал мрачную физиономию, — но могу отвернуться, если что...

— Вот шельма! — Юля снизу посмотрела на мужа, — Как тебя до сих пор только не убили?! Вечно всех заведёт, а потом типа я в стороне...

— Ну, раз не хотите в бутылочку, я пошёл спать, — потянувшись, Говоров поднялся с полки, — а то приедем ночью, пока то да сё, уже утро, пока пятое-десятое, уже полдень, а там и готовиться надо, а там и выступать... — неожиданно он обернулся на Любу, — Куришь? Пойдём, покурим?

— Я не курю, — она так и сидела, скромно улыбаясь и поглядывая на остальных.

— Жаль... Не люблю один курить.

— А я, пожалуй, пойду, чай закажу, — Юля вышла следом за Сашкой, — на всех заказывать?

Согласившись остаться на чай, Люба удобнее устроилась на полке. Достав из сумки разные сладости, Наташа угощала её то печеньем, то шоколадом.

— Будешь звонить домой, передавай привет Серёжке и Вере, — она поближе подвинула кулёк с конфетами, — бери конфеты, не стесняйся... а то вот этот товарищ сейчас всё слопаёт, — она ласково провела ладонью по длинной шевелюре мужа, — они с Валеркой такие сладкоежки, что я не успеваю конфеты покупать.

— Кто сладкое любит, у того в любовных делах всё в на высшем уровне... — лежащего на верхней полке Мазура потянуло на философию, — Так говорят...

— Да?.. — Юля на секунду задумалась, потом, схватив рукой горсть конфет, поднялась во весь рост, и протянула их Витьке, — Так... А, ну-ка, ешь... Ешь, кому сказала, прямо с фантиками!..

Отсмеявшись вместе со всеми, Люба окончательно раскрепостилась. Спустившись, наконец, сверху, Мазур достал гитару и начал тихонько перебирать струны.

— Люба, всё хочу спросить, — Дмитрий неожиданно обратился к Любаше, — та песня, что мы тебе записывали, она тебе пригодилась?

— Ну, как сказать... — Люба пожала плечами, — Она-то пригодилась... я её послала в разные продюсерские центры.

— И как результат?

— Да никак. Половина не ответили, остальные предлагали приехать на платный кастинг.

— Ну, в общем-то, я так и предполагал.

— Наверное, это не моя счастливая звезда, — Любаша снова грустно улыбнулась, — я имею в виду сольную карьеру.

— Дело не в счастливой звезде. Просто твой голос не для сольного пения.

— Почему?! — Люба удивилась искренне — такого ей никто и никогда не говорил, — Я же пела раньше, там, у себя дома...

— Я неправильно выразился. У тебя, конечно, шикарное меццо-сопрано. И сольно ты можешь петь. Но твой голос ещё шикарнее будет звучать в составе трио, квартета... А ещё, твой голос — уникальное сопровождение к любому вокалу. Ты украсишь пение любой самой бездарной певицы... и в этом твой талант, и в этом трагедия твоего таланта.

— А, в этом смысле... Моя преподавательница по вокалу сказала мне, что у меня драматическое меццо-сопрано... я всегда так и думала.

— Насчёт драматического не буду спорить, я в таких нюансах не очень... но вот именно такое меццо — самый лучший вариант второго голоса для бэк-вокала.

— И что... Я всю жизнь так и буду, на подпевках? — Любаша грустно улыбнулась.

— Не обязательно. С тобой можно сделать и сольный проект, но приглашать тебя будут, скорее всего, именно на бэк. Просто будь к этому готова.

— Дима, прекрати пугать Любу, — Наташа шутливо нахмурилась на мужа, — Люба, а ты его не слушай. На практике бывает по-разному. Вот будем ставить другую оперу, возьмём тебя на роль.

— Кстати... — как будто вспомнив о чём-то, Дмитрий повернулся к жене, — Я ведь

совсем забыл. Когда в поезд садились, мне позвонила Надя... ну, та, что мы хотели взять на дубляж... В общем, она не сможет, у неё там какие-то обстоятельства изменились.

— Да?.. — Наташа задумчиво закусила губу, — И что теперь делать?.. Где кого искать?.. У Риты, конечно, пока ни мужа, ни маленьких детей, но, мало ли... Пока нет дублёров, мы работаем на авось...

— Есть у меня на примете ещё вокалистка... — Морозов тоже задумчиво сдвинул брови, — Но там тоже не всё слава Богу...

— А возьмите меня!.. — до Любы вдруг дошло, что такого шанса напросьться на дублёршу у неё вряд ли уже будет, чтобы вот так, в непринуждённой обстановке, да ещё в тему...

Сказав эти слова, она вдруг испугалась. Откажут или нет?..

— Тебя?.. — Морозов перевёл на неё взгляд и неопределённо пожал плечами, — В принципе...

— Я уже все композиции выучила, — Люба торопливо кивнула, — могу спеть, прямо сейчас... Я ведь всё равно у вас временно... потом уйду с подпевки...

— Нужно, конечно, подумать... Говоришь, все композиции знаешь?

— Да, абсолютно.

— Когда же ты их успела выучить? — Наташа удивлённо улыбнулась.

— На репетициях... Мне стоит один раз услышать, я запоминаю и слова, и музыку.

— Н-ну, хорошо... — Морозова забрала гитару у Мазура, — Если выучила, то давай... дуэт героини и разлучницы... Готова?..

...Услышав песню в исполнении дуэта Натальи и Любаши, целая толпа пассажиров со всего вагона стянулась к их купе. Люба не обманула Морозовых, она, действительно, знала и этот дуэт, и другие композиции Риткиной героини. Сама же Ритка, как только до неё донеслись знакомые мелодии, немедленно покинула своё купе и, пройдя по длинному коридору, удивлённо уставилась на поющую в купе Морозовых Любу. Не сказав ни слова, она как-то странно усмехнулась и, вернувшись назад, молча уселась на своё место.

— Дим, ну, по-моему, без вариантов, — под аплодисменты пассажиров, Наташа обратилась к мужу, — готовая дублёрша!

— Пожалуй, я соглашусь, — кивнул тот, — конечно, нужно будет репетировать, но это уже другая песня.

Выслушав слова восхищения в адрес себя и Натальи от неожиданных слушателей, Люба покраснелась... Ей казалось, что она чувствует, как сияет её лицо. Сейчас она боялась только одного — что Морозовы захотят улечься спать, и ей придётся вернуться к себе... А ей так хотелось спеть ещё чего-нибудь! После слов Дмитрия она почувствовала, как уже забытая радость снова переполняет её, отодвигая на задний план все неприятности. Она ещё многого добьётся, пусть никто не сомневается!..

— Наташ, спой «Колыбельную»? — как будто услышав её мысли, Юля посмотрела на Морозову, — До чего люблю, когда ты её сама, под гитару, поёшь...

— Натаха, погодь... — запрыгнув на верхнюю полку, Витька удобно устроился и закрыл глаза, — А теперь начинай!..

...В своё купе Любаша вернулась уже глубокой ночью, за пару часов до прибытия в нужный им город. Алёна и Татьяна спали на нижних полках, и она, решив немного полежать, забралась к себе наверх.

— Ну, что, напелась?.. — лёжа напротив, Рита смотрела на неё как-то странно — в

полутьме Люба так и не смогла разобрать, что было на её лице — злая усмешка или простое любопытство.

— Ага... — Люба не переставала улыбаться, — Так классно посидели...

— Ты зря к ним в друзья набиваешься.

— Я не набиваюсь. Меня Наташа позвала.

— В любом случае — зря.

— Почему?

— Потому, что Морозова охмурить ещё никому не удалось...

— Я и не собиралась. Мы просто классно посидели.

— Ты песни мои зачем пела? — Ритка неожиданно села на полке.

— Они меня берут на роль твоей дублёрши.

— Тебя?!

— Да, а что?

— Ой, мама...

Услышав Любашино признание, Рита вдруг начала смеяться. Сначала смех был негромким, девушка делала вид, что старается сдерживаться, но у неё не получается. Наконец, расхохотвшись чуть ли не во весь голос, она неожиданно замолчала... так же внезапно, как и рассмеялась.

— Ты чего? — Люба приподнялась на локте, — Что тут смешного?..

— Да нет, ничего... — Ритка в темноте сверлила её своими чёрными глазами, — Что ж у вас там за провинция такая? Одни звёзды!

— В смысле?

— Наташа Морозова, теперь вот — ты... Потом этот ваш, как его... А, Соловьёв! Даниил, кажется...

— Что — Соловьёв?.. — Люба почувствовала, как в горле мгновенно пересохло, а сердце застучало громче вагонных колёс.

— Соловьёв, из вашего города... Ну, тоже, типа новая звезда... Только не говори, что ты не в курсе.

— Нет... С чего ты взяла?

— Так весь вечер только о нём и разговоров было, когда ты ушла... Его проморолик в интернете уже с месяц раскручивают, куда курсор не наведи — Даниил Соловьёв.

— Какой ролик?.. Я не знала...

— Проморолик. Подключись, набери в поиске, сама увидишь. Он же из вашего города? Правильно?

— Да...

— Вот я и говорю... Не провинция, а фабрика звёзд...

Глава 23.

Звонок от сестры раздался на следующее утро. Сонно потянувшись рукой к прикроватной тумбочке, Люба едва приоткрыла веки, чтобы посмотреть на входящего абонента. Расселение в гостинице заняло много времени, и лечь спать удалось только под самое утро.

— Ты где? Чего трубку так долго не брала? — голос Веры был бодрым, видимо, встала она уже давно.

— Я в гостинице, мы на гастролях... — как можно тише ответила Люба, — А ты чего так рано звонишь?

— Ничего себе, рано! Девятый час!

Решив, что своим разговором она разбудит Полину и Риту, Люба осторожно встала и, надев мягкие тапочки, закрылась в ванной.

— Я же тебе говорила, что мы едем с оперой... Забыла? — Любаша одновременно разглядывала в зеркале своё чуть опухшее со сна лицо.

— Не забыла... Не думала, что ты ещё спишь. Что, болтали всю ночь, наверное? — усмехнулась Вера.

— Нет. Приехали ночью, пока заселились... Потом сразу спать. Тут за нами следят, много не поболтаешь.

— Кто следит?!

— Да есть тут... концертный директор... — прикрыв глаза, Люба сладко зевнула, — И сама Наташа... Тут строго. Сказали, до обеда спать.

— Да, смотри-ка, как о вас заботятся... — с долей ехидства усмехнулась Вера, — Хотя, с другой стороны, хорошо.

— А ты чего звонишь, просто так?

— Просто так я вчера звонила, да ты весь день вне зоны доступа была. А сегодня по делу. Мне мать всю душу вынула.

— Господи... Сейчас-то за что?! — приготовившись выслушивать о семейных неурядицах, Люба присела на край ванны.

— Да за тебя, за что... Этот твой, Егор... Он же к родителям домой заявился... Ты в курсе?..

— В курсе... — вспомнив прощание с Егором, Люба невольно нахмурилась, — И что? Что он хоть им говорил?

— Приехал познакомиться. Сказал, что ты живёшь у него, и что жизнью довольна...

— И что мать?

— Мать сразу ему в лоб — когда свадьба?

— А он? — заранее предполагая ответ, Люба усмехнулась.

— А он сказал, что пока вопрос о свадьбе не стоит, но пусть они не переживают... Ты за ним — как за каменной стеной.

— А они?..

— А что они... Отец сразу — ба, зятёк, давай выпьем... Мать его с глаз долой... А Егору твоему условие поставила — если не женится на тебе в ближайшее время, то она проклянёт и его, и тебя...

— Ну, понятно. Всё, как всегда.

— Но она там с ним тебе что-то передала... А ты что переспрашиваешь, разве он тебе не рассказал?

— Не успел... И, вообще. Я ушла от него.

— Когда?!

— Четыре дня назад, он как раз в командировке был, не знал ничего. Я тебе не стала сразу говорить... И ты не говори мне ничего, ладно?

— Ну, ты и дура... Почему ушла-то?! Он что, обижал тебя?

— Нет. Ладно, Вер, я потом тебе всё расскажу, когда вернёмся. Спать охота...

— Так ты матери хоть позвони, скажи, что ушла. Она же мне на уши как села, второй день не слезает. Всё пережёвывает, какая у неё непутёвая младшая дочь... С мужиками живёшь...

— Угу... — Любаша кивнула своему отражению в зеркале, — Шалава, проститутка...

Да?

— Ну, да... Ты же её знаешь, она в эпитетах не стесняется.

— Ладно, позвоню... Хотя... давай, лучше ты?.. Скажи ей, что я уже одинокая и порядочная.

Отключившись, Люба ещё какое-то время стояла, глядя на себя в большое зеркало. Тот факт, что Егор заезжал к её родителям, очень её озадачил. Обычно так делают женихи... А он?.. Замуж не звал, ничего не предлагал, кроме совместного проживания... И зачем его понесло туда, тем более, после всего, что произошло?.. Станный он какой-то.

Впрочем, теперь она может не ломать голову на предмет их отношений. Она — свободна, у неё есть любимое творческое занятие, она выступает с известным коллективом. Ещё полгода назад, рыдая на крыльце студии в своём родном городе, она думала, как несправедлива жизнь... и потом, когда после того, как она испортила Анжелкино выступление, её перестали включать в концертные программы, она была уверена, что больше никогда не выйдет на сцену... А вот теперь всё изменилось! Она приехала на свои первые в жизни гастроли, и сегодня их снова будет снимать телевидение, у них будут брать интервью, потому, что имя Дмитрия Морозова давно на устах у всех любителей рока и просто хорошей отечественной музыки, которые следят за его творчеством, и теперь с нескрываемым восторгом ждут его нового мюзикла. И она, Любаша — одна из его команды! А прошло всего полгода...

Правда, за эти полгода случились и другие, трагические для неё события. Даня... Ночью, услышав от Ритки о том, что в интернете уже вовсю пиарят новую поп-звезду, она не очень-то удивилась, ведь об этом можно было догадаться... Просто она не ожидала, что его взлёт произойдёт так скоро. Хотя... что тут особенного? Две-три готовых песни и ролики на них — вполне достаточно для начала раскрутки, а уж рычаги у этой Сафоновой есть...

— Ой... — такая же сонная, Рита вошла в ванную, но, увидев там Любашу, встала как вкопанная, — Я думала, здесь никого...

— Я уже ухожу, — взглянув на неё через зеркало, Люба уже хотела повернуться и выйти.

— Боже... А это у тебя что такое?.. — щурясь от яркого света, Ритка уставилась на её спину, — Кто это тебя так?!

— Где?.. — Любаша стояла бюстгальтере и трусиках и, повернувшись, попыталась разглядеть себя в зеркале сзади, хотя сразу догадалась, что Рита имеет в виду. Огромный синяк от падения на лестнице красовался на доброй половине её поясницы и был ещё в начальной, фиолетовой стадии. Тело в районе синяка очень болело, но Люба никому не показывала виду и не жаловалась, во избежание расспросов о природе этого «явления». Она даже сумела скрыть его от Полины, ночуя с ней в одной комнате, но вот теперь её «тайна» была случайно раскрыта, и не кем-нибудь, а Риткой, которую Люба откровенно недолюбливала.

— Вот это синячище... — Усмехнувшись, Рита покрутила головой, — Ты что, позволяешь себя бить?!

— Меня никто не бьёт, это я упала.

— Угу... — соседка по номеру ехидно хмыкнула, — Где же ты так упала, что всю спину отбила?

— Не твоё дело, — буркнув, Люба торопливо вышла из ванной.

Она сама попросила Диму поселить её с Полиной, но никак не могла предположить, что их третьей соседкой окажется именно Ритка. Двадцатичетырёхлетняя вокалистка, победительница прошлогоднего областного конкурса, пришла год назад в студию Морозова и предложила себя в качестве певицы для «какого-нибудь проекта» — так она выразилась сама. Объяснив ей, что сторонними проектами он не занимается, Дима на какое-то время забыл о ней, но, прослушивая записи вокалисток, наткнулся на её трек, который она оставила в качестве своей визитной карточки и, посоветовавшись с Наташей, решил предложить ей роль отрицательной героини в своей рок-опере. Наталья, которая видела Риту ещё в её первый визит, поддержала мужа: типаж стервы был налицо, а вокальные данные не вызвали никаких сомнений — девушка очень подходила на предложенную ей роль. Вездесущая Полина, невесть откуда знавшая все эти подробности, рассказала так же Любаше, что ради участия в «Голосе», Ритка даже сделала аборт и разошлась с мужем — тот не простил ей не рождённого ради карьеры ребёнка.

«Слушай, откуда ты знаешь все эти подробности? — Люба очень удивилась, услышав рассказ подруги, — Особенно разговоры Морозовых между собой... Откуда?!»

«Просто мне на такие вещи всегда везёт, — в ответ хихикнула Полина, — я сама не знаю, почему, но всегда оказываюсь в нужное время в нужном месте».

...Вернувшись в комнату, Любаша снова легла и попыталась уснуть, но сон больше не шёл, и, полежав какое-то время с закрытыми глазами, она встала и начала потихоньку одеваться и приводить себя в порядок. Её соседки тоже уже не спали — Полина скрылась в ванной комнате, а Рита с планшетом полулежала на своей кровати, облокотившись о подушку.

— И когда ты начнёшь готовить роль? — не глядя на Любу. Ритка подала голос.

— Дима сказал, что, как только вернёмся.

— А ты хорошо подумала?

— Насчёт дубляжа? Конечно, хорошо, — Люба бросила удивлённый взгляд на девушку, — А что?

— Да так, ничего... — та недвусмысленно улыбнулась краешком красивых губ, — Смотри, не вздумай претендовать на моё место...

— А с чего ты взяла, что я собираюсь претендовать на твоё место?.. — Любаша расчёсывала свои светлые пушистые волосы, но так и застыла с прядью в руке, — Я ведь буду просто дублёршей...

— Потому, что знаю, проходила, — Ритка уставилась на неё своими карими глазами, — любая дублёрша только и мечтает стать основной исполнительницей!

— За меня можешь не переживать, — Люба пожала плечами, — тем более, у тебя контракт на эту роль, как я могу на неё претендовать?

— Вот именно, — теперь в Риткином взгляде сквозило откровенное превосходство, — у меня контракт, на целый год. Так что, даже не думай...

Чуть позже, отправившись вместе со всеми на завтрак, Люба чуть приотстала с Полиной и на ходу пересказала ей утренний разговор с Ритой.

— Слушай, странная она какая-то, — имея в виду Ритку, проговорила Любаша, — я даже ещё не репетировала ни разу, а она мне уже намекает, чтобы я не претендовала на эту роль. Она что, дура?

— По-моему, наоборот... — Полина покачала головой, — Чересчур умная.

— Нет, ну, я-то ей чего сделала?!

— Да она просто боится, что ты, действительно, её выживешь.

— Я?! — ткнув себя в грудь пальцем, Люба на ходу попыталась заглянуть подруге в глаза, — С чего она это взяла?! Она меня даже не знает...

— А, по-моему, она просто реально боится, — девушки уже вошли в ресторан, и Полина понизила голос, чтобы их никто не услышал, — знаешь, как собаки, которые лают издали, чтобы к ним никто не подходил. Вот и Ритка... Ведь у неё крутая роль, чуть ли не главная, да ещё в таком коллективе... Танька с Алёной давно работают с Морозовыми, практически штатные вокалистки, а Ритка — она только первый сезон, вот и нервничает.

— Но я тоже первый сезон, чего она на меня-то взъелась?

— А ты что, не догадываешься? — Полина с Любашей оказались вдвоём за столиком, поэтому Полина снова заговорила чуть громче.

— Нет... — Люба удивлённо посмотрела на подругу, — Ну, скажи, если знаешь?

— Да потому, что ты близко знакома с Морозовыми. Неужели сразу не поняла?

— Да не так уж я и близко с ними знакома... Танька с Алёной намного ближе...

— Это ты так думаешь, — Полина многозначительно усмехнулась, — а она думает по-другому...

— По какому, по другому?

— По такому. Ты при ней говорила, что жила у них зимой?

— Ну, говорила как-то... — Люба пожала плечами, — Да что я там жила, две ночи переночевала, и всё...

— Ну, это для тебя — две ночи, и всё... А в её глазах ты у них — жила... Понимаешь?.. Наташа тебя спрашивает иногда, звонила ли ты домой?

— Ну, да, спрашивает...

— Приветы передаёт?

— Передаёт... Серёге передаёт, Верке...

— Видимо, Ритка всё это слышала... Вот и решила про себя, что ты с ними близко знакома.

— Но она сама меня предупреждала, чтобы я к ним в друзья не набивалась...

— Так поэтому и предупреждала. Любаш, ты — как маленький ребёнок... В людях вообще не разбираешься.

— Да где уж нам... — Люба обиженно уставилась в меню.

— Ну, в общем... — оглянувшись по сторонам, Полина скрестила локти на столе и заговорщически придвинулась к Любе, — Точно пока не знаю... но мне кажется... — она ещё раз оглянулась, — Мне кажется, что Ритка положила глаз на Морозова...

— На Диму? — Люба бросила недоверчивый взгляд, — Да ладно...

— Вот и не ладно... знаю, что говорю. Она не только на тебя... тут девчонка приходила несколько раз, пробовалась на роль Риткиной дублёрши, так вот, больше не приходит.

— Я в курсе... Дима в поезде говорил... Только Рита тут при чём?

— А я видела, как она с той девчонкой на улице о чём-то говорила. Та больше и не пришла.

— Может, совпадение?.. — глядя, как официантка ставит на стол блюда, Люба пожала плечами, — Мало ли о чём они говорили.

— Может, и совпадение. Только мне кажется, что она теперь как овчарка будет на всех кидаться...

— Да ну, — Люба махнула рукой, — толку-то? Они всё равно возьмут дублёршу, и её не

спросят. Да и смысл?! Дублёрша это дублёрша, она на гастроли всё равно без надобности не ездит. Так, сидит в запасе...

— Ой, Любка, ну, ты и правда, такая наивная... — Полина смешно сморщила своё лисичье личико, — Ты же будешь с ними репетировать, да?

— Ну, да, наверное... если меня окончательно утвердят.

— С Димой будешь сцены проходить? Ну, там, где вы дуэтом петь должны, где он тебе поёт?..

— Ну, конечно, — Люба кивнула и снова подняла на Полину непонимающий взгляд, — И что?

— Ну, обниматься будете... Там же есть такой момент?

— Ну, есть... я его должна буду обнимать...

— Целоваться... — подруга многозначительно улыбнулась, — Ну, Люб, ну, работай мозгами...

— Вообще-то, не целоваться, а только имитировать... Он только Наташу целует по-настоящему.

— Ну, и что, что имитировать... Главное, что это он будет делать — с тобой! Поняла?!

— Ну, почти поняла... Слушай, это же глупость несусветная, ревновать Диму, это же роль. К тому же, он чужой муж... Его Наташа ревновать должна, если уж на то пошло, но никак не Ритка.

— Во-о-о-т... — как о чём-то свершившемся, произнесла нараспев Полина, — А Ритке — ревнует!

— Да какое она право имеет?! — искренне возмущившись, Люба невольно оглянулась, как бы ища глазами Риту, — Полин, тебе не кажется, что в этот раз твои догадки неверны? Тем более, ну, сколько раз мне нужно будет репетировать?! Для меня главное — музыкальные партии, а это без поцелуев обойдётся.

— Я тебе пока ничего доказывать не буду, — вооружившись ложкой, Полина взяла кусочек хлеба и приготовилась зачерпнуть ярко-красный ароматный борщ из глубокой тарелки, — но... думаю, что я не ошибаюсь. Так что, будь с ней поосторожнее.

Вернувшись из поездки, Люба была вынуждена ещё пару дней пожить у Полины — несмотря на то, что она пыталась уладить вопрос с жильём как можно скорее, найти сразу подходящую квартиру не удалось. Всё упиралось не столько в цену, сколько в сумму предоплаты — практически все хозяева требовали её минимум за три месяца вперёд, а такой свободной суммы у Любы пока не было, даже после получения второго по счёту гонорара за участие в мюзикле.

Наконец, удача улыбнулась и здесь: позвонив по очередному объявлению, она уже через полчаса ехала на новое место жительства. Им оказалась комната в двухкомнатной квартире, за которую запросили не очень дорого, так, что она смогла внести предоплату, и у неё даже осталась небольшая сумма денег для скромного новоселья, на которое она пригласила одну Полину..

За эти дни Егор звонил несколько раз, но на все его предложения встретиться Люба отвечала неизменным отказом. Почти сразу он уехал в новую командировку, и она совсем успокоилась. Она признавалась сама себе, что у Егора ей жилось гораздо комфортнее, и она даже иногда ловила себя на том, что скучает по его дому, но полная свобода действий, которую она теперь обрела, перевешивала чашу весов в свою пользу. Теперь Люба могла

задерживаться в студии столько, сколько ей хотелось, могла подолгу болтать с девчонками после репетиций и занятий в танцзале — по негласным правилам, все вокалистки, включая и Наталью, для поддержания формы занимались вместе с танцорами несколько раз в неделю — по возможности, но Люба теперь не пропускала ни одного занятия. Она каждый день приезжала в студию, как на работу, чтобы учить все партии отрицательной героини. Чаще всего репетиции проходили в присутствии Морозова — Наташа не всегда могла заниматься с Любой, у них обоих с Дмитрием катастрофически не хватало времени, и, в конце концов, было решено привлечь и саму Риту. Рита тоже теперь приезжала в студию ежедневно — она решила записать свой сольный альбом, и девчонки долго гадали, кто мог спонсировать такое дорогостоящее дело, ведь Ритка осталась без мужа, а богатого поклонника у неё не наблюдалось.

Идею помочь Любе освоить все партии Рита восприняла без должного энтузиазма, но отказаться, видимо, не посмела. Люба замечала, как менялась её «преподавательница», когда в репетиционную заглядывал Морозов — замечания сыпались на Любашину голову, как горох. Она уже начинала верить Полине, что Ритка положила на него свой карий, с поволокой, «глаз»...

— Люба, всё хорошо, но вот тебе бы чуть-чуть стервозности!.. — после прослушивания одной из композиций Дима подался чуть вперёд, сцепив пальцы, — Это же отрицательная героиня, она даже в любви к главному герою не может быть ни нежной, ни мягкой...

— Дима, а почему ты так думаешь? — сидевшая рядом Наталья удивлённо посмотрела на мужа, — Ведь отрицательная героиня может быть разной... Она может быть стервой во всём, но может быть и мягкой по отношению к любимому человеку... Ведь она его любит, и тут можно сыграть преобразование личности... У Риты и Любы — разные типажи, но ведь и их героиня может быть разной... Мне кажется, Любу не нужно мучить. Мне нравится, как она выкладывается в этой роли.

— Ну, да, если в том плане, что у девушки из мюзикла не всё потеряно, то — да! — рассмеялся Морозов.

— Ну, что ты смеёшься? — прыснув вслед за ним, она толкнула его рукой в бок, — Дим. Ну, смотри, это даже в актёрском плане интересно... Одна артистка играет так, другая — так... И у каждой свой шарм, свой образ...

— Ты сейчас заставишь меня полюбить всех твоих соперниц, — обхватив за шею, он притянул её к себе, — В смысле, не меня, а моего героя.

— Не забывай, что у твоего героя есть ещё друг, влюблённый в мою героиню, так что... — она лукаво стрельнула на него глазами, — Кстати, а с дублёршей роли Алёны что-то решилось?

— Не решилось, — сразу став серьёзным, Морозов покачал головой, — она, конечно, согласна, но, судя по тому, как она приезжает на репетиции, девушка не совсем ответственная. А дублёр должен быть всегда наготове.

— Может, кого-нибудь из своих подготовить?

— Кого? — Дмитрий усмехнулся, — У нас свои — в полном смысле этого слова, не поют. Ни Алиса, ни Элеонора.

— Я имею в виду вокалисток. Таню, например.

— Нет... Таня исключается. А кто на бэк встанет, если что? Люба-то Вику заменяет, она потом и останется на дубляже, и, если что, Вика выйдет на бэк, она же уже родила? Мы так и договаривались с ней, на форс-мажорные обстоятельства.

— Тогда, получается, некого... Если только... — Наталья неожиданно перевела взгляд на Любашу, — А, что, если Любу подготовить и на роль Алёны?

— А, если они обе заболели, и Алёна, и Рита? А Люба — одна...

— Дима, ну, по теории вероятности, заболеть могут все разом, а у меня вообще нет дублёрши...

— Ну, в принципе... — Морозов тоже поднял на Любу глаза, — роль подруги героини освоишь? Там всего две сольных композиции и один дуэт.

— Освою, — Люба ответила раньше, чем он закончил предложение.

— Ну, и замечательно! Мы, конечно, будем надеяться, что никто никогда не заболеет и не уйдёт в декрет, но, всё-таки...

— Добрый день! — в дверь неожиданно заглянул молодой, незнакомый Любаше парень, — мы договаривались насчёт аренды репетиционного зала... Это же сюда?

— Сюда, — Дима встал и рукой указал на инструменты, — проходите, мы уже закончили.

— Тогда я сейчас ребят позову, — парень с готовностью кивнул и исчез за дверью.

— Дим, — Наташа укоризненно посмотрела на мужа, — нам с этими репетиторами скоро самим негде будет готовиться.

— Что поделаешь, у нас кредит... Придётся пускать всех желающих, пока окончательно не разбогатеет. А репетировать... репетировать будем ночью!

— Ночью? — рассмеялась Наташа, — А домой хоть будем показываться? Дети забудут, как мы выглядим!

— Так дома и будем репетировать... Кстати, — он посмотрел на Любашу, — Я всё же остаюсь при своём мнении насчёт твоей роли. Больше стержовности!

— Ну, и когда ей эту твою стержовность учить? — Наташа шутливо сдвинула брови, — А ещё и роль подруги... И студия постоянно занята, когда я свободна.

— Ну, в чём проблема? Забирай её к нам домой, будете дома заниматься...

— Да, придётся, — кивнув мужу, Наталья обернулась к Любаше, — Люба, ты можешь приезжать к нам по вечерам? Хотя бы какое-то время...

— Да, смогу... — всё ещё не веря своему счастью, Люба снова торопливо кивнула, — Конечно, смогу!

От радости она даже не обратила внимания на испепеляющий Риткин взгляд...

Очередная репетиция в танцевальном зале подходила к концу. Композиция из Наташиного клубного шоу, которую исполняли обычно напоследок, сопровождалась танцем в исполнении трио в составе Влада, Марины и Ильи, но было решено сделать танец более зрелищным и привлечь к нему ребят из «Ремикса», которые уже целую неделю репетировали этот и другие номера. Наталья находилась в центре шоу-балета, синхронно с остальными выполняя все движения, и должна была в самом конце выйти вперёд, уступив место Полине, которую тут же подхватывал Мигель и мощным движением рук сажал себе на одно плечо.

Наташа уже сделала шаг из общего круга, когда произошло непредвиденное. Темнокожий мускулистый танцор, ловко обойдя свою партнёршу, вдруг подхватил за узкую талию не её, а Морозову... Неожиданно оказавшись в его руках, а через мгновение — сидящей на плече, Наталья сильно испугалась и, вскрикнув, невольно дёрнулась, пытаясь высвободиться из его рук...

Действовавший импульсивно, парень тоже не ожидал такой реакции, решив, видимо,

что Наташа, как и Полина, просто обязана спокойно сидеть на его левом плече. В момент, когда он, не успев сконцентрироваться, отнял от неё правую руку, она, выгнувшись, выскользнула из его левой руки и в ту же секунду оказалась на полу...

— Что же ты... — зажмурившись, видимо, от боли, Наташа схватилась за правый локоть, — Ну, дурак...

— Я нье хотьел... Наташа... я нье хотьел... — вконец перепуганный случившимся, Мигель присел рядом с Морозовой, — Простыи... простыи, пожялуйста... я нье хотьел...

— Так... — всё ещё морщась от боли, Наталья отвела его руку, которой он пытался дотронуться до её разбитого локтя, — Беги, а то Дима тебя сейчас убьёт...

— Ньет, я тьебе помогу...

Попытка встать увенчалась успехом не сразу — поддерживаемая руками ребят, Наташа с трудом смогла опереться на правую ступню, и, встав, наконец, на обе ноги, буквально доковыляла до скамейки.

— Ну, ты, придурок, — Полина укоризненно смотрела на своего партнёра, — конченный придурок...

— Я нье думал, что она упадъёт... — темнокожий танцор чуть не плакал, неизвестно, кто больше был сейчас напуган, он или пострадавшая Наташа, — я же нье в пьервый раз поддьержку дьелал...

— Ты-то не в первый, а она?.. Хоть бы предупредил! Сейчас вот Морозов придёт, порвёт тебя на британский флаг.

— Наташа... — парень снова опустился на корточки перед Морозовой, — Я сейчьяс тьебя доньесу... Идъём! Я тьебя в болницу...

— Не надо! — Наталья выставила вперёд ладонь здоровой руки, — Не надо меня нести!.. Я дойду сама... А ты лучше беги...

— Наташ, как ты? — Люба тоже присела рядом, — Идти сможешь?

— Да, Люба, смогу, — та кивнула, — уже не так больно. Я просто испугалась.

— Идём, я тебя вниз провожу...

Несмотря на уверения, что боль утихла, Наталья с большим трудом наступала на ногу, и вниз спускалась очень осторожно.

— Надо ребят предупредить, чтобы Димке ничего не говорили, — обернувшись к Любе, Наташа снова сморщилась, — хотя, если честно, я не знаю, что ему врать... Он же не успокоится, пока не узнает, что случилось. И совсем не хромать не получается... И рука сильно болит.

Проводив Наташу до кабинета Дмитрия, Люба сразу вернулась вверх. Большинство артистов разошлись, и в танцзале остались только Полина, Мигель и Ритка. Несмотря на его дурацкий поступок, Полина всё же не могла бросить своего партнёра. Сам же партнёр сидел, повесив голову, как преступник в ожидании приговора.

— Да ладно тебе так убиваться, — Рита насмешливо посмотрела на Мигеля, — ты же не убил никого. Скажешь, хотел предложить такой вот ход... Тем более, она сама грохнулась...

— Я — дурак... — на лице Мигеля было написано неподдельное страдание, — Тепьер мьеня Морозов выгоньит.

— Никто тебя не выгонит... ваш коллектив ему не подчиняется, — Рита подошла к окну, — вон он, кстати, по двору бегаёт...

— Чего это он бегаёт? — Полина удивлённо посмотрела в окно, — Это он машину заводил, наверное... Точно... Назад забежал...

— Всё... — парень обхватил голову с чёрными, коротко стриженными волосами, — Сейчас он мьеня убьёт.

— Поживёшь ещё... — всё так же наблюдая картину за окном, Полина махнула рукой, — Он Наташу в машину понёс... Наверное, в травмпункт повезёт. Пока не вернётся, живи... А, ещё лучше, беги.

— Да чего вы все — беги да беги, — Рита недовольно поморщилась, — что случилось-то?! С такой высоты вообще невозможно травмироваться. Мне кажется, притворяется нарочно.

— Да не притворяется, — Люба впервые вмешалась в разговор, — она на локоть упала, я видела, и ногу подвернула. Упасть можно по-разному, и высота тут ни при чём.

— Ну, конечно, ты же у нас специалист по падениям... да?.. — Рита ехидно посмотрела в сторону Любы, — Опыт богатый.

— Мигель, а ты, правда, не переживай так сильно, — Любаше стало жаль парня, так искренне переживающего за свой поступок, — Обойдётся. Дима тебе, конечно, выговор сделает, но, думаю, этим всё и закончится.

— Откуда ты знаешь, как поступит Дима? — Рита говорила с усмешкой, улыбаясь уголком своих красивых губ, — Ты его так хорошо изучила?..

— Знаю немного, — Люба решила не поддаваться на провокационный тон Ритки и, ответив ей, снова повернулась к Мигелю, — ты только больше так не шути...

— Да ну его, — нахмурившись, Полина махнула на парня рукой, — я ему сколько раз говорила — выбрось из головы, выбрось... Уже все заметили, что он в Наташу влюбился...

— Да ничего он не влюбился... — удивившись откровенным словам подруги, Люба постаралась заступиться за темнокожего танцора, — Глупости.

— Да он и сам не скрывает, — усмехнулась Полина, — это у нас парни всё в себе держат, а у них, в Тунисе, не принято скрывать, да, Миг?

— Нье в Тунисе... В моём племени...

— А ты что, из племени?! — Люба изумлённо вытаращила на него глаза, — Из настоящего?!

— Да это так называется, что из племени, — видимо, Полина уже хорошо изучила биографию своего товарища по танцам, и теперь уверенно отвечала за него, — их племена сейчас все в городах живут, всё цивилично...

— А говорят, что у вас невест с рождения назначают, это правда? — Люба с нескрываемым любопытством смотрела на Мигеля.

— Правда, — он кивнул, — в нашем племени назначают.

— И у тебя невеста есть?

— Есть.

— Ну, и зачем ты в Наташу влюбился? Тебе же надо ехать жениться, наверное?

— Надо, но я нье хочу.

— А она тебя ждёт, наверное... — Люба вдруг развеселилась, глядя, как искренне отвечает на вопросы Мигель — сейчас он показался ей забавным.

— Я нье поеду.

— А что говорят твои родители? Они тебя, наверное, хотят лишить наследства? — Люба уже еле сдерживала смех.

— Да... — парень несколько раз энергично кивнул опущенной головой.

— Ой, тебе нужно срочно Наташу разлюбить... — стараясь быть как можно серьёзнее,

Люба кусала губы, — Знаешь, есть такие отворотные средства... Выпил — и забыл!

— Мне такое нье поможет.

— Поможет-поможет! Ещё как!.. — Люба весело манула рукой, — Ты же не пробовал!

Выпьешь, и поедешь к своей невесте! Знаешь, как она обрадуется!

— Где я возьму? — он поднял на неё чёрный взгляд, — У мьеня ньет такого срьедства.

— У меня есть, — Люба уверенно кивнула, — правда — правда! Такая травка... Если сжечь волос любимого человека и стряхнуть пепел в отвар, а потом выпить, то всю любовь как рукой снимет!

— И ты в это веришь?.. — в насмешливом взгляде Риты сквозила какая-то заинтересованность, — В эту травку?

— Верю, — Люба перевела на неё взгляд, — у моей сестры свекровь — известная в городе травница. А, может, и в области... К ней откуда только не приезжают... Вот, она мне эту траву и давала...

— И что, реально помогает такое средство?

— Говорят, да. Тётя Оля обманывать не станет.

— И что ты с ней сделала?.. — теперь Ритка смотрела как-то настороженно, — С этой травой?

— Ничего, — Люба пожала плечами, — пока ничего.

— А зачем она тебе была нужна? Кого отсушить собиралась?

— Никого... Люба вдруг пожалела, что сболтнула про отворотную траву, — Никого не собиралась отсушить. Просто так вышло...

Им немного удалось успокоить Мигеля. Посидев ещё немного, все собрались и разъехались по домам. Решив, что Наташе сегодня будет не до занятий, Люба уже высматривала свой автобус на стоянке, когда в кармане зазвонил телефон.

— Люба, приезжай, я уже дома, — голос у Наташи был абсолютно бодрым, — жду!

Поймав такси, Люба через двадцать минут звонила в двери Морозовых.

— Проходи, — пропустив её в прихожую, Морозова закрыла дверь и, сильно прихрамывая, прошла чуть вперёд, — Дима поехал ещё в студию, но он скоро вернётся. А мы с тобой пока пойдём пить чай.

— А что с ногой? — Люба кивнула на перебинтованную щиколотку Натальи, — И с рукой?..

— Да ничего страшного. Димка панику развёл, как всегда. Тащил меня на руках до машины, потом до отделения, потом назад... А рентген ничего не показал, только ушиб локтевого сустава и растяжение связок голеностопного, в лёгкой степени. Сказали, заживёт через две недели. Но похромать немного придётся...

— Мигель сильно переживает... — устроившись за кухонным столом, Люба наблюдала, как Наталья достаёт чашки и блюда из навесного шкафа, — давай, я помогу.

— Я сама, — Наташа махнула рукой, — дома не посидишь, сейчас Нина детей приведёт с прогулки, всё равно придётся двигаться, хоть Димка строго-настрого приказал или сидеть, или лежать.

— Я тоже думаю, что тебе лучше пока не ходить. Тем более, послезавтра выступать...

— Ничего, мы уже решили, что я надену обувь на низком каблуке и двигаться по сцене не буду. Хотя, Дима хотел всё отменить, но я его уговорила. Пришлось ему всё рассказать, всё равно узнал бы. Это же он сейчас поехал разбираться с Мигелем.

— Мигель уже ушёл...

— Так он к нему на квартиру поехал. Япросила хотя бы до завтра отложить, а, ещё лучше, забыть, но бесполезно. Сама теперь как на иголках...

...Морозов вернулся только через пару часов. Люба с Натальей уже успели выпить не одну чашку чаю, заодно встретить вернувшихся с прогулки детей и няню.

— Дим, ну, чего? — Наташа тревожно смотрела на мужа, — Нашёл Мигеля?

— Нашёл, — раздеваясь в прихожей, тот заметно хмурился, — всё нормально. Больше он с тобой шутить не будет.

— Зря ты... Я ведь сама виновата, не надо было дёргаться. Сидела бы спокойно, не упала бы...

— Если бы ты спокойно восприняла его поступок, то упал бы я... — раздевшись, Дмитрий ненадолго скрылся в спальне.

— Попало, наверное, Мигелю, по первое число... — Наташа покачала головой, — Надеюсь, до рукоприкладства не дошло... Хотя, за меня Дима может...

— По-моему, он ревнует... — Люба улыбнулась, — Потому, что любит.

— Я сама его люблю без памяти, — шёпотом призналась Наташа, ставя на стол тарелки для ужина, — и ревную, конечно...

...Люба весь вечер невольно наблюдала за отношениями Дмитрия и Наташи, лишней раз убеждаясь в том, что они искренне счастливы. Глядя, как изменился в лице Дима, когда маленькая полуторагодовалая Анечка забралась ему на колени и ручонками крепко обняла за шею, Люба вдруг снова вспомнила Даниила... Совсем недавно она наивно мечтала именно о таком счастье... Тогда, когда она ещё ждала его ребёнка, Люба не раз представляла себе такую картину... Она почему-то была уверена, что у них с Даней должна быть девочка... Вот такая, как Анечка... синеглазая, с румяными пухленькими щёчками... с пушистыми белокурыми волосиками, завязанными в два хвостика по бокам...

Вот она карабкается к Дане на колени... и, так же, как Анечка, обхватывает его за шею своими маленькими, нежными ручками, приговаривая: «Папаська...»

...И «пАпаська» млеет от этой детской трогательной ласки, расплывается в улыбке, целуя свою маленькую принцессу в розовые губки... как сейчас Дима...

Люба с трудом отвела глаза от этой счастливой семейной картины. Четырёхлетний Валерик что-то рассказывал ей, и она, улыбаясь через силу, что-то ему отвечала. И на кухне, и потом, когда они все удалились в домашнюю студию Морозовых, Люба ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется иметь такую же семью... Семейю, в которой никто не орёт друг на друга, в которой не одёргивают детей просто потому, что «им нельзя потакать»... семейю, в которой все по-настоящему любят друг друга и заботятся друг о друге... и в которой тепло даже совершенно посторонним людям... Вот таким, как она, Люба.

...Окончив репетицию, она попрощалась с Дмитрием и Натальей и вышла из их квартиры. Было ещё не очень поздно, и Люба не захотела вызывать такси, как предложила Наташа. Морозов даже предлагал отвезти её домой, но она отказалась, сославшись на то, что хочет прогуляться по вечернему городу, хотя бы до автобусной остановки. Взяв с неё слово, что она позвонит, как только доберётся домой, Наташа закрыла за ней дверь.

Надев перчатки, Люба направилась к лестнице, не глядя на того, кто поднимался ей навстречу.

— Привет... — увидев её, Антон удивлённо замер на последней ступеньке.

— Привет... — она улыбнулась ему.

— Ты от Димы?..

— Ну, да... От кого ещё?

— Домой?.. — он так и стоял, поставив ногу на последнюю ступеньку, как будто раздумывая, идти дальше, или нет.

— Домой...

— А я... кофе купил... Может, зайдёшь?

— На кофе?.. — рассмеялась Люба. Почему-то она обрадовалась встрече с Антоном.

— На кофе... — он смущённо переложил полиэтиленовый пакет из одной руки в другую.

— Может, зайду... — она сделала шаг назад, — Почему бы и нет?..

Глава 24.

После ночи, случайно проведённой у Антона, Любаша старательно избегала его, лишь здороваясь при встречах в студии. Парень был ей симпатичен, но и только, а ревность Татьяны теперь совершенно не входила в её планы. Люба даже была бы рада их сближению, но Антон был к Тане равнодушен. Сегодня же, встретившись с ним на лестничной площадке, Люба почему-то обрадовалась встрече — после проведённого в кругу Морозовых вечера совершенно не хотелось возвращаться в свою пустую квартиру, вторая комната в которой до сих пор ещё не была заселена. Антон, как никто другой, вызывал у неё доверие, поэтому она легко согласилась зайти «на кофе». И, действительно, почему бы и нет?! Ведь она совершенно свободная девушка, и может позволить себе общаться с теми людьми, которые ей по душе, в любое время дня и ночи.

— Если честно, то кофе я уже напилась, — устроившись у него на кухне, Люба с улыбкой наблюдала, как Антон хозяйничает, накрывая на стол, — поэтому я ненадолго...

— Я всё равно поставлю чайник, — щёлкнув конфоркой, парень устроился напротив Любаша, — вы репетировали?

— Да, — кивнула Люба, — студия занята...

— Если бы знал, что ты у Димы, зашёл бы.

— Я теперь каждый день буду у них... Тем более, Наташа ногу подвернула и пока не сможет ездить в студию, только на выступления, и то с большим трудом. Мы будем заниматься с ней дома.

— Ногу?! Я её утром видел, нормально шла...

— А... ты же не в курсе, — Любаша облокотилась на стол, — её сегодня Мигель уронил на репетиции.

— Мигель?! — Антон удивлённо покрутил головой, — Как он умудрился?!

— Как-то умудрился. Теперь от Димы скрывается. Правда, тот его всё равно нашёл.

Глядя, как Антон наливает в чашки кипяток, Люба не переставала улыбаться. В прошлый раз она не могла оценить, а вот теперь оценивала его очевидную самостоятельность — судя по накрытому уже готовыми бутербродами столу и абсолютно чистой посуде, парень прекрасно справлялся с домашним хозяйством.

— Кстати... Как у тебя? Всё тогда обошлось? — снова присев за стол, он придвинул к ней чашку с кофе и тарелку с бутербродами, — Ты ешь, пожалуйста...

— Всё нормально, — Люба едва улыбнулась уголками губ, — не переживай.

— Я сильно тебя подвёл... Да? — он виновато опустил глаза, — Дурак...

— Нет, — она покачала головой, — ты меня вообще не подвёл.

— Он тебе точно ничего не сделал?.. Я тебя спрашивал, но ты как-то ответила... уклончиво...

— Он мне ничего не сделал... и, вообще... — Любаша помешала ложечкой кофе, — Мы расстались.

— Серьёзно?.. — в его тоне просквозила откровенная радость, — Я не знал.

— Странно... — Люба усмехнулась, — Как это наши девчонки ещё не растрепались?..

Уже вся студия в курсе.

Пробыв у Антона около часа, Люба вдруг ощутила накатившее на неё смущение. Говорить особенно было не о чем, и, рассказав о последних новостях своей творческой жизни, она замолчала. Она понимала, что, не в пример ей, Антон имеет к ней совершенно другой интерес, интерес, не находящийся в её душе нужного отклика.

— Может, останешься?.. — он перехватил её руку, когда она, решив, что пора уходить, встала из-за стола, — Ну... хотя бы ненадолго...

— Нет, Антош, я пойду, — она аккуратно вытащила свою ладошку из его кисти, — поздно уже, мне далеко ехать. Спасибо за кофе.

— Тогда я провожу... — вскочив с места, он вместе с ней вышел в прихожую

Люба не ожидала, что, проводив её до автобусной остановки, Антон вместе с ней усядется в автобус. Уже возле своего нового дома она по его глазам поняла, что он не против проводить её и до самой двери...

— Ну, пока... — остановившись у подъезда, она с улыбкой обернулась к нему, — Спасибо, что проводил.

Не говоря ни слова, Антон взял её за плечи и, притянув к себе, поцеловал в губы. Она невольно ответила ему... ответила как-то торопливо, скорее из чувства благодарности, и тут же отстранилась от него.

— Люб... — шёпотом произнёс он и снова потянул её к себе, — Люба...

— Не надо, Антош... — она улыбалась немного виновато, — Я побежала, ладно?

— Почему?.. — он смотрел на неё недоумённо.

— Потому что... потому, что не надо...

Она хотела сказать ему, что в последние два месяца только и делала, что целовалась без любви, не говоря об остальном... и больше не хочет... Она хотела сказать именно это, но вовремя остановилась, подумав, что Антон совсем не заслужил таких откровенных признаний.

— А где твоё окно? — ему явно не хотелось уходить, и он решил задержать её хоть на минуту.

— На шестом этаже, — Люба запрокинула голову, — последнее слева...

— Отсюда не видно, — он отступил на несколько шагов, — последнее слева?

— Да, — Люба терпеливо ждала, пока он найдёт её окно, — это моя комната, а рядом — вторая комната, но там пока никто не живёт.

— Не живёт?.. — уставившись вверх, переспросил Антон, — Но там горит свет...

— Наверное, ты не туда смотришь, — Люба приблизилась к парню и посмотрела на свои окна, — да... свет горит... Странно...

— Может, кого-то уже подселили?

— Не знаю... — в её голосе прозвучала явная тревога, — Мне хозяйка обещала сразу позвонить, если кто-то снимет эту комнату... Но она не звонила...

— Может, забыла?

— Не знаю... Слушай, — Люба перевела испуганный взгляд на парня, — Я боюсь туда идти...

— Пойдём вместе.

— Пойдём, — она согласно кивнула и на всякий случай вцепилась в его руку.

Поднявшись на лифте, молодые люди осторожно подошли к двери квартиры и прислушались. Никаких звуков изнутри не раздавалось, и Люба вставила ключ в замочную скважину.

— Ну, здрасьте... — хозяйка квартиры, женщина лет сорока пяти, высокая, в больших очках, с коротким ёжиком на голове, встретила их в прихожей, — Я вижу, что мои просьбы не водить кавалеров не подействовали.

— Ой, здрасьте, — увидев хозяйку, Люба с облегчением вздохнула, — я уже думала, что воры...

— Какие воры?! — женщина смотрела поверх очков, — Ты зубы не заговаривай, зачем кавалера привела? Я же предупреждала!

— Это не кавалер, — Люба замотала головой, — это Антон, он из нашей студии, провожал меня... Просто я увидела свет в окне и испугалась... Он сейчас уйдёт.

— Вот не хотела я с этими жильцами связываться, — хозяйка подозрительно разглядывала Любашиного спутника, — да деньги нужны... Кстати, раз уж пришёл, не посмотришь в той комнате розетку? Я хотела утюг проверить, вилку вставила, а назад вытащить не могу, как прикипела!

— Давайте, посмотрю... — охотно раздевшись, Антон уже было собрался войти в комнату, как раздался звонок его мобильного телефона, — Да... Нет, я ещё не дома... Всё нормально, мам, не волнуйся. Да, я поужинал... Да... До завтра...

Поговорив, он тут же направился вслед за хозяйкой квартиры. Пока Антон чинил розетку, Люба успела переодеться в домашний костюм и тоже заглянула в соседнюю комнату.

— Вот спасибо, — хозяйка держала в руках вызволенный из «плена» утюг, — а то я бы всю стену разломала.

— У вас тут розетка старого образца, — справившись с «заданием», Антон слегка потёр руки, — нужно заменить на «евро», и тогда проблем не будет.

— Я ж тут не жила, — женщина направилась к выходу, — это квартира моей свекрови, она умерла два года назад, оставила всё своему сыну, то есть, моему мужу. Продавать жалко, вот и решили сдавать. Только что-то на эту комнату жильцов всё никак не найду. Парням молодым сдавать не хочу, потому, что безобразия начнутся... А вот какой-нибудь девушке — сдам.

— Почему вы так думаете о парнях? — улыбаясь, Антон начал одеваться.

— Потому, что знаю, — хозяйка сердито поджала губы, — мужики все одинаковые, хоть молодые, хоть старые. Ты одевайся, одевайся... Позже меня не уйдёшь, и не рассчитывай.

— Да я и не рассчитываю, — бросив взгляд на Любашу, рассмеялся в ответ Антон, — сейчас уже ухожу...

Проводив Антона, Люба решила снова заглянуть в соседнюю комнату, куда скрылась хозяйка, чтобы пожелать той спокойной ночи.

— Ой... — не глядя на неё, та устала на стол, — А это... чьё это?..

— Что там? — перешагнув через порог, Люба тоже устремила взгляд туда, куда показывала женщина, — Телефон?! Это же... Это же Антошка забыл! Он его, наверное рядом положил, когда с розеткой возился, а потом забыл.

— Ну, и где я его теперь буду искать? — глядя на забытый Антоном предмет, хозяйка

снова поджала губы, — Он уж, наверное, уехал...

— Давайте, я ему завтра в студии отдам, — Любаша протянула руку, — я утром как раз туда поеду.

— А точно отдашь? — женщина недоверчиво покосилась на девушку, — Не забудешь?..

— Не забуду, — кивнула Люба, — я его попрошу, он вам позвонит, чтобы вы не беспокоились.

Утром она, действительно, отправилась в студию — по большому счёту, лишь для того, чтобы отдать Антону его телефон. Любаша знала, что в это время он занимается записью песни Риты, и поэтому, приехав в «творческую деревню», сразу прошла в аппаратную.

— Привет! — она весело заглянула в металлическую дверь.

— Привет! — обернувшись от компьютера, за которым он сидел, Антон расплылся в улыбке, — Заходи!

Любаша подумала, что парень пришёл только что — кроме него в помещении не было никого, и она смело шагнула вперёд.

— Ты вчера ничего у меня не забыл? — она лукаво посмотрела на него, не вытаскивая руку из кармана, в котором находился телефон.

— Телефон?! — радостно догадался тот, — Я его оставил у тебя?!

— Какой догадливый... — рассмеявшись, Люба вытащила телефон из кармана, — Если честно, думала, ты с утра за ним заявишься!

— А я подумал, что по дороге потерял, — взяв у Любы из рук мобильник, Антон другой рукой чуть сжал её кисть, — дома старый нашёл, со старой симкой... Ну, проходи, что же ты?..

— А я не помешаю? — Любаша потянула вниз молнию на курточке, — Мне, вообще-то, к Наташе только через пару часов, мы договорились, что, как только Дима сюда поедет, я приеду к ней. А домой возвращаться не хочется, там скучно...

— Ты про меня не забыл? — в неожиданно открывшейся двери, ведущей в тон-зал, показалась Рита, — Ты, вообще-то, здесь ради того, чтобы записывать мой трек, а не обсуждать свои вчерашние любовные приключения. Кстати, — она перевела взгляд с Антона на Любу, — доброе утро!

— Доброе утро, — сдержанно ответила Любаша. Она поняла, что разговаривала с Антоном при включенном микрофоне, и, хотя в их недолгом диалоге не было ничего интересного, всё же ей совершенно не хотелось, чтобы его услышала именно Ритка.

До назначенного Наташей времени делать было, действительно, нечего, и Люба решительно уселась на диван в аппаратной. Она решила показать заносчивой Ритке, что ей абсолютно безразлично, что она там подумала о них с Антоном, и что она не собирается ни оправдываться, ни демонстративно уходить отсюда. Все полтора часа, что шла запись вокала, Люба находилась рядом с Антоном, с интересом наблюдая за его действиями. От самой Ритки она знала, что эту песню написала она сама, а аранжировку делал Говоров, и что она заплатила ему приличную сумму. Сама запись стоила меньше, но всё равно, учитывая уровень студии и профессионализм звукорежиссёра, была, отнюдь, не дешёвой.

Люба помнила, как Ритка при ней хвасталась Алёне, что собирается записать двенадцать треков, и на вопрос, во сколько ей обойдётся весь альбом, и где она возьмёт такие деньги, только загадочно улыбнулась...

На сегодня запись была окончена, и, выйдя из тон-зала, Ритка неторопливо одевалась в

углу у небольшого зеркала. Любаша решила демонстративно задержаться в аппаратной, но появившийся в дверях Морозов нарушил её планы.

— Там Наташа тебе дозвониться не может, — приветливо кивнув всем присутствующим, Дима обратился к Любаше, — если ты свободна, то можешь ехать к нам уже сейчас.

— Я телефон отключила, когда сюда зашла, здесь же запись...

— Понятно, — Морозов, улыбаясь, многозначительно посмотрел на неё и на Антона, — можно включать, запись закончилась, а я сегодня раньше приехал.

Попрощавшись с парнями, Люба и Рита вместе вышли из здания. Любаше уже в который раз за эти дни захотелось вдохнуть всей грудью весеннего будоражащего воздуха... вдохнуть, и... закричать что было сил!.. Да, именно закричать!.. Без слов, без смысла... просто — закричать, раскрывая связки до предела!.. Закричать — солнцу, ветру, небу!..

— Так что там с Натальей? — Рита неожиданно прервала её мысли, — Перелом или просто вывих?

— Просто растяжение и ушиб, — всё ещё улыбаясь, Люба шла, размахивая сумочкой, — ничего страшного, просто нужен покой, пока не заживёт.

— А сколько будет заживать? — в тоне Ритки сквозил неподдельный интерес, — И как они будут выкручиваться с выступлениями? У них же завтра, кажется, ночной клуб?

— Говорят, недели две... А выступления не отменят, просто она не будет танцевать.

— Вот так подумают-подумают, и возьмут дублёршу на её роль, — усмехнувшись, Рита вдруг остановилась и повернулась к Любаше, — А ты, я смотрю, времени зря не теряешь!

— В каком смысле? — Люба тоже встала на месте, глядя Ритке в глаза.

— В смысле Антона. С одной стороны, правильно. Танька ему до фени, хоть и из кожи вон лезет.

— А у нас с ним ничего нет, — услышав про Татьяну, Люба решила сказать правду. Ей совсем не хотелось, чтобы Ритка завтра наболтала той про их с Антоном «роман».

— А я всё слышала, — Ритка так и смотрела на Любу насмешливо, — он микрофон не выключил...

— Слышала, да не поняла, — Любаша тоже улыбалась в ответ, — Антошка просто проводил меня. Я живу на квартире, там пустая комната, ещё без жильцов... И в ней горел свет. Знаешь, как страшно, когда одна... Он и поднялся со мной, чтобы посмотреть. А там — хозяйка квартиры... Вот и всё.

— А телефон? — Рита недвусмысленно приподняла брови, — Который ты ему с утра вернула...

— А телефон он забыл, когда хозяйке чинил розетку. Когда она заметила, Антон уже был далеко. Так что зря фантазию не напрягай.

Люба совсем не хотела оправдываться перед этой стервой Риткой, но, представив, как расстроится Татьяна, услышав её версию взаимоотношений Любы и Антона, она всё же сказала всю правду. Она не знала, поверила ли ей Ритка, и, тем не менее, не смогла ни соврать, ни промолчать.

— Понятно... — Рита тоже не стала спорить, сделав вид, что приняла Любашины объяснения за чистую монету, — А что за квартира? Ты так серьёзно бросила своего денежного дяденьку?

— Он совсем не денежный. Я уже говорила. А квартира... обыкновенная квартира. Две комнаты, кухня, прихожая... В одной комнате живу я, вторая пока пустая.

— А комнаты нормальные?

— По мне — нормальные... — Люба пожалала плечами, — А что?

— Да ничего... Просто мне тоже нужна комната. Я же с мужем разошлась, живу пока у подруги... А у неё — семья, муж, ребёнок...

— Вряд ли тебе эта комната подойдёт, — Любаша недоверчиво посмотрела на девушку, — ты же, наверное, к комфорту привыкла?

— А ты?.. Ты разве не привыкла?

— Нет. Я не привыкла. Поэтому мне там — нормально.

— Думаю, что и мне будет нормально... Тем более, что соседка будет знакомая. Дашь мне телефон хозяйки?

Люба без восторга восприняла желание Ритки поселиться с ней в одной квартире. Но, с другой стороны, лучше уж Ритка, чем какой-нибудь неизвестный человек, с которым придётся встречаться каждый день в кухне, делить с ним ванную и туалет...

Продиктовав той телефон хозяйки, Люба уже было хотела двинуться дальше, по направлению к остановке троллейбуса, но, записав номер, Ритка неожиданно повернулась в другую сторону.

— Ой, я совсем забыла... — поправляя на плече сумочку, она бросила на Любу беглый взгляд, — Мне нужно поговорить с Димой... Хочу попросить его написать мне музыку к моей следующей песне. Придётся вернуться в студию.

— Ты же сама пишешь песни, разве нет? — Люба удивилась быстроте, с которой Рита решила изменить свой маршрут, — Зачем тебе Дима? Это же будет стоить огромных денег?

— Да что я там пишу... — махнув рукой, Рита изобразила искреннее смущение, — Ерунда. Разве я смогу написать так, как Морозов? А деньги... Буду искать.

Любаша не поверила словам Ритки о том, что та снимет комнату в той же квартире, слишком высокомерной и заносчивой была девушка, чтобы жить в таких «простых» условиях. Однако, буквально через день Рита стояла на пороге, в сопровождении хозяйки квартиры, с двумя большими сумками и зачехлённым синтезатором.

— Вот тебе и новая соседка, — хозяйка кивнула встретившей их Любаше, — знакомьтесь.

— А мы знакомы, — усмехнувшись, Люба наблюдала за реакцией Ритки: увидев своё новое жильё, та состроила страдальческую гримасу, всем своим видом показывая, что апартаменты явно не её уровня. Тем не менее, она разделась в прихожей и затащила сумки в комнату.

— Знакомы? — женщина удивлённо переводила взгляд с Любы на Риту, — Надо же... Ну, и хорошо, живите... Только кавалеров — не водить!

Пообщаться с новоиспечённой соседкой Любаша сразу не успела — она уже собиралась в ночной клуб, где сегодня должна была выступать Наташа. Вернувшись уже поздним вечером, она ещё с улицы посмотрела на окна квартиры — и её, и Риткино, были тёмными. Решив, что Рита уже легла спать, Любаша осторожно щёлкнула замком и на цыпочках вошла в квартиру.

— О! Явилась, певица? — явно нетрезвая Ритка, подбоченившись, стояла в дверях кухни, — Я уже пол бутылки мартини приговорила, а тебя всё нет!

— Мартини?.. — снимая обувь, Любаша с весёлым удивлением смотрела на соседку, — Что за праздник?

— Новоселье, блин!.. — Ритка вытаращила на неё свои карие глаза, — У меня сегодня новоселье, ты что, забыла?!

— Вообще-то, да... — Любаша согласно кивнула головой, — Надо было предупредить, я бы купила что-нибудь по дороге...

— Всё уже на столе, — Рита размашисто повела рукой, — заходи, не стесняйся...

Быстро переодевшись, Люба вышла в кухню. Стол, действительно, был накрыт: кроме бутылки мартини на нём были упаковки с готовыми закусками и нарезанный аккуратными треугольничками белый хлеб.

— Давай, присоединяйся к моему застолью, — Рита казалась сильно навеселе, и Люба немного удивилась, что на неё так подействовали пол бутылки выпитого вина, — а то сижу уже второй час, одна, как дура.

— А чего не позвала никого? — Любаше совсем не хотелось пить вместе с Риткой, но она вдруг почувствовала ужасный голод. Вспомнив, что не позаботилась заранее об ужине, она, незаметно вздохнув, присела за стол и нехотя взяла в руки налитый стакан.

— А кого? — усмехнувшись, соседка протянула ей свой стакан, чтобы чокнуться, — Мне и звать-то некого. Ну, что, давай, за моё новое место жительства!.. Только до дна!

Решив, что неловко отказываться, Люба медленно выпила налитое вино и тут же взяла в руки вилку. Пустой желудок слегка обожгло, и она принялась усердно закусывать.

— Как выступили? — даже в нетрезвом состоянии Рита не оставляла своего высокомерно-насмешливого тона.

— Нормально, — Люба сразу же почувствовала лёгкое опьянение и решила, что одной порции алкоголя будет вполне достаточно.

— Как там Натали? Ножку вылечила?

— Не совсем, — жуя салат, Люба покачала головой, — хромает ещё.

— Бедненькая... — притворно нахмурившись, Рита изобразила сочувствие, — Как же она там по сцене-то прыгала?!

— Никак. Только стояла.

— Так ведь могут больше не позвать... шоу — это шоу, там нельзя стоять!

— А что делать? — Люба пожалала плечами, — Не отменять же концерт.

— Дублёршу надо иметь... — Рита взяла в руки бутылку и снова наполнила стаканы.

— Какая у Наташки может быть дублёрша?.. — вопреки своему решению больше не пить, Люба вновь взяла стакан, — Кстати, а почему тебе некого пригласить? Ты что, разве нездешняя?

— Коренная... — опустевший Риткин стакан со стуком вернулся на стол, — Я в этом городе родилась.

— Тогда — почему?.. Люба снова потянулась к еде, — А родители?.. ты же не сирота?

— Я?.. — Рита снова усмехнулась, — Это я-то сирота?! А ты знаешь, кто мои родители?

— Нет...

— Они — врачи. Хирурги... Захаровы — не слышала?

— Нет... — Любаша не сводила с Риты удивлённых глаз — Не слышала...

— А! — та небрежно махнула рукой, — Откуда бы ты слышала, сама тут без году неделя... В общем, Захаровы — это известные в нашей области хирурги, мои родители.

— А почему ты с ними не живёшь?

— Я с ними в ссоре... — язык у Ритки уже довольно сильно заплетался, и она старательно помогала себе жестикуляцией, — Они у меня вообще — жесьть! Хотели, чтобы я

по их стопам пошла, тоже в кишках ковырялась...

— А ты?..

— А я... А у меня голос!.. Я с детства петь хотела! И пела...

— А они чего?.. — справившись с закуской, Люба подперла рукой щеку, — Не разрешали?!

— Сначала разрешали. Даже в музыкальную школу сами отвели... А потом хотели заставить поступить в медицинский...

— А ты?!

— А я... — Рита шумно вздохнула, — А я пошла в университет культуры. Отец грозился меня в психушку упечь... Прикинь?!

— Да ладно...

— Угу... — Рита энергично кивнула сама себе, — Я тогда в общагу хотела уйти, но они меня не пустили.

— И что дальше?.. — Люба во все глаза смотрела на свою собеседницу, удивляясь про себя, как мало она знала об этой красивой темноволосой девушке...

— А дальше... Дальше они предложили компромисс... Я выхожу замуж за их коллегу, молодого, подающего надежды хирурга... — Рита скорчила презрительную мину, — А за это спокойно доучиваюсь в универе... Прикинь... Они думали, что меня это остановит... А я взяла, и согласилась!

— Как?! — Люба сама взяла бутылку и разлила остатки мартини по стаканам, — Ты его не любила и согласилась?!

— А что такого?.. — Рита пожала плечами, — Ему было тридцать, мне — девятнадцать... Он — влюблённый в меня кандидат медицинских наук... Квартира, машина... Тем более, он не был против моей карьеры певицы... Я даже обрадовалась.

— А дальше?! — Люба немного отпила и поставила стакан, — Почему вы разошлись?

— Дальше... — Ритка неожиданно поднялась из-за стола, вышла из комнаты и вернулась через минуту с пачкой сигарет, — Курить будешь?

— Нет... — Люба нетерпеливо поёжилась в ожидании продолжения Риткиной истории, — Что дальше-то?!

— А дальше... — Рита поднесла к длинной тонкой сигарете зажигалку и глубоко затянулась, — Он... Борис... то есть, муж, петь мне не запрещал, в медицину не тянул... На конкурсы отпускал... Я университет окончила по классу вокала... А потом он вдруг нашёл у меня противозачаточные таблетки... Мы тогда уже больше трёх лет с ним жили... он всё удивлялся, что детей нет. По обследованиям меня таскал всяким...

— А ты что, детей не хотела?..

— Не то, чтобы не хотела... но он меня напрягать начал... Ну, не любила я его, понимаешь?! Сначала всё было весело... а потом он мне стал надоедать. Понимаешь?.. Какие тут дети...

— Понимаю... — одними губами прошептала Любаша, кивая в ответ, — Ещё как понимаю...

— Ну, короче, таблетки он нашёл, устроил скандал... Сказал, что никаких конкурсов... Это было год назад. Я тогда как раз к Морозову приходила, хотела на проект напроситься... А он меня культурно отшил...

— А дальше?!

— А дальше... Дальше Боря моих родителей подключил... папаша у меня жёсткий,

сказал, что, если Боря меня бросит, то я могу о них с матерью забыть. Пришлось уступить всем... Через полгода поняла, что жду ребёнка.

— И... что?! — несмотря на то, что Риткину историю она уже вкратце слышала от Полины, Люба ловила каждое слово новоявленной подруги, буквально раскрыв рот.

— Я тогда уже почти смирилась... — докурив сигарету, Рита взяла в руки стакан с остатками мартини, — Тем более, что ни в один проект меня не взяли, а петь в ресторане или на детских утренниках жене кандидата медицинских наук как-то не очень... И вот, когда я уже встала на учёт, мне неожиданно позвонил Морозов... Прикинь?!

— Дима?.. — зачем-то переспросила Любаша.

— Да, Дима... — Рита неожиданно опустила голову — её уложенные крупными локонами блестящие тёмные волосы упали ей на лицо, — Прикинь... мы же с ним в одном универе учились... только он на несколько курсов старше. Он меня совсем не помнил, позвонил потому, что прослушал мою фонограмму... А я... Я его помнила очень хорошо.

— А Наташу ты помнишь?.. — Люба всё больше и больше удивлялась откровенности своей соседки, — вы же ровесницы, кажется? Она тоже там училась...

— Да помню, помню я эту... — снова подняв голову, Ритка тряхнула волосами и снова усмехнулась, — Кто её только не помнит... Увела надежду всех наших девчонок... Прикинь?! За Морозовым пол города убивалось... А она приехала из какой-то провинции, и — всё... Наталья Морозова!.. — девушка театрально воздела к небу глаза, — Я-то её помню... мы в одном корпусе учились. А вот они меня совсем не помнят... И Морозов не вспомнил, когда я к нему приходила...

— А вы что, были с ним знакомы?

— Нет... я его со стороны знала... а вот он... — щёлкнув языком, Рита нетрезво развела руками, — И, вдруг... он мне звонит!.. И приглашает на роль в мюзикле...

— А ты?..

— А я... Я даже не ожидала... Ночь не спала... А утром поехала в платную клинику на аборт. Срок не позволял, но я стащила у Бори деньги и хорошо заплатила врачу.

— А потом?!

— А потом... когда Борька узнал, сказал, что я сука... Прикинь, он меня выгнал... — Рита потянулась ещё за одной сигаретой, — Вот такая история... Представляешь?! Он, который каждый день кому-то что-то отрезает... он не простил мне аборта! Представляешь?! Просто выставил чемодан, и всё...

— А родители?!.. — Любаша физически ощущала, как сочувствие к Ритке заполняет всё её существо, — Они-то что?!

— Ой, а родители вообще... — Рита махнула рукой, — Они от меня отказались... Они сказали, что у них больше нет дочери... И, что я могу рассчитывать на их любовь, лишь если помирюсь с Борей!

— А ты не хочешь помириться с Борей?..

— Это Боря теперь не хочет мириться со мной... Слушай... — Рита на свет разглядывала пустую бутылку из-под мартини, — Зря я одну бутылку только купила... Я бы ещё вышила...

— Может, в ночной сходить?.. — Риткин рассказ не на шутку растрогал Любашу, и она тоже была не против продолжить беседу, — Давай, я сбегаяю?

— А пошли вместе?.. — поднявшись, Рита с шумом отодвинула табурет, — Спать не хочу... Хочу гулять!..

Круглосуточный супермаркет был расположен совсем недалеко от их дома, и уже через пятнадцать минут девушки поднялись на крыльцо и толкнули огромные стеклянные двери. Всю дорогу от подъезда до магазина они весело болтали, и Люба про себя уже в который раз изумлялась, чего это она так взъелась на эту Ритку, которая оказалась совсем нормальной девчонкой, к тому же, такой же несчастливой в личной жизни, как и она, Люба...

Купив ещё одну бутылку мартини, девчонки так же весело отправились в обратный путь. Ночная прогулка немного освежила, и Люба почти не чувствовала опьянения, чего нельзя было сказать о её спутнице. Риту развезло окончательно, и, придя домой, она едва не растянулась в прихожей, споткнувшись о дорожку, расстеленную на полу. Тем не менее, заканчивать затянувшийся ужин никто не собирался, и девушки снова оказались за столом.

— Жаль, что парней нет, скажи?.. — Рита многозначительно приподняла свои ровные, чёрные брови, — Сейчас бы разошлись по комнаткам...

— Не знаю, — Люба пожалала плечами, — я так просто, с кем попало, не могу.

— А с Ан-тош-кой?.. — Рита нарочно произнесла имя Антона по слогам, как будто намекая на его отношения с Любашей, — Ты разве против?..

— Антошка хороший парень... он мне даже немного нравится... — Любашу тоже вдруг потянуло на откровенность, — Но я всё равно так не могу... Мне нужно любить.

— А разве ты этого своего мужичка любила?.. — Рита пьяно засмеялась, — А?! Ну признавайся!..

— Нет, — Люба замотала головой, — Егора — нет... Но у меня не было выбора... Понимаешь?.. Мне нужно было уехать. А он позвал...

— Ну, ты же не отказалась?..

— Нет... Не отказалась... Я с ним жила два месяца... Больше не хочу так. Давай, выпьем?

— Давай! — Рита охотно подняла свой стакан, — А что так приспичило уехать?.. У тебя не было любимого парня?!

— Был... — выпив, Люба положила на стол сложенные руки, — Был, и сплыл.

— Печалька... Бросил?..

— Угу... Хочешь, удивлю?..

— Меня?! — Ритка искренне рассмеялась, — Ну, попробуй!

— Знаешь, кто был моим любимым парнем? — Любаша нетрезво прищурилась, — Знаешь?!

— Откуда же мне знать?.. — Рита не менее нетрезво пожалала плечами.

— Соловьёв... Слышала такую фамилию?..

— Да сколько этих Соловьёвых... ну, слышала... Какой из них?

— Ну, тот, про которого ты мне сама говорила, что новая звезда, там, всё такое... — Люба нетерпеливо смотрела на соседку, не понимая, как та могла забыть свои собственные слова?!

— А... Этот?.. — чуть нахмурившись, Рита «вспомнила» их недавний разговор в вагонном купе, — Вот прямо именно этот?!

— Вот прямо именно этот! — кивнула Люба, — Вот он мой парень... Правда, бывший. Я даже была беременна от него.

— Вот от этого самого?! — махнув рукой куда-то в сторону окна, Рита изобразила пьяное изумление, — Вот прямо от этого?!

— Вот прямо от этого. Но он такой козёл... — от нахлынувших воспоминаний Люба

вдруг расплакалась. Ей стало ужасно жалко и себя, и Ритку... Недаром судьба свела их в этой квартире... Они такие разные... и такие одинаковые...

— Они все — козлы... Выпьём?.. — не дождавшись ответа, Рита наклонила горлышко — светлая жидкость мягко заструилась, наполняя стакан, — Давай, за нас!

— Давай... — охотно кивнув, Любаша чокнулась с новоиспечённой подругой, — Давай, за нас!

— Слушай, а чего ты не хочешь с Антоном?.. — выпив, Рита снова завела неоконченный разговор, — Всё равно ведь мужичка хочется... А он парень — ничего... Один, и уже давно... вот и оторвалась бы с ним, а?! — она весело толкнула под столом ногой Любашину ногу.

— Не хочу... — Люба невольно поморщилась, — Мне просто так мужичка не хочется. Если бы по любви... А так...

— А мне хочется... — призналась Ритка, — иногда просто ужасно хочется... я даже бы к Борьке сбегала, если бы принял...

— А чего сама с Антошкой не хочешь, а?! — теперь уже Люба весело толкнула под столом ногу соседки, — Оторвалась бы!..

— Отрываться тоже с толком нужно... А какой с Антошки толк?! Начинаящий звукореж... Что он может дать?..

— А что тебе надо?.. — Люба непонимающе уставилась на Риту, — Ты же сама сказала, что мужичка хочешь, и всё...

— Мне много чего надо... Мне надо доказать своим папочке с мамочкой, что я и без них проживу... И этому Бореньке... ему тоже надо доказать, что я и без него проживу, и без его квартиры, и без его машины, и без его кандидатской...

— И как ты им собираешься доказывать?!

— Они должны... они просто обязаны увидеть мой триумф!.. Понимаешь?! И не только участие в этой опере!.. Они должны увидеть мои альбомы... мои ролики... Они должны услышать меня по радио!..

— Вообще... — Люба нахмурилась и поджала губы, — Вообще, ты всё правильно делаешь!.. И Антон тебе тут не поможет!..

— Тут поможет только один человек... — Ритка мрачно усмехнулась, — И зовут его не Антон.

— А я знаю, как его зовут... — Люба с вызовом посмотрела на собеседницу, — Хочешь, скажу?..

— Ну, скажи.

— Его зовут Дима, да?.. Морозов, да?..

— Какая ты догадливая!.. — Рита иронично развела руками, — С ума сойти!

— У тебя с ним ничего не выйдет, — Люба отрицательно покачала головой, — даже не мечтай.

— А спорим, выйдет?..

— А спорим!

Глава 25.

С тех пор, как Рита поселилась с ней в одной квартире, прошло уже больше недели. Любаша с недоумением вспоминала неожиданные слова соседки наутро после спонтанного «новоселья».

«Я там много чего наболтала вчера, — выйдя утром на кухню, Рита хмуро открыла

холодильник и, достав оттуда баночку с йогуртом, присела у стола, — ты забудь».

«Да я забыла уже, — сварив кофе на двоих, Любаша уже сидела за столом, — тем более, что мы поспорили просто так, ни на что. Могла бы даже не просить».

«Я не прошу, — Ритка усердно поглощала содержимое баночки, — я предупреждаю. Если что-то выйдет за пределы этой кухни, кто-то очень сильно пожалеет».

«Ты чего, Рит?.. — от неожиданности Люба встала как вкопанная, — Мы же вчера с тобой нормально...»

«Я и сегодня нормально. Это так, на всякий случай, если вдруг захочешь передать мои слова Морозовой...»

«Да не собиралась я...»

«Ну, и замечательно».

Любашу поразила перемена настроения новой подруги. Сначала она хотела списать это на плохое Риткино самочувствие после их вчерашнего застолья, но потом она подумала, что ей и самой не очень комфортно с утра, но она, Люба, не срывает злость на других... Ей тоже захотелось ответить Ритке дерзко, но потом, успокоившись, она решила пока демонстративно не портить с ней отношения, однако, вопреки обещанию молчать, через некоторое время не выдержала, и под большим секретом рассказала обо всём Полине.

— А я тебе сразу говорила, что она к Морозову неровно дышит, — выслушав Любу с нескрываемым интересом, Полина говорила громким шёпотом, вытаращив глаза, — так что будь очень осторожна! Она не зря тебе всё это рассказала!

— Почему не зря? Что она мне может сделать?

— Подставить может, вот что! Ты сама ничего такого про Диму не говорила при ней? — теперь подружка была похожа на детектива, — Или про Наташу?

— Н-нет, — Люба неуверенно покачала головой, — я вообще о них ничего не говорила. Ну, почти ничего...

— И не говори! Вдруг у неё диктофон включен?

— Да зачем?!

— Да чтобы устранить тебя, как потенциальную соперницу! Она же считает, что ты к ним очень близка, почти родня. Кстати, так считают все!

— Глупости... — Любаша нахмурилась, — Что я могу сделать против неё?!

— Люб, ты такая наивная... — Полина уже в который раз за время их знакомства говорила Любаше эти слова, — Она ж сама тебе и подсказку дала! Если ты передала бы Наташе её слова о Морозове, а, ещё лучше, записала их на диктофон, то скандал можно было бы раздуть, мама не горюй!

— Мне даже в голову такое не приходило... Зачем?!

— Затем, чтобы занять её место на сцене.

— Я вообще о таком не думала!

— А она — думала... Поэтому, будь с ней осторожнее. А, ещё лучше, воспользуйся ситуацией сама.

— Я не могу...

— Зато она может... — разговор происходил в раздевалке «творческой деревни», после занятий в танцзале, наедине, но Полина всё равно приглушила голос, — Ты же всю эту неделю репетировала у Морозовой дома, и не видела... А я видела, как она тут к Диме клинья била, пока Натальи не было...

— И — как?

— Да она за ним по пятам ходила! И, главное, репетиций нет, а она из студии не вылезает!

— Она там сейчас песню хочет записать, ещё одну, для альбома.

— Ну, не знаю, что там за песня... Но уже все заметили... Ты там намекнула бы Наталье...

— Полин, я же сама не видела...

— А ты скажи, что другие видели.

— Я не могу так. Тем более, я не верю, что Дима может Наташе изменить... Я бываю у них, вижу их отношения.

— Люба, это же классика! Творческий человек просто не может обходиться без отношений на стороне! А Ритка ведь красивая... Ты сегодня к ним поедешь?

— Да, уже скоро. Сегодня Дима целый день был дома, потому, что вечером они собираются с «патрулями» на репетицию. Как только он приедет, я поеду к Наталье.

— Тогда понятно, почему Ритка припёрлась на танцевальную разминку. Морозова поджидает...

— Может быть...

— Во сколько «патрули» собираются? — как будто услышав что-то, Полина на цыпочках подошла к двери и осторожно выглянула в коридор.

— Да вот... уже сейчас должны... — посмотрев на часы, Любаша перевела взгляд на подругу, — А что?

— Да так, просто... — вернувшись в раздевалку, Полина оставила дверь приоткрытой, — Наши ещё там, наверху... Надо Мигелю сказать, чтобы сваливал поскорее, пока Морозов не появился.

— Да он уже успокоился, — улыбнулась Люба, — да и нога у Наташи почти зажила.

— А он всё ещё мандражирует, — Полина неожиданно шагнула к окну, ещё не закрытому створками жалюзи, — кстати, вот и Морозов... Идут вместе с Журавлёвым...

Любаша возле зеркала уже надевала курточку, когда услышала чьи-то шаги — кто-то спускался по лестнице со второго этажа. Невольно бросив взгляд в дверной проём, она узнала темнокожего танцора: уже одетый, он бодро шагал к выходу, не подозревая, что через несколько секунд встретится лоб в лоб с Морозовым, которого он всё ещё обходил стороной, несмотря на то, что Дима больше не напоминал ему об инциденте.

— Мигель! — Люба негромко окликнула парня, когда тот поравнялся с раздевалкой, — Иди сюда!..

— Чего? — резко остановившись, он сделал шаг назад и заглянул в помещение, — Люба, ты мнѐ?

— Тебе, тебе!.. — махнув ему рукой, чтобы он вошёл, Люба торопливо закрыла за ним дверь, — Иди сюда... Там Дима идёт... Или ты уже не боишься?

— Ну, так... — тот неопределённо пожал плечами, — Уже нѐт... но лучше здѐс постою...

— Да ладно тебе, — отойдя от окна, Полина подошла к двери и снова чуть приоткрыла, оставив небольшую щелку, позволявшую наблюдать за тем, что происходит в коридоре, — он уже на тебя не злится...

— Ещё нѐделку не буду попадаться ему на глаза... — усевшись на стул в углу раздевалки, парень зачем-то надвинул на глаза вязаную шапочку, потом снова поддѐрнул её вверх и посмотрел на Любу, — Как там Наташа?

— Да ничего, — Люба невольно улыбнулась, — не расстраивайся, она уже нормально ходит. Скоро будет в студию приезжать.

— Скорее бы новые гастроли...

— Тише!.. — всё так же выглядывая в коридор, Полина сделала жест рукой, — Помолчите, а?..

Замолчав, все трое молодых людей прислушались к разговору, доносившемуся из-за двери.

— Не знаю, Жека... остановившись напротив репетиционной, расположенной рядом с раздевалкой, Морозов, судя по всему, отвечал на какой-то вопрос Журавлёва, — Чего не знаю, того не знаю.

— Ты что, у Наташки никогда не спрашивал? — голос у Журавлёва был смущённым, чувствовалось, что он испытывает неловкость.

— Да как-то — нет... — Дима тихо рассмеялся, — Знаешь, в первый момент, когда узнаёшь, сразу шквал чувств, эмоций... потом только две мысли — как жена, как ребёнок... Ну, а уж потом вообще всё перемешивается в сознании. Наташка, она же никогда ни на что не жалуется... Она даже не говорила, что началось, звонила лишь потом, когда уже всё было позади...

— Чёрт... У кого бы спросить... — подслушивающая Люба почему-то подумала, что на этих словах Журавлёв почесал затылок, — Саню не буду... тот только ржать начнёт...

— Спроси у Мазурика. Он же на родах присутствовал...

— А правда!.. — обрадованно воскликнул Женька, — Я совсем забыл! Викун... он же отец-герой!

— Слушай, ты меня сейчас поставил в неловкое положение... — Теперь Люба подумала, что затылок чешет Морозов, — Выходит, я — эгоист? Даже не спрашивал жену, как она рожала мне детей...

— Да я тоже, в общем-то, эгоист... Просто в себя не могу прийти. Ждал-ждал... а всё равно получилось неожиданно... Слушай, ты иди, а я сейчас...

— Ты куда? — удивлённо спросил Дима.

— Я скоро! — удаляющиеся торопливые шаги Журавлёва стихли, завершившись звуком хлопнувшей входной двери.

Наступившую, было, тишину, нарушил звон ключей — видимо, Морозов собирался открыть аппаратную.

— Дима! — голос Ритки раздался откуда-то сбоку, одновременно с ключами: видимо, она спускалась по лестнице, — Подожди!

— А, привет!

— Привет... У вас сегодня репетиция?

— Да, сегодня, наконец-то наш день, — усмехнулся Морозов, — как успехи?

— Да пока никак... — Рита окончательно сошла со ступенек — её голос теперь звучал совсем рядом.

— Проблемы?

— Да... я хотела у тебя кое-что спросить...

— Спрашивай.

— Вернее, не спросить... В общем, мне нужно с тобой поговорить.

— Заходи, — судя по звуку, Дмитрий распахнул дверь, — поговорим, пока ребята не пришли.

— Я боюсь, что не успеем... Ты не смог бы остаться после репетиции? Для меня это очень важно, — последние слова Риты были едва слышны: судя по всему, она произнесла их, одновременно закрывая за собой дверь аппаратной.

Затаившись в раздевалке, Люба переглянулась с Полиной.

— Во даёт... — дождавшись, пока Мигель торопливо прошмыгнёт на выход, она громко выдохнула.

— А я тебе про что? Она вот так — все дни... «Дима, Дима...» — Полина понимающе усмехнулась, — Говорю же, вся студия в шоке. Только вы с Натальей не в курсе.

— Слушай, ну, а сам Дима-то что?!

— Ну, он, вроде, пока ничего. Но, кто знает... Видишь, какая наглая, даже не боится, что её из мюзикла попрут. Хотя... — Полина подняла кверху задумчивый взгляд, — У неё же контракт... Не очень-то и попрёшь, тем более, что в контракте пункт отношений с Морозовым отсутствует!

— Может, у неё и правда, к нему дело?

— Дело у неё к нему точно есть... — Полина на цыпочках вышла из раздевалки и подкралась к аппаратной. Прислушавшись к происходящему внутри, почти тут же вернулась назад.

— Что там? — Любаша не скрывала своего любопытства.

— Не слышно ничего. У неё-то дело к нему есть... при чём, очень личное.

— Ну, ладно... — Люба нехотя взяла в руки сумочку, — Я поехала, меня Наташа ждёт. Ты идёшь?

— Пока нет... — Полина всё ещё была под впечатлением от подслушанного разговора, — Я ещё в танцзал поднимусь... Интересно, как будут развиваться события.

Любаше тоже было ужасно интересно, что же задумала Рита, а то, что она что-то задумала, было очевидным — с Димой она встречалась каждый день, и все свои проблемы могла решить и раньше, однако, напросилась на приватный поздний разговор.

Если бы не репетиция у Морозовой, Любаша бы тоже, пожалуй, осталась вместе с Полиной, чтобы понаблюдать за своей соседкой, но Наташа уже ждала её у себя дома, и Люба с сожалением вышла на крыльцо студии.

Весенние вечера с каждым днём становились всё светлее и короче, а воздух натурально кружил голову... Вдохнув полной грудью весенней пьянящей свежести, Люба вдруг почувствовала непреодолимое желание оказаться в крепких мужских объятиях... Желание было вполне естественным для такой молодой девушки, как она... Естественным и не таким уж невыполнимым, если бы не некоторые обстоятельства: объятия эти могли быть исключительно любимыми.

Даня?..

На сегодняшний день он так и оставался единственным мужчиной, к кому она испытывала настоящие чувства... Ни Егор, с которым она рассталась, ни Антон, которого она видела теперь каждый день, но так и не находила в себе сил ответить на его явную симпатию — ни один из этих мужчин не попадали в разряд искренне любимых... А вот Даня... Да, она всё ещё любит его... И эта весна... она зачем-то беспощадно тормозит чуть задремавшую, было, любовь...

Может, и на Ритку действует весна? Сама Люба не представляла себя на месте своей соседки, зная наверняка, что у неё не хватило бы смелости открыто демонстрировать свои чувства к такому человеку, как Дмитрий Морозов... Ну, если бы только он сам проявил

инициативу...

Асфальтовая дорожка давно уже оттаяла от снега, и была слегка влажной от небольшого весеннего дождика, и Любаша шла, торопливо цокая каблучками модных сапожек на высокой шпильке. Она уже поравнялась с автомобильной стоянкой, как, бросив взгляд в сторону, в одном из автомобилей узнала знакомый внедорожник...

— Люба, подожди!.. — увидев её, Егор выскочил из салона и направился навстречу.

— Привет... — чувство, которое испытала Люба при виде Егора, нельзя было назвать радостным, но и на огорчение оно, явно, не тянуло. Скорее, она испытала приятное удивление, как при виде старого знакомого, с которым связывали общие воспоминания.

— Привет... — заложив руки в карманы брюк, Егор с улыбкой смотрел на неё.

— А ты что здесь делаешь?.. — она могла бы и не спрашивать и догадаться сразу, что делает он на стоянке морозовской студии, но вопрос вырвался сам собой, машинально.

— Тебя жду.

— Зачем?.. — Люба тоже улыбалась ему в ответ, только слегка растерянно. Она не могла себе не признаться в том, что за те два месяца, что она жила с ним, Егор стал ей чуть ли не родным, а их вполне спокойное расставание не давало повода для неприязни или обиды. Её видимая растерянность была лишь последствием неожиданности, с которой произошла их сегодняшняя встреча.

— Захотел увидеть... — он смотрел на неё, как будто не видел давным-давно, — Надеюсь, ты не против того, что я захотел тебя увидеть?

— В общем-то, не против... — она откинула со лба светло-русую прядку движением головы, — А как ты узнал, что я сейчас здесь?

— Интуиция... В общем-то, я приехал наугад. Как раз парень выходил, негр... Я его спросил, он сказал, что ты здесь и скоро выйдешь.

— Понятно, — Любаша весело кивнула, — это Мигель, он танцор.

— Ты сейчас домой?.. — он так и смотрел на неё, не отрываясь.

— Нет.

— А куда?.. Если не секрет...

— Да нет... не секрет. К Наташе домой. Ну, к Морозовой...

— Это туда, где ты была... тогда?..

— Да.

— Понятно... — он почему-то изменился в лице.

— Она уже ждёт, мне нужно бежать на остановку...

— Ну, что ж... Не буду тебя задерживать, — он взглянул на неё как-то исподлобья, и, поймав его взгляд, Любаша заметила в нём какую-то, ранее незнакомую ей боль.

Торопливо попрощавшись с Егором, Люба уже прошла несколько десятков метров, когда его автомобиль затормозил слева от неё.

— Садись, подвезу... — открыв пассажирскую дверь, он говорил почему-то сдержанно.

Решив, что почему бы не воспользоваться его предложением, Любаша уселась рядом. Она вдруг вспомнила, как Егор каждый раз, когда был в городе, неизменно забирал её с репетиций, вызывая откровенную зависть у многих девчонок.

— Где ты сейчас живёшь? — его резко поменявшийся тон удивил Любу.

— На квартире, — глядя в лобовое стекло, ответила она уклончиво.

— И где же эта квартира?

— Здесь, в городе...

— Не хочешь говорить... — усмехнувшись, Егор затормозил на светофоре, — А мне вот хочется иногда тебя увидеть...

— Раз в неделю мы выступаем в клубах.

— По клубам не хожу... Ты знаешь.

— Как ты — вообще?.. — Люба хотела задать этот вопрос сразу, как только увидела сегодня Егора, но почему-то всё не решалась... Как-то дежурно он звучал сейчас в её исполнении.

— Нормально...

...Люба уже собиралась выйти из машины возле дома, где жили Морозовы, но Егор вдруг снова заблокировал двери. Дёрнув за ручку, она удивлённо повернула к нему голову...

— Ты сейчас к нему? — глядя вперёд, он спросил как-то глухо.

— К кому — к нему? — она непонимающе захлопала ресницами, — Если ты имеешь в виду Диму, то — да, к нему. Вернее, к ним.

— Ты к Антону? — он как будто не расслышал её ответа.

— Я к Наташе, — Люба догадалась, что Егор ей не поверил, и решил, что она приехала к молодому человеку, — она ногу подвернула, и поэтому я занимаюсь с ней дома. Вернее, она занимается со мной.

— Ты с ним живёшь? — он упрямо не хотел верить её словам.

— Знаешь... — внезапно Люба почувствовала, как внутри закипает волна протеста, — Вообще-то, я свободный человек... И могу делать всё, что захочу. Открой, пожалуйста, дверь.

— Значит, ты всё же к нему...

— Егор, открой дверь!

— И, всё-таки... — он упрямо смотрел вперёд через стекло, — К нему?..

— Да, к нему!.. — разозлившись, выкрикнула Люба и снова дёрнула за ручку, — Ты выпустишь меня или нет?!

— Выпущу... — его голос снова стал глухим, — Можешь выходить.

— Спасибо, что подвёз! — она сердито хлопнула дверью и, стуча каблучками, поспешила к нужному подъезду.

Зря она почти обрадовалась встрече... Даже расставшись, он пытается ограничить её жизнь, её поступки. Всё же она правильно сделала, что ушла от него... У неё совсем другая жизнь, полная творческих событий. Скоро они снова едут на гастроли с новым мюзиклом... А летом... Летом Дима обещал Москву!..

Дома у Морозовых Любаша с удивлением для себя застала Милену Журавлёву. Та уютно устроилась на большом угловом диване в гостиной, и, когда туда вошла Люба, приветливо кивнула.

— Люба, ты пока сама послушай фонограмму, хорошо? — Наталья жестом пригласила Любашу в их домашнюю студию, которая была через стенку и соединялась с гостиной стеклянной дверью, — А мы пока тут поболтаем...

— Ага, хорошо! — Люба охотно кивнула и направилась в студию, — Я послушаю в наушниках.

— Я приду чуть позже! — прикрыв за ней дверь, Наташа вернулась к Милене.

Войдя в студию, Люба с удовольствием уселась в удобное кресло на высокой ножке возле огромного пульта с синтезатором и расположенным рядом компьютером.

Надев наушники, Люба не торопилась включать фонограмму с записью песни в исполнении Алёны, которую ей предстояло разучить. Она уже в который раз с интересом разглядывала развешанные на стенах постеры с изображением «Ночного патруля», а так же Дмитрия и Натальи. Больше всех было портретов Наташи — и на сцене, и в домашней обстановке. Любе очень нравилось одно изображение, где Дмитрий и Наталья были вдвоём: обхватив сзади жену руками, Дима улыбался и, чуть наклонившись, прижимался подбородком к её макушке. Стоя в его объятиях, Наташа выглядела абсолютно счастливой... увидев её лицо, Люба впервые поняла, что значит — светиться от счастья.

Она уже много раз была в квартире Морозовых, и каждый раз не уставала удивляться отношениям молодых супругов... Ей казалось, что они никогда не ссорятся... Наташа. — она и дома, без сценического макияжа, была очень хорошенькой в домашней одежде, с аккуратно уложенными или заплетёнными в косу белокурыми волосами. Глядя в её большие карие глаза, было трудно поверить, что Наташа — натуральная блондинка... и, тем не менее, это было именно так — кроме незаурядного таланта природа одарила её не менее незаурядной внешностью. А Дима... Дима всегда отличался врождённым аристократизмом, помноженным на серьёзность и рассудительность. И даже его мужская красота была отмечена печатью серьёзности... Его тёмно-русые, до плеч, стильно постриженные волосы всегда были идеально расчёсаны — Дима не любил и никогда не схватывал их резинкой на затылке, в отличие от многих длинноволосых мужчин. Доброжелательность и бесконфликтность — вот две основные черты, которыми можно было охарактеризовать обоих молодых супругов. Две черты, не считая огромной взаимной любви...

...Почему-то Любе сейчас вспомнились слова Полины о том, что все творческие люди обязательно имеют отношения на стороне... Да, и у Дмитрия, и у Натальи было много поклонников и поклонниц, но Люба и представить себе не могла Наташу рядом с другим мужчиной... Любаша теперь могла поклясться своей собственной жизнью своей сестре Вере в том, что между Натальей и Вериним мужем Сергеем нет и не может быть никаких отношений, кроме чисто дружеских. Даже за такой короткий срок их знакомства Люба смогла понять, что это невозможно — и в повседневной, и в творческой жизни Морозова жила только своим супругом, совершенно не обращая внимания на других, окружающих её мужчин.

А сам Морозов?.. С виду он — верный муж, талантливый музыкант, который благодарен своим поклонницам... Благодарен — и всего лишь... Такие вещи, как измена, не утаишь, особенно, если дело касается публичных людей...

Но, как говорится, всё до поры, до времени... А, что, если Полина права? И именно сейчас, пока Наташа о чём-то мило беседует с Миленой, Ритка очаровывает Диму, применяя все свои женские хитрости?..

...Так и не включив звук, Люба медленно стащила с головы наушники. Может, действительно, последовать совету Полины и предупредить Наташу?.. Ну, хотя бы намекнуть... Ведь, если Полинка окажется права, и Ритке удастся соблазнить Морозова, Любаша места себе не найдёт от того, что она знала... знала, и не предупредила!

...Она невольно прислушалась к разговору Натальи и Милены, доносившемуся из-за полуоткрытой двери. Видимо, думая, что Люба в наушниках слушает музыку, молодые женщины говорили в полный голос и, судя по всему, разговор был очень откровенным...

— Я перебрала уже все имена... — узнав по голосу Милену, Любаша слегка оттолкнулась ногой от пола — стул на колёсиках плавно и бесшумно откатился по

направлению к двери, — Но кроме Владимира ничего не нахожу... Всё как-то не отзывчиво...

— Ты — мама, и тебе лучше знать, как назвать ребёнка, — ответила Наташа, — я называла обоих детей сама так, как чувствовала.

— Господи... Я даже не могу поверить, что меня кто-то назовёт мамой! Нет, Маша, конечно, зовёт меня мамой, но... ты же меня понимаешь?..

— Понимаю... Представляю, как Женька рад!..

— А я даже не знаю... Я ему сказала, а он... Его как будто чем-то по голове огрели... — Милена негромко рассмеялась, — Мне кажется, он даже не понял пока... Уехал на репетицию как в тумане. Хорошо, что к вам заехали, и Дима его на вашей машине забрал, а то, мне кажется, он и дороги не видел, пока сюда ехал.

— Он ждал... Знаешь, я как-то подслушала, как они с Димкой здесь, у нас, в студии разговаривали... Женька сначала в детскую зашёл, попросил показать, как дети спят... А потом они ушли в студию, а я здесь, в гостиной, убирала... и слышала, как он говорил, что ужасно хочет ребёнка, сына... Говорил, что у вас может быть только сын, потому, что вы оба его во сне видели. Это правда?..

— Правда. Мы в одну ночь увидели во сне маленького мальчика. Это было ещё до свадьбы, прошлым летом, когда я с вами летала в Сочи. А Женька тогда прилетел ко мне...

— Значит, будет мальчик. Владимир... Вы же оба — Владимировичи, поэтому?

— Наверное. Женька тоже согласен на это имя.

— Я так рада за вас... Мы с Димкой часто вспоминаем прошлое лето.

— А я благодарна судьбе за встречу с тобой... Тогда, в поезде. Это, действительно, была судьба... Недаром вы мне стали родными. Знаешь, я ведь совсем не любила первого мужа. Жили без ссор, но любви у меня к нему не было. Наверное, так и жили бы до сих пор. Это просто счастье, что он решил от меня уйти...

— Ты его ни капельки не любила? — Наташин голос звучал удивлённо, — Совсем?

— Совсем. Было какое-то чувство, конечно... Чувство комфорта оттого, что он меня любил... Но взаимности не было, и, видимо, поэтому он сам не мог дать мне свою любовь сполна, вот и полюбил другую женщину... Знаешь, когда я жила у вас, то сначала я не могла поверить, что бывает вот так, как у вас с Димой... Что муж и жена целуются, как влюблённые, спят в обнимку... Ой!.. — она как будто испугалась своих слов, но потом негромко рассмеялась, — ты только не подумай, что я за вами подглядывала! Просто видела случайно пару раз, когда Валерика ночью у ваших дверей ловила...

— А теперь? — судя по голосу, Наташа улыбалась.

— А теперь и сама так живу... Наташ, я даже не мечтала, что когда-нибудь буду такой счастливой, как сейчас...

— Ты заслужила.

— Это благодаря тебе и Диме... Я заразилась вашим счастьем. Дима тебя очень любит... И это видно по тебе самой. Я называю это синдромом любимой женщины... А он передаётся при общении...

— Знаешь... Иногда мне кажется, что это я его люблю... и что это моей любви хватает на двоих... Но, на самом деле это — страх... страх его потерять. Я так и не избавилась от этого страха.

— Он любит тебя.

— Дима — часть меня... если я потеряю его, то и меня не будет.

— Мне кажется, нет таких обстоятельств, при которых ты можешь его потерять. Я не имею в виду что-то страшное...

— Такие обстоятельства всегда существуют... Например, другая женщина. Когда я лежала в роддоме с Валеркой, одна очень хорошая женщина сказала мне, чтобы я никогда не боялась потерять Диму... потому, что чего боишься, то и случается. А я всё равно боюсь... Гоню от себя все плохие мысли, а в глубине души — боюсь... Вокруг нас всегда столько народу... Молодые женщины, вокалистки, танцовщицы, поклонницы... Все они у него на виду... Я стараюсь не думать... Но, на самом деле я очень боюсь его потерять.

— Мне кажется, он точно так же боится потерять тебя.

— Вот ему как раз и нечего бояться. Хотя, он бывает ужасно ревнивым... Знаешь, у него просто какой-то фанатизм насчёт женской верности. Нет, конечно, это нормально... но у него это просто зашкаливает. Я никогда не подавала ему ни малейшего повода, но знаю наверняка, что любое подозрение в моей измене разрушило бы наши отношения навсегда. Этого бы он не простил ни при каких обстоятельствах... При чём, он не стал бы разбираться. Такое уже было в нашей жизни... Слава Богу, всё разрешилось, но тогда, пять лет назад, он даже не стал меня разыскивать и выяснять, правда ли то, что у меня другой парень.

— Он ни разу не пришёл?..

— Он пришёл, но меня не было дома. Он сделал свои выводы и исчез совсем... на целых восемь месяцев. У каждого человека свои недостатки... И Димка — не исключение. Он будет страдать молча, уйдёт в себя, но не побежит выяснять отношения.

...Притихнув, Люба слушала откровения Натальи и Милены. Она так увлеклась, что едва успела снова подъехать на стуле к пульту, когда Наташа решила заглянуть к ней в студию.

— Любаш, что-то сегодня не до репетиции... — Наталья смотрела на неё, виновато улыбаясь, — Пойдём с нами ужинать! Мальчишки наши задерживаются, так что ждать их не будем!

Любаше уже и самой было не до репетиции. Подслушав чужой разговор, она ещё больше прониклась к Наташе, искренне переживая за их с Димой счастье... А вдруг, именно сейчас Ритка добивается своего?!

Сидя на кухне за накрытым к ужину столом, она не знала, как улучшить момент и шепнуть Наталье про Ритку... Она не могла говорить об этом при Милене, и очень обрадовалась, когда та вызвалась уложить Валерика с Анечкой, и увела их в детскую.

— Год назад Милена была у нас няней, — улыбнувшись им вслед, Наташа перевела взгляд на Любу, — Аня была ещё совсем маленькой, и не помнит, конечно, а вот Валерка любит её ужасно, и всегда рад, когда Милена приходит к нам в гости.

— Я заметила, — Люба охотно кивнула, — и в «деревне», когда вы его с собой берёте, он всегда радуется, когда Милена туда приезжает.

— Ты за репетицию не переживай, мы всё наверстаем. Просто сегодня немного всё сбилось, такая новость радостная, что я никак не смогла настроиться.

— А что за новость? — Люба сделала вид, что ничего не знает.

— Это, конечно, пока секрет, но ты вроде как не чужая... — Наташа заговорщически приглушила голос, — У Женьки с Миленой скоро будет малыш. Маша им не родная, приёмная... Они её очень любят, конечно. Но они так хотели своего ребёнка... И, вот, наконец!..

— Как здорово... Я никому не скажу, правда!

— Я знаю, — Наташа улыбнулась, — так что, у нас уважительный повод! Тем более, завтра я уже собираюсь приехать в «деревню». Там и продолжим занятия.

— Ой, как хорошо... — Любаша поняла, что Наталья сама подвела разговор к нужной точке, — Хорошо, что ты уже будешь приезжать... Знаешь, я должна тебе сказать одну вещь...

— Что-то случилось?.. — Наташа тревожно взглянула на свою гостью.

— Надеюсь, что нет, но...

— Люба, что такое?!

— Я хотела тебе сказать... В общем, Райх... ну, Рита... Ну, она на Диму запала... Но ты ничего не думай... Дима, он не ведётся... он же не такой... Ну, в смысле, я не знаю, какой он, но мне так кажется...

От волнения Люба частила словами, не зная, как правильно высказать свои мысли. Она не сводила глаз с Натальи, ожидая её реакции на свои слова, но, вопреки ожиданиям, та не спешила заваливать Любу расспросами о подробностях Риткиных поползновений. Напротив, лицо Наташи стало невозмутимым. Она внимательно, не перебивая, выслушала Любу, которая, глядя на неё, рассказывала всё нерешительнее.

— Я тебе благодарна за то, что ты так переживаешь за нашу с Димой семью. Но хочу сразу сказать, что я никогда не слушаю никакие закулисные сплетни. Более того, я не люблю их сама, и не люблю тех, кто их распространяет. Все отношения со своим мужем я выясняю, и буду выяснять только сама, и, отнюдь, не из-за чьих-то наговоров. Тем более, я против любых сплетней внутри коллектива. Люба, я на тебя не обижаюсь, потому, что сама не предупредила тебя об этом заранее... но, впредь, прошу больше ко мне с такими вещами не подходить. У нас музыкальный проект, а не прачечная. Договорились?

Молча выслушав Наташу, Люба только кивнула той в ответ. Она не ожидала такой реакции от Морозовой... Она ведь хотела сделать, как лучше! Она действительно, искренне переживала за них с Димой!..

Нет, она не думала, что Наталья окажется такой... такой равнодушной... Нет, это не равнодушие... Это — самое настоящее высокомерие! Вместо благодарности она дала Любе самую настоящую зуботычину, при чём, совершенно не заслуженно!

Ну, что ж... Тем хуже для неё. Люба больше не скажет ей ни одного слова, даже если своими собственными глазами увидит Морозова и Ритку в одной постели!

Более того... Если от неё что-то будет зависеть, она ни за что не станет препятствовать Маргарите Райх уводить любимого мужчину у певицы Натальи Морозовой! Да!.. Она, Люба больше не сделает ни одного движения, не скажет ни единого слова в защиту семейного счастья Наташи...

И Ритка... пусть она больше не боится откровенничать с ней, Любашей, относительно своих планов... Отныне она, Люба — могила!

— Люба, что с тобой?.. — голос Натальи вывел её из оцепенения, наступившего от обиды, — Ты обиделась?..

— Нет... — часто заморгав, Люба постаралась отвести взгляд, — я не обиделась...

— А, мне кажется, ты обиделась, — Наташа положила ей на руку свою ладонь, — Люба, я прошу тебя, не обижайся... Просто все наши правила написаны нашими собственными неудачами и опытом.

— Нет-нет... всё нормально, — неожиданный телефонный звонок в кармане джинсов её обрадовал, — да... Нет, я ещё у Наташи... Егор, что ты несёшь?! Я — у Наташи! И

вообще, почему я должна перед тобой оправдываться?! Что?! Где ты?!

— Люба, что-то случилось?.. — Наталья растерянно наблюдала, как Любаша одевается, — Куда ты?..

...Распахнув дверь, Люба буквально вывалилась из квартиры Морозовых и резко остановилась... Выглянувшая следом Наташа тоже застыла, широко распахнув глаза: стоя на площадке, возле двери в квартиру Антона, Егор Романов изо всей силы жал на звонок.

— Что ты делаешь?! — окликнув Егора, Люба шагнула к нему и схватила за руку, — Зачем ты к нему звонишь?!

— Люба... — оглянувшись, он расплылся в нетрезвой улыбке, — Лю-у-убка... А ты что... разве — не там?!

— Я же тебе русским языком сказала, что я — у Наташи! — Люба сердито поджала губы, — Зачем ты сюда пришёл?!

— А я думал... — он вдруг обернулся к Наташе, — Здравсьте...

— Добрый вечер, — та вышла из квартиры, — вы что, к Антону? Его нет, они все на репетиции...

— На репетиции?.. — он переспросил как-то радостно, — А я думал... Я — к Любе...

— Ты что, на машине? — Люба уперлась руками в бока, — Да?

— Да, — Егор нетвёрдо шагнул к ней и обнял руками за плечи, — Любаша... поехали домой?..

Кое-как спустившись вместе с ним с четвёртого этажа, Люба вывела Егора на улицу. Он оказался совершенно пьяным, и она не представляла, как он теперь попадёт домой — за руль ему было, однозначно, нельзя.

— Как ты сюда приехал?! — она возмущённо отбивалась от его объятий, — Ты в своём уме — вообще?!

— Я не в уме... — он всё же обхватил её руками и буквально повис на ней, — Любка... я не в уме... Я не могу без тебя, понимаешь?!

— Зачем ты припёрся к Антону?! — Люба понимала, что Егор сейчас не в состоянии ответить на все её вопросы, но и удержаться от них не могла, — Я же тебе сказала, что я еду к Морозовым! Как ты узнал его квартиру?!

— А я спросил...

Положение было безвыходным — Люба машину не водила, а сам Егор не взял лыка, и она уже собиралась набрать номер такси, когда к стоянке подрулил тёмно-синий «Ауди» Морозова, за рулём которого почему-то сидел Журавлёв. Сам Дима находился рядом, на пассажирском месте, и тоже вышел из машины, как только она остановилась. Появившемуся из задней левой двери Антону Люба совсем не удивилась — тот часто приезжал в студию вместе с Морозовыми... но она никак не ожидала, что из правой задней двери покажется никто иной, как Ритка!

— Подожди буквально пару минут, я жену заберу, и поедем, — кивнув Рите, Женька бодро направился вместе с Димой и Антоном к подъезду.

Стоявших чуть поодаль Любу и Егора никто не узнал, и, с одной стороны, Люба была этому рада. С другой стороны, она не знала, что ей делать — звонок в службу такси, номер которой был забит в её мобильник, результатов не дал: диспетчер ответила, что на вызовы с мобильного телефона они не выезжают, и что нужно позвонить с домашнего. Люба уже подумывала снова подняться к Морозовым, когда услышала Риткин голос.

— Ба-а-а!.. А ты что тут делаешь?! О, да ты не одна!..

Любаше ничего не оставалось, как отозваться на голос соседки. Егор порывался завести свой внедорожник, но она отобрала у него ключи.

— А ты что, у патрулей на репетиции была? — Люба сделала вид, что не знает о том, что Ритка оставалась в студии вместе с Морозовым.

— Да... — она ответила как-то нехотя, — Хотела кое-какие вопросы решить по своему альбому...

— И — что?

— Да ничего. А ты что, от Натальи?

— Да, — Люба ответила тоже без большой охоты, — а чего сюда приехала?

— А меня Журавлёвы сейчас домой подкинут. А ты, что, на троллике?

— А я — вон... — Люба кивнула головой на Егора, который сидел в своей машине, — Не знаю теперь, как его домой доставить.

— Пьяный, что ли?

— Угу. В ноль. Бросить не могу.

— Слушай... — Ритка, как бы примериваясь, окинула внедорожник взглядом, — А, давай, его сами отвезём!

— Как это — сами?

— Ну, я отвезу. У меня же права есть, я, кстати, хорошо вожу...

— Я не знаю... — Люба неопределённо пожала плечами, — А потом?

— А потом на такси домой... Давай? Я на такой машинке ещё ни разу не ездила за рулём...

— Слушай, машина не моя...

— Да ладно... Хозяин рядом, всё нормалёк. Спроси его, разрешит или нет.

— Ну, ладно... — Люба даже обрадовалась такому варианту — так можно было и Егора отправить домой, и припарковать его машину в своём, а не в чужом дворе, — А как же Журавлёвы? Они же тебя будут искать...

— А вон они идут... — Рита кивнула в сторону подъезда, — Иди, спрашивай своего, пока они не уехали...

Егор всё же ещё соображал, и на предложение Любы ответил согласием. Она даже удивилась этому, но он, видимо, был настроен романтически и с нетрезвой галантностью поцеловал Ритку в руку.

— Давно не катался с девчонками, — выйдя из машины, он с ходу обнял Ритку и Любу, — да ещё с такими красивыми... Не могу отказаться от такого удовольствия!..

— А ты точно хорошо водишь?.. — Люба с опаской смотрела, как Рита, усевшись на водительское место, уверенно поворачивает ключ в замке зажигания.

— Я вожу хорошо, — оглядевшись по сторонам, та сдала чуть назад, — мужа своего на работу возила три года подряд... Классная машинка...

— Классные девчонки!.. — Егор пьяно улыбался рядом с ней, — Поехали все ко мне!

...Они уже заворачивали на улицу, на которой жил Егор, когда инспектор ДПС неожиданно взмахнул жезлом.

— Мы что-то нарушили? — открыв боковое стекло, Ритка обаятельно улыбнулась.

— Ваши документы и документы на машину предъявите, пожалуйста, — назвав свою фамилию, молодой инспектор посмотрел на неё довольно серьёзно.

— А мы что-то нарушили? — повторяя свой вопрос, она повысила тон.

— Документы! — парень упрямо смотрел на неё, потом вдруг перевёл взгляд на

спящего Егора, — Из гостей возвращаетесь?

— Твоё какое дело?! — Ритка неожиданно выругалась нецензурно, — Ты чего нас, вообще, остановил?! Хочешь проблем?!

— По-моему, проблемы будут у вас, если вы сейчас не предъявите мне документы, — инспектор говорил, напротив, очень вежливо, — так что рекомендую не сопротивляться, а заодно пройти проверку на алкоголь.

— С какой стати?! — от Риткиного вызывающего тона Люба вжалась в заднее сиденье.

— С такой стати, что у меня есть подозрение, что вы пьяны...

Глава 26.

Закусив губу, Люба наклонилась и в полутьме попыталась взглянуть в лицо Егора — распластавшись, тот лежал на диване и казался спящим. Судя по закрытым глазам и ровному дыханию, так оно и было, и девушка в сомнении перевела взгляд на его ноги. Егор лежал одетым и в обуви — так, как она уложила его на диван, но, если джемпер и брюки её не смущали, то вот ботинки на чистом покрывале она стерпеть никак не смогла, несмотря на то, что покрывало было не её, а Егора.

— Ну, ты прямо как заботливая жена, — Наблюдая, как Люба аккуратно снимает ботинки с ног мужчины, Ритка ехидно усмехнулась, — и так бы поспал, ничего бы с ним не случилось.

— Покрывало жалко, — буркнув, Люба стремительно вышла в прихожую и поставила ботинки у входа.

Вернувшись, она ещё раз посмотрела на Егора и, открыв шкаф, привычно вытащила оттуда пушистый плед. Несмотря на их расставание, она не могла бросить его вот так, пьяного, и, укрыв, заботливо подогнула свесившийся край пледа.

Люба никак не могла взять в толк — ну, как же так она ошиблась, когда сама согласилась на то, чтобы Рита довезла Егора, заодно отогнав его машину к дому? Ну, зачем она сама ему это предложила?! Да, она не надеялась, что он согласится, но, пребывая в довольно сильном подпитии, он был совершенно не против продолжить вечер в обществе двух девушек... Может, так он надеялся заманить Любашу к себе домой? Ведь на все его предложения приехать к нему домой она отвечала отказом.

Хотя, вряд ли... Он был настолько пьян, что, кажется, не соображал совсем, а, усевшись на пассажирское сиденье рядом с Риткой, достал начатую бутылку коньяка и прилично отпил из неё, прямо из горлышка. Вот и при встрече с инспектором он сначала спал, а потом, проснувшись, долго не мог сообразить, что случилось, и Любаше пришлось помогать ему доставать документы из внутреннего кармана пальто.

Да, с документами было всё в порядке, и у Егора, и у Ритки — свои водительские права она достала из сумочки вместе с паспортом... Но с тестом на алкоголь получилась полная «засада»... И как она, Люба, не заметила?!

— Почему ты не сказала мне, что пила?.. — выключив ночник, Люба вместе с Ритой вышла на кухню, — И сама — зачем за руль села?!

— Да что я там пила? — та возмущённо усмехнулась, — Фужер белого сухого вина?! А потом кофе с «Шериданом»... но там буквально пара чайных ложек...

— А что, фужер вина это не алкоголь?! — Люба говорила громким шёпотом, — Вот что сейчас будет?! Машину забрали, права тоже заберут!

— Машину не забрали, — Ритка лениво обводила взглядом кухню, — машину просто на штрафстоянку поставили... А права... Может, откупится... Это моим правам теперь кранты,

а у него, может, всё схвачено у гайцев.

— И зачем я согласилась?! — Любаша страдальчески наморщила брови, — Лучше бы такси вызвала.

— Ты-то чего паришься? Прикинь, если бы он сам за руль снова сел? Что было бы? А так всё норм, ни аварии, ни пострадавших... Мне вот теперь новые проблемы и с правами, и с деньгами...

— Всё из-за меня... — Люба уселась за стол и положила перед собой локти, — Вот дура... Что я теперь ему скажу, когда проснётся...

— Да тебе-то что?! — Ритка непонимающе уставилась на подругу, — Вы же разбежались! Это его проблемы.

— Ну, и что, что разбежались, — Люба упрямо смотрела куда-то вперёд, — он знаешь, сколько мне хорошего сделал?

— Ну, сколько?!

— Много.

— Платье купил?.. — теперь усмешка получилась ироничной, — Или, может, банковский счёт открыл на твоё имя?

— Нет... тебе не понять. И пить ему совсем нельзя...

— Больной, что ли?

— У него с поджелудочной проблемы. Да он и не пьёт почти, редко... это сегодня что-то на него нашло... Ладно, поехали домой, — Люба поднялась из-за стола, — кстати, а что там за парни крутились с камерой? С телевидения, что ли?

— А, чёрт их знает, — Рита, напротив, не торопилась уходить и, подойдя к холодильнику, открыла дверцу, — Может, и с телевидения. Я так на этого инспектора орала, что не обратила внимания. Ничего интересного в холодильнике...

— А что ты хотела там увидеть? — Люба, нахмурившись, наблюдала за манипуляциями соседки, — Закрой!

— Боишься, что украду что-нибудь? — Ритка игриво посмотрела на Любашу, потом, захлопнув холодильник, ещё раз обвела кухню взглядом, — А, вообще, ничё живёт твой бывший. Квартирка хоть однокомнатная, но упакована нормально. Денежки, видимо, есть.

— У него не только денежки... у него ещё и жена законная есть, так что не облизывайся.

— А ты что, ревнуешь?..

— Нет. Так просто, предупредила.

Приехав домой, Люба приняла душ, потом сразу залезла в постель, но сон никак не шёл — события вчерашнего вечера и ночи никак не давали ей покоя. Теперь она ужасно переживала за Егора и жалела, что не осталась с ним до утра. Будь она одна, она никуда бы не ушла, а, дождалась бы, пока он проспится, чтобы всё объяснить. Люба чувствовала себя ужасно виноватой, и свой уход расценивала чуть ли не как побег. Она ни за что бы не ушла... если бы не Ритка. Оставаться вместе с ней в квартире Егора Любаше почему-то совершенно не хотелось. Несмотря на свою явную вину, Рита вела себя довольно вызывающе — она поскандалила с остановившим их машину инспектором ДПС, и потом, когда, после оформления всех нужных протоколов их всё же отпустили, на такси приехала вместе с Любой и Егором к нему домой, без конца тормозила его и была против, когда Люба решила уложить его спать. Уезжать одна Рита явно не собиралась, и Люба, нехотя, собралась домой

вместе с ней.

— Спишь? — неожиданно дверь отворилась, и Риткина голова показалась в проёме.

— Не-а... — из-за бессонницы Люба была даже рада визиту соседки и, привстав, села на постели, — Заходи.

— Слушай, я вот сейчас вспомнила... А, ведь, точно, это телевизионщики были. Ну, те два парня с камерой. Я ещё и на них оторвалась, кажется.

— Да ладно... — Люба махнула рукой, — Подумаешь.

— Да не «подумаешь»... Мне ведь тоже штраф выпишут... — Рита присела на край кровати, — Так бы можно было договориться... а теперь уже никак... Свидетели есть.

— Как договориться? О чём?..

— Ты что, маленькая? — Рита, действительно, смотрела на Любашу, как на маленького ребёнка, — Ну, как может договориться женщина с мужчиной, в смысле, с инспектором? Ну, не билет же ему на концерт «патрулей» бесплатно давать, тем более, что я с ними не пою на обыкновенных концертах.

— Да ну... — Люба с сомнением покачала головой, — По мне, так лучше — штраф...

— Ты что, дурочка?! — Ритка весело рассмеялась, — Штраф — это денежки! Их ещё как-то заработать надо... а тут — такой простой способ откупиться...

— Я бы не стала.

— Совсем дурочка. Несколько минут, и проблема решена. Кстати... так решаются многие проблемы.

— А с Морозовым?.. — Люба пытливо посмотрела на свою собеседницу, — С ним тоже так можно решить проблемы?..

— А чего ты про Морозова вдруг... — взгляд Ритки стал подозрительным, — Я ведь про него не говорила...

— Да так, почему-то на ум пришло... — Люба уже пожалела, что сболтнула про Диму, и теперь не знала, как выкрутиться, — Своё пришло... не подумай, что я о тебе.

— Своё?.. Интересно... И что у тебя за своё?..

— Да так, ничего... просто я бываю у них, вижу, как живут... Вот и стало интересно, на самом деле он такой верный, или нет...

— Верный? — теперь Рита смотрела с нескрываемым интересом, — А сама-то как думаешь?..

— Н-ну... думаю, что верный. Во всяком случае, ничего такого про него не слышала, наоборот...

— Верных мужей не бывает априори, это ты себе намотай на ус. Если верный, значит, умеет скрывать свои связи на стороне.

— Почему — не бывает? — Люба пожалала плечами, — Бывают же...

— Да говорю тебе — не бывает. Вообще в природе — не бывает.

— А твой муж?.. То есть, бывший муж, он, что, тоже тебе изменял?! — Люба изумлённо захлопала длинными ресницами.

— Да ещё как! — усмехнулась Рита, — При чём, совсем вскоре после свадьбы.

— Ничего себе... Любовницу завёл?..

— Постоянную — нет. Но в своей клинике сестричек трахал налево и направо.

— Всех?! — Любашины голубые глаза превратились в чайные блюдца.

— Ну, не всех... некоторых... Он так расслаблялся после тяжёлых трудовых будней, прикинь?!

— А ты откуда знаешь?..

— Сама видела, — Рита достала из кармана пачку сигарет и зажигалку, — я закурю?..

— Кури... — Люба удобнее устроилась на постели, подогнув под себя ноги, — А как ты увидела?.. Застала?..

— Угу... — затянувшись, Ритка кивнула головой, — Приехала к нему на дежурство, без предупреждения... Поздно уже было, часов одиннадцать ночи. В ординаторской нет, операций в это время — нет... И его нигде нет, и медсестры... Комната отдыха закрыта... Решила подождать, села в коридоре, а они выходят из этой самой комнаты — она волосы на ходу поправляет, он... в общем, все они кобели.

— И... что он тебе сказал?

— А ничего. Сказал, что, пока я на его иждивении, вопросов задавать не имею права.

— Так и сказал?..

— Угу. Правда, дал денег на фестиваль. Кстати, о фестивалях... — Ритка подняла на Любу свой карий взгляд, — Через месяц в Москву едем, на рок-фестиваль, с оперой. Ты в курсе?

— Да, — Люба задумчиво кивнула, — я в курсе, Дима без конца напоминает.

Вспомнив о Морозове, Люба невольно нахмурилась. Ей вдруг стало неловко за то, что вчера она пыталась предупредить Наташу о Риткиных намерениях насчёт её мужа... И то, как неуклюже она это сделала, и неожиданная реакция Натальи на её слова, и проведённая в обществе Ритки ночь — всё это перемешалось в её сознании в какую-то одну отвратительную массу, доставляющую жуткий дискомфорт и ощущение собственного двуличия... Но она ведь совершенно не хотела порочить Ритку — к этому её вынудили дружеские отношения с Морозовыми... а сегодняшняя ночь — всё произошло помимо её, Любашиной, воли... И как нужно было поступить правильно в этом случае — кто теперь знает?.. Наталья одёрнула её в довольно грубой форме, а Ритка... она в который уже раз вызывает у Любы чувство какого-то непонятного сострадания...

— Так, говоришь, у них дома всё шоколадно? — Голос Риты вывел Любашу из задумчивости, — У Морозовых?..

— Ну, да, нормально. Но я ведь только по поводу творчества с ними общаюсь. Репетировала твои партии, теперь вот ещё и Алёнины. Они хотят, чтобы я дублировала и её, и тебя.

— Алёну?.. Ну, в принципе... у неё тоже второе сопрано... А ты делаешь успехи... — Рита как-то странно окинула Любашу взглядом, — Может, сама там с Морозовым... потихоньку... а?..

— Ты что?! — Люба возмущённо вытаращила глаза, — Я вообще не по этой части... Ты-то сама как в его машине оказалась?

— А... — затушив сигарету в небольшой керамической пепельнице, которую она принесла с собой, Рита махнула рукой, — Это вообще прикол... Там же сегодня должна была состояться репетиция «патрулей», но не состоялась.

— Почему?

— У Журавлёва событие... Решил обмыть долгожданный залёт жены... Притащил вискаря, сухаря... в общем, там такая тусня потом началась, мама не горюй. Говоров... Мазур... шоу-балет — все в ноль...

— Да ты чё?! — у Любы от любопытства даже глаза загорелись, — А остальные?

— Трезвым был только Журавлёв, он вообще не пьёт, Морозов выпил немного, Антон

тоже... Но они почти сразу втроём куда-то ушли, вернулись, когда остальные отрывались уже по полной программе. Прикинь, Полинка твоя на столе канкан отплясывала.

— Так времени совсем немного прошло!.. Когда они успели так напиться?!

— А сама не знаю. Я-то тоже только бокал вина... Хотела с Димой поговорить, ждала... а там такое... В общем, не получилось разговора. Напросилась, чтобы они меня подвезли, приехали к ним во двор, Журавлёв пошёл за женой, а тут — ты со своим бывшим. И вся любовь...

— Понятно... — Люба озорно сверкнула глазами, — Завтра подколю Полинку, у нас вечером выступление.

— Хорошо тебе... — Ритка бросила ревнивый взгляд, — Хорошо, наверное, зарабатываешь сейчас?

— Ну, как... — Люба неопределённо пожала плечами, — Особо не разгуляешься, но скромно прожить можно. Хотя... ещё немного, и выйдет Вика.

— Может, и не выйдет. Всё же маленький ребёнок. А тут — гастроли за гастролями летом... Думаешь, Морозовы выполнят своё обещание насчёт неё?

— Не знаю... Они ей обещали.

— Вот как начнёт ребёнок болеть, так и накроются её гастроли. Они сами знают, что это такое.

— Наташа говорила, что они не хотят терять Таню с Викторией. Придумают что-то... А ты? Больше не нашла подработку?

— Нет, — усмехнувшись, Рита встала и прошла к дверям, — такую, чтобы бабло капало, не нашла, а за копейки сама не собираюсь... Буду жить очень экономно и ждать следующих гастролей.

— Тебе бы сольный проект, да?..

— Где бы ещё продюсера найти... Я и в «Голос» попала случайно... Морозову известных солисток не потянуть, вот и собрал таких, как я... не дорогих...

— Это воля случая... Даню... ну, Соловьёва... его же московская продюсерша на конкурсе заметила... Он даже в топ не вышел, а ей понравился... — невесело усмехнувшись, Люба опустила взгляд, — Она его сразу в Москву увезла...

— Ну, участвовала я в конкурсах, и что?.. — в ответ ей Ритка подбоченилась, — Диплом в рамочке, хрустальная статуэтка... И — всё! Приглашали в женские поп-группы, солисткой в дом культуры, но я сама не пошла.

— Почему?..

— Мелко... Уровень художественной самодеятельности, нужно где-то ещё на хлеб зарабатывать. Вот у Морозова — другое дело. Он сам и композитор, и исполнитель, и руководитель, и продюсер, и связи с масс-медиа у него есть... Известная личность. Но... у него всё творчество вокруг «патруля» и жены крутится. Нет бы, ещё парочку проектов запустить...

— Ну, да... — Люба нарочно кивнула, изображая согласие, — Например, с тобой... Да?

— Зря провоцируешь. Хотя... — чуть прищурившись, Рита высокомерно улыбнулась, — Я — красивая... диапазон широкий... тембр богатый... Музыкальное образование... Почему бы и нет?

— Хотя... он же тебя и так пригласил в «голос»... Разве не удача?

— Это с какой стороны посмотреть. Ты афишу видела? «Ночной патруль» и Наталья Морозова... Ключевые слова! Ключевые фигуры! Остальные — только фон, даже я со своей

второй по величине ролью.

— Что уж говорить про меня... — притворно вздохнув, Любаша скосила глаза на свою собеседницу, — Я — вообще задний план. Безликая и безымянная...

— Зато ты с ними лично знакома.

— Ну, и что... — Люба нахмурилась, — Думаешь, это что-то даёт? Ничего это не даёт.

— Ну, ладно... — видимо, устав от разговоров и событий, Рита взялась за дверную ручку, — Пойду, попробую уснуть. Подруга вечером пригласила на день рождения, нужно быть в форме... Кстати... — она неожиданно развернулась всем корпусом, — Всё хотела спросить... Ты как-то говорила, что есть такая трава, отворотная... Помнишь?

— Ну, помню, — кивнула Люба, — А что?

— Да так... Интересно просто, неужели действует?..

— Действует! Та, о которой я говорила — действует! А почему ты спрашиваешь?

— Просто так... — Ритка замялась, — Почему-то в голову пришло... ты же говорила, что у тебя она есть, это правда?

— Ну, да...

— А вот... если бы тебя попросили её продать?.. за сколько бы согласилась?

— Ни за сколько... — Любаша пожала плечами, — Она мне самой нужна.

— Если нужна, почему до сих пор не использовала?..

— Потому что этого человека здесь нет... Вернее, у меня нет его волос... А нужен волос.

— Ну, понятно... — деланно усмехнувшись, Ритка снова повернулась к двери, — Если честно, мне оно без надобности, да и в интернете полно всяких способов... Так просто, интересно стало.

— В интернете нельзя... — Люба отчаянно замотала головой, — Ни в коем случае!

— Это почему?..

— Потому, что нет гарантии, что это сработает. Можно себе навредить, так, что потом или сохнуть будешь, или, наоборот, разжиреешь, как корова! Нельзя!

— А твоя трава, говоришь, сработает?

— Моя — да... Её знающий человек собирал.

— Ну, понятно... — толкнув дверь от себя, Ритка шагнула в коридор, — Тогда спокойной ночи.

...Уснула Любаша около шести часов утра, но уже в восемь её разбудил звонок от Егора. Она со страхом нажала на клавишу ответа...

Оказывается, он всё помнит... И он её совершенно ни в чём не винит... Да, он сам дурак, что так напился, но он не мог справиться с собой, ведь их вчерашняя встреча его очень взволновала... Он скучает по ней... И ему плевать на всё: и на машину, и на предстоящее лишение водительских прав...

Люба слушала его, и непривычная волна жалости заполняла всё её существо. Она сама ещё толком не проснулась, но была всё же рада его звонку, в том плане, что ей не пришлось звонить ему самой. Ей хотелось поскорее закончить разговор, чтобы окончательно не расчувствоваться, и она, переборов себя, не стала спрашивать его о самочувствии.

Не успела она отключиться от Егора, как новый звонок поднял её с подушки.

На этот раз звонила Вера. Без обычных в таких случаях вступлений в виде вопросов с делами и здоровьем, сестра начала разговор довольно нервно.

— У нас опять кризис.

— Что стучилось, Вер? — Люба могла бы и не спрашивать, и так всё было ясно, как белый день.

— Повторяется старая история... — Вера на том конце всхлипнула, — Не прошло и года.

— Серёга?..

— Угу... Представляешь, всё было нормально!.. я уже почти успокоилась... А тут — телепередача!

— Какая телепередача? — Люба усиленно вспоминала все новости, связанные с морозовским творческим центром.

— Да про вашего Морозова! Ты что, не в курсе?

— Нет... Что за передача?

— Да откуда я знаю?! Я думала, ты в курсе...

— Я не в курсе.

— Ну, там было интервью с Морозовым, и он рассказывал про себя, про неё... и показали и её, и детей, и квартиру, всё, даже спальню...

— А!.. — Любаша вдруг поняла, о чём говорит Вера, — Это передача «Как живут звёзды», Наташа говорила, что к ним приезжала съёмочная бригада. И — что?

— А Шустов увидел. И — всё. Крышу снесло в очередной раз. Люба... — в трубке раздалось откровенное рыдание, — Я больше так не могу...

— Вер... ну, Вер... ну, успокойся... — Любаша не знала, что говорить, — Ну, перестань...

— Я разведусь... Люб, я разведусь!.. Я так больше не могу!..

Дальнейшие уговоры ни к чему не привели — на все слова Любы Вера отвечала только плачем и коротким «я разведусь».

— Вер... — после очередного потока слёз и бормотаний Люба попыталась перебить сестру, — Вера... послушай!.. Я тебе помогу!..

— Господи... Да чем ты мне поможешь?! Свекровь бы могла помочь, да отказывается!

— Вот она отказывается, а я помогу...

— Как?.. — плач сменился шмыганьем, — Как ты мне поможешь?..

— У меня есть отворотная трава... — Люба не знала, зачем она сейчас решилась рассказать об этом Вере, ведь ей самой всё ещё нужна помощь, но в глубине души она понимала, что по-другому поступить просто не сможет, — Вер, слышишь меня? У меня есть такая трава!

— Откуда?!

— Ольга Павловна дала...

— И ты молчала?! Ты... Ты знала, что у меня дома творится, и молчала?! Люба, какая ты после этого сестра?!

— Вер... послушай... Она дала её не для тебя... а мне. Понимаешь?..

— Тебе?..

— Да... Чтобы я забыла Даню. Мне было очень тяжело... Она меня пожалела. Я... я не сказала тебе... Ты меня прости...

— Ты могла бы поделиться!

— Не могла. Там на один отворот... И ты всё равно не смогла бы ничего сделать.

— Почему?!

— Нужен волос.

— Какой волос?..

— Волос того, кого нужно разлюбить. У тебя всё равно нет Наташиного волоса.

— А у тебя? — Вера усмехнулась, — У тебя есть волос твоего Дани?

— И у меня нет. Поэтому я и не смогла ничего сделать. Трава осталась... Я её тебе вышлю.

— А волос?.. У меня ведь нет её волоса...

— Я тебе достану её волос. Вышлю вместе с травой.

— Люба... — до Веры, кажется, впервые за весь разговор дошёл смысл сказанного Любашей, — Это правда?! Ты, правда, пришлешь?..

— Правда. Вер, я достану волос, и сразу же всё тебе вышлю.

— Господи... Сестрёнка... Не обманываешь?!

— Правда. Ты только не плачь.

Егор звонил ещё дважды, и Люба узнала, что он завтра с утра заберёт со штрафной стоянки свой автомобиль, потому, что сегодня ещё не стоит садиться за руль, и что он очень тронут её вниманием...

Полине Люба решила пока не звонить, решив, что подробности вчерашнего веселья узнает от неё вечером, при встрече на корпоративном банкете одного из предприятий, куда пригласили выступить Наталью Морозову. Целый день она думала о том, что правильно сделала, что решила отдать отворотную траву своей сестре, ведь ей, Любаше, уже немного легче, и она всё реже вспоминает Даниила, а вот у Веры — семья и маленькая дочка, и ей нужно спасать своё хрупкое счастье. Да и, в конце концов, хватит Наташке сводить с ума чужих мужей... Ей и так досталось любви выше крыши. Почти всё оставшееся до выступления время Люба мучительно думала, как ей добыть незаметно несколько волосков Морозовой, чтобы поскорее послать их вместе с травой сестре. В студию Наташа чаще всего приезжала с заплетёнными или уложенными в причёску волосами, и выдернуть хотя бы один из них казалось делом очень рискованным. Распускала же Наташа волосы обычно на концертах, но при всей видимой простоте мероприятия всё же нужно было приложить некоторую сноровку, чтобы либо отрезать, либо безболезненно выдернуть волос из её головы. Ближайший концерт должен был состояться уже сегодня, и Люба решила, что будет действовать по обстоятельствам.

Она уже начала собираться на выступление, когда услышала настойчивый звонок в дверь.

— Маргарита Райх здесь живёт? — высокий, худощавый, с окладистой бородкой, мужчина лет тридцати с небольшим, смотрел на неё сверху вниз, строго и даже зло.

— Здравствуйте... — от неожиданности Люба растерялась, — Кто?..

— Маргарита Райх, — нарочито выделяя слоги, выговорил мужчина.

— А... Рита... Да, здесь. Проходите...

Посторонившись, Люба закрыла за визитёром дверь и показала на дверь Риткиной комнаты:

— Вот здесь она живёт.

Больше не говоря ни слова, мужчина решительно шагнул по направлению к указанной двери, но та неожиданно отворилась — на пороге стояла Ритка.

— Ну, здравствуй, — с сарказмом в голосе сказал мужчина.

— И как ты меня нашёл?.. — Рита смотрела на него настороженно.

— А тебя сейчас любая собака может найти, — он снова шагнул к ней, так, что она невольно попятилась назад, — что, не ожидала?!

— А в чём дело? — последнее, что донеслось до Любы после того, как Ритка закрыла за собой и мужчиной дверь.

Подумав, что от такого визита можно ожидать всего, что угодно, она тихонько подошла к Риткиной комнате и прислушалась. Впрочем, это было излишним — гость говорил так громко и напористо, что его было хорошо слышно даже в кухне.

— Завтра же, слышишь?.. Завтра же ты идёшь в ЗАГС и меняешь мою фамилию поняла?!

— Это с какого перепугу? — судя по тону, Ритка явно изображала невозмутимость.

— Я не потерплю, чтобы ты и дальше позорила мою фамилию!

— Интересно, чем же я её... — договорить Рита не успела, собеседник её перебил.

— Ты позоришь её своим поведением! Ты что, не видела сегодняшние новости?!

— Нет! — она выкрикнула это в ответ, — Я новости не смотрю, в отличие от тебя! У меня своя, творческая, жизнь, в ней нет места новостям, понятно?! Мне нет дела до новостей, как и до тебя, впрочем!

— Зато новостям есть дело до тебя! Я, практически, новый руководитель клиники, в кругу своих коллег, вдруг вижу репортаж о том, как какая-то пьяная девка, которую называют Маргаритой Райх, матерится как сапожник, на инспектора ДПС! Пьяная, на чужой машине, с каким-то пьяным мужиком!..

— А это не твоё дело, понял?! Ты со мной развёлся, поэтому я могу жить, как хочу!

— Живи как хочешь, но не под моей фамилией! Я запрещаю тебе носить мою фамилию, понятно?!

— Пошёл ты... знаешь, куда?! Иди, ори в своей клинике, на своих проститутках медсестёр!..

— У тебя ещё язык поворачивается?!

— Поворачивается!.. Да если бы не мои родители, кем бы ты был?! Выбился в люди, да?!

— Ну, ты и тварь...

— А ты...

До Любаши донеслось ругательство, которым одарила Ритка своего бывшего супруга. Последовавший за этим грохот возвестил о том, что дело приняло более крутой оборот, чем словесная перепалка. Немного поколебавшись, Любаша решительно толкнула ногой дверь в комнату соседки...

Ритку она застала в слезах, лежащую на кровати — видимо, мужчина с силой бросил её туда. Любаша уже было собралась выразить своё возмущение, но в этот момент оскорблённая Рита неожиданно вскочила и, схватив со стола пустую вазочку, с силой запустила её в мужчину. Успев увернуться, тот снова шагнул к ней, замахнувшись для пощёчины, но повисшая у него на руке Люба помешала его намерениям.

— Что вы делаете?! — она отважно барахталась, скользя по полу подошвами тапочек и не в силах справиться с его рукой, которую он и не думал опускать, — Вы чего дерётесь?!

— А, ещё одна героиня скандала... — он внимательнее пригляделся к Любаше, — Правда, без слов...

— Уходите!.. — Люба, наконец-то оторвалась от его руки, — Я сейчас полицию вызову!..

После ухода неожиданного гостя наступила тишина. Выйдя на кухню, Ритка нервно курила и Люба, решив, что десять минут ничего не решат, уселась напротив неё на табурет.

— Он тебя и раньше бил? — разглядывая пунцовую щеку подруги, она сочувственно нахмурила брови.

— Да ничем не лучше твоего... — та нервно усмехнулась, потом, выпустив в открытую фрамугу струйку дыма, обернулась к Любаше, — Всё они одинаковые.

— Если ты про Егора, то он меня не бил.

— Да ладно... А то мы не видели...

— Правда. Это случайно вышло. А спину я сама себе разбила.

— Угу. Мы все случайно... А они — святые.

— Я почему-то сразу догадалась, что это твой муж.

— Сука... Интересно, как он меня нашёл?.. Хотя, скорее всего, в полицию обратился, там же всё записано. И нафига я этот адрес сказала?

— А ты родителям про него расскажи. Пусть знают, какой он.

— Да они и слушать меня не будут, — Рита махнула рукой, — они же мне простить не могут, что он меня бросил. Нормально, да?..

— Знаешь, у меня мать тоже с прибабахом, но всё же не до такой степени... — Любаша покачала головой, представив себе Тамару Васильевну.

— Да они его боготворили... понимаешь, отец — он заведующий отделением, и Борьку с первого дня опекал... Он у него как лучший ученик был. Везде хвалил, везде продвигал, рекомендации давал самые лучшие... Я так думаю, что Боря на мне женился именно из-за моего отца. А, уж, когда сам в гору пошёл, тут я ему уже и нафик не нужна стала... Просто тупо нашёл причину для развода, и всё... А недавно бывший заведующий клиникой умер, так все прочили на его место моего отца... А поставили — Борю! Хотя все были возмущены... И Боря не отказался!.. Переступил через всё папочкино добро, и не споткнулся...

— Не переживай... — Любаше уже в который раз стало ужасно жаль Ритку — оказывается, та такая несчастная...

И чего она, действительно, на неё взъелась?.. Ну, и что, что заносчивая... Да это она нарочно! Вон как сегодня превратилась — из заносчивой в слабую и напуганную... Это всё напускное... Не повезло ей в жизни... Родители слишком строгие, замуж выдали без любви... Она-то, Люба, хоть по любви со своим Даней! Не так обидно, да есть, что вспомнить... пусть, и кончилось всё так трагично. А вот ей, Ритке, и вспомнить-то, наверное, нечего!

И зря она Морозовой намекнула. Ох, зря!.. Не её это, не Любино дело! Пусть сама, как хочет, так своё счастье и стережёт. У неё этого счастья — видимо-невидимо... Вот пусть и думает сама.

Добравшись, наконец, до ресторана, в котором должен был проходить корпоративный банкет, Люба вместе со всеми устроилась в раздевалке, гадая, с какой причёской появится Наталья. Вопреки её ожиданиям, та появилась с уложенными на затылке в красивую причёску волосами, так, что незаметно выдернуть один из них представлялось совершенно невозможным. Люба с сожалением весь концерт смотрела на затылок Морозовой, ловя себя на мысли, что в глубине души даже радуется её едва заметной хромоте, которая окончательно не исчезла даже по прошествии двух недель. Наташа ещё не танцевала, но уже свободно передвигалась по сцене.

Решив, что ждать подходящего случая придётся слишком долго, после окончания концерта Люба догнала Морозову в коридоре, уже у служебного выхода — та собиралась покинуть ресторан.

— Наташа, подожди!.. — Люба отчаянно придумывала на ходу причину обратиться к Морозовой.

— Да? — обернувшись, та приветливо улыбнулась, — Что, Любаша?

— У тебя сзади причёска съехала... — соврала Люба, — Дай, поправлю...

— Да ладно, — Наталья машинально потрогала волосы на затылке, — всё равно мы уже домой...

— Нет-нет! — почти выкрикнула Люба, — Повернись!..

— Ну, ладно... — та повернулась спиной, — В этот раз, надеюсь, на выходе нет фанатов... так что, можешь вообще заколку вынуть. Я сразу к Диме в машину сяду, он уже ждёт...

— Ага... — обрадовавшись такому обороту, Люба расстегнула заколку, которой были схвачены Наташины волосы — почувствовав свободу, вся белокурая копна мягко упала ей на спину, так, что Люба, сделав вид, что поправляет пряди, нащупала волосок и отчаянно дёрнула...

— Ой!.. — Наташа снова схватилась рукой за голову, — Зацепились, да?

— Нет!.. — зажав длиннющий волос в левой ладони, правой Люба пригладила её причёску, — Это я нечаянно... Прости!

— Да ладно! Спасибо, Любочка! — чуть приобняв, Морозова слегка прижалась губами к Любашиной щеке и, отстранившись, тут же попыталась стереть с неё помаду, — Запачкала тебя...

От предложения подвезти Люба отказалась — ей подумалось, что судьба опять поставила её в двоякое положение — с одной стороны, она совершила некое действие, пусть и не во вред самой Наталье, но всё же связанное с ней самой, и, с другой стороны, Наталья предложила ей помощь... она предложила подвезти Любу домой... вот уже в который раз...

Но в этот раз Люба помощь не приняла.

Попрощавшись с Морозовыми, она уже шла к стоянке такси, как увидела Егора — судя по всему, он издали наблюдал за ней и, как только Морозовы отъехали, двинулся ей навстречу.

От его предложения подвезти Любаша уже не отказалась и, усевшись в машину, привычно пристегнула ремень безопасности.

— Хотел завтра машину забрать, потом подумал, что нужно тебя встретить...

— Откуда ты узнал, где я буду выступать?

— Это тайна. Можно, я пока не буду её раскрывать?

— А как со вчерашним? — Люба решила не настаивать на раскрытии «тайны», подумав, что при желании её передвижения можно отследить с помощью новостного портала «Культурный город» — там в подробностях были расписаны концертные программы многих исполнителей, в том числе и Натальи.

— Да всё нормально, — Егор завёл машину и на несколько минут оставил двигатель на холостых оборотах, — уже всё заплатил и уладил.

— Много?.. — в ожидании ответа Любаша замерла.

— Нормально, — повторил Егор, — и вообще... Это неважно.

— Интересно, сколько Ритке насчитают?..

— Может, ко мне?.. — он неожиданно переменял тему разговора.

— Нет, Егор, — Люба исподлобья смотрела в лобовое стекло — ночные фонари опоясывали широкий проспект, так, что он был похож на сказочную дорогу, — мне нужно домой.

— Ну, тогда — к тебе... — уверенно кивнув, он нажал на газ сильнее.

— Только до подъезда.

— Я хочу увидеть, где ты живёшь.

— Ты увидишь подъезд.

— Тогда — ко мне... — он невозмутимо перестроился в левый ряд и встал у перекрёстка.

— Нет! Меня ждут, понимаешь?!

— Кто?

— Человек. И этому человеку очень плохо. Я должна быть с ней.

— Значит, это всё же — она!

— Это Рита... У неё огромные неприятности... а ещё вчерашнее... Я не могу её бросить.

— Тогда едем вместе.

...Как она ни старалась, но не пустить его в свой подъезд так и не смогла. Поднявшись вместе с ней на шестой этаж, Егор упрямо переступил порог квартиры.

— Нам нельзя водить сюда мужчин, — глядя, как он снимает туфли, Люба решительно загородила вход в свою комнату.

— Утром мне в командировку, поэтому нужно выспаться. Ко мне ты не поехала... А дорога назад займёт минут сорок. Драгоценное время для отдыха.

— У меня нет лишней кровати.

— Почему — нет?.. — Рита неожиданно появилась в дверях своей комнаты, — Егор может переночевать у меня...

— А ты?.. — Люба удивлённо перевела на неё взгляд.

— А мне всё равно не спится... Могу на кухне посидеть в интернете. А могу составить компанию в ночной прогулке по городу...

— Столько интересных предложений... — Егор весело развёл руками, — Даже не знаю, на которое согласиться!

— А ты подумай, я не тороплю...

— Ты ходила на день рождения? — Люба попыталась завладеть Риткиным вниманием.

— Нет... — та не спускала с Егора своих карих глаз.

— Почему?

— Передумала. Дома намного интереснее...

— Ладно... — приоткрыв свою дверь, Любаша демонстративно сделала шаг назад, — Раз так... то всем спокойной ночи!

Оставшись в своей комнате одна, она чутко прислушивалась к тому, что происходило на кухне, стараясь по долетающим звукам догадаться, что делают Егор и Ритка, оставшись вдвоём.

Любаша не хотела признаваться самой себе, но это было очевидным — она практически не сопротивлялась этому визиту Егора, ну, разве что для виду, и, будь на его месте кто другой, она не пустила бы его на порог... Но с Егором всё было по-другому. Нет, она совсем не страдала в его отсутствие, но, в то же самое время, её почему-то задевало уединение

Егора и Ритки, на которое она сама же и согласилась, добровольно оставив их одних.

Она уже улеглась в постель, но то и дело ворочалась, так, что, в конце концов, всё же встала и включила свет. Вспомнив, что упакованные в полиэтиленовый пакет волосы Натальи остались в прихожей, в сумочке, Люба вдруг почувствовала непреодолимое желание пойти и забрать их сюда, в свою комнату.

Она уже вышла и хотела ступить в прихожую, но неожиданно повернула в сторону кухни.

— Пошли... — увидев сидящих за столом Егора и Риту, Люба хотела сказать совсем другие слова, но вышло одно-единственное.

— Пошли... — он тут же с готовностью поднялся и шагнул ей навстречу.

— Ложись к стенке, — в комнате, откинув одеяло, Люба сердито кивнула на постель, — и спи! Просто спи, и всё, понял?

— Понял... — улыбнувшись, он расстегнул пуговицу на рубашке, — Отворачиваюсь, и сплю...

— Будешь приставать — окажешься на полу.

— Я понял, — всё так же улыбаясь, он принялся за джинсы, — приставать не буду.

— Молодец.

— А можно последнее желание?.. — моментально раздевшись, Егор уже лежал возле стенки.

— Какое? — присев скраю, Люба повернула к нему голову.

— Будильник поставь?..

Глава 27.

Весеннее солнце насквозь прошивало плотно сдвинутые лёгкие портьеры, образуя на противоположной окну стене светлое размытое пятно. Открыв глаза, Люба долго не могла сообразить, сколько времени, и, только посмотрев на дисплей телефона, поняла, что полдень наступит уже через четверть часа.

Торопиться было некуда, и она ещё какое-то время лежала, свернувшись клубочком в тёплой постели. Проспать до полудня было немудрено... Несмотря на то, что она сама поставила условие Егору «не приставать», уже ложась к нему в постель, она в глубине души знала, что и не подумает сопротивляться, если он не выполнит своё обещание. Вот уже в который раз за эти дни ей ужасно захотелось ощутить мужские объятия... Что ни говори, но, живя с Егором, она не могла пожаловаться на отсутствие мужского внимания и ласки, и теперь, по прошествии какого-то времени, ей снова захотелось почувствовать себя желанной и любимой... пусть даже Егором.

Он же, напротив, не спешил нарушать данное слово, и лежал спокойно, закрыв глаза. Любаша чувствовала тепло, исходящее от его тела, совершенно не чужого, и желание прижаться к нему было таким сильным, что она не выдержала первой... Казалось, он только и ждал этого, и, когда она повернулась, тут же обхватил её руками и прижал к себе...

«Ты вернёшься?..» — отдышавшись, он прошептал куда-то ей в шею.

«А зачем?»

«Ну, как зачем?.. Ко мне...»

«В качестве кого?» — в ожидании ответа на этот вопрос Любаша даже затаила дыхание.

«В качестве моей женщины».

«Знаешь... — она вдруг резко села в постели, прикрывая одеялом обнажённую грудь, — В качестве твоей женщины мне и здесь неплохо. Тем более, что я не собиралась быть ни

твоей женщиной, ни женой».

«А я подумал... — он провёл рукой по её плечу, — Я сдуру подумал, что ты согласна снова быть моей женщиной...»

«Там, у тебя дома, я не могла придумать себе название, статус... То ли горничная... То ли сожительница... А вот теперь, здесь, всё встало на свои места... Здесь я знаю, кто я для тебя...»

«И кто же?»

«Любовница... — Любаша почему-то заморгала, часто-часто, — Знаешь, я ведь не изменила тебе ни разу, даже за это время, правда... Я не знаю, почему... Я могла бы завести себе парня, но не завела...»

«Почему ты ушла?» — теперь она почувствовала его руку у себя на щеке.

«А что я должна была сделать? Ты поставил мне условие... Но ничего не предложил взамен, ничего не объяснил...»

«Я и сейчас не могу тебе ничего предложить... кроме совместного проживания. И, всё же...»

«Мне ничего от тебя не нужно, — она резким движением оттолкнула его руку, — и вообще, спать пора. Будильник я завела».

«Есть одно обстоятельство... — неожиданно он тоже сел в постели, обхватив руками колени, — правда, оно ничего не даёт в материальном плане... поэтому я не говорил тебе ничего раньше...»

«Какое обстоятельство?» — Любаша невольно замерла.

«Люблю я тебя, Люба. Сильно люблю... И никуда не могу от этого деться. Да и не хочу...»

«Раньше ты не говорил...»

«Мужчина в моём возрасте должен не говорить, а делать. А я ничего не мог тебе дать...»

«Не мог дать?! — неожиданно для самой себя Любаша повернулась к нему всем корпусом, — А ты мог меня спросить, что мне важнее — что-то получить от тебя, или услышать?! Ты ведь хотел просто сожительницу — я и была твоей сожительницей! Но ты сам этого хотел... Сам!»

«Наверное, ты права... — его рука снова потянулась к ней, — Любаша... Ну, прости меня... Плохо мне без тебя, понимаешь? Люблю я тебя... люблю...»

«Зато я тебя не люблю...»

Они так ни до чего и не договорились. Люба не понимала, что с ней происходит... Обида на Егора накатила так внезапно, что она даже не могла сообразить, что послужило причиной — то, что он так поздно признался ей в любви, или то, что он снова ей ничего не объяснил о своих отношениях с бывшей женой, или ещё что, но, так или иначе, она чувствовала непреодолимое желание разрыдаться прямо здесь, в постели, во весь голос, а, ещё лучше — размахнуться подушкой и со всей силы обрушить её на голову Егора...

Кое-как успокоившись, она отвернулась и сделала вид, что уснула, но так и лежала до тех пор, пока не прозвонил будильник. Егора в командировку она всё же проводила; напоив чаем на кухне и закрыв за ним дверь, снова легла в постель и уснула, на этот раз крепко и надолго.

Вспоминая сейчас события сегодняшней ночи, Люба не переставала удивляться самой себе... Что произошло с ней, от чего случилась эта явная истерика?.. Нет, она совсем не

любит его... Она даже не вспоминала о нём всё это время, пока жила одна... Почему же тогда так защемило сердце, когда вчера вечером Егор и Ритка вдвоём остались на кухне? Что это — ревность?! Нет, не может быть... Это просто каприз. Да, она рада была снова увидеть Егора... С самой их первой встречи она не воспринимала его как чужого человека, и два месяца совместной жизни только укрепили её отношение к нему. Да, он именно — не чужой... Но ведь и не любимый...

Ерунда это всё. И то, что было сегодня ночью — тоже ерунда. В конце концов, она — взрослая девушка, и ей хочется мужской ласки... Егор — замечательный любовник, если уж на то пошло, Даня ему и в подмётки не годится. В отличие от него, Егор думает не только о себе... он ласковый, внимательный... Зачем встречаться с кем попало ради секса, если есть знакомый, почти родной, мужчина?..

Да, она не против, если Егор останется её любовником... Так даже интереснее, романтичнее... Вопрос — захочет ли он быть лишь любовником время от времени?..

Впрочем, это неважно... Не захочет — потеря будет отнюдь не велика. Вон сколько вокруг мужчин... Она ведёт себя слишком закрепощённо, вот они и не падают к её ногам... Нужно быть свободнее. Да, так и есть... Нужно быть свободнее, и она не останется одна. Свет не сошёлся клином ни на Данииле, ни на Егоре...

— Ну, как ночь прошла? — Ритка встретила Любашу на кухне многозначительной улыбкой.

— Нормально, — буркнув в ответ, Люба сразу отвела глаза, — у нас что, кофе закончился?

— Угу, — перевернув пустую банку из-под «Якобса», Рита демонстративно постучала ею по столу, — последний вчера с твоим выпили ночью.

— Ясно, — потянувшись, Любаша открыла навесной шкафчик, — придётся чай пить.

— А лихо ты его в постель уложила... Испугалась, что я воспользуюсь? — ироничная улыбка не сходила с Риткиных красивых губ, — Он даже глотка не успел выпить...

— Два часа сидел... мог бы и выпить.

— О... да мы время засекали?..

— Больно надо. Просто ему утром в командировку, выспаться надо было. Он только поэтому и остался, чтобы домой не тащиться.

— Угу... Слышала я, как вы спали... Диван ходуном ходил.

— Ты в студию сегодня едешь? — ей надоели Риткины недвусмысленные намёки, и Люба решила переменить тему.

— Угу, — уже в который раз кивнула соседка, — у меня сегодня репетиция.

— Что за репетиция?

— Так, кое-какой репертуарчик себе подобрала. У одного знакомого скоро юбилей, просил спеть.

— Заплатит?

— Обещал... Но он такой жмот, что на много рассчитывать не приходится. Кстати... А твой тебя назад не зовёт?

— А что? — Люба впервые за утро подняла взгляд на Ритку.

— Да просто... Ничего мужичок... Я вчера вблизи посмотрела, очень даже ничего... Думала, за тот случай с ДПСниками на меня наедет, а он — ничего... Даже не вспомнил.

— Ну, и о чём вы разговаривали? — Любаше плохо удался безразличный тон, — Я думала, разбирались, кто виноват...

— Да ни о чём. Так, мелочи какие-то...

— Какие?

— О... да ты никак ревнуешь?! — Ритка неожиданно громко расхохоталась, — Если ревнуешь, чего жить к нему не возвращаешься?

— Не твоё дело. И не ревную я. Говорю же, ему рано вставать нужно было.

— Слушай, а как он в командировку-то поехал? Ни вещей, ни сумки...

— За ним машина служебная заехала. Завезли домой...

— А его авто где? — Рита подошла к окну и удивлённо выглянула во двор, — Здесь, что ли, оставил?

— Да, здесь. Он послезавтра уже вернётся, заберёт. Ключи вот оставил на всякий случай.

— Интересно, его лишат прав, или откупится?..

— Говорит, лишат. Если бы не телерепортаж, мог бы откупиться, а так... Весь город видел.

— Да уж... — Рита нахмурилась, вспомнив недавние события, — Нарисовались, называется. Мне теперь тоже лишение светит... Про штраф вообще молчу... Финансовая катастрофа.

— Может, тебе работу поискать?

— У меня другие планы... — Ритка внезапно снова ухмыльнулась, — Вот возьму, и уведу твоего Егорушку...

— Уводи... — Люба снова попыталась принять безразличный вид, — Тем более, он не мой.

— Не боишься?..

— Нет.

— Да ладно... Я пошутила. Да и он на тебя запал... Ну, если только его твоей травкой отворотной напоить.

— Травка мне для других целей нужна.

— А, если кто-нибудь попросит продать за хорошие деньги? Что, не продашь?..

— Я её сестре обещала.

— А если за очень большие деньги?..

— Ни за какие. Мне сестра дороже.

Чтобы прекратить надоевший разговор, Люба вскоре оделась и вышла из квартиры. День выдался солнечным, почти летним, и она не торопясь прогулялась до ближайшего супермаркета. Купив кофе и кое-что из продуктов, так же, не торопясь, вернулась домой.

Егор звонил несколько раз с дороги, и, разговаривая с ним, Люба не могла отделаться от мысли, что после Риткиных откровений и намёков она всё утро ждала этих его звонков...

— Тебе Морозова ничего про меня не говорила? — приводя себя в порядок перед выходом из дома, Рита посмотрела на Любашу через зеркало в прихожей.

— Нет... — та осторожно взглянула на соседку, — А что она должна сказать?

— Ну, не знаю... Может, претензии какие...

— С чего бы...

Люба догадывалась, что имела в виду Ритка, спрашивая о Наталье. С того дня, как она попыталась предупредить Морозову насчёт Риткиных попыток завладеть вниманием Дмитрия, прошло около трёх недель, и, хотя Наташа не стала слушать студийные сплетни,

Любаша всё же внимательно следила на репетициях за отношениями супругов — а вдруг?..

Несмотря на все опасения, отношения оставались прежними, и между Морозовыми, и между Натальей и Риткой, но, видимо, что-то укрылось от её внимания, раз соседка задала сегодня этот вопрос...

— Да какая-то она странная в последнее время... — подкрасив красивые губы, Рита несколько раз сомкнула их и разомкнула, распределяя помаду, — Вроде ничего особенного, но я чувствую, что что-то не то.

— Что именно? — затаив дыхание, Любаша закусил губу.

— Она никогда не заходила в аппаратную, когда я на записи, а вчера прямо несколько раз подряд зашла... Хотя самого Морозова там не было.

— Ну, и что, — Люба с облегчением пожала плечами, — она такая же хозяйка центра, как и Дима, и может заходить куда угодно. Это всё?

— Не всё.

— Что ещё?..

— Я снова просила Диму написать для меня песню. И он снова не согласился. Сказал, что очень занят...

— Ну, и что, он, действительно, занят. Они новый альбом с патрулями записывают.

— Да ладно... Она сама сколько раз говорила, что им с Димой песню написать — пара часов.

— Ты думаешь...

— Да конечно, она ему запретила, как пить дать! — поправив причёску, Рита подошла к вешалке и сняла с неё лёгкую ветровку, — Потому, что, когда я с ним разговаривала насчёт песни, она как раз вошла в студию, и всё слышала. Он сказал, что подумает, а через час подошёл и сказал, что не сможет.

— Может, он не хочет бесплатно?..

— А я не бесплатно.

— Ты что, нашла деньги на следующую песню?

— Пока нет... — Ритка загадочно улыбнулась, — Но, разве песни пишутся только за деньги?

— Ты думаешь, Морозов будет размениваться на постель? — не выдержав, Люба откровенно рассмеялась, — Был бы он свободным, я бы ещё поняла... Но вряд ли ему не хватает секса...

— Дура ты... — Рита обиженно усмехнулась, — Жена — это как ежедневная обязанность. Любому мужику хочется чего-нибудь свеженького... Главное, его подловить в нужный момент.

— Глядя, какой муж и какая жена...

— Да какая разница?! Она — не особенная. Я сама была замужем, и знаю, что говорю.

— Я тоже жила с Егором... Но его отношение ко мне...

— Да что ты там с ним жила?! — Ритка не дала Любе договорить, — Месяц?!

— Два месяца.

— Да какая разница?! Это слишком мало, понимаешь?! А вот когда счёт идёт уже на годы, тут другая история начинается. И Морозов — не исключение.

— Ну, не знаю... — пожав плечами, Любаша прислонилась к дверной притолоке, — Только ты не бойшься, что, если не получится, он тебя пойдёт из мюзикла? Зачем ему проблемы с женой?

— Ну, во-первых, пока меня переть не за что... — Рита задумчиво опустила глаза, — А, во-вторых... Во-вторых, меня уже зацепила эта ситуация...

— В смысле?

— Теперь для меня уже это дело принципа. И не только.

— Что-то ещё?

— Да... — Ритка замаялась, как бы раздумывая, говорить или нет, — Дело в том, что Говоров сделал мне две аранжировки...

— Саша?! — услышав имя барабанщика «Ночного патруля», Любаша вытаращила на соседку свои голубые глаза, — Когда вы успели-то?! И что за песни?

— Да песни мои... — Ритка махнула рукой, — Старые... Я их давно уже написала. А делал он дома, чтобы не через студию...

— Понятно... А деньги?.. Я слышала, что он дорого берёт...

— Вот с деньгами — засада. Мы договорились, что я рассчитаюсь в течение месяца. Две недели прошло...

— А что потом? Где ты деньги возьмёшь?

— Я нашла, у кого занять... Надолго. Но вот чем отдавать... Если бы попасть в какое-нибудь клубное шоу...

— На бэк?.. — усмехнувшись, Любаша внимательно посмотрела на Риту, — Ты дай объяву...

— Нафик мне объява? Если и работать, то только с Морозовым. У него всё схвачено, и заработок твёрдый.

— У него всё с Натальей схвачено. Тебе-то ничего не светит. А бэки у них уже есть.

— Сегодня есть, завтра — нет... Ладно, — неожиданно Рита переменила тон, — я тебе ничего не говорила, ты ничего не слышала...

— За меня не переживай... только вот...

— Что-то только?

— Ну, вот насчёт клубного шоу... Даже если что и выгорит, думаешь, ты так быстро что-то заработаешь? Не лучше что-нибудь другое придумать? Ещё где-нибудь на бэк встать?

— Это ты что-нибудь другое придумывай... — Ритка снова усмехнулась, — А я сама знаю, что мне делать. Блин... и чего Дима с мюзиклом не суетится?! Всего раз в месяц гастроли...

— Летом чаще будет, ты что, не знаешь? На всё лето расписано...

— А до лета?.. Мне сейчас деньги нужны.

— До лета совсем недолго осталось.

— Это как посмотреть. Мне за лето надо на диск заработать... Или...

— Или — что?

— Или обеспечить бесплатную запись. Мне вчера опять Боря звонил... Угрожал, что, если я не сменю фамилию, то сильно пожалею.

— А родители?

— Родители на его стороне. Сказали, чтобы не показывалась на глаза, пока не выйду снова замуж за хорошего человека...

— Так, может, и правда, лучше — замуж?..

— За кого?.. — Рита иронично ухмыльнулась уголком рта, — Чтобы найти выгодную партию, нужно как минимум где-нибудь светиться. А где я свечусь, кроме мюзикла? Мне хотя бы сольную программу с гастролями и корпоративами, может, и запал бы какой-нибудь

богатенький Буратино...

— У Морозова есть ивент-агентство... Ты не пробовала там зарегистрироваться?

— Пробовала. Один раз пригласили на какую-то презентацию за полторы тысячи спеть поздравлялку, и всё... Меня же никто не знает... Только в мюзикле и свечусь, но это же не часто. Мне теперь только самой как-то пробиваться, любыми средствами. Диск к осени записать — кровь из носу... А ещё лучше — снять несколько клипов.

— Слушай... — Люба недоверчиво посмотрела на соседку, — ты думаешь, что Дима из-за постели будет тебе бесплатно записывать диск?! Ты серьёзно так думаешь?!

— Дура ты, Любка... Если уж у нас дойдёт до постели... То запись диска будет такой мелочью, что можно о ней будет не думать вообще.

— Ты так уверена...

— Я в одном уверена, — Ритка решительно взялась за ручку двери, — а ты в одном права... Морозов — парень серьёзный, и, если что-то с ним получится, то это будет не простая интрижка, а что-то более существенное.

— Думаешь, до тебя не было желающих?..

— Меня это не волнует. Желających всегда бывает много, а получается у единиц. Так почему не у меня?

На вечернее выступление на очередном юбилее Любаша ехала в некотором смятении. Утренний разговор с Риткой не шёл у неё из головы. Судя по всему, финансовые проблемы поджали красивую кареглазую соседку настолько, что та даже не скрывала перед Любой своих намерений насчёт связи с Морозовым. Люба никак не могла понять, почему Ритка не хочет найти элементарно работу, чтобы иметь приличные средства к существованию, а предпочитает строить авантюрные планы. Сама бы она никогда не смогла так... даже с Егором... Она снова и снова отвечала отказом на его предложения вернуться к нему. После проведённой вместе ночи он звонил ей каждый день, а, приехав из командировки, как и прежде встречал её с выступлениями в надежде, что она всё же примет его предложение...

Предложение она не принимала, но в душе была рада тому, что Ритка больше не намекает на свой интерес к Егору, полностью переключившись на Морозова.

Люба с непривычной тоской вспоминала уютную квартиру Егора, комфортная жизнь в которой устраивала её намного больше, чем теперешняя, в съёмной комнате. В глубине души она ловила себя на мысли, что, пожалуй, вернулась бы к нему... но... свобода, которую она получила, уйдя от него, перевешивала все чаши весов.

Егор приглашал её к себе — просто в гости, но Люба не соглашалась, на подсознательном уровне понимая, что, снова оказавшись в его доме, сможет не выдержать и остаться...

Она всё реже вспоминала Даниила. Она забывала о нём — на несколько дней... на недели...

Она вообще о многом теперь забывала, полностью погрузившись в артистическую жизнь. Она даже забыла о своём обещании, данном сестре относительно отворотной травы — Вера сама напоминала ей время от времени, но, обещая снова и снова, Люба так и не удосужилась отправить бандероль. Наконец, после очередного звонка, она торжественно пообещала обиженной сестре, что завтра обязательно зайдёт на почту...

— Люба, а ты всё ещё общаешься с Даниилом Соловьёвым? Ну, с которым ты приезжала к нам в декабре? — после выступления Наталья догнала Любашу возле служебного входа.

— Нет... — услышав это имя, Люба почувствовала, как внутри всё похолодело.

— А, понятно... — кивнув, Наташа слегка улыбнулась, — Просто вчера Дима разговаривал со своим знакомым продюсером из Москвы, так тот упомянул некоего Соловьёва, он якобы из нашего городка... Говорит, практически новая звезда российской эстрады. Весь интернет в его роликах, на радио крутят, хит сезона — песня «Забудь»... Ты не слышала?

— Нет... Я радио не слушаю...

— Вот и мы с Димой не слушаем, — рассмеялась Наталья, — совсем не следим за новинками современного шоу-бизнеса, по уши в своём творчестве. А надо бы послушать... Я так думаю, это же твой знакомый, тот самый?

— Да... Это он. Его после конкурса увезла к себе Алла Сафонова... — Любаша говорила каким-то загробным голосом, так, что Наташа остановилась и удивлённо посмотрела ей в лицо, — Я не думала, что он взлетит так быстро...

— Это сейчас не проблема... Тем более, таким акулам, как Сафонова...

— А вы что, не знали?.. — Люба подняла на собеседницу взгляд, — Он же пел дуэтом с Ильёй Градовым. Дуэт «Даниэль»... Они даже в топ тогда не вышли, но Сафонова пригласила Даню к себе...

— Не знали, ведь Дима не судил финал. Я уговорила его отказаться, у нас тогда было столько дел, репетиции, съёмки клипов... Дима тогда второй этап еле отсудил, весь вымотался... Какой уж тут финал? Поэтому мы не в курсе... А то, что так быстро — ничего удивительного. Она вложила в него деньги, поэтому торопится с раскруткой. Это же шоу-бизнес. Ключевое слово — бизнес. Но я рада, что наш с тобой городок прославился! Кстати, Димин друг звонил как раз по поводу... На одном из музканалов начинаются съёмки фильма «Как стать звездой», о том, как пробиваются таланты из провинций. Один из сюжетов будет как раз об этом Соловьёве и обо мне, так как мы из одного города...

— Здорово... — Любаша, отнюдь, не излучала радость, — Поздравляю...

— Подожди, не поздравляй, — снова рассмеялась Наташа, — обо мне там упомянут лишь вскользь... Основное внимание будет приковано как раз к Соловьёву, но!.. Этот знакомый продюсер позвонил Диме нарочно... Он хочет снять нас вместе, ну, как будто мы случайно встретились в Москве...

— Вы поедете в Москву?

— Специально — нет. Но у нас через неделю рок-фестиваль в Подмосковье, забыла?

— Я помню...

— Ну, вот там и встретимся. Твой Даниил придёт посмотреть наш мюзикл, и потом по сюжету подарит мне цветы, мы с ним скажем на камеру по паре слов...

— Он не мой...

— Да это неважно... Люба, представь, мы втроём проскандируем название нашего городка, это покажут на всю страну!

— Втроём?!

— Ну, конечно... Я обязательно скажу, что ты тоже наша землячка! Фото втроём, сюжет...

— Я... я не знаю... — от неожиданности Люба потеряла дар речи, и какое-то время буквально не могла вымолвить ни слова...

Они встретятся!.. Они встретятся в Москве, на их мюзикле!.. Даня... Даниил... Всегда одна неделя, и она увидит его!..

Господи... как стучит сердце...

Неужели сбудется её мечта?.. Он увидит её на сцене?!

Не увидит...

Бэк-вокалистки почти спрятаны от зрителей... Они с Татьяной стоят в глубине сцены, с краю, за спинами музыкантов...

Но Наташа сказала, что скажет и о ней, Любаше... А, вдруг, режиссёр не пропустит?! Ведь даже о Морозовой будет сказано совсем немного, лишь в связи с тем, что она — землячка Даниила Соловьёва, восходящей звезды российского шоу-бизнеса...

Как странно... Морозова поёт уже столько лет... Её имя на слуху у сотен тысяч слушателей... её ролики просматривают в интернете, на её концертах всегда полно зрителей, её без конца приглашают на юбилеи и корпоративы... Её знают и по участию в группе «Ночной патруль»... По сути это она — настоящая звезда, а не Соловьёв, всех достоинств у которого лишь смазливая внешность и умение очаровывать женщин... А вот львиная доля внимания будет обращена именно на него, а не на Наталью... Наталья в данном случае будет лишь частью фона...

Впрочем, сейчас ещё рано что-то прогнозировать... Она никак не придёт в себя...

Новость настолько ошарашила Любашу, что она чуть было не прошла мимо автомобиля Егора, стоявшего с краю автостоянки, у ресторана, в котором проходил сегодняшний юбилей.

— Люба!.. — он привычно окликнул её по имени.

— Привет... — она, наконец, заметила мужчину и нехотя повернула в его сторону, — А я тебя не заметила.

— Что-то случилось? — он тревожно вглядывался в её лицо.

— Нет, всё нормально.

— Я послезавтра еду в командировку, мимо твоего города. Может, что-то передать родителям?

— Нет... Хотя... Не знаю...

— Что с тобой?

— Ничего... Да, мне нужно передать... Вере, сестре...

— Нет проблем. Давай заедем к тебе прямо сейчас.

— Нет... Подожди, Егор... — остановившись, Люба потёрла пальцами виски, чтобы немного прийти в себя, — Подожди...

— Ну, хорошо, я подожду. Скажи, когда заехать.

— Да... я скажу... Завтра... Ладно?

— Ну, ладно... Мне кажется, у тебя что-то случилось?

— Нет, всё хорошо...

Вернувшись домой, Люба никак не могла успокоиться, напротив, чем больше она думала о том, что сказала ей Наталья, тем больше накатывало такое уже забытое волнение... Это было даже не волнение... Смятение полностью охватило всё её существо...

Ну, зачем, зачем... Она уже почти не думала о нём... Она уже почти успокоилась!.. Она смирилась с тем, что не увидит его никогда... Она решила для себя, что не будет смотреть ни его клипы, ни слушать его песни... И это бы ей удалось, она знает!..

Она так думала. Но оказалось, что это невозможно... Одного упоминания его имени хватило для того, чтобы всколыхнуть её душу... Всколыхнуть настолько, что она потеряла с таким трудом обретённый покой.

Егор... Ведь она чувствовала, что ещё немного, и вернётся к нему... Да-да!.. Она бы вернулась!.. Он любит её, и неважно, может он на ней жениться или нет!.. Это — неважно!.. Ведь он серьёзный мужчина, и он её по-настоящему любит!..

Она так только думала... Но оказалось, что одно имя Даниила способно разрушить всё, что она теперь обрела с таким трудом.

Какой он теперь?.. Наверное, стал ещё интереснее, красивее... Кому теперь он дарит свой взгляд... Господи... Этот взгляд из-под полуопущенных век... От него можно было сойти с ума... Да что там... От него можно было умереть... Он и сейчас на кого-то смотрит этим своим взглядом... Скорее всего — на свою продюсершу... Аллу Сафонову...

Но ведь он её не любит!.. Он не может никого любить, не может!.. Он просто не имеет права никого любить... Он, так подло поступивший с ней, с Любашей... Он не должен... Он не смеет любить!.. Никого на свете не смеет...

Нет!.. Ни одна женщина на свете не должна быть счастлива с ним, ни одна!.. Все они обречены на его измены... Все!..

Он изменит и ей, этой Сафоновой... Вот только она сделает из него настоящую звезду... Она тоже дождётся, иначе и быть не может!..

Но, Господи... Как же хочется его увидеть... Нет, не только увидеть... Как хочется, чтобы он увидел её, Любашу... Увидел, что она не пропала, а, наоборот, уверенно идёт к вершине своей собственной славы, идёт без него...

Он должен увидеть её и всё понять...

Он должен пожалеть!..

Войдя в свою комнату, Люба плашмя упала на постель. Ей ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить сейчас...

Вера?.. Нет. Ей о Данииле говорить нельзя...

Полина... Она бы выслушала и обязательно что-нибудь посоветовала... Но она вместе со своим коллективом уже неделю находится на гастролях, и приедут они только через несколько дней, перед самой поездкой на фестиваль...

Рита?.. Она вряд ли скажет что-нибудь утешительное... Но теперь Любаша готова была поделиться даже с ней...

Жаль, что Ритки сейчас нет дома. Она ещё днём уехала на репетицию и до сих пор не возвращалась... И в студии Люба её не видела...

Как будто в ответ на её мысли в замке повернулся ключ.

— Ты-ы-ы, мой зверь... Я твоя добы-ы-ы-ча... — судя по заплетающемуся языку и раздававшемуся грохоту в прихожей, Ритка вернулась в изрядном подпитии.

Выйдя на её голос из своей комнаты, Люба с удивлением наблюдала, как соседка, опершись спиной о стену, пытается руками стянуть с ног туфли. Равновесие удавалось сохранить с трудом, и Рита то и дело едва не падала. Освободившись, наконец, от обуви, она подняла на Любу замутнённый алкоголем взгляд.

— О, подруга... Выпить хочешь?

— А у тебя есть?.. — Люба так долго ждала Риткиного возвращения, что была готова уцепиться за любой повод пообщаться.

— Есть... — подняв с пола полиэтиленовый пакет, который она принесла с собой, Рита потрясла им в воздухе, — У меня всё есть!

— Ты чего так долго сегодня? — пройдя в кухню, Люба достала из холодильника колбасу и начала нарезать её тонкими ломтиками.

— А... — Ритка пьяно махнула рукой, — Так получилось... А ты что, соскучилась?..

— Да так, поболтать захотелось, — нарезав колбасу, Люба принялась за батон, — что там у тебя, вино?

— Угу... — Рита со стуком поставила на стол бутылку, — «Сангрия»... Люблю «Сангрию»!

— За что пьём? — Люба достала из шкафа чистые стаканы и штопор, — По поводу или без?..

— Мы что, алкаши... без повода пить... — несмотря на опьянение, Рита умело орудовала столовым прибором — опустив бутылку на пол, она зажала её ступнями и с силой потянула на себя вкрученный в пробку штопор, — Мы только по поводу!..

— Ну, тогда говори... — решив сначала выслушать соседку, Люба согласно кивнула, — Что за повод?

— Все мужики — козлы! — та с громким бульканьем разливала по стаканам вино.

— Ну, это старо как мир... — усмехнувшись, Люба несколько секунд смотрела на дрожащую поверхность алкогольной жидкости, потом, как будто решившись, отчаянно осушила до дна свой стакан.

— Это не старо... — сделав несколько глотков следом за ней, Ритка положила в рот тонкий кружок колбасы, — Это — вечно!..

Выпитое вино растекалось по организму приятным теплом, и Люба почувствовала долгожданную расслабленность. Весь вечер она была, как сжатая пружина, и вот теперь ей показалось, что пружина эта мягко и плавно распрямляется, давая вздохнуть легко и свободно...

— Ты в студии что, не была сегодня? — Люба решила узнать о причине Риткиного веселья окольным путём.

— Не-а... — та размашисто замотала головой, — Я решала свои финансовые проблемы...

— Решила?

— Не-а... — повторила девушка, снова ухватившись за бутылку, — Прикинь, он оказался такой сукой...

— Кто?.. — удивлённо уставившись на собеседницу, Люба даже перестала жевать, — Ты о ком?.. О Диме?!

— Прикинь... Я ему — высший пилотаж в постели... А он даже часть долга не захотел списать... Козёл...

— Да кто?! Неужели — Морозов?!

— Да какой Морозов... этот... — Рита презрительно сморщилась, — Говоров...

— Саша?! Ты что, с ним была?!

— Угу... Думала, хоть одну песню отработаю... А он говорит, что за аранжировки никого не трахает... С-сука...

— А зачем ты тогда... Ну, может, нужно было сначала всё как-то оговорить?.. Или он тебе сначала пообещал?..

— Он ничего не обещал. Но ведь не отказался же!

— Ты что, сама ему предложила?!

— Конечно, сама!.. Только я думала, что он мне хоть одну аранжировку спишет... А он, сука, решил, что я на него просто запала... Прикинь, он мне сказал, что не надо путать секс и творчество... И что деньги я ему должна отдать в срок...

— Надо было сразу...

— Да что сразу?! Я ему такой высший пилотаж выдала... Ему что, жена такое выдаёт каждый день?!

— Может и выдаёт... — Любаша пожала плечами, — Откуда ты знаешь?

— Да не может она ему такое выдать, не-мо-жет!.. — Ритка пьяно размахнула руками — наполненный стакан со стуком упал на пол, оставив вокруг себя рубиновую лужицу.

— Ладно, не переживай... — Люба подняла стакан и мокрой тряпкой вытерла разлитое вино, — Главное, чтобы он не растрепался, и Дима ничего не узнал.

— Пусть только попробует... Я ему сказала, что если он кому-нибудь трепанётся, то его жёнушка узнает все подробности нашего интимного свидания в их супружеской постели...

— Так вы что... Прямо у него дома?! — Люба удивлённо вытаращила глаза, — А жена?!

— Жена с ребёнком к родителям уехала...

— Ну, вы даёте...

— Не, ну, сначала мы в кафе посидели... А потом уже к нему поехали. Но зато я кое-что узнала про Морозова...

— Про Диму? Что?

— Секрет... Но теперь я знаю, как нужно действовать...

Больше вытащить из Ритки не удалось ничего внятного — её развозило на глазах всё больше и больше, так, что Любе пришлось провожать её до комнаты и укладывать в постель. Ей так и не удалось поделиться с соседкой своими проблемами.

Утром, проспавшись, Ритка выглядела бледной и хмурой. О вчерашнем она больше не вспоминала, а, казалось, о чём-то сосредоточенно думала.

Ближе к обеду она вошла в комнату Любаша и без приглашения присела на постель.

— Хочешь поехать в Москву вместе меня?

— Как это? — Люба удивлённо приподняла брови.

— На рок-фестиваль, в качестве моей дублёрши... Хочешь?

— А ты?..

— Я скажу, что заболела. Ну, хочешь?..

— Я не знаю... — Любаша растерянно захлопала длинными ресницами, — А кто встанет на бэк?..

— Да тебе какая разница?! Вику вызовут. Прямо сегодня и скажем Морозовым, что я не могу ехать... У неё как раз будет неделя на репетиции. Ну, согласна?..

— Согласна... А... Я что-то тебе буду должна?..

— Да сущие пустяки.

— Что?..

— Отворотную траву...

Глава 28.

Риткино предложение застало Любашу врасплох. Она даже не знала, как ей расценивать — как подарок судьбы, или как повод задуматься об истинных причинах такой щедрости соседки и коллеги по творчеству.

Поехать на фестиваль не в качестве бэк-вокалистки, задвинутой на очень задний план, а в качестве исполнительницы второй по величине роли, о таком она даже не мечтала. Если бы всё произошло само собой, в следствие каких-то обстоятельств, помешавших Маргарите Райх выехать на гастроли, Любаша была бы на седьмом небе от счастья!

Но тут всё было намного сложнее...

Ритка не просто предложила заменить её на сцене... Она запросила за это определённую услугу. Услугу, по сути, недорогую, и Люба могла бы просто покрутить пальцем у виска — за какую-то там траву уступить свою роль, свою славу, гонорар, наконец! Дурочка, да и только...

Но услуга эта была слишком незначительной только на первый взгляд. Вера, семейная жизнь которой была под угрозой из-за нездорового интереса Сергея к своей подруге детства, ждала эту заветную траву как спасение собственного счастья... Поможет она или нет — другое дело... Но сестра, действительно, находилась в полном отчаянии, и единственной надеждой для неё было это отворотное зелье...

С другой стороны, немного узнав свою соседку по квартире, Любаша могла не сомневаться — оказавшись в её руках, эта злополучная трава могла стать оружием, отнюдь не для защиты добра и справедливости, а для достижения Риткиных корыстных целей, которые она уже даже не скрывала!.. Против кого будут направлены силы ворожбы, можно было только гадать... но, скорее всего, объектом воздействия мог стать Дима Морозов.

Сначала ей удалось отшутиться, но уже ближе к вечеру, Люба почувствовала, что в мыслях она сама возвращается и возвращается к утреннему разговору... Сначала она пыталась убедить себя, что просто боится повторения просьбы... Но потом ей всё же пришлось признаться самой себе, что в глубине души она ждёт... ждёт, что Ритка снова её повторит.

— Ну, что, надумала? — вечером, выйдя на кухню, Рита снова начала разговор.

— В смысле? — Люба прекрасно понимала, что имела в виду соседка, но решила протянуть время до неприятного объяснения.

— Я про отворот. Идёшь на сделку?

— Слушай... А тебе не жалко?! Это же просто трава... А ты за неё готова отдать и роль, и гонорар...

— Я же не насовсем отдаю. Только на одну поездку, а гонорар... За выступление на фестивале гонораров не бывает.

— Ну, всё равно...

— Давай без подробного разбора? Просто — да или нет?

— Нет, Рит... — Люба покачала головой, — Не могу. Я сестре обещала.

— Что у неё, всё так плохо?

— Плохо. Муж влюблён...

— Жаль. А был такой выгодный для тебя вариант.

Любаша уже и сама прикинула все за и против... Соблазн согласиться был настолько велик, что она торопливо достала телефон и, найдя номер Егора, нажала на вызов. Он ещё вчера пообещал заехать к ней, чтобы взять пакет для Веры, в котором находилась отворотная трава, но до сих пор так и не позвонил и не появился у Любы.

Телефон Егора не отвечал... Люба набирала его уже несколько раз, но гудки шли, а трубку он не брал. Решив, что он занят на работе, Люба прождала целый час и, снова набрав номер, услышала на этот раз, что «абонент не в сети».

Это было, по крайней мере, странным — Егор всегда отличался пунктуальностью, и то, что он так и не позвонил ей в течение дня, вызвало у Любаши тревогу. Ключ от его квартиры всё ещё был у неё, и она, вызвав такси, прихватила с собой приготовленную для сестры посылку и уже через полчаса входила в подъезд дома, в котором жил Егор.

Дверь на звонок не открыл никто, и Люба решительно вставила ключ в замочную

скважину.

...Ей показалось, что она вернулась домой. Войдя в полутёмную прихожую, включила свет... Квартира была чисто убрана, диван собран, а на кухне в вазе стоял букет с цветами, упакованными в блестящий полиэтилен. Букет был свежим, как будто только что купленным...

Решив, что Егор всё равно заедет домой перед командировкой, Люба поставила пакет на пол в прихожей и, выключив свет, вышла из квартиры. Судя по букету, дома Егор сегодня появлялся, но вот куда он делся и почему не отвечал его телефон, было непонятно...

Уже выходя из подъезда, Люба услышала характерный звук — внезапно хлынувший дождь всюду стучал по асфальтовой дорожке, по зелёному газону и разноцветным лавочкам, расположенным вдоль низкого забора, огораживающего стандартный палисадник. Туча, вызвавшая такие обильные осадки, низко висела над улицей и была тёмно-синего цвета и не очень большого размера — проглядывающее за ней вечернее небо давало надежду на скорое завершение мокрой стихии.

Стоя под козырьком подъезда, Люба прикидывала, стоит ли переждать дождь, или отчаянно побежать к автобусной остановке. Она уже почти решилась на побег, когда краем глаза заметила знакомый внедорожник, заруливающий на расположенную во дворе автостоянку. Решив подождать Егора на крыльце, Любаша наблюдала за его автомобилем сквозь ветки высокого кустарника, растущего у подъезда и загораживающего её от места на парковке, куда Егор поставил свою машину... Предвкушая, как он удивится, увидев её у своего дома, она придумывала, как смешнее обыграть ситуацию с пакетом у него в прихожей, но вдруг неожиданно изменилась в лице...

Вопреки обыкновению, Егор вышел из правой, пассажирской двери и, обойдя автомобиль, галантно распахнул водительскую...

Увидев женщину, которая вслед за этим вышла из его внедорожника, Люба замерла. Это была та самая Катя, которую она видела в ресторане, на банкете в честь восьмого марта, куда её приглашал Егор тогда, весной... Интерес девушки к Егору Люба заметила ещё тогда... Теперь же, учитывая позднее время, можно было не сомневаться в целях её визита к холостому мужчине...

Она приехала за рулём его машины... Он снова пьян?.. Не похоже. Видимо, у них всё зашло очень далеко... И этот букет у него дома... Теперь понятно, для кого он его приготовил!

Торопливо набрав код, Люба резко дёрнула на себя дверь подъезда...

На этаж выше квартиры Егора она взбежала в считанные секунды... Ждать пришлось недолго — буквально тут же уличная дверь снова щёлкнула, и шаги двух пар ног зазвучали по каменным ступенькам в вечерней тишине, отдаваясь гулким эхом по всем этажам...

Дождавшись, пока Егор со своей спутницей скроются в его квартире, Люба ещё с минуту размышляла, как ей поступить — уйти незамеченной, или всё же обозначить своё присутствие...

Сказать, что увиденная картина привела её в замешательство, значило бы не сказать ничего. Она совершенно не ожидала, что в жизни Егора может присутствовать какая-то другая женщина... Она бы не была так удивлена, если бы на месте Кати увидела Дину — законную жену Егора... Её вечерний визит к бывшему мужу можно было бы оправдать общими проблемами...

Но Катя... Катя совершенно не вписывалась в деловые рамки...

Уйти?.. Ведь она, Люба, по сути, чужой для него человек... Он вправе распоряжаться своей личной жизнью как угодно... Да, пожалуй, нужно уйти... Уйти и окончательно оборвать с ним все контакты...

Они — чужие люди. Но, чёрт возьми, почему же ей сейчас так обидно?!

Он же сам говорил, что любит её... Значит, обманывал?.. Значит, он такой же, как и все...

Привёл на ночь бабу.

А она — дурочка... Потому, что поверила ему. Дурочка... Боялась какой-то Ритки... и даже не подумала, что он каждый день встречается с влюблённой в него коллегой по работе.

Плевать... Уйти и не возвращаться... Она ничего не теряет.

А пакет?! Она сама оставила его в квартире Егора.

Как будто услышав её мысли, в сумочке завибрировал мобильный телефон.

Немного поколебавшись, Любаша нажала на клавишу ответа...

— Люба! — голос Егора звучал как обычно, без тени вины, — Ты меня прости, что не заехал днём...

— А ты сейчас где? — она не дала ему договорить.

— Я — дома... У меня разрядился телефон, и я не мог тебе позвонить...

— Я звонила тебе. Гудки шли...

— Я знаю. Но я был на совещании, не мог ответить. А потом сел аккумулятор...

— А сейчас?.. ты всё ещё на совещании?.. — спускаясь по лестнице к его двери, она изо всех сил боролась с дрожью в голосе, которая предательски могла выдать её истинное состояние.

— Нет, я же говорю, что я дома. Я не смогу заехать к тебе сегодня, но я заеду утром... Ты приготовь посылку, в семь часов я буду у твоего дома.

— А почему ты не можешь заехать сегодня?.. — остановившись у его квартиры, Люба усмехнулась уголком губ.

— У меня ещё одно важное дело, и я просто не успею.

— Важное?.. — она протянула руку к кнопке звонка.

— Да, важное...

Услышав за дверью его шаги, Люба напряглась. Она совершенно не была готова к сегодняшним событиям, и теперь не знала, как нужно себя вести.

...Он так и открыл ей — с телефоном, прижатым к уху.

— Ну, и как зовут твоё важное дело?..

— Люба?! — от неожиданности он даже забыл отключиться, — Ты откуда?!

— От верблюда, — Люба резко шагнула через порог, буквально оттолкнув мужчину плечом, — я на минутку...

Пакет так и стоял тут же, у тумбочки для обуви — видимо, вернувшись, Егор его не заметил, потому что теперь изумлённо наблюдал за Любашиними действиями. Схватив пакет, она так же резко развернулась и буквально выскочила из квартиры. Всё произошло так быстро, что Егор даже не успел задержать её...

Охватившая её обида была настолько велика, что Любаша на ходу изо всех сил, с грохотом, захлопнула за собой дверь и, обернувшись уже на лестничной площадке, со злостью широко размахнулась...

Содержимое впечатавшегося в дверь пакета издало характерный «стеклянный» звук...

— Люба, стой!.. — выскочив за ней следом, Егор только услышал стук её каблучков

по лестнице, — Люба, подожди!..

Она бежала так стремительно, что была уже далеко от дома, когда он сам выскочил на крыльцо.

Слёзы градом катились по щекам... Она даже не ожидала, что ей будет так обидно...

Телефон звонил без конца, но она не ответила ни на один его звонок... Уже оказавшись дома, увидела поступившее СМС-сообщение: «Люба, ответь! Я ничего не понял!»

— Да пошёл ты...

Она совсем отключила телефон...

Пусть развлекается... Ей совершенно всё равно.

Хорошо, что она не успела сказать Вере о том, что посылку ей должен передать Егор...

Лишние объяснения ей сейчас совершенно ни к чему.

Ничего... Завтра она отправит траву сестре по почте. Днём раньше, днём позже... Всё у Веры будет хорошо...

Решив переложить банку с травой, Люба заглянула в пакет...

Видимо, от удара о металлическую дверь, стеклянная ёмкость разбилась на несколько крупных осколков, которые теперь торчали на дне из рассыпавшейся травяной массы.

— Вот чёрт!.. — от огорчения Люба второй раз за вечер запустила пакетом в дверь — теперь уже в собственную...

— Ты чего гремишь? — Ритка заглянула на шум, — Что случилось?

— Ничего...

— А чего тогда ревёшь?

— Да так... Банку разбила.

— Какую банку? — Рита непонимающе нахмурилась.

— С травой, — Любаша нехотя прошла к двери и подняла упавший пакет, — хотела Верке передать, но не получилось.

— Так вот ты какая... трава отворотная... — иронично усмехнувшись, Рита внимательно наблюдала, как Любаша вытаскивает из пакета острые осколки.

— У нас есть другая банка? — Любаша вопросительно подняла на соседку глаза, — Такого же объёма?

— Такого нет. Есть побольше, из-под огурцов. Не пойдёт?

— Нужно именно такую же, чтобы заварить правильно.

— А чего тут париться, — Рита пожалала плечами, — банка была двухсотграммовая? Пусть твоя сестра найдёт такую банку и заварит... Всего и делов.

— Да... — Люба задумчиво уставилась куда-то в пол, — Всего и делов.

За вечерним кофе Люба сидела неподвижно за столом, уставившись в одну точку. Всё навалилось на неё одним разом — и предстоящая встреча с Даниилом, и явная измена Егора... Хотя... Он прав. Невозможно считать измену изменой, если человек не давал никаких обязательств.

Егор обязательств ей не давал... Более того, они больше не жили вместе, так захотела она сама...

Несмотря ни на что, она никак не могла осознать, что у Егора есть другая женщина... Почему-то именно его она не представляла в чужих объятиях. Возвращаясь из своих командировок, он превращался в настоящего домоседа: общение с друзьями ограничивалось лишь телефонными звонками, а из дома он выходил исключительно для того, чтобы посетить магазины вместе с Любашей. Да и на явного ловеласа он был совершенно не

похож...

Любаша наивно думала, что, оставшись один, он продолжает тот же образ жизни, что и при ней.

Она была в откровенном смятении. После последней, проведённой вместе, ночи они встречались лишь мельком — он приезжал за ней либо в студию, либо в клуб или ресторан и, доставив до подъезда, возвращался к себе, но у неё не возникало и тени сомнения в том, что ночи он проводит в одиночестве. Оказывается, это было совсем не так?..

— Ты чего сегодня такая чумная? — глядя на Любашу, Ритка помешивала ложечкой кофе в маленькой чашке, — Как будто тебя пыльным мешком прибили.

— Так... Думаю, куда податься через пару месяцев, когда выйдет Вика, — сегодня Любаше совершенно не хотелось изливать душу перед Риткой, и она решила свалить своё настроение на творческие проблемы.

— Поговори с Морозовой... Может, она тебя оставит.

— Как? Она Вике обещала, что возьмёт её назад через полгода.

— Ну, мало ли что она обещала. Глупая ты, Любка. Не умеешь пользоваться шансами.

— Я так не могу. Вот если сама предложит, тогда другое дело.

— Ну, жди... — усмехнувшись, Ритка сделала небольшой глоток, — Я вот сама тебе предлагаю, и то не хочешь...

— Ты опять?

— Опять, — Рита пожала плечами, — ты хоть представляешь, что я тебе предлагаю?! Фестиваль — это не рядовой концерт... Там будет жюри, всякие воротилы шоу-бизнеса... А моя роль, между прочим, одна из главных! Тебе само в руки плывёт, а ты нос воротишь...

— Понимаешь, не могу я тебе эту травку отдать. Ну, обещала я её Верке, понимаешь?

— Ну, что, у неё всё так трагично? Муж уйти хочет?

— Нет... Он не уйдёт...

— Ну, так в чём дело-то?!

— Да он в другую влюблён, — Любаша решила не рассказывать Рите абсолютно все подробности семейной жизни сестры и отношений между Сергеем и Наташей Морозовой, — безнадёжно, правда... Но Верке от этого не легче.

— И всего-то?! — Рита деланно рассмеялась, — Я-то думала, его из семьи увести хотят...

— Ну, я обещала... понимаешь?.. — Любаша говорила уже не так уверенно, как раньше, — Она надеется...

— Слушай, а как называется эта трава?

— В том-то и дело, что не знаю. Тётя Оля не сказала. Она и на другие не похожа... Вот смотри... — Люба встала и, выйдя из кухни, через минуту вернулась с прозрачным полиэтиленовым мешочком, в который она пересыпала траву.

Трава и, действительно, была странного синеватого цвета — высушенная, она была измельчена чуть ли не в порошок, так, что было невозможно определить ни форму листьев, ни толщину стеблей.

— Синяя какая-то... — Рита озабоченно нахмурила брови, — Разве бывают растения такого цвета?

— Выходит, бывают, — Любаша пожала плечами, — ты же сама видишь...

— Да, странно...

— Тётя Оля говорила, что простому человеку многие травы не показываются. Их видят

только те, кому земля доверяет...

— Как это?!

— Ты думаешь, почему не каждый человек может собирать травы? Так было бы просто — заболел, пошёл в лес, сорвал травку, и здоров... Или, например, влюбился... Пошёл, нашёл цветок в безлунную ночь, и — счастлив... Так бы все были здоровыми и счастливыми...

— Ну, не знаю...

— Тётя Оля говорила, что это ремесло передаётся по наследству, от матери — дочери... от бабки — внучке... У них свои секреты, и то, что другим неизвестно, то им — легко и понятно.

— Надо же... А я думала, что всё это ерунда...

— Если думала, то зачем тогда тебе эта трава, — Люба усмехнулась краем губ, — если не веришь, зачем тогда роль свою отдаёшь?

— Ну, вот тебе верю... Ты так рассказываешь всегда об этой тёте Оле, что — верю...

— Она много чего знает и умеет... Но не всё делает. Я эту траву у неё еле выпросила... Только когда сказала, что жить не хочу, тогда она и согласилась мне помочь.

— А ты сама точно знаешь, что она не шарлатанка?

— Да ты что?! — Любаша возмущённо посмотрела на соседку, — К ней, знаешь, сколько народу обращается?! Каждый день кто-нибудь, даже на работу приходят, хотя она и ругается.

— Так она ещё и работает?! А зачем? Могла бы жить припеваючи... Платят-то, наверное, хорошо!

— Она денег не берёт.

— Не берёт?! Как это?! Так, может, и травы у неё липовые?! Ну, в смысле, что попало людям суёт...

— Ты что!.. Как раз, наоборот!.. — рассказывая об Ольге Павловне, Любаша даже забыла о своих проблемах, — Это только шарлатаны деньги берут, а настоящие знахари всё делают бесплатно!

— Да ну... — Рита недоверчиво поморщилась, — Не поверю...

— Можешь не верить. Только, если бы она не помогала, к ней бы народ не шёл. Она даже Наташе Морозовой помогла.

— Чем?..

— Дочку родить. У неё было бесплодие после первого ребёнка, и никаких прогнозов... А тётя Оля дала ей сбор... Наташа его пила, и потом забеременела...

— Так они что, тоже знакомы?..

— Они — соседи... А сын тёти Оли — Наташкин друг детства... и муж моей сестры.

— Да-а?! — казалось, услышанная новость заинтересовала собеседницу, — Так это он в Морозову так втюхался?!

— Давно... ещё в детстве. Но они просто дружили... Она уехала, вышла замуж за Диму. А Серёга вскоре женился на Верке...

— Вот оно что... — Рита задумчиво улыбалась, — Так чего она тогда сыну не поможет?.. Вернее, его жене?

— Нельзя. Тётя Оля говорит, что родственникам она в этом плане не помогает. От болезни вылечить — это другое дело, а вот отвороты и привороты — ни в коем случае...

— Тогда тебе нельзя ей эту траву отдавать, — Ритка серьёзно посмотрела на

Любашу, — ты что, до сих пор не поняла?

— Почему нельзя?.. — та удивлённо приподняла брови.

— Да потому и нельзя... Ты же сама сказала, что родственникам нельзя делать ни отвороты, ни привороты. А тут получается, что мать приготовила отворот для родного сына!

— Н-ну, не знаю... — Люба растерянно пожала плечами, — Она дала его мне, а это уже потом я отдам его Вере.

— Да какая разница?! — теперь возмущалась Рита, — Собирала траву — мать... сушила — тоже она... А выпьет — родной сын! Смотри, как бы вреда не было! Вот случится с ним что-нибудь, потом не простишь себе.

— Не знаю... А, если никакого вреда не будет?..

— А если — будет?

— Так что теперь делать-то... — Люба с сомнением посмотрела на соседку, — Не отсылать, что ли?.. А что я Верке скажу?

— Так и скажешь. Тем более Вера — ему жена, такая же родственница... Угробите парня, потом никакого мужа у неё не будет — ни влюблённого, ни любящего.

— Я не знаю...

Разговор с Ритой на какое-то время отвлек Любашу от других проблем, но позже, уютно устроившись в своей постели, она снова вспомнила Егора. Она вдруг подумала, что сегодня вечером даже почти не думала о предстоящей встрече с Даниилом, настолько её мысли были заняты изменой Егора...

«Да ну его!.. Ещё не хватало переживать...»

Усилив волю Любаша постаралась направить мысли в совершенно другое русло.

Даня... Они ведь вот-вот встретятся!.. Вот о чём надо думать!..

Интересно, как он теперь выглядит...

Планшет, купленный с последнего гонорара, лежал на столе, и Люба, потянувшись, достала его рукой. Ещё в начале ввода имени Даниила поисковик полностью выдал все его данные... Люба с удивлением смотрела на названия песен, которые предлагались к прослушиванию. Их было уже достаточно много...

«Ничего себе... Столько песен за такой короткий срок... Вот, что значит настоящая раскрутка».

...Она снова ощутила внутреннее волнение... Стилисты нешуточно поработали над образом новой поп-звезды... Причёска... одежда... манеры — всё это было другое, незнакомое...

И, всё же, это был — о н! Он, её Даня... Её первая настоящая и такая сильная любовь.

Просматривая клип за клипом, Люба всё больше и больше уходила в свои воспоминания... На дисплее Даниил пел свои новые песни... То один, то в окружении красивых девушек...

Люба представила, как эти девчонки ловят каждый его взгляд... каждое прикосновение... Наверное, каждая из них влюблена в него!.. Иначе и быть не может!..

А он... Интересно, он пропускает хоть одну юбку?..

Вряд ли...

Так и надо этой Сафоновой...

Увидеть бы его... А, если всё получится так, как говорит Наташа?.. Если их, действительно, снимут втроем?!

Вот будет разговор в их родном городке!.. После того, как Даниил так громко бросил

её, Любашу, показаться на экране вместе с ним... успешной... уверенной... Пусть их увидят все!.. И эта змея Анжелка... И Галина... и сотрудники гостиницы, в которой она работала...

Но самое главное — сам Даня тоже увидит её!.. Он увидит её в одной из главных ролей... Это в её, Любашиной власти... Цена этому триумфу — небольшой пакетик отворотной травы, который просит у неё Ритка...

Вера... Ей, действительно, лучше не поить Серёгу этим отваром! Тут Ритка права! И не потому, что Любе так хочется поехать в Москву в качестве дублёрши, нет!..

Сергею, действительно, нельзя пить это зелье, траву для которого собирала его родная мать... Нельзя!..

Как она раньше не догадалась?!

Уснула Люба только под утро, поэтому с огромным трудом встала на дверной звонок.

— Привет... — Егор с улыбкой и букетом в руках стоял на пороге, — Ну, что случилось?

— Всё нормально, — увидев его, Люба попыталась сразу захлопнуть дверь, но он подставил ногу, — Счастливого пути!

— Может, ты хоть сегодня мне что-то объяснишь?!

— Я ничего не буду объяснять. До свидания. И больше сюда никогда не приходи.

— Послушай, Люба...

— Уходи.

— Люба, меня машина ждёт...

— Всё, Егор... Нам не о чем говорить. Прощай.

— Ну, ты мне посылку-то отдай для сестры... — он всё ещё пытался сохранить шуточный тон, — И возьми, наконец, цветы.

— Никаких посылок не будет. Можешь не заморачиваться. А с цветами ты адресом ошибся.

— Люба...

— Всё, пока!.. — она с силой вытолкнула его на лестничную площадку и захлопнула дверь.

— Ты чего?.. — сонная Рита выглянула в прихожую, — Кто приходил?..

— Да так... Дверью ошиблись... — Люба нервно прошла в свою комнату и снова улеглась в постель.

Она совсем запуталась... Даниил... Егор... Вера... Наталья... Все эти люди были ей знакомы и близки — каждый по-своему... И любое, принятое ею сейчас решение обязательно заденет каждого из них... каждого — по-разному...

Поехать на фестиваль в качестве бэк-вокалистки, как и положено... раздобыть там волос Даниила... Самой выпить это отворотное зелье, чтобы забыть о нём ко всем чертям!.. А, вдруг, с сюжетом ничего не получится, и он так и не заметит её, стоящую на заднем плане?..

Послать траву Вере?.. И пусть всё будет, как будет... А, если Ритка права?.. И Серёга заболит?..

Отдать траву Ритке и выйти на сцену в качестве дублёрши?.. Но как распорядится ею Ритка?.. Кого и с кем захочет разлучить?..

Впрочем, это уже не её, Любашино, дело.

Но как потом жить?..

Не лучше ли просто выбросить эту чёртову траву?.. Пусть всё идёт своим путём. Ритка

сама поедет на фестиваль... Морозова будет купаться в лучах славы и любви... Егор будет счастлив с этой Катей... Даня забудет её навсегда, вознесётся к заоблачным вершинам... Вера?.. Она и так счастлива... просто не хочет этого видеть... Серёга, в конце концов, останется с ней, жив и здоров...

И она сама... отработает ещё пару месяцев в коллективе Натальи Морозовой и исчезнет со всех горизонтов. Вернётся в свой маленький городок... в свою задрипанную гостиницу... Будет снова жить с вечно пьяным отцом и деспотичной матерью... Жить и вспоминать эти счастливые месяцы... вспоминать, пересматривать записи концертов, угадывая себя на заднем плане... слушать композиции со своим участием... встречать сочувствующие и откровенно насмешливые взгляды знакомых... и с тоской слушать песни новой поп-звезды Даниила Соловьёва... Да, так и будет...

Зато все вокруг будут счастливы.

Люба так ясно представила себе эту картину, что слёзы неволью навернулись на глаза.

Вот сейчас она пойдёт, и выбросит эту злополучную траву в унитаз. И не будет никаких сомнений.

Сейчас...

— Ты не спишь?.. — Любаша осторожно заглянула в комнату соседки, — Можно к тебе?..

— Заходи, — видимо, успев задремать, та сонно приподняла голову от подушки.

— Я тут подумала... — сунув руку в карман халата, Люба нащупала там пакетик с травой, — Я согласна. Вот... забирай.

Бандероль Вере Люба всё же отправила. Решив, что не сможет лишиться сестру последней надежды, она сходила в аптеку и купила упаковку первой попавшейся лечебной травы. Дома, вымыв и высушив двухсотграммовую баночку из-под майонеза, она аккуратно пересыпала туда траву, предварительно перетерев её в ладонях до более мелкого состояния, чтобы сестра не догадалась, что это за растение. Наташин волос она решила не предлагать Ритке, справедливо рассудив, что, в конце концов, не знает, кого собирается отсушивать соседка, и что та сама должна подсуетиться насчёт этого ингредиента. Приложив пакетик с волосом к баночке, Любаша упаковала всё в небольшую коробку, заложив пустоты скомканной бумагой, и отнесла на почту. Позвонив Вере и обрадовав её, что отправила долгожданную бандероль, Люба ощутила, как совесть, свернувшись в колючий комок, переворачивается в душе, беспощадно царапая её нежную сущность...

Трава, на которую возлагала надежды её сестра, была, отнюдь, не отворотной...

«Зато волос настоящий!»

Успокаивая себя тем, что сожжённый волос, в конце концов, играет в данном обряде решающую роль, Любаша почувствовала некоторое облегчение. В конце концов, теперь она спокойна хотя бы за Сергея, уж это зелье ему никак навредить не сможет, поскольку собрано не его матерью.

Егор звонил с дороги несколько раз, но, как и вчера, Любаша сбрасывала вызов.

Услышав от Риты, что она не сможет поехать на фестиваль, Морозовы вызвали Вику и Любашу, и в срочном порядке назначили экстренную репетицию. До поездки оставалось буквально несколько дней, и нужно было закрепить партии и дублёрши, и новой бэк-вокалистки.

Любаше было ужасно интересно, для кого Ритке понадобилась отворотная трава, но она нарочно не спрашивала её об этом, решив для себя, что будет спать спокойнее, если не будет знать всей правды.

Она в подробностях рассказала Рите, что и как нужно делать, чтобы отворот подействовал, и в глубине души сомневалась, что у той что-нибудь получится, ведь отвар нужно было принимать каждый день, а поить чужого человека зельем ежедневно было очень проблематично.

Свой отказ ехать на фестиваль Ритка мотивировала внезапной потерей голоса, и ей удалось прекрасно симитировать болезненную хрипоту перед Натальей и Дмитрием, так, что у тех не осталось даже сомнений в её правдивости. Тем не менее, она каждый день появлялась в студии на репетициях, якобы очень переживая за Любашу, которой предстояло исполнить её роль. Ритка так убедительно изображала огорчение и вину хриплым голосом, что Наталья, в конце концов, начала её жалеть и успокаивать, приглашая вместе пообедать в перерыве между репетициями. Наблюдая за поведением Риты, Люба с удивлением замечала, как той удаётся всё больше и больше сдружиться с Морозовой, так, что Наташа не раз уже обмолвилась о том, что неплохо бы всем членам их коллектива так переживать за общее дело, приводя в пример Ритку, которая, «несмотря на болезнь, приезжает на репетиции, даёт советы Любаше и вообще, собирается ехать на фестиваль за свой счёт, в качестве болельщицы»...

— Ну, ты и артистка... — вечером, за день до поездки, Любаша собирала дорожную сумку, — Тебе бы в кино сниматься...

— Для дела стараюсь... для тебя, в первую очередь... — сидя в её комнате у стола с ноутбуком, Рита что-то искала в интернете.

— Почему это — для меня? — Люба удивлённо посмотрела на соседку.

— Ну, потому... Я твою траву ещё даже не использовала, даже не знаю, каков будет результат... А вот ты уже едешь исполнять мою роль!

— Не использовала?.. А почему?..

— Ну... я пока думаю, где она может мне пригодиться...

— Ты что, ещё не решила, кого будешь охмурять? — усмехнувшись, Любаша открыла плательный шкаф, — Слушай, давай твоё платье, я его сразу упакую...

— Да не парься... Я его уже упаковала в свою сумку. И платье, и всё остальное...

— Да?.. — Люба подозрительно прищурила голубые глаза, — Зачем?.. Я бы упаковалась сама, чтобы потом тебя в Москве не тревожить.

— Ничего... — Рита не отрывалась от монитора, — Потревожишь... Мне не в напряг...

— Странно...

— Ты что, думаешь, я тебя кину?.. — Рита насмешливо улыбнулась краешком губ, — Думаешь, приедем на фестик, и я сама на сцену выйду?

— Да нет... — Люба пожалала плечами, — Не думаю.

— Не бойся. Я сказала, что будешь петь одну из главных ролей, значит, будешь.

— А ты сегодня при Морозовых уже нормальным голосом разговаривала...

— Ну, и что... Я им сказала, что лекарство хорошее принимаю. Что быстро помогает.

— И что они?.. Не предложили тебе самой выступить?..

— Если честно, то предложили... Но я сказала, что ещё не готова. Из-за тебя, между прочим, сказала...

— Спасибо...

— Спасибо мало... — Ритка подняла на Любашу глаза, — Должна будешь!

— Должна?.. За что?..

— За то, что я тебя на роль вытаскала... Согласись, я могла бы тебе травку вернуть и сама выступить. Но я так не поступила...

— Вообще-то ты сама меня уговорила...

— Вообще-то ты сама мне её принесла...

— Ты чего-то хочешь?.. — Люба пристально уставилась на Риту, — Я тебя не совсем понимаю...

— Нет, что ты... — та не переставала улыбаться, — Просто я хочу, чтобы ты не забывала, что выгоднее всего эта сделка оказалась именно тебе...

На генеральный прогон мюзикла Любаша слегка опоздала из-за встречи с Егором. Он снова неожиданно возник на её пороге, и ей стоило немалых трудов выставить его прочь. Она не хотела слушать его объяснения, уверенная в том, что ей не стоит больше продолжать с ним отношения... В конце концов, она его не любит, чтобы прощать измены.

Рита уехала чуть раньше, сославшись на какие-то дела в студии, и Любе пришлось добираться одной до «творческой деревни». Когда она приехала, наконец, туда, все музыканты были уже в сборе и в концертных костюмах. Люба уже приготовилась выслушать выговор за опоздание, но, судя по всему, заминка получилась вовсе не по её вине.

— Алёна свои туфли не может найти, — нетерпеливо поглядывая на входную дверь в концертный зал, Таня ходила по краю сцены, уперев руки в бока.

— Как не может? — Люба удивлённо приподняла брови, — Куда они делись?

— А кто их знает... Говорит, оставляла, как обычно, в шкафу. Сегодня пришла — их нет.

Любаша понимающе кивнула. Все знали, что у высокой, довольно крупного телосложения, Алёны большой размер ступни — ей не подходила обувь ни одной из участниц мюзикла. По улице девушка ходила в туфлях на высоченной шпильке, не обращая внимания на свой рост, но в студии всегда переобувалась в сценическую обувь, на невысоком каблучке, в которой смотрелась не так огромно на фоне других певиц, а особенно Наташи, чью подругу она играла в рок-опере.

— Не наша... — появившись в зале, Алёна виновато развела руками, — Ничего не понимаю...

— Так, время поджимает... — Дима вышел на середину сцены, — Алёна, давай, поиски отложим на окончание репетиции, хорошо?..

— Хорошо, — та пожала плечами, — только мне придётся на этих шпильках танцевать.

— Танцуй, только осторожнее, — Наташа подала голос откуда-то из-за кулис, — пол тут очень скользкий.

Репетиция прошла спокойно, и все уже собрались по домам, чтобы закончить последние сборы перед поездкой, как сидевшая в зрительном зале Рита махнула рукой остальным.

— Ребята!.. — Ритка ещё изображала остатки охриплости, — А давайте все сфотографируемся!

Идею сфотографироваться поддержала вся женская часть коллектива. Парни, напротив, сделав кислые мины, поторопились покинуть помещение. Остался только Паша Рулёв, которого девушки попросили сделать снимок. Выстроившись на сцене, все приняли

различные комичные позы...

— Девчонки, а давайте сфоткаемся на лестнице!.. — Ритка махнула рукой куда-то в сторону коридора, — Классно получится!..

...Люба не сразу обратила внимание на длинный шифоновый шарф, который неизвестно откуда взялся у Ритки... Шарф совершенно не подходил к её блузке и юбке, но она почему-то нацепила его себе на шею.

— Ой, Паша... Подожди, не снимай... — как будто вспомнив о чём-то, Ритка сдёрнула с шеи шарфик и, зажав оба его конца в опущенной руке, так, что он петлёй повис над ступенькой, застыла рядом с Алёной, широко улыбаясь красивыми губами.

— Можно?.. — глядя в объектив, Пашка терпеливо ждал, когда закончатся последние приготовления.

— Теперь можно!..

Сделав несколько снимков подряд, парень повернул фотоаппарат к себе монитором, чтобы просмотреть отснятые кадры.

— Паша, не выключай!.. Покажи, как получилось!..

Как будто услышав команду, все девчонки дружно ринулись вниз, в предвкушении созерцания своих фотопрелестей...

...Никто из сбегających по лестнице так и не понял, что произошло... все опомнились, лишь когда увидели, как Алёна, споткнувшись, буквально кубарем скатывается по каменным ступенькам...

— Алён, ты как?.. — Люба первая бросилась на помощь пострадавшей, — Встать можешь?..

— Не знаю... — видимо, от боли, лицо девушки исказилось и побледнело, — Нога... и голова кружится...

— Что — нога?.. — Ритка озабоченно наклонилась над подругой, — Больно?..

— Встать не могу...

Бригада «скорой помощи», которую вызвали молодые артисты, приехала уже через пятнадцать минут. Сама идти Алёна не могла, жалуясь на сильную боль в ноге и руке, а так же на головокружение, поэтому в машину её увезли на передвижных носилках. Вызвавшись сопровождать подругу, Рита следом уселась в автомобиль.

— Господи... Только бы не перелом и не сотрясение... — Наташа тревожно ходила по репетиционной, куда собрались все участники мюзикла в ожидании известий от Алёны.

— Как так получилось — вообще?! — Таня пристально посмотрела на Любашу, — Как она упала?!

— Не знаю, — та пожала плечами, — я даже сообразить не успела. Поскользнулась, наверное. Она же на своих шпильках была.

— Я понимаю, что поскользнулась, — не унималась Татьяна, — но почему она не на копчик упала, а полетела вниз головой, как будто её кто-то нарочно толкнул?..

— Я не знаю, Тань... — Любаша растерянно разводила руками...

— Ты же рядом стояла!

— Сама ничего не пойму...

— Перелом руки, перелом ноги, сотрясение мозга в лёгкой степени... — вернувшаяся через полтора часа на такси Ритка констатировала диагноз, — Госпитализация...

— Господи... Бедная Алёна!.. — Наташа сочувственно покачала головой, — Как всё по-глупому вышло...

— И что теперь делать?.. — Люба смотрела на неё широко распахнутыми глазами, — Как с гастролями?..

— Понятия не имею...

Приподнятое настроение, в котором пребывали все участники рок-оперы в связи с предстоящей поездкой, улетучилось. Мюзикл без участия Алёны состояться не мог, роль подруги главной героини была одной из центральных ролей, и сюжет был закручен и вокруг неё тоже, а единственная дублёрша уже была занята...

— Рита... — спустя какое-то время Наташа вышла из оцепенения и осторожно обратилась к «больной» Ритке, — Спасти нас можешь только ты...

— У меня уже всё в порядке! — та изобразила готовность прийти на помощь, — Ты же слышишь, как я разговариваю!

— Рита, милая... — Наталья просяще заглядывала ей в глаза, — Давай, попробуем... а? Ты поёшь свои композиции, а Люба становится на роль Алёны... Других вариантов у нас нет, иначе просто нет смысла ехать на фестиваль. Я не настаиваю... Ты взвесь свои силы... У нас ещё двое суток — день в дороге, и день перед выступлением... Мы твои вещи берём на себя, ты только отдыхай, лечи связки, пей своё волшебное лекарство и ни с кем не разговаривай... Перед выступлением распоёшься, выступишь в бережном режиме, без надрыва... Ну, как, получится?.. У нас слишком много поставлено на кон...

— Ну, конечно...

— Никаких экспериментов!.. — узнав о случившемся, Морозов срочно вернулся из музыкального салона, куда уезжал сразу после репетиции вместе с Говоровым и Мазуром, — Наташа, ты представляешь, что будет, если мы понадеемся на Риту, а уже в Москве окажется, что связки не в порядке? Замены больше нет, а съездить впустую всему коллективу за счёт центра, это слишком дорогое удовольствие для всех нас.

— Дима, ну, что же делать?! — теперь Наташа почти с мольбой смотрела на мужа.

— Я не знаю!.. — он нервно, в несвойственной ему манере расхаживал по своему кабинету, — Я вообще не понимаю, что происходит в последнее время?.. Какие-то сплошные неприятности на ровном месте...

— Дим, это же несчастный случай...

— Это безответственность, Наташа! Самая настоящая безответственность! Ты сама прекрасно представляешь, что такое работать с большим коллективом!.. Тут впору каждому охрану приставить, чтобы они перед выступлениями не заболели, не упали, не напились, не попали в какую-нибудь историю... А в результате — несчастный случай прямо здесь, в студии, да ещё какой... Я не удивлюсь, если завтра у меня возьмут подписку о невыезде...

— Дима, не сгущай краски...

— Ну, кому пришла в голову эта дурацкая идея фотографироваться на лестнице?! Ну, зачем вы все туда полезли?!

— Дима... мы целый день ходим по этой самой лестнице... Кто же мог знать?..

— Никто не мог знать... А теперь я не знаю, что делать!

— Рита говорит, что уже почти здорова...

— А если она голос сорвёт?!

— Может, отвезёшь её сейчас к фониатру? — несмотря на то, что Дмитрий разговаривал с ней на повышенных тонах, Наташа старалась сохранять спокойствие, — Давай, я позвоню Валентине Ивановне?.. Она посмотрит, и скажет, можно ей петь или нельзя.

— Хорошо... — после недолгого молчания Морозов согласно кивнул, — Звони.

В тревожном ожидании результатов обследования Риткиных связок никто из артистов не расходился по домам. От этих результатов зависела завтрашняя поездка, и поэтому, когда у Натальи зазвонил телефон, в помещении повисла напряжённая тишина.

— Да, Дима... — Наташа тоже заметно волновалась, — Абсолютно здоровые связки?.. Серьёзно?.. Слава Богу...

Дружный вздох облегчения пронёсся по репетиционной. Поездка на рок-фестиваль была спасена...

— Ребята, — Наташа обвела взглядом всех присутствующих, — вы понимаете, что у нас новая замена... Любе придётся петь за Алёну. Поэтому просьба никому не расходиться...

...Глядя на довольное лицо Ритки, вместе с Морозовым вернувшейся в студию, Любаша вспоминала случайно услышанный полтора часа назад разговор Дмитрия с Натальей. За всё время, что она работала с коллективом Морозова, Любаша ни разу не слышала, чтобы Дима так повышал голос на жену. Сегодня же, видимо, из-за сильного нервного напряжения, он изменил своим привычкам, и накричал на Наташу...

«А, что, если это не из-за переживаний?.. Вдруг это действие отворота, который Ритка каким-то способом уже дала выпить Диме?..»

От этих мыслей Любаше стало не по себе. Несмотря ни на что, ей совершенно не хотелось, чтобы семейное счастье Морозовых рухнуло из-за какого-то отворота, который она поменяла на возможность исполнить Риткину роль...

После второй в этот день репетиции, на которой она дублировала уже Алёну, Люба невольно наблюдала за Дмитрием и Натальей. Наташа показалась ей очень грустной, и Люба, перед тем, как выйти из студии, задержалась у чуть приоткрытой двери морозовского кабинета...

— Ну, прости меня... голос Димы звучал приглушённо, — Наташ, ну, прости...

— Я не обижаюсь, — Наташа отвечала тоже негромко и отрывисто, — я понимаю, что ты перенервничал.

— Ты всё равно обижаешься... Наташка...

— Я не обижаюсь... но... мне очень обидно... — её голос слегка дрогнул, и Любаша подумала, что, судя по глухому тону, сейчас Морозова находится в объятиях мужа и говорит куда-то ему в ключицу...

— Ну, прости меня... прости... — буквально через слово следовал звук поцелуя, и Любаша, решив, что она ошиблась, торопливо прошмыгнула мимо двери в сторону выхода.

— Ну, где ты там?.. — неестественно весёлая Рита, которая вышла немного раньше и, видимо, дожидалась Любу на улице, показалась в коридоре, — Бегом... Уже такси подъехало!

Глава 29.

В отличие от прошлой поездки, в этот раз дорога на фестиваль была не такой весёлой. Всё разговоры были только об Алёне и о случившемся с ней несчастье, так, что уже к вечеру Элеоноре пришлось ходить по вагону и заставлять молодых артистов настраиваться на предстоящее выступление.

Оказавшись а одном купе с Татьяной, Викой и Ритой, Люба была, пожалуй, единственной, кто пытался думать о фестивале и о своей неожиданной роли, но разговоры девушек то и дело сбивали её с нужной волны.

— Всё равно не могу понять, как она так упала, — Таня в очередной раз задумчиво

покачала головой, — ну, пусть каблук подломился... упала бы на бок, или на задницу бы села... Но ведь она летела головой вниз, как будто ей пинка хорошего дали!

— Ничего странного, — тонкая лямка жёлтого топика упала, и Ритка пожалала обнажённым плечиком, — просто не удержала равновесие.

— Таня права... — кажется, впервые за всё время разговора, Любаша решила подать голос, — Если бы она поскользнулась, то просто съехала бы со ступенек. А тут...

— Да по-разному бывает, — Ритка бросила на неё свой колючий взгляд, — пока не упадёшь, не узнаешь.

— В том-то и дело, что я знаю, — Люба слегка нахмурилась, — падала уже...

— С лестницы? — Вика, с которой Любаша виделась раньше только при поступлении в студию, удивлённо посмотрела на неё.

— Угу... — кивнув, Люба угрюмо уставилась на носок тапочка, — С той самой.

— Ты что, падала с лестницы в «деревне»? — в тон Вике удивилась Татьяна, — Когда?

— Тогда, — Любаша многозначительно усмехнулась, — в конце марта. Поскользнулась...

— Слушайте, девчонки, это уже наводит на определённые мысли... — потрянув разбросанными по плечам русыми волосами, Вика обвела всех девушек многозначительным взглядом, — Вчера Элеонора рассказывала, что, когда в декабре там проходил конкурс, то тоже одна вокалистка ногу подвернула, а другой кто-то каблуком в ступню въехал...

— Ну, и что, — теперь плечами пожалала Татьяна, — такое часто бывает на конкурсах. Каблук подпилили, а вторая просто неосторожно ногу поставила... Совпадение!

— Такие совпадения просто так не бывают, — Вика покачала головой и посмотрела на Любашу, — вот и ты, говоришь, с лестницы упала... Да?..

— Угу, — Люба почему-то вспомнила не собственное падение, а события полугодовой давности, когда она наступила острой шпилькой на ногу этой заразе Анжелке...

— Вот видишь... А теперь — Алёна.

— Ты ещё про Наталью забыла, — Ритка улыбнулась краешком губ, — её Мигель на репетиции уронил, она хромала две недели.

— Ну, да... — оторвавшись от воспоминаний, охотно подтвердила Любаша, — Ещё и Наташа...

— Ну, и что вы думаете по этому поводу? — Татьяна бросила на своих собеседниц насмешливый взгляд.

— Как пить дать, это — порча! — сделав лицо серьёзным, Вика слегка поджала губы, — Смотрите, за такой короткий срок столько травм и неприятностей.

— Порча делается на конкретного человека, а тут столько народу пострадало, — закинув ногу на ногу, Таня махнула рукой, — ерунда. Просто так совпало.

— Это и есть самая настоящая порча, — убедительно кивая сама себе, отчеканила Вика, — знаю, что говорю! И сделана конкретному человеку, вернее, людям.

— Это кому?..

— Морозовым, кому ещё, — приглушив голос, Вика бросила осторожный взгляд на двери, как будто опасаясь, что кто-нибудь подслушивает их беседу, — вот у них всё это и происходит! Нужно им было священника на открытие приглашать, а они не подумали. Как с захвата заложников началось, так и пошло-поехало!

— Каких заложников?! — впервые услышав о каких-то заложниках, Люба изумлённо округлила и без того большие глаза.

— Да было дело... — нахмурившись, Татьяна махнула рукой куда-то в сторону, — Ты разве не слышала?

— Нет... — не спуская с неё взгляда, Люба энергично замотала головой, — Не слышала...

— Ну ты даёшь... Чуть больше года назад, по дороге на гастроли, их автобус захватил мужик с гранатой. По всем каналам репортажи шли.

— Зато они ещё популярнее стали, — загадочная улыбка не сходила с Риткиного лица во время всего разговора, — сразу и в рекламе снялись, и в фильме, и на телевидении передача была...

— Вот и завистников стало больше, — сделала вывод Вика, — поэтому и творится такое, что порчу навели.

— Любишь ты всему придавать значение, — Татьяна недовольно поморщилась, — кто и за что будет им наводить порчу?

— Стопудово! — неожиданно Рита решила поддержать Вику, — Да видно невооружённым глазом — порча...

— А я о чём?.. — Вика развела руками, — Сами раскрутились, добились известности... Мало у них недоброжелателей? Сейчас творчество страдает, а потом ещё и до личной жизни дойдёт, если меры не примут!

— Ты потише болтай... — потянув за ручку, Татьяна захлопнула дверь купе, — Совсем забыла о регламенте в своём декрете...

От Любаши не утаилось, каким недвусмысленным взглядом одарила свою собеседницу Татьяна. Судя по тому, как она пристально взглянула на Вику и приглушила голос, это было предупреждение не распускать язык. Сама Таня никогда не распространялась ни про Наталью, ни про Дмитрия, за исключением каких-нибудь ничего не значащих реплик, но, видимо, засидевшись дома, её напарница не могла удержаться от чисто женской болтовни. Любаша не могла понять, кого опасается Таня, её саму или Ритку...

Вскоре Татьяна и Вика вышли в коридор и, прильнув к оконному стеклу, принялись смотреть на пролетающие мимо вечерние пейзажи. Оставшись с Ритой вдвоём в купе, Люба с удивлением наблюдала, как та, вытащив, было, из сумочки сигареты, на несколько секунд задумалась. Потом, как будто вспомнив о чём-то, нервно швырнула пачку назад.

— Ты сегодня не куришь? — несмотря на то, что дверь была прикрыта, Люба говорила негромко.

— Хочу курить... аж до обморока... — Ритка откинулась на мягкую спинку вагонного дивана, — Но... придётся ждать до Москвы.

— Ты что, Элеонору боишься?!

— Да вот ещё. Было бы кого...

— А чего тогда до Москвы?..

— Ты что, не видела, что Говоров вместе с женой едет? — Рита недовольно поджала губы, — Она без конца курить ходит, то с ним, то одна. Не хочу встречаться ни с ней, ни с этим козлом.

— Ну, и что, что ходит... — в ответ Любаша пожала плечами, — Ты что, боишься, что она про вас знает?..

— Не боюсь. Просто не хочу встречаться нос к носу, — уклончиво объяснила Ритка, — ну их всех.

— Думаешь, он ей признался?..

— Нет... — вздохнув, девушка помолчала ещё какое-то время, как бы раздумывая, рассказывать дальше или нет, — Сам он вряд ли расскажет...

— Тогда — что?.. — не отрывая от соседки удивлённого взгляда, Люба забралась с ногами на полку и устроилась поудобнее в углу у окна.

— Я у него дома одну вещь забыла...

Оставшиеся часы до Москвы прошли немного веселее: придя в купе к вокалисткам, Наташа принесла с собой гитару и устроила обычную распевку. Женское шикарное многоголосие, как всегда, собрало других пассажиров возле открытой двери, и Люба с удовольствием ловила восхищённые взгляды. Распевались девушки, исполняя придуманную специально для этой цели композицию в русском народном стиле. Растяжную, и, в то же время, ритмичную, раскрывающую связки мелодию сочинил сам Морозов, в одной из поездок, ещё несколько лет назад. Слова же писались всем мужским коллективом «Ночного патруля», за бутылкой коньяка, поэтому песня получилась довольно хулиганской по смыслу, и обычно привлекала внимание невольных слушателей не только красотой исполнения и мелодией, но и довольно пикантным текстом. Несмотря на это, песню девушки исполняли с большим удовольствием, заражая своим задором всех окружающих.

— Ой, ребята, какие вы молодцы! — пассажирка лет сорока пяти с удовольствием отбивала ладоши, — Вы, наверное, ансамбль народной песни?

— Нет, мы поём рок, — Наташа накрыла струны рукой, — а это — наша распевочная...

— Извините... а можно вас спросить?.. — Две молоденькие девушки, лет по семнадцать-восемнадцать, робко заглянули в купе.

— Спрашивайте, — улыбнулась Наталья.

— А вы не знаете, куда можно поехать в Москве на прослушивание?

— Не знаю... — Наташа с сожалением улыбнулась, — Вам лучше найти в интернете информацию.

— Мы нашли... Просто, вдруг вы подскажете, куда лучше всего ехать...

Несмотря на демонстративно распущенные по плечам чуть взлохмаченные волосы, совершенно не нужный в дороге макияж и новомодные цветные шёлковые брюки, смотрелись девчонки довольно провинциально. Попытка «выглядеть» явно бросалась в глаза, и Любаше стало их почему-то жалко. Едут за своим счастьем... сами не зная, куда...

Не услышав нужного им ответа, девушки с сожалением скрылись в коридоре. Посидев ещё немного, Наташа ушла к себе — до Москвы оставался всего час езды, и пора было собирать вещи.

— Слушай, пойдём со мной в тамбур? — видимо, желание курить пересилило страх встретиться лицом к лицу с Ириной Говоровой, и Ритка решила позвать с собой Любашу.

Согласно кивнув, Люба вместе с ней переступила порог купе. В тамбуре было пусто, и, устроившись у дверного окна, Люба завороченно смотрела на пролетающие мимо огни фонарей подмосковных станций.

— Я смотрю, тебя мандраж совсем не бьёт, — затянувшись, Рита скосила на неё свои карие глаза, — Не боишься?

— Не знаю... — Люба неопределённо повела плечом, — Наверное, ещё не осознала.

— Нервы крепкие...

Любаша вдруг поймала себя на мысли, что, увлечённая разговорами, она сегодня даже ни разу не вспомнила о предстоящей встрече с Даниилом... Действительно, вагонная жизнь

отвлекает от многих мыслей... Даже таких, которые не давали покоя... а вот теперь улеглись где-то на самом дне души... И. если совсем честно, даже не хочется их оттуда вытаскивать... Лежат себе и лежат...

Стоило ли тогда за эту встречу платить ценой чужого счастья?.. Хотя... Она ничего не знает, и не хочет знать. Ещё не известно, для кого Ритка просила у неё траву, и подействует ли отвар... Это Ритке надо переживать, а не ей, Любаше... Это она купила кота в мешке... А вот она, Люба, уже едет в качестве солистки.

Стоп... Но ведь Ритка тоже едет в качестве солистки... Для неё ничего не поменялось... Она будет исполнять свою роль... Тогда за что Люба отдала ей эту проклятую траву?! За роль Алёны?.. Но она на неё не рассчитывала, тем более, на такой исход — Алёна в больнице, и вряд ли в скором времени сможет выйти на сцену...

С другой стороны, это — случайность. Не упали Алёна, Ритка бы ехала в качестве группы поддержки...

Или — не случайность?.. А, что, если Ритка всё заранее спланировала? Но как тогда с Алёной?.. Ритка не могла знать, что та упадёт и сломает руку и ногу... Или...

Наверное, сейчас пока не время думать об этом... Нужно настраиваться на завтрашний концерт. Наташа сказала, что сейчас от неё, Любы, зависит успех всего рок-спектакля...

Даниил... Даня... Мечта о встрече с ним за кулисами концертного зала, наконец, сбудется... Она уже и не знает, что для неё важнее... Эта роль, или эта встреча...

Нет... Нужно думать о роли. Если даже они не встретятся, он увидит её в записи, в любом случае... А вот роль... От того, как она завтра её исполнит, будет зависеть эффект, который она произведёт на своего бывшего парня...

Боже, о чём она?! От этого будет зависеть судьба всего мюзикла!.. Мюзикла, над которым Морозовы и другие музыканты работали больше года... На подготовку которого ушло столько сил, средств, творческих идей...

...Мысли пронеслись с огромной скоростью, как фонари за окном... Задумавшись, Люба даже не заметила, как хлопнула металлическая вагонная дверь.

— А вы, наверное, выступать едете, да?.. — девушки, интересовавшиеся прослушиванием, стояли рядом с сигаретами в руках.

— Да... — Люба нехотя отвернулась от окна, — Выступить.

— Классно... — одна из девчонок, невысокая, с круглым лицом и такими же довольно округлыми формами, тряхнула крашеными в белый цвет волосами, — У вас профессиональный коллектив? Или сборная команда самоделки?

— Не самоделка, — снисходительно усмехнувшись, Ритка приоткрыла дверь в переход и бросила окурок на мелькающие внизу шпалы, — мы — профессионалы. Группа «Ночной патруль».

— Серьёзно?! — вторая из провинциалок, среднего роста, курносая, с чёрными длинными волосами, замерла на месте, — Это что... тот самый «Ночной патруль»?!

— Тот самый, — кивнула Рита.

— Ничего себе... Вас так много?.. — девчонка не могла поверить, что перед ней стоят участницы знаменитого коллектива, — Я думала, вас всего шестеро.

— Их шестеро, — Люба решила, что не стоит обманывать, и решила внести ясность, — а мы — участники нового мюзикла, просто вокалисты. Мы с ними работаем.

— Да?.. — девушка не сводила с неё изумлённого взгляда, — А где они?! Сами-то «патрули»?..

— Там, в своих купе... — пожав плечами, Любаша кивнула головой на дверь, — Вы не заметили?

— Не-ет... — девушка медленно покачала головой, — мы спали целый день, только недавно проснулись. И вообще... я думала, такие артисты на поездах не ездят...

— Ну, а на чём им ездить?.. Не на лошадях же, — рассмеялась Люба.

— Так они точно здесь?! А мы никого не видели...

— Потому, что дрыхли целый день по твоей милости, — чёрненькая бросила на свою подругу обиженный взгляд, — говорила же...

— А вы что, хотите попасть в шоу-бизнес? — глядя на девчонок, Рита не оставляла насмешливого тона.

— Да хотим попробовать, — беленькая глубоко затянулась сигаретой, — дома поём в одной группе, в клубе, но это всё не то...

— А в Москве, думаете, будет то? — Ритка явно решила потренироваться в ехидности.

— Посмотрим... — чёрненькая пожала плечами, — Надо с чего-то начинать.

— Вообще-то начинать надо с того, что нужно бросить курить, — Люба кивнула головой на сигарету в руках девушки.

— А вы? — та решила не оставаться в долгу, — Почему не бросили?

— А я и не начинала.

— А вы что, не под фанеру работаете? — беленькая затушила свой окурок и тоже выбросила в переход, — Живьём?

— Мы поём только живую, мы же профессионалы, — Ритка снисходительно посмотрела на неё. Судя по всему, она не торопилась покидать тамбур, а решила ещё попозировать.

— Классно всё же мы попали... — беленькая многозначительно посмотрела на свою подругу, — А ты ещё билеты не хотела брать в мягкий...

— Дорого, да? — Ритка прищурилась, — Зато будете всем говорить, с кем в одном вагоне ехали.

— Ещё бы их увидеть... — усмехнулась чёрненькая, — А ещё лучше, автограф взять.

— Ой, а вы не можете помочь? — беленькая переводила просящий взгляд с Риты на Любашу, — Может, вызовете кого-нибудь?..

— Ой, клавишника... клавишника позовите?.. — чёрненькая ухватилась за эту мысль, — Или вокалиста...

Дверь открылась в очередной раз: Говоров и Мазур дружно ввалились в тамбур.

— Ударник и басист подойдут? — радостная оттого, что Говоров явился без жены, Рита весело хлопнула Мазура по плечу, — Авторучка с собой?

— Нафик? — Виктор удивлённо уставился на неё своими белёсыми глазами, — Я курить пришёл, а не письма писать.

— Девочки хотят автограф, кстати... — Ритка обернулась к обалдевшим от неожиданной встречи с музыкантами девчонкам, — Советую в Москве посетить пиар-вечеринку. Не понравится продюсеру, может, понравится кому-нибудь из vip-гостей...

— Зачем ты так с девчонками? — по дороге в своё купе, Люба негромко спросила свою спутницу, — Могла бы просто сказать про эти вечеринки, и всё.

— А что я такого сказала?.. Так и бывает... Хотя, с их внешностью надеяться на внимание vip-гостей не стоит. А тебе их что, жалко?! Дурочки...

— Я сама такая же дурочка, — остановившись у двери в своё купе, Люба повернулась к

Ритке, — тоже полгода назад собиралась ехать в Москву.

— Ну, и как, поехала?

— Вот... еду...

...Стоя на сцене в свете софитов, рассеивающих вечерний сумрак, Любаша по привычке старалась не смотреть на огромное поле, собравшее тысячи любителей отечественной рок-музыки. Буквально перед началом их выступления к Морозову подошёл молодой парень с микрофоном и, представившись корреспондентом одного из музканалов, задал несколько вопросов.

«Скажите, вы впервые на этом фестивале?» — после приветственных слов начал парень.

«На таком грандиозном — впервые, а, вообще, мы постоянные участники многих фестивалей в России, и даже одного германского рок-феста», — судя по напряжённому виду, Дима не очень охотно отвечал на вопросы.

«Говорят, вы привезли рок-оперу... Вам не страшно? Всё же это очень серьёзно...»

«Не страшно. На мой взгляд, это лучший вариант представить творчество нашего коллектива».

«Я знаю, что у себя на родине вы довольно известный коллектив... С вами приехали вокалисты, участвующие в мюзикле, скажите, по какому принципу проходил отбор? Вы приглашали известных певцов, или, так сказать, сами растили таланты?»

«Нет, наш рок-проект абсолютно молодёжный, и приглашённые вокалисты до сегодняшнего времени не были известны широкой публике. Сегодня — их дебют, если можно так выразиться».

От услышанных слов сердце Любаша запрыгало ещё чаще. Она вдруг окончательно осознала, что именно сейчас она выходит на настоящую сцену... Да, она уже не первый раз выступает с группой... Но такой публики, как сегодня, у неё ещё не было... Тысячи зрителей устремили сейчас свой взор на эту сцену, в свете софитов которой она, Любаша, будет петь одну из главных партий... Закрыв глаза, она представила себе, что нет ни зрителей, ни этого огромного поля... А есть только они — Дима, Наташа, Ритка... и она, Любаша... И она просто обязана сейчас спеть так, как не пела ещё ни разу в жизни... Спеть лучше, чем ожидает от неё Морозов...

Вот сейчас... сейчас — её выход... Её первая композиция... Сейчас... Осталось несколько секунд... Пять... четыре... три... две... одна!..

...Она даже не смогла понять, как оценили зрители их выступление. Не было привычных аплодисментов, а только рёв толпы...

— Дима... Ну, как мы?.. — уйдя со сцены, Люба сразу кинулась к Морозову, — Дима!.. Ну, как?!

— Люба, ты — умница! — на ходу сжав её плечи, Морозов тут же устремился к другим артистам, — Ребята, спасибо всем!..

— Любочка!.. — Наталья буквально набросилась на девушку, чуть не задушив её в объятиях, — Любочка!.. Ты даже не представляешь, как ты нас всех спасла!.. Люба!..

— Что?.. Я нормально спела?! — от волнения у неё перехватило дыхание...

— Не то слово!.. ты спела даже лучше, чем я ожидала!.. Люба!.. ты понимаешь?!

— Ага... — почувствовав знакомую резь в глазах, Любаша часто закивала головой, — Нет... не понимаю...

— Спасибо тебе Любаша... спасибо!.. — Наталья сама смахнула слезинку со щеки, — Дима столько сил вложил в эту оперу... Ты даже не представляешь... Всё было под угрозой... Но ты спасла... Люба, это — именно ты спасла... ты и Рита!

— Я здесь! — услышав своё имя, Ритка, вся сияющая, тут же возникла рядом с Наташей, — Кто меня звал?!

— Я звала, — Наталья тут же переключилась с Любаши на Ритку, — девчонки, вы — просто героини! Я скажу Диме, чтобы дал вам по ордену!..

— Нам хватит и похода в ресторан! — Ритка кокетливо перевела взгляд с Натальи на Морозова, что-то шумно обсуждающего с обступившими его незнакомыми музыкантами.

— Да без проблем! — рассмеявшись, Наташа тоже посмотрела на мужа, — Как только вернёмся.

— А что дальше? — Люба вдруг вспомнила о том, что сейчас должна состояться встреча с Даниилом, — Куда мы сейчас?

— Сейчас свободная программа, но я предлагаю не возвращаться в гостиницу, а остаться здесь, посмотреть других, по регламенту ещё одна группа будет выступать. В любом случае, мы с Димой остаёмся.

— А завтра?.. — по тому, что Наталья ничего не сказала о съёмках и Соловьёве, Люба уже поняла, что что-то не срослось. Настроение тут же упало...

— А завтра... Завтра ты нам будешь нужна, — как будто угадав её мысли, Наташа многозначительно улыбнулась, — Завтра мы с тобой едем на одну студию... Так что сегодня много не пей!

— Я вообще не собиралась... А что за студия?.. — Люба подняла на Морозову удивлённый взгляд, — И зачем мы туда поедем?

— А ты забыла?..

— Забыла... наверное... — Любаша пожала плечами, — Ну, правда, Наташ... Зачем?

— Ну, ладно, не буду тебя мучить... — Наташа положила руку на плечо Любаше, — Ты от волнения всё забыла, а я ведь говорила тебе, что я буду участвовать в съёмках фильма «Как стать звездой»... Говорила же?..

— Н-ну, да... Говорила...

— Сначала думали, что наша встреча с Соловьёвым будет здесь, на фестивале, но перед отъездом Дима разговаривал со своим знакомым продюсером, ну, тем, который занимается этим фильмом, и тот сказал, что обстоятельства изменились, и Соловьёв не сможет приехать сюда именно сегодня...

— И... что?..

— Ну, и решили сделать по-другому. Съёмку перенесли в павильон на студии, а потом мы будем прогуливаться по вечерней Москве, типа разговаривать... Ну, и всё такое... А в фильм вставят видео с наших концертов.

— Здорово... — невесело усмехнувшись, Люба опустила голову, — Заранее поздравляю...

— Да меня-то зачем поздравлять? — рассмеялась Наташа, — Тогда и себя поздравляй!

— А меня с чем?..

— Ты тоже поедешь с нами на студию. Дима рассказал и о тебе, и этот продюсер дал добро и на твоё участие! Тем более, что ты сегодня выступила в одной из главных ролей, и, вообще... Дима сказал, что ты спела даже лучше, чем Алёна... Тебя представят как восходящую звёздочку, Люба, ты понимаешь, что это значит?! Пусть не мирового

масштаба... Но — всё же!..

— Ой... — от нахлынувшей радости перехватило дыхание, — Почему только меня... А другие?.. Рита, например?..

— Ну, Рита не родилась в нашем с тобой маленьком городке. А сюжет будет именно о нас — обо мне, о тебе и Соловьёве. Ну, что... Ура?..

— Ура...

И веря, и не веря, что мечта всё-таки сбудется, Любаша радостно знакомилась с другими музыкантами, с восторгом для себя ощущая причастность к этому грандиозному действу. Рита куда-то исчезла, и Люба присоединилась к Татьяне и Вике — те уже не раз бывали на других фестивалях, и теперь то и дело здоровались со знакомыми вокалистами, тоже приехавшими сюда. Все «патрули», кроме Журавлёвых, которые вместе с дочерью уехали в гостиницу, тоже разбрелись в поисках знакомых, договорившись чуть позже встретиться в баре, чтобы продолжить фестивальную ночь.

— Девочки, я уже всех предупредила, только вы остались, — чем-то явно встревоженная Наташа подошла к девушкам около полуночи, — мы с Димой уезжаем в гостиницу, если что, ищите нас там.

— А что такое? — Таня тоже нахмурилась, — Вы что, не идёте в бар?

— Нет, Дима себя неважно чувствует, мы — в номер.

— Что с ним?.. — Любаша почувствовала, как непонятная тревога заползает в её душу, — Он заболел?

— Надеюсь, что ничего серьёзного... Но он такой горячий, видимо, резко поднялась температура. Ну, мы поедem...

— Я с вами!.. — Люба стремительно шагнула вперёд, — Я тоже в гостиницу...

— Ну, чего ты, Любаш, оставайся, — Наташа улыбнулась, — когда ещё побываешь на таком фестивале?..

— Да я... нет, я спать хочу.

Усевшись в такси на место рядом с водителем, Люба то и дело оглядывалась на Диму. Он, действительно, выглядел нездоровым и казался бледнее обычного. Судя по тому, как нервничала Наташа, ему, и, действительно, было плохо, и Люба терялась в догадках, что послужило причиной его внезапной болезни. Ей было хорошо слышно, как Дима то и дело просит жену отодвинуться от него подальше.

— Наташа, не прикасайся ко мне... — Дмитрий говорил отрывисто, Любе даже показалось, что сердито, — Ты ко мне прикасаешься, мне ещё хуже становится...

В гостинице Любаша сразу отправилась в свой номер, но уснуть так и не смогла, то и дело ворочаясь с боку на бок. Приехавшая утром Рита застала её сидящей на постели и обхватившей руками колени.

— Ты чего так рано свалила?.. — Ритка показалась Любаше не совсем трезвой, — Хотя... Если честно, то ты ничего не потеряла... Бухие рокеры — это на любителя...

— А где девчонки? — имея в виду Татьяну и Вику, спросила Люба.

— Они там, ещё на улице... С Антоном зависли. Да все зависли... — вынув из волос шпильки, Рита потрянула тёмными волосами, тут же рассыпавшимися по плечам, — Прикинь... Эта, жена у Говорова... Такая ду-у-ра!.. С банки пива — в лом... Прикинь?.. Нажралась, и давай ему претензии предъявлять...

— Ты что, с ними была?

— Мы все там были... Оказывается, она у него нашла мою заколку... Я тогда забыла у него заколку, а она нашла... Вспомнила, а потом дала ему по морде, прикинь?!

— А тебе?..

— Мне?! — Ритка удивлённо скривила губы, — А мне-то за что?.. Она же не знает, что это — моя заколка...

— Значит, тебе повезло... — Люба задумчиво смотрела куда-то впереди себя, казалось, что она отвечает машинально, думая о чём-то своём.

— Мне — повезло... — нетрезво усмехнувшись, Рита размашисто кивнула, — А вот ему — нет...

— Почему?

— По-то-му-что... — по слогам проговорила Ритка, — По-то-му-что там, в баре продаются презики...

— Ты что... Вы что с ним — опять?.. — кажется, впервые за всю беседу Люба подняла на Ритку глаза.

— Я чё — больная? — та покрутила пальцем у виска, — У меня теперь другие планы...

— Тогда — что?

— А я ему в карманы незаметно два презика подложила...

— А он их найдёт и выкинет...

— Не найдёт... Он бухой, а карманы — задние...

— Ты думаешь, она его карманы проверяет?

— Эта?! — Ритка снова состроила гримасу, — Эта — проверяет... Эта и носки наизнанку выворачивает, наверное... Он же по пьяни всё, что движется, готов...

— А он скажет, что он для неё купил...

— Т-с-с-с... — неожиданно Ритка прыснула, — Так я ему один использованный подложила...

— Ты что... — Любаша смотрела на неё как на сумасшедшую, — Где ты его взяла?!

— В туалете на полу нашла...

— Фу... Не противно?..

— Да ладно... — Рита махнула рукой, — ради такого зрелища...

— Может, и не будет никакого зрелища. В любом случае, ты его не увидишь.

— Зато услышу... Кстати... — Рита постаралась сделать серьёзное лицо, — А ты чего не спишь?..

— Дима заболел. Ты в курсе?

— В курсе... — та пожала плечами, — Бывает...

— Ты... Ты уже использовала траву?.. — Люба пытливо вглядывалась в лицо соседки.

— Не вижу связи между травой и болезнью Морозова. Кстати, температура — это ещё не болезнь... Мало ли что...

— Я с ними ночью сюда ехала, видела его. Ему, и правда, плохо. Ты не ответила...

— И не собираюсь. Ты сама отдала мне траву, а уж как я ею распоряжусь... это не твоё дело.

— Значит, использовала... Ты ему уже давала?..

— Ему я ещё не-да-ва-ла!.. — Ритка недвусмысленно ухмыльнулась, — У меня ещё всё впереди...

— Ты ему отвар давала?.. Когда?!

— Да пошла ты... — раздевшись, Рита устроилась в постели, — Ты сегодня

выступила?.. Выступила... Я своё слово сдержала?.. Сдержала... Какие ко мне претензии?..

Любаша уже хотела ответить, но в этот момент в дверь кто-то негромко постучал.

— Скорая в гостиницу приехала, — войдя следом за Викой, Татьяна с размаху бросила на свою кровать сумочку, — интересно, к кому?..

— Не к Диме ли... — Вика нахмурила тонкие брови, — Мне кажется, он вчера ещё перед выступлением себя неважно чувствовал... Всё из термоса что-то пил.

— А что он из термоса пил? — Люба тревожно смотрела на девушку, — Ты что, сама видела?

— Видела, — та пожала плечами, — он и в поезде пил. У них этот термос на столе стоял. Я мимо проходила и видела.

— Да мало ли, что он пил, — Татьяна взялась за ручку ванной, — может, чай травяной. Какая разница...

Быстро одевшись, Люба выскользнула из номера и, подойдя к двери Морозовых, прислушалась. Ничего не услышав, нажала на ручку и слегка потянула на себя. Дверь оказалось открытой... Решив, что бригада скорой помощи, действительно, приехала по вызову к Морозову, Любаша ещё какое-то время нервно ходила по коридору, потом вышла в холл и уселась на мягкий диван. Ждать пришлось ещё около двадцати минут. Убедившись, что врач вышел один, Люба немного успокоилась и вернулась к себе.

Соседки, включая Риту, уже спали, и Люба тоже снова попыталась закрыть глаза.

«Даня...»

Диму не забрали в больницу, значит, с ним всё в порядке... И сегодняшние съёмки вместе с Наташей обязательно состоятся! Теперь можно и помечтать...

...Разбудил её звонок телефона. С трудом разлепив глаза, Люба взглянула на дисплей...

— Да, я слушаю...

— Любочка! — Голос Натальи звучал тревожно, — Зайди к нам, пожалуйста!..

...Подойдя к номеру Морозовых, Люба осторожно постучала.

— Заходи, скорее... — открыв дверь, Наташа махнула ей рукой.

— Что-то случилось? — пройдя в помещение, Люба удивлённо уставилась на Морозова: лёжа на запровленной двуспальной кровати, он едва кивнул ей и снова закрыл глаза. Глядя на его неестественно бледное лицо, Любаша почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Диме стало ещё хуже, — порывшись в сумочке, Наташа достала оттуда ручку и блокнот, — я снова вызвала скорую, они вот-вот подъедут, и, скорее всего, его увезут в больницу...

— Наташка, я не поеду... — с закрытыми глазами проговорил Дима, — Отлежусь.

— Ты со вчерашнего вечера отлёживаешься, — Наташа подошла к нему и положила руку на лоб.

— Не трогай меня... — скинув её руку, он недовольно мотнул головой, — Не надо.

— В общем, вот адрес, куда тебе нужно будет подъехать, — оставив мужа, Наташа взяла из блокнота приготовленный листок и протянула его Любаше, — я поеду с Димой, и поэтому тебе придётся добираться туда одной. Не забудь, к четырнадцати часам... У них время расписано, Соловьёв тоже подъедет к этому часу, так что не опаздывай...

— А ты?.. — взяв листок, Люба испуганно смотрела на неё, — ты-то подъедешь?

— Конечно... — незаметно кивнув в сторону двери, Наташа дала понять, что хочет что-то сказать Любе наедине.

Кивнув в знак согласия, Любаша тут же вышла в коридор.

— Люба, я не знаю, как и что будет... — выйдя за ней следом, Наташа сразу стала серьёзной, — Ему ещё вчера перед концертом стало нехорошо, я видела, но он не признался... Отработал на автомате, а потом ему стало хуже, и мы уехали в гостиницу. Милена сделала ему укол, температура сначала упала, а потом опять резко пошла вверх. Под утро я вызывала скорую, они его тоже чем-то накололи... Он сначала уснул, а потом проснулся, и опять температура. Я ничего не понимаю... Он бледный, говорит, что всё хорошо, меня к себе вообще не подпускает...

— Как не подпускает?..

— Очень просто. Говорит, что ему хуже становится, когда я к нему приближаюсь.

— Странно...

— В общем, пока я ничего не знаю... — вздохнув, Наташа опустила глаза, — Я, конечно, буду с ним, и, если что, приехать не смогу... Но я позвонила Сергею, это тот самый продюсер, всё ему объяснила... Если меня не будет, то он снимет вас вдвоём с Соловьёвым, а меня — потом, когда Дима поправится.

— Может, у него отравление?.. Он что-нибудь ел... или, может, пил?..

— Ну, конечно, и ел, и пил, — невесело улыбнувшись, Наташа пожала плечами, — но на отравление не похоже...

— А... может, он лекарства какие-нибудь принимал?.. Или отвары?..

— Да нет... Чай травяной... но мы его всегда пьём. Я специально в термосе ещё дома завариваю... Тётя Оля нас всякими травками снабжает.

— Может, ему кто-то давал?.. — Люба спрашивала настороженно, ей очень хотелось спросить Наташу напрямую, не поила ли Диму чем-нибудь Ритка, но язык не поворачивался, — Такое могло быть?..

— Чтобы кто-то напоил Диму каким-то отваром?.. И так, чтобы я не знала?.. — несмотря на настроение, Наташа тихо рассмеялась, — Такого не может быть, Любочка! И, при том, ну, какие отвары?.. Нет, боюсь, всё гораздо серьёзнее.

...Приехавшая через несколько минут скорая помощь, действительно, увезла Дмитрия в больницу. Известие о его внезапной болезни взбудоражило весь коллектив, и уже с утра молодые артисты собрались в одном номере, страстно обсуждая это событие и выдвигая разные версии внезапной болезни Морозова. Время от времени звоня Наташе, Элеонора сообщала последние новости, и они были неутешительными. Диме становилось ещё хуже, и, по словам Натальи, врачи пока разводили руками.

Поглядывая на часы в ожидании назначенного часа, Люба становилась всё напряжённее...

— Наташ, ну, как Дима?.. — часы показывали уже полдень, и, вернувшись в свой номер, Люба решила позвонить Морозовой сама, — Ты приедешь на съёмку?..

— Нет, Люба, не смогу... — ей показалось, что Наташа плачет, — Димку увезли на рентген желудка, я не уйду, пока не узнаю, что с ним... так что поезжай без меня, я уже позвонила Сергею.

— Рентген желудка?.. — Люба замерла на месте, — А что?.. Что-то подозревают?..

— Да у него всё подозревают... И внутреннее кровотечение в том числе. Ой... — Наташа громко всхлипнула, — Я не знаю, как Анне Сергеевне скажу...

Отключившись, Люба несколько минут сидела в раздумье, потом резко вскочила и выбежала из номера.

— Пойдём, выйдем?.. — вернувшись к ребятам, она подошла к Ритке и дёрнула ту за

рукав.

— Куда?.. — та подняла на Любашу полный изумления взгляд.

— Туда...

Видимо, в облике Любы было столько решимости, что Рита всё же последовала за ней.

— Ты давала Диме отвар?.. — затащив её в их номер, Люба буквально буравила Ритку глазами, — Говори, давала?!

— По-моему, я тебе ясно сказала, что отчитываться не буду!.. — Ритка хотела обойти соседку, но та снова встала на её пути.

— Рита, я не шучу. С Димой очень плохо. Ты давала ему отвар?..

— Пучкова, ты — больная?.. — Рита покрутила пальцем у виска, — Даже если и давала, ты что, думаешь, он мог заболеть от какой-то травы?!

— Когда и как ты ему давала эту траву?! — схватив за плечи, Люба изо всех сил трянула подругу

— Да какая тебе разница?! — было видно, что Ритка тоже разозлилась не на шутку, — Отвали, поняла?! Зачем я вообще с тобой связалась?!

— Ты понимаешь, он стекло мог проглотить!.. Сте-кло!.. — Люба неожиданно перешла на крик, — Ты по-ни-ма-ешь?!

— Какое стекло?! — в тон ей заорала Ритка, — Откуда там стекло?!

— А банка разбитая?!

— Ты же осколки вытащила!..

— А, если не все?! А, если там мелкие остались?!

— ...твою мать... — выругавшись, Рита изо всех сил впечатала кулак в стену, — Этого ещё не хватало...

— Так ты что... — чуть приглушив голос, Люба пристально посмотрела на неё, — Ты всё-таки Диму напоила?.. Когда же ты успела?!

— Перед отъездом... — развернувшись, Ритка прошла к креслу и со всего размаху плюхнулась на мягкое сиденье.

— ...твою мать... — Люба почти никогда не ругалась матом, но сейчас не смогла удержаться, чтобы не повторить вслед за Риткой ругательство, — Я так и подумала...

— А ты что, не знала, зачем мне нужна была эта чёртова трава?! — соседка снова пошла в наступление, — Что ты тут подумала?!

— Когда и как ты ему дала её выпить?! — Любаша не спускала с Риты взгляда, — Ритка!..

— Когда мы ездили к фониатру... — та опустила вниз глаза, — Я Морозову тогда насвистела, что пью очень хорошее лекарство, и поэтому связки так быстро вылечила. А он сказал, что скоро с ума сойдёт от всего этого... Его реально трясло, я клянусь...

— А ты?..

— А я предложила ему успокоительное... Я уже сделала отвар, пузырёк с собой всё время носила, ждала подходящего момента...

— И, что, ты ему дала выпить всё?! — Люба вытаращила глаза, — Да?!

— Ну, да, — Ритка пожалала плечами, — А что такого?..

— Его надо принимать по ложке в день!.. — Любаша выговорила эти слова медленно, чеканя каждый слог, — По ложке!.. А ты ему дала весь пузырёк?!

— Ну, я подумала... какая разница?.. — глядя на неё, Ритка резко «сбавила обороты», — Мне не реально поить его целую неделю!.. Я же не живу с ним вместе...

пока...

— Ну, ты и дура... — Люба медленно покачала головой, — Ты хоть отвар процеживала?

— Не-а... — Ритка подняла на неё растерянный взгляд, — Там же трава в порошок стёрта была... Я и подумала, что так крепче будет...

— И он что, выпил?.. Прямо так выпил?! — Люба ещё сбавила тон, и вопрос прозвучал почти шёпотом.

— Угу... — Рита кивнула, — Он в таком состоянии был, ну, прикинь, поездка вот-вот, а тут такие проблемы... Выпил...

— Ну, всё... — Люба обречённо сдвинула брови, — Это — стекло... Как пить дать...

— Да, может, не стекло... Он бы почувствовал...

— Да как он тебе почувствует?! Проглотил вместе с осадком, как там почувствуешь?!

— Ой, только не надо делать из меня виноватую!.. — Ритка бросила на Любу возмущённый взгляд, — Банку-то не я разбила!.. Я вообще про это стекло знать не могла!.. Я вообще не знаю, что это за трава, может, крапива какая-нибудь, а вовсе не отворотная!.. Она ещё не подействовала...

— В том-то и дело, что подействовала... — Любаша угрюмо смотрела куда-то вперёд себя.

— В смысле?.. — Ритка тут же заинтересованно подалась вперёд, — Как подействовала?..

— Он её гонит от себя...

— Кого?..

— Наташу.

— Кто?.. Дима?..

— Да. Близко не подпускает. Говорит, что ему хуже становится, когда она рядом...

— Ничего себе... — в голосе Ритки послышалась откровенная радость, — А откуда знаешь?..

— Она мне сама утром сказала... Господи!.. — Люба в ужасе обхватила ладонями щёки, — Что же я наделала...

— Э, Пучкова... — Рита настороженно уставилась на неё, — Ты только не вздумай признаваться!.. Слышишь?!

— Ты что?! — побледнев, Любаша подняла на неё испуганный взгляд, — А, если у него стекло в желудке?! Я сейчас позвоню...

— Если ты позвонишь, я скажу, что это ты попросила меня напоить Морозова отваром... Я скажу, что это ты в него влюбилась, и хотела увести у жены.

— Да говори, что хочешь... — вскочив, Люба стремительно вышла в коридор и достала телефон.

Она несколько раз набирала номер Наташи, но та не брала трубку.

...Всё произошло только по её, Любашной, вине... Она одна виновата во всём: и в том, что она рассказала об этой траве, тем самым возбудив Риткин интерес, и в том, что не удержалась от соблазна поехать на фестиваль в качестве солистки... и в том, что Дима, в конце концов, выпил этот проклятый отворот... А Наташа?.. Она столько сделала для неё хорошего... А теперь не понимает, почему любимый муж гонит её от себя...

Что же делать?..

«Тётя Оля... Может, она знает средство от этого отворота?! Она должна знать!.. Ну, конечно... Тётя Оля...»

...Сначала она хотела позвонить Ольге Павловне, но потом, решив, что по телефону та всё равно не сможет помочь, снова бросилась в свой номер...

— Что ты делаешь?.. — глядя как Люба собирает свои вещи, Ритка подозрительно прищурилась, — Ты куда?..

— Домой... — застегнув молнию на сумке, Люба заглянула в кошелёк, потом подняла глаза на соседку, — Ты не знаешь, сколько стоит билет на самолёт?

— Зачем тебе самолёт?.. Завтра поездом все уедем.

— Нет... — бросив кошелёк в сумочку, Люба обула лёгкие туфли на невысоком каблучке, — Мне нужно срочно домой...

— А как же съёмка?.. Элеонора сказала, что у вас с Натальей и Соловьёвым сегодня съёмка...

— Да плевать мне на эту съёмку!.. — схватив сумку, Люба почти бегом выбежала из номера.

...За доставку в Шереметьево таксист запросил баснословную по её меркам сумму. Любаша не знала расписания самолётов, но чувствовала, что ей нужно торопиться...

Уже сидя в салоне автомобиля, снова набрала Наташин номер... На этот раз та сняла трубку.

— Наташа, я улетаю домой, — от волнения Люба говорила торопливо, сбивчиво, — Объясню всё потом... Я хочу, чтобы ты знала... Это я виновата в том, что Дима заболел. Ты меня сейчас ни о чём не спрашивай... Только скажи его врачу, что Дима мог проглотить стекло... Не спрашивай, просто скажи врачу. И не обижайся на него... Во всём виновата только я... Но я успею... Я обещаю, что успею...

...Люба в отчаянии отошла от кассы аэровокзала. Почти все наличные деньги она оставила дома, а тех, что были на карте, не хватало на билет на ближайший рейс до её города...

«Господи... Каких-то полторы тысячи... если бы знала, не хватала бы первое попавшееся такси...»

Если бы знала... Да, если бы она только знала, чем всё закончится... Злополучная трава... Из-за неё все беды!.. А ещё это стекло... Наверняка, Дима его проглотил... Иначе чем объяснить его внезапную болезнь?! Не нужно было ходить в тот вечер к Егору... Не пошла бы, не разбила бы банку...

Егор... Ну, как она могла забыть... Да, они рассорились окончательно... и эта Катя... Но у неё сейчас нет выбора...

— Егор... — на её счастье, он сразу снял трубку, — Я потом всё объясню... Мне нужна твоя помощь...

Глава 30.

Перевод от Егора поступил на карту в течение нескольких минут. Сумма оказалась намного больше тех полутора тысяч рублей, о которых попросила его Люба.

— Спасибо... Дома у меня есть деньги, я прилечу и сразу отдам, — она позвонила ему снова, как только купила билет на самолёт.

— Каким рейсом ты прилетишь?

— Регистрация уже началась, — она подумала, что он спрашивает из вежливости, и решила ответить уклончиво.

Уже поговорив с Егором, Любаша подумала, стоило ли просить о помощи именно его...

Можно было позвонить кому-нибудь из девчонок, Вере, наконец...

Прокрутив в голове все варианты, она тут же их отмела. Лишние переезды и ожидания сейчас только затянули бы время, а Люба чувствовала — нужно торопиться! Какой бы диагноз не поставили Морозову, а действие отворотного зелья, судя по всему, уже началось!..

...Усевшись на своё место, в ожидании взлёта Люба откинулась на спинку удобного кресла и закрыла глаза. События последних суток уже в который раз пронеслись в её голове... Да, натворила она дел... И ради чего?.. Ради того, чтобы выйти на передний план... Но ведь она никогда не стремилась к переднему плану... Если быть откровенной, её вполне устраивало положение бэк-вокалистки, и звёзды с неба — не её манера...

Так что же произошло?.. По сути, она своими руками разрушила всё, что имела... Даже если с Морозовым всё обойдётся, она, Люба, уже и так слишком много сказала Наталье, чтобы остаться в стороне...

«Может, не нужно было ей звонить и говорить, что я виновата?.. Просто поехать к тёте Оле, всё рассказать... Она поможет, у неё должно быть противоядие... Нужно было смолчать. А стекло, если оно попало Диме в организм, всё равно обнаружат, ведь он в больнице...»

А, если не обнаружат?.. Кто их знает, этих врачей? Если врач похож на Риткиного бывшего мужа, то она, Люба, ни за что не доверила бы такому свою жизнь... Даже не зная его профессиональных качеств, вот не доверила бы, и всё!

— Добрый день! — довольно приятный мужской голос прервал её мысли.

— Добрый день, — открыв глаза, Люба вскользь окинула взглядом пассажира, устроившегося на соседнем кресле: лет сорока пяти, небольшая, окладистая борода, серьга в правом ухе, длинные, волнистые, русые волосы схвачены резинкой на затылке. Стилль одежды явно выдавал в нём творческого человека.

На мгновение Любе показалось, что она уже где-то его видела. Достав после взлёта какую-то книгу, мужчина погрузился в чтение. Чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей, Люба попыталась уснуть, но эти мысли как будто только и ждали, когда она закроет глаза... Налетев одним беспорядочным роем, они вились, сбивая одна другую, то сплетаясь в один клубок, то снова расплетаясь, так, что Любаша не выдержала и, снова открыв глаза, достала рекламный буклет рок-фестиваля. Гала-концерт в честь закрытия должен был состояться завтра вечером, и Люба подумала, что из-за болезни Морозова теперь сорвётся и выступление «Ночного патруля»... От злости на саму себя она уже хотела скомкать буклет и швырнуть его назад, в сумочку, как услышала голос соседа.

— Можно взглянуть?

— Да, конечно... — Люба протянула ему буклет.

Судя по тому, как внимательно он изучал программу и смотрел фото, можно было сделать вывод, что интересуется он не из праздного любопытства.

— Вы там были? — возвращая буклет Любаше, спросил мужчина.

— Да, была два дня, — закрывая сумочку, ответила она.

— А у меня не получилось, — с сожалением качнув головой, посетовал сосед.

— Можно потом в интернете посмотреть и послушать.

— Рок — в интернете? — он неожиданно рассмеялся, — Нет, рок надо слушать живуюю.

А в интернете... лучше просто фото посмотреть.

— Вот, если интересно, — достав планшет, Люба нашла папку с фотографиями, сделанными ею вчера, — правда, здесь немного, особо некогда было снимать... Но кое-что

удалось.

— Почему — некогда? — перелистывая фото рок-групп и зрителей, он внимательно вглядывался в лица музыкантов, — Макар... Соколовский... этих не знаю... этих — тоже... О!.. Женья!..

— Вы его знаете? — Люба удивлённо смотрела на фото, где Журавлёв стоит в обнимку с другими рокерами.

— Да я тут многих знаю, — усмехнулся мужчина, — хотя тех, кого я не знаю, с каждым годом становится всё больше.

— Вы музыкант? — высказала свою догадку Любаша.

— Ну, в общем, да... — он открыл ещё одну фотографию, — Вот и эту девушку очень хорошо знаю!..

— Наташу?! — Люба не смогла скрыть своего изумления, — Вы её знаете?!

— Угу, — кивнул сосед, — шикарный вокал. Впрочем, я знаю её не только как вокалистку, а намного ближе. Жалею, что не получилось прилететь раньше и остаться на сам фестиваль. Но ничего, увидимся дома.

— Вы не москвич?..

— Нет, я живу в Германии, а раньше жил там, куда мы сейчас летим. Кстати, меня зовут Константин.

— Меня — Люба.

Услышав слово «Германия», она едва подавила в себе желание громко вскрикнуть. Теперь она вспомнила, где видела этого мужчину!.. Ну, конечно!.. Фото, на котором он вместе с Натальей и Дмитрием во дворе своего немецкого дома, тоже висит на стене студии в квартире Морозовых!.. Наташа говорила, что это — знаменитый в прошлом рок-музыкант, их хороший знакомый... Константин!.. ну, да, Константин Романов!.. Люба запомнила его фамилию, потому что она была такой же, как и у Егора. Сейчас она решила не говорить, что знает его имя, а так же то, что он — близкий знакомый Морозовых.

— А вы, я смотрю, тоже интересуетесь рок-музыкой? — отдавая планшет, улыбнулся Константин.

— Да, немного.

Любе не хотелось говорить о себе. Она была уверена, что после всего, что произошло, её не оставят ни в группе, ни в мюзикле, поэтому решила промолчать, что она выступает вместе с Натальей и Дмитрием. Воспользовавшись тем, что Романов ненадолго покинул кресло, она снова закрыла глаза и сделала вид, что уснула...

Уснуть так и не удалось. Два часа полёта показались вечностью, так что по трапу Любаша спускалась почти бегом. С Константином они попрощались ещё в салоне самолёта, перед тем, как покинуть места, и, оказавшись на улице, Люба тут же потеряла его из виду — судя по всему, он отправился получать багаж.

Егора она увидела у выхода из терминала — он стоял, вглядываясь в лица пассажиров, прилетевших её рейсом.

— Привет, — увидев её, он шагнул навстречу и, приобняв, поцеловал в щёку.

— Привет, — несмотря ни на что, она была рада его видеть именно сейчас, — ну, зачем ты?.. Я бы сама добралась.

— Всё нормально, — улыбаясь краешком губ, он вглядывался в её лицо, — сейчас поедем.

— Куда?

— Куда скажешь, — он пожал плечами, — но думаю, что лучше ко мне.

— Нет-нет, — отчаянно замотав головой, Люба решительно направилась в зал, — я не могу...

— Подожди, — он поймал её за руку и потянул назад, к себе, — не торопись.

— Мне правда некогда... Мне нужно срочно ехать... — она смотрела на него почти умоляюще, — Спасибо тебе за деньги, я тебе всё отдам, у меня есть!..

— Люба, подожди, — он упрямо тянул её назад, — десять минут тебя не устроят, правда? Сейчас я встречу ещё одного человека, и мы поедem, куда скажешь. Хорошо?

— Какого человека?..

— Сейчас увидишь.

...Она всё поняла, когда увидела идущего к ним навстречу Константина... Шагнув к нему, Егор первым подал руку. От Любаши не украдась сдержанность, с которой поздоровались Егор и Константин.

— Знакомься, это — мой брат Константин, — повернувшись к ней, Егор представил её попутчика, затем обратился к нему самому, — а это — Люба.

— А мы уже знакомы, — усмехнулся Романов.

— Серьёзно?! — Егор перевёл взгляд с него на Любашу, — Ну, замечательно... Разберёмся по дороге... Поехали?

Служебная машина, на которой приехал Егор, ожидала их на стоянке. Усевшись на сиденье рядом с водителем, он назвал тому незнакомый Любаше адрес. Догадавшись, что это адрес Константина, Люба хотела сказать Егору, чтобы он отвёз её сразу на автовокзал, но тот отвлёкся на телефонный звонок. Когда разговор был окончен, оказалось, что они уже приехали — дом, на который указал Константин, находился на окраине города со стороны дороги в аэропорт.

Любаше пришлось ждать в машине ещё около двадцати минут, пока Егор о чём-то разговаривал со своим братом у подъезда. Когда он, наконец, вернулся, она уже нервничала не на шутку.

— Куда мы едем?.. — глядя на ходу в окно, Люба с удивлением обнаружила, что они повернули совсем не в сторону автовокзала.

— Мы едем ко мне, — невозмутимо ответил Егор.

— Егор, я даже домой не собиралась заезжать! Мне нужно срочно на автовокзал!..

— Мы поедem на автовокзал, но сначала ты мне всё расскажешь.

— Я не буду ничего рассказывать!.. — она тронула за плечо водителя, — Остановите, пожалуйста!.. Я выйду!..

— Остановить? — тот повернулся к Егору.

— Нет, едем домой.

...Выскочив из автомобиля возле дома Егора, Люба едва дождалась, пока водитель откроет багажник и, схватив свою сумку, тут же бросилась прочь по двору, в сторону автобусной остановки. Догнав её, Егор на ходу выхватил из её рук сумку.

— Люба, подожди!.. — другой рукой он ухватил её за локоть, — Куда ты?!

— Ты понимаешь, мне нужно ехать?! — она резко повернулась к нему, — Я не шучу!..

— Куда тебе нужно ехать?

— Домой!

— Я потом отвезу тебя домой, я не отпустил водителя.

— Мне не сюда домой... Мне — в свой город домой!..

— Что случилось? Ты можешь мне рассказать?!

— Мне некогда... — Люба почувствовала, что вот-вот расплечется, — Я опоздаю на автобус!..

— Пока не расскажешь, не поедешь, — он вдруг стал очень серьёзным, — куда тебе ехать в таком состоянии?..

— Он может умереть!.. — она всё-таки расплакалась.

— Кто — он?..

— Дима. Он может умереть, и всё из-за меня!

— Хорошо. Мы сейчас едем на автовокзал, — подхватив сумку, он потянул Любу за руку в сторону автомобиля, — но тебе придётся рассказать мне всё.

Он уселся рядом с ней, на заднее сиденье, но говорить при водителе Любаша не могла. Она так и промолчала всю дорогу, печально глядя перед собой.

— Расскажи хотя бы в двух словах, — перед тем, как войти в автовокзал, Егор задержал её у входной двери, — что случилось?

— Я наделала глупостей...

...Неожиданно уткнувшись ему в плечо, она подумала, что в этот момент нет на свете человека роднее и ближе, чем он... Даже несмотря на то, что...

— И это всё?! — выслушав её сбивчивый рассказ, Егор вдруг улыбнулся, — Люба?! И это — всё?!

— Ты зря смеёшься... — отстранившись, она посмотрела ему в глаза, — ты просто не понимаешь!..

— Люба... — он погладил её по голове, как маленького ребёнка, — ты всерьёз веришь в эту чепуху?!

— Это не чепуха!.. Это — правда!..

— Ну, какая правда... Любаша... Какие отвороты?! Как вы, женщины, любите верить во всякую чепуху...

— Понимаешь, он в больницу попал!.. Он жену от себя гонит!.. Он накричал на неё в тот же вечер, как выпил эту траву... Я сама слышала, понимаешь?!

— Ну, и что?.. Мужья часто кричат на своих жён... А уж как жёны орут!..

— Они почти никогда не ссорятся. Это было впервые!..

— Люба, — он старательно вытирал ей лицо ладонями, — давай, сделаем так. Сейчас мы едем ко мне. Мне тоже нужно кое-что тебе сказать. Ты успокойся, мы поужинаем...

— Ты меня так и не понял... — она вырвала из его рук свою сумку и бросилась в двери автовокзала.

Ему ничего не оставалось, как обречённо шагнуть за ней следом. Любу Егор увидел у кассы: о чём-то поговорив с кассиршей, она медленно отошла от стойки.

— Билетов нет... — скорбно наморщив лоб, Любаша присела на краешек обитого дерматином кресла, — Ни на вечер, ни на утро...

— Может, это к лучшему? — устроившись рядом, Егор смотрел на неё сочувственно.

— Если с ними что-то случится, я себе не прощу... — Люба отрешённо смотрела куда-то вперёд, — Не прощу...

— Поехали ко мне, — он решительно встал и протянул ей руку.

— Я возьму такси... — она подняла на него глаза, — Я поеду туда на такси...

— Ещё чего... — он упрямо протягивал ей руку, — Я сам тебя отвезу...

— Ты?..

— Ну, не совсем я... Прав у меня сейчас нет... Но машина-то есть!

— А разве можно?.. — в её глазах загорелся огонёк надежды, — Это же служебная...

— Мы поедем на моей. С водителем я договарюсь. Только сначала заедем домой. Тебе ведь не надолго?

— Нет!.. — Люба вскочила с места, — Я сейчас позвоню тёте Оле, скажу, что приеду... Она будет ждать!..

Договорившись с водителем, Егор на пару часов отпустил того домой. Уже поднимаясь в его квартиру, Люба вдруг замедлила шаг...

— А у тебя сейчас дома кто-то есть?..

— У меня?! — казалось, что он не понял её вопроса.

— Да, у тебя...

— Нет, а с чего ты взяла, что у меня кто-то должен быть дома?..

— Ну, мало ли...

...Усадив Любашу в кресло, Егор бодро хлопал дверцей холодильника на кухне. Немного успокоившись, она вдруг ощутила острое чувство голода. За всеми переживаниями она совсем забыла, что ничего не ела со вчерашнего дня... Пара чашек кофе в аэропорту — не считается...

— Всё готово! — заглянув в комнату, Егор кивнул в сторону кухни, — Идём!..

— А... у Константина здесь кто-нибудь есть? — вспомнив о сегодняшней удивительной встрече с братом Егора, Люба обвела взглядом накрытый стол.

— Нет, — покачал головой Егор, — если ты имеешь в виду семью, то — нет. Квартира есть, но там никого.

— Почему ты не пригласил его к себе? У него, наверное, в холодильнике пусто...

— Я звал. Если честно, я всё это приготовил для встречи... Ты уже потом позвонила. Но он отказался...

— Странно... А ты не говорил, что у тебя есть брат.

— Мы братья только по отцу, и вместе не росли. Скажу больше... Последние десять лет мы даже не общались.

— Почему?.. — Люба удивлённо застыла с вилкой в руках.

— Долгая история... Кстати... Он сказал, что вы знакомы. Откуда?..

— Мы вместе летели, на соседних креслах.

— Да... — Егор усмехнулся, — Совпадение...

— Это ещё не все совпадения... — отложив вилку, Люба откинулась на спинку стула, — Твой брат Константин Романов, оказывается, близкий друг Морозовых, и это именно он устраивает им гастроли по Германии...

— Серьёзно?..

— Да. Его постер висит у них в студии... Твой брат — известный в прошлом рок-музыкант...

— Да я в курсе... — положив локти на стол, Егор пристально посмотрел на Любашу, — Я не рассказывал тебе о нём потому, что... В общем, когда-то моя мама увела моего отца из семьи. Косте тогда было двенадцать лет... Он общался с отцом, приходил к нему домой... Когда родился я, он перестал приходить. Начал заниматься музыкой, играл в какой-то группе... Стал выпивать, дошёл даже до наркоты. Он оказался очень талантливым, и, несмотря ни на что, добился популярности. Первая жена ушла от него вместе с дочкой... Не

выдержала его загулов. А он вскоре снова женился, на молодой женщине с ребёнком... Мы встретились на похоронах отца, а потом стали общаться. Мне уже было двадцать три года, ему — тридцать пять... А ещё через пару лет я увёл у него жену. Вот так всё и вышло...

— Это... это — Дина?..

— Да, это Дина. Я был молодой, многое казалось слишком просто...

— А Костя?.. — слушая эту историю, Люба даже забыла о собственных проблемах.

— А у Кости вскоре умерла единственная дочь. Он забросил концертную деятельность, и я не слышал о нём несколько лет... Потом узнал, что он завязал с алкоголем и разгульной артистической жизнью, женился в третий раз... и около четырёх лет назад уехал вместе с женой в Германию.

— А ты?..

— А я... Мы прожили с Диной около семи лет. Оказалось, что между нами нет ничего общего... в том числе и чувств. Она всегда думала только о деньгах, строила свой бизнес... Упрекала меня, что я не хочу ей помогать... Но это — не моё. Вот работа на предприятии — это моё. Даже такая сумасшедшая, как сейчас...

— Почему же вы до сих пор не развелись?

— Одну из фирм она оформила на меня... Я тогда не знал, чем это может закончиться, да мне и в голову не могло прийти, что меня подставит собственная жена... Участвовать в бизнесе — увольте... Оформить на себя — почему бы и нет?..

— И — что?..

— Долго рассказывать, но, если вкратце... Эта фирма, что была на меня, прогорела, при чём, с треском. Остались долги и банкам, и деловым партнёрам. Она не являлась юридическим лицом, а была оформлена на меня, как на физлицо... следовательно, все эти долги свалились на мою голову. А вот всё, что было у нас с Диной к тому моменту нажито, в виде двух квартир, оказалось записанным на неё и на её сына... Ты его видела, он приносил документы домой.

— Максим?! — Люба изумлённо округлила глаза, — но... ему лет двадцать... А Дина... Она же твоя ровесница?

— Нет, она старше. Ей уже сорок. Просто пластика делает своё дело.

— И... и что дальше?..

— Лучше спросить, что раньше... Чуть раньше, когда мы с Диной только решили пожениться официально, моя мама сделала нам подарок. Она по доброте душевной переписала свою квартиру на нас с Диной и Максимом. Мама была способна на такие поступки... Когда мне стали поступать звонки и письма об оплате всех долгов фирмы Дины, у мамы не выдержало сердце. Она умерла от инфаркта... Дина уговорила меня продать её квартиру, чтобы погасить долги, а на оставшиеся деньги купить другое жильё, поменьше. Вот так я оказался здесь...

— А долги?.. Погасили?..

— Только часть. Дина говорила, что не может гасить прибылью с других фирм... Что тогда она разорится окончательно... И, что лучше пожертвовать малым ради одной большой цели.

— Ты ей верил?

— Верил, конечно. У нас тогда ещё всё было хорошо. Вернее, мне так казалось, что всё хорошо... А потом я узнал, что у неё есть любовник. Кроме, как сюда, идти мне было некуда, это жильё — единственное, что осталось от родительской квартиры... Дина умудрилась

прописаться сюда вместе со мной. И она, и Максим имеют здесь свою долю.

— А где она живёт сейчас?..

— В нашей прежней с ней квартире. И у неё, и у Макса по шикарной трёшке в центре города, к которым я её стараниями не имею никакого юридического отношения. Всё оформлено на её сына...

— Тогда почему ты не хочешь с ней развестись?!

— Потому, что тогда она подаст на раздел вот этого последнего жилья... Продать его, чтобы купить три квартиры не получится... Выплатить ей и Максиму их долю я пока не могу. На мне исполнительный лист, плюс испорченная кредитная история из-за невыплаченного кредита на моё имя.

— Ты что... всё выплачиваешь сам?.. Но ведь ты ни при чём!

— Так получилось... Да там ещё куча нюансов, не буду вдаваться в подробности. Вот поэтому я пока не развожусь и не делаю никому предложения... Скопить на новую квартиру тоже пока не удалось, хоть зарплата позволяет... Вот такие дела, Любаша.

— Сколько же ты выплатил?.. — она даже затаила дыхание в ожидании ответа.

— Тебе лучше не знать, — усмехнулся Егор, — сначала Дина компенсировала все мои вычеты. Потом компенсации стали меньше... А потом и вовсе прекратились. Если бы не эта моя нынешняя должность, которую я получил три года назад, я бы ещё лет десять рассчитывался.

— А сейчас?..

— А сейчас осталось всего на пару месяцев.

— И что потом?..

— А потом я смогу продать Дине свою долю в этой квартире и взять беспроцентную ссуду у своего предприятия на покупку жилья. Мне давно предлагали, да смысла не было... Теперь — есть...

За разговором незаметно пролетели два часа, отпущенные водителю. Слушая исповедь Егора, Люба чувствовала, как нарастает непреодолимое желание повиснуть у него на шее и разреваться, уткнувшись куда-нибудь в плечо... потому, что не было на свете никого и никогда роднее, чем он... Она не знала, почему почувствовала это именно сейчас, так внезапно... Она напрочь забыла и про Дину, и про Катю, из-за которой неделю назад поссорилась с Егором... Потому что знала наверняка: не просто так он сейчас всё ей рассказывает... и нет никакой Кати!.. и Дины — нет! И вообще — никого нет... Никого, кроме неё и его... Потому, что невозможно смотреть вот этим его серым взглядом и думать иначе!.. И вот эта щемящая волна, прокатившаяся по всему её телу — она только подтверждение её мыслям и чувствам...

— Почему ты раньше не рассказывал?

— Я собирался... да как-то всё не выходило... Ты, ведь, наверное, думала что я такой взрослый... обеспеченный... без каких-то бытовых и финансовых проблем... А я — вот такой...

— Да разве это проблемы?.. Квартира... ты такие подарки мне делал... Что ты, Егор?..

— Да разве это подарки для настоящего мужика?..

— А разве они мне были нужны?!

Не выдержав, она вскочила и, обойдя стол, уселась к нему на колени... обхватила шею руками... Почувствовав волю, слёзы градом катились по щекам, капая на ворот его рубашки...

— Дурак... И я — дура...

— Два дурака... да?.. — он гладил рукой её волосы, прижимаясь к ним щекой, и улыбался, — Да?..

— Мне было так одиноко...

— Но ты ведь больше не одна?..

— Почему мне всегда с тобой так хорошо?.. Так спокойно... — шмыгая носом, бормотала Люба, — Мне никогда и ни с кем в жизни не было так хорошо...

...Когда позвонивший в дверь водитель сообщил Егору, что готов ехать, Люба поймала себя на мысли, что с удовольствием упала бы сейчас в кровать... именно здесь, в соседней комнате... где так уютно и привычно... Упала бы и уснула самым безмятежным сном, зная наверняка, что он — рядом...

Поспать ей всё же удалось: подложив под голову свою сумочку, она улеглась на заднем сиденье внедорожника и сразу же провалилась в глубокий сон. Любаша проспала все три часа дороги, и открыла глаза, лишь когда Егор сообщил ей, что они въезжают в черту её родного городка. Щурясь спросонья, она смотрела в окно, узнавая родные места, где не была вот уже несколько месяцев. Сердце предательски защемило, когда вместо улицы, на которой жили её родители, автомобиль свернул на другую дорогу.

— Может, сначала домой? — обернувшись к ней, Егор вопросительно смотрел на Любашу.

— Нет, — покачала она головой, — к тётке Оле...

Объяснив водителю, как проехать на противоположную окраину города, Люба достала из сумочки расчёску, расчесала волосы и схватила их резинкой на затылке. Она подумала, что в час ночи ей совершенно не до красоты.

...Ольга Павловна, которую Любаша предупредила о своём приезде ещё с вечера, не спала, и тут же вышла встречать гостей. После радостных приветствий последовало приглашение в дом, к накрытому столу, но гости предпочли только чай с пирогами, которые Ольга успела напечь после Любашиного звонка.

Отправив водителя спать на постеленный ему «в зале» диван, Ольга вернулась в кухню к Любаше.

— А Егор где? — не увидев Любиного спутника, женщина удивлённо посмотрела в окно, — Ушёл, что ли?

— Он вышел, сказал, хочет прогуляться. Ночь такая светлая...

— Ну, да, ну, да... — присев напротив Любаши, Ольга Павловна подняла на неё глаза, — Что случилось, Любочка? Ты позвонила, а у меня сердце оборвалось... У тебя такой голос был...

— Случилось, тётя Оля...

...Рассказывала Люба всё без утайки, не жалея себя и не оправдывая. Когда дошла в своём рассказе до непонятной болезни Морозова, снова расплакалась...

— Тётя Оля... Помогите!.. Ведь есть же какое-то средство от этого отворота?.. Должно же быть!..

— Средство-то есть... — Ольга вздохнула — Любе показалось, что вздохнула виновато, — Да ни к чему оно...

— Ну, как же ни к чему?! Дима выпил этот отвар!.. Сразу — весь!.. Я ей рассказывала как нужно его пить, но она решила, что так будет крепче... Нужно что-то сделать!..

Помогите...

— Не нужно ничего делать.

— Да ведь оно уже подействовало!.. Он гонит её от себя... Мне сама Наташа говорила, что к себе не подпускает!..

— Если даже и так, то травка эта тут ни при чём, — Ольга Павловна грустно улыбнулась, — обманула я тебя, Любаша...

— То есть как — обманули?.. — от услышанного Люба застыла на месте, — В каком смысле — обманули?..

— Трава эта никакая не отворотная... — женщина смотрела чуть виновато, — Обыкновенный папоротник, его тут полно растёт. Не знаю, как он по-научному зовётся, а мы его синюхой зовём, потому, что листья у него с синей каймой... А, когда их высушишь, да перетрёшь в порошок, то вся смесь получается синего цвета.

— А... зачем же вы... — Люба смотрела на неё не мигая, непонимающим взглядом, — Тётя Оля... Зачем?!

— А что мне с тобой было делать? Ты ж так убивалась... Я всем эту синюху даю, кто сильно просит... Да тебе первой призналась.

— Правда?.. — Любаша и не знала, радоваться ей или печалиться от услышанного.

— Чистая правда, — кивнула Ольга, — вреда от неё нет, правда, и пользы — никакой, ну, разве какой витамин в организм заскочит...

— Значит... это — точно не отворот?! — несмотря на заверения, Люба всё равно не могла до конца поверить тому, что сказала Ольга Павловна, — Дима выпил не отворот?..

— Нет, он выпил не отворот, — женщина отвечала терпеливо и как-то обречённо, — и то, что он Наташу гонит, думаю, тут дело совсем в другом. Венчаные они. Их любовь сам Господь оберегает.

— Но волос... Ритка сказала, что у неё был Наташин волос, и она сожгла его над отваром...

— Ну, и что. Сожгла и сожгла. Про волос я вообще придумала, чтобы тебе труднее было всё исполнить... Ты же для Данилки своего траву-то просила... Я и думать не могла, куда всё скатится.

— Простите меня, тётя Оля... Я же ещё Вере хотела эту траву отдать, для Серёги... А потом подумала, вдруг, ему только хуже будет, это же вы собирали... В общем, я ей в аптеке какой-то сбор купила и отправила... Только вы ей не говорите!..

— Разницы нет, кто собирал... Это я тоже нарочно людям говорю. Ведь, когда человек хочет легко проблему свою решить, он на всё готов... А я такая дура, что отказывать не умею... Вот и придумала себе оправдание...

— Господии-и-и... — протяжно проговорила Любаша, схватившись ладонями за лицо, — Как хорошо-то... У меня как будто гора с плеч упала!..

— Это я виновата, дура старая... — тяжело вздохнула Ольга Павловна, — Не могу отказать!.. Хоть и не настоящая трава, а вон сколько бед наделала!.. Учила ведь меня жизнь, учила... Да недоучила, видимо!..

— Как это?..

— Грех на мне, Любаша... Огромный грех. За него сейчас сын мой расплачивается...

— Серёжка?! — Любаша удивлённо застыла, — Как расплачивается?!

— А вот так... Здесь, в этом доме, ещё мои бабка с дедом жили. Дед-то на войне погиб, а бабушка с матерью моей так тут и остались. Обе были травницами. И меня потом учили, с

самого детства ремесло передавали. А Смольниковы свой дом купили, когда я в восьмой класс перешла... Валера у них был младшим, старшие-то сыновья уже взрослыми были, а Валера — мой ровесник, но на класс старше. Парень он был видный, и характер хороший — и не сказать, что тряпка половая, но и не наглый, не хам... Знал себе цену, но не набивал. Девчонки за ним стаями гонялись... Он и мне нравился... Да только влюбился в Свету, в свою одноклассницу.

— В эту самую? С которой он сейчас живёт?..

— В неё. Любовь была у них... Ну, сейчас говорят так, а раньше говорили — «ходили» они. Другие-то девчонки постепенно отступились, кроме одной... Звали её Зина, училась в параллельном. Раньше говорили — «бегала» она за ним. Ну, вот, бегала-бегала, да всё без толку... Не обращает он на неё внимания, и всё тут... Вроде и девка вся из себя... да не по сердцу.

— И — что?.. — Ольга Павловна рассказывала так интересно, что Люба аж затаила дыхание.

— Ну, и вот, — та скрестила руки на груди, — как-то приходит эта Зинка к моей матери. И просит дать ей приворотное зелье... А я в своей комнате сижу, да всё слышу... Как она только мамку не упрашивала, а та — ни в какую! В конце концов, выгнала Зинку взащей. Иди, говорит, домой, да расти быстрее, больно рано, говорит, такие вещи просишь... На другой день Зинка подходит ко мне... и тоже просит помочь ей с приворотом. Наплела, что для старшей сестры, да я-то знала, на кого она глаз положила...

— И- что?.. Вы ей помогли?..

— Сначала-то я не хотела. Валера-то и мне нравился. А вечером иду домой, смотрю — они со Светой целуются... Не знаю, какая меня муха укусила, но так мне обидно стало... Да ладно бы, я совсем за ним убивалась, так нет же!.. Нравился, но не до смерти!.. А вот взяла, да на следующий день стащила у матери я ту траву... я уж знала, какую... Да отнесла её Зинке. Уж не знаю, как она ему её давала... Да только получилось у неё...

— Да вы что?.. — замороженная рассказом, Люба слушала буквально раскрыв рот, — А потом?..

— Стали они со Светой ссориться. С выпускного, говорят, уходили порознь... Зинка всё возле Валеры крутилась... Мне потом девчонки рассказывали, что вешалась на него, как ведро на коромысло...

— А он?..

— А он-то, вроде, к ней всё никак... То есть, она своего-то добилась, со Светой их рассорила... А вот к себе не получилось привязать. Тут он в армию ушёл... А через два года вернулся с невестой, с Надюшкой... И так у них всё вышло лихо... Он до этого приходил на побывку, ехал через областной... Пока ждал автобус, пошёл погулять, и Надю встретил на остановке... И так влюбился, что адрес ей оставил, и она ему свой дала... Переписывались, а когда он со службы ехал, сразу — к ней... Недельку у неё побыл, да и привёз сюда, домой... Через полгода поженились. Надя его очень любила, из такого города огромного да в наше захолустье переехала... Она в музыкальной школе преподавала, а Валера водителем работал... Через год Наташа у них родилась, копия — Надюшка... Волосы белые, а глаза — карие. Такая вот порода! И характером вся в мать — тихая, добрая... и такая же безответная.

— А что с ней случилось?.. С Надей?..

— Убили её. Шла вечером с работы, и один дурак пьяный — ножом... Валера всегда её встречал, а в тот вечер, как на грех, в гараже задержался, — тяжело вздохнув, Ольга

Павловна смахнула слезу со щеки, — Надюшку-то все любили... пол города провожать вышло. Валера сильно убивался... А Наташа в себя ушла, думали, умом тронется девочка... Ни с кем не разговаривала... В прошлый раз приезжала, мне призналась, что окончательно отошла только через несколько лет, когда Диму своего встретила... Говорит, душа излечилась.

— А в чём ваш грех? — Люба удивлённо смотрела на Ольгу, — Вы же не виноваты...

— Да как не виновата? А траву приворотную Зинке кто давал?..

— Так то давно было, тем более, что не подействовало...

— Ещё как подействовало. Зинка-то неумеючи всё сделала... От Светы его отвернула, да не тот заговор сказала. Хотела сделать, чтобы разлука между ними как смерть встала — навеки... А заговорила, что встреча им через смерть суждена. Так и вышло — после Надиной смерти они и встретились... Так и сошлись, у обоих уж по дочке было. Только я думаю, что сильнее, чем Надю, Валера-то уж никого любить не будет.

— А он... знает, что вы Зинке помогали?

— Не знает. Никто не знал, кроме самой Зинки и мамки моей. Я после того, как Надк схоронили, в себя прийти не могла... Меня муж бросил, когда Серёжка совсем маленьким был... Я и думала, что это мне наказание... Матери призналась. Она мне и сказала тогда, что грех не только на Зинке, а и на мне. Нельзя такие вещи делать, и помогать нельзя... Вот и расплачиваемся... Я всю жизнь одна... А Серёжка в Наташу влюбился, как присушили его. За меня кару несёт... И женился, и всё у них хорошо... А он как тот волк на полную луну — нет-нет, да навалится на него тоска... Вот и смотрит по ночам на Наташу... А я помочь ничем не могу. За то, что чужую любовь оборвала, так моего сына карает, да и Надюшка тоже на моей совести...

— Неужели не пройдёт у Серёги?..

— Может и пройти... Когда Господь смилостивится... А, может, и нет... А я с тех пор даже дома эти травы не держу... Если кто сильно просит — даю вот как тебе...

— Ну, вот видишь, — услышав пересказ её ночного разговора с Ольгой Павловной, Егор улыбнулся, — я же говорил, что ерунда всё это...

— Теперь можно ехать домой... — сидя рядом с ним на крыльце, Любаша положила голову ему на плечо и устало закрыла глаза, — Теперь можно домой...

— Сейчас... — он взглянул на наручные часы, — Через пару часов, думаю, будет можно и пойти.

— Пойти?.. — Люба удивлённо заглянула ему в лицо, — Куда — пойти?..

— Домой, — он пожал плечами, — к твоим родителям. Что ж мы, зря приехали?

Глава 31.

Дверной звонок, раздавшийся ранним воскресным утром в квартире Пучковых, застал Тамару Васильевну в постели. Открывала она ещё сонная, но увидев на пороге свою «заблудшую» младшую дочь в сопровождении Егора, проснулась окончательно.

— Господи!.. — запахивая халат на груди, женщина от неожиданности отступила назад, — Люба?!

— Здравствуй, мам... — Любаша не знала, что делать — то ли обнять мать, то ли подождать её собственного родительского порыва, — А мы — вот... приехали...

Обстановку разрядил Егор, который не растерялся и абсолютно по-родственному чмокнул ошарашенную неожиданным визитом женщину в щёку и протянул ей купленную в

круглосуточном магазине огромную коробку конфет. Глядя, как он, не дожидаясь приглашения, разувается в прихожей, Тамара Васильевна, наконец, вышла из ступора, и, расцеловав таки Любашу, позвала гостей в квартиру.

Ещё по дороге в родной дом Люба позвонила Вере, но не ожидала, что та примчится уже через полчаса... Оставив Егора в обществе подобревшей после конфет матери и неожиданно трезвого по случаю раннего утра отца, Люба вместе с сестрой уединилась в своей комнате. Ещё ночью они с Ольгой Павловной договорились никому не рассказывать об истинной причине Любашиного приезда, ограничившись лишь внезапной болезнью Димы и Любиным желанием помочь ему в скорейшем выздоровлении.

— Дурочка ты моя... — не в пример матери, Вера сразу обняла сестру, — И ты летела сломя голову в такую даль, чтобы только взять ему какую-нибудь травку у Ольги Павловны? Какая же ты дурочка...

— Он и, правда, сильно заболел. Они мне столько хорошего сделали, Вер... — заглядывая сестре в глаза, оправдывалась Любаша, — Вот я и приехала...

— Так он же в больнице, и не где-нибудь, а в Москве! Там-то уж вылечат любую болячку! Хотя... — ненадолго призадумавшись, Вера вдруг улыбнулась, — Нам он, действительно, нужен здоровым... Во всяком случае — мне... А то останется больным, она его сразу бросит и про Серёгу вспомнит... А я его только отворотом начала поить, вроде как успокоился...

— Глупости, Вер, — Любаша рассмеялась ей в ответ, — не бросит...

— А твой... — Вера кивнула в сторону кухни, — не твоей руки, случайно, приехал просить?.. Уж больно торжественный какой-то!

— Нет, — покачала головой Люба, — пока эта тема закрыта, во всяком случае, официально.

— Почему?..

Решив, что лучше рассказать о причинах молчания Егора насчёт замужества, Любаша вкратце передала сестре их вчерашний разговор.

— Слушай... Какая же у него тогда зарплата?! — Вера округлила глаза до размера чайных блюдец, — Если и чужие долги выплачивает, и живёт не бедно...

— Не знаю... — Люба пожала плечами, — Я не спрашивала. Да и дело не в зарплате...

— Люб, ну, ты что?! — теперь Вера смотрела на неё как на сумасшедшую, — Это в первую очередь надо было спросить!.. Насколько я понимаю, ты собираешься к нему вернуться?..

— Ну, не знаю... — Любаша замялась, но потом подняла на сестру глаза, — Наверное — да... Знаешь... Мне кажется, я в него влюбилась. При чём тут зарплата?

— Эх ты... простота... — Вера снова заключила сестру в объятия, — Влюбилась... А в паспорт не заглянула... Про зарплату не спросила...

Вернувшись на кухню, сестры застали всё ещё непривычно трезвого отца, сидевшего напротив Егора, и мать, накрывающую на стол. Судя по обрывкам фраз, мать ворчливо комментировала состоявшийся между ними разговор.

— Два сапога — пара! — взглянув на вошедших дочерей, непонятно кому возвестила Тамара Васильевна, потом перевела взгляд на Егора, — Хоть ты и старше, хоть ты и мужик, а такой же тюфяк, как она!

— Любаш, я всё рассказал твоей маме, — несмотря на эпитет, которым наградила его женщина, Егор, отнюдь, не обиделся, а, напротив, выглядел довольно весёлым, — и она

сделала вывод, что мы с тобой подходим друг другу!

— Ты что... прям всё-всё рассказал?.. — Любаша смотрела на него удивлённо.

— Прям всё-всё! — Егор говорил шутливо-серьёзно, так, что она не могла понять, шутит он на самом деле или нет, — Тамара Васильевна — женщина умная, она мне надавала уже кучу советов...

— Толку-то сейчас от этих советов?! — Тамара возмущённо застыла перед ним с чайником в руках, — Надо ж было раньше советоваться!.. Это ж надо, чужие долги выплачивать!.. А квартира?! Что ж ты раньше-то не рассказал?! Я в квартирных вопросах стаю собак съела!.. А теперь уж всё... поезд ушёл... А! — она в отчаянии махнула рукой, — Я ж говорю — два сапога пара...

— Да вы не волнуйтесь, — глядя, как не на шутку разошлась «тёща», Егор по-доброму улыбнулся, — Как-нибудь всё решим... Недолго осталось.

— Ты с разводом решай! — немного поколебавшись, Тамара Васильевна открыла нижнее отделение кухонного стола и, порывшись, извлекла на свет бутылку красного вина, припрятанную от супруга «на особый случай». Увидев неожиданный подарок судьбы, супруг, так и не вымолвивший за всё утро ни слова, внезапно распрямился на стуле, приняв довольно жизнерадостный вид.

— Решу, конечно, — согласно кивнул Егор, — не сомневайтесь.

— Ты, что, вообще всё рассказал?! — ещё больше изумилась Любаша, — Когда ты успел?!

— Да я тут пару раз заезжал без тебя... — теперь он улыбался ей, — Просто тебе не говорил...

— Я в одном не сомневаюсь, что, если ты не разведёшься и не женишься, я тебе...

— Мам... ну, перестань... — предвидя всевозможные обычные угрозы из уст рассерженной матери, Люба попыталась прервать её монолог.

— Чего — мам?! Чего — перестань?! — та как будто ожидала повода накинуться на дочь, — Человек хороший нашёлся... И, главное, мне понравился! Если ты за него замуж не выйдешь — прокляну!..

— Ну, ма-а-м...

— Ты на мать не обижайся, — уже на обратной дороге Люба виновато посмотрела на Егора, — она всегда такая... и отец тоже.

— Да перестань, — усмехнувшись, он приобнял её за плечи, — нормальные родители. Главное, что они у тебя — есть...

...Они вернулись в свой город уже под конец воскресного дня. Люба мучительно собиралась с силами, чтобы позвонить Наталье и узнать о самочувствии Дмитрия... Во избежание ненужных расспросов она нарочно не звонила ни Тане, ни Ритке, и, видимо, занятые своими делами, девчонки тоже молчали. Люба с содроганием представляла, что, узнав о том, как она подставила Морозовых, девчонки объявили ей бойкот...

— Люба?.. — неожиданный звонок от самой Натальи застал её врасплох, — Ну, как ты?..

— Я — хорошо... — пересохшими от волнения губами, проговорила Любаша, — Я так вас подвела... Да?!

— Ты меня прости, что не позвонила раньше, — Наталья как будто не слышала её слов, — вчера у Димы были интенсивные процедуры, и сегодня с утра, потом выписка,

всякие рекомендации... мы кучу врачей посетили... сначала он, потом — я...

— А его что... выписали?..

— Да, выписали, с направлением в нашу областную клинику... Ему стало лучше уже вчера к вечеру, а сегодня с утра сделали ещё капельницу, накололи всякими лекарствами, дали с собой... и отпустили под моё честное слово, что мы, как только сойдём с поезда, сразу поедem к нашим собственным докторам.

— А что с ним?.. — Люба с замиранием сердца ждала ответа, — Какой диагноз?

— Аллергическая реакция... Оказывается, у него была жуткая головная боль перед поездкой, но он мне ничего не сказал! Купил потихоньку в аптеке какие-то импортные таблетки, и пил их всю дорогу, представляешь?! Ему становилось всё хуже, а он их пил... И, главное, тайком от меня, чтобы я не расстраивалась... А в состав этих таблеток входит компонент, на который у него оказалась аллергия... Мы об этом и не узнали бы, если бы он не налопался этих таблеток!

— А сейчас... — чувствуя, как очередная гора сползает с её хрупких плеч, Люба с облегчением выдохнула, — Как он себя чувствует?

— Уже лучше, но курс лечения надо пройти. Он ведь не одну таблетку съел... Как он только мюзикл отработал, я не могу понять!.. Ему уже в самом начале было плохо!.. Но он — такой... Он ведь и сегодня пел!..

— Как — пел?..

— Вот так. Мы всё же выступили на гала-концерте... А сейчас приехали в гостиницу, собираемся домой, вспоминаем, как он от меня шархался... — Наташа неожиданно рассмеялась, — Он подумал, что подхватил какой-то опасный вирус, и боялся, что заразит и меня, представляешь?! Вот и ругался, когда я к нему подходила, говорил, что ему хуже становится... Но зато к нему в больницу кто только не приходил! За те два дня, что он там пролежал, нас такие звёзды посетили... Люба, такое бывает раз в жизни, и нет худа без добра! Мы даже не знали, что у нас столько друзей!

— Это — здорово... — слушая Наталью, Любаша даже не вытирала слёз, но это были слёзы облегчения.

— Ладно... — Наташа вдруг переменяла тон на более серьёзный, — Я от радости всё о себе, да о себе... Я ведь звоню узнать, как у тебя дела... Ты прости, я так была расстроена, что даже не вникла... У тебя что-то произошло? Почему ты так внезапно уехала? Ведь у нас билеты на завтрашнее утро... И про какое стекло ты говорила?..

— Теперь уже неважно... — Люба ладошкой провела по мокрой щеке, — Просто у меня возникли личные обстоятельства... Но теперь всё хорошо...

— Кстати... О съёмках с Соловьёвым... Всё переиграли.

— Переиграли?.. — Люба впервые за эти два дня вдруг вспомнила про Даниила и несостоявшуюся встречу с ним...

Странно... Она ехала, по сути, ради него... ради него она пошла на такие опрометчивые шаги... но, столкнувшись с другими проблемами, забыла о нём напрочь!..

— Да, переиграли. Съёмки перенесли на август, и они пройдут в нашем городе. У нас ещё есть время подготовиться ко встрече с новой звездой, — под конец Наташа снова рассмеялась, — и я думаю, что это — к лучшему.

Поставив большую дорожную сумку на стол, Люба аккуратно укладывала в неё свои вещи. Егор уехал в командировку, и она не торопилась, заодно поджидая Риту, которая вот-

вот должна была заявиться с вокзала.

Вернувшись из внезапной поездки в свой родной городок, Люба так и осталась у Егора, захватив из своей съёмной квартиры только самые необходимые вещи, а вот сегодня пришла забрать всё остальное.

Она поняла ещё в аэропорту, как соскучилась по нему за то время, что жила одна. Увидев его, Люба вдруг подумала, что он — единственный на свете человек, который примет её всегда... такую глупую и наделавшую кучу ошибок... Выйдя из самолёта, она была ещё в смятении от собственных проблем, и плохо воспринимала всё, что происходило вокруг, но сейчас, успокоившись, Любаша подробно перебирала в памяти все недавние события.

...Позавчера, на обратном пути она вдруг вспомнила, что Егор собирался с ней о чём-то поговорить, но почему-то всё не решалась напомнить ему об этом.

«Егор Романович, мне вашу машину в гараж отогнать, или во дворе поставить?» — въехав в черту города, водитель обернулся назад.

«Поставишь во дворе, она мне будет нужна».

«Как скажете...»

«А как ты поведёшь? — Люба удивлённо посмотрела на Егора, — У тебя же прав нет».

«Костя поведёт. Я машину ему в распоряжение отдаю, пока он будет здесь».

«А права тебе потом вернут?» — Любаша виновато закусила нижнюю губу.

«Вернут... — кивнул Егор, — Через полтора года».

«Так долго?!»

«Бывает и дольше».

«Это я виновата...»

«Брось, Люба. Это — такие мелочи... Тут есть проблемы покрупней».

«Что-то ещё случилось?»

«Можно сказать и так, — чуть подавшись вперёд, Егор обратился к водителю, — Николай, давай сейчас на объездную...»

«Через новый посёлок? — тот бросил взгляд через зеркало, — Как скажете...»

...Свернув с основной трассы на объездную дорогу, автомобиль ехал по ровному асфальту вдоль нового коттеджного посёлка, выстроенного, судя по всему, не так давно. На фоне соснового бора двухэтажные дома с огромными приусадебными участками, огороженные резным металлическим забором, смотрелись очень стильно, и Люба невольно залюбовалась открывшимся пейзажем.

«Ну, как тебе наша «деревня»? — Егор многозначительно кивнул головой в сторону строений.

«Ничего себе — деревня, — усмехнулась Любаша, — это что, ваша фирма строила?»

«Наша, — кивнул Егор, — специально для своих сотрудников».

«Да ладно вам, Егор Романович, — ворчливо отозвался Николай, — так и скажите, что для начальства строили...»

«Видишь, какой у меня водитель ворчливый, — рассмеялся Егор, — зато вчера у Ольги Павловны был таким белым и пушистым...»

Рассмеявшись, Люба в свою очередь бросила взгляд на водителя: лет пятидесяти, чуть полноватый, с коротким седым ёжиком на голове, выглядел Николай вполне добродушно, и, судя по всему, «ворчал» лишь в силу привычки, а не из вредности характера.

«Красивое место», — выйдя вместе с мужчинами из автомобиля, Любаша полной

грудью вдохнула свежий воздух: вечерний травяной аромат закружил голову...

«А я о чём? — Егор тоже решил расправить лёгкие, и шумно вздохнул, — Не хуже, чем Швейцария!»

«Да что там та Швейцария, — Николай махнул рукой, — Был я в той Швейцарии... Ну, чистенько, красиво... А к душе не льнёт... То ли дело у нас, в России!..»

«А согласен! — взяв Любу за плечи, Егор повернул её в сторону дома, напротив которого они остановились, — Как тебе вот этот домик? Нравится?»

«Красивый...»

«Вот этот домик может стать моим, если... Если я захочу».

«А ты захоти...»

«Понимаешь, какая тут проблема... Одному вроде как такой дом и ни к чему... С ним столько хлопот!»

«Тебе нужна горничная?..» — понимая, к чему он клонит, Люба загадочно улыбнулась.

«Не только. И горничная... и повар... — Егор загибал пальцы, — и няня...»

«Зачем тебе няня?»

«Я очень надеюсь, что няня будет нужнее всех...»

«Ну, что вы, Егор Романович, мозги девушке компостируете, — привычно заворчал Николай, — кто же так предложение делает?.. Цветов хоть нарвите...»

«Цветы мы в городе купим, — Егор снова обнял Любу за плечи, — и все остальные атрибуты тоже. А вот дом... Дом я только сейчас могу показать. Ну, как? Два этажа, гараж, бильярдная, бассейн... До города полтора километра. Берём?»

«А деньги?..» — Люба глаз не отводила от дома, на который указал ей Егор.

«Я же говорил, беспроцентная ссуда на предприятии. Ну, и так, кое-какие нюансы...»

Из дальнейшего разговора Любаша узнала, что уже на следующей неделе Егор собирается подавать заявление на развод с бывшей женой.

«Мне тут премию подкинули, за окончание строительства в твоём городе... Так я долги ею погасил. Осталось совсем чуть-чуть по сравнению с тем, что было... Теперь можно и о новом жильё подумать».

«Ничего себе — премия... — Люба покачала головой, — А ссуда?.. На сколько лет?»

«Вообще, надолго. Но есть один нюанс...»

«Какой?»

«У нашего с Костей отца в деревне, здесь, неподалёку, был дом... Ну, как дом... Избушка на курьих ножках. Деревня брошенная, дома заколоченные... Но места живописные. По закону, наследники — мы с Костей, но тот дом настолько ветхий, что мы о нём и не вспоминали. Костя ещё после смерти отца отказался от наследства в мою пользу... Думал, что это лишний балласт в жизни музыканта... Он тогда ещё жил с Диной, и она не стала возражать. Зачем ей был заброшенный дом и огород? Продать его было невозможно, жить там она, естественно, не собиралась. А теперь всё изменилось. На месте деревни решено строить базу отдыха, так что все строения идут под снос. За дома будут выплачиваться компенсации, и я подумал, что Костя должен получить свою долю. Так будет справедливо».

«Он поэтому прилетел?»

«Не совсем. Костя и в этот раз отказался от своей доли. Но дело в том, что, когда он женился на Дине, он усыновил Максима... И теперь Максим с Диной пытаются поднять наследственное дело и повернуть его так, чтобы отказ Кости от наследства выглядел

незаконно. Он прилетел именно поэтому... И я ему благодарен, потому, что он мог с чистой совестью послать меня и сказать, чтобы я сам разбирался».

«Сколько на тебя навалилось... — Люба провела рукой по голове Егора, — Как же теперь?»

«Не пропадём... — перехватив её ладошку, он поднёс её к губам, — Катя уже занимается этим делом».

«Катя?..» — услышав это имя, Люба вдруг почувствовала, как возвращается с небес на землю.

Действительно... размечталась. Катя... она ночевала у Егора, она водит его машину... А Егор, он же не знал наверняка, что Люба прилетит именно этим рейсом, он пришёл встречать своего брата!.. И... он так и не сделал ей предложения, хоть и был у её родителей, показал ей дом... Но замуж-то так и не позвал!.. Ду-у-ура-а-а...

«Катя — это наш юрист. Очень грамотный юрист. Ты её видела в ресторане. Забыла?..»

«Нет... Не забыла».

«Люб, ты что?.. — он удивлённо смотрел, как по её щеке скатывается слезинка, — Что случилось?»

«Ничего».

«Кстати... — он как будто что-то вспомнил, — А что это было — тогда, перед моей прошлой командировкой? Прибежала... убежала... пакет какой-то... Может, хоть сейчас расскажешь?»

«Всё нормально. И у тебя всё будет нормально... Тем более, с Катей...»

«Люба... Ты чего?! — внезапно догадавшись о причине смены настроения, Егор взял в ладони её лицо, — Ты к Кате ревнуешь, что ли?!»

«Я видела вас тогда... Она была за рулём... А потом вы пошли к тебе...»

«Любка... — он обхватил её руками так, чтобы она не могла вырваться, — Дурочка ты... Меня в тот день прав лишили, а она вместе со мной в суд ездила. Назад сама меня везла... А потом мы пошли ко мне смотреть наследственные документы...»

«Смотрели до утра?»

«Дурочка ты... Катька замуж недавно вышла. За ней потом муж приехал...»

«Правда?!»

«Правда...»

...Звонок в дверь оторвал Любу от воспоминаний. Оставив сборы, она поспешила в прихожую.

— Привет, подруга! — держа дорожную сумку впереди себя, Рита ввалилась в квартиру.

— Привет, — поздоровавшись, Люба закрыла за ней дверь, — как доехала?

— Нормально, — судя по Риткиному виду, она была явно не в приподнятом настроении, — у нас пожрать чего-нибудь есть?

— Сейчас посмотрю... — приехав в свою бывшую квартиру утром, Люба и не подумала заглядывать в холодильник, — Колбаса есть... А хлеба, наверное, нет.

— А ты что, на диете? — Ритка удивлённо посмотрела на соседку, — Чем тут три дня питалась?!

— Меня тут не было.

— А где же ты была?! — удивление перешло все мыслимые границы, и Рита встала как вкопанная, — Только не говори, что ты к своему вернулась!

— Я вернулась. Вот, приехала вещи забрать.

— Боже... — усмехнувшись, Рита отрезала небольшой кусок колбасы и отправила его в рот, — Какое повсеместное счастье!.. Так и слышатся звуки фанфар!..

— А ты как?.. — глядя, как соседка поглощает колбасу, Люба открыла навесной шкафчик и, достав оттуда небольшой кусок батона, слегка помяла его пальцами, — Вроде ничего... Хотя и пятидневной давности...

— Пойдёт! — выхватив у неё батон, Рита тут же нарезала его тонкими ломтиками, — Мы ночь не спали, встали поздно... позавтракать не успели.

— Всё нормально? — поставив чайник на конфорку, Люба достала чашки, — Ты ешь, я не голодная. Хочешь, в магазин схожу?

— Сама... — махнув рукой, прошамкала Ритка набитым ртом, — Ты чего с фестика сорвалась?! Морозова на второй день выписали, мы ещё ночь зажигали вместе с «патрулём»!

— Я знаю. Мне Наташа по телефону рассказала.

— Слушай... — Ритка пытливо посмотрела на Любашу, — Ты ей ничего не сболтнула?

— Нет...

— А то мало ли... Вдруг совесть заговорила...

— Ну, а как там Дима?.. — Люба нарочно задала вопрос про Морозова, и теперь исподтишка наблюдала за Риткиным выражением лица, — Помогло тебе зелье?

— Не-а... — помотала головой Ритка, — Брехунья твоя тётя Оля. Шарлатанка. Зря я на сделку пошла...

— Так ты ничего не потеряла, — Люба пожала плечами, — ездил со своей ролью. Кстати... Вчера я была в студии. И у меня для тебя не очень хорошие новости.

— Какие?

— Алиса сказала, что Пашка скидывал на комп записи со своей камеры... Ну, с последней репетиции, когда мы на лестнице фоткались... И обнаружил видеофайл... он совсем короткий, его Паша случайно снял, в самом конце, когда мы все с лестницы начали спускаться.

— И — что?.. — Ритка казалась совершенно спокойной, — Что такого интересного он снял?

— Там буквально три секунды... но видны наши ноги, и видно, как Алёна запинается за твой шарф.

— Серьёзно?! — Рита подняла на Любашу невозмутимый взгляд, — И что потом?

— Потом — всё, обрыв. Но в любом случае, понятно, из-за чего она так упала. Она носком туфли попала как в петлю, на полном ходу... Пашка сказал, что она не могла перенести центр тяжести назад, и по инерции полетела вперёд.

— И — всё?..

— Всё. Ты что, не почувствовала, что у тебя шарф в руках натянулся?

— Не почувствовала.

— Рит... — Люба села напротив неё за стол, — Ты что... ты это — нарочно?!

— Пучкова, ты что, с дуба рухнула?

— Нет, не рухнула... Ты пришла без этого шарфа... Потом он на тебе появился... потом ты всех позвала на лестницу... ты стояла рядом с Алёной... ты сняла этот шарф и держала в руке, он так и висел петлёй у Алёны под ногами...

— Всё, что ты сейчас рассказываешь, очень интересно... Но недоказуемо. Если даже всё было именно так, то лишь по нелепой случайности...

— Как ты потом Алёне будешь в глаза смотреть?..

— А я, может, больше с ней вообще не увижусь.

— Почему?

— Я тебе говорила, что Говорову презики в карман подкинула?

— Говорила.

— Ну, в общем, Мазур, оказывается, видел, и потом ему сказал... А когда мы ехали назад, Говоров в тамбуре на меня наехал... Короче, мы сильно с ним поскандалили, прибежала его жена, и из всего услышанного усвоила для себя одно слово «презерватив». Устроила нам обоим прямо там разборки... Потом пошла к Морозовым и поставила ультиматум: если они меня не выкидывают из мюзикла, она выкидывает Говорова из дома и подаёт на развод. Еле успокоили... Прикинь, это она от одного слова завелась... А, если бы она узнала, что мы с ним у них дома вытворяли?!

— И что теперь?.

— Понятия не имею... — Ритка пожала плечами, — Но у меня же контракт...

— Да уж... — Люба усмехнулась, — Не повезло...

— Кругом обломы, — отхлебнув кофе, Рита кивнула, — с Морозовым — облом... с Говоровым — облом... Денег нет... Хоть твоего Егорушку отбивай!

— Не вариант... — Люба иронично прищурилась, — Боюсь, тебя не устроит.

— А чего так?..

— Исполнительный лист... Квартира его лишь на треть... Долги... Скоро вот в ссуду влезет... Права отобрали... Зачем тебе такой?

— Не... — округлив глаза, Ритка замотала головой, — Такого мне не надо!.. такого оставляй себе!

— Я и оставила.

Несмотря на то, что всё обошлось, каждый раз по дороге в студию Люба чувствовала, как душа её замирает от вины и страха. Ей всё время казалось, что откроется её непосредственное участие в истории с травой, и справедливое возмездие не заставит себя ждать. Она окончательно вернулась к Егору, и только рядом с ним ощущала себя «в безопасности».

Константин несколько раз приезжал к брату, но они были заняты лишь собственными делами, и поэтому, когда он увидел Любашу в «творческой деревне», куда приехал навестить друзей, очень удивился.

— Что ты, Костя, — Наташа весело наблюдала, как его глаза округляются при виде Любашы, — это же наша звёздочка! У Любы шикарное меццо, она для нас — настоящая находка.

— Эта находка ещё и будущая жена моего брата, — теперь сам Константин не сводил глаз с изумлённой Натальи, — а ещё мы вместе летели в самолёте, но она так и не призналась, что имеет отношение к вашему творчеству!

— На неё это похоже, — рассмеялась Наташа, — Любаша у нас очень скромная! Правда, скоро ей придётся менять характер.

— Почему?.. — Люба удивлённо уставилась на Морозову.

— Потому, что Рита уходит от нас, и мы с Димой решили поставить тебя на её роль в «Голосе». Теперь ты будешь постоянной исполнительницей этой роли. Ну, как, согласна?..

— Рита уходит?.. — разговор состоялся через неделю после возвращения артистов с фестиваля, и Люба, которая больше не жила с Ритой в одной квартире, удивилась

услышанной новости, — Почему?

— Возникли некоторые обстоятельства... — уклончиво ответила Наташа, — и они совпали с её собственным желанием... Поэтому мы расторгаем контракт с ней, как только Алёна поправится и вернётся к нам.

— Поздравляю, — улыбнулся Романов, — значит, прилетишь ко мне в гости, осталось только сказать Егору.

— В гости?! — удивилась Люба, — Куда?!

— В Германию.

— Люба, осенью мы летим в Германию с «Голосом», — добавила Наталья, — Костя организует нам гастролы по нескольким городам. Как обычно... Так что начинай готовить документы.

— А я не знаю... Нужно сказать Егору... — Люба растерянно хлопала длинными ресницами.

— Надеюсь, что он прилетит вместе с тобой, — Константин дружески улыбнулся, — он говорил, что у него есть отпуск.

— Да, но мы планировали на его отпуск переезд...

— Переезд? — переспросила Наташа, — Куда вы собрались переезжать?

— В новый дом...

— Надеюсь, пригласите нас с Димой на новоселье? — Наташа искренне улыбнулась.

— Сначала они должны пригласить вас на свадьбу... — Константин перевёл взгляд с Морозовой на Любашу, — Разве нет?..

— Ну, в общем... да! — смутившись, Люба покраснела, — Только это ещё не скоро... Примерно через два месяца.

— Что у нас через два месяца?.. — стремительно вошедший в студию Журавлёв с ходу подал руку Романову, — Привет!

— А через два месяца у нас — свадьба! — торжественно объявила Наташа.

— Опять?! — Женька вытаращил глаза, — Вы с Димой решили жениться по два раза в год?!

— Не мы, — рассмеялась Наташа, — а Люба. Она скоро выходит замуж за Костиного брата! Так что... готовим новые песни!

— Серьёзно?! — Журавлёв переводил взгляд с одного на другого, — Костя и мне как брат... Выходит, породнимся, а, Любаня?!

— Всем добрый день! — Дмитрий заглянул в двери студии и, окинув взглядом присутствующих, шагнул навстречу Романову с протянутой для пожатия рукой, — Кто с кем роднится?

— Мы с Любой, — Женька приобнял девушку за плечи, — только не спрашивай, по какому колену, слишком долго объяснять.

— Ну, если по колену, то и нас с Наташкой в родственники записывайте, — рассмеялся Морозов, — ты же Анюткин крёстный.

— Люба, — Наташа окликнула Любашу, когда та уже собиралась уходить из студии, — подожди... У меня есть новости.

— Хорошие?

— Во всяком случае, не плохие. Съёмки фильма «Как стать звездой» переносятся на осень, вернее, на ноябрь.

— Ну, и ладно, — улыбаясь, Любаша пожала плечами, — я уже и забыла о них...

— Я тоже не расстроилась, — кивнула Наташа, — у нас и так сейчас программа насыщенная... Гастроли, съёмки своих клипов... В конце июня нашему Валерке пять лет, а в июле — пять лет нашей с Димой совместной жизни... мы решили устроить целое шоу у нас на даче, с привлечением всех «патрулей», вокалистов и танцоров. Потому, что все они — тоже наша семья... Паша с Алисой женятся в августе... у Димы день рождения... потом у Анечки в сентябре... Ещё и твоя свадьба!

— Столько событий... — Люба покачала головой, — Плюс гастроли по Германии... А как же тогда новоселье?

— Не переживай! — Наталья махнула рукой, — Мы вам поможем. Кстати, насчёт фильма. Снимать будут не здесь, и не в Москве, а в нашем с тобой городке.

— Здорово!

— И без Соловьёва.

— Без Соловьёва?..

— Да. Сафонова посчитала, что не стоит на всю страну показывать, из какого захолустья новая поп-звезда, — рассмеялась Наташа, — так что сниматься будем только мы с тобой! Ты не расстроилась?..

— Ни капельки... — искренне улыбнувшись, Любаша покачала головой, — Даже наоборот...

— Здравствуйте, Любовь Романовна, — водитель Егора распахнул перед вышедшей из студии Любашей дверь служебного автомобиля, — сразу домой или сначала в магазин?

— Ну, зачем вы так официально, Николай Петрович? — усаживаясь в салон, по привычке смутилась Люба, — Какая я вам Романовна? Просто Люба...

— Это вы для супруга просто Люба, а мне вас по должности положено Романовной звать.

— Это у Егора должность, я тут ни при чём.

— Очень даже при чём... — Николай перешёл на обычный ворчливый тон, — Он сейчас хоть соответствовать начал, не то, что раньше. При такой должности, а всё, как пацан...

— Николай Петрович, а Егора не ругают, что я на его служебной машине езжу? — слегка нахмутив брови, Люба посмотрела на водителя.

— Да кто ж его будет ругать? — усмехнулся тот, — Он сам себе ругальщик... Над ним только генеральный, а генеральному больше делать нечего, следить, кто на чём и куда поехал. Вы-то сейчас домой или в магазин?

— В магазин, а потом домой. Я теперь только домой... В клубах и на банкетах больше не выступаю, только в мюзикле.

— А зачем же тогда на репетиции каждый день ездите? Наверное, уж от зубов отскакивает? Или боитесь мотив забыть?

— Нет, — Любаша искренне рассмеялась, — мотив я не забуду. А репетировать нужно каждый день, чтобы голос держать в тонусе. Я на следующий год хочу в университет культуры поступать, на отделение по вокалу.

— Да вы ж и так поёте... — мужчина повернул к Любаше удивлённое лицо, — Чего ж там учить-то ещё?!

— Учиться петь можно всю жизнь. Вернее, нужно.

— На будущий год... — Николай усмехнулся, — На будущий год коляску катать будете,

как пить дать... вот и напоёте заодно!

Эпилог.

— Ребята, моя помощь нужна?.. — Галина Геннадьевна, руководитель молодёжной творческой студии, подходила по очереди к членам съёмочной бригады, приехавшей из областного города, — Вы говорите, не стесняйтесь!

— Если только чаю нам согреть... — режиссёр Юлия Мазур обернулась к женщине, — А то мы с самого утра снимаем, ещё даже не обедали.

— Конечно-конечно! — всплеснув руками, Галина Геннадьевна с готовностью кивнула, — И чай сейчас будет, и к чаю чего-нибудь сообразим! А когда наши герои подъедут?..

— Сейчас уже подъедут, — Юля посмотрела в окно, — их в музыкальной школе задержали, а мы решили пораньше приехать, чтобы аппаратуру установить.

— Вы уже всё отсняли, или после нас ещё куда-нибудь отправитесь? — было заметно, что женщине хочется поболтать с высокими гостями, какими она считала областных журналистов и телевизионщиков.

— Ещё в ДК мебельной фабрики поедем, где Наталья свою к карьеру начинала. Были бы они с Любашей из одного гнезда, нам бы легче было... А так целый день только шнуры сматываем и разматываем, — посетовала Юля.

— Вы знаете, это такая честь для нас!.. Особенно — Соловьёв...

— Соловьёв? — Юля удивлённо взглянула на женщину, — Соловьёва не будет... Разве вам не говорили?

— Нет... — та растерянно развела руками, — Как не будет?! Почему?..

— Потому, что он человек подневольный, — Юля говорила, одновременно настраивая камеру на штативе, — ему скажут «к ноге», значит — к ноге... Скажут — «рядом»... значит — рядом...

— Ой, ну, что вы... — Галина Геннадьевна замахала руками, — Зачем вы так говорите?.. Даниил очень талантливый мальчик, я, например, очень горжусь, что он вышел из нашей студии!..

— Говорю, как есть... В него вложили деньги... то есть, купили... Теперь он их отрабатывает. Сказали — будешь сниматься, значит, будет... Сказали — не будешь сниматься, значит — отбой... А наши девчонки сами всего добились, своим трудом и талантом... Отказалась московская студия фильм снимать... говорят, финансирование закончилось... Ну, и не надо. Мы сами снимем, сами по всем каналам запустим. Потому, что это они — самые настоящие звёзды!

— Ну, Морозова-то — да, она, конечно, настоящая звезда... Но Пучкова... Её никто не знает. Вот если бы Соловьёв приехал... — Галина с сожалением вздохнула, — Жаль, что с ним не получилось!..

— Пучкову-то, может, никто и не знает, — Юля повернулась к окну, и, видимо, увидев кого-то, радостно заулыбалась, — А вот Любовь Романову уже знают многие! Потому, как она теперь на всех афишах крупным планом, как исполнительница одной из главных ролей в неожиданно нашумевшей рок-опере довольно известного композитора и музыканта Дмитрия Морозова.

— Вы про Любу?.. — Галина Геннадьевна решила всё же уточнить информацию, полученную ею от Юлии, — Про Любу Пучкову?!

— Я — про Любовь Романову... — Юлия достала из коробки свёрнутый в рулон

постер, — Вот, возьмите, повесите на стену.

— Что это?.. — Галина с интересом разворачивала плакат.

— Это кадр из мюзикла, где Люба на переднем плане. Гастроли по Германии...

— Что вы говорите?! — женщина внимательно рассматривала изображение, — Да-а-а...

Это — Люба...

— Пока Соловьёв стыдится своего родного города, такие талантливые артисты, как Наталья Морозова и Любовь Романова его прославляют даже за пределами России!..

— Я, конечно, сильно приукрасила... — позже, за кулисами районного дома культуры, в котором должен был состояться концерт Натальи Морозовой, Юлия с присущим ей юмором рассказывала Любаше о сегодняшнем разговоре с её бывшей творческой наставницей, — Но пусть они знают, кем должны и обязаны гордиться!

— Да ладно... — Люба, которая готовилась выйти на получасовой «разогрев» перед программой Морозовой, смущённо заулыбалась, — Фильм-то, действительно, о творчестве Наташи... Я здесь попутно, просто как землячка...

— Не просто! — запротестовала Юля, — Мы о тебе сняли целый сюжет! И где росла, и где петь начинала, и кем теперь стала. Вернёмся, ещё в «творческой деревне» вас обеих снимем! У нас регламента нет, мы не московские штучки!.. Сколько надо, столько и забацаем сюжетов, пусть и не для центральных каналов, зато у нас в интернете своя аудитория!

...Слушая Юлю, Любаша вдруг вспомнила, как ровно год назад в отчаянии убегала прочь от студии, в ноябрьскую промозглую серость... Убегала, плача от обиды и несправедливости... от предательства любимого человека... Тогда казалось, что она в один момент потеряла абсолютно всё... и это в с ё никогда уже не вернётся...

Это было как будто вчера, а сегодня... Сегодня она приехала сюда, в свой родной город, чтобы сняться в фильме и выступить на знакомой сцене...

Её, сегодняшнюю, увидели все — и участники её бывшей студии, и сотрудники гостиницы, в которой она работала, и бывшие соседи, и родные...

Не увидел её только Даниил Соловьёв. Люба подумала, что, если бы не упоминание Галины Геннадьевны, она бы и не вспомнила сейчас об этом человеке, без которого ещё недавно не представляла своей жизни.

Оказалось, что без него быть счастливой намного проще, особенно, если знать, что дома ждёт надёжный, любимый и любящий мужчина... Мужчина, для которого она — самая настоящая звезда...

Звезда по имени Любовь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net